

СОЛНЦЕ В ДУШЕ

ПРО ЧУДЕСА И ТАЙНЫ

Весь мир, сам по себе, чудесен, всё в нём волшебю, и важно чувствовать это волшебство и в себе, поскольку душа твоя неотделима от всего сущего: и от звёзд, и от моря, и от солнечного сияния, и от таинственной лесной чащи. Чудеса эти сохраняются в твоём сердце до тех пор, пока тебе достаточно того, что у тебя есть, ты дорожишь им, и ничего больше тебе не надо. Только в этом случае волшебству никогда не придёт конец.

То, что в лесу оказывается для тебя присущим ему волшебством, для многих людей представляется вообще не существующим, потому как они заняты в жизни несущественным. Люди просто не могут о нём ничего знать, и, значит, видеть, ворота познания перед ними закрыты. Им не хватает мужества и настойчивости в достижении открытий, когда препятствия идут только на пользу, на деле оказываясь незначительными, а божественная красота, наоборот, выступает наружу. Человек сам способен творить чудеса, если того пожелает.

Просто так разглядеть что-то необычное в лесу суждено не всякому: для этого ты сам должен быть необычен, а значит, готов к принятию тайны, какой бы невероятной она ни казалась. Готовность эту ты давно вынашивал в сердце, и быть может, благодаря лесным чудесам, она, отчасти, и утвердилась в нём. Именно сердцем ты чувствуешь приближение в жизни чуда, и оно тебя никогда не подводит.

Столкнувшись с тайнами леса, ты, как будто, попадаешь в детство, что, кажется, ушло безвозвратно. Но вот, оказавшись в волшебном лесу, оно возрождается в тебе, ты вновь переполнен значимостью всего, что происходит с тобой, и начинаешь замечать то, чего не упускал только в детстве. Ты опять чувствуешь себя самым богатым человеком на свете: солнце в твоей душе сияет!

Обаяние и правда леса так велики, что никогда не придёт на ум: раздавленная брусника алеет кровью, а роса стекленеет стекающей слезой... Скорее, лесная ягода напоминает налившуюся бровь токующего глухаря, а роса играет на свету живой жемчужиной. Всё в природе происходит вследствие действия исконных законов Вселенной, и её чудеса – это пока необъяснимые, но вечные неизменности, что даже после их понимания не перестают оставаться чудесными.

К чуду прийти гораздо легче, если знаешь о лесе больше, чем другие, а когда что-то в лесной жизни и вовсе остаётся неизвестным, то тебе остаётся только терпеливо дожидаться долгожданной встречи с чудесным. Ведь ты знаешь, как всё здорово у тебя может получиться, стоит лишь проявить выдержку и терпение, и ты очень радуешься этой способности видеть то,

чего не видят другие, обрета её в долгих хождениях по лесу. Лес чутко примечает приобретённую тобой привычку, и следит теперь только за тем, чтобы ты не навредил ни себе, ни ему.

Бывает, чудеса перестали к тебе приходить, уже долгое время их в твоей жизни не было, и это означает, что ты прервал свою душевную связь с миром леса, примирился по какой-то причине с их отсутствием, и если такое положение дел не тревожит твоё сердце, оно устраивает тебя, его требуется просто принять. Быть может, встреченных тобою в жизни чудес вполне тебе хватает, и ты перестал посещать лес, тайны его уже не привлекают тебя, как прежде, словом, ты успокоился и переболел своим увлечением лесной чащей.

Но если ты, всё же, хочешь вернуть неизведанное в свою жизнь, вновь отправляйся в путешествие, иного пути для встречи с ним не существует, и вероятнее всего – чудеса с тобой случатся. Ведь они – слияние воедино всего: и красоты природы, и твоей собственной душевной глубины, что жаждет ещё больших открытий. Даже преклонные годы не закроют от тебя появление в жизни чудес, они станут только более изысканными и простыми, если ты не изменишь самому себе.

А потому настоящее лесное чудо – это всегда, в первую очередь, вера в себя, в свой путь, что представляется чудесным. Отправляясь с утра в лес, я непременно даю себе наказ обнаружить там что-нибудь удивительное, и оно случается. Надо только иметь чуткое сердце, восприимчивое видение всего сущего, и ты обнимешься с чудом. В лесу существует ещё много не воспринятых людьми чудес, и они ждут, чтобы их открыли.

Если ты переживаешь чудо, значит, ты мудро относишься к жизни. Она остаётся благодарна тебе за это, ибо чудо – повсюду, куда бы ты ни отправился, а твоё воображение делает тебя ещё более сильным и восприимчивым, потому как с помощью его ты способен выйти за пределы себя самого, соединившись и с лесным богом, и с Великим Целым. Чудо растворено в окружающем нас пространстве, его оказывается так много, что обычный человек это чудо не замечает, а искателя оно побуждает самого творить чудеса.

И вот что интересно: от увиденного в лесу чуда никогда не приходит ощущение нереальности происходящего, а наоборот, ты понимаешь, что чудо тебя только и ожидало, чтобы проникнуть в твою душу и сделать счастливым. Так ждут тебя и лес, и горы, и море, и если ты пришёл к ним с открытым сердцем, они обязательно вознаградят благотворным знанием, и порадуются за тебя. Чудо никогда не случится, если ты его сам не ждёшь, и потому – доверься ему, а главное - самому себе, и оно придёт к тебе безо всякого уведомления, как первый снег.

Когда с тобой происходит счастье соприкосновения с чудом, ты, вроде бы, ничего не чувствуешь. Не чувствуешь, может быть, именно потому, что просто счастлив: так устроены чудеса. Они до такой степени хороши, что не хватает ни сил, ни слов, чтобы выразить охватившее тебя радостное состояние.

Ты понимаешь, что само появление чуда и есть чудо, хотя в нём нет, как будто бы, ничего неправдоподобного: просто ты этого раньше не знал, или – не замечал, и оно представляется тебе сейчас чем-то необычным. Если тебе придётся столкнуться с таким явлением ещё раз, ты, быть может, и не будешь уже реагировать на него подобным образом, так непосредственно и восторженно, как это происходило, скажем, в детстве, или – впервые в жизни, чудо тебя, наверное, сильно не обрадует. Сколько же чудес существует на свете, и как было бы хорошо, если бы эти чудеса никогда не кончались!

Если хорошенько подумать, то увиденное тобой в лесу только однажды, вернее, впервые, сразу становится чем-то необычным, а на деле это необычное – самое обыденное для леса явление. Просто ты с подобным явлением никогда не сталкивался, и всё это нужно было умудриться увидеть, докопаться до него в своих нескончаемых лесных бдениях, чего далеко не каждый способен добиться, а отсюда – своеобразное отношение к тайнам леса, отчего и возводишь их в ранг невиданной небывальщины, что, собственно, недалеко от истины.

Ведь они и вправду прекрасны, а ты, открывая эти самые, ещё не изведанные для себя вещи, поначалу даже чувствуешь себя волшебником! Вспоминая пройденные за жизнь лесные тропы, со всеми необыкновенными случаями, что на них приключились, я убеждаюсь: именно из таких волшебных моментов и складывается сценарий твоего незабываемого существования.

Переживая все эти лесные чудеса, я однажды вдруг поймал себя на мысли, что самое невероятное в них то, что они вообще случаются, необыкновенно озаряя жизнь. Главное, чтобы душа жаждала чуда, и тогда ей просто необходимо его предоставить, то есть, достичь, непременно совершая при этом душевные усилия, и что ещё более чудесно - чудесней становится и твоя душа!

А вот если ты не веришь в волшебство, оно тебя и не коснётся, и даже старания у тебя настоящего при этом не получится. Ведь если ты не веришь, что ОТЕЦ-ЛЕС обладает своей таинственной душой, то и не почувствуешь её.

А между тем, лесные чудеса незамысловаты по своей сути, и лишь отображают глубину и многообразие природы. Нужно просто приглядеться к какой-либо птице или зверю более пристально, подглядев их в самых причудливых ситуациях, что случались с тобой в лесу. Причём, в разные времена года, ночью и днём, в ненастье или солнечное раздолье, и тогда, накопив таким незаметным образом свой, непосредственно пережитый опыт, вдруг обнаружить однажды в этой самой птице или звере, о которых ты, кажется, всё разузнал, нечто тобой ещё невиданное, что представляется уже необыкновенным.

В неведомых кладовых леса такой чудесной простоты, оказывается, много, и жить этой простотой страсть, как хорошо. Иди честно, своей лесной

дорогой, так до счастья с радостью и дойдёшь! Лесной бог эту простоту тоже любит, и любознательного человека всегда примечает.

Не спеши в лесу, всматривайся во всё пристальнее, присядь на пенёк и внимательно осмотришься, а то немудрено и чудо пропустить, что требует вдумчивого и вкрадчивого к себе отношения. Не торопись поскорее до своего лесного чуда добраться, старайся сначала открытие в своей душе совершить, что подразумевает именно терпеливое вглядывание в окружающий тебя лес. Не спехом дело в лесу спорится, а толком!

Порой покажется, что встречающиеся тебе в лесу чудеса совершенно случайны, они будто бы происходят по волшебству. Только ты-то, посвятив лесной чаще много лет, хорошо знаешь, что люди создают эти чудеса собственной неумолимостью, словно зарабатывая их для чего-то. Им не терпится поделиться увиденным с родными и знакомыми, даже, быть может, посвятить им свои лесные открытия. Но потом, с годами, они вдруг понимают, что не могли не достигать их только ради себя, во имя собственной, порой – совершенно неопишуемой радости, какого-то чудесного знания, и тогда эти искатели по-настоящему влюбляются в удивительный мир природы, в её незабываемую небывальщину, что на самом деле существует.

Хорошо мечтать о чудесах, что обязательно встретишь в лесу, и тогда они действительно сбываются. Ты словно впускаешь волшебство в свою жизнь, потому что не в силах существовать без него, и оно обязательно приходит. Ты ожидал это волшебство, думал о нём, и оно случилось. Мечтайте о волшебстве, осуществляйте свои мечты, и тогда ваша жизнь тоже, незаметно, превратится в чудо.

Причём, чудеса могут располагаться в самых обыкновенных местах, ты здесь не раз бывал, но отчего-то не замечал их, устремляясь в мыслях в какие-то удивительно неведомые дали, где, непременно, по твоему разумению, только и должны располагаться эти необычайные явления. Но они, между тем, живут у тебя под боком, прямо за околицей.

Бывало, спросят: а что самое удивительное, чего тебе привелось наблюдать в лесу? И я отвечу: его невидимая поначалу жизнь, что бурлит в нём во всём своём волшебстве!

При этом я никогда не мечтал иметь волшебную палочку, чтобы сразу, без труда, всё замечательное в жизни для меня открылось. Нет, мне хотелось именно отыскивать в лесу свои чудесные небывальщины, прикладывая к этому все свои силы, постепенно накапливая и умение, и терпение, и волю к достижению чудесных открытий, чтобы я надеялся только на своё счастье, и удача приходила бы ко мне заслуженно.

Чего мало, как говорится, то и в диковинку, а это малое, одним словом – чудесное, надобно, непременно, выходить в лесу, и как это захватывающе интересно! Не какое-нибудь там сказочное диво дивное, счастливо подаренное тебе судьбой, что, на деле, быть может, и не существует, а самое, что ни на есть, волшебство!

Чаще всего люди, что редко бывают в лесу, а то и вовсе его не посещают, воспринимают лесные чудеса как нечто, действительно, сказочное, словом, несбыточное, больше придуманное кем-то для красного словца. Я же рассказываю о чудесах настоящих, какими они совершаются повсюду в нашей жизни, тем более, в лесу, каждую минуту, и «чудесами» они называются именно потому, что на самом деле, по природе своей, действительно чудесны и удивительны. Просто их не замечают, но оттого они не перестают существовать, наоборот, становясь ещё загадочнее и прекраснее. Ведь чудеса созданы для того, чтобы люди их открывали, вслушивались в них, вглядывались, и от переживания этих чудесных природных примеров и сами становились загадочнее и лучше.

Есть в вашей жизни чудеса – и вы живы, нет – отправляйтесь в поход за ними, потому как без чудес существование неинтересно, вам следует непременно встретиться с тем, что обогатит вашу жизнь, и если вы не совершите этого – она протечёт зря, не доставив никому радости. В первую очередь, вам, и лучше решиться прожить увлекательно, с пользой, нежели впустую. Задумайтесь об этом серьёзно, ведь чудеса ждут вас!

Чудеса, действительно, оказываются очень простыми вещами, что на самом деле неизвестны людям по причине отсутствия у них любознательности, нежелания доискаться в жизни правды и о себе, и об окружающем мире, и вот это, казалось бы, простое в жизни дело и представляется в ней самым удивительным. Иногда это крохотная, одиноко парящая в предвечернем небе звёздочка, что, вспыхивая белым или зелёным огоньком, совершает полный поворот вокруг другой, более яркой звезды, причём, не один раз. Как и отчего такое происходит? А порой представится и вовсе нечто земное, замечаемое ещё в детстве, когда солнце утопает в ослепительно поблескивающих весенних лужах, так что верится, будто они становятся бездонными...

Но всегда всё это, неожиданно увиденное, вернее, подмеченное тобой, несёт в себе огромную радость, так что сердце переворачивается в груди от счастья, и ты видишь себя, как будто, со стороны, влюблённым в жизнь человеком. Если бы меня лишили однажды восприятия этой радости, я бы, наверное, умер от отчаяния. Но такие мысли, слава Богу, никогда не приходят мне на ум, и я всегда жду встречи с чудесами, похожими на сказочные сны, и они проявляются, отчего жизнь моя становится ещё прекраснее.

А как прекрасна дичь дремучего леса, когда заберёшься в какую-нибудь позабытую всеми глухомань! С непролазными зарослями сладкой малины и старымиволоками, что уже давно заброшены, но оттого ещё более таинственны и укромны... С глухими логами, поросшими сочными травами, и потаёнными лесными мочажинами, где по берегам кустится дикая

смородина и ухаёт по ночам болотная сова, с духовитым воздухом, насыщенным ароматом ягод и корнейев...

Что это за чудо просто находиться в лесу, в долгой разлуке с ним желая встречи. Что за счастье жить и дышать с лесной чащей в едином ритме, не представляя, как можно обходиться без её чудесной тайны, и если ты обращаешь к лесу всю свою душу, он непременно ответит тебе тем же. Ответит неисчислимыми чудесами, ещё небывалыми в твоей жизни.

Часто бывает так: кто-нибудь, прочитав мои рассказы, или, что случается ещё реже, прослушав мои истории про лес, с деланной завистью заявляет: «И повезло же тебе!» На мой вопрос: «Отчего же?», не менее деланно, даже с каким-то неудовольствием, проговаривает: «Ну, как же, столько привелось увидеть!»

И я не сразу нахожусь, что бы такому человеку ответить, ибо скажи я ему сейчас, что все эти увлекательные случаи происходили со мной в течение множества нелёгких походов в лес, может быть, их было тысячи, он и вовсе мне не поверит. А если я добавлю, что и не каждый раз приносит что-либо замечательное из жизни природы, то человек этот вообще потеряет ко мне интерес. Почему подобное происходит?!

Начать с того, что большинство таких людей сами связаны с природой, живут в деревнях, и, конечно, с детства хорошо знакомы и с пасечным делом, и с обитателями леса, и с охотой на них, и с работой на земле. Не досуг им разбираться с лесными чудесами, и воспринимают их сельские жители как нечто, само собой разумеющееся: чему же тут дивиться? Всё в природе устроено обыденно, полагают они, и так же без затей эту природу надобно принимать.

Завлекательно рассказать обо всём, что происходит в лесу, по их мнению, можно только с придумкой, то есть, выдумать историю, а на деле, так она самая обычная. Да и времени у человека, связанного с землёй и лесом, как правило, в обрез: не до увлекательных историй ему!

Что же касается городского жителя, то тот, скорее, из-за какого-то объявшего многих, особенно в последнее время душевного равнодушия, нежелания поверить в чудесную быль, сделает вид, что всё это, якобы, диковинное, его никак не занимает, да и пользы, собственно, не приносит, и тогда чему тут восхищаться?! Но, всё-таки, заложенный в глубине души интерес к существованию, как и у любого другого человека, у него имеется, время от времени он даёт о себе знать, и человек лишь напускает на себя необъяснимого для него самого туману.

С одной стороны, он будто бы не понимает – о чём идёт речь, а с другой – завидует тому, что прочитал или услышал, и, что называется, кочевряжится, изображая из себя некоего простачка, решившего изобразить удивление. И вот, что ещё более печально, редко-редко повстречается тебе истинный ценитель и любитель всего прекрасного, существующего в природе, и именно ему ты, в первую очередь, посвящаешь своё повествование.

Такой человек, несомненно, поймёт, что «везение», если оно отчасти и присутствует при открытии лесных чудес, крайне ненадёжно. Оно сравнимо, разве что, с тем самым «вдохновением», коего безрезультатно ожидают некие творческие личности, что непременно причисляют себя к «художникам», искренне полагая: так называемое «вдохновение» приходит не часто, и далеко не к каждому, и его следует вдумчиво и терпеливо дожидаться. Тогда как на деле вдохновение есть каждодневный труд, как, впрочем, и поиски чудесного в лесу, если ты искренне предан ему, нескончаемой дороге в постижении себя и окружающего мира, и чудесной тайне, составляющей суть природы.

Эти немногие люди с любовью в сердце встречают и весну света, и разудалую роскошь лета, и печальную прелесть золотой осенней поры, и сказочное обаяние русской зимы. И, конечно, они всегда почувствуют то, без чего не можешь существовать и ты, принимая как нечто самое дорогое: ночёвки у костров, ощущение себя зверем, когда пробираешься сквозь лесную чащу, неописуемо радостную слитность с ней. Такие люди – твои братья по духу, и их, пожалуй, как и лесные чудеса, тоже стоит заслужить на своём жизненном пути.

Насчёт того, что в лесу ничего так просто, даром, не даётся, и ты, и твои собратья по духу знают не понаслышке. Но разве это может являться для кого-то секретом? Даже для человека, хотя бы изредка связанного с лесом, что отправляется туда лишь по грибы и ягоды. Но и такой человек, ни на секунду не сомневаясь, подтвердит, что лес полон чудесных загадок, и раскрыть их очень не просто.

И даже если бы не было у меня братьев по духу, и не находил бы я понимания среди людей из-за своих скитаний по лесу, и тогда бы я не был одинок: со мной, несомненно, переживали бы радость птицы и звери, деревья и облака, все лесные духи. Иначе, и быть не может, если ты живёшь в согласии с природой, и от тебя зависит – чего ты добьёшься в слиянии с ней, поведёт ли она себя с тобой открыто?

Прямо из ничего – ничего и не случается, а только из любви и преданности, терпения и милосердия, отваги с волей, и всё это должно быть присуще твоему отношению к жизни, и, конечно, к ОТЦУ-ЛЕСУ, призвавшего однажды тебя к себе. Кажется, до последних дней твоих не оставляет тебя тяга к лесным просторам, всё так же будоражат кровь их потаённые уголки, и хочется, как в молодости, забраться в самую глушь, где только подумаешь о чём-нибудь, чего ещё никогда не видел, а оно и объявится. Всё неведомое, лесное доверяет тебе, правда, со сторожкой, но и этого довольно для счастья человеку, и ты, человек, не подведи всё неведомое, лесное, и станет оно тебе родным.

И тогда великая радость заполнит и тебя, и всё жизненное пространство, как весной света, и ты продолжишь свою жизнь обновлённым, подобно помолодевшему весенней порой старому глухарю, что вознамерился ещё раз пропеть свою песню любви к этому чудесному миру. Звуки этой песни

разнесутся по пробуждающемуся лесу, их подхватят журавли на болотах, на укромных полянах красавцы-тетерева, и так, незаметно, запоёт вся наша прекрасная земля!

Не одну тысячу вёрст прошагал я в поисках чудесного по бесчисленным лесным дорожкам, и всегда знал, что встречу его, это лесное потаённое обаяние, когда под пологом вековых деревьев вдруг ощущаешь себя так, будто ты оказался дома: до того уютно всё вокруг, хотя и дико. Много чудес встречает тебя в лесу, и самое запоминающееся, когда, обнаружив их, ты обо всём забываешь, так завораживающе волшебным обаянием леса. Если хочешь, чтобы природа открылась во всей своей силе, помыслы твои должны быть абсолютно чисты, ибо природа безошибочно угадывает, когда человек этой чистоты в себе достигает. И коли будешь добр к лесу, лесной бог непременно сделает счастливыми все твои осени и зимы, вёсны и долгие лета. Чтобы познать прекрасное в природе, им нужно обладать внутри себя.

Хорошо чувствовать себя в лесу ребёнком, когда будто только для тебя открываются в нём чудеса. Но прежде, чем такое чудо пережить, надобно сначала повзрослеть, лесному ремеслу хорошенько выучиться, обычаи жизни птиц и зверей разобрать, а потом уже и увидеть всё вокруг по-новому, как ребёнок, с чистотой в сердце. Вот уж когда истинная радость к душе подступит, и ты обязательно почувствуешь себя невинным младенцем, хоть и обрёл в ней к этому времени мудрость. Так уж всё в жизни замечательно устроено.

Если ты внутренне не готов к принятию чудес, что равносильно неготовности встретить своего Учителя, это можно сравнить с невежеством: иначе как объяснить то, что ты не заметишь очевидного? А чудеса – это и есть очевидная чудесная истина, единая с несметным количеством вселенских чудес, и нужно прийти в себе к тому, чтобы их разглядеть. Когда подобное происходит – благодарить кроме себя некого. Всё, чего ты достигаешь, исходит из твоих личных переживаний: не пройдя их, тебе не видать и чудесных открытий.

Каждый человек должен дойти до истины сам, но это невозможно без открытия чудес, существующих именно для того, чтобы с помощью их становиться внутренне богаче. Чудеса собираются в тебе и накапливаются, за каждым открытием возникает нечто новое, и ты с радостью идёшь к пониманию себя, постепенно постигая, что непременно должен сделать своё собственное открытие, не за счёт кого-то. В этом – суть этого чудесного мира, где свою собственную истину ты обязан постичь сам, только благодаря непосредственно тобой пережитому опыту. Иного пути не существует.

Пройдя через чудеса, ты обретаешь в глубине себя и сопереживание всему живому, и внутреннее безмолвие, наполненное любовью. Как ты любишь это чудесное существование, как ты был честен по отношению к нему, и вот, ты являешься обладателем бесценных сокровищ, в том числе оказываясь очевидцем чудес, что появились именно благодаря твоим

собственным устремлениям. Чудо произошло – ты стал внутренне богат! И ещё очень важно помнить, что всё нужно делать с любовью, без этого чуда не покажут себя, и ты не переживёшь захватывающего дух состояния собственного роста.

Если с тобой не происходит ничего интересного, значит, ты слаб, ты боишься любых неожиданностей. Только смелому открываются чудесные вещи, потому что у него отсутствует боязнь, что его эго будет ущемлено, отсюда – присутствие целеустремлённости, мужества и желание преодолеть любые трудности. Именно смелому человеку хочется попробовать всё самому, не взирая ни на какие препятствия.

Идите в любые переживания, и помимо встреченных чудес, касается ли это леса, гор или моря, вы начнёте понимать, что с вами происходят внутренние изменения. Изменения к лучшему, потому как вы становитесь глубже, осознаннее. Важно почувствовать, что при значительных затраченных усилиях – желаемого вы непременно достигните. Будьте искренни и усердны, и результат не заставит себя ждать: вы обретёте непосредственно пережитый вами опыт, являющийся вашим богатством, то есть, те самые драгоценные чудеса, что чаще всего встречаются в лесу.

Все свои беды забудешь за лесными чудесами, как и горе уходит за работой, и до того легко делается на сердце, вольготно, что только бы, кажется, этими чудесами и жил. Так и есть, точно вам говорю, и что интересно – подходят эти самые небывалости, когда их не ждёшь...

Неприметно тянутся один за другим обычные походные будни, в лесном одиночестве, у костров и по избушкам, и вдруг случится с тобой нечто необыкновенное, чего ты и ожидать позабыл, а оно – здесь. Это, не похожее ни на что, необыкновенное состояние обрадует тебя со всей своей неожиданностью, и будто раскроется перед тобой мир необычайной красотой, чему, вроде бы, и сам поначалу не поверишь.

Но нет, выходит, выпало тебе опять счастье, и остаётся только радоваться. Таково оно - лесное благо, что вместе с чудом в этой дремучей чаще прячется. А ты бродишь по лесу в поисках чудесной небывальщины, и тем - необыкновенно счастлив.

Сталкиваясь с чудесами, ты, вроде как, и сам начинаешь их творить подобно деревьям и травам, облакам и животным. С помощью этих чудес ты открываешь для себя неожиданные вещи, какие так, просто, встретить не получится, если не отдал свою жизнь на волю священного постижения жизни, не обходясь на этом пути без лесной чащи. Лес несёт в себе неисчислимые чудеса, а захватывающее путешествие к ним всегда приносит чудесные открытия, и чем дальше уходишь в лес, тем глубже постигаешь красоту и величие Бытия.

Когда ты достиг в своей жизни множество чудес, ты готов идти дальше, где эти чудеса уже не будут казаться такими важными. Но они не потеряют при этом своего обаяния, потому что тебе откроется нечто ещё более прекрасное, где ты и сам можешь стать чудотворцем. Чудеса, происходящие

в твоей жизни, это обычные события определённого уровня развития, и пока ты их не переживёшь, они не перестанут казаться чудесами. Тогда ты и становишься способен идти дальше, к более прекрасным явлениям этого божественного существования.

Но как чудесны были чудеса, что тебе удалось когда-то пережить! Если ты отправляешься в ещё более дальнее путешествие, ты начинаешь ценить каждый шаг на этом пути: там, в этой чудесной необозримости открывающихся возможностей, ты становишься единым с тем, что есть.

Правда, надо понимать и то, что Бог не дарит никаких чудес: чудесна сама по себе созданная Им природа, и если ты относишься к ней достойно, с интересом, как она того и стоит, то тебе открываются её чудесные стороны. Только и всего. Но как прекрасно, когда божественная природа почему-то решила благословить тебя, проявив свою милость, и тебе остаётся только пережить её величие.

Это величие подлинно, и его необходимо изучать, то есть, знать. Знать, что с тобой может произойти нечто чудесное, для кого-то – вполне обыденное, но для тебя – необыкновенное.

Ведь поиск чудесного, как утверждают издавна мудрецы, это есть, в первую очередь, внутренний поиск, и пока человек не нашёл себя, не определил свою истинную природу, чудеса во внешнем мире ему не откроются. Самым главным чудом является твоё истинное «я», именно оно бесценно, и только установив его для себя, ты осознаешь и увидишь всё, что происходит вокруг.

Многие люди искренне недоумевают: зачем им нужен лес? Значит, для каждого сомневающегося человека ещё не наступил тот особенный весенний день, когда в душе начинает распускаться молодая листва, и ты с переполняющим душу восторгом отправляешься в увлекательную лесную дорогу...

Именно в лесу в нас просыпается внутренний человек, и начинает жить в окружающей его обстановке по-своему, как бы он никогда не повёл себя в городе, и от такой перемены душа этого человека тоже преобразуется, и замечает то, на что раньше не обращала внимание. Случалось с вами подобное? Если «да», то вы – настоящий лесовик, любитель животного и растительного мира, когда дивно не убивать, а только именно любоваться природой, открывая и в ней, и в себе чудеса.

Что может быть лучше леса с его чудесами? Там так чудесно и хорошо человеческому сердцу... Чудеса в природе повсюду, только успевай примечать!

Порой, созерцая обыкновенное распускание цветка, даже после многолетнего, самого кропотливого и пристального наблюдения за природой, не находишь для всего происходящего иного определения, кроме, как – чудо! Раздумывая о чудесном, я невольно задаюсь вопросом: в чём его тайна? И тотчас отвечаю: конечно, в силе, что чудесное в себе несёт. Но если хочешь

его познать, тебе тоже следует обладать силой, что, несомненно, заключается в ней самой, и потому силу необходимо в себе накопить, а уже потом, с помощью её крепости, нести в мир правду, что тоже, непременно образом, надобно в своей душе развить, достигнув ясности в её понимании.

Но как обрести эту крепость, в чём её корни? Тут заключён большой вопрос...

Ведь просто так, по одному желанию, сила никому не даётся. Её нужно выносить в себе, как женщина вынашивает плод, иначе она не придёт. Жизненная сила любит отчаянные, решительные сердца, без них она не властна над тьмой, и если не воспитывать в себе смелость, причём, с самого детства, толку не будет. А нужно обязательно быть смелым, до отчаяния, чтобы совершить однажды решительный бросок к божественному в себе, тогда и откроется тебе и сила, и правда, и твой жизненный путь.

И тут без природы никак не обойтись, без её чудесных богатств. И всё это нам, людям, даётся просто так, его не нужно даже зарабатывать, и стоит только благодарно принять, кто же пропустит эти богатства мимо себя – они уже не вернутся. Вот как важно не упустить в своей жизни главное мгновение и осмелиться на подвиг, после чего обязательно почувствуешь себя счастливым и радостным.

А мгновение это непременно коснётся твоего сердца, если ты неравнодушен ко всему, что тебя окружает. Его следует только угадать, чутко вглядываясь в жизнь и ожидая от неё одного чудесного: чудесное незамедлительно себя покажет. Ты только забудь про неудачи и перенеси своё чувство любви на всех людей, желая, чтобы и они были счастливы, как ты, и желание это непременно сбудется. Счастье для всех зависит именно от любви, потому как сама любовь и есть счастье, и эта любовь неотделима от нашей чудесной природы.

Я давно заметил, что по большей части мне приходится выхаживать лесные секреты, затрачивая при этом значительные физические усилия. Что-то я ищу в лесу и надеюсь в нём однажды увидеть, ведь не просто так часами брожу я по его неведомым лесным тропинкам...

После тридцати пройденных за день километров ноги нестерпимо тяжелеют, под лопатками неприятным холодком свербит тягучая боль, на душе становится как-то неопратно и пусто. Всё, что ты видел и слышал, кажется тебе уже незначительным, ты не можешь понять, какие силы гнали тебя в дальнюю дорогу, что именно заставляло тело напрягаться, словом, вразумительных для себя объяснений ты не находишь.

Так, обычно, думал я, возвращаясь из лесу разбитым. Не верилось, что под вечер, подле жарко мятущегося в печке огонька, мне вдруг откроется нечто удивительное. Но, со временем, заполнившие тебя усталость и пустота постепенно отстаиваются, и ты обнаруживаешь в прожитом дне достаточно непознанного и притягательного, вместившего, оказывается, столько впечатлений, что их, пожалуй бы, хватило не на одну лесную прогулку. В

расслабляющем тело и мысли домашнем тепле начинаешь понимать, как нелегко бывает достигнуть раскрытия лесной тайны, и что цена каждого, даже самого маленького секрета неизмеримо высока. Порой она вынашивается долгие годы, а многие загадки так и остаются неразгаданными.

Не зря один из основных законов лесной академии – пристальное внимание ко всему, что тебя окружает. Это только на первый взгляд кажется простым и обычным делом, но попробуй-ка в непрекращающемся напряжении прожить в лесу утро и день, вечер с ночью, а то - и неделю! Ни зверь, ни дерево не любят по отношению к себе поверхностного интереса: они уважают в человеке глубину, что подразумевает вдумчивую неутомимость и размеренность в восприятии окружающей действительности. Столкнувшись с такой глубиной, звери обычно осторожно отступают, могут даже на какое-то время задержаться рядом с тобой, а деревья, согласно размышлениям твоего сердца, покойно покачивают ветвями...

Человек должен знать себя, умело управляя собой, а научиться этому помогает ему лес, его учительскому таланту следует позавидовать. Отдавшись однажды на его волю, ты мало-помалу непременно обнаружишь свою дорогу, если будешь честен и старателен. Так обратись, человек, сердцем к лесной стороне, не пропусти в себе этого устремления, и твой жизненный сосуд всегда будет полон энергии.

В лесу надо сразу оставить всякие надежды на чью-либо помощь, чётко понимая, что надеяться можно только на самого себя, и уже исходя из этой простой мысли, выстраивать лесной путь сообразно опыту своей души, не терпящей сомнений и страха. В ней должна присутствовать одна радость от соприкосновения с лесной чащей, непоколебимая уверенность в том, что всё у тебя сложится в ней наилучшим образом, лесные обитатели примут тебя, как родного, и твоему взору откроется то, чего раньше ты ещё не встречал. Разве тут забоишься, или охватит твоё сердце тревога, когда ты переполнен энергией леса: он – твой верный товарищ!

А вот за все твои слабости нередко достаются тебе в лесу только заячьи хвосты, да и их ещё надо заслужить. Лес наполняет твою душу тайнами только в том случае, когда шёл ты к нему достойным путём. Слившись же с лесом воедино и ощутив в душе, хотя бы на короткий миг, его величавый покой и мудрость, можно быть уверенным, что жил ты на земле до сих пор верно. И тогда окончательно пропадут границы, разделяющие лес и тебя, и, даже надолго оставив его, ты уже не рискуешь потерять с ним связующую живую нить.

Бывает так, что на какое-нибудь явление в лесу или на сам лес множество людей глядели и ничего не замечали, а кто-нибудь один только взглянул – и сразу всё в нём разглядел. Всё увиденное вошло в него как нечто родное, чего ему, быть может, не хватало, нужно было его только заметить, и он не упустил дорогое для себя знание, потому что был готов встретить эту тайну и разгадать её. И тайна лесная пришлась ему впору,

прямо по его душе, и человек обрадовался произошедшему с ним, и стал и дальше разыскивать в лесу нечто необыкновенное, что, оказывается, ожидает его повсюду.

Один случай он прикладывал к другому, и постепенно из увиденного в лесу складывалась увлекательная история, очень полезная тем людям, что поначалу не заметили в лесу ничего необычного, оно их не заинтересовало. Но человек этот открыл им своим ключиком потайную дверцу к чудесным небывальщинам, что, выходит, случаются, и заставил их поверить в удивительное волшебство природы. У людей на душе оттого будто проснулась весна, а вместе с ней пробудилась великая радость. Так бывает, если ты равнодушен к жизни, благодаря чему несёшь благо ещё и всему свету, открывая в нём небывалое.

Наверное, поэтому справедливо было бы устроено в жизни так, чтобы каждому отпускалось его сроку понемножку, дабы он научился ценить свою жизнь, не разбазаривая её понапрасну. И в этот бы самый срок своей жизни сумел уложиться так по-хозяйски верно, чтобы не потерять к ней интереса. Даже, когда пришёл бы твой смертный час, тебе бы хотелось ещё немножко пожить, не имея к жизни жадности, а переживая только радость, что дано тебе это чудесное, пусть и короткое время, когда до всего нужно дойти самому, постигая этот прекрасный мир, полный волшебных тайн и загадок.

Но всему своё время... Благотворной для искателя оказывается только длительная работа над собой, когда именно он отвечает за происходящее с ним, и если жизнь его переполнена счастьем, то это заслуга ищущего человека. Значит, пришло его время, он заслужил однажды открывшееся ему благо, наступил тот особый момент, который он пропустить никак не может, и человек встречает его с радостью в сердце: он готов принять новое чудесное знание.

Тогда и огромный лес, наполненный чудесами, может быть познан через маленький лесной родник, но к этому нужно, опять же, заслуженно прийти, и суть этого поиска зависит от тебя. Только то, что заработано благодаря непосредственно тобой пережитому опыту, имеет цену, и это твоё внутреннее богатство безгранично.

В каком бы настроении не приходил в лес – всегда стережёт тебя в нём мгновение, когда дыхание непроизвольно учащается, и ноги сами несут навстречу к чему-то неизведанному. На этом пути всё вокруг проникнуто тайной и красотой. Но торопясь, ты рано или поздно понимаешь, что тем самым отдаляешь переживание подлинной остроты чувств и видение. Околдованный красотой, человек обычно забывает, что ни одно откровение леса не касается его так ощутимо, как это происходит в момент неторопливого и вдумчивого созерцания.

Чудеса вовсе и не чудеса, если даются каждому легко. Настоящее чудо надобно заработать, то есть, заслужить, по правде, тогда оно и окажется

настоящим, что уж никогда его не забудешь, и будешь всем рассказывать, как трудно добивался этой радости, и она однажды к тебе пришла.

Обязательно добивайтесь в своей жизни чудес, без них она не имеет никакого смысла и красоты. Даже к самому маленькому чуду нужно научиться быть готовым, всегда оставаясь внимательным и вдумчивым, пропуская через себя окружающие краски, шорохи и запахи, потому как время нашей жизни неслучайно: так может случиться, что завтра у вас уже не будет возможности совершить шаг навстречу раскрытию не дающей покоя тайны.

Скажем, чем больше хочется увидеть какого-либо зверя или птицу, с целью узнать о них нечто неизвестное, тем реже это удаётся. Человеку надлежит вести себя в лесу естественнее, поскольку чуткие животные на расстоянии улавливают исходящую от нас энергию мысли, и остерегаются. Как тут не вспомнишь случаи, когда по разным причинам мы забываемся, не концентрируя внимание на обитателях леса, и именно в такие моменты неожиданно совершаем для себя удивительные открытия!

Неоднократно замечал за собой, но так и не понял до конца: в лесу всякий раз ты становишься другим... Отрешённым, делающим всё произвольно, зато точно так, как надо, и без лишней суеты. И никогда не обращаешь внимания на подобное состояние, воспринимая его как должное.

А однажды неожиданно открываешь, сколько в тебе существует звериного знания, проявляющегося только здесь, в лесу. Это, несомненно, врождённое умение вести себя в привычной и, между тем, давно забытой за предыдущие жизни природной обстановке тотчас просыпается, как только ты в ней оказываешься. Как будто именно для этого тебе предназначено жить, и лишь в лесу твоя душа обретает недостижимый среди людей покой.

Даже для изощрённого опытом восприятия в лесу не существует ничего обыкновенного: всякая мелочь в нём бывает неподражаемо привлекательна и значима. Как награда за сотни пройденных по лесу километров однажды выскользнет на лесную дорожку ярко-оранжевый колонок, усядется прямо перед тобой, и начнёт что-то вынюхивать под снегом, изредка взрывая его то одной, то другой лапкой, а ты заглядишься на зверька и позабудешь об усталости и всех своих бедах.

Все замечательные лесные события, что выпало мне счастье лицезреть, появились в моей жизни именно благодаря неустанному всматриванию в деяния природы. Часто пребывая в её лоне, моё любознательное сердце не переставало восхищаться увиденному, и я никогда не терял преданности тому таинственному, что кроется в лесной чаще, но не всякому даётся. Моя судьба всегда была неразрывно связана с судьбою ОТЦА-ЛЕСА, и я благодарен ему за то, что он, под своим волшебным пологом, привёл меня однажды к самому себе.

Страсть к лесу пробудилась во мне ещё в раннем детстве, когда отец принёс домой огненную лису, тяжело покоящуюся у него на плече. Мать

поцеловала отца, перегнувшись через подоконник, а я никак не мог отвести глаз от пушистого хвоста лисы, свисающего до самой земли, и её вытянутой хитрой мордочки. Казалось, будто лиса только притворилась мёртвой, вот-вот встрепенётся и ускользнёт с нашего двора.

Удивительно мне теперь вспоминать, что в детском возрасте я прекрасно чувствовал и понимал природу, хотя и не мог ещё этого объяснить. А вот отец, который рано начал брать меня в лес, и не зря слыл в своём кругу отменным стрелком, сам, не без оснований считавший себя заправским охотником, её так тонко не воспринимал. Мало того, он был очень удивлён, даже поражён, когда десятилетним мальчишкой я вывел его из лесной чащи, заплутавшего вместе со мной во время охоты, да ещё, в подтверждение своей правоты, указал ему на глухариные наброды, что мы миновали несколько часов назад, оставив рядом и свои следы. И это в совершенно незнакомом лесу, оказавшись в нём в первый раз!

Как будто вышло так, что лес зачем-то, ещё задолго до моего детства, забрал меня в свои недра, и уже не выпускал никогда, а я мысленно жил там в разных образах, узнавая и о себе, и о нём всё больше и больше, и постепенно приближался к тому, что представляю из себя сейчас... Куда-то приведёт меня эта таинственная лесная душа, думалось раньше, а теперь ясно открылось: я сроднился с лесной чащей, и она привела меня к самому себе.

С самых ранних лет я как-то сразу усвоил, что жить лучше всего интересно, отыскивая в окружающем меня мире неведомое, а ещё куда интереснее рассказывать о нём и писать. И так, с великой охотой к жизни, я и шёл по ней все свои детские, молодые и зрелые годы, и ни разу не пожалел об этом выборе, потому что оказался он настоящим. Очень чувствительно и радостно было переживать такое отношение и к миру, и к своей жизни, и я никогда не испытывал какого-либо разочарования, ощущая в сердце только увлечённость, меня переполнял необыкновенный энтузиазм, и когда я встречал в людях скуку и неприятие жизни, то это очень удивляло.

Непонятно было неприятие людьми жизни, тем более, её осуждения, когда вокруг открывался огромный мир чудесных загадок, и их, конечно, хотелось разгадать. Огромное чувство удовлетворённости охватывало меня всегда, если я сталкивался с этими самыми чудесами, и мечты о их достижении никогда не покидали меня. Я верил, был просто убеждён, что рано или поздно все они откроются: иначе – зачем жить?!

Но где интереснее всего бывать и, ни за что, не поддаваться скуке? Разумеется, в лесу, в мире птиц, зверей и растений, там невозможно оставаться равнодушным, и тебя поджидает множество чудес и загадок. Взаимодействие живых существ в этом удивительном мире не может не интересовать любознательного человека, и он способен, наверное, даже подружиться с ними, если будет внимателен ко всему, что его окружает. Трудно не придти однажды к такой замечательной стране, когда ты преисполнен желания познавать окружающую тебя жизнь, ведь она так прекрасна!

И я отправился в эту страну, чтобы любоваться её обитателями, отыскивая места их обитания – дикие норы и логова, чтобы таинственная жизнь зверей и растений постепенно раскрывалась передо мной, и эта связь с природой становилась всё крепче и крепче. Нужно было только начать свой исследовательский путь, ничего не боясь, решившись на него, и так оно и произошло, и я до сих пор иду по нему, уже много лет, и ни о чём не жалею. Мало того, я необыкновенно счастлив тому, как обустроил свою жизнь, совершенно не представляя её без леса.

Разве не прекрасно повидать в лесу всё своими глазами, а потом увлекательно рассказать обо всём увиденном? Чтобы и другим людям захотелось окунуться в мир природы, обнаружив там свою радость. Хорошо обживать этот мир благодаря собственным усилиям, любить его и оберегать. Быть исследователем неведомой чудесной страны, никогда не предавая её, достойная цель. Не правда ли?!

Я никогда не боялся лесной чащи, где, казалось бы, нужно чего-то остерегаться. Мне, скорее, было интересно, чем страшно. Всё, что должно было, якобы, напугать в лесу, представлялось чудесным: его непременно следует увидеть, полагал я, в нетерпении ожидая с ним встречи.

Этот интерес к потаённой лесной жизни бил во мне чистым родничком, он не перестаёт журчать в моей душе до сих пор, и по его устремлённости можно догадаться, какой силой обладает ОТЕЦ-ЛЕС, и недоумевать – как у кого-то получается не любить лесные тайны, что по своей природе, конечно, чудесны. Я-то их очень любил, и так, постепенно, моя душа образовывалась, незаметно вырастая. Много времени пожил я в наших лесах, и до сих пор не перестаю удивляться их сказочным былям, дарованным нам лесом на поучение.

В каждом лесном уголке произрастает неведомая сила, и её нужно угадать и увидеть, иначе жить неинтересно, да и слабость в себе не победишь. Другое дело, если на свой страх и риск отправляешься в путь, думая только о том, как бы загадки леса разгадать, и верные знаки о них для других людей оставить, тем самым, лесным силам угодив.

Благое дело совершит человек, если искать в своей жизни правду не перестанет! И так, мало-помалу, и дойдёт до искомой истины: Бог – в тебе, и всё вокруг проникнуто чудесным божественным качеством.

В лесу этим божественным свойством пронизан всякий листочек, и его не тронь, а коли привелось елового лапнику на ночлег наломать, то не забудь поблагодарить ОТЕЦ-ЛЕС, и он тебя без внимания не оставит. Живёшь ты в лесу, вроде бы, только для себя, таинства его чудесные потихоньку разматывая, а потом всегда оказывается, что жил на пользу других. Люди через тебя правду жизненную понимать начинают, заметки твои лесные, как нельзя кстати им приходятся, когда они в себе сомневаются, и оттого на душу каждого неравнодушного человека благодатный покой ложится, растёт в нём уверенность в божественное единение со всем Сущим, и ещё больше жить хочется!

Ведь вся земля, и вся природа с её лесами, зверьми и птицей, воспринимается как самое близкое и родное, ровно это и твоя душа, и от такой простой мысли жизнь сразу становится понятной и дорогой. Ты всё делаешь в ней по своему сокровенному желанию, как чувствуешь, а выходит – так было нужно для всех. Вот среди людей оттого и говорят: живи по правде, и тогда будет получаться, что каждый человек – другому человеку брат и верный товарищ, и разве может быть на свете что-нибудь прекрасней?!

С этакой радостью всю жизнь хожу я по лесам, и думаю: это хождение – не труд, не какое-нибудь расчудесное путешествие, это – любовь. И оттого мне хочется иногда рассказывать о своей любви к лесным тропам и чудесам на них, а лучше было бы и вовсе поселиться в каком-нибудь глухом таёжном углу вместе с необыкновенными таинственными птицами глухарями, что изведали великую древность, и жить только тайнами ОТЦА-ЛЕСА, дорожке которого у меня ничего и нет. Ну, может быть, ещё и тайнами моря, но ведь море – не родная земля, хотя ты большей частью состоишь из воды.

Лесная земля полна чудес, в море же нужно ещё иметь глубокое намерение погрузиться, чтобы увидеть всю его несметную красоту, скрытую от глаз, и я, всё-таки, больше люблю лес, и иногда, от переполняющих меня чувств, рассказываю о нём... Тогда, незаметно, в сердце просыпается знание, что жизнь не оканчивается никогда, в ней присутствуют покой и мудрость, и оттого думы твои – только о хорошем, о самом чудесном.

В море думается просторно, в лесу потаённо, в каждом движении лесной жизни разглядывая скрытый смысл. И если в море заложено более поэзии, даже, если оно штормовое, то в лесу зарождается спокойная, размеренная проза, впрочем, не лишённая поэтичности. Мысль в лесу не разольётся широкой крутой волной, не взовьётся легкокрылой чайкой, а неспешно пробирается сквозь глухой сузёмок терпеливым выносливым зверем, и в этом – радость соприкосновения с Батюшкой-Лесом, с его таящимися чудесами, что непременно хочется разгадать.

Чудеса в лесу повсюду, если иметь внутреннее зрение, то есть, потребность к постоянному познанию, любовь к родной природе. Трудно не замечать, как при каждом шаге, отовсюду, являют себя загадки, перебивая друг друга, будто озорные ребята. Попробуй-ка угнаться за ними - не достанешь, но пытаться нужно, иначе - зачем вообще жить! Без радости познания любимой русской сторонки русскому человеку не быть, как не быть Батюшке-Лесу без внимательного отношения к нему добрых людей.

А внимательны ли мы к нему? Ведь из общения с ОТЦОМ-ЛЕСОМ в сердце поднимается великая радость, так что уж не отступишь от своей любви к нему никогда, ибо лес этот Богом на ту самую радость великую людям насажен, истинно, и оттого благодари, человек, Господа за сотворённое Им чудо.

Лес – родник неиссякаемых историй, созвучных человеческой душе. Отчего нам так интересен лес, что мы желаем в нём для себя отыскать? И именно такого, чего в обыденной жизни нипочём, как многим кажется, не встретить. А ищет человек в природе подобие самого себя, того, чего он разобрать никак не может, но в лесу думает обнаружить, и чтобы непременно было со смыслом, увлекательно, иначе и в лес идти не стоит.

И вот, отправляется человек в леса, и всё лишнее из него постепенно исчезает, остаётся только самое необходимое, без чего действительно не обойтись. Беспреданно докучающие, пустые мысли выветриваются сразу, как ненужный хлам. Достаточно скоро улетучивается и расхлябанность, обычно присущая людям в городе, во всём теле появляется заряженность на движение, члены наливаются энергией, взяться которой совсем недавно, казалось бы, неоткуда. Да и дыхание, вместо сбивчивого, успокаивается, становясь размеренным, кровяные молоточки в висках выстукивают уже размеренно, в ритме торжествующего сердцебиения: как это чудесно – в добром настроении шагать по лесной дорожке, и думать только о ней, о чудесных лесах, что её окружают!

В душе твоей непроизвольно закипает радость: а вдруг сейчас из-под кустов выскочит заяц, и всю задаст стрелача, проявляя свою обаятельную индивидуальность, и ты, конечно, засвиистишь ему вслед, позабыв обо всём, и даже не заметишь при этом, как в этом порывистом свисте обретаешь себя, утерянного где-то в городских заботах. В чём это выражается? Очень просто: ты повёл себя совершенно естественно, не желая показаться лучше, чем ты есть на самом деле. С тебя ниспала гордыня, ты почувствовал себя свободным от обременяющих недавно оков, и захотелось быть честным и счастливым.

Да ты, к слову сказать, им и являешься, просто запамятовал об этом, и вылетевший на опушку косою вмиг привёл тебя в чувство, ты даже позабыл сделать счастливый выстрел, и только улыбнулся. А всего лишь – подвернулся под ноги ошалевший заяц, и ты весь вострепнулся, почувствовав в себе неведомые силы. Лес, в одно мгновение, одарил тебя чем-то очень простым, и в то же время, необыкновенным, и ты без каких-либо сомнений поверил в его неисчислимое богатство, и принял его.

Там, в лесу, стал я находить ясные ответы на свои ещё не совсем зрелые вопросы, в лесу я учился их формулировать, и получал в ответ поразительные открытия, которые, наверное, и намеревался обрести в глубине души. Оказываясь с природой один на один, я оставлял в стороне всё то, что, несомненно, мешало мне разобраться в самом себе, и так, незаметно, на примерах жизни леса, подбирался я к своему сознанию.

Иногда я чувствовал неудовлетворённость от содеянного в лесу, но поскольку жизнь продолжалась – предпочитал вести себя уже более осознанно, и благодаря этому верному поведению в моих действиях появлялась вдумчивая размеренность и постоянство, а за ними – простота в мыслях, ощущениях и поступках. То, что поначалу представлялось мне

обманчивым, как раз помогало, и я удивлялся тому доходчивому языку, на котором заговаривал со мною лес. Лесу, оказывается, до всего во мне было дело, и когда я это понял, то был ошарашен, но в тоже время почувствовал в себе силу, и благодаря этой силе стал догадываться о многих скрытых вещах.

В конце концов, я ощутил себя более сознательным и чистым, произошло это, конечно, не сразу, но мне всё очень понравилось: в моей душе проснулось великое переживание сопричастности с чудесным существованием. В лесу я пережил неимоверно сильную тягу к творчеству, и уже не сходил с этого пути никогда. И ещё я понял, что в лесу, как и в жизни, всё важно, и о нём нужно непременно думать и писать, чего бы тебе это ни стоило.

Но оказавшись под таинственным лесным пологом, тыловишь себя на мысли: ни о чём, кроме леса, ты не думаешь, как раз освобождаясь от беспокойных размышлений, и живёшь одной жизнью вместе с деревьями, зверьми и птицами, с их счастливой и нелёгкой судьбой. Да будет им свет!

Всё нарастающее внимание к таинствам леса не передать словами... В тебе как будто просыпается некто другой, совсем иной человек, не ты, и, может быть, даже не человек вовсе, а какое-то угадывание себя, того, кого и чего ты ещё сам не познал. И вот это неожиданное узнавание чего-то неизведанного в себе также интересно и прекрасно, как и проникновение в глубинные таинства леса.

Чем же они так занимают меня, и если я когда-либо разгадаю их – что дальше? Каким лесным богам буду молиться, или только на себя надеяться? Как бы то ни было, хорошо жить на белом свете и познавать тайны леса!

Так, бывало, в один час запахнет весной, и ты уж знаешь – ничто тебя в городе не удержит... Как сказочный сон встают перед твоим внутренним взором дорогие сердцу просеки и покосы, те укромные полянки, где встречают свою весну укромной песней красавцы глухари, и ты в нетерпении собираешься в дорогу, и нет для тебя поры радостней, чем весна. Весна захватывает тебя, ты отправляешься ей навстречу, чтобы запеть свою песню: по всей земле идёт удивительный праздник... Чудесная картина!

Ты словно очнулся ото сна, и начал думать такую же чудесную думу: про то, как терпеливо копилась в твоей душе весна, как постепенно шёл ты к своим любимым птицам – глухарям, и не для того, чтобы подстрелить, а лишь увидеть, подслушав их древнюю песню, и запеть самому. Да будет так, коли желаешь лететь к чему-то небывалому!

А вообще, встать в жизни на верное место – первое дело, и если уж встал, то не сходи с него никогда, чего бы с тобой ни случилось, а иди вперёд, развивай своё сознание, и помогай обрести его другим. Тогда и жизнь будет тебе дорога, не растратишь ты её уже на пустое, коли поставишь себе целью изучать всю её красоту и глубину, проникая в тайны и леса, и моря, и человеческой души, не уставая от этой замечательной работы, потому как нет на свете ничего полезнее и мудрее.

Конечно, большая загадка – зачем тебе дана жизнь, но ты её непременно разгадай, никто тебе ничего на этом пути не укажет, если в него не отправишься, и лучше самому в ней обо всём разузнать, чем от кого-либо услышать, так вернее будет. Никто нам ничего без нас самих не приготовит: просто будь собой, и станешь лучше всех!

Это напрямую относится к постижению лесных загадок... Если бы все люди добивались понимания жизни, то жизнь эта была бы очень неплохая. Она, впрочем, и так хорошая, но не хватает у человека желания постигать существование во всей его красе, с каждым разом проникая всё глубже и глубже, доходя, таким образом, до самых удивительных вещей, каких бы он никогда не достиг, не прояви на этом пути соответствующей выдержки и терпения. А главное, несокрушимой ничем решимости, чтобы благодаря ей открыть и себя самого, и окружающий мир.

Если же тебе является на пути нечто, своими собственными силами, казалось бы, недостижимое, то ты обязан до тех пор стремиться разрешать неразрешимое, пока не устранишь это неудобство и не доберёшься до правды. И как хорошо осуществлять задуманное наедине с природой, чутко вслушиваясь и вглядываясь в неё, ощущая, как в тебе пробуждается ещё большая сила. Природа только обрадуется твоим добрым устремлениям и желанию укреплять свой ум и волю, незаметно становясь мудрее, поскольку всё дело в тебе самом, в том, к чему ты себя ведёшь, к какой достойной цели.

А цели этой не видать, если не научился ты относиться ко всему животному и растительному миру с уважением, сердечно. Воспринимая весь живой мир как свой, ты скоро для себя откроешь, что идёшь по нему с великой охотой, и всё проживаемое им – задевает и тебя. Понимая Природу как Великое Целое, а себя - её неотъемлемой частицей, ты скоро узнаешь лица зверей, птиц и растений, а через них разберёшь и свою душевность, без какой тебе не жить.

И, несомненно, ты увидишь и правду, и самые расчудесные чудеса, поскольку сердце твоё живо, и огонёк сознания в нём горит. Тебе помогла разжечь его наша Матушка-Природа, а ты сам взял управление жизнью в свои руки, и из этого вышла для всех одна радость. Ты нашёл себя в этом мире, именно – свой талант, и благодаря божественной природе развиваешь его, и устремление это необратимо: если не двигаться вперёд – счастье твоё обвалится. Так не бойся ничего, живи открыто, обнимая весь мир своей любовью, и, отправляясь в чудесные края, будет тебе божья милость.

Бывает, приходит в жизнь лесного искателя такое мгновение, когда открывается ему то, чего он добивался долго-долго, быть может, многие годы, и его никак нельзя пропустить, оно оказывается рядом с тобой неслучайно. Но если ты не почувствуешь этот момент, а главное, в себя не поверишь, чудесное мгновение способно также быстро улетучиться, только его и видели. Будь чуток сердцем, не упusti своё счастье, и когда ты его

заметишь, всё вокруг и в тебе вмиг перевернётся, затрепещет восторженной птицей, и ты почувствуешь себя другим человеком.

Каким? Уже не тем, что был, совершенно чётким и пронизательным, не переменчивым, как раньше, зависимым от чьего-либо отношения к себе, а абсолютно уравновешенным и покойным, с великой радостью воспринимая в душе проистекающую повсюду удивительную жизнь.

Всё тебе в лесной жизни станет страшно интересно... И о чём думают глухари, и почему они иногда по нескольку дней не прилетают на ток, и где берёт отчаянную храбрость копалуха, закрывая собой маленьких глухарят, когда идёт по земле страшный огненный пал, и кто помогает тебе в ночном лесу продвигаться своим путём, не сбиваясь, к своей долгожданной заре, и отчего темнее всего бывает час перед рассветом?

Разве не чудесно было бы разобраться во всех этих вопросах, и ещё решить не одну чудесную загадку по постижению таинственного леса, став навеки его искренним поклонником? Как это, наверное, выходит у глухаря, когда он каждую весну провозглашает во всеуслышание и её, и свою безмерную радость, и древнюю память о бесчисленных вёснах, что переживала за свою историю наша земля.

Так же вот, постепенно, постигается и сам лес: издали он представляется сплошь чёрным, немного приблизишься – он голубовато-синий, ещё ближе – седовато-серый, с бура, почти рукой подать – перед глазами встаёт густая тёмная зелень, а прикоснёшься рукой к хвойной ветви – чистый изумруд!

Чтобы познать истинную суть леса, нужно сначала заприметить его на горизонте, затем перемочь на пути к нему необъятные заснеженные поля и не отчаяться. Мало того, необходимо не растеряться при прямом столкновении с вековой чащей, не теряя к ней интереса, и уж потом осторожно подойти вплотную...

Тем, кто ещё не вошёл в лес, хочется поскорей туда войти. Тот же, кто уже побывал там, желает побыстрее выйти... Что за сила влечёт нас туда и оттуда? И отчего, когда мы находимся в лесу, время, вроде бы, приостанавливается, и начинается какая-то новая, особенная жизнь, к которой мы так стремились, но от которой, всё же, бежим? А кто-то и не думает ничего об этом, и равнодушие его, подобно девственной тайге, безгранично...

А между тем, в лесу постепенно обнаруживаешь в себе какую-то незнакомую раньше звериную повадку, и совершенно забываешься, как человек, пытаясь проникнуть в каждую мелочь, что тебя окружает. Даже к концу дня, уже сидя у костра, ты отрешённо вглядываешься в огонь, что гудит, как в печи с хорошей тягой, и когда поднимаешь голову к небу, то видишь только, как искры смешиваются со звёздами. Не разберёшь, где - на мгновение вспыхнувшие искры, а где – вечный свет далёких миров.

Жгучие утренники грызут лес изнутри, в еловых ветвях повисли клочья промозглого тумана, а предутренняя тьма незаметно прокрадывается в озябшую душу. Но костёр неизменно потрескивает в ночи, хранит алое тепло

и не даёт затухнуть твоему интересу к загадочной лесной чаще. Постепенно кровь опять начинает бодро струиться по жилам, сердце ударяет в такт рвущемуся к небу живому огню, и хочется лететь к неумирающему свету звёзд, изучать эту удивительную сказочную жизнь и не угасать душой.

Сказочная лесная быль – это такая быль, что лучше сказки. Только потому, что она прекрасна, её и называют сказочной, а на деле эта быль и есть чудесная тайна, куда хочется проникнуть, и ведь если по правде жить, то такое желание достижимо, надо только слушать своё сердце и верить ему. Вот оно и поведёт тебя к чему-то неизведанному, и ты очень удивишься, когда вдруг осознаешь, что это прекрасное неизведанное, оказывается, всегда находилось рядом. Не отпугни его, прими всем сердцем сказочную быль, и живи по ней.

Хорошо жить по сказочной правде. Нигде, как в лесу, она во всей красе себя проявляет, и только стоит зайти под его полог, как чудесное тотчас подхватит тебя и понесёт в свою таинственную даль. Отдайся ему на волю, доверься всей душой, и небывальщины не заставят тебя долго ждать.

Так бывало в лесу уже не раз: если думаешь о чём-то таинственном и чудесном, оно обязательно тебе рано или поздно показывается, когда не отступаешь от своих мысленных и душевных устремлений. Нужно только не сомневаться ни в себе, ни в скрытой лесной тайне, что так обворожительна в своей кажущейся недостижимости, и ты веришь – обязательно её раскроешь.

Но как восхитительно это ожидание, наполненное чудесными лесными картинками, что не дают покоя ни днём, ни ночью, тем более, если идёт по земле весна. Такое в ней увидишь, такое узнаешь, чего ещё никогда не было тебе ведомо! За тем и сказочная быль в лесу существует, чтобы истину найти.

Оказавшись среди величественного дремучего леса, объятого тишиной и покоем, мне всегда хочется понять: в чём высшее предназначение моей собственной жизни? Но ели и сосны в молчании смыкают над головой густые макушки, и мои неприкаянные мысли, достигнув их, беспомощно растворяются в вышине, не находя спасительного ответа. Сам себе я тогда начинаю казаться ничтожно маленьким, можно сказать, вообще не существующим среди этого царственного могучего леса. Почему так неотступно терзает душу это необъяснимое желание, что каждый год влечёт в знакомое мне одному место, точно обещая раскрыть некий тайный смысл, я не знаю...

Вглядываясь поздним вечером в неподвижно сомкнувшееся над головой небо, я чувствую, что есть нечто важное в таком, казалось бы, бессмысленном времяпрепровождении. Это открывается вдруг, с тревожащим душу ощущением даруемой лесом свободы и взаимосвязи со всем, что тебя в нём окружает: с могучими стволами древних деревьев, подпирающих собой звёздное небо, с ударяющей в голову грибной сыростью, буйством трав, обвивающих старые пни, с нежным цветом земляничника, распространяющего вокруг сладковато-пряный сонный аромат... Вместе с этим простым и ясным откровением лесной чащи душа

тотчас наполняется мудрым покоем, и ещё таким пониманием собственной жизни, что изредка проникающая в неё туманная грусть уже не пугает, а только убаюкивает: благословен будет твой путь, если ты в своём таинственном уединении, постигая тайны леса, не отделишься от людей.

Но трудно представить свою жизнь без лесной души, что, кажется, никогда не старится, постоянно обновляясь в своих нескончаемых жизненных примерах. Даже когда деревья в лесу умирают, старые пни окружены его мудрым вниманием и покоем. Так велика тайна лесной чащи, её неповторимый мир звуков, запахов и красок. А знаете, как эта тайна раскрывается?

В самый, что ни на есть, неожиданный миг, когда ничего, вроде бы, от леса и не ждёшь, он возьми и преподнеси тебе свой дар, что уж не забудешь никогда, потому как он – волшебный. Так и в нашей обычной жизни чаще всего происходит, когда будто бы из ничего приходит к тебе однажды дорогой человек, или случается в твоей жизни такая удача, о которой ты ни думал, ни гадал, и хорошо при этом взять себе на ум, что всё это неспроста. Когда-то ты, должно быть, шибко постарался в выбранном по сердцу деле, словом, подналёг в старании, а через какое-то время – извольте получить вознаграждение. Подобным поворотом у Бога всё и обходится, если, конечно, чтить Отца своего, и сам себе из этого мироощущения другом приходишься: не потопаешь, как говорится, не полопаешь. И ведь всегда заветная дверца открывается лишь в приятном забытьи, некоей отрешённости, когда не сосредоточен на желаемом, и вот тогда оно, это вознаграждение, и объявляется, никак не раньше, и чтобы овладеть тайной, тем более, лесной, необходимо секрет знать.

Спросите: какой? И я вам охотно отвечу: всё дело – в вас самих, в вашем отношении к жизни. Если, скажем, подступил самый печальный месяц в году – ноябрь, вам разве тоже надлежит скорби предаваться?

Да нет, конечно, ещё с вечера вы намеревались отправиться поутру в лес, загадывая, что оно выдастся перламутрово-туманным, пахнущим пряными травами, хоть и сырым, каким-то удивительно заветным. Если идти тихонечко, по усыпанным прелым листом укромным дорожкам, слышно, как насвистывают и перелетают повсюду упитанные рябчики. Золотое осеннее время, разумеется, миновало, но если повезёт, день выдастся укромным и радостным, как и пролёгшие в нём тропинки.

К полудню из-за тяжёлых низких облаков неожиданно проглянет ненадолго солнышко, чуть прогреет стылый воздух, и весь осыпавшийся лист превратится в мягкую душистую перину, так что ступать становится необыкновенно мягко и приятно. Осенняя трогательная пустота звенит на разные голоса, оттенки, звуки, и даже в угасающем сумраке ноября, когда, кажется, жизнь замерла, она до конца не истаивает.

Легко и приятно идти по лесу притихшей мягкой дорожкой, чувствуя, как умиротворённая осенняя пора заполняет всего тебя своей ненавязчивой и ласковой силой. Идёшь неспешно, и знаешь, что день обязательно принесёт

что-нибудь чудесное, и вдруг, тотчас, как ты только об этом подумал, стремительно взмывает из-под куста орешника дружная стайка тетеревов, приятно пугая своим взрывным взлётом и привнося в окружающий пейзаж ещё большее обаяние. Каждая птица чудесна по-своему: особенность тетерева в его взрывчатости и поразительном напоре. Одинаково оглушительно режет он воздух зимой, неожиданно взрываясь из-под снега, и осенью, когда в умиротворённой мёртвой тишине вдруг взмывается свечой над частым осинником, бьётся исступлённо в его скрестившихся ветвях, отчего сердце переворачивается в сладкой истоме.

Сердце сладко замирает, подкатывая прямо к горлу, а потом словно срывается от невозможности вытерпеть эту завораживающую паузу, и кровь тотчас мягко ударяет в виски. Короток миг тетеревиного порыва, но ещё долго стоит он в ушах, мешая на чём-либо сосредоточиться...

Когда же всё завершается, и первозданная лесная тишина вновь обволакивает твой слух, тебе начинает казаться, что ничего и не происходило: так стремителен был этот поразительный взрыв энергии, скрытый ото всех в чёрном, отливающим синью оперении тетерева. Сторожкие птицы всего лишь взорвались неподалёку, что самой природой призваны быть чуткими, чтобы сохранить своё атласное перо и неподражаемое белое подхвостье, но как это было красиво! А бархатно-брусничные брови? Кто позаботится об этой птичьей красоте, кроме самого тетерева?!

Вот и прекрасная осень заботится о птицах, тихонечко шелестит пожухлым листом, ещё издали предупреждая их об опасности, но меня тетеревам остерегаться нечего, я отправляюсь в лес без ружья, за чудесами. Чудо – это то, что есть, но люди ничего о нём не знают, потому как не желают верить в его существование, а главное, они его не заслужили, и чудо им не открывается. Нужно приложить немало усилий, чтобы чудо произошло, вернее, объявилось, но даже когда это произойдёт, чудо своего очарования не теряет, поскольку неподражаемо прекрасно, и значит, незабываемо.

Незабываема и русская осень... В конце октября – в начале ноября в лесу тихо-тихо, и если зашуршит, цепляясь за ветки, одинокий лист, почудится, будто кто-то ненароком вздохнул и затаился, а уж если пробежит мышь, то сразу встряхнёт осеннюю тишину! До печали ли тут растревоженному природой сердцу?!

Когда научишься всё в жизни принимать так, каким оно приходит, ничего заранее не загадывая, тогда и в лесу сразу многое откроется, и суть любого секрета проста: секретное, что заветное – блюди его, и если о нём не спрашивают, о том не говори. А ещё – будь честен, в первую голову, по отношению к самому себе, к тому сокровенному, что живёт только в твоей душе, не хорони его, а дай выход, и это обернётся для тебя непременно открытием. Никак иначе ты не согласишь свою волю с волей Мироздания,

если проявишь настойчивость в достижении истины, она рано или поздно тебе скажется.

Знай: всякая тайна твоей неутомимостью и бесстрашием крыта будет, и тогда нестрашна непогода, важно, чтобы в твоём сердце солнце всегда светило, и свет этот растворит любые загадки природы, сообщающей нам всем благодать Божию. Разве возможно её не увидеть?!

Всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы, тотчас же приравнивается к чуду, а где этих чудес больше всего, если не в доступном всем нам лесу, просто переполненном ими? И чаще всего, это самое диво дивное, не иначе, как только в лесу приключаящийся случай, нечто нежданно радостное, что не всегда и словом опишешь, располагается, как правило, совсем рядом, у деревенских жителей – прямо под боком. Походишь не один год в лес, говорят они, так нагладишься чудес, что в лесной чаще творятся: бывает, такие чудные, будто только для этого и родились!

Неописуемая прелесть божьих дел, действительно, имеет место быть неподалёку от человека, и важно её увидеть. И тут даже не диковина, что кукушка в чужое гнездо залетает, было бы чудо, кабы, своё свила! А ОТЕЦ-ЛЕС, знай, каждый день чудеса свои созидает: удивительны дела его, Господи. Но лесной храм людям не на потеху устроен, а всему свету на поучение, отчего любознательному человеку лес завсегда в радость. Эдакое лесное чудо, что шире Рождества и Пасхи!

Правда, люди утратили способность удивляться этим самым обычным, но чудесным вещам, воспринимая окружающий мир только как привычную быль, и никак иначе. Но мир от этого не изменился: он по-прежнему чудесный и сказочный. И при этом в твоём общении с природой нет ничего мистического. Всё достаточно просто, если воспринимать окружающий мир живым, где всякое явление или предмет имеют свой уровень сознания.

Когда находишься на одной волне с природой, ведёшь себя осознанно, всё вокруг непременно тебя чувствует и отзывается на твои душевные устремления. Каким-то природным энергиям, в результате таких душевных устремлений человека, представляется возможным даже оказывать ему некоторое одолжение, потому что этот человек приятен невидимым природным силам, они поддерживают его, делясь с ним своим благосклонным настроением, и так могут относиться к человеку кто угодно – и звери, и птицы, и дерево, и земля.

А вот когда человек равнодушен к собственной внутренней природе, он неминуемо проявляет равнодушие и к окружающей его жизни, что полна энергии, отдавая её просто так, ничего за неё не требуя, бесплатно: взял бы только кто-нибудь, не проходил бездумно мимо. Какую кладёз энергии содержит в себе природа, и нужно не потерять в себе способность замечать её обыденную красоту!

Мистика, если в природе и присутствует, это не есть нечто запредельное, не присущее земной жизни, а как раз составляющее многочисленные тайны природы, которые люди не желают разгадывать, или просто не замечают. Вот и окрестили всё непонятное для себя в окружающем их пространстве загадочным словом, вместо того, чтобы постигать эту удивительную жизнь.

Я уже и сам стал про себя подумывать: а, действительно, чего же необычного во всём, что происходит в лесу? Ведь это мать-природа так просто благоволит к нам, своим непутёвым детям, и нужно быть абсолютно бездушным, чтобы не понимать этого волшебного дара, тогда как следует всего лишь быть более внимательным и чутким, как можно чаще практикуя взаимоотношения с природными энергиями.

Не начав, всегда боишься или сомневаешься: а получится ли? Никогда не нужно бояться вмешиваться в жизнь, если это не доставляет кому-либо дискомфорта. Иначе ничему не научишься и ничего не узнаешь.

Конечно, не всё у человека может складываться с самого начала, не сразу он обретает опыт! Когда у тебя что-то не получается, значит, для этого ещё не пришло время, ты просто не готов к восприятию необходимых энергий, и потому должен копить в себе силы. Опять же, спросите – как?! С лесной чащи каких только чудес не станется, но вот покой в ней пьёт лишь воду, а беспокой – мёд, и потому без усилий, что необходимо предпринимать при отыскании в лесу чудес, никак не обойтись.

Я смолоду много ходил по лесу один, любил это делать, причём, бывал в одних и тех же местах, чтобы лучше их изучить, и обитающие там духи, по-видимому, хорошо меня прочувствовали. Я много лет проработал в море, проникся энергиями этой стихии, и она тоже не оставалась ко мне равнодушной. В результате длительной работы над собой, мне удалось обнаружить своё предназначение, нащупав индивидуальную программу именно на это воплощение, и это тоже не могло не оказать значимую поддержку в понимании себя и окружающего мира.

Имея деревенский дом с земельным участком, где произрастают посаженные мною деревья, что стали мне сокровенными товарищами, я постоянно, из года в год, общаюсь с ними, забочусь, и деревья эти великодушно делятся со мной своей силой. Мне есть откуда черпать энергию, причём, самым простым образом: сопереживая со всеми перечисленными стихиями, осознавая каждый свой шаг. В противном случае, как я убедился со временем, тебе не удастся соприкоснуться в лесу с небывалым, чем-то по-настоящему чудесным, и для того, чтобы это произошло, тебе нужно вести себя осознанно.

Когда обращаешь своё пристальное внимание на всё происходящее в природе, ты восстанавливаешь единство со всем Сущим, ту неразрывную связь, что была когда-то утрачена людьми. В этом единстве покоится всё в природе, и если вдумчиво посмотреть на любое растение, просто воспринимая его как неотъемлемую от неё данность, то тебе начнёт

передаваться его скрытая от глаз людей радостная тайна, некая безмятежная и глубокая суть, пребывая рядом с которой, ты неминуемо становишься сильнее. А надо-то всего лишь смотреть, вдыхать и слушать...

И вот тогда ты увидишь и почувствуешь, как каждый живой организм является только собой, без какой-либо раздвоенности, с самого рождения гармонично взаимодействуя с окружающей средой. Так и ты: созерцая красоту природы, избавляешься от зависимости быть кем-то ещё, непроизвольно ощущаешь эту красоту внутри себя, и сразу наполняешься энергией, которая, оказывается, есть твоя истинная суть, то состояние, что тебя никогда не оставит, только приумножаясь, если будешь осознавать её в себе всегда. И как при этом важны звуки природы, все её трели и вскрикивания, шорохи и шелесты, стрекотания и насыщенная жизнью тишина?! Если ты отозвался душой, хотя бы, на эти звуки, то открываешь нечто, казалось бы, не существующее, чего, вроде бы, и не постичь, как бы ни старался, а оно есть, да какое мощное!

Всецело отдаваясь скрытому лесному миру, ты ему - близок, постепенно осознавая в себе неимоверную энергию, что соединяет тебя со всем Существованием. Если воспринимать природу только через ум, никогда не постигнешь её красоту и жизнестойкость, и потому относиться к ней нужно с душой, позволяя жизни течь в себе естественно. С этим естественным сопереживанием к тебе и приходит понимание всего Сущего, и ты целиком воссоединяешься с природой.

Природа исцеляет тебя, наделяя могучей энергией, когда ты уже не можешь жить неосознанно. Природа ждёт достойного человека, через него она осознаёт и себя, так задумал Господь, и как хорошо всегда находиться с ней в согласии.

И так, однажды, большая радость пришла ко мне в лесу, и было этой радостью – сопричастность всему, что происходит в нём, возможность, если не поленишься, увидеть это чудо и пропустить через сердце, после чего дух лесной чащи навсегда входит в тебя, уже никогда не покидая, и приносит огромное удовлетворение. Такая была эта радость, что не описать никакими словами, лишь переживать в себе, где бы ты ни находился: и в городской квартире, сидя за письменным столом, и работая в море, и даже во снах, когда к тебе приходят любимые лесные уголки, на век запечатлённые в памяти.

Я даже не сразу понял, какое это богатство, а когда понял – почувствовал себя по-настоящему счастливым. Открылось ясное осознание, что даже если и придёт в твою жизнь нелёгкое испытание, ты встретишь его достойно, как бы плохо всё не выходило, и на душе у тебя будет покойно и хорошо.

Горе вперемешку со счастьем, конечно, мучительно, но всё-таки счастье уже не покидает твоего сердца, потому что в нём давно поселилась истинная правда. Правда эта заключена в твоём искреннем интересе к жизни, к любимому тобой лесу, где каждая тропинка приводит к чуду. Лес как будто

смотрит на тебя из какой-то светлой сказки, всё знает, что ты о нём думаешь, и оттого радуется вместе с тобой. Разве тут усидишь дома?!

Так уж выходило, что душа моя всегда страдала по лесу, как, впрочем, и по морю, что не было, конечно, плохо. Наоборот, мне казалось, что в любое время года лес даже ждёт меня, как и я жду с ним встречи, и получалось так, будто бы мы оба радовались, предвкушая тот момент, когда я войду под полог леса, а он как-то по-особенному поприветствует меня. Я чувствовал это всегда, правда, не сразу стал осознавать эту издавна установившуюся между нами взаимосвязь, и было очень приятно, что лес тоже чувствует меня и понимает.

Ожидая скорое соприкосновение с лесной чащей, мне уже кружил голову аромат её сырых кореньев, трав и хвои, и я верил, что мне опять откроется там нечто ещё невиданное, и так, в конце концов, и выходило. На меня снисходило вдохновение от соприкосновения с лесом, и я точно знал, что он помогает мне жить.

Пожалуй, больше всего мне помогал лесной дух, что я угадывал в удивительном воздухе, наполняющем это необыкновенное пространство, где так соразмерно умещались и птицы, и звери, и растения, и небо с землёй. И всё это необъятное, но почему-то такое родное лесное существование было очень уютно и приятно моей душе. В нём постоянно хотелось находиться, и я, без остатка, отдавал своё сердце этим укромным перелескам, старым волокам и потаённым тропинкам, светлым опушкам и забытым всеми полуразрушенным деревенькам, заброшенным дорогам и не зарастающим просекам, по которым хотелось, не щадя себя, стремиться в какие-то ещё более дремучие, таёжные дали.

Что двигало мной в этом устремлении? Наверное, неуёмное желание раскрытия тайн и постижение чудес, моё солнце в душе, и я благословляю тот час, когда судьба свела меня с таинственной лесной чащей!

УГОЖЕЕ ПОМЕСТЬЕ

Интерес к лесным богатствам – нескончаем, ибо нескончаема сама таинственная чаща, что протянулась через всю нашу необъятную землю: ни конца ей, ни края! И так же нескончаемы вести в лесу, что исправно, как по заказу, случаются в природе. Вестей этих, самых расчудесных, как ни старайся, не перечесать, чем и славен наш лес, и от того радостно становится на душе, привольно. Хочешь – ступай в ту сторону, пожелаешь в другую – сам себе голова, но куда бы ни обратилась твоя душа – повсюду тебя встречают чудесные лесные вести, я их называю «полесовки», и лес с ними – к селу крест, а безлесье – не угожее поместье!

Чего только не происходит с человеком в лесу, если он поистине привержен к его тайнам, и не представляет без него своей жизни. Лес преподносит ему множество чудесных загадок, раскрыть которые – страсть, как хочется, но без вдумчивого отношения к природе тут никак не обойтись,

иначе клад лесной никому не даётся. И человек отправляется на свидание с батюшкой-лесом, и благодарит его за оказанное доверие и ласку, ведь без леса – ни прута, ни лесинки, ни барабанной палочки!

Шёл однажды по берегу реки человек с ружьём, увидел рябчика и выстрелил. Рябчик упал, а вместе с ним куница, притаившаяся на растущем позади дереве, но невидимая охотнику, и скопа, что только прилетела в гнездо со щукой в когтях, и расположилась чуть поодаль. Один удачный выстрел, и вот тебе нежное боровое мясо, драгоценная шкурка, хищная птица в придачу, да ещё и уха!

Мы все, кто любит и понимает лес, конечно, скажем, что выстрел оказался на удивление метким, и случается подобное везение крайне редко, наверное, на чей-то взгляд, его можно даже назвать чудом, а всё же - жалко становится и рябчика, и куницу, и скопу с выловленной рыбиной. Сразу приходит на ум такое соображение, что лучше бы человеку вовсе избавиться от пустой стрельбы по живому, и направить всё своё воображение на созидание, на помощь лесу, тогда он ещё большими чудесами тебя одарит. Аль человеку в лесу лесу мало?!

Или такое тоже бывало... Охотник, на привале, заметил двух летящих над ним, на небольшой высоте, тетеревов, и выстрелил дуплетом. Первый косач свалился чуть ли ни к ногам охотника, прямо в лежащий открытым рюкзак, а другой угодил в кипящий на костре котелок. Если слово «чудо» существует в человеческом языке, значит, за ним скрывается удивительная действительность, которой, чаще всего, присуща простота, и где, как ни в нашем чудесном лесу, она может ещё проявиться?!

Слыхал я не раз небезызвестную историю о том, что будто бы вальдшнеп, эта изумительная по красоте птица, в отличие от других куликов живущая в лесу, во время вечерней тяги иногда присаживается прямо на голову охотнику, на какую-нибудь его замысловатую кепку или шляпу. В её необычной форме, а может – и цвете, он, якобы, обнаруживает для себя предполагаемую и желанную самку. Или, ещё издавна, бытует среди охотников такое поверье: если во время тяги, когда птицы с особым оживлением устремляются за самкой, подбросить шапку или фуражку, то самец, приняв её за самку, может резко снизить полёт, и опустится на то место, где упадёт брошенная вещь, чем охотник и не преминёт воспользоваться.

Стоя на тяге, мне самому подобный фокус приходилось проделывать не раз, но никогда вальдшнеп не реагировал на него, спокойно пролетая мимо, и потому я воспринимаю бытующее поверье за обыкновенную охотничью байку, тем не менее, привносящую свою обаятельную лепту во все истории, связанные с лесом. Даже удостоверившись, что способ с подбрасыванием шапки никогда не срабатывает, охотники всё же не перестают в него верить, и нет-нет, да воспользуются им, когда их никто не видит. И каждый, наверняка, думает про себя: а вдруг вальдшнеп купится на мою проделку, и опустится на землю?!

Случается в лесу и такая, почти неправдоподобная история, когда уже рябчик, а не вальдшнеп, садится на голову подманивающего его, на манок, охотника. По объяснениям такого охотника можно лишь понять, что он сначала очень напугался, но потом обрадовался, якобы даже пытаясь ухватить рябчика рукой. Иной же охотник уверял, будто у него была какая-то необычная по форме и расцветке шляпа, которая понравилась петушку, и он выбрал её в качестве присадки. Порой находились и вовсе безудержные болтуны, что усматривали в посадке рябчика на голову охотника озорство, кураж, который петушок, оказываясь, позволяет себе в пору ухаживания за самкой.

Совсем не казалось необычным, когда на ничего не подозревающего охотника, подманивающего рябчика пищиком, неожиданно нападает ястреб-тетеревятник, до такой степени воспроизведённый свист оказывается верным. В самый последний момент хищник понимает свою ошибку, и бросается наутёк, оставляя незадачливого охотника в диком изумлении. Хорошо, если ястреб не успел воспользоваться своими страшными когтями!

Со мной подобное случалось раз-другой, и в этом нет ничего удивительного, поскольку ястреб обладает отменным слухом, и камнем падает именно в ту точку, откуда доносится призывная песня рябчика. Однажды я чуть было не поплатился глазом, и спасли меня лишь широкие поля ковбойки, которую хищник сбил с головы, напугав меня при этом до смерти. С тех пор, прежде, чем подманить рябчика, я тщательно выбираю место, откуда бы открывался хороший простор, а сам бы я был никому не видим. Ведь рябчики, обладая короткими крепкими крыльями, ловко лавируют среди частых ветвей.

Вообще, трудно себе вообразить, что на рябчиковой охоте, такой спокойной и размеренной, казалось бы, лишённой каких-либо неожиданностей, порой случается и непредвиденное. Ведь само существование рябчика в лесу представляется неприхотливым и хорошо знакомым: пробуждение, звонкая песенка, возвещающая о начале нового дня, а затем размеренная кормёжка у реки, в густом черёмушнике или ольховнике. Днём птицы примолкают, как бы затаиваясь, но под вечер вновь оживляются, и опять звонко пересвистываются, кормятся, и с сумерками умолкают.

На первый взгляд, эта осёдлая жизнь ничего необычного в себе не содержит, но, тем не менее, рябчик не так прост, как принято о нём думать. Как ни странно, по большей части именно с ним, а не с какими-либо другими лесными птицами связано множество самых невероятных случаев и историй.

Среди знатоков существует мнение, что птицы разной породы никогда не слетаются в одно место, и уж, конечно, не летают в одной стае. В народе по этому поводу есть такая поговорка: «Знай сорока сороку, а ворона ворону». И действительно, какая корысть соединяться птицам, друг на друга совсем не похожим, да ещё порой и враждующим между собой?!

Но вот однажды, возвращаясь с охоты, я вдруг поднял неподалёку от реки, в маленькой ложбинке, вальдшнепа и ... рябчика, которые сидели на земле рядом. За долгие годы моего общения с лесом это случилось впервые, причём, именно с рябчиком. Птиц разделяла какая-нибудь пара метров, и они явно видели друг друга, хотя не тревожились, и ничего не предпринимали. Им, кажется, было даже хорошо вдвоём. Но что могло их соединять?

Это соседство разных птиц так и осталось для меня загадкой, и какие бы предположения я ни строил, ответа не находилось. То ли птицы случайно оказались вместе и просто не выказывали друг другу недовольства, то ли их всё-таки что-то заинтересовало, но дальше того, что они уже позволили себе, птицы не шли. Не могли они, по-видимому, и совокупляться, поскольку стояла глубокая осень, и всякая любовная страсть среди птиц давно отсутствовала. В природе, впрочем, известны случаи соединения глухаря с тетеревом, и тетерева с рябчиком, именуемые «межняком», но допустимо ли подобное в отношении рябчика с вальдшнепом?!

Рябчик сидит, вглядывается в окружающую его осеннюю жизнь, и чего-то ждёт, не улетает. Рядом находится вальдшнеп, по осени обычно предпочитая одиночество. Причём, такое замкнутое и отрешённое, что подпускает к себе вплотную и человека, и зверя, как будто надеясь, что его не заметят, ждёт до самого конца. А тут рядом птица, и именно рябчик, на соседство которого вальдшнеп никак не реагирует!

В охотничьей литературе много хвалебных слов уделено в адрес особо сообразительных зайцев, что называют в народе «профессорами», но вот года три назад, осенью, я удостоверился в наличии удивительной сметливости и у рябчика.

Сентябрьский день, помнится, выдался на редкость ясным и безоблачным, рябчик с самого утра очень охотно откликался и шёл на манок. Был уже полдень, когда в прорехе ветвей, метрах в пятидесяти, я углядел сидящего на ёлочке рябка, который тотчас отозвался на голос самочки и, ударив в свою лесную дудочку раз-другой, нырнул вниз. Это могло лишь означать, что рябчик прибежит ко мне по полу и нужно приготовиться и ждать его с минуты на минуту.

Обычно рябчик устремляется на зов рябушки молча, но с точным расчётом: у рябчика удивительный слух. Если ты просвистел ему голосом самочки, с нежным, чуть глуховатым придыханием, а затем неслышно перебежал, да ещё похлопал себя по бокам шапкой, изображая перелетевшую рябчиху, рябок непременно отзовется и устремится тебе навстречу. Причём, окажется в точности на том месте, откуда прозвучала её песня, и будет в нетерпении выглядывать свою подружку, чуть слышно стрекоча, и время от времени раздувая шейку. Но даже когда он бежит к самочке полком, то ни за что не ошибётся и очутится прямо перед ней.

Изготовившись к стрельбе, я стоял, не шелохнувшись, ибо рябчик необыкновенно зорек и, углядев малейшее движение, мгновенно улетает. Но всё было тихо, а петушок почему-то не появлялся. Выждав с минуту, я ещё

раз нежно поманил курочкой, и опять тишина. Рябчик или увидел меня, или что-то заподозрил.

Слегка переступив и немного поменяв позу, я тотчас пожалел об этом, услышав за спиной шорох. А обернувшись, вдруг увидел крупного, нахохлившегося рябчика, который стоял в трёх метрах позади, чуть наклонив голову и скосив на меня востренький глазок. Он вот-вот готов был сорваться, но почему-то медлил, и я попытался осторожно повернуться к нему.

Тут уж рябчик не стерпел, стремглав бросился в заросли папоротника и исчез. Я же разочарованно присел на корточки и, улыбнувшись, наконец, облегчённо вздохнул: петушок обставил меня по всем статьям, да к тому же, кажется, посмеялся надо мной.

Выходило так, что рябчик сразу заподозрил неладное и, не желая рисковать, решил меня обойти. Либо он был достаточно старым и опытным, либо я, подманивая его, где-то сфальшивил. Рябчик не рискнул идти напрямик, пусть даже соблюдая осторожность, а заложил в обход такой круг, чтобы я его не слышал. Причём, он точно знал, где я стою, и обошёл с запасом, чтобы посмотреть, кто это свистит.

Но больше всего поразило то, как рябчик смотрел на меня, подобравшись с самого тыла. Он, судя по всему, совершенно точно представлял, с кем имеет дело, и лишь удовлетворил свой интерес. В каком-нибудь километре от деревни рябчик чувствовал себя полным хозяином, и перехитрить его, похоже, было невозможно.

Вообще, рядом с деревней подманить рябчика на пищик может далеко не каждый охотник, поскольку птица здесь пуганая и ведёт себя очень осторожно. А вот в отдалении, где рябчика много и он не так внимателен, манить его способен даже неопытный охотник, без особого слуха. Рябчик тогда доверчиво реагирует на манок, и скоро подлетает.

В азарте охоты очень легко и обознаться, приняв за рябчика человека. Со мной случалось такое, и я, помнится, получал огромное удовлетворение от того, что меня принимали за озабоченного страстью петушка. Когда я наблюдал из укрытия за тем, как ко мне крадётся обвешанный охотничьей амуницией мужичок, то больше всего поражало его лицо, а не собственное мастерство подражания. Лицо человека совершенно очевидно отражало менее притягивающие тайны, чем замечательная тайна птицы.

Но может ли что-либо в природе тронуть человеческое сердце более, чем калека, когда птица или зверь, несмотря на несчастный случай, всё же отстаивает своё право на жизнь?! Таких обычно подбирают хищники, незамедлительно пользуясь их слабостью и подтверждая, тем самым, незыблемый закон природы о поддержании её чистоты и здоровья. Правда, некоторым обитателям леса удаётся избежать этой участи, и нередко человеку попадается хромой кабан, трёхпалый колонок или канюк с переломленным и неправильно сросшимся крылом.

В дореволюционном журнале «Природа и охота» за 1881 год приводится рассказ неизвестного Н.Н.Е. о трёхногом переерке, более двух пудов весом, с

целыми зубами, которого еле-еле загнали собаки и охотник на лошади. Мне однажды попались глухарь с огромным жилистым яйцом под крылом, образовавшимся, по-видимому, в результате вонзившегося в него сучка, и одноногий рябчик, которого подстрелил мой приятель.

Глухаря этого я слышал издали, благодаря сильному ветру, поднявшемуся перед самым рассветом. Не будь ветра, я бы вряд ли различил вкрадчивый шелест глухариного щебетания даже в ночи, но мощный ветряной порыв донёс до меня отголоски песни, и, под шум ветра, я беспрепятственно, и довольно скоро, оказался прямо под птицей. Глухарь уместился на самой вершине высоченной ели, так что ветер бросал отрывки скиркания, а потом – точения, то в одну, то в другую сторону. Несмотря на непогоду, птица вела себя очень оживлённо, и никак нельзя было предположить, что она в чём-либо ущербна.

Когда, после выстрела, ломая сухие еловые ветки, птица рухнула прямо под ноги, в мох, то в сумерках я не разглядел под крылом большого кожистого яйца, величиною почти с кулак. И только в избушке, укладывая глухаря в рюкзак, обнаружил это абсолютно голое жёсткое вздутие, что умещалось под левым крылом, у самого тулова. Судя по всему, образовалось оно у птицы уже давно, было только непонятно – как она с ним уживалась? Вскрыв же нарост ножом, я извлёк из него на свет толстый обломок елового сука, положив на ладонь, тщательно рассмотрел, и опять поразился: каких усилий стоило глухарю терпеть эту внушительных размеров шишку у себя под крылом?

Уже дома я обратил внимание на то, что борода у глухаря пышная, большая, перламутровая зелень пера на груди достигает в ширину двух ладоней, а хвост, с исподу, весь усыпан крупными белыми пятнами, что могло свидетельствовать лишь о том, что птица достаточно зрелая, даже – старая, но в размерах сильно уступает своему действительному возрасту... По-видимому, это кожистое яйцо затормаживало развитие птицы, что в испуге однажды напоролась на еловый сук.

Что же касается рябчика, то с ним вышла совсем невероятная история. Мы с приятелем шли по склону лога, поглядывали по сторонам, и одновременно заметили рябчика, который как-то странно и коротко перелетал, в тоже время, не исчезая из поля зрения. Что-то будто держало его на одном месте, и не позволяло в полной мере насладиться свободой. Подстреленный, он неловко, комом свалился под ёлку.

Спустившись вниз, я, к своему удивлению, не увидел там птицы, а обнаружил на снегу след, направляющийся прямо к ручью. Рябчик плавал в нём рывками, и сквозь прозрачную воду я вдруг отчётливо разглядел у него только одну лапку. Затем опять рассмотрел след – он оказался одноногий...

Рябчик, видимо, допрыгал до ручья на одной лапке, плюхнулся туда обессиленный, и теперь плавал совершенно незащищённым серым комочком в холодной ноябрьской воде, и мне его было очень жалко. Не знаю, если бы он

не был калекой, переживал бы я так из-за него? И ещё: до сих пор для меня остаётся загадкой: каким образом этому рябку удавалось выживать в лесу?!

Когда петушок оказался у нас в руках, мы рассмотрели его культу, что зарубцевалась, по-видимому, совсем недавно. Нас поразила способность птицы, каким-то образом, удерживаться одной лапкой на ветке... Обратив внимание на то, что по всему склону лога в обилии произрастала черёмуха с рябиной, мы с товарищем решили, что наличие корма в одном месте и выручило покалеченную птицу, иначе бы ей невозможно было долго продержаться.

Выше мною уже упоминалось, что в охоте на рябчика случается и такое, что невозможно даже предположить. Пример тому – рябчик-калека. Но вот, скажем, ты просто манишь петушка, он тебе с желанием откликается, а поодаль отзывается ещё один, но как-то нехотя, без всякой надежды на то, что ему захочется подлететь.

Ты терпеливо переговариваешься с тем, который поблизости, и думаешь: вот сейчас он, наконец-то, припорхнёт на соседнее дерево, не вытерпит, и тут вдруг заслышишь, совсем с другой стороны, подозрительный шум, будто кто крадётся, время от времени замирая. Оттуда нет-нет, да раздаётся слабое посвистывание, скорее – неумелое, чем его можно было бы принять за робкое приглашение курочки. И у тебя сразу закрадывается сомнение, а вскоре ты замечаешь среди деревьев того самого, осторожно пробирающегося ... охотника с ружьём, что поддался на твои призывные «уговоры».

Весь его вид необыкновенно сосредоточен на происходящем таинстве, на лице – выражение, с каким мы, наверное, заглядываем ночью в холодильник, ещё толком не отойдя ото сна. С улыбкой окликаешь незадачливого охотника, им оказывается деревенский житель, с манком из глухаринной косточки, и он не в силах сдержать своего разочарования, даже – смущения: ведь он подкрадывался к тебе, будучи полностью уверенным, что ты – рябчик!

В не меньшее изумление повергает человека горноста́й, небольшой зверёк, если он, ни с того ни с сего, разъярённо вгрызается в каблук сапога охотника, когда тот находится в засидке на какого-либо зверя. Мой старший товарищ, с кем мы часто бывали в лесу, пережил подобный случай.

Он подкарауливал у норы барсука, что возвращался с охоты, и был поражён, с каким остервенением горноста́й впился зубами в его сапог, причём, совершенно не опасаясь человека, кажется, получая необъяснимое удовлетворение от борьбы с неведомым для него противником. Приятель мой поначалу опешил от происходящего, а потом даже затеял игру с забавным зверьком, да и напугал, тем самым, барсука, что пробирался по лесу, отчего тот сиганул со всех ног вглубь чащи. Окажись барсук возле своей норы, горноста́й, чего доброго, ринулся бы и на него. Ну, как тут не рассмеяться!

Озёрные и речные чайки, то ли от жадности, то ли от присущего им стадного инстинкта, порой, всем своим невообразимо крикливым скопищем,

обрушиваются на человека, когда он потрошит на берегу реки или озера пойманную рыбу, что, вообще-то, дело для них вполне привычное. Но вот случается и такое, когда налетают на тебя чёрной тучей наши обыкновенные серые вороны, раздосадованные тем, что ты подстрелил одну из наиболее надоедливых, неистово прижимают к земле, истошно галдят, и не дают выпрямиться, отчего готов бежать без оглядки, так молниеносно охватывает и тебя всеобщее птичье безумие!

Однажды, возвращаясь с охоты, мне довелось выстрелить по воронам в открытом поле. Слишком уж надоедливыми казались они, досажая неприятным кружением над самой головой и пронзительным вскрикиванием. Но это, как ни странно, не отпугнуло птиц, а только ещё более раззадорило. К тому же, одну из них дробь изрядно зацепила, и она с хрипом грохнулась на спину, привлекая тем самым своих собратьев.

Ворона, остервенело, хлопала крыльями, шипела, и через минуту над мной образовалась чёрная туча. Что-то невообразимое творилось в воздухе. И без того пасмурный осенний день сгустился до неузнаваемости, а мне вдруг стало жутко.

Птицы налетали со всех сторон, касались одежды клювом и крыльями, и, кажется, ничего не боялись. Они гнали меня так до самого леса, неистово прижимая к земле. Помнится, я тогда не на шутку был перепуган.

Мир природы многолик, и отдельным видам животных и птиц присуще необычное поведение, о котором многие люди и не подозревают. Даже узнав о каких-то необыкновенных проявлениях характера птицы или зверя, что вызывают их недоверие, люди ничего не принимают на веру, не в силах предположить, что птицы способны на подобное.

У той же вороньей породы, скажем, заведено такое своеобразное поведение, как «общественный суд», и об этом необычном явлении в жизни природы у меня тоже есть рассказ, но что касается птиц, то, по-видимому, нужно очень провиниться по вороньим понятиям, чтобы тебя осудили свои же собратья. Перед тем, как вынести «приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остаётся на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, тербя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, и если ворона, что проштрафилась, ведёт себя неправильно, или за ней числится большая вина, все вороны, в конце концов, набрасываются на неё и заклёвывают до смерти. Мне самому пришлось однажды быть тому свидетелем...

Случается это, правда, крайне редко, вороны, скорее, дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут наказанию кого-нибудь из собратьев, но ведь подобное всё-таки пусть и изредка, да происходит, хотя о какой большой вине у этих птиц можно говорить, учитывая вороватый характер у всех представителей враного семейства? И, тем не менее, ворона, как ни вертись, и спереди карга, и сзади карга!

Всех случаев, что удаётся подсмотреть в лесу, не перечислить, и многие из них кажутся неправдоподобными, если они произошли не с тобой, а с кем-то, как бы правдоподобно не рассказывал об этом удачливый свидетель. Но именно глухариные тока, с их неведомой ночной жизнью, могут подарить порой совершенно невероятные ситуации, которые бы никогда не пережил в менее богатом на впечатления дневном лесу. Где, как не на них, ещё можно открывать самые невообразимые лесные чудеса?!

Тут тебе и таинственные птицы с их потаённым от глаз человека существованием, и дикая природа с самыми глухими таёжными уголками, и разное зверьё, под покровом ночи ведущее себя более открыто, и неведомые существа, что оживляются с наступлением тёмной поры... Имей только терпение, неудержимое стремление к познанию и волю, и непременно будешь вознаграждён в своих лесных исканиях, потому как совесть твоя чиста, ты никого в лесу не обидел, а среди людей ищешь настоящую жизнь, что обязательно приведет к правде, потому как волшебного края нашего русского леса ты уже достиг: и этот край, действительно, переполнен истинным волшебством, оно здесь повсюду.

Вот кто-то прокрадывается сквозь чащу, кажется, что прямо к тебе, и сердце заходится в сладостной истоме от предвкушения чего-то необычайного, что вот-вот случится и околдует своей тайной. Ночь только прибавляет в этом уверенности, и за неоднократное хождение ночами по глухариным токам, я давно уверился в том, что она благотворно влияет на мою душу. Именно ночью, находясь в одиночестве среди дремучего леса, вдали от человеческого жилья, я обретал спокойствие духа, а одинокие тревожные думы покидали моё сердце.

Что-то ненужное, мешающее разглядывать в жизни только удивительное, утекало из него, и на душе становилось легко и просто. Ночной лес вселял в меня веру в чудесную крепость жизни, в то, что в любом живом существе горит неистребимая жажда к чудесному существованию на земле, и всё это можно почувствовать и увидеть, только соприкоснувшись с ним, сделав его своим.

В ночном лесу душа твоя, как и мысли, начинает растекаться повсюду, обо всём догадывается, осторожно прикасаясь к шероховатым стволам великанов-деревьев, их могучим ветвям, замшелым пням... Звёздное небо окутывает тебя своим бархатистым одеялом, и ты словно растворяешься в его необъятном уюте, и вовсе перестаёшь чувствовать, что ты – человек. В какой-то миг тебе начинает казаться, что ты исчезаешь, но зато появляешься в чём-то другом, наиболее целостном и важном.

Ночной лес что-то отнимает у тебя, но и забирает с собой, чему ты, впрочем, рад, поскольку оставляешь ему ненужное, что уже отжило. Правда, пока не можешь выразить это ощущение словами, несёшь его в душе и не знаешь – куда применить. Постепенно оно становится самим собой, тем, без чего ты себя уже не мыслишь, зная: полной тьме в твоей душе уже никогда не бывать.

О глухарях уже столько написано и говорено, что ничего нового, кажется, сказать невозможно. Многим бывалым охотникам всё это даже порядком приелось, ничем их, вроде бы, уже не проймёшь. Но вот удастся тебе, благодаря собственной неутомимости и терпению, а вернее – неувядающему интересу к лесной чаще, подглядеть нечто необычное в поведении глухаря, и ты в который раз поражаешься многоликости природы, её неповторимости и глубине, скрытом ото всех обаянии.

Чему бы, казалось, тут удивляться, другой бы, на твоём месте, так-таки ничего бы и не заметил. Но нет, для тебя всё увиденное выглядит не таким, как есть, а чем-то совершенно необыкновенным, даже порой – небывалым.

Привелось мне как-то отыскать глухариный ток неподалёку от деревни, в каких-нибудь двух-трёх верстах. В отличие от токов, когда до них нужно было добираться по разъезженной раскисшей дороге, утопая по колено в снежной каше или преодолевая сплошной бурелом, к моему току выводила чистая просека – старый волок. Волок скоро упирался в широкий покос, с трёх сторон окружённый сосновым бором, а за ним располагалась укромная полянка, где обычно и происходило токовое таинство.

Чудеса бывают, я это знаю, большие и маленькие, и вот одно из таких, на первый взгляд – совсем незначительное, мне и удалось подглядеть на этом глухарином току. К слову заметить, назван он был мною Пасхальным, поскольку отыскал я его много лет назад именно на Светлый праздник Пасхи, рано поутру...

Когда-то, давно, я вдруг твёрдо решил, что непременно найду глухариный ток, чего бы мне это ни стоило. И я его нашёл: старинный, всеми в деревне забытый и истреблённый, на нём токовал только один глухарь. Каюсь, не сдержался – и подстрелил своего первого глухаря, но оказалось, что он успел оставить потомство, ток постепенно разросся и немного переместился.

Я потом долго наблюдал за этим током, из весны в весну удивлялся всему, что происходило на нём, и, наконец, дал ему имя – Дикий. Так же, как и всем другим, что открыл и оставил на память в своей душе, после чего птиц уже не трогал.

Имена токов были незамысловаты: Быковский – по имени хозяина пасеки, что находилась рядом с токовищем, Дальний – ибо следовало туда идти аж двадцать с лишним вёрст, Новосёловский – по названию бывшей, заброшенной у старых прудов деревни, Берёзовский – потому что раскинулся на склоне у речки с соответствующим наименованием, Пасхальный – уже упомянутый мной, и был так счастлив, что даже позабыл о Боге... Впрочем, Он всегда оставался со мной. Потом ещё были Укромный, Заячий, Дорогой и Лиственничный. Да будут они живы!

Но вернёмся к глухарю, что удивил меня своим поведением. Когда я подходил к нему под песню, то отчётливо слышалось тьяканье деревенских собак. Но глухарь никак не реагировал на звуки, что, по-видимому, уже не раз слышал.

Скорее всего, он уже успел привыкнуть к ним, родившись неподалёку от людей, а будучи достаточно молодым, это было заметно по его размерам, ещё не укоренился в своих годах. И вот, когда от деревни вдруг доносилось петушиное кукареканье, глухарь, примолкнув, замирал на ветке, забавно приподняв лапу, и, настороженно повернув голову, будто бы прислушивался к своему деревенскому собрату...

По всему было видно, что пение петуха его всё-таки озадачило, хотя тявканье собак, вероятно, ему приходилось слышать гораздо чаще, и глухарь, выдержав долгую паузу, опять запел, правда, уже не так активно, как-то нехотя. После того, как петух в деревне вновь огласил всю округу своим хриплым «ку-ка-ре-ку-у!», он переменял лапу, и осторожно приподнял другую. Теперь глухарь повернул голову уже в противоположную сторону, и, как-то подсев, попытался, мне показалось, повторить только что услышанное, отчего вышло и вовсе вялое кудахтанье, что совсем обескуражило его, если можно так сказать, и глухарь притих.

Всё-таки, ему не суждено было стать похожим на деревенского петуха, и, оставаясь лесным, он сейчас выглядел очень забавно. Глухарь был молод, как-то по-детски наклонив голову, настороженно вслушивался, переминался на суку, не зная – что предпринять, и молчал. Хлопком в ладоши я привёл глухаря в себя, он в мгновение подобрался, взмахнул крыльями, и улетел.

Однажды, на этом же Пасхальном току, чёрный большой глухарь пробежал у меня за спиной, словно какое-то загадочное лесное существо. У края поляны большая коренастая ель распростёрла над землёй разлапистые нижние ветви, образовав уютный шалаш, откуда я и наблюдал за тем, как этот глухарь сначала слетел на пол, осмотрелся, и чутко вслушался в предрассветную тишину.

Затем, гордо выпятив грудь, прошёлся «барином», после чего опять замер, и вдруг рассыпался возбуждённым стрекотанием и шипением, страстно вздрагивая мохнатой бородой. Прodelав подобные песенные «колена» неоднократно, он вдруг взмахнул мощными крыльями, подпрыгнул на добрый метр, и тотчас, вперевалячку, забегал по полянке, как будто чуть присаживаясь, и опять невысоко взлетая. Продолжая то и дело подскакивать, он отрешённо заходил в прославляющем весну песенном переживании, позабыв, наверное, и о весне, и о своей страсти, и даже о копалухах, что уже давно поджидали у края полянки, когда петух обратит на них внимание.

Пара глухарок, незаметно подобравшись к токующему мошнику, подобострастно припадали к земле, распростёрши крылья, ластились, выражая свою полную преданность ему, и глухарь, наконец, заметив их присутствие, принялся топтать то одну, то другую, беспрестанно взмахивая мощными крылами... На моих глазах свершалось обычно скрытое ото всех таинство, и я сам, без оглядки захваченный всем увиденным, забылся на какое-то время, и не заметил, как глухарь куда-то пропал. Глухарки сидели притихшие, вскоре они снялись с места, и улетели, но я не слышал громкого

хлопанья крыльев петуха, что всегда сопровождает его взлёт: его нигде не было видно.

Я даже не услышал, а скорее почувствовал, что кто-то находится у меня за спиной, и обернулся. Лёгким сосновым ветерком что-то мягко прянуло в лицо, силуэт глухаря в рассветных сумерках показался неестественно большим, расплывчатым, и как-то молниеносно опять исчез. Раздалось лишь еле слышное хлопанье крыльев, будто обозначив таинственное присутствие неведомой лесной души, что вдруг насторожило и заставило оглянуться. Словно лес зачем-то напомнил мне о своей силе, но получилось это у него ненавязчиво, вскользь.

Только как глухарю удалось незаметно очутиться позади меня?! Сначала он пропал, затем неожиданно появился возле меня, вновь испарился, и всем будто руководила какая-то непонятная сила.

Помню, нечто бесовское тогда коснулось меня, я тотчас ощутил его присутствие где-то рядом, и всё время, пока это таинство происходило, не покидало ощущение, что кто-то неотступно наблюдает за моими действиями. Становилось и страшно, и хорошо от этой мысли, и я почему-то почувствовал себя счастливым.

Вроде, как тебя пропустили в невидимые врата закрытой для других лесной обители, и что-то захлопнулось за тобой навсегда, но тебе не стало от этого плохо. В тебя вошло то, что ты смог сам открыть, так как очень этого желал, и ещё почувствовал, что оно уже никогда тебя не покинет. И всё только благодаря глухарям, своей любви к ним.

Случалось, что лес дарил и просто нечто забавное, связанное с глухарями. Например, то, как один петух, заприметив токующего неподалёку соперника, в возбуждении побежал к нему навстречу, и, не удержавшись на скользком апрельском насте, покатился, как на коньках, совершенно опешив при этом. Забавно было наблюдать его случившуюся растерянность, и даже лес, кажется, в тот миг засмеялся вместе со мной.

Подстывшая глянцева корочка сказочно отливала розовато-перламутровым блеском, и на горизонте так загадочно чернел волшебный лес, что всё увиденное воспринималось как в театре, когда занавес вдруг не вовремя раскрывается, и взору предстаёт нечто невообразимое, и от этого – радостное, чего зрители не должны видеть. От неожиданно охватившего счастья хочется захлопать в ладоши и, не переставая, удивляться: как пленителен бывает лес, когда ты не стремишься его завоевать, и только забываешься в нём от неопишуемого восторга!

Всё, связанное и с глухарями, и с весной необычно, таинственно и удивительно. Это постигаешь именно ночами, когда все ещё спят, а глухарь уже вознамерился провозгласить невидимому солнцу о своём нестерпимом желании любить. Чуткая птица в нетерпении предугадывает его появление задолго до всех, и только рыси, волки, барсуки и медведи встречают солнце со сдержанно-молчаливым недружелюбием. Недолгая весенняя ночь им в обрез, и они не успевают насладиться ею до дна.

Рыскают и бродят звери всю короткую ночь напролёт и, конечно, натываются в лесу на человека, что приготовился к встрече с дорогим его сердцу древним гостем. В своём терпеливом ожидании, человек, ещё более, чем зверь вкрадчив, нетороплив, и первым угадывает чужое присутствие. Лось, медведь или волк, наверное, даже не гадают встретить в ночном лесу человека, но не теряют при этом бдительности.

И всё же, человек застигает их врасплох, когда стоит в ожидании пробуждения глухаря, не шелохнувшись, цепко всматриваясь и вслушиваясь в насыщенную движением весеннюю тишину. Хрустнет вдруг слабо ветка, пробудится на мгновение дрозд, и опять всё стихнет, но ты уже знаешь: кто-то бредёт в темноте мимо и, может быть, пока не замечает тебя. От такого неведомого присутствия всё внутри подожмётся, тело сладко напряжётся, и сердце готово вот-вот сорваться в неистовом восторге...

И страшно тебе вдруг станет, и до жути интересно: кто это к тебе пожаловал в гости или ты кому нечаянно перешёл дорогу своим молчаливым присутствием? А невидимый зверь опять напомним о себе чуть слышным шорохом, ещё ближе подобрался он и, наверное, уже чувствует твоё напряжённое внимание. Нелегко становится в такой миг сдержать в груди разошедшееся сердце и, кажется, даже ночь дрожит над твоей головой, готовая закричать неслышанными голосами, захлопать мохнатыми и необъятными крыльями.

Это может быть, и, конечно, был когда-то медведь, что размеренно обследовал свой лесной участок. Зверь намеревался спуститься в небольшой ложок, перейти дамбу и следовать далее, навстречу дремучей лесной судьбе, но на его пути появился я, и медведь тотчас встревожился. Он не хотел уступать, а идти напролом не решался. Ему необходимо было принять какое-то решение, и медведь стал мучительно его искать.

Сначала он попытался обойти расположенную справа от меня мочажину, поросшую по берегам частым березняком, но что-то у него не получилось. Медведь вынужден был вернуться и, недовольно рыкнув себе под нос, замер на какое-то время. Он не знал – что делать, а дороги своей бросать не желал: видно, что-то важное влекло его по ней, то, чего он неукоснительно и упрямо себе наметил.

Постояв так немного, медведь начал перетаптываться на месте, а затем вдруг ринулся налево, вниз, по склону убегающего вглубь леса широкого распадка. По дну его неслышно струился полноводный ручей, и зверь решился его перейти. Всем весом своего грузного тела медведь ухнулся в талую воду, но она его так обожгла, что зверь, тут же, выскочил обратно. Он даже взревел от непривычного для него бессилия, и ещё несколько раз потом безуспешно пробовал лапой ледяные струи: эта студёная вода явно была медведю не по нутру.

Я же стоял какой-то занемелый и отрешённый в ожидании того, что ещё предпримет не на шутку раздосадованный медведь? О глухаре я уже не помышлял, и только вслушивался произвольно в отдалённо доносящийся

голос кукушки. Размеренно, она проповедовала кому-то нескончаемые года и, обрадованный её неожиданной поддержкой, я начинал принимать их на свой счёт.

А медведь, между тем, выбрался из лога и в который раз возвестил недовольным рыканьем о себе. Силуэт его к этому времени стал довольно отчётливо просматриваться на розово-лимонном фоне высоко взошедшей луны, и страх от ощущения близости зверя ещё более увеличился. Медведь, казалось, вот-вот сметёт свою преграду одним броском, и я не знал – как мне предстоит вести себя, что делать. Я сидел на корточках у края просеки, напряжённо всматривался в мятущиеся очертания зверя и ждал чего-то непоправимого и страшного, но ... манящего.

Потом медведь всё-таки удалился, так и не решившись выйти на меня, а я ещё долго сидел под ёлкой, судорожно сжимая в руке небольшой охотничий нож, прислушивался к гулким ударам крови в висках и не верил, что зверь оставил попытки пройти через дамбу, и больше не вернётся. Ушёл он, как ни странно, почти неслышно, видимо, отступившись от своего маршрута.

Медведю, наверное, было досадно отказаться от того, что он наметил, и у него, должно быть, испортилось настроение. У меня же ещё долго стояли перед глазами его всклокоченный загривок, кудлатая голова и покатые плечи. Это была та редкая и в глубине души остро желаемая встреча, когда неподдельный интерес и жажда знания, несмотря ни на что, перебарывают животный страх.

Приходил ко мне и серый волк, что обычно хитрее и коварнее всех зверей. Не я почувствовал его, а он крался за мной по пятам, и когда я останавливался, пытаясь различить глухариное пощёлкивание, он тоже замирал. Я обязательно бы заметил отчётливое изображение крупных лап на зернистом снегу, медленно передвигаясь вдоль укромной просеки, но ничего ещё не было видно. Наверное, волк сам охотился за глухарями, и моё присутствие вызывало в нём недоумение. Волк не предпринимал ничего, чтобы могло нарушить недолгий ночной покой.

Волк, наверное, злился и никак не мог постичь: что влечёт человека в такой пропащий час в лес, когда только звери обращаются к своей темноте, и нет им в этом, среди всех живущих, равных. Волк злобился, и в тоже время остерегался, потому что крадущийся человек был чем-то под стать ему, лесному зверю. Человек, пожалуй, был даже опаснее его, поскольку хранил в себе ещё более непостижимую для зверя тайну.

Волка мучило любопытство, и он подстраивался под окружающую тишину и мрак, наверное, чутко вслушивался в каждый мой шаг. Зверь хотел проследить до самого конца моё поведение, но я лишь пристально вглядывался в чуть светлеющее небо, так же, как зверь, замирал на неопределённое мгновение и, кажется, ничего более не желал. По понятиям волка я вёл себя очень странно, но оставить меня без своего внимания зверь

отчего-то не мог. Видимо, я завораживал волка своим поведением, и он продолжал неслышно следовать за мной.

Волк не покидал меня целое утро, пока я случайно не согнал единственного в тот раз глухаря. Глухарь ещё с вечера уселся на непривычном для него месте, и очень испугал меня, когда неожиданно сорвался с худенькой берёзки. Вместе с ним в морозных сумерках растворилась слабая надежда на соприкосновение в это утро с глухариной тайной.

Я ещё отрешённо постоял тогда, врасплох застигнутый такой откровенной неудачей, и в сердцах повернул назад. Вот тогда-то, тотчас за моей спиной, мне и попались на глаза свежие волчьи отпечатки, что он оставил, устремившись в укромный ложок. Может быть, глухариный слёт так напугал зверя, что вывел его из оцепенения этой своеобразной охоты, а может - волк угадал моё намерение вернуться. Так или иначе, зверь предпочёл остаться неузнанным, и поспешил неслышно раствориться в лесной чаще, как и появился.

Неудача с глухарём сразу показалась незначительной, как только я убедился в изворотливости скрытного зверя. Воображение скоро нарисовало этого одинокого волка и то пристальное внимание, которое зверь проявил по отношению ко мне. Сладостно переживая произошедшее, я ещё долго не отпускал зверя от себя, и всё думал о том, какой он, наверное, необыкновенный, дикий и мой.

Вполне возможно, что именно этот волк пришёл ко мне на следующий год, когда я забылся тревожным сном у потухающего костра. Ожидание глухариного пробуждения было так утомительно в непогодливую весеннюю ночь, что вялая дремота одолела-таки меня. Я спал без сновидений и не ведал, что прямо у моего изголовья, в каких-нибудь трёх-четырёх метрах стоит хищный лесной зверь и, может быть, смотрит в чуть белеющее лицо.

Лицо, наверное, было осунувшимся от усталости, но и спокойным в перебегающих по нему огненных бликах. Волк смотрел на огонь, на меня, осторожно втягивая носом непривычные для себя запахи, и не решался что-либо предпринять. Он ровно угадывал нечто знакомое для себя, и вспоминал: когда-то подобное уже тревожило его чуткое восприятие, а волк так и не постигнул его до конца. Ему было только отчего-то приятно стоять вот так, рядом с этой неодолимой для него человеческой тайной, и волк не торопился исчезать.

Я опять ничего этого не увидел, а только угадал с рассветом по следам, которые волк оставил у края раскисшей тропинки. Вечером их не было, я хорошо это запомнил, потому, что собирал для костра хворост и, конечно, отметил бы такую важную подробность. Волк появился, как и тогда, ночью, разделил её на какое-то время со мной, но ничего не забрал. Скорее, он ещё раз одарил меня своим неуловимым присутствием, пытаюсь в чём-то разобраться, и мне несколько не стало от этого хуже.

Не жуть, а тихая радость охватила меня, и я был за что-то признателен этому вкрадчивому зверю. Я был благодарен ему за нечто очень важное, что не присутствует в обыденной человеческой жизни, но всегда неотступно привлекает. Моих неясных устремлений, должно быть, касалась лесная душа, что чаще всего приходила именно в облике зверей, и могла быть не только медведем или волком, но и неторопливым лосем, сосредоточенным в себе барсуком и лукавой рысью.

Рысь, правда, ожидалась менее других и, если честно, я о ней даже не думал. Слишком редка и осторожна была лесная кошка. Но и она порой появлялась близ глухариних токов, дабы потешить исстрадавшуюся за зиму алчность. Кровожадно ухмыляясь своими косматыми бакенами, рысь наведывалась к глухарям как будто невзначай, исподтишка поглядывая по сторонам и чутко поводя кисточками на ушах. Поступь её была мягка и бесшумна, помыслы не ясны.

Человеку всё это хорошо может быть видно, когда он преисполнен терпения и воли. Сидишь на глухарином подслухе, никто тебя не видит, а сам ты всё примечаешь. Пара ли дятлов затеяла брачную игру над молодыми ёлочками, протянул ли над головой, утробно хоркая, длинноносый вальдшнеп или с шипением пронеслись над головой взбудораженные чем-то утки, - ничто не минует твоего встревоженного весной сердца. Но как забьётся оно в груди, если вдруг заметит нечто необыкновенное, ещё никогда в лесу не виданное?!

Так однажды, неподалёку от меня, вышла на просеку хозяйка-рысь: я скорее почувствовал её, нежели увидел. Словно львица, выпирая угловато перекатывающимися лопатками, она поначалу показала из-за кустов только свой рыжий загривок. Затем появились вздрагивающие кисточки ушей, небольшая, чуть наклонённая вперёд голова и, наконец, мощные лапы. Лапы неловко, как у щенка, вываливались на тропинку, но улыбаться почему-то не хотелось: милая черта зверя может в мгновение обернуться беспощадным оружием и, понимая это, я весь был неестественно напряжён и собран.

Сквозь напряжение мне очень хотелось заглянуть в глаза хищника. Трудно представить, что можно увидеть в них за короткое мгновение! Ведь зверь, наверняка, не допустит сближения, и попытается тотчас уйти, как только почувствует на себе малейшее внимание человека. Но, может быть, рысь не отвернёт взгляд, и я успею обрести недостающий для себя смысл её скрытной звериной жизни?!

Помогла мне в этом ворона, взбалмошно перелетевшая за спиной у рыси через просеку. Рысь неожиданно ощерилась, обернулась, и я, не ведая, что творю, вмиг очутился на тропе, успев поднять к глазам бинокль. Так я и замер, ошарашено обнаружив прямо перед собой зелёно-золотистые, пронизывающие глаза.

Они смотрели холодно, будто проникая в меня, но равнодушно. Стоило, кажется, протянуть руку – и я коснусь этого ворсистого, в крапинку, лба, а зверь не ринется на тебя, и только мягко отпрянет. Словно ему будет

интересно показать свою грациозность и силу, и тут же исчезнуть, как будто его и не было. Я, помнится, был уже близок к тому, чтобы поверить в это.

А взгляд зверя как-то незаметно растворился во мне затвердевшей дикой желтизной, заморозил бездонностью животной природы, и пропал. Рысь плавно повернулась рыжим боком, вытянула заднюю ногу, и ещё раз поглядела в мою сторону. Но теперь уже мимо, как будто решив всё про меня для себя.

Рысь, по-прежнему, готова была, также покойно, брести своей потаённой лесной жизнью. И я её понял, и попрощался с этой очаровательной тайной, и мне несколько не стало грустно. Так же тихо, как рысь ушла, я почувствовал себя настоящим человеком.

Часто по ночам, в ожидании глухариного пробуждения, это ощущение мимолётной слитности со звериным существованием замирало во мне от переполняющих впечатлений. Потаённые запахи, неведомые шорохи и звуки рождали в душе неизъяснимые чувства. Волнительный воздух весенней ночи душными волнами подкатывал к горлу и не давал перевести дыхание. Всё в лесу говорило на своём языке, ухало, шептало и бесчинствовало, так что нельзя было ничего разобрать, и я только зачарованно прислушивался к биению своего сердца, а потом вдруг замирал от собственной настороженности.

Всегда кто-нибудь выводил меня из неё, и я с ещё большим трепетом вникал в непроглядную тьму, ожидая чего-то непоправимого, но прекрасного. Порой это ожидание было невообразимой мукой: в расступающейся передо мной чаще нарастал какой-то лохматый ужас... Вот-вот он готов был навалиться на меня и поглотить, и тогда всё звериное закипало в моей душе, и я жаждал с ним встречи.

Как-то раз кто-то шумно вывалился через кустарник прямо передо мной, и я, не в силах сдерживать себя, высветил его фонариком. Зверь ещё какое-то время не прекращал своего увлечённого продвижения, но в нескольких метрах от меня, отупело, застыл. К своему великому удивлению, я вдруг узнал в нём обыкновенного ... барсука, этого обаятельного и неказистого зверька, неудержимого нарушителя ночного покоя.

Радостная улыбка тотчас сменила тогда моё неприятное оцепенение, и я уже с восхищением всматривался в ослеплённого зверя, смешно притаившегося в самом себе. Барсук, помнится, зажмурился, прижав голову к земле, и так, сквозь полузакрытые веки, пытался разглядеть источник своего беспокойства. Был он похож на подслеповатого крота, и я выключил свет, чтобы барсук мог успокоиться.

Некоторое время зверь сидел тихо, никак себя не выдавая, и я вновь осветил его, желая посмотреть – чем он занят. Барсук, оказывается, немножко перебрался в сторону и, когда почувствовал свет, вновь затих, теперь уже забавно выпятив круглый зад. Это был небольшой, симпатичный зверёк, по-видимому, возвращающийся с ночной охоты.

А я стоял, не шелохнувшись, и наслаждался беспомощностью зверя. Мне было приятно его живое присутствие, барсук же пока никак не мог разобраться: стоит ли ему опасаться возникшей преграды или надлежит, не обращая внимания, продолжить свой путь. По всему, он чувствовал себя неуютно, и я, не желая ему мешать, решил на прощание подпугнуть незадачливого зверя, чуть притопнув ногой. Результат такой попытки оказался самый неожиданный...

С невероятной для него быстротой, барсук перевернулся вокруг себя и высоко подпрыгнул на месте. Коротенькие лапы его беспомощно вытянулись в воздухе, а зад как-то задрожал и выгнулся. При этом барсук хрюкнул, как поросёнок и, приземлившись, издал такой душераздирающий вопль, что можно было достаточно напугаться за его потревоженный рассудок. В следующий миг было только слышно пощёлкивание веток, как барсук улепётывает без задних ног, и недовольное пыхтение, коим не на шутку раздосадованный зверь оглашал ещё не пробудившийся лес.

И всё же, что-то нарушилось в нём с исчезновением барсука. То ли зашевелились слабые сумерки, оживив линию ветвей, то ли птичьи сновидения увлекли за собой сладостные ночные превращения, но в лесу вдруг почувствовалось неясное копошение, предполагающее скорый рассвет. Тягостное ожидание его было приятно, и я боготворил в душе лес, что ещё до встречи с глухарями оделил меня таким замечательным подарком.

Поблагодарил за солнечную нежность весеннего восхода, аромат берёзового сока и клёкот дикой птицы в бездонном небе... За всю тревогу, радость и смятение, принесённые весной, за моё прозрение, сладостную боль и разнеженную слабость во всех членах. И ещё я был признателен самому себе, другому, истинному, что отважился соприкоснуться с тайной леса, и не отказался от неё.

Наверное, я был просто переполнен счастьем, что заслуженно досталось мне без какого-либо завещания от леса, жадно им не хранимое, вольное. Всё, связанное с глухарями по весне, хотелось разделить с чужим вниманием, не обуреваемым только пустою заботой. Так было предугадано мне, должно быть, лесной душой, что, я верил, жива, и будет вечна.

И коли следовать уже упомянутой поговорке, что лес – к селу крест, а безлесье – не угоднее поместье, то лес должен стать для человека именно угодим поместьем, если только относиться к нему с любовью, как он того заслуживает, и потому русский человек его всегда чтит, принимая как самую дорогую для себя ценность. И не ладно, говорят, да угодно, а по-настоящему заботливому человеку в лесу и лад, и польза.

Надобно человеку дорогому батюшке-лесу угождать, без такой заботы жизнь его по-доброму никак сложиться не сможет. В угодность лесу человек всё для него сделает, и тут без радушия не обойтись. Служить лесу для него – отрада, и как тут не вспомнишь святого Николая-Угодника, которому добрый человек тоже завсегда угождает, выявляя почтение и любовь.

Угодать – его исконная черта, ради чего он готов делиться самым ценным, хотя на всех и сам Господь не угодит, да только без любовного отношения к окружающему его миру человеку никак: сделай так, как другому любо, вот тебе и пригодное обхождение! Так и к родимому лесу душа человека должна быть распахнута, тогда и собственное поместье всегда будет справным, полное добрых плодов.

Как в старину давалось поместье в пожизненное владение или наследство с бессрочным владением землёй и угодьями, так и ОТЕЦ-ЛЕС дан Природой человеку на насущную и добрую потребу, для вещественной и душевной пользы, отчего ему и следует проявлять к нему исконное уважение. В этом угожем поместье чего только нет: и леса, и поля, и пажити с лугами, и реки с озёрами, и потаённые сказочные сузёмки, и до всего в нём человеку необходимо иметь интерес.

Но не дорога забота, без которой плохо жить, а дорого доброе лесное угодье, ибо лес – неистощимый природный колодезь. Он, конечно, по дереву не тужит, но если Бог вырастил лес, так выросло, говорят, и топорщице, и хорошо, что всё это богатство людям в угоду!

ЗНАМЕНΙΑ

Каких только чудес не бывает на свете, а лесные – всегда стоят особняком. Знай, успевай, живи, да мотай на ус, если есть к тому желание и воля. Принимать жизнь такой, какой она есть, может только любознательный человек, и тогда чудеса для него открываются на каждом шагу.

Кто-то живёт так, будто чудес не существует, а для кого-то – кругом одни чудеса. Такой человек, даже когда у него всё идёт наперекос, и тогда пытается найти в происходящем чудесное, ибо верит в волшебство мира. Кто не верит в него, тот и чудес не обнаружит. Чудеса там, где в них верят, и чем больше верят, тем чаще они встречаются, особенно – в лесу.

Даже у взрослого человека, когда он постоянно связан с лесом, возникает порой совершенно детская мысль о том, что он в лесу должен обязательно открыть какое-то неповторимое, несравнимое ни с чем чудо. И чтобы ни у кого такого чуда не было, только у него, и вот как он намерится самым серьёзным образом это чудо разузнать, почувствует его приближение, так и отправится в лес. Разве не чудо, когда вдруг что-то неизведанное влечёт тебя в дорогу, а потом всё складывается так удачно, что о нём даже и не мечтаешь?

Я уже давно заметил, что удачному походу на глухариный ток обязательно предшествует какое-нибудь замечательное предзнаменование... Ласковая тихая погода, что установилась с самого утра, порождает в душе удивительное спокойствие и радость, даже какое-то необыкновенное оживление в природе. Или торопливо просыплется над землёй пахучий шаловливый дождик, после чего, знаешь, радостно выглянет и засияет во все глаза ослепительное солнце. А то, в небесной вышине, будто кто ударит

горстью гороха, так оглушительно и весело раскатится где-то вдалеке весенний гром, тучи вдруг растают, и всё живое вокруг засветится счастливой улыбкой.

Моему успешному току сопутствовала радуга во всё небо, сменившая разыгравшуюся было непогоду. Но непродолжительно пасмурное настроение природы весной, долго она в эту пору хмуриться не в силах.

День, помнится, с самого утра не задался: некоторое время я даже сомневался – стоит ли отправляться в такую хмарь, но что-то повлекло в дорогу. Шёл сквозь непогоду, а в душе рождалась крепнущая с каждым шагом убеждённость: всё будет замечательно! Душа, несмотря ни на что, пела, и дождь начинал казаться незначительным, пустяковым.

Ветер стремительно гнал свинцовые тучи на север, всё быстрее очищая небо на юго-востоке, дождик из холодного, пронизывающего стал оборачиваться в мелкий ласковый ситничек. Неожиданно показалось из-за туч солнце, и озарило теплом весенний день. Над посвежевшими полями закружили белокрылые луни. А ещё выше, от одного края горизонта до другого, торжествуя, и в тоже время умиротворённо, выгнулась огромная радуга, сияющая умытыми красками.

Эта восхитительная небесная дуга, будто созданная именно для меня, для моего радостного восприятия чудесной Матери-Природы, пролегла божественным мостом от моей сокровенной сердечной мечты - к её чудесному осуществлению. Выходило так, что ты будто заслужил это волшебное семицветное явление, что изящно выгнулось над нашей прекрасной землёй, и если оно взматается в вышине высоко, задиристо, то всегда к вёдру, к доброму удачливому дню, когда же случается низко, да полого – к ненастью.

Радуга – это истинное чудо, то счастье, ради которого стоит жить, радея всей душой, она дана небом для того, чтобы земля становилась краше, а мы все оказывались причастны к Господним делам, преподаваемым для осознания нами самих себя, и созидания всеобщего блага. Радуга всегда будто восклицает: будьте же рачительными людьми, достойными небесной чистоты, она – божественна!

А между тем, по мере приближения к току, с обочины дороги начали взлетать копалухи, земля незаметно подсыхала, а воздух становился тёпел и мягок. Не верилось, что совсем недавно всё было охвачено удручающим ненастьем. Размышляя о том, где лучше всего устроить подслух подлетающих на ток глухарей, я терялся в догадках и, наконец, решил остановиться в небольшом сосняке, за болотом, где располагалась укромная полянка, что впоследствии и оказалась центром тока.

Посреди поляны стояла маленькая избушка. В ней отсутствовала печка, зато имелись нары и стол, над ним – крохотное окошко, но вечер выдался погожим, и я решил обосноваться неподалёку от входа в избушку, раскинув плащ-палатку на молодой шелковистой травке. Только и хватило у меня

времени, чтобы подготовиться к полёту птиц, я улёгся на спину, и стал вглядываться в подёрнутое розовой пеленой высокое весеннее небо...

В предночной час, весной, нужно очень пристально смотреть на небо, чтобы заметить даже очень яркие звёзды. Но как я не напрягал глаза, звёзд ещё не было видно. Стоял тот час, что отпущен только для одной, самой главной звезды, по которой путешественники всегда определяли для себя единственно верный путь, и она, действительно, вскоре загорелась. Это была Полярная звезда, а потом, постепенно, над самой крышей избышки засветился весь ковш Большой Медведицы.

Вокруг то и дело слышалось хлопанье крыльев, свойственное глухарям в момент их присадки на деревья. Смеркалось, и глухари не могли меня видеть, к тому же, я оставался неподвижен, а птицы всё подлетали и подлетали, изредка производя гортанный, очень хорошо слышимый в замершем вечернем воздухе звук: «Кхеэ-кхеэ-уоок!» Сам же полёт птицы, исключая присадку на дерево, обычно не разобрать, и как бы ни старался не пропустить его – всегда он доносится до тебя неожиданно.

Всё обещало быть под утро доброму току, и так оно и случилось. По насыщенности от впечатлений его можно было считать одним из самых запомнившихся, что мне привелось увидеть за долгие годы посещения любовных игрищ этих великолепных древних птиц, и позже я написал об этом токе большой рассказ. А пока, не отрываясь, я продолжал всматриваться в тускнеющее небо, думая о жизни леса, весне и глухарях. К майскому небу была обращена вся моя душа.

Дрозды вокруг постепенно смолкали, глухари засыпали, земля притихала ненадолго, чтобы через три-четыре часа вновь пробудиться, и я лежал, слившись со всем, что меня окружало, и смотрел на Полярную звезду. Она тоже была добрым знамением, и я был уверен, что вот именно сейчас она горит для меня.

Всё остальное в тот миг отошло куда-то... Вернее, оно было со мной, но этот текущий миг с Полярной звездой, спящими глухарями, проистекающими отовсюду запахами земли, пробуждал в душе восхитительное счастье, что сладко сдавливало сердце и не отпускало. В нём всплывало что-то из моего далёкого прошлого, и я вдруг ощутил себя его частицей, где было всё так непревзойдённо красиво для несовершенного человеческого мира.

Ещё одним из предвестий, сопутствующих такому событию, как удачно проистекающий глухариный ток, могли быть и зарницы, случившиеся однажды. Зарницы эти, вспыхивающие во всё небо, были молчаливы, и тем удивительно завораживали всё моё внимание. Ночь от них становилась светлой, они зажигали собой всё окружающее пространство, наполненное неясной тревогой.

Устоявшаяся было в тишине весенняя ночь, будто сразу пробуждалась, хотя, казалось, ей и не хотелось этого делать, и когда зарницы заполняли собой всё небо, вдруг, неизвестно откуда, взвивался свирепый ветер, начинал

гнуть великие ели, как прутья, лес наполнялся ослепительными вспышками, и небо раскалывал оглушительный сухой гром...

Обхватив колени, и прижав их к груди, я, помнится, сидел, весь сжавшись, под берёзкой, у края лесной дороги, и думал о том, что началось какое-то светопреставление, совершенно позабыв при этом о глухарях. Подобное явление природы мне приходилось наблюдать впервые, и если бы не поход ночью на глухариный ток, я бы его так никогда и не увидел. К слову сказать, зарницы оказались добрым знамением, и через какой-нибудь час всё в природе неожиданно успокоилось, вокруг меня токовало полдюжины петухов, и я подходил под песню то к одному, то к другому, и не мог нарадоваться.

А как-то глухариному току предшествовало, вернее, даже сопутствовало совершенно невероятное явление – сильнейший снегопад! Сам по себе снежный заряд, даже в мае месяце, когда уже снег сошёл, ничего особенного собой не представляет: весна, как и осень, когда на ту приходится погод восемь, мало от неё отличается, и способна на свои сюрпризы. Известно, что в холодные ветреные дни любовная страсть птиц заметно спадает, ну, а уж если зарядит стылый пронизывающий дождь, то они и вовсе замолкают. Такая погода только ещё более усугубляет нежелание глухарей токовать, это верно.

Петухи как будто замыкаются в себе, и всё больше молчат. Чего уж тут говорить про снегопад: не могут такие чуткие птицы превозносить весну в подобную непогодицу, заверяют бывалые охотники. Этот, известный всем, постулат, по их убеждению, такой же подлинный, как и разумение, что глухари никогда не меняют место своего токовища!

Любые противоположные мнения всегда воспринимаются этими «знатоками» в штыки, бурно и не без злорадства осуждаются, а тот, кто осмелится предположить иную точку зрения – дружно изгоняется из рядов «самых завязтых глухарятников». Его, вообще, никто серьёзно не воспринимает!

Сейчас, по прошествии многих лет, когда мною было найдено несколько глухариных токов, и я достаточно хорошо изучил образ жизни этих замечательных птиц, мне становится совершенно очевидно, как невероятно велика зависимость очень увлечённых чем-либо людей от устоявшегося, но не проверенного мнения. Как несправедливо мала тяга человека к истинному устремлению раскрытия не дающей покоя лесной загадки, даже если для этого ему приходится поступиться своими неверными убеждениями...

Ведь истинность этих устремлений подтверждается бесконечными походами в лес, в любую погоду, бессонными ночами у костров и в избушках, горячим желанием, несмотря ни на что, досмотреть и понять ускользающую от тебя тайну. Почему-то всегда твёрдо верится: нет в природе ничего невозможного, когда ты любишь лес, дорогу и весну, что открывают тебе чудесных глухарей в их скрытом от глаз людей, восхитительном таинстве.

И вот, оказалось, что непогода не всегда действует на птиц столь удручающе. Порой, предчувствуя её скорое окончание, глухари не прекращают своих восторженных песен и поют в дождь, сильный ветер, а в то незабываемое утро я стал свидетелем, как петух токовал в обильный снегопад, причём, очень активно, почти без перерывов, даже – самозабвенно! Что могло быть тому причиной?

Неужели подобное могло произойти случайно, ведь в природе ничего просто так, без веской причины, не случается. Если глухарь, а это был взрослый, на редкость очень крупный мошник, всё-таки прилетел с вечера на ток, тревожно забывшись в преддверии своего потаённого священнодействия на часок-другой, весь сосредоточенный на дорогой своему таинственному существу песне, провозглашающей любовь, то это что-либо, да значит. Подобное поведение глухаря, скорее всего, не являлось причудой, глухарь этот просто любил жизнь, весну, и не представлял себя без глухой лесной стороны, где он из века в век переживал свою сокровенную судьбу, неведомую многим людям, но им видимую, наверное, в алмазах.

Я стоял прямо под глухарём, он в то утро облюбовал для себя такую же старую, как и он сам, ель, но птица вела себя спокойно. Глухарь дважды перелетел с дерева на дерево, отчего я опасался, что мошник почувствовал неладное, и вот-вот покинет токовище, но он, по-видимому, подыскивал наиболее удобную для себя ель или сосну, и когда выбрал, усевшись чуть ли не на самой верхушке, тотчас запел.

А погода, между тем, быстро портилась. Небо затянуло тучами, и всё вокруг вмиг изменилось: не весна, как будто, а настоящая осень. Неведомо откуда налетевший ветер, что было сил, гнул деревья, но глухарь, это было удивительно, не улетал, ещё пуще продолжая своё сбивчивое стрекотание. И вот тут вдруг повалил снег, да не какая-то хилая позёмка, настоящая снежная круговерть!

Снеговая завеса застилала всё вокруг, так что невозможно было разглядеть что-либо в нескольких шагах, но глухарь ещё только более страстно учащал пение, словно боялся не успеть выговориться до завершения снегопада. Вскоре он совсем пропал из виду, сквозь снежную бурю слышалось только его возбуждённое скирканье и учащённое точение: глухарь, кажется, абсолютно ошалел от всего происходящего, и мне было жаль, что я его не вижу. Снег залеплял глаза и уши, а я не переставал всматриваться в окружающую, невероятную для этой поры серовато-белёсую муть, и, улыбаясь, чувствовал себя счастливым.

А потом вдруг выглянуло солнце, в считанные минуты растопив рыхлый, какой-то ненастоящий снег, и к глухарю, полом, прибежала копалуха. По всей видимости, она терпеливо ждала этого мига.

Глухарь слетел к ней, удостоив своим царственным вниманием, прошёлся рядышком барином, и они тотчас удалились в чащу. Остающиеся островки снега ярко переливались в лучах молодого весеннего светила, где-

то совсем рядом происходило скрытое от моих глаз таинство неотступно притягивающей к себе лесной жизни, и я не мыслил без неё своей.

Но знамения случаются не только в связи с глухариными токами, они в лесу повсюду, особенно весною, если ты способен видеть, чувствовать и понимать. Чувство единения с природой, когда она тебе отвечает взаимностью, тоже знак, что Существование отметило тебя, и помогает встретиться с лесными обитателями.

Я как-то очень просто открыл для себя, что в отношении к лесу, к разным природным стихиям, нельзя оставаться одинаковым. Если ты попал в пургу, почувствуй себя таким же напористым и собранным, но не жестоким, а когда окажешься посреди расцветающей весны, то должен стать пластичен и мягок, но и не уступчив, волен душой.

Наблюдай за собой и тем, что тебя окружает в лесу: всё способно тебя здесь воспитывать, дарить свои знаки, а ты обязан у всего учиться. Если не будешь прислушиваться к тому, что происходит вокруг, к лучшему не изменишься.

И лес, и лёд, и ветер, и огонь передают своё отношение к тебе в звуках, запахах и знаках, и их следует угадать. Чем больше будешь находиться среди этих природных стихий, тем лучше для тебя: тело и дух станут незаметно мужать, и вместе с ними начнёт расти сознание. Когда оно растёт, твой поиск сосредоточен на жизни всего Мироздания.

Лес, со всеми его тайнами, и есть центр удивительного Существования, и его хочется познавать. А помогают тебе в этом знаки природы, которые активизируются, когда в них возникает потребность. В природе существует намного больше того, что можно увидеть невооружённым глазом, и если ты будешь проявлять чуткость к окружающему миру, он отзовётся тебе таким же трогательным вниманием. Невидимое и неслышимое существует, оно огромно, и при всём том, что диапазон звуков и запахов, коим мы располагаем, очень мал, на деле он бесконечен, и всё то, что мы имеем – несомненное богатство, и его необходимо использовать, проникая всё глубже и глубже в тайны природы.

Мы не способны воспринимать звуки выше или ниже диапазона восприятия органов нашего слуха, но чувствительность к восприятию звуков удивительным образом обостряется в лесу, вообще, всегда, когда напрямую взаимодействуешь с природой. И потому - не ограничивайте себя, отправляйтесь под покровы таинственной лесной чащи, и при частом общении с ней вы познаете то, что до сих пор оказывалось за пределами вашего понимания.

То же скирканье и точение глухаря вы научитесь угадывать не за семьдесят-восемьдесят шагов, а за двести-триста. Мало того, для вас станет возможным усваивать малейшие оттенки природных звучаний: и песню зимы, с её необыкновенной музыкальностью, и волчий вой – знак причащения зверя к его будущей неутомимой жизни, кажущейся людям

совершенно неустроенной, но для самого волка остающейся единственно доступной и по-звериному святой, и вольный ветер, что всегда непостоянен, но вряд ли сыщешь что-либо более надёжное в своей свободе... Ну и, конечно, странно было бы не услышать в погожий апрельский вечер, во время вальдшнепиной тяги или на глухаринном подслухе, дружного квохтания лягушек...

Почти всю зиму проводят под снегом глухари, и всю эту пору длится в человеческой душе её знаковая песня, что убаюкивает и пеленает. Выводя морозами и метелями мелодию без слов, зима обращается к человеку, когда белое безмолвие будто бы сковывает его восприятие, и кажется, что оно умирает. Ветер в зимнюю пору восполняет пение птиц, что ещё не прилетели, и иногда дуновения его удивительно схожи с их переливами: так же, как и они, ветер трогателен и настойчив в достижении своих непревзойденно чистых желаний.

Сладостны песни зимы, что рождаются, кажется, под сказку... И ветер поёт, и птица, и человек, но у зимы это получается по-особенному уютно, в её песне слышится грудной голос, похожий на бабушкин. Глаза слипаются в тёплом сне, и мысли незаметно превращаются в сновидения...

Песню эту слушаешь все зимние месяцы, и бережно несёшь в себе. Она уравнивает твои разбушевавшиеся за год настроения, и в тоже время окрыляет. Вроде бы, и нет у зимы какого-то стройного голоса, но душа поёт, а поётся, как известно, там, где воля: зимняя, бескрайняя и родная.

Ведь песню петь не тот мастер, у кого голос хорош, а кто душой красив. Зима её человеку незаметно отбеливает, и тем самым чудную сказку свою вершит. Ей, видать, от того легче становится, когда она душу свою изливает: про свои непроходимые снега и заносы, про невыразимую тоску в обретении ею вечной жизни, про наши беспредельные просторы. Напевы эти приятны человеку, и благодаря им он незаметно обнаруживает в себе окрыляющую чистоту и правду русской жизни, что тоже необыкновенно певуча.

Ветер в природе, наверное, самая знаковая и мелодичная стихия: он дует зимой и весной, летом и осенью, и всё, кажется, не может нарадоваться своей способности, безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться. В разные времена года он неодинаков, отчего весна - краше, лето - ароматней, осень - утончённей, а зиму отличает глубина и умудрённость.

Ветер, несомненно, хорош собой, и когда он с силой гнёт деревья, чувствуется, какими они тоже становятся сильными и солидарными, даже самые разобщённые. Не сдаваясь перед его мощью, они словно стараются убедить в чём-то ветер, как обычно отстаивают своё мнение гордые и правдивые люди. Правда, от холодного северного ветра крепкие ели иногда опускают свои нижние лапы к самой земле, но от этого образуется еловый шатёр - уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека. А вот если такой ветер дует со снегом, хоть и колючим, это как чьё-то неясное

душевное обращение, которое он доносит откуда-то сверху, с небес, и оно только радует и умиротворяет.

Когда начинает задуть весенний ветер, он проносит по небу лёгкие облака, и тогда такими же вольными рождаются в тебе мысли. Задорный мартовский ветер и смел, и упруг, и норовист, а как до боли в глазах прозрачен и синь! Лишь ненароком коснётся он твоей головы, как бы невзначай, но будь уверен: весенней порой этот ветер никогда не бывает случаен.

Благодаря именно весеннему ветру, солнцу и поблескивающему насту молодой березняк будто отрывается от земли и плывёт над ней нежно-розоватым вздрагивающим облачком. Все приключения души по весне никогда не воспринимаются тяжкими, потому что всегда имеют свежесть молодой травы, обласканной самым чистым апрельским ветром. Перед скорым рассветом он мягко, по-кошачьи, прокрадывается над макушками деревьев, и одну за другой задувает на небе зелёные, синие и оранжевые звёзды.

В начале лета вдруг уверуешь, что нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру, но выдастся затишье, предшествующее ветру, и всё в душе смутится от нерастратченного чувства к нему и тому, что его порождает. Преисполненный довольства августовский ветер, может быть, уже от переизбытка радостных ощущений, сам однажды заводит с человеком тихую, задушевную беседу, в которой человеку достаточно просто слушать и мысленно отвечать ветру. Вот когда почувствуешь, как дорог тебе ветер, из всех стихий, пожалуй, самый любимый: это – его добрый знак человеку.

Осенний ветер необыкновенно музыкален. Выводя мелодию без слов, он, как и человек, поёт давно известную им обоим песню: про возвышенные порывы живой души и переносимую ей тягость, про желание познать лучшую жизнь, чтобы когда-нибудь её потерять и вновь в себе самом возродиться. На многое способен ветер, что горазд до чудесных перевоплощений.

Из зимнего воздуха слагает ветер такие песни, что по силе своей бывают ни с чем несравнимы. Иногда их называют задушевными, дующими, кажется, из самой глубины России, и они всегда приносят собой душевное тепло. Хорошо внимать им посреди зимы, когда ни о чём другом не хочется думать. Просто сидеть, прислонившись спиной к бревенчатой стене лесной избушки, и слушать, как не торопясь выводит ветер свои глубинные настроения. В этом – тоже его еле уловимый, но верный знак.

А вот в вое волков угадывается голос многочисленных предков зверей, это их знак вступления в нелёгкую звериную жизнь... Протяжно отзываясь в бесконечность ушедших времён, волк, несмотря ни на что, продолжает в себе существование рода. Живя для природы, платя дань неподкупному звериному богу, он, должно быть, приобретает нечто большее, чем своё постоянное беспокойство, хотя иногда печаль безысходности и сквозит в его выразительной песне.

Но на самом деле в волчьем вое чувствуется проявление ума этого животного, постигшего предел собственной ограниченности. Вернее, невозможности идти дальше того, чего он уже достиг.

Бывает, ещё в конце марта, с началом глухариных токов, вдруг заслышишь протяжное завывание волчьей стаи, собравшейся вокруг волчицы, и сердце сладко охватывает неясное смятение перед этим необыкновенным зверем. Вкрадчиво вслушиваешься, замираешь от необыкновенного ощущения, захватившего твою душу, отчего сразу забываешь и про весну, и про глухарей, и про то, как долго и неуклонно шёл к этому токовищу, терпеливо отыскивая его в потаённой лесной утробе, веря в свою звезду. Призывный вой зверей войдёт в твою душу, словно осинový кол, и так разбередит её, что поверишь, будто волчья шкура и в городе воет. Господь с тобою!

Что же касается наших вездесущих лягушек, то молчание их в весеннюю пору послужило бы, скорее, дурным предзнаменованием, чем вызвало недоумение. Когда земля выпускает из своих нор лягушек, они радостно скачут и квакают: «Пор-ра, ква-ква-ква, сеять, пор-ра, ква-ква-ква, сеять», и в этом их жизнеутверждающем призыве, быть может, есть самое верное предвестье пробуждающейся земли. Предзнаменование того, что сама природа подсказывает: пришла, наконец, весна, и если есть доброе болото, то и лягушки никогда не переведутся, а вместе с ними – и добрые сердцу глухари, и краснобровые тетерева, и восхитительные, подобно нежным облакам, белокрылые лебеди.

Лягушки «затурлыкали» по мочажинам, и это значит, что в самом разгаре глухариные и тетеревиные тока, началась богатая вальдшнепиная тяга! Во множестве сидят они теперь по придорожным лужам, с любопытством высываясь из воды. Наступил невидимый поворот в природе к теплу, и легче всего угадать его по нашим лягушкам, что с удовольствием выказывают все свои музыкальные таланты.

Каким бы это ни казалось странным и неожиданным, но у многих лягушек голос по весне обладает неимоверной силой. Это звучит тем более неправдоподобно, поскольку тела у них тщедушные, и приходится лишь поражаться способности лягушек к громкому крику. Кваканье лягушек порою оглушает, и, бывает, проходит целая ночь, а тебе так и не удаётся сомкнуть глаз у костра, в ожидании глухариного тока.

Постепенно kloкочущие звуки сливаются в сплошной гул, что заряжает весь окружающий мир своей языческой энергией. Солнце уже давно опустилось, а гул над болотом только ещё более ширится, растёт, и к ночи уже течёт над землёй сплошным потоком, без перерывов. Так продолжается две, порой даже три майские недели, и это, несомненно, самые звучные дни в году, когда лягушки, кажется, способны перещеголять даже тетеревов.

Ночью, кроме лягушек, слышится так же бляение долгоносика-бекаса, именуемого за это в народе «барашком», да редкое посвистывание мохноногих сычей, отстаивающих между собой свою территорию и

призывающих самок, остальные лесные обитатели хотя бы ненадолго забываются, а оживляются только с рассветом. Правда, ещё по темноте вкрадчивым хорканьем возвещает о начале своей утренней тяги кулик-вальдшнеп, еле уловимым силуэтом промелькнув прямо над головой, уже слышится пощёлкивание глухаря, будто кто-то неведомый роняет таинственные капли в лесу, лягушки же продолжают свои песни бесперебойно, до самого утра. И даже утром слышится их неустанное бульканье, которое, между тем, никому не досаждают и воспринимается всеми как нечто обычное.

По-видимому, лягушки квакают от полноты чувств, и их песня – это древнейший призыв к поддержанию лягушачьего племени. Лягушки радуются именно происходящему с ними по весне событию, а не просто предупреждают о частной собственности на любимое болото, где собираются продлить свой род.

Конечно, лягушка поёт, что нищего за суму тянет, но, как говорится, голосу нет, а душа ликует. Именно о лягушках в весеннюю пору размножения можно сказать такое, потому как они не в силах сдерживать своих чувств. Всё, что дано лягушкам, это превозносить весну доступными им способами, и разве возможно отнять у них подобное стремление?!

Весной лягушкам самое раздолье, а главное, что их все слышат! Вот с ближнего болота доносится утробное: «ур-ур-ур-р, ур-ур-ур-р, ур-ур-ур-р»... Это урчат в живот лягушки. Урчат, ворчат или бурчат, словом, издают глухой звук, напоминающий то, когда кто-нибудь засовывает трубочку в воду и начинает выдыхать через неё воздух: воздух превращается в большие пузыри, что с трудом выбиваются на поверхность и гулко лопаются. Ощущение, будто неведомо кто сердится, или, может быть, играет, но от этого совсем не страшно.

И разве скажешь, что грудное воркование лягушки надоедливо?! Нет, скорее, оно приятно слуху, и поначалу именно из-за этой ненавязчивости даже не воспринимается. Утробное лягушачье воркование незаметно вплетается в общий и радостный весенний гул, без него весна как будто ненастоящая, а радость неполная.

Весенняя ночь тепла, укромна, всё в ней ненадолго утомилось и замерло, не спят лишь лягушки, вышедшие из воды на дорогу: повсюду слышится их низко монотонное урчание. «Ур-ур-урррр, ур-ур-урррр, ур-ур-урррр...» - это голоса отдельных самцов, находящихся в непосредственной близости. Голоса доносятся как будто волнами, удивительно органично сочетаясь и дополняя иные весенние звучания. Например, отдалённое клокотание тетеревов, которое тоже наплывает отдельными, причём, неравномерными потоками.

То затухают бесследно, то неожиданно возгораются неугомонные весенние шарманки, и кажется, способны повергнуть своей неиссякаемой настойчивостью, поднять над землёй и унести в неведомые весенние дали: так безоглядно отдаётся мы их околдовывающему звучанию!

Песня лягушек по весне, несомненно, их достоинство, что приносит особый колорит в зарождающуюся повсюду жизнь. Жизнь без лягушек была бы скучна, и они необыкновенно оживляют местность, когда начинают свои незабываемые концерты. Весна будто ждала, затаившись, в ней чего-то не доставало, и вот, с появлением лягушек, она, наконец, успокоилась и облегчённо вздохнула.

Не обойтись весной и без журавлиного курлыканья, что большая радость по нашим временам. Всегда почему-то оказываешься застигнутым врасплох, слышав в вышине призывные вскрикивания этих не похожих ни на кого, трогательных птиц, и сердце отчего-то переворачивается в груди. Появление ни одних птиц по весне мы не воспринимаем так остро, как прилёт журавлей.

Завидев в небе торжественные ряды этих величественных птиц, подолгу всматриваешься в небесную высь и не можешь оторвать глаз. Чем-то необъяснимым приковывают журавли внимание людей, вынуждая позабыть суровую зиму. Своим неспешным полётом птицы будто возносят души людей, но не отнимают их, вынуждая тоже попробовать полететь, наслаждаясь силой свободного парения.

Великую радость приносят птицы в сердца людей, возвращаясь из тёплых стран на свою родину, и будто отогревают застывшие за зиму души. Журавли устали после дальнего пути, и, может быть, не все из них достигли родимого дома, но прежде, чем сесть для отдыха где-нибудь на болоте или у реки, они обязательно немножко покружат над полем у деревни и прокричат своё приветственное «курлы-курла, курлы-курла, курлы-ы-ы!» Это – верный знак, что весна вступает в свои права, она слетела на землю вместе с нашими дорогими журавлями!

Для человека трубный журавлиный крик, может быть, самый желанный из всех природных звуков, потому что возбуждает радость близких русскому человеку переживаний. О том, что пришла, наконец-то, долгожданная весна, что всколыхнула в каждом равнодушном сердце внутренние силы и надоумила на настоящий душевный подвиг. Не устать творить его, если ты встречаешь весну с такими чудесными птицами, как журавли.

И негибкая сила в журавлином голосе, и сладостная грусть, всё, без чего немыслима наша жизнь. Журавли своим присутствием будто преподносят человеку великий подарок судьбы – предзнаменование, которым он должен благоразумно распорядиться, не разбазарив его понапрасну. Крик журавлей заключает в себе нечто необъяснимое и завораживающее, от чего всегда верится: эти чудесные птицы – провозвестники нескончаемо радостной и счастливой жизни.

А потрескивающий в ночи костёр?! Разве это не радостное знамение, что ночь приняла тебя в свои объятия, и неукротимая стихия огня тоже, наконец, проявила себя в полной мере? Костёр как будто держит тебя и не отпускает, и ты зачарованно всматриваешься в его мятущуюся огненную душу, и время, кажется, останавливается.

Костёр необыкновенным образом озаряет внутреннюю жизнь леса, и становится видно то, чего ни за что не заметишь днём. Ночь в лесу долга и темна, а у размеренно потрескивающего огонька хорошо и уютно.

В лесу, у костра, всегда укрепляется связь с родной землёй и пробуждается жажда путешествовать. Когда переживаешь ночь или непогоду, костёр навевает самые таинственные и сокровенные думы, строятся решительные планы. У лесного костра как нигде хочется мечтать.

Ничто, кажется, не может нарушить мерного потрескивания костра в ночной тиши: ни дождь, ни ветер, ни снег. И хотя костёр трепетен, он в тоже время неукротим: даже деревья уважительно склоняются над ним, и что-то вкрадчиво нащёптывают в такт его утробному гудению.

Метнувшиеся от костра тени наполняют темноту сказочными существами, что смотрят на тебя из лесной глубины страшными глазами, и ты тоже начинаешь всматриваться в замерший лес, и вслушиваешься в не замечаемые ранее шорохи. Самые неожиданные звуки подстерегают тебя в ночном лесу, если чуть удалиться от костра. Именно в ночном лесу, у огня, происходит причащение человека к истории жизни его далёких предков и всей природы.

Только у жаркого, размеренного огня в лесу услышишь самые неправдоподобные истории, и навсегда их запомнишь. Хорошо за таким вкрадчивым разговором изредка подбрасывать в костёр тонкие хворостинки, ощущая его томный жар, и наблюдать, как их охватывают жадные языки пламени.

Приятно с восхищением следить за снопом ярких искр, уносящихся в чёрное небо: как они смешиваются со звёздами, образуя новые созвездия. Приятно просыпаться в темноте у потухающего костра и, подбросив суши, ощущать прибавляющееся тепло, смотреть, как огонь схватывается в ветках, восторженно шипит и взмывает к небу пляшущие отсветы, но при этом не ожидаешь утра, а всё больше думаешь, что ночь эта и костёр будут нескончаемы.

Случается, что костёр порой как будто отдыхает в себе самом, и горит как-то отрешённо, никуда не торопясь. Разожжёшь такой костерок на какой-нибудь укромной весенней проталинке, когда на оттаивающих бугорках уже тянут к солнцу головки мать-и-мачехи, и поддерживаешь его в свою радость, тоже никуда не торопясь. Так, полено к полону, хворостинка к хворостинке слагается постепенно костёр твоего неугасимого чувства преданности лесу и родной природе.

Вообще, огонь – это чудесное явление неудержимого горения, знак наивысшей степени жизненного жара, проявляющийся в необычайно яркой сгущенности всей его сути. Природа огня, соединяющая тепло, свет, красоту и силу, способная обнять всё живое, божественна.

Знак огня – именно свет и тепло, что сопутствует человеку, всегда находится рядом, и если человек пожелает, то может взять его и владеть. Это

– родной огонь, начало начал, суть зарождающейся жизни, ей без него не быть, он предназначен стеречь человеческую жизнь, чтобы она не затухала.

Человек во все времена желал огня, и не мог без него жить. Он добывал его, хранил, восторгался, и в тоже время преклонялся перед ним. В огне было нечто выше тех понятий, которыми человек ежечасно располагал. Огонь и пугал, и манил человека своей вековечной тайной, и человек тянулся к нему.

Костёр – это маленькое подобие солнца на земле, что человек способен разжечь сам: тому, кто связан с природой, всегда не хватает его тепла. И человек разводит огонь, и греется рядом с ним, не забывая, что он порождён Божественной Вселенной: огонь для человека – чуткое напоминание того первородного начала, от которого проснулась на земле жизнь.

Очень важно уметь приспособить окружающий мир себе на пользу, не принося ему никакого вреда. Для этого нужно научиться распознавать природные знаки воды, земли, огня, воздуха и звёзд, они очень просты, именно этими знаками изъясняется с нами Господь, и только по ним однажды приходят к каждому человеку повеления изменить свою собственную судьбу, но многие так ничего и не замечают.

Всем нам следует неукоснительно исправлять себя, совершая ответственные поступки на пути познания мира. И, совершив, не ставить их себе в заслугу. Человек должен оставаться отрешённым от своих побед, и в то же время находиться в мудрой взаимосвязи со всем, что его окружает.

Будет очень хорошо, если он не станет воевать с этой поразительной природой, а заинтересуется её загадками и неизмеримостью. Человеку надлежит быть ответственным за чудесный мир, в котором он живёт, несмотря на то, что он здесь не хозяин, а всего лишь гость, и, наверное, никогда не раскроет все его чудеса до конца, но обязан к этому стремиться.

Голос природы, его знаменательная и несравнимая ни с чем красота, это её язык, на каком она изъясняется со всем миром. Он многолик, необыкновенно значим во всех своих проявлениях, и полон самых невероятных примет, связанных с диким животным миром и его нескончаемыми чудесами. Всё это – неповторимые знаки природы, примеры чувственного изъяснения божественного мира, призванного Существованием улаживать наши, не распознавшие себя, души, чтобы они рано или поздно себя узнали, и стали знакомы всем, ибо что знато, то и свято, а если не свято, то и не угодно. На всё – Божья Воля, знамение Господне!

ОТЕЦ-ЛЕС

Лучшие минуты и часы своей жизни я провёл в лесу и море, переживая с ними нерасторжимую связь. Какие чудесные мысли и видения рождались в тайниках моего сознания, когда я соприкасался с лесными потаёнными просторами, отмечая в себе любимые уголки, что вспоминал потом в течение всей жизни! Сколько чудесных размышлений посетило меня, когда я

проводил бессонные ночи весною, на глухариных токах, или переживал осеннюю непогодицу в уютной лесной избушке! ОТЕЦ-ЛЕС вошёл в меня всей своей необъятной и несравнимой ни с чем мощностью, и остался там навсегда, отчего я непередаваемо счастлив.

Ведь если вышел из леса чуть умнее, чем был, значит, ты не зря провёл там время: ОТЕЦ-ЛЕС тебя почему-то отметил. Сразу, конечно, этого не почувствуешь, но понимание приходит скоро. А главное, ты постепенно осознаёшь, что чем дольше ты ходишь в лес, причём, постоянно, тем лучше становишься: начинаешь видеть и слышать то, чего раньше не замечал и не видел, и так, незаметно, постигаешь через лесную чащу самого себя, а потом и Бога. Но поначалу следует лучше узнать лесное божество – ОТЕЦ-ЛЕС...

Когда позабудешь себя в лесу – знай: твоё «я» целиком погружается в самую суть природы, в её истинную глубину, и если уж попал туда – возврата нет, сделался ты насквозь «лесным», то есть – «лесовиком». Нет большего счастья, чем переживать эту радость, и необыкновенно радостно счастье, что обретаешь в общении с ОТЕЦОМ-ЛЕСОМ. Ты здесь – свой, и лес это чувствует, а ты понимаешь, как велик он, как проникновенен в своей мудрости и чистоте: не нарушь её! В этом есть великое благо соединения многих энергий, в том числе – человека с миром природы, и человек обязан беречь эту связь как зеницу ока, ибо нет ничего её важнее.

Я как-то сразу понял, что всё самое интересное и лучшее в окружающем мире, к чему я в жизни стремился и пришёл, уже содержала моя душа, я лишь безотчётно двигался к нему, постепенно узнавая в своём обретении. А ведь мог и не пойти, отступить, даже пока не угадывая своё, родное, но и тогда, наверное, природа нашла бы способ открыть для меня возможность более достойной жизни, не представляя её без леса. Так сильна глубинная мощь ОТЕЦА-ЛЕСА, что от прикосновения к себе внимательного человека становится ещё более сказочной.

В глубине души надеясь всегда на то, что в завтрашнем походе в лес ты непременно встретишь нечто удивительное, но на деле, в ожидании этого завтра, всё время отчего-то сомневаешься, не верится тебе, что и в этот раз чудесное откроется твоему взору, и, конечно, поразит. Вспоминаешь, что уже не впервой тебе приходилось ошибаться в своих осторожных предположениях, и на самом деле всё оборачивалось наилучшим образом, как и представлялось в глубине души, но ты, тем не менее, опять почему-то не верил в поджидающее тебя чудесное, резонно полагая, что не может же тебе везти постоянно, а открытия всё равно не заставляли себя долго ждать, и в очередной раз поражали твоё восприятие. Так многообразна и глубока душа ОТЕЦА-ЛЕСА, так он великодушно, как солнце, являет нам свою прекрасную жизнь.

И приходит вдруг понимание, что эта глубина и неповторимость ОТЕЦА-ЛЕСА неисчерпаемы, как бы планомерно и бездушно не изводили его люди, и даже в измождённом вырубками лесу, несмотря ни на что, тебя неминуемо может ожидать незабываемое, именно в тех кусочках, что ещё остались, и

если ты проявишь неутомимость, это обязательно произойдёт. Произойдёт просто потому, что ОТЕЦ-ЛЕС чувствует тебя, твою жаждущую открытий душу, и только ради этого он порадует человека чем-то необычным, подарив ему свою улыбку. Это может быть только что зацвётший, к концу апреля, оранжево-пунцовый куст волчьего лыка, издающий еле уловимый пряный запах, присущий только весне; глухариный ток, неожиданно найденный тобою неподалёку от деревни, из-за окруживших его вырубок почти недоступный, но тебе отчего-то открывшийся; лось-великан, что ничего не замечая, нежно, и в тоже время настойчиво обдирая чуткими губами молодую осинку, подпустит тебя на близкое расстояние, и ты разглядишь его пушистые ресницы и задумчивые глаза...

Бывает, в хмурое апрельское утро, когда ещё не оделся лес, робко прокукует кукушка... Сначала - раз-другой, пока нерешительно пытаюсь опробовать звучание своего голоса в чистом утреннем воздухе, а через какое-то время - более уверенно, будто очнувшись ото сна, и через мгновение – уже радостно, без остановки, отчего ты невольно собьёшься со счёта от мысли, что так много тебе жить вовсе и не обязательно. Что угодно можно встретить в весеннем лесу, если не представляешь без него своей жизни.

Случалось с вами подобное, были вы по-настоящему очарованы лесной тайной, этим потаённым, скрытым от глаз людей течением жизни, где всё удивительно взаимосвязано, и так трепетно сосуществует одно с другим, но на удивление надёжно и радостно? Согласны и вы оказывать поддержку всему живому в этом лесном мире, не нарушая природной гармонии, воспринимая и себя частицей этого загадочного царства?

Не только во всё вглядываться и вслушиваться в нём, но и разговаривать с каждым живым существом, независимо – журавль это, потерявший по весне свою подругу, маленький ёжик, спрятавшийся ото всех в своей бесхитростной норке, так что виднеется только его кругленькая попка, или изодранная когтями медведицы ёлка, залечивающая раны смолистыми слезами. Все тебе в лесу дороги, а ты - дорог ОТЦУ-ЛЕСУ, и в этом единении смысл жизни, устроенной по божественным законам. Это - цель твоего собственного существования, что невозможно без единства птиц, зверей и растений, невозможного без содружества с человеком, когда мы все в ответе друг за друга, и как хорошо, если бы каждый почувствовал эту нерасторжимую связь, и уже никогда бы не смог без этого быть.

Да, человек бывает невообразимо силён, и пылкий дух его неукротим, но случись с ним какая беда – и идёт он за помощью к природе, в лес, как будто высокие травы, лесные озёра или осязаемое присутствие зверя смогут избавить его от отчаяния и непреодолимого нежелания жить. В такие минуты он уже не предполагает несовершенства среди лесных обитателей, убеждённо признавая, что звери страдают и мучаются точно так же, как и люди, а может быть, даже сильнее, и справляются со своей бедой нередко более достойно, чем человек.

Оглушённый болью, и в силу этого позабывший о её живительной сути, что поддерживает, так или иначе, красоту в душе, человек стремится найти опору собственному духу в лесу, и находит её. Тихий ли свет пасмурного осеннего дня поможет ему в этом, или перебежавшая дорогу огненная красавица-лисица, на мгновение настороженно замершая у самой её обочины, человек, вскоре, неминуемо для себя отметит, что жизнь удивительно полна, и ни на секунду не собирается утихать. Вновь обретая уверенность и желание жить, он вдруг незаметно почувствует в душе скрытую от него причину неведомого спокойствия и смысла именно в лесу.

Но, несказанно обрадовавшись этому, человек не в силах взять в толк, каким образом, одним своим видом, лес достигает такого счастливого поворота в его душе, и так легко справляется со всеми несчастьями? Что испытывают сами звери, когда беда настигает их в одночасье, неизъяснимым грузом ложится им на натруженные лопатки, и гибель неслышно стелется под их лапами сухим прошлогодним листом, либо замечает тропы непролазными предательскими сугробами? Как быть им, и надеяться ли сегодня на помощь других лесных обитателей, если вчера они были тебе непримиримыми врагами, только поджидающими твоей слабости, чтобы самым бойко продолжить свой бег?

Ждать такой поддержки, наверное, было бы ненадёжно, и потому сражённая молнией одинокая сосна, заяц, зацемявивший лапу в расколотом пне, обессиливший сохатый, загнанный в глубокие снега волками, - все они предоставлены, скорее всего, самим себе. В необъятных лесных просторах гибель их незаметна, никак неощутима, и повлиять, в целом, на жизнь природы, конечно, не в состоянии, и всё же природа позаботилась о них.

Не в силах уберечь, природа наплатила плотью погибших зверей тех, кто остался жить, а значит, должен есть, выкармливать своих детёнышей, передавать им необходимый опыт. Останки ещё долгое время могли служить птицам лакомым кормом, а истлев, удобрили собой почву, на которой в густом влажном мху заалеет когда-нибудь глянцевыми боками клюква или брусника. Не в пример человеку, лес не оставляет без внимания ни одну былинку, мудро предоставив ей возможность благодарно воскреснуть в каком-либо ином обличье. Своим существованием лесные жители обязаны друг другу, и эта не нарушаемая взаимосвязь между ними помогает лесу преодолеть любую беду.

Придя в лес, человеку надо двигаться и дышать в такт его ритму, а не принесённому с собой. Это – не боязнь заслужить неодобрение, просто так удобнее найти с ним общий язык.

Лес обостряет чувства, и неопытный человек, быстро насыщаясь ими, постепенно начинает переносить весь интерес и обаяние леса на себя, воспринимая все его чудеса как собственную заслугу, и в результате попадает в плен разыгравшегося воображения.

Быть наедине с природой нелегко, и для этого необходимо войти в неё как можно раньше. Как примет тебя лес, зависит от тебя самого. Можно прожить рядом с ним целую жизнь – и так и не увидеть его. Можно подолгу находиться в его окружении, страстно и искренне желая раскрытия лесных тайн, но так и не добиться ничего на этом пути. Наконец, можно попытаться пробыть среди лесной тишины максимально продолжительное время, пристально наблюдая за происходящим вокруг, и всё же потерпеть неудачу.

Как бы ты ни был изощрён и настойчив в стремлении дотянуться до неизведанного в лесу, он без желания расстаётся со своими секретами. Лес не прощает ни единой, допущенной тобой в жизни моральной ошибки, независимо от того, произошла она по недоразумению или из-за собственной духовной небрежности.

Последствия такой, допущенной тобой однажды небрежности, когда-нибудь неминуемо скажутся на твоём отношении к лесным жителям. Происходит это, по большей части, неосознанно, исподволь, а лес, конечно, всё чувствует, и по-своему мудро реагирует на это. Лес, скорее, допустит к себе человека, не обременённого жаждой познания, даже невежественного и глупого, чем того, кто, тайно вынашивая планы проникновения в его непревзойдённый разум, сам, в тоже время, его недостоин.

Извращённый человеческий ум может принести много вреда природе, и потому сложного человека лес не один раз пропустит через себя и выслушает, прежде чем удостоверится в чистоте его намерений. Умный человек более опасен для него, нежели дикарь, в котором больше естества, и потому лес даже может его проглядеть. Но как только человек-злодей проявит себя, лес тотчас отлучит его от своих тайн, и станет вдруг недоступным и замкнутым. И нет ничего хуже, чем оказаться в лесу одному.

Человек – более способный ученик природы, нежели животные, но, тем не менее, ему приходится преодолевать, в сравнении с ними, ничуть не меньшие недостатки. Самое парадоксальное заключено в том, что, даже преодолев их, он оказывается, в итоге, перед суровыми реальностями того же мира, от которого когда-то оторвался в силу собственного развития. Только с большим пониманием происходящего вокруг и в себе самом. Наверное, именно поэтому человеку бесконечно интереснее жить на белом свете, в отличие от любого животного и птицы, искренне желая, хотя бы на время, побыть аистом, волком или только что родившимся жеребёнком.

Так поступил канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон, когда, оставаясь самим собой, представил себя по-человечески находчивым и умным лисом Домино, отчаянно свободным мустангом-иноходцем, царственным волком-великаном Лобо, и многими другими зверями. Обострённость и полнота восприятия окружающей лесной жизни была у него порой неизмеримо выше, чем у любого из описанных животных, несмотря на многообразную гамму чувств, какими они обладают, а происходило это по причине неудержимого стремления к познанию, способного преодолеть любые инстинкты, в том числе – страх. Неумолимому писателю это отчасти

удалось, как удалось бы осуществить ещё талантливее более тонкому человеку, надолго очутившемуся однажды в лесу. Лес принял бы его под своей осеняющей тайной и укачал на еловых душистых лапах, вдохнув в сердце цепенящий восторг, силу и благодать.

Но прежде, чем войти в лес, ты должен обратиться к нему с приветствием. Войдя – следовать его законам. Открывая – познавать и радоваться. Прощаясь – благодарить, петь песню и никогда не прерывать с ним внутренней связи.

Приветственная

Здравствуй, ОТЕЦ-ЛЕС!

Здравствуйте, лесные обитатели, видимые и невидимые. Вступая в ваш дом, обращаюсь к вам с добрым сердцем и открытой душой, с желанием только смотреть, чувствовать и постигать лесную мудрость. Не присваивать слепо то, что ты, лес, можешь великодушно подарить, а быть терпеливым учеником, и брать только с твоего соизволения и с чувством искренней благодарности. Прими меня в свои объятия, ОТЕЦ-ЛЕС, научи, сохрани и поддержи как в трудную минуту, так и в минуту радости. Доброго здоровья и неисчерпаемой энергии тебе века веков!

Благодарственная

ОТЕЦ-ЛЕС!

Искренне произношу тебе слова благодарности и любви за то, что снял усталость с моей души, освободил от ненужной обузы моё тело, даровал истинную радость и ощущение слитности с твоим удивительным миром. Обещаю нести в своём сердце только любовь и преданность тебе, и как бы далеко ни занесла меня судьба, я не потеряю внутренней связи с тобой. Твоя необъятная лесная душа – это и моя душа, твои печали и радости – мои печали и радости. Наши жизни слиты воедино.

Как я привязан к тебе, ОТЕЦ-ЛЕС, как близка мне твоя величественная тишина! В разлуке с тобой я скучаю по твоим зелёным чертогам, а возвращаясь к ним – безумно радуюсь. ОТЕЦ-ЛЕС, прими и отпусти меня с пониманием и верой в то, как я искренне предан твоей непостижимой тайне, что притягивает к себе с такой силой.

Только ты, ОТЕЦ-ЛЕС, способен по-настоящему успокоить сердце и принести то ощущение радости жизни, что было утрачено в борьбе с её трудностями. Только твоя неиссякаемая мощь в состоянии снять с плеч и души усталость, давая возможность почувствовать себя обновлённым и чистым. Именно чуткая жизнь под твоим пологом, ОТЕЦ-ЛЕС, делает человека счастливым, и только в окружении дикой природы он начинает чувствовать себя человеком.

Благодарю тебя за подаренный день, за общение с тобой. Доброго здоровья и неисчерпаемой энергии тебе века веков!

Так, уже три десятка лет после того, как отказался от ружья, я всякий раз захожу в лес и выхожу из него, но до сих пор не могу избавиться от чувства вины перед ним, и, наверное, вынужден нести её в себе вечно.

ДЕРЕВА

Вы когда-нибудь прикасались поутру щекой к нагретой коре сосны, осторожно обняв её руками, и всем телом прижавшись к монолитному корабельному стволу? И чтобы эта раскидистая высокая сосна шумела тихонечко в своей могучей верхушке, но стояла покойно, величаво, будто ожидая, что какой-нибудь человек, может, это будете вы, подойдёт к ней, с восхищением вглядываясь в её, словно отлитое из тёплого золота тело, и позабудет обо всём на свете, прижавшись к ней. Если вы однажды подметили в своей жизни такую сосну, и обратили к ней всё внимание вашей души, сосна подарит вам уже свой внутренний свет, и обласканный им, вы теперь будете нести его в себе вечно.

С необыкновенной зоркостью вы подметите тогда и светлый берёзовый подлесок за околлицей, на него вы совсем недавно не обращали внимания, и потаённую тень под яблонями в саду, чуть ли не по нескольку раз в день проходя между ними, и всё же, не замечая, и косые лучи солнца, ласково пробивающиеся поутру сквозь еловые лапы, и золотистый пчелиный гул над распускающимися головки цветами, и пахучие заросли крапивы за баней в самый разгар роскошного июльского дня, и всё это – благодаря красавице-сосне, что щедро поделилась с вами своей внутренней силой. Прикоснувшись щекой к сосне, вы вдруг обязательно почувствуете, что скоро в вашей жизни случится нечто необыкновенное, может быть, оно уже происходит, и, утвердившись в этом происходящем с вами чуде, вы испытаете глубокую признательность и к лесу, и к своей судьбе, что связала вас однажды с родной нашему сердцу русской природой.

И действительно, одного прикосновения руки человека к взрослому дереву достаточно, чтобы оно вобрало в себя всю его духовную энергию и настроение. Дерево обязательно угадает человека, и поможет ему, если он того заслужил. Человеку же, даже обхватив ствол обеими руками, невероятно трудно хотя бы предположить, чем жило когда-то и что чувствует дерево сейчас. Человек должен быть готов к тому, чтобы понять дерево, причём, не всякое, а своё, которое ему необходимо определить самому, то есть, найти. И такое дерево я однажды обнаружил.

Поначалу я не обращал на него внимания, хотя место, где дерево росло – было одно из самых любимых, именно там я начинал искать своё первое глухариное токовище. Место очень укромное, я бы даже сказал дикое, несмотря на то, что несколько лет назад там работали

лесозаготовители, они и оставили после себя маленький балок с печкой. Балок вмещал в себя максимум двух человек, зимой промерзал нещадно, так, что приходилось то и дело подтапливать печь, но по весне и осенью держал тепло, и был мне надёжным убежищем.

На его ступеньках, однажды, я впервые в жизни увидел прямо перед собой огромного медведя, зверь пришёл ко мне ночью на запах подпорченной колбасы, что я накануне выбросил прямо перед входом в балок. Наблюдал за таинственным существованием филина, что поселился неподалёку и постепенно изводил ток, подкарауливая глухарей во время их песни, когда они ничего не слышат. Забавлялся весенней кутерьмой кукушек в еловых ветвях, подглядывал заячьи свадьбы...

Так вот, не замечал я дерева, вероятно, потому, что не был к этому готов, а когда по-настоящему увидел, открыл для себя, очень удивился, что не обращал на него внимания раньше. Это была огромная, налитая природной силой, красивая сосна, величественно замершая почти на краю лог, и возле неё тянулся почти заросший старый волок. Корни сосны мощными щупальцами выпирали из-под земли, закручивались тугими, розоватыми буграми, так что подойти к стволу не сразу и получилось.

Прежде я решил рассмотреть развесистую крону, будто подпирающую небесную твердь, и, прихватив рукой шапку, долго смотрел, закинув голову, вверх, пока она не закружилась. Я как-то сразу, очень чутко, ощутил, что это – необыкновенная и очень древняя сосна, и мне сейчас привелось увидеть её. В сосне чувствовалась великая сила, и я понял, что не должен никогда забывать и оставлять её, пока опять, когда-нибудь, не вернусь к ней. Ведь это было первое в моей жизни дерево, на которое я обратил своё внимание, ощутив, что оно мне родное.

Разглядывая мощный, чуть ли не в два обхвата ствол сосны, я не мог поверить, что это величественное древесное тело создавалось невидимым воздушным пространством. Удивительным покоем и душевным равновесием веяло от этого, словно светящегося изнутри дерева, что, кажется, останавливало время. Великое умиротворение снизошло тогда на меня... А какую энергию оно вокруг распространяло!

Да, из всех деревьев наиболее проникновенно и настойчиво заглядывают в вечность, быть может, только сосны: в отличие от мудрых елей они представляются святыми! Когда в ветреный день забредёшь под сень этих самых корабельных сосен, будто оказываешься на палубе величественного брига, где кроны деревьев наполняются, как паруса, ветром, и стволы гнутся подобно мачтам. А вот если вокруг спокойно, ощущаешь себя в уютной тихой гавани, где можно помечтать о предстоящих странствиях или вспомнить героическое былое. Только упавшая с дерева шишка выводит из этого сладостного оцепенения, но после её падения вновь хочется тотчас отправиться в увлекательное путешествие.

И все эти непередаваемые ощущения дарят именно сосны. Из всех деревьев только сосны, наверное, умеют перешёптываться между собою

вершинами, и делают всегда это так вкрадчиво и трогательно, будто не виделись целую вечность. Сосны, вообще, выделяются в лесу среди всех деревьев какой-то своей воздушной обособленностью, не смотря на свои размеры.

Всё в природе находится в равном положении между собой, и каждое дерево, быть может, для того и простаивает терпеливо всю жизнь на одном месте, невидимо трудится и никого не обижает, чтобы помочь каждому человеку правильно выстроить свою судьбу. В лесу, не в пример обыденной человеческой жизни, человек может получить несравнимую ни с чем силу для творчества. Лес для пытливого наблюдателя – родина самых невообразимых талантов, и способность отличать их присуща далеко не каждому. Именно они, эти искатели в борьбе за счастье всех живущих, отказываются порой от собственного блага и ведут других к необходимому знанию, обретая в лесу необыкновенную энергию, а отдавая её людям, получают взамен ещё большую, и от кого: от обыкновенных деревьев!

Иногда однообразие безукоризненно вытянутых корабельных стволов сосен и их пышные кроны, в отличие от дремучих таинственных елей, со временем, почему-то утомляет, но моя сосна заметно выделялась своей обособленностью среди других деревьев. К ней хотелось подойти, дотронуться до ствола рукой и замереть, вслушиваясь в размеренную музыку еле покачивающейся густой верхушки, а ещё лучше – прижаться к телу этого величественного дерева, приложив к нему ухо... Просто – прильнуть!

Неподвижность лесного существования деревьев, на самом деле, их великое подвижничество. Постичь душу дерева легко, если самому всегда стоять на своём, утверждая необходимость неустанного устремления к небу. В понимании этого мне помогла моя сосна.

Вот такая величественная сосна, обычно, невидимая ни для кого, горделиво и в тоже время просто высится веками где-то в потаённой чаще, и кажется, не содержит в себе никакой тайны, не давая, между тем, угаснуть первозданному лесному духу... Но ближе к весне вдруг прилетит на неё большой пёстрый дятел, усядется поудобнее, упёршись о сухую кору упругим хвостом, да затеет свою монотонную стукотню, и если ты вдруг обнаружишь такое дерево в своих сокровенных блужданиях по лесу, подойдёшь к нему в такой миг и обнимешь, отрешённо прижавшись к стволу, то почувствуешь, что дерево будто бы ожило, зазвенело протяжно и гулко только ему дарованным природой голосом, и сразу стало загадочным. Оно, конечно, и до того было живо, неся в себе завораживающую тайну, ты этого просто не замечал, а вот теперь открыл её для себя и восхитился.

Дятел деловито настукивал на макушке этой огромной дремучей сосны, и дерево звонко и мелодично, подобно колоколу, стонало от переживания своей могучей зрелости. И так радостно, даже – восхищённо, что я вмиг совершенно ясно для себя осознал: сосна радуется тому, что человек обратил на неё внимание, пришёл к ней и проникся её невидимым для людей существованием.

Обняв шероховатый ствол дерева, я с замиранием сердца вскоре почувствовал этот сладостно музыкальный, скорее даже – божественный гул в самом себе, через меня стремительно ускользающий вглубь земли, что сначала совершенно обескуражило, а после необыкновенно обрадовало, и я вдруг пережил удивительную сопричастность всему происходящему в природе, поняв, что все мы – и земля, и я, и сосна, и небо едины... От осознания этой простой истины, что заключалась во взаимосвязи всего сущего, я ощутил в душе покой, какую-то удивительную уравновешенность, когда всё тебя в окружающей природе необычайно трогает, пусть это – неприхотливый цветок, пушистое облако или дерево, и ты, безо всякого ущерба для себя, не перестаёшь удивляться происходящему рядом торжеству жизни. Она, ты теперь это точно знаешь, создана для радости.

Потом, в разное время года, я ещё не раз бывал в этих местах, и всё время думалось: обязательно подойду к моей сосне, обниму её, как прежде, и, может быть, вновь услышу этот удивительный природный гул, кажется, выражающий душу самой Природы. Но когда подходил и обнимал дорогое мне дерево, отчего-то возникала странная мысль: есть ли кому-нибудь дело до того, что я делаю?

И тут же приходило осознание: ведь я не иду туда, куда ведёт дорога, а иду туда, где её нет, оставляя свой след, и это не может не быть кому-либо не интересно. А значит, я не одинок, и нужно идти и дальше дорогами, которых нет на карте, так я и приду однажды к самому себе, и тогда у меня не возникнет потребности спрашивать о том – интересна ли кому-либо моя жизнь?

Испытывать радость, идя по дороге жизни, в этом, наверное, и есть единственно верный смысл. Ты должен делать то, чего тебе по-настоящему хочется, что подсказывает тебе твоё сердце. Ведь всё, что необходимо человеку, это ясное отношение именно к своей жизни и поступкам, ко всему, что тебя окружает, и потому следует постоянно изучать себя, чтобы, в конце концов, постигнуть свою сущность. Когда человек рассчитывает лишь на свои силы, перед ним открываются новые горизонты, зависимость же от других людей или каких-либо обстоятельств, как правило, сковывает, не даёт возможности раскрыться и следовать своим путём.

У каждого человека должно быть сокровенное пространство, созданное им самим и недоступное для других: это – его незамутнённый ничем внутренний источник, откуда он черпает для себя силы. Этим пространством может быть сад, который ты посадил на своём дачном участке и ухаживаешь за ним много лет. Земля, деревья и травы дарят тебе силы в благодарность за то, что ты благотворно участвуешь в их жизни, отдавая им свои чувства.

Этим дорогим для тебя пространством может быть и какое-то место в лесу, куда тебя неизменно притягивает каждый год неведомая сила, вполне возможно, связанная с определёнными деревьями, как эта сосна. Не нужно бояться, что кто-то воспримет тебя не так, как бы тебе этого хотелось: для человека важна внутренняя свобода, спокойная уверенность в себе, иначе он

не выживет, обрекая свою жизнь на постепенное угасание. Быть в ладу с собой, значит, сохранить здоровье и приумножить его, и в этом помогают нам величественные деревья...

Когда я только начинал заниматься лесом, то как-то натолкнулся на старую ель, будто забывшуюся во времени среди своих собратьев, что почему-то представлялись не такими древними... Поражённый её ростом, внутренне даже робея и дивясь, помню, долго стоял перед ней, отрешённо воззрившись на могучий шероховатый ствол, теряющийся в вышине. С интересом разглядывал бесчисленные толстые ветви – сами, как деревья, и не мог наглядеться. Всё было в этом древнем старце – мудрость и красота, покой и непостижимое величие, а больше – какая-то невероятная нестигаемость, так что казалось: это умудрённое временем дерево никогда не умрёт, будет стоять вечно. Возле этой старой ели хотелось замереть душой и слиться с её неизведанным прошлым, уносящим тебя вглубь несказанных столетий!

Там удивительное место, и хотя бы раз в году я стараюсь в нём бывать. Когда в такие забытые всеми уголки заглядывает солнце, они превращаются в настоящую сказку! Юркие белки снуют тут повсюду, озорно перебегают с ветки на ветку, оживляя собой загадочную тень. Кажется, совсем дикие, ещё не ведающие в своей жизни человека рябчики пронизывают застоявшуюся тишину своим волшебным пересвистом. А то вдруг, в самой сокровенной еловой глуши, пугающе, так, что ухает в сладкой истоме сердце, взрываются красавцы-мошники: они особенно любят такие потаённые места, каких сейчас почти и не осталось.

Вот и могучие, недоступные взору человека медведи разлапистой походкою неслышно бродят здесь, оставляя после себя крепкий звериный дух. Воздух отсюда, кажется, никуда не уходит, а живёт вместе с деревьями, мхом, грибами, приумножая нескончаемое долголетие чащи, что незаметно преображается в сказочную быль. Устанешь, бывало, приляжешь отдохнуть под эту красивую древнюю ель, и она вдруг ненавязчиво овеет твой лёгкий сон несказанным покоем.

Вряд ли можно отыскать человека, равнодушного к такому чудесному дереву, как ель. Всякому оно известно с детства, что немыслимо без пушистой, дышащей хвойным жаром красавицы, празднично сверкающей волшебными огнями в углу дома. Только за ней, так сладко пахнущей лесом, чудились сказочные волки с аметистовыми глазами, никогда не унывающие кроткие зайцы, и невероятно тревожащие синие тени, что зачарованно растворялись в таинственной и глубокой чаще. Всё это несла с собой именно ёлка, как никакое другое из деревьев располагая к лесному уюту.

Ель, пожалуй, самое обаятельное дерево на Руси. Оно – какое-то особенное, непохожее ни на какое другое, что более всех примечали люди. Словно живёт в нём лесной бог – старичок-еловичок, сказочник и затейник, что со зверями и птицами на их языке разговаривает, да про каждого

вступающего в лес главную его правду знает. И хочется к нему поскорей в гости отправиться, а что-то не велит. Видно, не пришло ещё время, и ты ждёшь его в нетерпении, наслаждаясь рождественскими ночами сладким еловым духом.

Встреча с ёлкой должна непременно состояться в жизни всякого человека. Только не в ухоженном и обогретом доме со сверкающими бенгальскими огнями и в свете свечей, а в лесной чаще, той самой, что занимает с детства наше воображение, пугает и тешит, влечёт к себе непрестанно и чарует. Именно в ней должно состояться свидание человека и дерева, которому уготовано, быть может, что-то очень важное в нашей жизни.

Человеку надлежит туда отправиться одному. Не сразу, постепенно, как бы даже не думая об этом, но с затаенным от радости духом.

Может так получиться, что в лесу человека околдуют иные тайны... Захочется ему вдруг взметнуться над лесистыми гривами одиноким и гордым ястребом, притвориться каким-нибудь невиданным зверем или позабыть обо всём на свете перед бегущими по небу лебяжьими облаками. Ни за что не передать того ощущения, когда ты сталкиваешься с лесными чарами.

Когда я эту ёлку впервые увидел, то сразу понял, что не миновать мне было именно её прикосновения в своих лесных странствиях. Неизвестно сколько находясь на страже лесного мира, это неувядающее дерево как будто ждало меня, чтобы раскрыться, а я этого никак не мог не заметить. И вот я сейчас думаю: как так выходит, что определённые деревья, именно – эти, не какие-то другие, становятся тебе ближе иных людей?!

Тронув рукой пушистые веточки, ты вдруг ощутишь в душе какое-то особое чувство, за что тотчас поблаговаришь дерево, и как будто успокоишься душой. Взглянешь на его шероховатую кору – и не уколешься сердцем. Потом посмотришь на тугие сучья, густую хвойную бахрому на них – и разомлешь душой. Что-то необъяснимое воцарится в ней, и ещё очень хорошее и глубокое.

Захочется тебе разделить с деревом свою радость, а оно, оказывается, и по-человечески понимает: слушает внимательно, в такт твоим мыслям разлапистыми ветвями покачивает. Мол, высказывай всё, что на душе накопилось, и ни о чём не тревожься, я тебя терпеливо выслушаю. И такая в нём сразу мудрость откроется, что оцепенеет всё внутри от этого невероятного откровения. Неужели, думаешь, на подобное обыкновенное дерево гораздо?!

А оно не насмехается, прямо в тебя смотрит, и текут ещё дальше его еловые мысли. Ни уютным это дерево не назовёшь, ни укромным, разве – чуть притаившимся для какой-то внушительной лесной работы, что созидает неисчислимое лесное богатство. Еловые кряжи нестигаемо несут его на своих плечах, не ропщут.

Кажется, что ель бывает одинаковой во все времена года, как бы ни играли вокруг неё яркие краски осени, по-весеннему оживлённо не

вспархивали в ветвях только что прилетевшие кукушки, ни окутывал твоего внимания душистый жар густого елового облака в летнюю пору, а зимнее безмолвие ни сковывало её в своих объятиях... Ель остаётся всегда одной и той же, полной мудрости и покоя, может быть, только ненадолго изменяя настроение.

Самозабвенно любим мы это дерево и, несмотря на его силу, трепетно к нему относимся. Пристально всматриваться в жизнь елового леса нам помогает его сказочность. Вот когда человек начинает понимать по-настоящему темноту ельников и их тайну. Только там находит он нужное ему успокоение.

Даже зимой солнечный свет залегает среди елей не так, как в других деревьях. Ёлки как будто завлекают его к себе, и в тоже время не пускают. Ветви их лишь ополаскиваются скупым прикосновением солнца, не забывая охранять свою необыкновенную тайну. Они заботливо берегут её под своим покровом, а человек неудержимо стремится её познать.

Ближе к весне, когда солнце светит пристальней и ярче, и снег между мощных еловых стволов немножко осаживается, лучи начинают проникать туда не так осмотрительно. Ели словно отогреваются под их влиянием, и всё больше расступаются.

Солнце постепенно обнимает еловые стволы, закрадываясь в самую гущу, и тогда из них проявляется на свет невыразимая радость. Радость, способная осветить настроение любого человека. А может быть, это необъяснимый дух дерева, что открывается человеку для переживания им нескончаемого счастья.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДЕНЬ

Самый лучший день, конечно, всегда - весенний, а ещё пуще, если он – апрельский, с подмороженным с утра тоненьким черепком, с бодрящим солнышком, с переливчатым шипением дорогого скворушки. Выдаётся он, само собой, только раз, потому как заменить его в природе нечем: другой день может стать ещё лучше, и оттого пропустить его никак нельзя.

Вот я его и не пропустил, и шибанул он мне в голову спозаранку так ясно, как циперекает только что возвратившийся на родину соловей, с великой радости, разумеется, и с таким же восторгом пипикнуло и моё разбуженное весной сердце, так что, не удержавшись, чуть ли не зачирикал от восторга я сам. Вот как, бывает, тронет нас за душу весна, проверит, так сказать, на заркость, и готовы мы думать о каждой птичке или былинке, как о самой родной, встреченной единственный раз в жизни!

А этот самый лучший весенний день приключился со мной в ту пору, когда я шибко был охвачен какой-то неизъяснимо прекрасной любовью к глухарям, и до того я в этой любви был им предан, что не замечал более ровным счётом ничего. Скажете – чистое сумасшествие, и не ошибётесь,

потому, как был я и на самом деле серьёзно сдвинут умом на этом захватывающем дух лесном увлечении, никого кроме глухарей не замечая.

И весна для меня ни весна, если я не отыщу новый глухариный ток, или, по крайней мере, не подберусь, хоть раз, к токующей птице, под её песню. Но не подстрелю, а только послушаю красавца-мошника, наслаждаясь его древним видом с косматой бородой и распущенным во всю мощь опахалом-хвостом, когда он возбуждённо роняет в рассветном апрельском лесу свои скиркающие волшебные звуки. Звуки эти необыкновенно завораживают и уносят в неизведанные давние времена, где ты, чудится тебе, когда-то уже был, до того они знакомо и трепетно трогают твоё сердце...

Такой день, конечно, забываем: жалко только, что никто, кроме тебя, не видит этой красоты. Эх, если бы пригласить всех друзей к лесным чудесам в гости, чтобы ещё лучше разглядеть их вместе, как и я сейчас, и может быть, мир людей стал бы немножко добрее, - думаю я. Иначе, зачем эта красота дана?

Но нет, и в этот день, и в другой, и в последующий рассматриваю я эту красоту один, и каждый из дней, сам по себе, прекрасен, но не так, как предыдущий, другой. И не вернуть его ничем, ни за что не остановить и не пережить с той же радостной печалью, как прежде, больше такого дня уж никогда не будет. А так хотелось показать и этот день, и следующий, хотя бы одному, хорошему человеку, чтобы и он тоже порадовался, и немножко покручинился, но только по-доброму. Что вокруг за чудо, особенно – весной, и умирать не надо!

И приходит постепенно понимание, что постоянное и честное общение с лесом, где всегда приходится совершать над собой усилия и чем-то жертвовать, желая открывать для себя удивительное, приучает к неминусемому одиночеству, иначе ничего не увидишь.

И вот, осуществляя задачи, казалось бы, самые невыполнимые, связанные с раскрытием лесных тайн, и добиваясь их разрешения во чтобы то ни стало, результат никогда не заставляет себя ждать: ты становишься мудрее, а значит – сильнее, чего невозможно было бы достичь, если находиться в лесу не одному, после чего уж никогда не станешь обременять себя вопросом – зачем тебе суждено прожить ещё один такой день в одиночестве?!

Ответ оказывается очевиден: этот день – самый лучший в твоей жизни, потому как неповторим, и он дарован судьбой именно тебе, и никому другому. Подарен Существованием для радостного постижения, благодаря которому ты открываешь в себе самого Господа и Его способность к удивительным деяниям. У Бога дней много, и все хороши!

ОДИНОЧЕСТВО

Срок жизни и её смысловую наполненность устанавливает для себя сам человек: если постоянно придумывать что-либо новое, как это происходит в

детстве, ты будешь продолжать развиваться. Интерес к жизни подпитывает её энергию, и она не прекращает функционировать. Жизнь не останавливается, пока ты хочешь чего-нибудь достичь, а поддерживая в себе энтузиазм, ты, несомненно, продляешь её.

Сознание при этом никогда не угасает: только успевай жить, обретая не иссякающее желание это делать, и не бойся оставаться один. Ведь здоровье – это способность организма максимально длительное время сохранять активность, не болея, а её ты сможешь накопить только в одиночестве, не расходуя понапрасну свою энергию, и если ты каждый день ставишь себе достойные цели и осуществляешь их, честь тебе и хвала.

Человек может стать самим собой, только когда проявит самостоятельность, не надеясь на других. Он должен ясно осознавать, что в принятии верных решений ему никто не нужен, он и сам способен на многое, если поверит в свои силы, что и является основополагающим в росте его сознания. Это движение к себе просто необходимо начать в молодые годы, когда физически человек ещё достаточно крепок.

Именно в молодости ты способен от многого отказаться, пожертвовать им, не боясь, что потеряешь его на век, с возрастом же такого рода «смелость» пропадает. Твоя свобода в принятии решений должна оставаться неприкосновенной, это – залог твоего неувядающего энтузиазма.

Правда, в жизни зачастую выходит так, что энергетические вибрации большинства людей выражаются в пустом напряжении, отнюдь – не созидательном, и человек интуитивно ищет спасения в одиночестве. Оттого и назначение таких состояний, как молчание и уединение, очень ценно, без них человеку пока невозможно сохранить спокойствие духа, и уж тем более – приблизиться к своему сознанию. Именно поэтому, наверное, некоторые люди устремляются на природу, желая соприкоснуться с неведомой лесной чащей, подсознательно угадывая в ней источник недостающей энергии.

Но тому, кто боится остаться наедине с собой, в лесу делать нечего, ибо общение с ним предполагает переживание одиночества. Ты лежишь на нарах лесной избушки и слушаешь, как за стеной подкрадывается вечер. Неимоверная тоска не одолевает твоё сердце, потому как ночь в лесу к тебе вовсе не равнодушна. Среди глухой неизбытности и темноты, она натягивает чёрные сумерки на синие ели, окружает совершенным покоем и тишиной, и оттого одиночество становится желанным и неуязвимым для всего неустроенного, дурного.

Кажется, что если ты уснёшь, ночь вместе с чем-то, что давно тебя ждёт, пропадёт бесследно, и больше никогда не вернётся. Тебе хочется, чтобы она всё время была с тобой, пела над твоей головой, убаюкивала своими тихими сновидениями, но в тоже время не давала забыться. Так всегда бывает в лесу: тебе кажется, будто ты оторван ото всех, долго не можешь уснуть, и всё о чём-то думаешь.

Ветер едва-едва трогает невидимые верхушки деревьев, и в такт их шуму рождаются твои неотступные спасительницы-мысли... Мысли о том,

как прожить на земле так, чтобы не было пусто и стыдно, а только счастливо и хорошо.

Если кто-нибудь, кто не добился в жизни того, чего хотел, начинает говорить, что у него не было полной уверенности в своей правоте, когда он не решился следовать жизненному выбору и идти до конца, я почему-то всегда представляю жизнь одинокого дерева. Не обладая такими возможностями, как человек, оно не перестаёт расти, изо дня в день, продолжая борьбу за то, чтобы оставаться самим собой, и, несмотря ни на что, становится мощнее стволом, раскидистой кроной. Происходит это по одной простой причине: помочь дереву в его одиноком труде никто не может, и дерево словно бы сознаёт это, и полагается только на себя.

Труд одиночки, несомненно, подвижнический труд, и дерево не способно в своей жизни обойтись без подвига, который оно неумоимо, каждый миг, совершает, как бы ему ни было тяжело и какие бы препятствия перед ним ни возникали. Всякое дерево мужественно только потому, что оно одно, дерево не способно переложить свою ответственность за собственную жизнь на кого-либо другого, и оно никогда не отказывается от дарованной ему свободы, в полной мере дорожа ей.

Каждый человек по сути своей одинок... Несмотря на то, что все мы – существа общественные и не можем себе представить своей жизни вне мира людей, душа наша, тем не менее, вынуждена принимать самые важные и ответственные для себя решения именно в состоянии одиночества, и это состояние необходимо принять, как вполне естественную данность, совсем, между тем, не предполагающую, чтобы человек замыкался. Быть среди людей, но при этом постоянно оставаться наедине со своими мыслями и уметь принимать решения – есть неотъемлемое условие жизни, и его следует просто принять. А жить полной жизнью – это значит максимально честно и строго использовать отпущенное тебе время, и большую его часть, как не крути, тебе приходится находиться именно один на один с собой.

Только в одиночестве, если оно воспринимается верно, мы растём и становимся сильнее, ничуть, при этом, не отдаляясь от других людей, и то, что человек ничего не может сделать один – неправда. Только один он и должен показать всем, и в первую очередь – себе, что способен на очень многое. Человек может всё, если не опустит руки, а наоборот – проявит отвагу и решимость именно тогда, когда ему одиноко. Человеку вообще не следует преодолевать своё одиночество, а нужно только правильно им распорядиться, и не нужно бежать от него, тогда как необходимо всего лишь научиться жить с ним, ибо одиночество даровано человеку Творцом, когда Он сам мужественно прошёл и проходит через него.

Только в одиночестве человеческая душа способна, наконец, осознать собственное достоинство и силу, и даже если ты упал, идя по дороге жизни, ты должен ясно отдавать себе отчёт в том, что подниматься тебе суждено самому, так же как и продолжать путь дальше. Ты обязан приучить себя к мысли, что более полезным положением для души будет непрекращающаяся

возможность и желание преодоления препятствий, а не безоблачное переживание счастья, которое само по себе ничему не учит: оно – статично. Лишь находясь в состоянии постоянной борьбы, ты сможешь выработать необходимые навыки в овладении энергией, и она способна себя восстанавливать. Дальше всех по дороге постижения уходит тот, кто имеет мужество отправиться в путь один, не рассчитывая на чью-либо помощь.

Одиночество не должно пугать человека своей видимой неестественностью или ущербностью, потому как все мы, по земным меркам, одиноки. Но это - не обречённое состояние, а необходимое для нашей души, чтобы она могла проявить себя с самой выгодной для неё стороны именно в некоей ограниченности, когда никто, кроме тебя, не в силах подтвердить собственную решимость и правоту.

А что же дерево? Представим себе его жизнь... Семя ели или сосны, однажды заронённое в почву, призвано тотчас, как и душа человека, с самого её рождения, бороться и расти. Уже тогда оно преодолевает в одиночку сопротивление заморозков и холодных дождей, неустойчивого ветра и засухи, семя может склевать птица, унести в свою норку какой-нибудь жучок или муравей, и даже когда оно выпростает из-под земли свой крохотный росток, а потом – робкий ствол, его может переломить всем своим весом лось-великан или человек. Сколько преград приходится претерпеть маленькому деревцу, пока оно хотя бы немного подрастёт!

Корни деревца без устали черпают из глубины земли недостающие для роста соки, гонят их к стволу и ветвям. Ствол и ветви, невидимо взаимодействуя с микроорганизмами воздуха, ежесекундно наращивают драгоценную древесную массу, тянутся к небу. Листья готовят пищу всему дереву, берут из воздуха невидимый углекислый газ и воду, с утра до вечера ловят солнечный свет, и с его помощью соединяют различные вещества в одно чудесное целое – живое. В густой кроне дерева находят себе приют птицы и звери, а уж о древесных плодах и говорить нечего, ибо дарят они пропитание многим живым существам, в том числе и человеку, и ещё собирают и рассеивают семена.

И вот, однажды, каждое дерево, совершив свой невидимый подвиг, наконец, созидает совместно с другими деревьями могущественный и прекрасный лес, наполненный зверьми и птицами, плодоносными кустами и цветами. Так и души человеческие, каждая в отдельности преодолевая все тяготы этого нелёгкого подвижнического пути, способны образовать сплочённый и развитый народ, и ему по силам решать самые высокие задачи, достигая для себя, в конце концов, великого блага.

А всего лишь каждое дерево и человек жили честно, в первую очередь, по отношению к себе, несмотря ни на что развивали в своём сердце самое лучшее, достигая гармонии души и тела, но, достигнув её, не останавливались и шли дальше, обретая гармонию со всем окружающим миром. Не зря в народе исстари ведётся пословица: «Тот и господин, кто всё может сделать один», и человек, способный развивать своё сознание,

конечно, всегда учится у дерева, именно оно преподаёт ему урок истинного созидательного труда.

И, тем не менее, одиночество не устраивает большую часть людей, они боятся быть одинокими в своих верованиях, потому что это ко многому обязывает, а свои обязанности эти люди привыкли перекладывать на плечи других. Они не понимают, что чувствовать себя одиноким – это не значит оставаться одному, а лишь только идти достойным путём к истинному объединению с теми, кто и сам в полной мере и с достоинством прошёл его.

Но человек одиночества не переносит, дичится его и не ведает своей сокровенной и радостной судьбы. Тогда как дерево свою судьбу ежеминутно, ни для кого неприметно, слагает, как берёза, что и детский крик утешает, и мир освещает, и больных исцеляет, и чистоту блюдёт!

ПЕРЕЛЕСКИ

Сколько переживаний, обычно, доставляет человеку непонимание им природы, когда лес изводится почём зря, бездумно, вместо того, чтобы вовремя выбирая спелые деревья, вместо них высаживать молодую поросль. Но пусто вокруг, и там, где когда-то стояла первозданная вековая чаща, теперь раскинулась пустота, затянутая иссохшим валёжником, сплошной бурелом. Вот почему хожу я по своим любимым местам в отрешённом забытии, и не могу избавиться от обезоруживающей горечи сожаления: уже порядком истреблены укромные и дорогие сердцу уголки, где я был когда-то счастлив.

Мощные старые ельники с деревьями в два-три обхвата можно сейчас пересчитать по пальцам. Сказочный мрак от их переплетённых, будто сросшихся крон остался больше в воспоминаниях. Теперь уже только перелески, а не исконный дремучий лес приносят удовлетворение, и эти перелески, совсем как настоящая нетронутая чаща, ещё очень остро будят воображение и щемят сердце.

Чем таким особенным отличаются они от других, почти таких же перелесков, просек, опушек и покосов, в изобилии разбросанных по нашей необъятной лесной стороне? Что в них неповторимого, глубоко скрытого от чужих глаз, а моему восприятию кажущегося самым сокровенным? Они – как отголоски былых переживаний, когда ты жил, должно быть, другой жизнью, было это давным-давно, и в той жизни все поклонялись лесу.

Наверное, я угадываю эти старинные, ещё оставшиеся лесные уголки каким-то необъяснимым чутьём. Жажда ощущать своё единение с ними ни с чем несравнима. Я ищу места далёкого прошлого в лесу и иногда нахожу их, но случается это всё реже и реже, а про себя думаю: как я люблю вас, древние, таинственные леса, уже пережившие целые века!

Сколько радости приносят эти маленькие лесочки, сколько неожиданных открытий и надежды, что не изведут леса навсегда, что наберётся у человека здравого смысла сохранить почти утраченное. «Не

строй, говорят, семь церквей, а пристрой лучше семь детей», и это выражение как нельзя лучше подходит к остаткам леса, оказавшимся без присмотра.

Все перелески, как дети малые, разбежались по нашим необъятным российским просторам, и от нас зависит сохранить их, ибо было когда-то добро, да давно, а если опять будет, нас уж, может, и не будет. Перелески – это те драгоценные отголоски, по которым можно восстановить давно минувшее, и что может быть привлекательнее этих остатков былого!

Неизъяснимое счастье – затеряться в дорогах сердцу лесам и перелесках, в этих оставшихся островках лесного уюта и покоя. Остановившись в таком леске, присядешь на пенёк, осмотришься, и по еле уловимым приметам вообразишь себе тот первобытный лес, что покрывал нашу землю давным-давно.

Старые ели, сосны и пихты растут так густо, что под ними всегда сыро и сумрачно. Многие деревья засохли на корню, им некуда упасть, и, навалившись друг на друга, они стоят мёртвые, покрытые вместо хвои косматыми клоками серого лишайника. Поваленные же ветром деревья образовали непроходимый валёжник, скопившийся за десятилетия, из которых слагаются нескончаемые лесные века.

Древние, давно упавшие колоды обросли сочным зелёным мхом, середина их давно сгнила, превратившись в труху. Нет ни кустов, ни цветов, ни даже травы в таком высокоствольном тёмном лесу. Лишь в отдельных сырых местах разросся огромный остролистный папоротник, а с деревьев свисают полуистлевшие, обломанные бурей ветви. Настоящее кладбище из чёрных стволов и сучьев!

Только пользуясь звериными, преимущественно медвежьими и лосиными тропами, может продвигаться человек в этом буреломе. Почти не проникают под тёмный полог ветвей солнечные лучи. Там, наверху, набежавший ветерок слегка колышет могучие вершины, раздаются нежные голоса крохотных синиц, внизу же – мёртво и тихо.

Необъятными тучами въётся в неподвижном воздухе мошकारа. Изредка, ошалело взмахивая крыльями, подлетит к старой ели дятел желна, посидит, осмотрится, а затем вопьётся в ствол когтями и начнёт скачками подниматься вверх. Или глухарь, нарушая тишину, с грохотом сорвётся с ветки, и на распростёртых крыльях скроется в непроходимой чаще.

Но всё это лишь иногда... Можно, наверное, пройти по такому лесу многие вёрсты, и никого не увидишь: ни синиц, ни дятла, ни глухаря. Редки здесь птицы и звери, величава и пустынна первобытная тайга!

Оставшийся после этой дремучей тайги перелесок – лишь небольшой лесок, отделённый полянами от других лесных уголков. Он как будто нечто обособленное, что живёт с каким-то тайным, никому неведомым умыслом.

Большой лес, говорят, - к селу крест, безлесье – неугожее поместье, а такой неприметный, вроде бы, перелесок – словно лесное дитя, что заплутало в необъятных лесных просторах, но до конца не затерялось. Перелесок живёт

своей маленькой жизнью, часто скрытой от глаз, но, даже обратив на него внимание, не всякий разберёт его укромную жизнь. Разве в лесу лесу мало?!

Перелески же будто ждут, когда на них обратят внимание, и, если это происходит, как малые дети, радуются, пытаются тотчас очаровать и увлечь за собой. Играют своими потаёнными тенями и редкими солнечными бликами, путают укромными тропками, привлекают неведомыми голосами. Не хочешь, а забредёшь в такой перелесок, невольно углубишься в него и обо всём позабудешь. Перелесок, как всякий озорной ребёнок, только этого и ждал!

На первый взгляд, перелески будто бы пусты, в отличие от большого леса, но чем дальше в лес, как говорится, тем больше дров. И невелик, вроде бы, перелесок, а как обухом бьёт. Словом, удивляет и всё норовит подножку поставить, отвлечь от одолевших тебя забот. Ты и сам не заметишь, как увлечёшься им, и про себя чему-то необыкновенно обрадуешься. И всё это благодаря маленькому перелеску.

Перелески в нашей лесной стороне стали привычны, и попадаются гораздо чаще, чем большие лесные массивы. Бывает, перелески соединяют их, служа непрерывающейся зелёной «пуповиной». Всегда приятно заглянуть в такие лесные перешейки в поисках грибов и обнаружить у самой опушки, под раскидистыми еловыми лапами, семейство боровиков.

Опустишься перед ними на колени, неспешно срезаешь, а сам нет-нет да поглядываешь зачем-то по сторонам. Перелесок обычно просматривается насквозь, вроде бы, негде тут схорониться его незамысловатой тайне, но что-то невидимое, всё же, происходит вокруг, постоянно присутствует, и ты в какой-то миг опять оглянешься, поднимешь голову или отчего-то с удовольствием насторожишься: всё в маленьком перелеске хорошо, даже - необыкновенно, но где оно?!

Оно, это невидимое, но, всё же, ясно ощущаемое «нечто», есть душа леса... Она присутствует везде, в том числе – вот в таких, неприметных на первый взгляд, перелесках, что были когда-то сплошным огромным лесом. Люди постепенно уничтожили его и оставили узенькие лесные островки, мало-мальски укрепляющие почву и создающие впечатление здоровых лесных угодий. Перелески – это живые отголоски тех далёких времён, когда ещё были целы тёмные дремучие леса.

Один перелесок, другой, всё дальше уводят они в лесную чащу... И вот, уже новые, совсем незнакомые места окружают тебя. То повстречается укромная земляничная полянка, а то обронённое глухарём перо. Может быть, где-то здесь располагается по весне глухариный ток?!

Неожиданно выходишь на волок – семь ёлок, старую лесную дорогу, пролегающую через небольшой перелесок, благодаря которому этот волок и остался. Я люблю такие старые заросшие дороги и тропы. Время сравняло глубокие колеи и стёрло следы подков. Они заброшены и, зарастая кустарником и травой, никому не нужны.

И всё же, в них таится какое-то неуловимое очарование, нечто неизведанное. Так и кажется, что за ближайшим поворотом дорожка

оборвётся у сказочной избушки или приведёт к дуплу, из которого высовывается зелёная борода лешего, и если живы ещё лесные сказки, жива и душа человека, что через них с Богом беседует.

И вот, захочется тебе однажды посетить такое сказочное место, где ты тоже был когда-то счастлив, и ты обращаешь свой внутренний взор к одному глухариному току, что отыскал давно, на Пасху, и назвал Пасхальным. Вздумается тебе, отчего-то, побывать именно на нём, и рано поутру, тоже в день Светлого праздника, ты отправляешься в лес.

Не скрою, мне не давало покоя сомнение, что ток нарушен, поскольку три года назад был вырублен старый ельник, закрывающий токовище с северо-западной холодной стороны. Ельник оберегал птиц во время тока от ветра, тогда как сам ток располагался в сосновом бору и на прилегающем к нему старом покосе, но теперь, по рассказам деревенских жителей, ельника не стало, и я переживал, что птицы покинули токовище.

Ток этот был хорош тем, что находился неподалёку от деревни, подход к нему был очень удобным: не нужно пробираться через какие-то непроходимые заросли или долго идти по раскисшей дороге. Вышел из деревни до рассвета – и через полтора часа ты на месте. Отчётливо слышно порой, как тьявкают по дворам собаки и подают голос первые петухи.

Я был почти уверен, что глухари покинули токовище, но все три года никак не мог собраться и проверить своё опасение. К середине зимы, когда снегу обычно наматывает достаточно для того, чтобы глухари ночевали в лунках, я приходил к ним в гости, желая удостовериться в наличии птиц, и всегда меня радовал этот удивительный по красоте лесной уголок. Вот и сейчас, надеясь в душе, что птицы не разлетелись, я и не подозревал, как тут всё изменилось. Место невозможно было узнать: таким опустошённым предстал передо мной лес, скорее – перелесок, что когда-то поражал своей укромной глухоманью.

Горько было наблюдать вывороченные пни, сваленные, как попало, полусгнившие поленницы и иссохший валёжник, повсюду – щепы, дёрн изрыт, и только в самом конце покоса, на потаённой полянке, окружённой соснами, я обнаружил на снегу свежий след глухаря, размером с кулак, но особой радости при этом не почувствовал. Скорее, горечь от всего увиденного, ничем невозполнимую утрату от того, что уже не бывает сокровенному лесному месту прежним, никогда не ощутить того душевного трепета, с каким разглядывал из своего укрытия, под раскидистой ёлкой, как подпрыгивает от возбуждения глухарь и ластится к нему копалуха. Как глухарь, видимо, забывшись от переживаемого восторга, смешно, вразвалочку, побежал по полянке, но потом вдруг замер, и, подавшись грудью вперёд, взбудораженно захлопал мощными крыльями, после чего подскочил чуть ли ни на метр над землёй, и вновь ринулся куда-то, наверное, вообразив своего соперника.

Ничего этого, вернее всего, уже не будет... Как не будет той вековой чащи, где я испытывал не раз неопишемую радость, еле уловимое истечение

таинственного времени, приходя сюда и весной, и осенью, и зимой, и всё не мог, помнится, избавиться от какого-то неприятного глубинного предчувствия, его никак не принимала моя душа, что эта лесная красота когда-нибудь опустеет, не всегда ей быть, и оттого радость мою будто кто-то исподтишка подтачивал. Не верилось, что люди сохранят этот красивый лес... Так оно и вышло.

Я стоял посреди маленькой полянки, после того, как глухарь мой улетел, и вспоминал, как всё здесь было. Ток этот подарил мне немало чудесных историй, и душа наполнялась сказкой: до того было радостно ощущать окружающий лес, древних птиц, прилетающих именно сюда, и ещё чьё-то невидимое присутствие. Я чувствовал его всегда, какое-то неведомое существо неотступно наблюдало за мной из года в год, но ничем не обременяло. Скорее всего, оно было настроено доброжелательно, что тоже, кажется, всегда радовалось вместе со мной, и вот теперь, как будто, всё умерло.

Но нет, нельзя так думать, поскольку жива лесная душа: вездесущие дрозды, оживляя потаённую тишину ненадоедливыми «погремушками», возбуждённо исчерчивают весеннее пространство своими восторженными перемещениями, прямо над головой, навстречу восходящему солнцу, проследовало трое журавлей, и как только я вскинул в приветствии им руки, они незамедлительно отозвались мне своим неподражаемым курлыканьем, и эти волшебные весенние звуки радостно понеслись над просыпающейся землёй... В подтаявших ложбинках, что ещё не освободились до конца от снега, утробно затурлыкали лягушки, серебристые барашки вербы, омытые апрельскими дождями, умиротворённо замерли в пронизанном душистой чистотой воздухе, тоненько засвистали в невидимые дудочки вездесущие зяблики... Разве поддастся сердце печали в этом торжестве звуков, запахов и красок?!

Как бы мы были все богаты, относись более бережно и к своему душевному здоровью, и к окружающей нас природе! Какую бы силу и радость в себе почувствовали, а не иначе, лишь бы за что-нибудь ухватиться, преодолевая в сердце гибельную неудовлетворённость.

Так навсегда и запечатлелось в памяти, как печалился я по утраченному лесу, с горечью думая и о глухарях, что не минует и их незавидная судьба. А сколько счастья осталось в душе от встреч с величественным лесом и чудесными древними птицами! Нечто особенное, ничем уже в твоей жизни невосполнимое, родное.

Как вот эти, затерявшиеся в самих себе, скромные перелески, что, несмотря на свою укромность, тоже радуют душу и будто ободряют лесного путника. Что-то в них вынуждает остановиться рядом и просто, открыто улыбнуться им. Присесть на пенёк, послушать птиц, может быть, набрать горсть земляники, но время от времени взглядывать на них, будто поддерживая неторопливый душевный разговор. Беседовать – не устать: было бы что друг другу сказать, а перелески, наверное, могут многое

поведать о том, что повидали на своём веку, когда вокруг стоял прекрасный дремучий лес!

На то они и перелески, отголоски бывшего лесного величия, призванные ненавязчиво скрашивать человеку нелёгкую путь-дорожку, чтобы и сердцу стало спокойно, и душа была рада. Перелески – украшение укромных лесных уголков, и если говорят, что на битой дороге трава не растёт, а если и растёт, то только спорыш, так это никак не относится к нашим перелескам: родной уголок, хоть и неказист, зато - всего краше, в нём – свой простор. Идёшь по лесной тропинке, любишься на незатейливые, но милые сердцу перелески, и о чём-то скверном уже не помышляешь. Все худые мысли отгоняют родные перелески, помогая одолеть пеньки да колоды.

Живут перелески вдоль лесных дорожек укромно, тихо и очень уютно. Укромность – лесное свойство, и выходить из-под своего потаённого полога перелески не намерены. Хоть и неброские на вид, перелески одаривают своим вниманием только лесного путника, и не печалются, если тот не замечает их потаённого настроения. Всякому - свой путь, но того, кто всё-таки разглядит в них отголоски утерянной мощи, ожидают в лесу добрые вести. Перелески всегда приветствуют любознательного, равнодушного человека, и своим присутствием облегчают его дорогу.

Идёшь, любишься перелесками и думаешь обо всём, что тебя окружает, а перелески будто перетекают в тебя, радуясь, что ты их отметил, и открывают свои самые сокровенные тайны. Они – скрытая душа бывшего леса, что, благодаря им, остаётся доступной. Глупый, говорят в народе, ищет большого места, умного же и в углу знать!

СВОЯ ВЕСНА

Когда зима уже подкатывает к своему завершению, в душе вдруг воцаряется какая-то необъяснимая, но священная тоска: кажется, вот-вот бы, наконец, родиться долгожданной весне! Но нет, чего-то ещё не хватает ей до полного изнеможения зимы, не в силах она пока сломить тот злополучный рог, что хранит в себе известную всем крепость. Обидно вдруг станет: ведь как близко это неизменно тёплое, родное, а не достать!

И вот именно из такого, казалось бы, угнетённого состояния духа пробивается поначалу совсем маленькое волнение, затем – всё дальше, больше... И снегопады, бывает, по-зимнему завьюжат подле ворот, на Авдотью собаку сидячую заносит, и виснет над крышей седая пелена, а весёлая снежинка всё-таки уколола тебя в сердце, так что уж знаешь наверняка: свою весну ты ни за что не упустишь!

Где-нибудь в конце февраля выдастся оттепельный день с капелью, как весной, с размытой неопределённостью пахучего воздуха, когда под самым сердцем замирает сладкая тревога, и ты, не спеша, отправишься в лес, и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нём окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в себе самом.

А какой проникновенный свет стоит в лесу, среди ещё не отошедших от зимы замерших елей... Такой трогательный, очень покойный свет случается только в конце февраля или ранней весной. Свет среди деревьев даже не распространяется, не проистекает, а живёт, как будто и был там всегда. Одно наслаждение находиться в таком лесу, будто ты – дома, и никуда не хочется уходить.

Одно дело – просто ждать весну, другое – заранее готовиться к ней. Готовиться именно к своей единственной, что должна принести нечто недостающее, важное, что может открыть только она, весна... Твоя весна!

Хорошо начинать её, когда повсюду ещё снег. Февраль, действительно, пока не сломил до конца рог зиме, и могут ударить крепкие утренники, такие крепкие, что если б не подступал март, то можно даже засомневаться в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие ветры, что и вовсе ранняя встреча весны покажется напрасной.

И всё же, ты знаешь: весна уже где-то здесь, с тобой, и если её ещё не видно глазу и не слышно уху, то душой чувствуешь приближение самого любимого времени года несомненно. Весна вливается в тебя пока не широким руслом, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нащёптывает что-то сокровенное, робкое, но и неудержимое, будит в душе молодые силы и не даёт спать.

Каждый февраль, заходя до этого ожидаемого весеннего праздника, всегда мысленно отправляешься к своим родимым лесным местам. Думы о них приятно тревожат сердце, но всякий раз по-иному, хотя все вёсны, какие только у тебя были, и соединяются в одну. И всё-таки, каждая весна по своему незабываема.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: просто так она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо, непременно, выносить её в сердце, как это происходит у наших птиц, что оказались на чужбине, соскучиться в дальних краях по родимой стороне, и возжелать радостного полёта. Чтобы затем, оторвавшись от земли и преодолев тысячи километров, достойно пронести свою любовь к весне вместе с дорогими птицами, и вернуться обновлённым, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни.

Оставляя свои силы, зима нередко решается на последний сильный снегопад, и, расставаясь с ними, сразу убирается в глухие буераки, уступая место неудержимо наступающей весне. Солнце тогда не то, что показывается, а просто выплёскивается на землю, даже несколько смущённое от происходящей в природе перемены, и прекратившийся вмиг снегопад сразу представляется привидевшимся накануне буйным сном. Так бодро расправляет плечи неудержимая весна, что я сразу воображаю, как хорошо сейчас моим любимым глухарям там, в потаённом еловом лесу, и тихо радуюсь за них, немножко даже завидуя их вольной жизни и представляя себя рядом с ними.

Из всех времён года больше всего люблю весну, потому что только она может всё объяснить и показать человеку, и каждый должен встретить свою весну, стремясь к тому, чтобы она пришла в его жизнь.

СОЛНЦЕ В ДУШЕ

Часто от людей я слышу недовольство собой и существованием вокруг, а не то, как хорошо на свете жить. Пожаловала в гости зимушка-зима, принесла с собой морозы, да вьюги, и вот уже человек корит её за это, выказывая озабоченное чрез меры недовольство, но никак ни восторг и радость. Обрушилась на землю всем своим торжеством чудесница-весна, человеку же и тут невдомёк разглядеть в ней только долгожданное благо, и вызывает она у него лишь раздражение из-за раскисших дорог, не подъём духа, а сонливость. Красное лето на дворе, надо бы только возрадоваться пришедшему солнечному теплу и ласковым солнечным дождям, да только жар его становится невыносим, и того пуще – донимают комары и мошки!

И вот уже незаметно подступила матушка-осень, как добрая хозяйюшка заполнила закрома людей дорогим сердцу урожаем, но и он, оказывается, не в радость, и опять больше занимают внимание слякоть, промозглые дожди и бесприютный пронизывающий ветер. Всё для неуёмной на жалобы и недовольство жизнью человеческой души неладно, ничего её, непутёвую, вроде бы, не прельщает. Так чего же тебе, человек, надобно, что может утолить твою неприкайнную неустроенность?!

А не хватает человеку свежего ветра в душе, крепкого утреннего морозца и дороги, что убегает из-под ног к самому горизонту. Ему не достаёт самой души, что трудилась бы над собой, искренне желая, в первую очередь, именно этого.

Ещё человеку не обойтись без небесного праздника, что проистекает здесь, на земле, когда нужно не жаловаться, не причитать, будто бы всё-то ему нехорошо, а только радоваться и любить. Даже если у тебя что-то не получается, может быть, и вовсе ничего не выходит, ты воспринимаешь любую непогоду или неудачу ни как некую неустроенность природы, а наоборот, принимаешь её за то единственное, что не может тебя миновать. Оно – дар Господень, и этот дар прекрасен всегда, если ты с самим собой находишься в ладу, и тогда непогодица на дворе тебе не помеха, она затем и дана, чтобы ещё более верно утвердить в своей душе солнце.

ШЕЛЕСТ ЖИЗНИ

Какие неожиданные чудеса таит в себе лесная жизнь! И как хорошо, что ты в любой момент можешь отправиться к ним. Откроет ли эта жизнь что-либо или нет – зависит только от тебя, и если бы не было этой приятной во всех отношениях неожиданности в восприятии мира, жизнь бы оставалась

скучна. А потому - не ленись, смело отправляйся навстречу неизведанному, и ты обязательно его повстречаешь.

Всё в такой момент представляется тебе необыкновенным, и если пришла на землю весна, то стоит только оказаться в лесу – и в душе возникает предчувствие неминуемого открытия. Старая прошлогодняя листва, сквозь которую повсюду пробиваются подснежники, ударяет в нос ароматной сыростью, от парного воздуха, кажется, шевелятся и распускаются почки. Всё это – лучшая весенняя пора, что называется в народе поэтично и просто – «вальдшнепиная тяга»!

Когда над оттаивающей землёй, светлеющими верхушками осин и оврагом, пересекающим поляну, проплывает молчаливая тень самки, а за ней, утробно хоркая и цвиркая, самец, ты, подняв голову к небу, замираешь от охватившего тебя восторга. Обе птицы, сбившись в комок любви, сваливаются прямо на дорогу, время от времени вскрикивают, и ты, остановившись посреди неё, зачарованно смотришь на всё это весеннее таинство, и чувствуешь себя немножко опустошёнными от зарождающейся повсюду жизни. Весенний лес – огромная тайна, полная чудесных знаний, и он так мудр, что готов учить каждого из нас, если мы станем его слушать и внимательно вглядываться в него.

Отправившись с товарищем на подслух подлетающих на ток глухарей, мы уже в сумерках пришли к избушке, растопили наскоро печку, и, чтобы быстрее вскипятить чай, прямо у крыльца развели костерок, подвесив над ним закопченную банку на две-три кружки. Вода в ней, обычно, закипает мгновенно в любую погоду, и ты с наслаждением отпиваешь чай маленькими глотками, с благодарностью посматривая, как из вздрагивающего огонька уносятся в небо невесомые искорки. Далёкие неведомые звёзды от этого становятся ещё теплее и ближе.

До чего же иной раз приятно бывает просто посидеть у лесного костра, молча вглядываясь в его потрескивающее пламя! Особенно - весной, когда оттаивающая земля резко ударяет в нос забытыми за зиму ароматами, а из оврагов потягивает цепким ледяным холодком. Всё в тебе поджигается от охватывающего восторга, и хочется лететь на трубный зов журавлей за рекой, и так же призывно, со щемлящей в душе тревогой, плакать о чём-то несбыточном в сгущающихся весенних сумерках.

Но костерок трепетно бьётся живым огоньком, изредка постреливает угольками, и те, недалеко отлетев, с лёгким шипением мгновенно гаснут в лужах с талой водой. Костёр как будто держит тебя и не отпускает, и ты зачарованно всматриваешься в его мятущуюся огненную душу, и, как обычно случается в такие минуты, время, кажется, замедляет свой ход, а затем и вовсе останавливается.

Дневная жизнь уже замерла, ночная ещё не начиналась, и только костёр уверенно вздрагивает в сухих ветвях, бросает жаркие блики на давно осевший, грязноватый снег. Приближается его долгожданный сумеречный час, когда он разгорится во всей своей красе, как солнце, садящееся за лесом,

и будет гореть жадно, отстаивая перед сгущающейся темнотой одному ему ведомую волю. Вечер подкрадывается к костру незаметно, но огонь бесстрашно отвоёвывает у него своё пространство, приветствуя снопом взметающихся искр угасающее на западе стеклянно-зелёное небо.

Невольно мы поднимаем взоры к потухающему небу, и вдруг замечаем, как к самому пламени подлетают и кружат над ним огромные бабочки, стремительно выют над головой, исчезают, и вновь появляются, так что не сразу опомнишься от охватившего удивления: откуда они взялись в эту пору? Их так много и они такие большие, что мы никак не возьмём в толк причину появления этих загадочных существ, вглядываемся в сгущающиеся сумерки, и не находим ответа. Сквозь потрескивание костра явственно слышится шелест крыльев, и становится понятным, что это ни бабочки, и ни птицы, и только постепенно придя в себя, угадываем в них ... обычных, только что проснувшихся летучих мышей, но разочарования всё равно не испытываем.

По-видимому, затопив печку в избе, мы их разбудили, и они сразу устремились на свет огня, не на шутку озадачив нас своими размерами и шелестом крыльев. Такого мы с товарищем, за все наши весенние походы, ещё не видели и не слышали: огромное количество неведомых существ носятся у нас над головами, шелестят крыльями, а мы, от неожиданности происходящего, не в силах разобрать – что вокруг происходит? «Ночные бабочки» очаровали нас своим внезапным появлением, но поскольку это было живое проявление пришедшей на землю радостной поры, неподражаемый шелест жизни, то мы приняли его всем сердцем!

Ожившие после долгого сна летучие мыши представлялись проснувшимися мыслями леса, что перепархивали в воздухе легко и неумолимо. Чувствовалось, что они радуются произошедшей с ними перемене, безудержно кружат, чуть ли не касаясь пламени, и будто даже благодарят нас за то, что мы их пробудили. Ведь весна хороша тем, что всякому существу надо выразить свою радость от встречи с ней, и такое всеобщее торжество, присущее только этому времени года, просто ошеломляет!

Когда остаёшься в весеннем лесу на ночлег, то костёр необыкновенным образом озаряет его внутреннюю жизнь, и становится видно то, чего ни за что не заметишь днём, а если и обратишь внимание, так только мельком, совсем не как вечернею или ночью порой. Ночь в лесу долга и темна, и у размеренно потрескивающего огонька хорошо и уютно. А ещё рядом с ним приятно думать о том, что если отойдёшь от костра подальше, в непроглядную темноту, то обязательно увидишь что-нибудь удивительное, и ты никуда не отходишь, и только представляешь с замирающим сердцем, каким оно может тебе явиться.

Мы сидим, молча, неотрывно вглядываясь в потрескивающий костёр, и как будто проникаем в какую-то нескончаемую природную глубину, пытаюсь обрести в ней самих себя. В лесу, у костра, всегда укрепляется связь с землёй, а весна даёт понимание жизни в её родстве со всей природой,

открывая возможности для новых сил. Летучие мыши куда-то неожиданно исчезли, мы и не заметили – когда это случилось, но воздух полнится неожиданной радостью и ожиданием чуда.

Идёт весна, повсюду – торжество света, цвета и воды, надломленные веточки берёзы окропляют молодую траву молочно-сахарным соком, а днём по небу плывут лёгкие лебяжьи облака. Свободный ветерок неудержим и напорист, что и рад бы, наверное, где-нибудь передохнуть, да зацепиться не за что, и он взвивается весело над землёй, путаясь в охорашивающихся верхушках стройных деревьев. Вслушиваешься, вглядываешься в весну – и слышишь в ней самого себя, свои сокровенные сердечные переживания.

А смоляной душистый ветерок, спустившись с небес к земле, сбивает набок пламя в костре, но от этого он разгорается ещё ярче, горит ровнее, рождая дорогие сердцу воспоминания, и хочется опять, не мешкая, отправиться в путь, познавая тайны лесной жизни. Талая снеговая вода стоит между берёзами налитая, тягучая, и от неё веет такой душистой прохладой, что покажется вдруг, будто это берёзовый сок наполнил собой всё пространство в лесу, воздух стал необыкновенно свеж и сочен, и после ослепительного царства мартовского света - в природе сразу наступает самая благодатная апрельская пора. Хорошо в эту пору сидеть у костра, вдвоём, и впитывать всем сердцем проистекающую рядом весну.

ВОЛЧЬЕ ЛЫКО

Не распустились ещё осинки с берёзками, по склонам укромных ложков покоятся усыпанные сосновой иглой последние снежные залежи, в верхушках самих сосен, без удержу, гуляет стылый напористый ветер, а по открывшимся голым опушкам засветились лиловыми огоньками нежные цветочки волчьего лыка: за долгой зимой и думать забудешь о кустарнике, что первым в весеннем лесу радуется изголодавшийся по цветам взгляд. Неожиданно натолкнувшись на это чудо, непременно почувствуешь, как душа окончательно сбросила с себя зимний тягучий сон.

Захочется тебе, наконец, настоящего праздника света, и остановившись у неприметного кустика, невольно опустишься перед ним на колени, на ещё сырую холодную землю, бережно дотронешься рукой робкого хорошенького цветочка, и улыбнёшься. Непременно удивишься при этом какое-то время увиденному, будто не веря самому себе, и вдруг поймаешь себя на мысли: а способен ли этот чудесный кустик издавать хоть какой-либо запах, такой же чудесный и завораживающий своею тонкостью, как нежный подснежник?

Наклонившись над зацветающей веточкой, не сразу ощутишь, как лёгким облачком тронет твоё восприятие еле уловимый аромат, какое-то неведомое, очень чуткое и тонкое излияние из такого же неведомого волшебного источника, и неужели, подумаешь ты, он исходит из этого трогательного соцветия? Взглянешь опять на нежно-лиловые, как и у

медуницы, лепесточки, коснёшься их щекой, и, с чуть большим усилием, тихо вдохнёшь окружающий их воздух, чтобы уже не упустить ни единого нежного дуновения.

Другие запахи, исходящие от влажной почвы и коры, крепкие, настоянные на снеговой воде, перебивают собой всё весеннее пространство, но чуть уловимый цветочный аромат вновь дотронется твоего сознания, и ровно успокоит. Как же тебе его, оказывается, не хватало, наверное, о нём твоё сердце и задумывалось последнее время, желая, втайне, увидеть, узнать и поразиться силе многообразной природы, уже вот в этом маленьком соцветии так трогательно, хотя и неприметно, выражая свою любовь и земле, и человеку!

Желая ещё более проникнуться, скорее даже – увериться в том, что это ароматное дуновение не плод твоего воображения, осторожно оторвёшь один цветочек, легонько разотрёшь между ладоней и вдохнёшь нечто неопишное, немножко пряное, но оно, тут же, растворится, прямо у тебя под носом, будто его и не было. Что же это такое? То, что только возникло, и вмиг испарилось, но ведь существовало!

Нет, надо ещё раз впитать в себя это неподражаемое и ни с чем несравнимое таинство, подумаешь ты, чтобы лучше разглядеть его в душе, как ты рассматривал сам цветок волчьего лыка, и тогда тонкий аромат обязательно коснётся твоего обострённого обаяния, ты его непременно почувствуешь и запомнишь на всю жизнь. И так, совершая и один, и другой, и третий вдох, уверишься, наконец, что запах у волчьего лыка, несомненно, есть, и он загадочен, как и зацветающий в пустынном весеннем лесу кустарник, хотя и неуловим, но тем необыкновенно трогателен, потому как неповторим: неповторим до такой степени, что его невозможно запомнить!

И вот, ты силишься вспомнить его еле уловимое пряное дуновение, но для того, чтобы вновь ощутить аромат таинственного растения, необходимо следующей весной ещё раз прийти в весенний лес, опуститься перед ним на колени, и, бережно обняв ладошками, тихонечко вдохнуть тонкий лесной воздух, замерев так на неопределённое время. Цветок волчьего лыка отзовётся тебе своей любовью.

В какой-то миг даже ощутишь, что приподнимаешься над землёй и паришь, незаметно возносясь и над полянкой, окружённой соснами, где всю весну провозглашают свою любовь таинственные глухари, и над укротным ложком с неприметно журчащим по нему, мутновато-голубеньким ручейком, и над притаившимися просеками, заросшими пушистыми ёлочками. Все просеки здесь исхожены могучими лосями, что там и тут оставляют на осинках длинные следы зубов.

Летишь надо всем неохватным лесом, что покойно раскинулся повсюду, убегая в самые дальние дали, а дурманящее душистое облачко цветущего волчьего лыка остаётся по-прежнему с тобой. Оно никуда не улечивается, будто выражая тебе признательность, что ты не прошёл мимо, даже опустился перед ним на колени и вдохнул его еле уловимый пряный аромат.

Волчье лыко ненавязчиво благодарит тебя за оказанное ему внимание, запомнившись на всю оставшуюся жизнь, и ровно становится частью тебя, твоего знания о лесе и чудесной божественной природе.

Маленький, затерявшийся в густом лесу куст волчьего лыка может подарить человеку здоровье своими природными соками, сосредоточенными в коре и корнях, радость от притягательности красивых ягод, что так и хочется сорвать в жаркий летний полдень, и какую-то необыкновенную, переживаемую с детства уверенность, что волки плетут из лыка, содранного с кустарника, сказочные корзинки. и ходят с ним по грибы и ягоды. Сказку эту я слышал однажды от взрослых, ещё в детстве, и почему-то сразу поверил, что так оно и есть, и нёс в себе эту веру долго, время от времени всё-таки задумываясь: отчего такой маленький нежный кустику носит имя сильного и безжалостного зверя? Что между ними общего?

А когда, уже в зрелом возрасте, сам прочитал у Пришвина об этом, то, конечно, улыбнулся, когда попытался представить себе, как у волков это получается. Но дальше воображаемых зверей, по-хозяйски удерживающих в лапах плетёные лукошки, дело не пошло: уж больно забавной выходила картинка из жизни леса, что тоже представлялся каким-то сказочным, не настоящим, а волчье лыко, между тем, существует, и, пока, ни один кустарник в лесу не распустился, радуется нас по весне своим неожиданным цветом.

Правда, и на самом волчьем лыке листочки ещё отсутствуют, но лиловые цветочки выпростались на волю и тихонечко сияют, освещая пока скудное весеннее пространство. Первым из кустарников отзывается волчье лыко на появление в природе весны света, он – предвестник будущего праздника цветов, хотя и скромный на вид.

Не сразу заметишь неказистый кусточек, а разглядишь только благодаря нежным цветочкам, что сияют трепетно и радостно, не навязываясь никому, а просто так, сами по себе, будто им и дела нет ни до кого. Волчье лыко радуется, что пришёл черёд его цветению, не броскому на первый взгляд, но для него, наверное, очень приятному и дорогому.

Какая ему беда переживать за кого-то другого, у него своей воли в достатке. Кого угодно умилила первый за весну цвет, если не брать во внимание подснежники с медуницей! И всё же, почему лыко прозвали «волчьим»?

Совсем недавно прочёл у того же Пришвина, что растение обязано «волчьему» имени благодаря ... своему запаху. Как такое, спросите вы, может быть? Ведь оно, это растение, как утверждают многие, именно благоухает, чему я и сам был свидетелем!

Михаил Михайлович объясняет: «Цветок волчьего лыка издали пахнет чудесно, как гиацинт, но стоит его поднести к носу ближе, то пахнет так худо, хуже, чем волком». А как пахнет волк? Правда ли, что только псиной, как и лисица, что своим запахом отпугивает барсука, когда занимает его нору?

Придётся запастись терпением, ожидая следующую весну, чтобы проверить: истинно ли замечание известного всем нам писателя? Неужели красивое волчье лыко и в самом деле источает вблизи худой аромат? С трудом верится в это...

Во-первых, аромат цветущего волчьего лыка не доносится до нашего обоняния издали: чтобы почувствовать его, нужно оказаться поблизости и склониться над ним, может быть, даже опуститься на колени, и только тогда уловишь еле ощутимый пряный запах. Во-вторых, действительно ли гиацинтом благоухают цветы волчьего лыка? Ведь каждый из нас волен слышать только им угадываемый дух, и отчего не воспринять трогательный весенний цветок за фиалку, медуницу или тонкий подснежник?

Да и само волчье лыко разве не способно издавать свою благовонную душистость, ни с чем несравнимый фимиам, присущий только ему?! И ещё: чуть ли не вплотную приблизив лицо к нежно-лиловым цветочкам, я, честно признаться, всё-таки не уловил в них какого-либо дикого запаха псины, вообще, не присущего цветам, тем более, весной. Это было нечто еле уловимое, вернее, непередаваемо тонкое и приятное благоухание, и более – ничего.

По форме соцветия волчьего лыка напоминают султаны сирени, тоже по цвету беловато-лиловые, с пунцовым оттенком, как маленькие пирамидки, что под осень обернутся алыми продолговатыми ягодами, каждая из которых короткой пуповиной прикреплена прямо к ветке, будто для красоты. Вроде бы, куст как куст, лишь зацветает раньше других, но просматривается в нём сквозь его непритязательную красоту нечто древнее, а недавно я узнал, что отпечатки листьев и семян волчьего лыка находили в пластах миоцена, имеющих возраст около тридцати миллионов лет. Волчье лыко – реликт, как и глухарь, живший ещё до ледникового периода, когда на земле существовали только хвойные растения, но реликт очень привлекательный.

Так вот, эти ягоды, что с древности зачаровывают людей своей красотой и яркостью, а потом, приворожив собой, убаюкивают их сознание, поскольку несут в себе яд, сродни волчьему поведению, вернее, характеру этих зверей, что околдовывая взглядом, заманивают в свои звериные тенёта. Так хочется, залюбовавшись, сорвать алую ягодку, и, не задумываясь ни о чём худом, съесть, после чего члены быстро сводит судорога. Как это происходит при виде замершего перед тобой волка, просто ввергая в ступор от его звериного оскала: мало, кто выдержит это внутреннее противоборство, не поддастся страху, не пойдёт на поводу ядовитого чувства подчинения неведомой природной воле...

Подобным образом влияют на восприятие человека и яркие ягоды, кажется, заключающие в себе лишь сладость. Увидев в жаркий полдень желанную ягодную плоть, так и манит утолить её прохладной мякотью жажду, захватив в ладонь как можно больше плодов, есть без остановки, если нет рядом малины или земляники. Вот и волк, если уж остановит на тебе свой проникновенный безжизненный взгляд, трудно будет ему

противостоять, не потеряв способность управлять собой. Волк как взглянет, так любой колом встанет, и быть тебе волком за твою овечью простоту, коли ты не устоишь перед природной силой зверя, и яркой соблазнительностью ягод, прозванных в его честь.

Да, и если по правде рассудить, «лыко» - это неокрепшее подкорье молодой липы, что шло в народе на лапти, мочало для мытья в бане или кульё, оно долго вымачивалось в мочажинах, затем — отбивалось и высушивалось, но какое отношение оно имеет к маленькому лесному кустарнику? Трудно устоять перед зачаровывающей привлекательностью волчьих ягод, как и не просто разорвать лыковый ремешок, ежели тебя им спутают.

Не зря в народе повелась присказка: тот тужи, у кого ременные гужи, а у нас лыки да мочалы! Вот и получается, что не всякое лыко в строку ложится, когда его не на потребу применять. А ведь оно, помимо нежно-лилового цвета по весне, и привлекательных сочных ягод в лето, действительно, и пользу в себе содержит...

Народное поверье гласит: кто съест волчью ягоду, тот заболит, так как в брюхе у него от ягоды будет расти куст, но если при плохом аппетите и усталости попробуешь один сушёный плод волчьего лыка, то разыграется он не на шутку, да и усталости как не бывало. Разбил коленку, и нагноилась кожа — приложенная к ранке кора лыка быстро сведёт на нет всё раздражение. Луб с ветвей лыка/вот, оказывается, откуда ещё взялось и название куста/, шёл, раньше, на плетение женских шляпок, а древние айны, проживающие когда-то на Курильских островах, при охоте на сивучей смачивали острия гарпунов в соке этого растения.

Необыкновенно сказочен таинственный кустик волчьего лыка, что встречается по весне без листьев, когда в лесу ещё не распустились деревья, и пробудившаяся земля покрыта лишь прошлогодней примятой травой, а он весь — в крохотных лиловых цветочках!

РОДНИЧОК

Далеко не всегда и не везде посчастливится встретить в лесу родничок, и для этого приятного во всех отношениях события необходимо непременно присутствие поблизости каких-нибудь холмов или хорошей горки. Из-под её скалистых выступов, как правило, и вытекает первозданной чистоты источник, радующий уставшего путника. Нет такой горки, и родничок отсутствует, ибо счастливое существование его предполагает именно возвышение земли, что и выводит на поверхность глубинные родниковые воды.

Чтобы натолкнуться на чистый родник, нужно много и постоянно ходить, старательно изучая всю округу, после чего и предстанет твоему взору бьющий из-под земли источник. Ужасно волнующее действие, должен сказать, если отмахал за день с десятков вёрст, а он, к тому же, выдался

жарким. Но, тем и хороша дорога, когда узнал, как она может быть далека и сколько в ней всего оказывается пережито: ведь сладкого ни за что не попробуешь, ежели горького не испытал.

Нет более трогательного существа в лесу, чем маленький родничок, что неприметно вытекает из-под какой-нибудь неповоротливой горы, возле такого же неприметного болотца. Прямо под горой, откуда выбивается чудесная струйка воды, покоится камешек, что будто приглашает тебя присесть на него и зачерпнуть ладошкой глоток чистой влаги.

Устав после долгой дороги, с трепетом в душе опустишься на колени перед струящимся ручейком, и так, замерев, остановишь свой взгляд на текущей воде, нежно переливающихся прозрачных струях и их ненавязчивом журчании. Там, где струйки ударяются о камушки, рождаются хрустальной чистоты пузырьки, они сразу прикуют к себе твоё внимание, и ты зачарованно будешь вглядываться в струящуюся воду, и обо всём позабудешь.

Пузырьки, словно драгоценные горошинки, катятся по дну родничка, и нет им числа. Но вскоре они лопаются, и ты вновь обращаешь свой взор к тому месту, где источник вырывается из-под земли. Любование волшебными камешками на дне ручейка может продолжаться бесконечно.

Долго смотришь, как робко, но неукротимо пробивает себе дорожку прозрачная вода, и от долгого вглядывания в неиссякаемый чистый источник вдруг ощутишь его скрытую силу: сколько её у него, что, не уставая, делится он этой силой со всем миром, и не помышляя требовать что-либо взамен. Вот бы так и человеку!

Не переставая вглядываться в тихонечко журчащую чистоту родничка, осторожно склоняешься над ним и зачерпываешь ладонью живительную влагу. Что больше очаровывает тебя в родничке?

Как сизокрылый голубок воркует родничок, и не сразу обнаружишь, что это именно водичка струится. Оглядишься, попытаешься рассмотреть в еловых ветвях постанывающего вяхиря, и убедившись, что это не птица, а журчащий родничок подаёт свой голос, точ-в-точь напоминая голубиное воркование, неизвестно чему обрадуешься. Слушал бы и слушал нежное звучание водицы, угадывая в ней ещё и бормотание тетерева, и трепетные переливы горлинки, и ласковый шёпот светлой весенней капли.

Это волнительное природное истечение, берущееся откуда-то из неведомых недр, завораживает бесконечно, пленяет своей нескончаемой силой и чистотой, и оттого родник, кажется, выражает собой движение всей жизни на земле. Но до чего же он тих и скромен при этом, на удивление обаятелен в этой своей незаметности. Глядя на родничок, непременно уверишься: еле приметным голоском он свидетельствует в лесу всем живущим - жизнь продолжается!

Когда маленький родничок ласково струится из-под земли, его и рядом не всегда услышишь, но если по-настоящему прислушаться, и песню его понять, то станет так, будто песенка родничка охватывает всю округу,

разливается вширь своей удивительно трогательной чистотой, не почувствовать какую невозможно. Сердцем угадывая природу, и родничок такой, с его неизменно чудесной песенкой, несомненно, заметишь, и, забывая себя, над ним склонишься, чутко вслушиваясь в нежно переливающиеся звуки. Живая вода тебе тайну сокровенную обязательно раскроет, что по весне переполнена радостью, летом – доброй озабоченностью, осенью же – умиротворением, но никогда она не бывает равнодушной.

Три вида звуков совершенно зачаровывают меня, так что я готов внимать им бесконечно: издающие рокот камешки в прибойной морской полосе, топот лошадиных копыт, и хрустальное журчание чистого ручейка, что, не прекращаясь, напевает свою прекрасную песенку. Существует ещё, конечно, и безудержное завывание метели за окнами, крепкое потрескивание мороза и берёзовых дровишек в печи, торжествующий шум обложного летнего дождя, безудержно хлынувшего и объявшего собой всю землю, почти не доносящиеся до земли трели жаворонков и зарянок, озабоченное жужжание мохнатого шмеля и еле угадываемое копошение пчёл в яблоневом цветку... Даже занудливо монотонная мелодия комариного полёта воспринимается мною, как музыка, и всё же, более всего, не прекращается в моей душе неиссякаемая песнь родничка, что убажает её, незаметно обновляя, и душа будто рождается каждый миг заново, оставаясь молодой.

Песенка родничка ненавязчиво струится над полянкой, ласково прикасаясь к травам и кустам, звуки её, кажется, ненавязчиво перетекают в неясные тени, пробираются по стволам деревьев, будто вырастая вместе с ними, и незаметно растворяются в воздухе. Но новые ласкающие слух переливы воды вновь накатывают и на тебя, и на полянку, и сердце твоё трепетно ропщет от этой переливчатой песенки, заслушавшись – замирает, позабыв про то, что уместилось в нём за весь день, и будто уносится в какую-то чудесную бесконечность. Хочется внимать этой умиротворяющей музыке всегда, что верится – никогда не надоест, потому, что изливается с непрекращающейся любовью и нежностью, нет ничего чище её в природе.

С ней сравнятся, быть может, лишь рассыпчатые птичьи трели, как у соловья или зяблика, но песенка родничка не останавливается, радостный ропот его искрящейся на солнышке души длится вечно, никуда не исчезая, и околдованный ей, ты тоже не желаешь куда-либо торопиться, пропевая в жизни и свою песню. В тебе рождается что-то неизведанное, совершенно новое, и ты с невольной робкой улыбкою склоняешься над родничком, и опять, уже губами, осторожно касаешься переливающихся чистых струй. Хрустальное звучание родничка будто вливается в твоё сердце.

Так и живёт родничок своей собственной, скрытой от глаз людей жизнью, ничто не властно над его чистой струящейся природой: ни студёная зима, ни завалы, всюду пробьёт он себе незатейливую, но верную дорожку, родничок – само время, что неумолимо и чудесно слагает нескончаемый

лесной век. Только что родился из-под земли, вырвался на волю сквозь скалистые оковы, а уже имеет и сознание, и душу, не опасаясь препятствий. Не будь его – как бы ОТЕЦ-ЛЕС смог слагать свои неисчислимые дни и ночи, может быть, и вовсе не было бы ничего?!

В своей невидимой борьбе за жизнь, родничок, вроде бы, и не прилагает никаких усилий, но нет сомнения в том, что рано или поздно он достигнет большой воды, где отдаст себя на её свободную волю. В этом и заключено его радостное существование, собственно – сама прекрасная жизнь, и перекликаясь в своём ненавязчивом журчании с берегами, травами и цветами, родничок слагает красоту и знание для досужего до тайн леса человека, если тот вслушается и всмотрится в его чистую душу. Душа родничка так сильна, что сложив в себе несколько хрустальных струй, может ударить с высоты в каменную россыпь и образовать в ней глубокую чашу.

Хорошо сидеть возле неё под какой-нибудь зелёной скалой и, отдыхая, слушать, как переговаривается родничок уже с камнями на прозрачном дне, всё бежит, бежит, и не в силах убежать от самого себя. А я не могу отойти от него, словно привязал меня родничок к себе, и готов вслушиваться в его журчание бесконечно: без него мне, вроде бы, уже не жить. Как такое выходит?!

Случается это, только когда и ты перекликаешься душой со всем лесным миром, не пропуская в нём ничего. Дорога тебе в нём и укромная полянка, и поваленная на её опушке старую ель, глухой лес на взгорке, лучики утреннего солнца, что притаились между ветвей, и даже - надутая лягушка, по самые выпученные глаза замершая в уютной лужице. Не пропустишь мимо внимания и ярко-жёлтую купавку, любовно склонившуюся над лесным ручейком, голубовато-перламутровую стрекозу, что беспрестанно присаживается на упругие травинки, ослепительную лимонницу, тихо парящую в зарослях луговых цветов, и пушистые барашки на кустиках ивы, в тихом восторге замершие по бережкам речек и озёр, только что освободившиеся ото льда...

Ты понимаешь вдруг – родничку самое место в твоей душе, потому что тебе хочется, как и ему, журчать на весь людской свет своей непревзойдённой музыкой любви к жизни, чтобы её слушали и радовались, лучшего и быть не может, и если отыскал в себе родимый родничок, к большему уже нечего и стремиться. Душа твоя приняла этот прекрасный и чистый мир, а мир принял тебя.

Вот и в рассказах своих мне хочется добиваться такой же родниковой чистоты, что неустанно льётся в сердца людей, и никогда им не надоедает. Не прекращаясь в этой своей переливающейся словесной неге, мой внутренний родничок, верится, тоже ублажает людские души, трепетно жаждущие сладостного прозрения, и от такого радостного слияния, наши сердца соединяются в едином устремлении к жизненной правде, неотделимой от божественной природы. В этом природном сотворчестве рождается великая любовь!

ВОЙДЯ В МОРОЗНЫЙ, ЗИМНИЙ ЛЕС...

Очень доступный и насквозь просвечивающий туманными далями осенний лес, оглохший от тишины, наконец, укрылся снежным пологом. В нём сразу появилась некая загадочность, от чего он стал ещё более торжественным и притягательным.

В солнечный морозный день лес дарит ощущение вседозволенности. Маленькие обитатели леса беспрестанно щебечут, дружными стайками перелетают с дерева на дерево, беспокойно рассаживаясь на тонких ветвях, и вновь неожиданно срываются, как будто играя в непонятную игру. Всё в зимнем лесу подчинено скрытому порядку, и кажущаяся пустой птичья суета на деле оборачивается необходимой для поддержания жизни радостной размеренностью.

Солнце щедро, но в тоже время сдержанно проливает свой розоватый свет, и придорожные кустики, уютно укутанные в снежный пух, поблескивают золотистыми огоньками.

То и дело дорогу перелетают вспугнутые сороки, ныряют в холодной голубизне дятлы, и где-то там, за верхушками елей, отчетливо раздаётся хриплый крик раздосадованного чем-то воронья.

Всё в лесу в такой день радостно и оживленно, и кажется, что стоит только заглянуть в него глубже, как многое, благодаря даже незначительному усилию, в нём откроется. И ты, затаив дыхание, всматриваешься в ещё неизведанную, но такую доступную жизнь и, конечно, всегда бываешь вознаграждён.

Войдя в морозный, зимний лес, следует замереть на какое-то время и послушать внимательно, что происходит вокруг. Не бывает случая, чтобы ты не открыл для себя что-то новое.

Может быть, к тебе прилетят несколько гаичек и, усевшись в каком-нибудь полуметре, начнут своё звонко-скрипучее «чжиэ-чжиэ-чжиэ», как будто жалуясь на что-то непоправимое в своей неприметной жизни. А потом вдруг перейдут на требовательный свист: «пююй-ци-ци, пююй-ци-ци, пююй-ци-ци».

Неслышно порхая невесомыми серенькими комочками, они присаживаются на веточку так, словно вот-вот упадут с нее, и, помогая себе длинным хвостиком, восторженно покачиваются, готовые в любую секунду сорваться. Вездесущие, неутомимые, они напоминают о себе всюду, но их, по большей части, не замечают. Обидно им, должно быть, от этого, вот они и беспокоятся. Те же, кто всегда примечает этих неутомимых птичек в морозном, зимнем лесу, прозвали их «пуховичками».

Наиболее приметная фигура среди лесных птиц, особенно в зимнюю пору, дятел. Его громкое, совсем не подходящее для него пение «ки-ки-ки-ки», что сочетается с отрывистыми беспокойными возгласами, слышится повсюду.

Непонятно, чего в дятле больше: суетливости или трудолюбия. Дятлы

беспреданно перелетают над лесом, меняют одно сухое дерево на другое, и кажется, что нет в их передвижениях никакой системы. Выбрав же подходящую сушину, они, забывая обо всём, и не обращая никакого внимания на происходящее вокруг, начинают усердно долбить её, так что сучья с трухой обильно сыплются на снег. По этим отметинам легко определить: здесь побывал неумолимый дятел.

Гнездится дятел в дупле, которое долбит сам, причем пара дятлов выдалбливает несколько гнезд, а поселяются в одном. Дятлы как будто предоставляют их другим птицам, когда они сами не в силах их обустроить.

Дятлы очень многочисленны. В морозный солнечный день их звонкое перестукивание не нарушает лесную тишину, а скорее дополняет её. Сами же птицы, особенно большие и малые пестрые дятлы, никого не боятся. Они слишком заняты своим делом.

Их прямолинейная непринужденность откровенно притягивает. Вполне возможно, что у них даже нет врагов. По крайней мере, сами дятлы относятся к ним вызывающе равнодушно. Для этого достаточно взглянуть на окраску, особенно у самцов.

Природа позаботилась о пестроте птиц, что удачно скрывает их от многочисленных хищников, но дятлы этим не удовлетворились и пожелали приобрести броскую алую шапочку и ярко-красное пушистое подхвостье. В дополнение к своей громкой известности они хотят ещё и неотразимо выглядеть.

Правда, более чем нескромными оказались только самцы, что не остались в долгу перед другими птицами, обитающими в зимнем лесу - рябчиками, тетеревами и глухарями. Столько яркого, приметного цвета не имеет ни одна из этих птиц: им киновари досталось только что на брови. А кто-то не удостаивается и такого природного дара.

Бывает, в самой середине января выдастся пасмурный денёк, но в нём таится какое-то оживление: то приближается к тебе, то удаляется. Его вносят чечётки, махонькие, невзрачные птички с серовато-дымчатым оперением, что всю зиму держатся дружными стайками. С неугомонным щебетом срываются они с одной березы на другую, и в белом отрешенном затишье начинает вдруг чудиться, будто это облетают и ложатся на снег сами вершушки...

Чечётки лишь издали кажутся невзрачными, на самом деле они замечательные! Только зимой, среди заснеженной лесной тишины, можно услышать громкое «чи-чи-чи, чи-чи-чи, чи-чи- чи» или «чет-чет, чет-чет, чет-чет». Птички немедленно облепляют именно березы, повисают на тонких веточках, часто боком или даже вниз головой, и их это нисколько не беспокоит. Главное: они нашли еду — семена берёзы, висящие на деревьях колбасками, и пусть маленькие птички останутся на некоторое время без нашего внимания, пробуя свое любимое блюдо. Хорошо, что они есть!

Пройдёт немного времени, и стайка чечеток с громким щебетом снимется с места и улетит дальше. Чечётки кочуют всю зиму по заснеженным лесам, и ничто их не обескураживает: был бы корм. Им нипочём и крепкие морозы, и

лютые метели, и отсутствие солнца. Всегда они оживлены, вездесущи: маленькое, но неотъемлемое украшение зимнего леса.

Ещё это украшение заключается и в крохотной алой капельке, что они умудряются мгновенно перевести с самой макушки на лоб, и выглядят при этом нахохленными, даже - воинственно. Но, присмотревшись пристальнее, понимаешь, что ждать какого-либо недовольства от такой птахи немислимо, и, тем не менее, алая шапочка то и дело перебегает с макушки на лоб и обратно, словно птичка отчего-то хмурится, и тут же забывает об этом. Скорее всего, такое поведение — верный и, может быть, единственный признак существования у чечёток сигнальной системы, что предупреждает о присутствии друзей, врагов или же указывает необходимое решение для большинства птиц в полёте, когда красная шапочка вожака хорошо видна всем членам стаи. Перемещая её на лоб, он дает соплеменникам предостережение, призывает их к вниманию или сообщает сигнал к снижению.

Есть в нашем лесу еще одна птичка, красная шапочка которой вызывает у всех восхищение, а для самих птиц является примером их заслуженной гордости: королёк. Поскольку короны носят короли, маленькая птичка, не без оснований, тоже получила подобное прозвище, но ее размеры не позволяли в полной мере называться таким громким именем, и она осталась всего-навсего корольком.

Не выделяясь среди остальных птиц королевской расцветкой, присущей царственным особам, птица получила от природы яркий головной убор, что позволяет отличить её от своих пернатых собратьев. Ведь многие пернатые обладают удивительно похожими голосами, а имея к тому же и довольно распространенный в своей среде наряд — серо-зеленый, королёк рисковал заблудиться в обилии представителей разных видов. Красная шапочка давала возможность быстро угадывать собственных соплеменников и выделяться среди других птиц, когда зима уравнивала всех обитателей леса в их неотъемлемых правах.

В морозном зимнем лесу всегда есть место сказке, и красногрудые клесты, напоминающие собой живые шишки на рождественской елке, одно из её проявлений. У опушки, на полянке, с краю укромной просеки или в глухом лесу — всюду можно услышать отрывистое вскрикивание клестов и шорох в еловых верхушках. Зима — время для них трудное, вся энергия птиц направлена на добычу пропитания и выведение потомства, но, несмотря на то, что им, во что бы то ни стало нужно выжить, клесты всё проделывают радостно. Так бывает всегда, когда птица, зверь или человек просто честно выполняет свои обязанности, может быть, даже не думая об этом и не постигая своей божественной принадлежности, но для природы все их заботы оказываются чрезвычайно дороги.

Может показаться странным, что в самое холодное время года у клестов появляются птенцы, за что их даже зачислили в «святые птицы», но это небезосновательно. Клюв у клестов крестообразный, что соответствует легенде, по которой птицы при распятии Христа старались клювом вытащить

гвозди, дабы спасти святого от гибели, при этом скривили себе клюв, да так, с перекрещенным клювом, и остались. За то якобы клестам и особенная награда дана: после смерти эти птицы не подвергаются тлению.

На самом деле таким клювом легче добывать семена из-под чешуек шишек, что клесты наилучшим образом и демонстрируют. Сосновые и еловые семена содержат много смолы, она незаметно накапливается в птицах, и так, постепенно, клесты просмаливаются и могут долгое время сохраняться, не поддаваясь гниению после смерти. И всё это придает клестам ореол некоторой таинственности, маленького лесного чуда.

Что же касается их появления на свет посреди зимы, когда вовсю трещат морозы и махонькие птенчики рождаются совершенно беспомощными, но не замерзают, то святость клестов подтверждается их образом жизни, в частности - питанием. Близкое присутствие еловых шишек позволяет взрослым птицам не покидать своих детей, находя питание рядом с гнездом, что, кстати сказать, надежно утеплено даже для самых сильных морозов. Стенки гнезда толщиной в два пальца, внизу - тёплая подстилка, сверху - заботливая мамаша: сев на первое яичко, она уже не слетает с гнезда, пока птенцы не покинут его. К марту шишки совсем раскрываются, усеивая снег буровато-рыженькими семенами, и это облегчает клестам выколупывать их из плотно прилегающих друг к другу ячеек, а молодым птенцам, что только покинули гнездо, облегчает самостоятельную жизнь.

Правда, крестообразным клюв становится не сразу, птенцы появляются на свет с прямыми клювиками. Родители кормят своих детей образующейся в зобу кашицей из полупереваренных семян еловых шишек, что созревают именно в эту морозную пору, и только когда родившиеся птенцы начинают кормиться самостоятельно, их клювы меняют форму. Верхняя половинка постепенно загибается вниз, а нижняя - вверх, и маленькое чудо природы превращается в замечательную реальность.

Сами шишки, не тронутые птицами и выбросившие весь запас своих семян на начинающий оседать снег, необыкновенно увеличиваются в размерах, набухая от влаги, и неожиданно приобретают на свежих зеленых верхушках очень выразительный, ярко-красный цвет. Шишки будто пронизаны этим радостным светом изнутри, и, глядя на такое чудо снизу, почему-то сразу понимаешь, что солнце, роняющее жаркие лучи на громоздящиеся по веткам волшебные гирлянды, тут не причем: скрытая красота живёт в самой ели. Хорошо, когда человек может задуматься обо всём, и всё объяснить, если, конечно, захочет, потому как нет на свете ничего лучше, чем проникать в суть жизни и радоваться ей, особенно в морозном, зимнем лесу!

Лес большой, сильных и независимых обитателей в нем немало, но самые храбрые и привлекательные, как ни странно, именно крохотные. Напыщенного, жарким огоньком рдеющего на белом фоне зимы снегиря знает каждый, а ему до этого нет никакого дела. Как будто подчеркивая свою неустрашимость и полное безразличие к своей судьбе, снегирь появляется в

лесу, казалось бы, в самую неподходящую пору - поздней осенью, когда на землю ложится снег. Появление в это время и обусловило его имя — снегирь, птичка, прилетевшая с первым снегом.

Снегири — птицы не только привлекательные, но и весьма солидные: никогда не торопятся, не суетятся и, несмотря на свой малый рост, держатся с достоинством. Неспешно перелетая с рябины на рябину, они сыплют подмороженной ягодой на снег, и очень мелодично пересвистываются. Песенка их несколько однообразна, зато всегда приятна для слуха и заметно оживляет хмурый заснеженный лес.

В отличие от вездесущих воробьёв, между снегирями никогда не увидишь драки, поскольку они дружелюбны. Скромная, почти неприметная подруга снегиря, лишённая яркого наряда, похоже, не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид, ведь весеннее солнце красит грудь самца только для неё. В общем, снегири - это трепетные птичьи сердца, у них, кажется, отсутствует всякая боязнь перед жизнью, и они уверены в своей вечной молодости.

Слов нет, как мы радуемся приходу зимы, и прилет снегирей - одна из её самых красочных и любимых нами примет. Но для чего же, всё-таки, природа наделила их такой выразительностью? Попусту она никого обижать не станет: снабдив волка силой и бесцеремонностью, она пожалует ему серую, невзрачную шкуру, а маленькому снегiry вдохнёт в сердечко капельку бесстрашия и оправит гордую грудку пурпурным пухом. Снегiry от этого жить станет радостно, и никакой страх ему уже нипочём.

Ждёт не дождётся снегирь в дальних краях, когда можно будет ягодки-рябинки вволю поклевать, старые места вспомнить и новые облюбовать. И вот, пришла, наконец, зима на северную землю, завьюжила колючими метелями, и настала пора снегiry ближе к человеку перебираться.

Журавли или гуси всегда выстраиваются стройным порядком, острым коленом вперёд, а махонькие снегири сбиваются в дружные стаи, взвиваясь над лесом розовато-волнообразными облачками. Немножко боязно за них: кажется, вот-вот усталыми комочками повалятся на землю, не выдюжить им дальних расстояний. Но бесстрашно летят неустрашимые кочевники, потому как знают, что после многоцветного жаркого лета люди тоскуют и ждут их под своими опустевшими окнами.

Как удивительны эти яркие живые комочки, что перелетают на маленьких крыльях в холодную, зимнюю пору, а человеку, войдя в сказочный зимний лес, остается только радоваться, глядя на них, несмотря на самый трескучий мороз!

ПОД РОЖДЕСТВО

Стоит ночь, огромная тьма объела всё вокруг, а в лесах шумит ветер. Он словно говорит о своей неукротимости, которой очень гордится, настойчиво советуя обратить на себя внимание. Временами я чувствую его разгорячённое волнение, и сердце учащенно начинает биться в груди.

Тьма и холод зимы бросают в приподнятое настроение от неизвестности окружающего пространства. Оно возбуждает кровь в жилах и возвышает душу, имеющую потребность к радостному оцепенению перед ночным лесом: хотя ничего и не видно, но до жути приятно. А без сказочной тайны и правда не стоит!

Не верится, что где-то, среди этой темноты, бесчинствуют волки. В такую пору они, должно быть, охвачены неясной тревогой от собственной наглости и голода, в сладостной истоме мучительно переживая его на дне глухих оврагов. Но неприятный ветер и бездонная темнота отчего-то одолевают сердце мятущимся желанием неразлучного слияния со зверьми, или, хотя бы, лёгкого забвения в неутомимой волчьей жизни.

Через какое-то время, достаточно глубоко прочувствовав это единение с волками, я уже не слышу монотонного завывания ветра, не вижу беспросветной темноты. Мир обременительных ночных зависимостей постепенно отходит куда-то за пределы твоего знания, так что остаются только тишина, волки, сказочно посверкивающие из чащи своими аметистовыми глазами, и свободный дух, что безропотно несут в себе самые выносливые и загадочные звери. Непередаваема дикая глубина, растворенная в каждом волке.

По народной молве волки в эту пору сбиваются в стаи под десятой сосной, рыщут артелями, жмутся поближе к сёлам. Видно, быть недороду. Повсюду встречаются их следы, они пересекают дорогу: не миновать запоздалому путнику беды!

Волчий месяц гонит зверей к силам тьмы, что оживают перед самым Рождеством. Колдуны и ведьмы - его непременные герои, их обличья неисчислимы, и самое злое — волк-оборотень. Только под Рождество колдун втыкает нож в осиновый пень, кувыркается через него и становится волком. Если нож унести и не дать зверю обратного хода, он навеки останется в волчьей шкуре.

В январские ночи, под самое Рождество, зима водит свои торжественные хороводы, а люди сидят у печи, да тешат душу давними сказками и преданиями. Но, несмотря ни на что, тянутся сквозь снега нескончаемые санные пути-дороги. Сердитый мороз бодает через одежду колкими рогами, рвёт холодом стволы берез и сосен, и ещё ярче зажигает на небе звезды, никому не давая спуска.

Мерно скрипит под санями снег. Дорога вьётся между деревьев серебряным замысловатым узором, а в воздухе неторопливо кружат пушистые хлопья. Они будто остановились, отчего начинает казаться, что кто-то тихо идёт тебе навстречу. По отворотам тулупа шуршат еловые ветви, сдержанно сияет с неба луна, и пахнет рождественским морозом.

СИНИЙ ВЕЧЕР

Вечер — это пора между концом дня и началом ночи, время около заката

солнца, та вечерняя страна, что переполнена волшебной синевой. В неё каждый может попасть, но не всякий сразу разглядит, хотя вечерует синева всегда так, словно справляет праздник души. Всё таинственное, не спеша, в себе самой подготовит, подведёт к нему тихонечко, и настроение незаметно поднимет, так что человек ничего и не заметит: просто воспримет подступивший вечер, как привычное и чудесное откровение, и обрадуется.

И хоть говорят, что утро вечера мудренее, да у вечера своя верная счётка и благородное поведение имеется. Судачит день до вечера, а слушать нечего: только у вечера рождается потребность достойно заявить и преподать себя. Именно он покажет, каков был день. Недаром в народе замечали, что хвалить и звать день лучше по вечеру, а если он ещё по-зимнему таинственный и синий, то хвалить уже надлежит саму жизнь!

Синий вечерний цвет такой глубокий, что даже не возникает мысли пересинить его, сделать ещё глубже, достойнее его самого. Таинственное может быть только ночь. Но пока не пришло её время, наступающие сумерки постепенно подсинивают вечер, с каждой минутой, всё более, облагораживая его.

Даже махонькая синичка своей беспрестанной песенкой «синь-синь-синь, синь-синь-синь, синь-синь-синь» синит вечер и в феврале, и в марте, и в апреле. Птичка щебечет, не уставая, «синь кафтан, синь кафтан», так что дурак думает: «скинь кафтан», да и снимает его, бросая; умный же увидит лишь восхитительную синеву всего окружающего и тихо возрадуется. Спасительная синева ему душу под вечер ублажает, и сказки волшебные нашёптывает.

Благородство и сказочность синего вечера - в его несметных украшениях. Алмазные подвески, колъе и броши высыпавших на небе созвездий торжественно венчают ниспадающий к снегам бархат вечернего платья, и они ни с чем не сравнимы. Правда, это убранство подходит скорее женщине, чем мужчине, и всё же вечер, без манерничанья и очень сдержанно, щеголяет своим отточенным природным стилем, красуясь более всего, наверное, лишь перед собой.

Редко кто заглянет в гости именно к нему, и если даже отметит его красу, то, как уже нечто давно знакомое, привычное. Так проходят мимо человеческого внимания дни, в забытии остаются прекрасные утра, и совсем без сожаления, бывает, пропадают синие вечера. Вечера восхитительные, трогательные и, несомненно, очень вдумчивые, но, между тем, не замечаемые человеком. Они как будто созданы Богом для того, чтобы человек вострепнулся, вглядевшись в них пристальнее, стал более восприимчивым, потому как, погрузившись в их синеву, начинаешь различать все цветовые оттенки и световые ощущения, а ещё - нерастрченную душу природы, дорогую сердцу сказку и любовь, что ожидают своего пробуждения.

Синий вечер — это обязательно зимний или весенний вечер, потому что рождается он от сочетания насыщенного за день света и снега. А поскольку такое возможно только зимой и весной, то летом и осенью синий вечер

теряется, уступая место ярко-зеленому, желтому, оранжевому или багровому цвету. Синеву мудро созидают бесконечные снега и выстуженное небо со звездами.

Только бросят ели свою тень на снег, а вечер уже тут как тут: затаится где-нибудь у стога или на опушке дремучего леса, и будто ждёт кого, или даже подстерегает. Но злого умысла в нём - ни капли, потому как вечер всегда несёт покой, и синева заботливо его собой оттеняет. Правда, это не воздушная синь, что более всего вдаль манит, а та глубокая синева, что ненавязчиво предлагает заглянуть в себя.

Поначалу синий вечер действительно только затаивается. Затем постепенно углубляется, начинает уже главенствовать во всём окружающем пространстве и, вскоре, вовсю торжествует! Только перед самой ночью он незаметно успокаивается и, полностью растворившись в воздухе, как будто укладывается спать, но долго ещё несёшь его в себе, пока сам забудешься в дивном предвесеннем сне. И ведь именно с синевой входишь ты в свои сновидения, а значит, и с тем ощущением, что будет сопровождать тебя до самого утра.

Расцветающее утро может быть и сиреневым, и перламутрово-лазоревым, и тёмно-голубым, но только ясный звездный вечер зимой - синий, более густой в сравнении со снегом, даже - загадочный до черноты, но не чёрный. Синий до такой степени таинственен, глубок, что другого цвета для вечера не приходит на ум...Всё в нём подчинено мудрому смягчению окружающего света, при сохранении своей неизъяснимой прелести и глубины.

Она, эта прелестная синяя глубина, конечно, заключена отчасти и в еле угадываемой в ней зелени, что отражается от присмиревших к вечеру изумрудных елей, и в переливающейся на западе небесной лазури, и в бархатной темноте, что надвигается с востока... Но более всего синева богата именно сочетанием всех этих цветовых оттенков, объединяя их в том, чем становится сама: прекрасной жизненной тайной.

При всей своей видимой многоликости, синий вечер необыкновенно целостен. Если попытаться продлить эту синеву в ней самой, в её кажущейся нескончаемой синеющей дали, не истает ли когда-нибудь синий цвет? Или так и будет бесконечно длиться в своём чудесном синем существовании, перетекая в поднебесье, воздух и лес?

Синий вечер - это ещё и радостная печаль, когда день, наполненный красками, не угас, и будто ненадолго задержался, желая насладиться своей работой перед сном. При этом вечер не вальяжен, а собран и упруг в перетекающих то и дело синих, голубых и тёмно-зеленых настроениях. Вот-вот потухнет всё вокруг, погрузившись в успокоительный мрак, но синий вечер ещё пока упоителен своей непередаваемой густотой, в которой нежится и будто что-то вспоминает.

А иногда, кажется, что он напряжённо, но ненавязчиво о чём-то думает. Синие мысли его копошатся у самой земли, но вверх не поднимаются. Им хорошо думается над снегами, что залегли между еловых, сосновых и

березовых стволов. Скорее, синие думы неслышно и мягко текут, и от их присутствия человеку всегда становится легко и приятно.

Легко и приятно думать синим вечером о том, что суровые холода уже миновали, а морозные утренники только бодрят, и если даже обжигают, то в удовольствие, по-весеннему. Синий вечер -это один из самых запоминающихся зимних образов, он вмещает в себя и затухающий день, и сиреневые сумерки, и предощущение приближающейся красавицы ночи. С ним связаны, может быть, самые приятные за зиму воспоминания, и если утро дарило серебристый иней на ветвях с нахохлившейся вороной, а день — красное солнце в морозном небе, то вечер оставляет о себе память, как волшебная синяя загадка, которую хочется разгадывать, не переставая.

Вечерняя синева рождает в себе тот самый свет, что противен темноте, хотя и полнится ею. Именно синий свет, а не синие потёмки, что даёт способ видеть, чувствовать и надеяться. Этот свет воспринимается как появление в воздухе какого-то тончайшего вещества, что разливается повсюду только с приходом весны.

Синий вечер не дарит прямые лучи, как солнце, а отражает от своего загадочного, тёмного тела скрытое вечернее тепло, и оно имеет по цвету близкие синему волны, что несут особенный, потаенный свет... Этот свет вечером повсюду, его нужно успеть выпить и насладиться, просто почувствовать его в себе, умело поддерживая взаимосвязь с синим лесом, воздухом и вечером. Прийти к вечернему синему свету, не заступая его черноты, вожделённое душевное состояние, его следует желать и быть к нему готовым, а делать это следует неторопливо, даже осторожно.

Ведь синий вечер - это всегда удивительно полный покой, его в состоянии нарушить только лёгкий порыв ветра. Если ветер вдруг всколыхнёт сноп переливающихся снежинок, и те заплещут в мерцающем лунном свете, то что-то уже изменяет впечатление о синеве вечера. Меняется сам вечер, утрачивая нечто такое, без чего он уже не в силах очаровывать.

Может быть, это - проникновенная синяя тишина, удивительно трогательное и таинственное безмолвие, что проистекает под зажигающимися звездами и неслышно прокрадывается повсюду. Не потемневшая, но уже и не светлая, тишина достигает в этой своей успокоенной соразмерности той самой доступной для всех гармонии, что всегда недостает измученной за долгую зиму душе. Остановись, обрати на неё внимание и впитывай, пока не наполнишься этой синей гармонией до краёв, поскольку синяя тишина снегов - глубокое внимание вечера ко всему живому.

В такой бархатный вечер снега никогда не молчат, как это происходит с ними днём, как бы прислушиваются к небу и звездам, впитывая их, и сокровенно со всеми обо всём беседуют. Они отзываются на малейшее прикосновение звездного луча или случайного светового отблеска, идущего от какого-либо созвездия, иногда словно резвятся и не гаснут. Даже в безлунную февральскую метель ощущается их тёмно-синее, с белыми бликами, скольжение.

И всё же, нет ничего лучше тихого синего свечения в заснеженном лесу, когда, кажется, всё умерло, а зимний вечер жив. Жив своей неподражаемой звездной игрой, незримо отражающейся в синих снегах, радостным предощущением сказочной ночи с выбегающими на жировку зайцами, с многогранностью и глубиной длинных теней, будто выточенных из тончайшего синего стекла. Синий вечер, как никакая другая пора зимнего времени, будит воображение, и даже облепленные искрящимся снегом ели представляются в нём ножками диковинных бокалов, поднятых зимой во благо себе самой. Их чистый хрусталь, на её самобранной скатерти, тоже не без чудесной синевы!

Не сразу и разберёшь, чего больше в спокойствии вечерней синевы: праздничного торжества или сдержанной прекрасной тайны. А может быть, и того и другого, если воспринимать и лес, и вечер, и невидимых зверей, как нечто единое, отчего хорошо быть просто в тихом восторге. Как ото сна, который, ты уверен, уже никогда не приснится, но его всегда можно увидеть, если обратить свой внутренний взор к природе.

Всё соразмерно и радостно в вечерней синеве. Даже в тёмно- синих, до черноты, полудремотных тенях, залегших в самой глуши, ощущаются скрытые движения лесной души. В них тоже что-то своё, очень близкое и пьянящее, как это бывает в детстве, когда тебя послали за чем-нибудь в тёмную комнату, а ты замираешь, но всё равно идёшь, потому что знаешь: это твой родной дом, и ничего в нём с тобой не случится.

Чем ближе весна, тем более полно и самозабвенно живёт синий вечер. Тени становятся уже не такими густыми, а пронзительно-прозрачными, светящиеся же под молодым месяцем снежные блёстки зацветают нежными незабудками. Всё в лесу к концу зимы принадлежит перерождающейся синеве, и воплощает её.

Полыхает синева весеннего вечера, схваченная удалым морозцем, радостно обжигает руки, щеки и сердце. Весна заметно увеличивает её цветосилу, а бирюзовые, лазоревые и голубые мазочки выгодно дополняют. Синий вечер утончается, становясь для восприятия каким-то неуловимым и оттого ещё более желанным.

Перед самым закатом, в марте, синева теней и снегов достигает своего высшего великолепия. Даже дымки над крышами домов стали голубовато-синими, воздушной синевой пропитался пар твоего дыхания. Все эти синевато-нежные тона, окантованные красноватыми верхушками берез, подступили под прозрачные небеса, и солнце мягко утонуло в многослойной цветовой полоске, протянувшейся над лесом. С появлением же Полярной звезды синева торжествующе завернула собой все оставшиеся предметы, и полностью воцарилась на троне. Её весеннее равноденствие, наконец-то, свершилось!

ФЕВРАЛЬ-БОКОГРЕЙ

Наш уральский февраль — месяц буранов, холодов и первой звонкой капли. В начале месяца ещё крепко морозит, с каждым днём солнце поднимается всё выше, и к середине его уже так пригревает, что с крыш летят торопливые капли, образуя к вечеру гирлянды прозрачных сосулек. Февраль многолик, но более всего оправдывает себя метелями, да вьюгами, встречая их на боку.

Сладко ему так дремать, уютно свернувшись в клубок, и он, вроде бы, ничего не чувствует и не видит. Пока февраль лежит на одном боку, отогревает его под пушистыми снегами, над ним метели злые свирепствуют, с лютым морозом на пару тягаются, а как согреется, другой бок от холода прячет. Очень не хочется февралю сразу всё накопленное тепло отдавать, и он переворачивается нехотя, как будто на время забываясь, так что в эту пору случаются оттепели. Но когда придёт в себя, да, спохватившись, перекатится, опять по всей земле принимается мести непроглядная снежная буря, и всё живое погружается в сон. Сам же февраль не спит, а только, вполглаза, дремлет, и всё про всех знает.

Холодные вьюги с метелями так, бывает, одолеют в эту пору, что, кажется, нет грустнее месяца, чем февраль! Бесконечные глухие дни утопают во мгле позёмки, синевато-свинцовое, блёклое небо тяжело нависает над заснеженной землею и с каждым днём все более угасает, не принося ничего нового, а белесая даль уже не слепит глаза, что давно ничего не вопрошают. Когда-то ещё прекратятся эти нескончаемые февральские ночи! Но зловещий северный ветер потерянно бьётся между домами, с остервенением наметает на крыши жёсткий снег, и всё задувает, задувает, задувает. В феврале и человек, словно осенние листья, чернеет лицом, лишь уповая в молитвах на свет божий.

Даже такой важный праздник зимы, как Сретенье, о котором в народе принято думать, что с его наступлением зима с весной встречаются, и тот не вспоминается. За надоевшими метелями, смешавшими в сером вихре заснеженную землю и низкое небо, и дни сплетаются между собой в однообразный поток. Мало радости, света, и почти не верится в близкую весну, до которой, кажется, рукой подать, но всё померкло в безудержном февральском мраке.

И всё же, что-то теплится в душе, согревает её изнутри. Какое-то еле ощутимое приятное чувство рождается в ней, и постепенно зреет уверенность: вот-вот выглянет солнце. И сразу забываются все тревоги, и ты понимаешь, что длительные метели только готовили тебя к весне, и начинаешь приговаривать: «Февраль-бокогрей, душу перед весной согрей, растопи её, взбаламуть, а уж синий март всё в ней прояснит!»

Что и говорить, не пугает человека видимое однообразие отчаянной февральской стужи. Вроде бы, схожи между собой матушка-метель, мачеха-вьюга и бабушка-пурга, но каждая выдувает жизнь на свой лад, и кто из них чище, да сладостней поёт — сразу не разберёшь. Человеку в эту бездеятельную

пору всему интересно внимать. Слушает он заунывную февральскую песню, что неотступно мечется за окном, и только уповает на Божью милость: ан и до него вдруг дойдёт, какая ни есть, привилегия, и озарит его жизнь знойным пожаром неведомых чувств!

Изредка, когда февраль отходит от своей дремотной одури, он может почувствовать себя и снежным зодчим. Столько изящных сугробов повстречаешь в эту пору в лесу, словно изваянных из белого мрамора, что просто диву даёшься! Никто не может помешать вдохновению февраля, он - свободный художник зимы, что ваяет и лепит из воздуха, снега и ветра.

В этом ему помогают оттепели, что оплавливают сугробы, открывая в них целые кварталы коридоров, скульптуры, фонтаны и замки. Вроде бы, всё вокруг спокойно, но внутри этих дворцовых сооружений - невидимое глазу движение, белый сон из снежного камня, бесподобный мир зимней архитектуры. Глядишь на него - и поражаешься способностям февраля, что только недавно дремал, и ведать не ведал про своё богатство, но стоило ему очнуться от забытья, и ожила зима. Уж кто-кто, а февраль-то хорошо знает, что вся сбережённая им теплота его таланта весне достанется.

Тепло февраля — это такое невесомое и неуловимое состояние, которое рождает в каждом живом существе особое чувство. Не от солнца оно произошло, не от мягкого южного ветра, а от студёного февральского напора, безжалостно прижимающего к земле всё, что только попадаете ему на пути. Из одного рта, как говорится, и тепло и холодно, но где появляется тепло, там нужно ждать и добро, а с добром всегда кому-то становится хорошо. Февраль милостыню никогда не подаст, но уже то, что он есть, благо!

Заноса своими метелями, февраль приносит всем тепло ничуть не меньшее, чем солнце или печка. Шубы у февраля нет, зато есть пуховое снежное одеяло, что укутывает землю, деревья, птиц и зверей. Человеку же греться от него несподручно, потому как можно и обжечься. Но если надует февраль вокруг дома высокие сугробы, станет в нём всем тепло.

На дворе вьюжит и метёт, вздымает ветром снежные столбы, а в доме хорошо, уютно. Чуть слышно гудит печка, изредка потрескивают берёзовые поленья, и метелица за окном совсем не кажется злой и безжалостной. Представляется просто, что она устраивает бурную ритуальную пляску, и музыка, что она без усталости выдувает, уже не кажется бессмысленной. Хочется и самому поучаствовать в её языческих танцах, но лишь в своём воображении, не покидая приятно пробирающего до костей печного тепла.

Хороша русская печь уютом, что создаёт вокруг себя, знатна вкусной снедью: блинами да пирогами. И так она прокалит человека за вечер своим огнём, что хочется ему вновь ощутить на лице и руках теперь уже прикосновение безудержного февральского жара. Выйти из избы в отчаянную снежную заметь, и прикоснуться совсем к другой печи, что печёт не менее душистые калачи: имя ей — зимушка-зима. Февраль же - её самый важный истопник, что снизу печёт, а сверху морозит. Знай, подкидывает охапками жгучие снеговые поленья, от которых в неутомимой душе всегда благодатный

зной.

Что есть мочи завывает за окном февральская печь для всеобщего согрева, обжигает снежной искрой, так что дух захватывает. Такой простор ей надлежит натопить, и февраль изо всех сил старается, жгучий огонь зимы раздувает. Если застанешь его за этой работой, угадаешь в нём её, то становится уже не страшно: век бы и сам вместе с февралем колдовал на благо земли русской!

В иных печах часто угар случается, но февраль свою печуру самым строгим образом блюдет, и все дымоходы вовремя прочищает. Заботится неугомонный месяц о том, чтобы не угасло раздуваемое им пламя, потому как зимняя печь для февраля, что мать родная. Обо всех-то ему вместе с ней надо позаботиться, укрыть, согреть и про себя не забыть. Доброе это дело, что в России есть свой неповторимый февраль и своя русская печь!

Так, притулившись боком к метельному февралю, словно у печи сидишь, да её мудрые наставления слушаешь. О том, что где зимовать, там и на печи лежать, и что если счастье придёт, то оно и на печи тебя найдёт, и уж, конечно, с неё стонит. А вот коли собрался умирать на печи — всё одно, что с перепоею. Около печи нельзя желать ещё чем-либо поживиться, и в дорогу с печным теплом не ездят, но и по летам и по годам одно место для русского человека — зимняя печь с декабрем, январем и бокогреем-февралем.

А иногда февральская метель, несмотря на жизнь и тепло, что она в себе хранит, воспринимается совершенно ненужной, какой-то даже нереальной. Декабрь, кажется, уже достаточно намёл сугробов, январь сковал всё живое своими морозами, на что ещё может сподобиться зима и чем удивить? Все почему-то забывают к этому времени о феврале...

Забывают о том, как он безжалостно слепит окна домов и засыпает снегом дороги, что ни пройти, ни проехать. Только в феврале по-настоящему всё вокруг белеет, деревни ещё более пустеют и затихают, так, что даже не слышно собак. С утра до ночи носится над землей выюга, не зная, куда себя деть. Повсюду стоят мутные сумерки, и всё тонет в белёсом умопомрачении позабывшей себя зимы.

Жизнь в эту пору начинает восприниматься бессмысленной. Замутнённое солнце, словно бельмо на глазу зимы, показывается лишь изредка, да и то ненадолго: одним светлым бочком выглянет из-за туч и тотчас спрячется. Нет ему в феврале места на небе, и оно копит силы для марта.

Тонут в вязком воздухе звуки, мысли, ощущения, и только биение сердца не обрывается. Сердце выстукивает ритм будущей жизни, а февраль всё делает, чтобы человек не обращал на него внимания и забылся в снегах. Так последнему месяцу зимы хочется первенствовать над декабрем и январем, и однажды он понимает, что совершенно свободен.

Свободен февраль по своей безудержной сути и, кажется, даже не осознает в полной мере этой воли. Вот и люди, постепенно убаюканные декабрем и январем, к февралю, вроде бы, тоже обо всём забывают, но в мечтах, всё же, остаются непобедимы. Им хочется рваться, подобно

неутомимой февральской вьюге, к чему-то недостижимому в своей жизни, и никогда при этом не угасать.

От вьюг да метелей, что в феврале, откуда ни возмись, налетели, дни в нём будто начинают толпиться меж собой, весело подталкивать друг друга и хороводить. Сколько удали вдруг проявляется в последнем месяце зимы, что, кажется, уже исчерпала свои силы! Но февраль с каждым днём будто оживляет её и, несмотря на свои непроглядные бури, всё более прибавляет свету. По сравнению с первым зимним месяцем, декабрём, он уже на три часа длиннее.

Нет во всю зиму слаще этих бокогрейных деньков февраля! Жизнь, кажется, ослаблена бесконечной зимовкой, дух и плоть так нарушены, что не верится, будто они вынесут навалившуюся тяжесть мороза и тьмы, а тут ещё Волчий сват подкрался со своими волчьими свадьбами. Но какое счастье переживать всю зиму с декабрём, январём и февралём и не сломаться, каждый день лишь набирая недостающих знаний и сил! Утвердившись душой в декабре, закалив её в студёную январскую пору, в феврале хочется дать ей забыться и отдохнуть в преддверии долгожданной весны.

И февраль, действительно, убажает душу своим скрытым вниманием и теплом, и в руках у него не коса и не грабли, что обычно часто случается в чёрный зимний мор, а пуховое опахало. Как февраль тёплыми устами, руками и боками наладит свою предвесеннюю заботу, так земля летом будет радовать человека дарами. И никогда не услышишь при этом, чтобы февраль взял да и заохал. Даже в сильную оттепель незаметно заляжет он в укромной тени буераков, и терпеливо пережидает тепло, которое сам же и надул. Что бы ему не быть самым удивительным месяцем зимы, справедливо завершающим её?

Недаром и птица обретает гнездо именно в феврале. Но не всякая, а только та, которая не покидала родного края в суровую пору, вынесла зиму вместе с нами, вот ей первой и гнездо. Долгие птичьи ночи, хоть и на пороге весны, но под холодной луной высиживает она это первое тепло. Как почувствовать его человеку, когда он не может ничего разъяснить пока даже в собственной жизни?!

Птица, которая, не покидая своего родного края, бесстрашно переживает нашу зиму, и даже выводит в самую её лютую пору птенцов, совсем маленькая, размером чуть крупнее снегиря, а зовут её клёст. Клёст замечателен своеобразным строением клюва, благодаря которому и обрел своё имя. Надклювье и подклювье у клеста скрещиваются между собой, образуя острые клещи, с помощью которых птицы ловко раскрывают чешуйки шишек хвойных деревьев. Используя их семена в качестве основного питания в течение всей своей жизни, клесты до такой степени просмаливаются, что тела их не поддаются гниению даже после смерти. Это ещё одна примечательная черта, отличающая клестов от других пернатых.

Но самая интересная особенность в жизни буровато-малиновых птичек — появление у них птенцов в самые отчаянные морозы. Время это совпадает с наибольшим обилием семян ели и сосны, и гнёзда строятся птицами именно на

этих деревьях, под прикрытием густых ветвей, защищающих постройку от непогоды. Ни декабрьское обилие снега, ни январская стужа, ни февральские выюги — всё им нипочем.

На первый взгляд кажется, что жизнь в лесу замерла на всю зиму. Идёшь на лыжах сквозь морозную мглу, и не слышать ни единого постороннего звука. Только лыжи изредка поскрипывают, да гулко ударяется в груди сердце, даже жутко становится одному. Вокруг — безмолвная тишина!

Но вот упала одна шишка, другая, то и дело осыпается с елей снег: это разбившиеся на пары клесты оживлённо принимаются за строительство своих гнездовищ. Правда, лишь оливковые самочки таскают в клювах сухие еловые ветки, яркие же самцы, оживленно вертясь на верхушках деревьев, больше распевают свои несложные песенки. Гнёздышки свои клесты устраивают прочными, глубокими, чтобы птенцам было уютно и тепло: благо, пуховая подстилка, толстые стены и мама сверху от мороза согревают, еловая каша, она всегда у птиц в изобилии, изнутри, а выюги февральские их своей музыкой убаюкивают. Знай, живи - не тужи, и всё же большинство наших птиц в эту пору предаются спасительному сну.

Спят в заснеженном февральском лесу и глухари, и тетерева, и рябчики, и так это сказочно у них получается, что всегда хочется разгадать тайну их зимних снов. Правда, иногда февраль как будто не желает, чтобы человек проникал в эти тайны, и за ночь переметает их. Хорошо тогда спать птицам, уютно.

Нет, наверное, для них большей радости в зимнем лесу, чем ночевать так в глубоком снегу, под ярко мерцающими звездами. Деревья от мороза глухо потрескивают вокруг, но птицам всё нипочем: пухлый снег спасает, и не тревожат их ни филин, ни рысь, ни лиса.

Что-то удивительно сокровенное таится в глухариной, тетеревиной и рябчиковой лунке. Добра к ним зима тёплыми снегами и задушевыми выюгами, она любит птиц и заботливо их лелеет. Лишь изредка, на время вынужденной кормёжки, отрываются птицы от своего отрешенного забытья, а насытившись вдоволь ароматной хвоей и почками, опять окунаются с головой в снежный сон, что уносит их к сладостным весенним, летним и осенним воспоминаниям.

На боку встречают последний месяц зимы и многие звери. Издревле переживает каждую зиму в тёплой берлоге медведь, лесной владыка. Созданный лесным богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он при своих размерах и запасах зиму перемочь без сна, конечно, не в силах, оттого и спать ложится. Легче ему перележать её в берлоге, чем преодолевать со своим весом в гибельных сугробах. В народе даже говорят, что зима студёная по медвежьему хотению длится: как повернётся он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась.

Лежит медведь всю зиму в берлоге, не умываячись, и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы

молодые её очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прерваться.

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валёжник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы, да палец сосет. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

В сладком сне пребывает всю зиму и барсук. Основательно поработал он для этого летом и осенью: на случай бегства от врагов нарыл множество отнорков, аккуратно расчистил жилую камеру и натаскал в неё пахучей травы и мха. Толстые земляные стены укрывают зверька от лютых морозов и ветров, загодя накопленный слой жира уберегает от голода.

Прочен и долговечен распорядок барсучьей жизни. И ещё не спешен в своем замечательном лесном течении. Это хорошо понимаешь, когда стоишь в феврале над его засыпанной снегом норой, ощущая под ногами неприхотливый звериный уют... Радостно оттого становится на душе, покойно.

Удобнее обернувшись своим пушистым хвостом, крепко спит почти всю зиму в своём теплом гайно белка, но в февральские оттепели она просыпается и вспоминает, что кончились у нее припасенные с осени грибы и орехи. После ночной пороши хорошо видны на снегу следы пушистых зверьков, что разыскивают свои кладовые. А как отыщет она припрятанные шишки, перетащит их к себе в гнездо, так и опять засыпает до следующей оттепели. Метели да вьюги раскачивают над её головой могучие верхушки елей и убаюкивают, а белочка смотрит свои спутанные сны, и зимняя жизнь уже нисколько ее не пугает.

Декабрь укутал землю снегами, январь заковал реки, ручьи и озера крепкими морозами, а февраль, оставшийся без дела, кажется, только забавляется: за день надует огромные сугробы, а за ночь вновь разметает их. Или возьмётся проверять на крепость молодые деревца, безжалостно гнёт их, надрывает, и столько в нем нескончаемого напора, что удивишься: как это деревца выдерживают его неудержимый натиск?! В конце концов, примется февраль и за человека: подкарауливает вечерами запоздавшего путника, да норовит его так окрутить, что тот дорогу домой забывает. Ровно нечистая сила в февраль в такие ночи вселяется, и не дай Бог перейти ему дорожку: запутаешься, осечёшься и сам в себе пропадёшь, не ведая никакого просвету.

Позабывшись в своей игре, февраль, бывает, свиреп и неукротим. Он может быть жестоким, злым и не в меру тяжким. Горе лютное — его непроглядные метели, а в лесу — хищные звери, особенно голодные в эту пору, и оттого опасные для человека.

Сам человек тогда становится лютым, леденеет его сердце. Лютые морозы и метели, лютая скорбь по красному солнышку - то и дело надрывают душу человеку. Люторожий, лютотрачный, лютосердый, лютоярый — лишь немногие эпитеты, коими наградил народ последний зимний месяц. Вот когда

вспомнишь, что помимо бокогрея, февраль имел и такое прозвище, как лютень.

Правда, «лютый» означает в русском языке не только злобный, но и проворный, быстрый. Февраль шибко гонит позёмку, бойко бежит ей вслед: он лют в своей предвесенней работе, лют петь хоть и заунывные, но по-своему мелодичные песни, прислушавшись к которым, обязательно разберёшь сладко убаюкивающие мотивы. Что и говорить, лют февраль, как Бог, да и сам не плох: рисует, малует и красную весну чувствует.

В глубокой древности февраль имел ещё одно название — сечень, потому что был завершающим месяцем года и как будто отсекал его. Правда, не с размаху, одним ударом, а как-то потихоньку, незаметно, за своими вьюгами да метелями. Передом, говорили про него, сечёт, а зад волочёт.

А ещё его так прозвали, наверное, за то, что он безжалостно сечёт всех снежной крупой, колючей поземкой. Хлещет, словно хлыстом, после гораздого на морозы января, будто оправдывая себя перед зимой. Иной раз начинает казаться, что он сам себя бичует, так люта бывает его нескончаемая заунывная работа. Сечёт до изнурения своей фиолетово-серой плотью и, наконец, однажды, под утро, в измождении угасает. Нет безмолвней и трогательней тишины после такой отчаянной февральской бури!

Да только коротко февральское затишье, ибо уже через день-два вновь принимается февраль за старое. Словно розгами сечёт воздух, дома, деревья, притихший лес за околицей, но до смерти не засекает — знает меру. Лишь попугает изрядно, испробует на крепость и отпустит. Обижаться на него не стоит, лучше с ним дружить, принимая нрав февраля как нечто должное, чем он великодушно наделён от природы. Не для сечения живет февраль, а для ученья, и своими секущими метелями словно расчищает пространство для грядущей весны.

Но выдаётся раз в четыре года такой февраль, что лучше бы его и не бывало, и зовётся он високосным. В високосный год к февралю прибавляется двадцать девятый день, накопившийся за четыре года от шестичасовых годовичных остатков времени. Этот день не случайно исстари называли именем завистливого и злопамятного Касьяна, немилостивого и скупого недоброжелателя. «Касьян на что ни взглянет — всё вянет», — замечали в народе. Касьян на народ — народу тяжело, Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скотдохнет. Худ приплод в високосный год!

И всё же, сколько бы метелям ни лютовать, февраль рано или поздно уgomонится и уляжется на боковую. Вот где ему всего теплей и уютней, а человеку радостней! Неправедное-то житьё когда-нибудь боком выпирает, но разве можно такое о феврале подумать с его неутомимостью, что предопределяет обильный рост трав и цветов, очаровывает сладкими снами, приносящими надежду, и убаюкивает метелями, выдувая мелодию скорой весенней любви?

Нет, праведно живёт последний месяц зимы. Оттого он и гладок, что хорошо поработал, поел, да и на бок. На боку февраль остаток зимы проводит,

но пролежней у него от этого не бывает: лежит себе на боку, да глядит, вполглаза, на замерзшую реку. И хоть нет ничего в эту пору под зуб, особо февраль не тужит. Во всем чувствуется приближение весны, которую он сам готовит в свои оттепели, что стали совсем частыми. Февраль в них воду целебную для всего живого копит, а март её подберёт.

Человеку обычно говорят: «Боже поможет, только ты на боку поменьше лежи», но вот к февралю это не относится. Даже мороз в феврале продвигается, когда скоком, когда боком, а когда и ползком. Чего не досмотрит январь оком, то, говорят, дотянет февраль боком. Кто чем, а февраль отдувается только боками: ни спины, ни брюха у него нет: один нагретый зимой бок.

Февраль прозвали бокогреем не только за то, что большую часть времени он лежит на боку под завывание вьюги, но и потому, что один бок у него оттаивает быстрее. К концу февраля налипший снег на стволах деревьев сохраняется только на северной стороне, а с южной его сгоняет жгучее солнце... Солнечный бок охорашивается и выглядит совсем уже не зимнему, тогда как с севера взирает на всех хмуро, невесело.

В оттепели, когда воздух полон сонной одури и влаги, снег изрядно оседает и на крутобоких склонах логов и горок. Здесь он становится рыхл, зернист, а в редкие окошечки начинает проглядывать сырая земля. Идя на лыжах, всегда обратишь внимание на темнеющее на снегу пятно и не сразу догадаешься, что это такое, а подойдя поближе и разглядев, обрадуешься: скоро весна! И хоть не раз ещё занесут метели эту случайную проталинку, но ты про себя обязательно улыбнёшься, и произвольно назовешь февраль бокогреем.

То на одном, то на другом боку спит суровый февраль, а как только выдастся тихое утро, тотчас принимается будить его наша большая синица. Пинькает одна на весь двор, да так призывно и громко, что не верится, будто она на самом деле такая маленькая. По нескольку раз за день обратишь внимание на ее неугомонную песню и поразишься: как ей не надоедает?! А синица, несмотря ни на что, знай, без усталости продолжает: «Пинь-пинь-пинь, цвиг-цвиг-цвиг, пинь-пинь-пинь, цвиг-цвиг- цвиг, пинь-пинь-пинь». Февраль же дремлет крепко, и хотя сквозь сон слышит неутомимую птичку, она ему нисколько не мешает.

Разбудить самый дремотный месяц зимы суждено лишь звонкой капели. Тут уж, кажется, не одна, а тысячи птиц призывают всех не спать и выходить встречать весну, что уже на дворе, и февралю удаётся забыться только за полночь. Но лишь до раннего утра продолжается его недолгий сон, когда тишину вдруг раскалывает брачный крик ворона: «Крун-н-дон-н, крун-н-дон-н, крун-н-дон-н»! Так он, уже с января, призывает к себе самку.

И опять всё повторяется сначала: розовато-перламутровые лучи солнца, по которым мысленно можно подниматься к небу, первые звонкие капли с крыши, мутновато-хрустальные льдинки, весело поблескивающие по краям оттаивающих ручьев, а сладкое забытие февраля становится совсем коротким.

Своим неукротимым упорством он, наконец-то, сшиб рог зиме, и пришло ему время уходить на покой. Но февраль об этом, должно быть, не особо печалится: вот уж когда отлежится он на боку в далёком царстве зимы и никто не потревожит его целый год!

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Посвящается К. Ш

Уже не помню, чем у меня тогда был набит рюкзак, но сидел я на нём, как на настоящем кресле, откуда можно было видеть то, чего с самого удобного места никогда не увидишь. Рюкзак стоял на насте, на краю маленькой полянки в ночном апрельском лесу, а я сидел на нём в ожидании глухариной песни, и смотрел на звёзды.

Над головой сияла Большая Медведица, и среди множества звёзд в этом необозримом пространстве я не чувствовал себя затерянным. От такого неожиданного ощущения на душе становилось необыкновенно хорошо, и весело искрящиеся звёзды удивительно успокаивали, хотя ничего и не обещали. Большая Медведица будто знала, для чего я тут сижу, и не то, чтобы одобряла, а просто не мешала, живя своей неведомой звёздной жизнью.

Глухарь, оказывается, тоже не спал, и когда я поднялся, чтобы размять ноги, он улетел. Его чёрный силуэт только на мгновение распластался на фоне такого же чёрного неба, и если бы не звёзды, я бы ничего не заметил. Всё это время он сидел рядом, настороженно вслушивался в морозную тишину и, должно быть, чувствовал мое присутствие, но ничего пока не предпринимал.

Ему не хватало лишь маленького повода, чтобы в мгновение сорваться, и глухарь, наверное, наслаждался подступившей весной, этим звездным свечением и возможностью жить так, как ему хочется.

Мне и самому хотелось подарить ночному небу звёздочку своей души, что изо всех сил тянулась к нему. Это было очень приятно переживать вместе с ощущением закрадывающегося под одежду мороза и какой-то замечательной приподнятости во всём теле. Мороз стремился к человеческому теплу, и оно, как ни странно, готово было его принять. Тепло ожидало мороз, и тоже хотело, чтобы всё вокруг было так, как захотели того глухарь и звёздная ночь.

А Медведица по-прежнему сияла в бездонных небесах, так что звёздочки её казались чудесными фонариками, подвешенными на невидимых нитях, и почему-то воспринималась самой живой среди других созвездий. В морозную апрельскую ночь всегда так светло, будто зажигаются все звёзды Вселенной...

Небо высоко и торжественно, и сколько бы ни смотрел на него, заглядывая в самую глубь, везде звёзды. Яркие, крупные, есть просто ослепительные, другие — поменьше, что то и дело вспыхивают и на время куда-то исчезают. Все они будто подыгрывают друг другу, устраивая в восторженной вышине волшебную карусель, и всё это головокружительное движение не прекращается до самого рассвета. Звезды и тебя приглашают в

свой хоровод. И разве можно оставаться к ним равнодушным, и не смотреть в апреле на звёздное небо?!

Большую Медведицу даже не сразу и отличишь в этом обилии звёзд. А сколько различных, самых причудливых созвездий украшают в эту пору сказочный небосвод!

Звёзды в них дрожат, горят и блещут многоцветными камнями, а ночь тихо и радостно внимает своей очаровательной тёмной судьбе. Звездное небо в апреле — это выгнувшийся хвост павлина, всё в нём возвышенно и волшебное. Видится там ещё и зимний чум из звездной россыпи, перехваченный алмазными ожерельями, и завораживающие вспышки яхонтов, и мягкие жемчужные отсветы. Я гляжу на это переливающееся небо, и мне представляется, что всё в мире удивительно божественно.

Я знаю: пленительный сонм звёзд — это не неведомые светила, а те огни, что освещают человеческие пути. Их далекий свет — свет немеркнувшей жизни, в которой угадывается возрождение недостающих человеку тайн, знаний и событий, а перламутровая пыль от них — непередаваемая красота самой Вселенной. Неведомо прекрасной, величественной бабочкой возникает она из каких-то космических глубин, и все звёзды прилипают к её бархатным крыльям, что несут на себе рисунок неугасимой жизни.

Один за другим вспыхивают бесчисленные изумруды, сапфиры и рубины иных миров, и хочется отправиться к ним, не теряя времени, какими бы недостижимыми они ни казались, потому что они представляются нам живыми. Правда, только для тех, кто обращает к звёздам свои взоры, как бы бесконечно далеко они ни находились. И если ты отправился в путь, и ничто тебя не удержало, ты непременно их достигнешь.

Стояла уже третья декада апреля, а снегу в лесах — целые горы! Мало того, что он почти не таял, лишь после обеда чуть-чуть оплывая под яркими лучами солнца, так с раннего утра и до полудня, каждый день, в течение всего марта, держались крепкие утренники, что намертво сковали его поверхность. Постоянный ветер и частые февральские оттепели порядком уплотнили снег, и постепенно образовался наст: по нему можно было ходить в валенках до самого вечера, ни разу не провалившись.

Ещё наст держал на своих плечах весенний воздух, солнце и замирающую тишину. Держал так крепко, будто не хотел отпускать от себя всю силу, накопленную им за долгую зиму. Даже днём снег таял с неохотой, всё же неминуемо слабей, а ночью вновь навёрстывал утраченную крепость.

По утрам он отливал нежно-перламутровым светом, а когда солнце поднималось над лесом, его заливала розоватая глазурь. Тогда наст напоминал красиво запёкшуюся корочку большого сладкого пирога, она так приятно слепила, что от этого идти по ней было ещё более радостно. Лыжи закинута на плечо, лёгкий ветерок еле приметно гонит голубовато-дымчатую позёмку, и на сердце лёгкая услада. Можно целый день ходить по этой волшебной глазури, даже не присаживаясь, и ничуть не устанешь.

Под вечер снег, кажется, совсем окаменевал, и не верилось, что он когда-нибудь растает. Он искрился разноцветными отблесками, был упруг на вид и совершенно не тронут, так что всё время хотелось скользить по нему взглядом, ни на чём не останавливаясь. Но все эти ощущения исчезали ночью, когда упругий наст воспринимался просто, и без него невозможно было представить себе притаившийся апрельский лес, рассыпавшиеся по небу звёзды и выгнувшуюся над головой Большую Медведицу.

Будто из её волшебного ковша просыпались в вышине все эти драгоценные жемчуга и камни. Ковша, из которого не пьют, не едят, а только всё на него глядят. Глядят и не могут никак оторваться, как когда-то древние звездочёты, что для облегчения своих наблюдений разделили бесчисленное множество звёзд на созвездия.

Самые заметные, самые яркие звёздочки они соединили воображаемыми линиями, будто рисовали по небесному своду, а потом смотрели, на что похож рисунок, кого напоминает: зверя, птицу, человека или, может быть, какой-либо предмет. Так появился на небе целый зверинец, и самым крупным зверем в нем оказалась Большая Медведица. Впрочем, оставались ещё Большой Пёс, Заяц, Козерог, Лев, Телец с Овном, Орел и Лебедь, и многие из них были гораздо крупнее её, но, всё же, Большая Медведица была самой приметной только потому, что рядом находилась ещё и Малая, в хвосте которой сияла Полярная звезда.

Прекрасным ориентиром служила она путешественникам, что отправлялись в дальнюю дорогу. Чтобы отыскать Полярную звезду, надо найти созвездие Большой Медведицы, которое напоминает ковш из семи широко расставленных довольно ярких звезд. Через две крайние звезды этого ковша мысленно провести прямую линию, примерно в пять раз большую, чем расстояние между звёздами, и тогда можно увидеть звезду, что и называется Полярной. Она находится в хвосте другого созвездия, именуемого Малой Медведицей, что тоже имеет форму ковша. Чтобы получить направление на север, нужно стать лицом к Полярной звезде.

Но почему-то никогда сразу не замечаешь Малую Медведицу, а определяешь для себя именно Большую. И уж только потом, если возникает потребность отыскать Полярную звезду, обнаруживаешь Малую. Полярная же звезда светит как будто исподволь, из небесной глубины, и не блистает при этом особой красотой. В ней скрыта недоступная для всех тайна, которую она заслуженно откроет только достойному.

Какое торжественное чудо была эта Большая Медведица! Яркими брызгами изумрудных камней искрились все её семь звезд, и тишина стояла восторженная, морозная. Небо над Медведицей выгибалось темным куполом, откуда просачивалась глубинным светом драгоценная россыпь, черно-фиолетовый бархат ночи был усеян ею, а созвездия блистали на нём, будто подвески и броши.

Вся вышина представлялась тончайшей вуалью, сотканной из серебряных и черных кружев. Множество бриллиантов на ней сливалось в бесценную

пыль, мягко лучился прозрачный жемчуг, а звёзды напоминали рождественские свечи на ёлке, что, как куклу, укутывали серебристые нити и золотистый шёлк. Невозможно было описать это восторженное смятение чувств от увиденного чуда, и всё же неизмеримое звёздное пространство, казалось, спокойно укладывается в твоей душе.

Сменялись царства и народы, преображалась человеческая душа, но Большая Медведица светила неизменно, ни на секунду не угасая. Её несметное убранство всегда было великолепным, а ночное безмолвие красноречивым. Она хранила какую-то тайну, что неотступно манила своей неизвестностью.

Всегда хочется смотреть на неё, и, поднимая голову к небу, обращаешь свой взор, в первую очередь, на Большую Медведицу! Никогда не приходится искать её, как другое созвездие, она у всех на виду и всеми любима. Сдержанно сверкает в морозной вышине, рождая только светлые думы и сладкие грёзы. Как много снов осенила она своим ненадоедливым присутствием, сколько милых догадок и самых серьезных вопросов появилось благодаря ей!

В сильный мороз Большая Медведица забирает обычно хвостом книзу, выгибаясь ещё круче, и от этого становится похожей на молодую и сильную кобылицу. Почему её называли Медведицей, если она её совсем не напоминает?

А звёзды в ней всегда яркие, добрые и так ненавязчиво заглядывают в душу, будто желают предупредить о чем-то. Они словно переговариваются между собой: «Смотрите, человек зачем-то пришел к нам ночной порой, но ничего не предпринимает. Разве это ни странно? Может быть, он чего-нибудь ищет?» Но хорошо было просто сидеть под звёздами, не спрашивая у них какого-либо совета.

В их сиянии было много покоя, ласки и вдумчивого свечения. Не верилось, что это только холодные бездумные миры, равнодушно простирающие свои лучи через бесконечные пространства. Хотелось, молча, вглядываться в их незатухающие образы, в каждом угадывая его характер и внимание к человеку. Настоящий волшебный полог раскинула апрельская ночь прямо над моей головой, и всем звёздам там было очень просторно и уютно.

Иногда казалось, что звёзды точно тают в сумраке ночи, куда-то ненадолго исчезают, но затем вновь появляются, только уже обновлённые, как будто умытые. А может быть, они и в самом деле приводили себя в порядок, тогда как другие за них в это время светили? Нужно было очень пристально смотреть на небо, чтобы различить незатейливые звёздные ухищрения, но это никак не влияло на всеобщую переливающуюся радость.

С каждым мгновением становилось ещё светлее, и некоторые звёзды казались величиной с хорошее яблоко. Они так ослепительно сверкали, что порой приходилось опускать глаза, с удивлением разглядывая безжизненные снега и застывшие ели. А взгляд опять неудержимо поднимался к звёздам, и не было желания противиться этому нахлынувшему чувству. Даже

присмирившие ели будто пробудились на время ото сна, вытянулись верхушками к небу, и стояли вокруг, как почётная стража. Похоже, и они готовы были неутомимо переживать в этом ослепительном ночном мире всё то, что переживал я.

Но, что же такое - этот звёздный Ковш? Вроде бы, давно привычный для всех в народе предмет, что в ночном небе обретает некую притягательную загадочность? Не многим, наверное, известно, что такое название имеет в мельнице четырехугольная воронка, откуда хлеб течёт под жернов; в трюме судна, прямо посередине, находится льяло-ковш, куда стекает вода; среди охотников на боровую дичь, издревле существовала своеобразная ловушка на тетеревов, вроде рыбачьей морды, что устанавливалась обставлялась снопами. Ещё так называют округлый залив с пережабиною, то есть - узким проливом. Чаще всего - это одноручный сосуд с рукоятью для черпанья жидкости или для питья. В нашем случае Ковш - небесная посуда, что, как ни странно, воспринимается к месту, и служит для содержания иных ценностей.

Про богатого человека обычно говорят: он золото и серебро ковшами меряет, но душа, как известно, дороже такого ковша. Ковш, переполненный подобными драгоценностями, беду ладит, да только не небесный. Из него не брезгуй пить и напиваться, потому как хранит он в себе не сладкую брагу, от которой муторно на душе, а хрустальную чистоту, что омолаживает ум и сердце, и никогда не истаивает.

Небесный Ковш — ковш особенный, с какой-то сказочной задумкой и скрытой тайной. Он только на первый взгляд представляется обычным, на самом же деле в нём угадываются волшебные свойства. Ковш так притягивает, что другие звёзды, может быть, только кроме Венеры, заметно блёкнут в сравнении с ним. Семь самых заметных звёзд, все вместе и каждая сама по себе, вырисовывают в ночном небе нечто, в высшей степени, неопишемое и, между тем, очень доступное и простое.

А ведь кто-то первым углядел в этих звёздах Ковш и Большую Медведицу, и для всех это стало понятно и близко. На веру и радость взяли люди чьё-то меткое волеизъявление, и никто не усомнился в истинности этого откровения. Звёздная линия, вовсе, оказывается, и не напоминающая могучего зверя, всё же, была принята за такового. Может быть, вслед за первооткрывателем всем тоже захотелось видеть в большом красивом созвездии что-то удивительное и родное, а мать-медведица, всегда близкая народу, как никто лучше олицетворяла эту чуткую догадку. Итак, самое заметное созвездие северного неба, к всеобщему согласию, постепенно обернулось самым заметным зверем.

В большом доме, говорят, чего нехватишься, всего нет, но только не у Большой Медведицы: у неё вдоволь и воздуха, и неба, и неисчислимого богатства, что никогда не переводится. Это неправда, что большому больше и надобно: небесная медведица, сияющая над головой каждого, и видимая отовсюду, ни в чём не нуждается. Но если это действительно медведица, то чем она на небе занимается?

Рыбу не ловит. Не охотится. Следы свои не скрывает. От врагов не обороняется. Сладкой ягодой не лакомится. Ни от кого не хоронится. Берлогу не копает и сало не копит. Может быть, тепло неведомое хранит? Иначе, зачем ей обладать этой необъятной, отливающей серебром невесомой шубой, в которую она, наверное, всех незаметно укутывает и, неслышно урча свою звёздную колыбельную, ласково усыпляет?

На первый взгляд холодно светят ее звёзды, и ни на кого не заглядываются. Века веков их нескончаемому блеску! Порой они даже могут исчезнуть, никто, должно быть, и не вспомнит.

А затем опять повисает над землей бесконечная тишина, загадочно чернеющая высь и смерзшийся хрустальный воздух, а ночь постепенно оборачивается звёздным волшебством, что, оказывается, всегда находится рядом. Но что по-настоящему завораживающего таит в себе Большая Медведица?!

Лишь иногда, в какие-то особенные моменты жизни, проникновенное молчание Большой Медведицы вдруг достигает твоей души, и в ней будто просыпается непередаваемая радость. Та земная и небесная радость, что Большой Медведице надобно в людских сердцах пробудить, а она одна на всё небо! Недаром ей поэтому Господь помощницу определил в лице малой сестрицы, что и медвежат-звёздочек понянчит, и морозным ароматом душу исцелит, и путь заблудшему укажет.

Главное достоинство Большой Медведицы в том, что она есть. Никуда не убегает, не торопится, знай, вспыхивает осторожно каждый вечер, ласково переливается чудесными звёздочками. И всё это богатство в ней невероятно манит, так что ничего больше не хочется желать. Только смотреть, впитывать её неясный свет и тихо радоваться в душе. Радоваться, наверное, тому, что и Медведице хорошо там, в морозной вышине, где ей не холодно, и она совсем не стремится на землю.

В том, что окружало меня в эту ночь, не было ничего жуткого. Деревья, сугробы и тёмно-синие замершие тени только радовались происходящему, как-то сокровенно, про себя, переговаривались и, вроде бы, даже тянулись к звёздному небу. Всё в лесу было настроено на торжество сияющей обстановки, и в тоже время ночь выглядела самой обыденной.

Больше всего поражало то, что ни разу сердце не замерло в тоске, от страха. Здесь, в двенадцати километрах от деревни, посреди ночи, мне было необыкновенно уютно. И даже если морозец покалывал щёки, забирался к самой спине, он, скорее, веселил, чем пугал. Хорошо было ощущать его здоровые прикосновения и чувствовать при этом, что холод не злится, не усердствует в своём привычном стремлении заморозить, а просто играет.

Лес же стоял неподвижно и молчаливо, но в этой сдержанности тоже чувствовалось желание поиграть. Играл мороз, играли в небе звёзды, и вокруг всё весело потрескивало и сверкало. Я сидел на рюкзаке, крутил головой, и мне казалось естественным, что я нахожусь в лесу, посреди звездной ночи, а не в тёплой постели своей городской квартиры.

От сияния звёзд и снега лес весь просветлел, и было хорошо видно, что он полон скрытой жизни. Лес радовался возможности ещё немножко покрасоваться перед таянием снегов, до которого оставалось совсем немного. А мне было радостно ощущать его красоту и силу, освещенную звёздами. Радостно оттого, что я пришёл сюда и увидел всё так, как это можно было увидеть обычной апрельской ночью.

Если бы не апрельские звёзды, их особенный ласковый свет, можно было подумать, что стоит зима. В самую зиму, может быть, даже в Рождество или на Крещение, о звёздах, наверное, думают больше, чем о чём-либо. Вспоминают, в первую очередь, про Вечернюю звезду, чистую и праздничную красавицу, что одаривает всех своей ясностью и чистотой. Не забывают и про Большую Медведицу, что лежит всю зиму и весну не переворачиваясь, и медвежат, вроде бы, не приносит, но всегда полна желанием разродиться неповторимым и чарующим светом. А вот Малую упоминают в самом конце, напоследок, но с достоинством обращения к таинству вековых открытий, к которым она ведёт за собой людей.

Большая Медведица намного крупнее и ярче своей сестры, но только лишь для того, чтобы привлекать и озадачивать людей. Будить их способность так выстроить жизненный путь, чтобы не было скучно. И ещё, чтобы они были готовы поделиться многим, из чего складывается, горит и не угасает её звёздное сияние. Неописуемо почувствовать в себе и Большую Медведицу, и Малую, и остаться при этом просто человеком. Вот если бы самому обернуться маленькой звёздочкой, что загорается не сразу, а постепенно, из жизни в жизнь, тысячелетиями копя в себе волшебное свечение!

Наверное, всё так и происходит: ты мучаешься, ошибаешься и ищешь, как лучше взглянуть на звёзды, что и так уже давно взирают на тебя и терпеливо ожидают твоего внимания. Ждут бесконечно, пока ты обратишь к ним свою душу, что сначала замрёт от счастья в этой звёздной тишине, а затем возрадуется. В восторге соприкосновения со звездным миром душа рано или поздно преодолеет любую беду и незнание, обретя, наконец, недостающее внутреннее свечение.

И вот, звёзды дождались меня... Я пришёл в ночной апрельский лес и тихо обратился к ним внутренним взором, а они откликнулись мне. Я сидел и ждал неизвестно чего, глядя на сверкающую Большую Медведицу, и как-то постепенно до меня доходило, что вот здесь, на этой маленькой заснеженной опушке, в прекрасную полуночную пору, находится сердце Вселенной, и оно бьётся в моей груди.

ВЕСЕННИМ ДНЁМ

Солнечный весенний день, с беспощадно вскрытыми им самыми дальними уголками, кажется, не предвещает ничего, кроме суетливого щебетания птиц. Солнце быстро выкатывается из-за леса, и звери торопятся укрыться подальше от ослепительно заливающего просеки и поляны света.

Самое интересное время суток неслышно ускользает, но ещё немало следов оставляют за собой лесные обитатели.

С каждым днём оседая и становясь от этого только крепче, наст выдерживает даже такого крупного зверя, как лось. Не рискуя изрезать ноги, лось может позволить себе прогуляться по нему, спокойно пожевать у ночной опушки пахучих осиновых веточек. За день поверхность наста настолько обтапливается, что недавние следы различить совсем непросто. К вечеру они обычно оплывают, превращаясь в еле приметные вмятины. Через пару дней уже и вовсе невозможно определить: проходил ли этим местом сохатый или нет?

Но иногда наст, всё же, не выдерживает нагрузки, и лось проваливается одной ногой, оставляя в глубоком снегу её отчётливый слепок. У такого провала замечаю я окоченевший пушистый комочек, а наклонившись, разбираю в нём крота, с распростёртыми голыми лапками замершего на животике. Одеревеневшее тельце кажется почти невесомым, но шелковистый мех приятно разглаживается под пальцами, и на миг представляется, что крот живой, и только на время забылся. Видимо, лось, оступившись, слегка придавил подземного обитателя в его норке. У слепого крота хватило сил лишь выбраться наверх, к весеннему теплу и свету, которого ему никогда не суждено было увидеть.

А солнце щедро расплёскивает своё тепло, так что воздух светится, создавая над землей почти невидимую ласковую дымку. Воздух весь пропитан благоухающим дыханием: зима притаилась под снежным покровом, за дремучими еловыми ветвями прижалась к самой земле, а весна нахлынула неумолимо и, как будто весело наблюдая за уловками зимы, не спешит всерьёз браться за неё. Весна словно присматривается ко всему, что происходит в лесу: с какой бы стороны ей лучше подступить, чтобы начать своё сокрушительное движение?

Радость и восхищение переполняют сердце, усталость уходит из тела, потому что душа поёт от сопричастности с происходящим в природе, и воспоминание о крохотном несчастном зверьке тому не помеха.

Быстро осаживаясь, снег оголяет тетеревиные лунки, их по лесу теперь попадается великое множество. Раньше их можно было разглядеть только с какой-нибудь одной стороны, откуда тетерева пробивали снежный покров, вырываясь на волю, теперь же в нём сохранились лишь неясные овалы с горстками коричневатого подсохшего помёта. Обаяние лесных птиц так сильно, что долго стоишь над лункой, с лёгкой грустью вспоминая, какую неторопливую и притягательную жизнь вели зимой под снегом тетерева, глухари и рябчики.

Тогда, как тепло разрушило домики боровых птиц, норки зайцев в снегу ещё вполне надежны. Подняв в частых елочках крупного беляка, я заглянул в одну из них и убедился: чувствовал он себя здесь очень уютно. Норка была вместительна, глубоко уходила под крепкий наст, а на дне её виднелся оголённый бок толстенького осинового поленца: оно служило зайцу лакомой

закусой. Серая сочная кора была сплошь обглодана, а на белом гладком стволе отчетливо были видны ровненькие бороздки от зубов. Крепкими потрескивающими утренниками зайцу, наверное, не хотелось покидать насиженного места, и он устроил всё быстро и просто, втайне радуясь своему неприхотливому и скромному счастью.

Медленно продвигаюсь я в умиротворенном весной лесу, не упуская ничего из виду, и вскоре обнаруживаю свежие останки рябчика. Тонкие невесомые перышки, вздрагивая от малейшего дуновения ветерка, словно не знают: куда им дальше лететь? Буровато-рыжие, вперемешку с дымчатым нежным пухом, густым пятном устилают они искрящийся снег, и вокруг не заметно чьих-либо следов или отметин. Видно, филин подстерёг птицу на ветке и, уцепив когтями, мгновенно разделался с ней.

Ещё при входе в лес натолкнулся я на следы белки, только что спрыгнувшей с дерева и не успевшей пробежать каких-нибудь двух метров. Взбитый снег и отпечатки крупных крыльев с подмерзшими шариками крови свидетельствовали о том, что здесь тоже побывал филин, и на сей раз не упустил своей жертвы. Для любого пушного зверька или птицы филин страшнее лисы: полёт его неслышен, и обрушивается он сверху всегда неожиданно.

Всё ослепительнее разгорается над заснеженными лесами солнце, воздух становится резок, чист, и этот ясный свет приятно бьёт в глаза. Весеннее солнце неумолимо вытапливает белизну, но тишина с чистотой остаются, и сердце улавливает струящуюся в воздухе музыку — неподражаемую радость, что славит этот чудесный лесной покой.

Не слышимая, но глубоко чувствуемая, музыка охватывает своим необыкновенным звучанием, душа произвольно сливается с ней в неописуемом восторге, и вспоминается об этом только по возвращении из леса. Там ты не отдаешь себе отчета в происходящем, становясь одним целым с весенним пристальным светом и хвойными запахами, густой волной накрывающими тебя с головой.

Приятно идти по осевшему под солнечными лучами лазурному снегу. К концу марта наст утрамбовался до невероятной гладкости, и лыжи скользят легко, нигде не задерживаясь. Ярko блистая на свету, матовая корочка глухо надламывается под лыжами, маслянисто и чуть рассерженно шипит, а небольшой ком соли в рюкзаке за спиной, что нужно отнести на солонец, приятно оттягивает плечи, время от времени наводя на мысли о лосях. Лоси потом будут лизать эту соль своими твердыми шершавыми языками, осторожно приходя поутру к желанному деревянному корыту, уже порядком высохшему и потрескавшемуся на солнце.

К полудню в телогрейке и свитере становится жарко, хочется совсем раздеться, но знаешь, как коварно весеннее тепло, и потому терпишь, идёшь, пересиливая желание расстегнуться. Лишь изредка сдёргнешь шапку, зажмурившись, посмотришь на солнце, на небо, на то, как поблескивают отлоги выпуклых горok, поросших редкими черными елями, поводишь

задубелыми от легкого морозца скулами, чувствуя, как успело за день обгореть лицо, и, передохнув малость, двигаешься дальше.

У вытянувшейся светлой поляны, окруженной соснами, весь снег испещрен глухариными набродами... Следы спускаются вглубь лога, поднимаются по соседнему склону, а сосны стоят величественно — молчаливые свидетели недавнего глухариного присутствия.

Про себя я завидую всему увиденному. Мне самому хочется стать глухарем, жить поблизости от этого лога, распушив хвост, токовать на высоких соснах и, слетая с них на наст, важно расхаживать по нему, торопливо выводя идеально вылепленной гортанью свои шипящие весенние звуки. Звуки эти плавно растекаются в неясных сумерках, от них всегда почему-то слезятся глаза, а сердце томно охватывает неизъяснимая, но прекрасная тоска.

И вот, я уже с нетерпением желаю приближения тока, возможности послушать неподражаемую глухариную песню - древнюю, как этот мир, но восхитительно зажигающую, искрометную и поистине лесную.

Бывает, встречаются весной такие места, где хорошо остановиться, присесть и оглядеться. Далеко впереди синеют необъятные леса, широкие поля и пологие горы кажутся пронизанными светом, а весеннее марево вьётся еле уловимой дымкой над уходящей к горизонту дорогой. По этой дороге я вскоре пойду к железнодорожной станции и, проходя по посёлку, буду говорить каждому встречному: «День добрый!», чего бы никогда не сделал в городе, и несколько удивленные сельские жители будут отвечать мне пожеланием доброго здоровья. Настроение от этого ещё более поднимется: радостно наблюдать, как хозяева неспешно копошатся у себя во дворах, что-то поделявают у ограды, изредка доносится глухой, тотчас вязнувший в сонном весеннем воздухе удар топора или колотушки.

Хорошо глядеть, как весна берёт своё в деревнях. Кругом сверкают глубокие снега, а дорога, недавно ещё хорошо укатанная, теперь совсем раскисла.

Под заборами постепенно оголяется чёрная пахучая земля, в воздухе стоит до одурения свербящий печной дымок, и дома весёлой гурьбой лепятся по склонам большого, ещё заснеженного косогора. Снег словно горит на его южной стороне, местами открывая прошлогоднюю прижатую траву и одуванчики. Неудержимо вступая в свои права, весна питает живительными соками не только землю, воздух и небо, но и солнце, вместе с этим ослепительно сверкающим весенним днём.

ПЕРВЫЙ ТОК

Я иду по белому, залитому солнцем лесу, и с каждым шагом убеждаюсь, что никого здесь за всю зиму не было, и ничто не потревожено. Больше всего я боюсь, что кто-либо может нарушить эту вневременную тишину, надломив первозданный розоватый наст.

Но тихо вокруг, и наст цел, и ни единого следа не видно на нём. Только желна вольготно сорит шелухой за выворотнями старых елей, в укромной хвойной тени посвистывают невидимые гаички, и в насыщенном весенними запахами воздухе витает ощущение некоей тайны, способной неожиданно открыться и поразить.

Снег постепенно становится нежно-сиреневым, а верхушки сосен ласково румянятся в выплывающем над лесом солнечном свете. Погасли последние звёзды, туманные очертания месяца размыла в высоком небе холодная пронзительная голубизна, но воцарившийся ещё с ночи морозец уже не обжигает тела, не отбирает у него тепло. Он растекается в воздухе студёным пахучим облачком, приятно касаясь кожи лица и губ, наполняя глаза весенней ясностью. Этот морозец привносит в душу какое-то тончайшее возбуждение, наподобие вкрадчивого прикосновения к лицу ветерка на ранней заре.

Подмокший от осыпающегося снега маскировочный халат приятно коробится в подстывшем воздухе, лыжи шелковисто поскрипывают в тишине, и ни на минуту не покидает твёрдая убеждённость, что углубляешься ты в чащу не зря, а будто по какому-то необъяснимому, но верному чутью, что рано или поздно выведет к глухариному току. Я стараюсь понять причины выбора именно этого пути, и почему сегодняшним утром всё кажется таким доступным и ясным. Словно ты в своё время приходишь на своё место, заслужив его всеми прежними поступками и, может быть, даже просчётами, и тебе предоставляется право увидеть нечто такое, с чем виденное ранее не идёт ни в какое сравнение.

Но пока это только чутьё. Я иду по застывшему руслу реки, и чёрные еловые леса будто валятся на меня с обоих крутолобых речных берегов. Под ними тонкой ниточкой синеют следы норки, а где-то вверху, подставляя надутые грудки первым солнечным лучам, пронзительно посвистывают рябчики. Река ежеминутно петляет, даря неповторимые виды, и дремучие ели, кажется, всё более заваливаются над головой, переплетаясь могучими верхушками. Изредка оттуда сыплется шелуха от шишек, там перепархивают клесты, длиннохвостые синицы и большие пёстрые дятлы.

Хотя всё здесь так необыкновенно и укромно, но всё-таки находится как будто в преддверии чего-то главного, ещё по-настоящему не подступившего. Ожидая с ним встречи, я даже сомневаюсь на какое-то мгновение: может ли быть что-либо лучшее, чем то, что ты сейчас переживаешь и видишь? Речка должна вывести меня туда, где обитают птицы, без которых самый потаённый лес не может оставаться лесом, где из глубины времён возникает то удивительное, что дарует на долгие годы вкус к жизни.

Когда за одним из поворотов река выворачивается длинной петлёй и берега отступают перед царством света и диковинной тишины, я начинаю верить в существование этой необычайной лесной сокровенности. Воздушность окружающих линий вмиг охватывает, приподнимает над притаившейся поляной, что разлеглась в форме огромного снежного языка, и кружит в мягком свете её девственных снегов.

Мне хочется закричать от неопишемого восторга и охватившей сладостной жути, забросить в поднебесную синеву свою потрёпанную шапку и вбирать всеми органами чувств эту не замутненную ничем светоносную весеннюю пору, ощущая нечеловеческую свободу. Но крик вдруг встаёт в горле, и только глаза неторопливо скользят, ни на чём не останавливаясь, примечая, между тем, каждую мелочь.

Я чувствую себя всемогущим и счастливым, так что время отступает куда-то... Остаются только застывшие на южном склоне древние сосны, успевшие стряхнуть со своих раскидистых ветвей снег, не менее пушистые древние ели, не угасшие в суровую зиму, а лишь задремавшие перед радостным весенним пробуждением, и белое ослепительное солнце в вышине, и нежный синеватый отсвет оседающего наста. И было ещё то, чего ни за что не выразить в словах, как бы остро ты ни пережил своё слияние с этой первородной природной силой, тем более, что главного в ней пока не открылось.

Всё утро я ходил по предполагаемому току, и искал на снегу чирки от крыльев, когда глухарь, токуя, в возбуждении их чуть оттопыривает и округляет, следы разбросанного под соснами помёта, неторопливые наброды этих величественных птиц. Старый сосняк, вперемешку с березой и елью, раскинулся у края обширного болота метров на двести, чуть спускаясь по южному склону к реке. Сосны здесь полностью отряхнули с ветвей снег, стараясь к весне выглядеть опрятными, молодыми, а вокруг стволов, на редколесье, уже углублялись и росли вширь синеватые лунки, в которых угадывались весенний уют и теплота. Всё, казалось, было готово к прилёту на ток глухарей.

Снег, наливаясь за день влагой, порядком тяжелел и неожиданно ухал целыми оседающими полянами, вспугивая на миг озабоченных весною лесных птах. Повсюду засорённый мелкой шелухой, старыми иголками и аккуратно надкушенными белкой еловыми веточками, он, между тем, был никем не тронут.

Лыжи громко скребли по его ноздреватой утренней корке, с хрустом обламывая мельчайшие кусочки, и от этого шума становилось неудобно, даже напряжённо. Воображение постоянно рисовало, что ненароком вспугнёшь притаившегося на лесу глухаря, и он унесёт с собой что-то очень важное: то, в чём ты должен обязательно разобраться, вглядываясь во всё происходящее спокойно, без помех.

К полудню, когда снег уже начал порядком вязнуть, я присел отдохнуть. Студёный воздух незаметно лиловел в бору, поднимался к небу, меж сосен меркли еле уловимые голубоватые тени. Парок изо рта, с утра ядреный, теперь на глазах рыхлел, от разгоряченного дыхания становясь размытым. Во всём теле появилась липкая ломота, ноги становились ватными.

Немного раздосадованный от неудачи, я никак не мог успокоиться. Ни малейшего намёка на присутствие здесь когда-либо глухарей не было. Что-то завершающее отсутствовало в моих расчётах, но это было странно. Ведь именно чутьё привело меня сюда, и я повиновался ему, потому как оно было

закономерным плодом поисков последних лет. Однажды открывшееся в душе знание спокойно нашептало мне место в лесу, время и даже число. Это было необъяснимо, и, тем не менее, всё происходило именно так.

Прихлёбывая горячий чай из термоса, я вдруг обернулся. Что заставило меня это сделать, я, пожалуй, то же бы не смог ответить, тем более, что за спиной всё было голо: обширная болотина покоилась под метровой снеговой толщей. Дальний угол обследованного сосняка соединялся с ней узкой березовой пуповиной, где невысокие чахлые деревца ютились совсем рядом, чуть ли не касаясь друг друга серенькими стволами. У края этой неприметной рощицы темнели в снегу глубокие витиеватые борозды...

И сразу всё внутри сначала поджалось, замерло, а затем, наконец, хлынуло из души с торжествующим надрывом: «Неужели?!» Лыжи певуче и неуклонно несли к заветному месту, и сердце гулко толкалось в груди, выстукивая в висках желанное: «ток-ток, ток-ток, ток-ток...»

Искристый снег слепил, но не глядеть было невозможно. Весь наст поблизости был испещрён уверенными ленточками крестиков-следов, каждый величиной с добрый кулак. Следы, я заметил, ни разу не пересекались между собой. Смелые росчерки упругих крыльев вдоль них придавали живым цепочкам следов некую воздушность. Каждая такая цепочка брала начало из продолговатой лунки, образующейся после того, как птица слетела в снег с дерева.

Почти на всех выходах из лунок красовались горки подстывших рогаликов, слагающихся из сухих хвойных жилок, а под тремя соснами, в радиусе двух-трёх метров от каждой, вьелся в снег, по всей видимости, недавний глухариный помёт. Он свидетельствовал о любовной страсти распалившегося на суку лесного петуха, и о нахождении на этом месте глухариного токовища. Радости моей не было предела!

В посёлок я возвращался через заброшенную деревню, которая не казалась на первый взгляд нежилой. Издали, с высокого противоположного берега, она выглядела, скорее, старинной. Серые обветренные срубы изб могли таить за собой только теплый печной уют, чистоту широких половиц и нехитрую, но милую сердцу обстановку. Так хотелось думать.

Ослепительное мартовское солнце весело высвечивало редко разбросанные по склону горы дома, и я не сразу обратил внимание на то, что над их крышами не поднимаются печные дымки, не твякают по дворам обезумевшие от безделья собаки. Беспричинная радость запеклась на губах талым привкусом снега и весны, мыслей не было, но не было и усталости. Главное заключалось в чуть искрящемся ослепительном свете, что ровно поднимался над чистыми полями, неприметно перетекая в растёкшееся над землёй небо.

И ещё сердце моё навсегда было поражено покосившейся избой на краю этой заброшенной деревни, в самой приметной и высокой её точке. Так что уже не забудешь и не разлюбишь её никогда, в какие бы дальние дали ты не

уезжал. Увиденная отсюда, со старой раскисшей дороги, неловко выбегающей к необъятному весеннему простору, в пору ослепительного сияния снегов, эта простая изба почему-то воспринималась как единственное и самое дорогое для тебя место на земле. Место, в котором сосредоточена вся красота родной для твоей души русской стороны.

ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

Весь день ветер не ослабевал, и я уже начал опасаться, как бы он не повлиял на прилёт глухарей. Ветер мощно гудел во тьме лесов, с легкостью сгибая тридцатиметровые ели. Он, то улетал куда-то за реку, приглушённо надрывая себя там, то возвращался к избушке, озлобленный и непреклонный.

Вслушиваясь в его неутомимые порывы, я не замечал, как забываюсь и даже теряю ощущение собственного тела. Тело становилось как будто невесомым, ненужным, оно улетало вместе со всей кружащейся землёй в выстуженное ветром апрельское небо.

Отовсюду неслись какие-то колдовские звуки, и невозможно было понять, что они означают. Ветер творил свою томительную неразбериху, в ней, несомненно, жил какой-то скрытый смысл, и лишь некто, остающийся невидимым, но очень могущественный, в силах был его разгадать.

Изредка во мне просыпалось острое желание открыть суть этой силы, но, слегка коснувшись сознания, она тотчас ускользала. Как будто её, вообще, не было. И на душу ложилось отрешённое умиротворение.

Ветер сокрушал стволы деревьев до позднего вечера, и когда уже на замутнённом небе начали проступать звёзды, он вдруг как-то внезапно захлебнулся и исчез. Я не сразу заметил произошедшую перемену, и ещё долго сидел, глядя на успокаивающееся пламя костра, пока не ощутил подступившую, откуда-то из темноты, лёгкость такой же отрешённой свободы. Будто этот самый ветер выдул из души всё наносное, никчёмное и, слегка коснувшись на прощание лица, несказанно успокоил.

Да, подлинная жизнь была только здесь: среди щемящих душу отголосков самозабвенного ветра, древних щетинистых елей и царства загадочных птиц. Разноликие времена года, незаметно сменяя друг друга, добавляли в неё скрытого обаяния и красоты. Эта, не похожая ни на какую другую, лесная жизнь, из века в век остающаяся сама собой, вселяла веру в любого, кто не противостоял ей и стремился понять.

Но никто из людей так, толком, и не мог объяснить, откуда эта жизнь черпает свою веру, каким богам поклоняется и приносит жертвы. Недостигаемой для понимания представлялась жизнь леса, весь её опыт и веками накапливаемое могущество.

Я не мог запретить себе думать о том, на что не было пока ответа. Не мог запретить, наверное, потому, что не успел потерять способность удивляться. Удивлению же всегда сопутствовало наслаждение.

Всю ночь и весь последующий день находилась во мне эта тишина, наступившая после неуловимого ветра. И даже очутившись в городе, когда стихло в сознании эхо убегающей электрички, несколько померкли запахи и краски проникновенно живущего в себе леса, и растворилось ощущение удивительного полёта при взгляде на плавно парящего над макушками старых елей ястреба, её немые отголоски ещё продолжали копошиться в душе какое-то время. То утихая, то вспыхивая под воздействием случайно увиденных в городской жизни картин, в чём-то даже схожих с лесной жизнью, молчание леса порождало отсутствие какой-либо тревоги: ещё раз проходить в душе эту тишь было сладостно.

Но только на время задерживалась во мне тишина, и вскоре уже опять ощущалась острая потребность в ней, потому что в городе она неминуемо исчезала. К сердцу подступало очередное нетерпение, и воображение рисовало укромные лесные тропинки, где ты непременно должен был столкнуться с их обитателями, и не было сил, способных удержать тебя дома.

Сегодня тишина была со мной. Вечным и мудрым покоем веяло от неё. Дрозды, предчувствуя приближение темноты, дружно взялись высвистывать на чернеющих макушках елей свои жизнеутверждающие песни, а потом неожиданно стихли. Апрельская ночь неохотно, будто вынужденная так поступать, напоминала о себе еле различимыми шелестами, что незаметно прокрадывались в тебя, и от этого на душе становилось непонятно и одиноко.

Но только на миг закрадывалась в сердце отчужденность. Из укромных оврагов, где дотаивал грязный лед, в воздух, тягучей дымкой, поднимался издыхающий зимний дух. Едко ударяя в голову и выжимая невольные слёзы, он отрезвлял, вынуждая быть ко всему окружающему внимательным и неторопливым.

И вот, ночь наступила: туманная, прохладная и большая. И опять всё кругом стихло, но ненадолго. Когда весной не спишь всю ночь, дожидаясь утра, и встречаешь его пробуждение, то понимаешь, что для лесного человека все дни и времена года слиты воедино, и он с ними неразделим. Встречая в лесу раннее утро, ты постигаешь неисчерпаемость времени и то, как скуден сам по себе световой день в сравнении с таящимися сумерками.

Здесь, в лесной избушке, можно было спокойно подумать, и даже попытаться объяснить, почему такая жизнь некоторым людям представляется более настоящей, чем в городе. Не потому ли, что люди не используют свои человеческие возможности максимально, живут недостойно собственного звания, а животные, птицы и деревья достигли в этом смысле необходимой мудрости и красоты?!

Задуманный чрезмерным, но не используемым в достаточной мере интеллектом, неправильным воспитанием, а вернее, отсутствием всяких обязанностей перед самим собой и обществом, человеческий разум уже не может направить себя на путь свободного слияния с природой. Для этого он должен быть ещё достаточно силён. Человек же, как существо довольно ленивое, всегда предпочитает наименьшие усилия, и только тот, кто сохранил

звериную тоску по своему далекому прошлому, знает цену настоящему и верит в прекрасную бесконечность будущего - способен быть поистине неутомимым.

Таким всегда не хватает гармонии, и они уходят в леса, и чувствуют там себя счастливыми, но поскольку это в высшем смысле люди, они не могут жить без людей, и рано или поздно возвращаются в город. Потом наступает момент, когда они вновь испытывают потребность в природе.

Их отвага, знание и любовь разрывают им душу на части. Не однажды познавшие удивительное состояние покоя, допустимое только среди дикой тишины лесов, камней и бегущих по небу облаков, они на всю жизнь становятся их пленниками. Ведь из всех испытаний, ниспосланных на человека судьбой, соединение с природой — чуть ли не самое благословенное.

В эту ночь я позволил себе забыть о глухарях, и крепко уснул. И ничего, кроме того, что я ощущал вокруг себя, не приходило ко мне во сне: только свежесть елового лапника, редкий дым, уносящий и сливающий со звездами мириады оранжевых искр, неизбывные и грустные порывы ветра, неловко путающиеся в самых верхушках, чистота открывшегося ночного неба...

Тело было невесомым, сердце, словно непутёвый щенок, мягко и успокаивающе толкалось в груди, и всё в этот вечер казалось простым и понятным, так что никуда не хотелось идти. Пробуждение должно было принести на птичьих голосах уже рождающийся где-то день.

Птицы пели свои песни всё утро. Легкий ветерок разносил их над лесом, и я не думал о том, что они означают, просто это пение дивно было слушать.

Две трясогузки перепархивали над входом в избушку, посвистывали что-то своё, неистребимое и очень важное. Одна из них, что была смелее, держалась поближе к крыльцу. Смешно и неразлично для глаз перебирая ножками, она стремительно перебегала по вросшим в землю брёвнышкам, ежесекундно тряся длинным хвостиком. Озабоченная весенней суетой кроха!

Булькающее токование тетеревов плыло откуда-то из-за реки. Колдовские звуки разошедшейся птичьей страсти набегали волнами: то становились слышнее, яростнее, то утихали, словно птицы удалялись всё дальше и дальше, охваченные своей любовной игрой. Даже в этот ранний час солнце припекало сквозь штормовку достаточно сильно, с присущим только весне жарким размахом. Я вдруг представил, какое шелковистое и тёплое перо может быть сейчас у тетерева, если погладить его рукой.

Когда тетеревиное бормотание совсем пропадало, так что невозможно было определить, откуда оно идёт, я осторожно припадал ухом к земле, напряжённо вслушиваясь в бегущие над травой звуки. И тогда опять неожиданно выплывало из-за леса грудное, загадочно-глубинное воркование, летело над освещёнными солнцем полянами и утопало в дальнем еловом лесу. Лес в тени казался тёмно-зеленым, почти чёрным. В этой его видимой черноте, должно быть, ещё таились остатки недолгой весенней ночи.

Солнце всё более разгоралось, время переваливало уже за девять, а птицы не прекращали своего самозабвенного бульканья. Но и к тетеревам мне сейчас тоже не хотелось приближаться. Лишь слушать их волнительную песню, вдоволь насыщаясь ею и успокаивая себя мыслью, что когда-нибудь потом, в конце апреля или начальные дни расцветающего мая, ты обязательно подберёшься к жарко чуфыкающему краснобровому косачу шагов на двадцать, и увидишь то, что для большинства людей остается недоступным.

Лёгкий прохладный туман затопит собой всю ложбинку, так что сначала покажутся только отдельные ветви кустарника и мохнатые верхушки молодых сосенок, затем быстро растечётся над землёй молочная кисея, а ты, затаив дыхание и позабыв обо всём, будешь наблюдать за ним, воображая и себя ослепительно красивым тетеревом, охваченным любовью к желанной тетёрке. И появлялась вдруг спокойная уверенность, что всё это ещё обязательно придёт, и жизнь в лесу не минует тебя вниманием, поскольку ты уже давно заложил ему свою душу, а вышло это само собой.

КОСТЁР ЖИЗНИ

Скучно в лесу без костра, и вся прелесть похода теряется, если не ощутил первобытного тепла огня! Сколько помню себя, а хоть раз за день да запалишь небольшой костерок, особенно под вечер, и подвесишь на него закопчённую банку на одну-две чайные кружки. Вода в ней закипает мгновенно в любую погоду, и ты с наслаждением отпиваешь чай маленькими глотками, и с благодарностью посматриваешь, как вздрагивающий огонек уносит в небо невесомые искорки. Холодные звёзды оттого становятся теплее и ближе.

До чего же иной раз прекрасно бывает просто сидеть у лесного костра, молча глядеть на его потрескивающее пламя, и, ни о чем, не думать! Особенно весной, когда оттаивающая земля резко ударяет в нос забытыми за зиму ароматами, а из оврагов потягивает ледяным холодком. Всё в тебе поджигается от охватывающего восторга, и хочется лететь на трубный зов журавлей за рекой, и так же призывно, с тревогой, плакать о чём-то несбыточном в сгущающихся весенних сумерках.

Но костерок трепетно бьётся живым огоньком, изредка постреливает угольками, и те, недалеко отлетев, с легким шипением мгновенно гаснут в зернистом снегу. Костёр как будто держит тебя и не отпускает, и ты зачарованно всматриваешься в его мятущуюся огненную душу, и, как обычно случается в такие минуты, время, кажется, замедляет свой ход, а затем и вовсе останавливается.

Дневная жизнь уже замерла, ночная ещё не начиналась, и только костёр уверенно вздрагивает в сухих сосновых ветвях, бросая слабые блики на давно осевший, грязноватый снег. Приближается его долгожданный сумеречный час, когда он разгорится во всей своей красе, как солнце, садящееся за лесом, и будет гореть жадно, отстаивая перед сгущающейся темнотой одному ему

ведомую волю. Вечер подкрадывается к костру незаметно, но огонь бесстрашно отвоёвывает у него своё пространство, приветствуя снопом взметающихся искр угасающее на западе стеклянно-зелёное небо.

Когда же ты остаёшься в лесу на ночлег, то костер необыкновенным образом озаряет его внутреннюю жизнь, становится видно то, чего ни за что не заметишь днём, а если и обратишь внимание, так только мельком, совсем не как ночью порой. Ночь в лесу долга и темна, и у размеренно потрескивающего огонька хорошо и уютно. А ещё рядом с ним приятно думать о том, что если отойдёшь от костра подальше, в непроглядную темноту, то обязательно увидишь что-нибудь пугающее, и ты никуда не отходишь, и только представляешь с замиранием сердцем, каким оно может тебе явиться.

В лесу, у костра, укрепляется связь с родной землей и пробуждается жажда путешествовать. Когда переживаешь ночь или непогоду, костёр всегда навевает таинственные и сокровенные думы, и ты с удовольствием строишь самые решительные планы на будущее. У лесного костра, как нигде, хочется мечтать...

История костра утопает своими непогасшими очагами в глубокой древности, когда первобытные люди хранили огонь, как зеницу ока. Огонь озарил их жизнь нелёгкими достижениями и потрясающими открытиями, а нас он возвращает к истокам понимания окружающего мира, и мы так же взволнованно переживаем рядом с ним самые важные события своей души.

Ничто, кажется, не может нарушить мерного потрескивания костра в ночной тиши: ни дождь, ни ветер, ни снег. И хотя костёр трепетен, он, в тоже время, неукротим. Даже деревья уважительно склоняются над ним, и что-то вкрадчиво нащёптывают в такт его утробному гудению.

Метнувшиеся от костра тени наполняют темноту сказочными существами, что смотрят на тебя из лесной глубины страшными глазами, и ты тоже начинаешь всматриваться в замерший лес, и вслушиваться в не замечаемые ранее шорохи. Самые неожиданные звуки подстерегают тебя в ночном лесу, если чуть удалиться от костра. Именно в ночном лесу, у огня, происходит причащение человека к истории жизни его далеких предков и родной природы.

Тихо и неторопливо льётся у костра ночная беседа, ярче переживаются воспоминания. Про то, как сам, ещё в детстве, разводил свой первый в жизни костёр, и он не погас. Мало того, костёр разгорелся сильным, ровным пламенем и, не переставая, горел везде, где тебя заставляла темнота и непогода. Костёр всегда оставался твоим спасителем и другом, на которого можно было положиться в самую трудную минуту, и общение это необыкновенно согревало и радовало.

Только у жаркого, размеренного огня в лесу услышишь самые неправдоподобные истории, и навсегда их запомнишь. Хорошо за таким вкрадчивым разговором изредка подбрасывать в костёр тонкие хворостинки, ощущая его пышущий жар, и наблюдать, как их охватывают жадные языки

пламени. Приятно с восхищением следить за снопом ярких искр, что уносятся в чёрное небо: как они смешиваются со звёздами, образуя новые созвездия. Приятно просыпаться в темноте у потухающего костра и, подбросив суши, ощущать прибавляющееся тепло, смотреть, как огонь схватывается в ветках, восторженно шипит и взмывает к небу пляшущие отсветы.

Почему-то, чаще всего, не ожидаешь утра, а всё больше думаешь, что эта ночь и костёр будут нескончаемы. Пока не обозначились на предрассветном небе чёрные вершины деревьев, не померкли звёзды, и лёгкий ветерок затаенно не дохнул в лицо предутренним холодком, ночь ступает неслышными шагами, то и дело затаиваясь и неожиданно ухая. Ей не хочется отпускать от себя человека, и она поддерживает его костёр, обогревая им мимолётные, порой неведомые ей самой думы. Костру понятно это скрытое устремление ночи, и он радуется вместе с человеком её нескончаемости.

Но вот падает первая роса, постепенно покрывая костёр тонкой плёнкой пепла, и он с лёгким шипением незаметно угасает. Угольки неохотно догорают, время от времени вздрагивают и вскоре окончательно потухают. Лёгкая туманная дымка стелется над землёй, а костёр ещё раз вздыхает, сухо выстрелив при этом последним угольком, и замирает. Какое-то время место это будет ещё источать тепло, и необременительно для окружающего леса вскоре иссякнет.

Но даже от малой искры рождается большой огонь, на который дров не напасёшься. А лучшее топливо для костра – ёлка: она горит ровно, медленно и без искр. Худшее же – осина, что сгорает быстро и даёт мало тепла. Неважное топливо и пихта, что издаёт громкий треск и «стреляет» искрами. Такой костёр, словно красный горячий цветок, глядя на который, забывают о его коварстве и вовремя не тушат. Про него обычно говорят, что при нём семь шатров цыган вымерло!

Не случайно строптивного и неуживчивого человека на Руси звали костеря. Костеря, замечали, не улежит на одной постели. Так и костёр: рвётся, мечется, стремится к чему-то, но оно остаётся для него недостижимым. И всё же, костёр неутомим в своём жарком стремлении биться неизвестно с кем, безудержно полыхать, в полной отдаче себя бесследно сгорая.

Не зря слово «костерить» в народе означало ругать, бранить и поносить. Костёр, действительно, бывает часто бранчивый, будто сердится на что-то, а порой и просто ругается, когда не может навязать кому-то свою силу. Он всех, кажется, поносит, на чём свет стоит, и уживается, наверное, только с ветром, что подхватывает его и разносит повсюду на своих неутомимых крыльях.

Костру этого только и надо... Он был бы рад, должно быть, и буре, готовый сравниться с ней в своей отрешённой неутомонности. Недаром примечали: Бог с рожью, а чёрт с костром!

Что и говорить, по характеру костёр бывает чаще буйный, нежели ровный и спокойный, но, случается, и он как будто отдыхает в себе самом, и горит как-то отрешённо, никуда не торопясь. Разведёшь такой костерок на какой-нибудь укромной весенней прогалинке, когда на оттаивающих бугорках уже

тянут к солнцу головки мать-и-мачехи, и жжёшь его в свою радость, тоже никуда не торопясь. Так, полено к полену, хворостинка к хворостинке, слагается постепенно костёр твоего неугасимого чувства преданности лесу и родной природе.

Но костёр не только согревает и кормит, будит воображение и чувства, он ещё и спасает от вездесущих комаров, а уберечься от них можно ... спокойным сидением у огня. За один раз натаскай дров и садись. Больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе их внимание.

Отойдешь на минуту, а за собой обязательно приведёшь полчища надоедливых кровососов. Надо перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут досаждать тебе. Маленькая хитрость, подсмотренная однажды в июньском лесу, пригодилась мне на долгие годы.

А ещё по костру определяют приближающуюся погоду. Дым от костра валит клубом — это означает скорое ненастье. Когда в безветренный день дым льнёт к земле — непременно быть дождю. Если же летом дым поднимается столбом — к ведру, зимой — к морозу.

Огонь никогда не живёт без дыма: говорят, он человека чистит, тогда как жар прокаливает, а пламя посвящает. Где дым, там и огонь, а где огонь, там и зола. Схлынул огонь, потух, но то, что осталось, несёт в себе плодоносную жилу, и если она попадёт в землю — сделает её богаче.

Вообще, огонь - это чудесное явление неуправляемого горения, наивысшая степень жара, проявляющаяся в необычайной сгущенности всей его полыхающей сути. Природа, соединяющая тепло, свет, красоту и силу, способна обнять всё живое. И пламя, и жар вспыхивают всего лишь от одной искры, но искры божественной, что живёт и в людях.

В огне и живость, и горячность, и рвение с быстротой, и запальчивость нрава, как в человеке, что легко вспыхивает, по натуре страстен и кипуч. В этом человеке, говорят, много огня, он - огонь огнём. Огонь в делах, во взоре, и всё же огонь — не человек!

Но бывает и живой огонь — огонь, вытертый из дерева или пойманный на увеличительное стекло от луча солнца. Он скрыто живёт во всём, и его только надо уметь добыть. Но, добыв, нужно суметь сохранить, управляя его неуправляемой стихией.

Огонь обладает такой скрытой силой, что если возьмёт, то всё пропало. Огню верить нельзя, он — беда, как и вода. Огонь — беда, вода — беда, но и то беда, когда ни воды и ни огня! Ведь без огня даже хлеба не высушишь.

С огнём, словом, не шути, с водой не водись, ветру не верь, а дружись только с землей: от земли вышел, земля кормит, в землю и пойдёшь. По народной молве землю не зря именовали матушкой, небо - отцом, ветер - господином, а дождь — кормильцем. Солнце, не иначе, как князь, луна - княгиня, а огонь с водою — царь да царица.

Но и в батраках огонь с водой хороши, да только не дай им Бог своим умом зажить! Тогда с ними не поспоришь, поскольку без ума ходить у огня — значит обжечься, у воды — замочиться, а у сажи — замараться.

Когда с огоньком, когда с водицей живёт человек на белом свете, если себя и людей не забывает, но несправедно нажитое добро огню предаётся. Огонь в дом человека приходит, когда тот у нищего отнимет, и если такое случится, то сам с сумой по свету пойдёт. Тогда из огня, говорят, да в полымя. Огонь не вода — охватит, не всплывёшь; только праведное в огне не горит и в воде не тонет.

Знак огня, снизошедшего с неба, есть свет и тепло, что сопутствует человеку, невидимо находится рядом, и если человек пожелает, то всегда может взять его и владеть. Это родной огонь, предназначенный стеречь человеческую жизнь, чтобы она не затухла. Знак огня - начало начал, суть зарождающейся жизни, и ей без него не быть.

Человек во все времена желал огня, и не мог без него жить. Он добывал его, хранил, восторгался, и в тоже время преклонялся перед ним. В огне было нечто выше тех понятий, которыми человек ежечасно располагал. Огонь и пугал, и манил человека своей вековой тайной, и человек тянулся к нему, усугубляя свою необъяснимую печаль. Печаль от невозможности постигнуть скрытую суть огня, космическую силу этого символа жизни, потому как если под разумом понимать свет, то под жизнью — огонь, а свет, собираясь в пучок, всегда становится огнём, истребляющим, таким образом, самого себя.

Костёр — это маленькое подобие солнца на земле, и человек способен разжечь его сам. Тому, кто связан с природой, не хватает его тепла всегда. И человек разводит огонь и греется рядом с ним, не забывая, что он порождён Вселенной. Костёр для человека - чуткое напоминание того первородного начала, от которого проснулась на земле жизнь, подтверждение её неугасимой силы, радости и красоты.

Хорошо сидеть у такого лесного костра, долго смотреть на его огонь и всё про всех понимать. И не терять себя при этом, а только обретать. Уноситься в глубину времен, и через дыхание потухающих углей возрождаться к новой, бесконечной жизни, что оградит от бед. Сухой жар постепенно проникает в голову, руки и грудь, кровь начинает вскипать в жилах древними воспоминаниями, и наступает прозрение: в тебе вспылал мудрый костёр жизни.

ЛЕСНОЙ БОГ

Если знаешь с лесными обитателями, говорили старые люди в деревнях, значит, знаком и с лесным богом, что живёт в самой глубине чащи. Бог всех своих жителей привечает, в них его суть, и всё-таки он есть нечто необъяснимое, хоть и сильно ощущаемое. Глухарь со своей тайной и древностью очень напоминает его, иногда мне даже кажется, что в глухаре его более, чем в других обитателях леса.

Я давно ищу этого бога, почему-то мучаюсь, и в тоже время радуюсь его присутствию. Кто он и как его воспринимать? Обращаясь к лесу, обращаешься ли ты и к нему? Слышит ли он, наконец, тебя, и как реагирует на твоё

внимание?

Лесной бог — это, наверное, один для всех нас Бог, только приобретший лесное обличье. Или он нечто особенное, именно лесное, доступное лишь тому, кто не мыслит себя без леса, хотя иногда и забывает про него.

Ходя в лесу, замечали всегда в народе, ходишь и под лесным богом... Он там — напоминание человеку, чтобы остановить его в несправедном слове и деле, и помочь обрести истинный путь. Он милостив и любого простит, если тот признает свою вину против зверей или растений, попросит у леса прощения и обратится к нему со всей душой. Лесной бог такого человека непременно порадует: приютит, обогреет и, если тот плутает, ликом к дому повернет.

Только лесной бог знает то, чего никто в лесу, кроме него, не знает, и ещё видит, чувствует и хранит. Хранит проявленное к себе внимание человека, которому не даст подаяния, а доверит всю свою несметную силу, если тот научится видеть и чувствовать лес, неустанно познавать его, изумляться лёгкости овладения знаниями и радоваться. Лесной бог непременно отметит для себя такого человека, если он, изумившись лёгкости овладения знаниями, обретёт постоянную потребность петь песню, переживая счастье воспарения ястребом или воспринимая происходящее неустойчивым волком.

Лес весь преисполнен божьей благодати, пронизан ей насквозь, и как бы ни был он обижен человеком, в нём всегда бьётся восторженное, зелёное сердце, а мудрость его заключается в том, что он терпеливо ждёт в себе прекрасного человека. Он ежечасно, если сам человек того пожелает, предоставляет нам прекрасную возможность взглянуть в себя, через лес, и, наконец-то, начать расти душой.

Недаром самый заповедный лес называли божелесье. Бог в нём всё собою невидимо наполняет. И когда мы входим в такой лес, то непроизвольно поклоняемся в душе лесному богу. Он - наше самое близкое и родное представление о величии и беспредельности жизни. Но, обращаясь к лесу, моля лесного бога о внимании, мы забываем, что он и без того живёт в глубинах нашего сердца.

Что-то порой завораживает человека в лесной чаще, кровь толкается в висках и сердце стучит, а пальцы, живот и всё в груди немеет. Откуда-то за тобой продолжает следить пристальный взгляд, неотступно, так что не вымолвить слова. Ты как будто улетаешь, возносишься неведомой силой к вершинам деревьев и теряешь рассудок. До того могуч этот взор, что противостоять ему невозможно.

Почудится в какой-то миг, что наплывает на тебя из глубины леса бескровное старческое лицо, губ не видно из-за усов и бороды, не вздрагивают веки, но глаза не холодны, по-молодому колки и ровно спрашивают: «Кто ты? Зачем ты здесь?» Можно утонуть в их глубинном тумане, в этом густом настое дикой белены, и в тоже время ничего нельзя противопоставить их удивительной ясности и чистоте. Развернутые зрачки вмещают и поляну, и облака над ней, и раскидистые сосны, и тебя самого. Глаза неведомого старика

как будто стерегут всё живое, но делают это ненавязчиво, с достоинством.

Сбросить их колдовство невозможно, и лучше подчиниться и робко впитывать происходящее. И тут в мгновение обнесёт каким-то жутким дуновением, на долю секунды совершенно обессилит, и уж после этого сам на себя пеняй: если спасовал, страху поддался - оставит тебя еле угадываемая сила в оскорбительном неведении; выдержишь, не сломаешься - чуточку приподнимет. Тогда взирай во все глаза, впитывай сердцем и не говори, что не желал тайны. Счастлив твой лесной бог, если только ты силён, радостен и весел.

Правда, чаще ничего не видишь в дремучем переплетении ветвей, а лишь угадываешь неясные передвижения, вскрикивания, вздохи... Охнет нечто неуловимое за спиной, и тотчас растворится в воздухе: станет он ещё прозрачнее, тоньше. Или всё лесное пространство вдруг застынет в безжизненной немоте, будто ожидая к себе достойного отношения, не отпускает... Лучше не поддаваться необъяснимому в лесу, идти заранее избранной дорогой, и если жив лесной бог, значит, и твоя душа будет жива. Ведь где, говорят, жить, там и Богу молиться, а уж он обязательно человека услышит.

Но человек одно что гадает: звериное или людское у лесного бога обличье?! А может быть, нечто чудное, в полном смысле несусветное, что даже невозможно себе вообразить? Оборотень с окаянными глазами, медведь-супостат или неприкаянный ветер, что неугомонен и жаден до всего, но ничего после себя не оставляет, забирая с собой? Обмирает душа от самых немыслимых предположений, заходится в смятении разгоряченное сознание. Лесной бог на всех угодить не может, а воображение человека в отношении его многолико.

Вот он представляется громовой тучей, что крадётсЯ по земле зловещей тенью, и время от времени замирает, извергая огненные стрелы. А то смотрится в душу древним мудрецом со светлым образом, зовёт за собой и ничего не обещает, приводя тебя, в конце концов, к самому себе. Сдержанное, еле приметное дыхание вековой чащи тоже, кажется, его излюбленная ипостась, что неожиданно порождает страшный сон и дремучую темноту. Будто не богэто вовсе, а призрак его блуждает, и будет блуждать бессмысленно и бесконечно, до скончания веков.

Иногда лесной бог воплощается в крутящиеся вихри, так он будто бы «показывается», и не к добру это появление... Вздываются, бегут по лесным дорожкам безудержные вихри, а то схватываются друг с дружкой, пугая птиц и зверей. И вот, из самой их середины поднимается лесной господин: сивый, как вихрь, высокий, сухой старик с пыльной бородой и развевающейся во все стороны копною волос.

Покажется так только на миг, отчего-то погрозит старческою костлявою рукой, и скроется. Беда тому путнику, что, не благословясь, выйдет из дому, да в полдень попадёт туда, где крутится пыльная толчея вихрей! Седое народное слово гласило, что человек этот обязательно пропадёт.

Облик лесного бога был довольно не определённым, и видоизменялся по воле тех или иных верований людей. Чаще представлялось, что окружённый своим лесным народом — русалками, лешими и прочей лесной нежитью, служащей у него на побегушках, он живёт в глухой трущобе, где у него стоит дворец-хата на курьих ножках, а вокруг виснет по зелёным мшистым ветвям всё его таёжное племя. Во все стороны леса рассылает лесной бог подвластных ему лесовиков, чтобы те оберегали его пределы от человека, когда тот вторгается в боговы владения с топором и с ружьём. Наставляет сбивать нерадивого путника с верной тропы, вынуждая его плутать в трёх соснах, заводя на такие заколдованные тропинки, по которым сколько не иди, всё к одному и тому же глухому месту и выйдешь.

Оттого-то и стараются люди жить с лесным богом в добром согласии, и тогда он не только не враждует с человеком, но и оказывает ему всякое покровительство, награждая в лесу своим местом и пищей. Охотникам оставляет на жертву в чаще первую добычу, а лесорубам строго-настрого наказывает не зачинать дела без слов «Чур меня!», бабам же или девкам, гробовщикам да ягодницам повелевает задаривать «доброго дедушку» куском хлеба и щепотью соли, а то каким-нибудь украшением, до которых большой охотник. Но перед началом зимы, поздней осенью, лучше, вообще, не соваться в лес: хозяин его, перед тем, как залечь на зимний подневольный покой, никому не даёт пощады. Тогда от него не отчуждаешься, и даже хлебом-солью не отделаешься.

Чудо-юдо, маханная губа... Нелюдская сила! Да сколько бы воплощений лесной бог не переживал - всё богово дорого, а что дешёво, то бесово. Но даже в облике лешего он может и помирить, и сохранить, и избавить от неприятностей. Лишь один лесной бог без греха.

Священно и таинственно существование лесного бога. Оно исполнено множества загадочных перевоплощений, что помогают хоть одним глазком заглянуть в великую книгу природы, наглухо закрытую для тех, кто не пытается припасть душой к груди леса. И вековая печаль, и тихий свет радостей, и грозные вспышки стародавних обид, и невысказанные мысли — всё это чудится в дыхании лесного бога. Он пробегает ветром по вершинам старых богатырей-сосен, обступает зашедшего в лес человека могучей крепью, перекликается с ним совой и филином, перебегает ему дорогу бесоватым зайцем и хитрой лисой, еле уловимым прикосновением ветра навеивает на душу светлые думы о том, что человек вступает в лес, зовущийся таинственным садом божьим.

И ещё, не в пример морю, горам или реке, лесной бог говорит человеку намного откровеннее и понятнее, как всё кровное, родное. Слишком долго, наверное, русский человек хоронился в родных лесных местах со всей своей верой в их бога, ревностно оберегая её. И оттого лесной бог иногда снисходит до него, овеивая его душу благодатным, неизречённым покоем... А особо просветленного и радостного препровождает в свою «святая святых».

Недаром в самом сокровенном уголке души человек всегда испытывает

благоговейное смущение при входе в лес, при соприкосновении с лесным богом, и такой заповедный лес он называет своим храмом. Раньше в его священных уголках совершались жертвоприношения воплощённому в природе Богу. Под страхом смертного греха, что никогда и ничем не замолить, человеку запрещалось там охотиться за зверем и птицей, не позволялось рубить ни одного дерева. Под вековой сенью божественных деревьев благословлялись жрецами брачные союзы, а в особо отведенных местах устраивались кладбища, где находили себе вечный покой те, кто завершал свой томительный жизненный путь.

Вступить в храм лесного бога не подготовленному к встрече с ним человеку непросто. Бог всегда ставит на пути страждущего по семь неодолимых преград, и борьба эта затянулась на целые века. Люди, в большинстве своем, доходят до невидимой границы, какую уготовливал им лесной бог, но вот перейти ее доводится немногим...

А приходишь к лесному богу, чтобы подышать его древней силищей и, может быть, угадать в ней что-то своё из далекого прошлого, что для тебя кажется всегда близким и родным. Сам находишь тропу в его зелёный терем, переживаешь непроглядную темь и самоцветные зори, пока доберёшься до места. Подступы к нему стережёт седовласый старинный бор, в чьих мохнатых вершинах затерялись вещие думы, и радость, и боль.

Вороны старухами-староверками перелетают там от дерева к дереву, но не вскрикивают, как обычно, а многозначительно молчат, что-то скрывают. Во всём окружающем пространстве угадывается властный дух, но в тоже время он не тяготит. Хочется идти, впитывать всё и радоваться вызванным из земли шёпотам, дыхание же леса обдаёт живым покоем. Его зелёные волны неслышно клубятся под сводами леса и рождают в душе смутный, чарующий звон. Невозможно при этом не отпустить лесному богу поклон, а повсюду мерещатся сказки, сон и великая благодать. Судьба ли тебе войти в долгожданный лесной терем?!

Вот когда захочется прочесть лесному богу свою самую сокровенную молитву и поблагодарить его за всё, отчего жизнь сразу воспротивится затаенному страху и станет крепче. Ты вдруг ощущаешь рождающееся в тебе знание, сливаешься с ним и летишь. Но лучше, всё же, приземлиться и посмотреть, как возвращается с ночной охоты барсук, входит в свою сокровенную нору и что-то там делает, таинственное и простое, очень необходимое ему... Как до конца завладеть расположением дремучей чащи, что тоже не прекращает своего наблюдения за тобой?!

Так, неожиданно вострепнувшись сердцем, ты воспылаешь неудержимой мечтой и спокойно отойдёшь от всего того, что ещё вчера непонятно будоражило и мешало. Ведь цветы в душе появляются всегда заслуженно, и нужно много времени и сил, чтобы разбудить в себе весну, желание и способность быть неутомимым, и ещё умение не разочаровываться в том, что избрал сразу, ни с кем не посоветовавшись и не обсудив. Взял и решил по-своему, а получилось так, будто все именно этого от тебя и ждали.

Слава тому, кто не только преодолевает в себе страх, но и учится ничего не бояться! А лесной бог еле ощутимо поддерживает тебя и терпеливо ждёт, когда ты обратишь к нему своё доброе внимание.

И всё же, о лесном боге легче думать как о глухаре... Что он такой же красивый, большой и древний, щедро освещенный солнцем поутру, когда восседает на вершине ели, настоящий лесной царь! Пышут жаром красные брови, будто заря над лесом поднимается, гордо зеленеет перламутром выгнутая грудь, а ещё у него огромный хвостище, весь в опаловых пятнах, крутой, что тёмный небосвод. Не пристало лесному богу выглядеть обыденно или жутко, и он поражает своей исполненной гордого достоинства мудростью и тайной: кто бы ты ни был - смекай лесную правду, как можешь, но меня уважь!

Вот что-то величественно напружинилось в самой гуще ветвей, вздрогнуло и сорвалось. От грохота взлёта стоишь неподвижно, силишься постичь и в первое мгновение ничего не понимаешь. Глухарь! Как тысячи лет назад, пугает он всё живое, и это живое подбирается от страха, а потом сразу отходит. Но воображение тянется за ним, улетает в таёжную даль и теряется там. Не совладать ему с древним исполином лесов, не угнаться.

Если вообразить глухаря древним лесным богом, то и вовсе растеряешься от охватившего наваждения: вот бы и тебе так, ничего не страшась, только блюдя свою сокровенную тайну, рвануться в тёмную чащу и не затеряться. Чувствуя монолитное тело и крылья, касаться ими еловых лап, недовольно скрипеть горлом прямо на лету. Божественная птица, птица-кремень, ей все чудеса доступны, а красота глухаря - в вековой лесной правде. Силища!

Лес может казаться мёртвым без него, но с ним — никогда! Глухарь — его самое проникновенное и родное божество, и оно никогда не умрёт. Как бы к этому ни стремились люди, он всегда останется жив, ибо призван природой хранить чудеса и правду, что не бояться смерти. Увидев его хоть однажды в предутреннем азарте песни, тебе откроется путь в глубины времён, и ты поймёшь нечто на всю жизнь. Поймешь то, что не выразить никакими словами, главное — почувствовать это в своём сердце.

Всё в лесу живое, всё о чем-то думает, а главное — как бы лесному богу угодить, да себя просто так не продать. Думают деревья, камни и небо, про что лесному богу загадать, чтобы исполнилось всё в лучшем виде, но никто б другой про это не прознал. Каждый лесной житель норovit свою думку утешить, и лесному богу услужить: он за то без внимания не оставит. Непременно!

Молчит лес, неслышно качает верхушки чёрных елей, не доносится оттуда ни звука. Низкое солнце уже скрылось в облаках, потемнело всё вокруг, затуманившись какой-то неясной грустью. Кажется, никого в лесу нет, пусто вокруг.

Но неустанно живёт в лесной чаще её бог, только притаился и ждёт: как кто-то разочаруется в нём, он тотчас слетит со своих могучих вершин

красавцем-глухарем, присядет рядом и ненароком вдохнёт в него лесную отвагу и правду.

Для выражения этого знания у глухаря есть своя песня, которую он поёт только однажды — весной. Всё остальное время он копит её в себе.

Целый год он живёт обыкновенной незаметной жизнью, а весной тихо и радостно преображается. Для того, чтобы понять эту большую птицу, нужно услышать в её песне маленькие слова-ключики, что бессмысленно заменять какими бы то ни было отмычками.

В кратко выраженных и время от времени повторяющихся волшебных звуках глухарь поёт о тщете окружающей жизни и её великолепии. В них заключена незамысловатая прелесть его лесного существования. Скрытое от людских глаз и понимания, оно, наверное, кому-то представляется скучным и невыразительным, а его песня — бесполезной попыткой выбраться из него.

Втайне я мечтаю, в конце концов, отыскать единственно верное предназначение этого лесного существования, что, несомненно, сможет наполнить значимостью все затрачиваемые усилия, они - замечательны, потому как отражают мои мучительные поиски. Правда, временами в меня закрадывается червь сомнения во всём, что касается и жизни, и загадочных птиц, и тогда я ищу спасительное равновесие в самом себе, не всегда находя его.

Но как только царь таинственного глухолесья просыпается в предраусветной мгле, и начинает своё неподражаемо обрывистое скирканье, я тотчас забываю обо всём. Душа с сознанием смешиваются во мне, и становится невозможным спокойно выдержать напряжение от глубинной полноты этой природной речи. Всё больше разгораясь, она потом преследует меня целый день, и не даёт возможности успокоиться.

Под самое утро глухарь слетает с ветви, будто это накопившееся в лесной глуши давнее время срывается ненароком, охает лохматыми сильными крыльями и вскоре бесследно исчезает до самой осени. В такие дни кажется, что лесной бог умер, и никакие силы уже не в состоянии возродить его, а я должен жить без него. Глухарь же, наверное, просто дремлет в каком-нибудь глубоком тенистом овражке, потихоньку готовит себя к линьке, и думает - бог знает о чём!

ПРЕДВКУШЕНИЕ ТАЙНЫ

Ночью я никак не мог заснуть. Шипела на столе догоравшая свеча, в глубине леса, со сна, ухнула какая-то птица. Повернувшись на бок и вглядываясь в темноту, я пристально вслушивался, и мне казалось, будто за стеной кто-то ходит. Что-то до жути знакомое и неясное витало там, над опушкой, и его хотелось понять до конца.

Тихо приподнявшись, я толкнул дверь. Она подалась легко, растворившись почти настежь. Заклинившись о перекошенное временем крыльцо, дверь издала тягучий сухой скрип, но не вспугнула им тишину.

Птица ещё раз беспокойно и сладко вскрикнула, тотчас всё о себе поведав. Не хотелось даже идти и смотреть на неё, полусонную, нахохлившуюся, потому что сознание чётко рисовало себе незамысловатые всплески её диких лесных наваждений.

Было часа три, а может быть, половина четвёртого, время, когда в весеннем лесу зарождаются первые проблески утра. Меж еловых мягких ветвей зависали редкие туманные сединки, с недосыгаемых высот умиротворенно взирало на землю потухающее звёздное небо. Оно уже подёрнулось лёгкой пеленой, и потому, как будто, отступило: остуженное, довольное собой, что всё так хорошо устроило.

Дымка сумеречного света кралась над заброшенной деляной, но очертания казались ещё расплывчатыми. Не было слышно ни шороха, ни звука. Утро словно подбиралось во снах к лесным обитателям, готовое нахлынуть и захватить всеми своими запахами, красками, песнями. В этой остановившейся тишине я ожидал услышать только один, ни с чем несравнимый, чеканящий древним правдивым знанием звук, а потом и песню птицы — через века хранимый ею путь поисков этой правды.

Но глухари молчали. Не прилетев вчера, они, по-видимому, и сегодня отсутствовали на току. Не в силах сосредоточиться, я пристально вслушивался туда, откуда, по моему разумению, должно было начаться долгожданное тканье.

Ни разу не слышимое в лесу, оно почему-то ясно представлялось, и казалось, что среди тысячи звуковых оттенков я его различу непременно, а затем, по всем правилам перебегая и затаиваясь под неподражаемую песню, увижу и самого глухаря. Я ещё никогда не бывал на току, это — моё первое знакомство с древней птицей, и я представляю, как всё будет...

Вот только прорезавшийся на востоке свет медленно наливается розоватым гляncем. В ожидании первобытного неведомого зова всё вокруг точно навсегда замирает. От непонятного волнения гулко толкается в груди сердце и, кажется, не хватает воздуха. А мошник, закинув голову и закатив глаза, глухой ко всему, кроме своей всё более расходящейся страсти, возбужденно переминается на толстой сосновой ветке: перья надуты, хвост распушен, мощные крылья вытянуты назад.

В этот священнодейственный момент птица лишается обычной остроты зрения и чуткости, и в неё надлежит стрелять. Опять же хладнокровно выцелив мушкой под крыло, а лучше в шею, и непременно под неподражаемую песню. Если, конечно, сможешь преодолеть в себе путанный момент восхищения с сожалением, если не дрогнет в последний миг рука и птица не сорвётся стремительно с ветви в разгорающуюся за лесом зарю, опавнув тебя горьковато-теплым духом дикой прошлогодней ягоды и смолистой хвои.

Я бы, наверное, преодолел это в себе, чтобы единственный раз увидеть всё самому, прочувствовать и понять до конца. Но глухари не прилетели. Я был уверен: никто не знает, что я здесь, и никто из людей сюда не придёт, а

глухари, может быть, узнали. Им нашептала об этом лесная тишина. Дала некий тайный знак, что вблизи их заповедного обиталища появился человек.

Птицы куда-то перенесли центр тока, но я тогда почему-то не подумал об этом достаточно серьёзно. В то утро казалось, что мне его увидеть просто не суждено. До того место предполагаемого токовища было пустынно, даже мёртво. Как будто птицы отказали ему в своем внимании, и оно уже не надеялось на их прилёт.

Берёзы у самого болота стояли опущенные, свет их приглушенно отражался в стоячей воде между кочками. И только сосны на южном крутолобом склоне упорно тянули корявые ветви к небу, слегка пружинили ими на ветерке, роняя на землю мягкие тонкие иглы. Вперемешку со старым глухариным помётом и выбивающимися кое-где травами, они копили в этом неведомом для людей уголке сладкий лесной дух.

И все-таки вечером того же дня я опять сгорал от волнения на подслухе в робкой надежде на то, что вот, может быть, сегодня глухариное чудо коснётся меня краешком своего атласного крыла. И опять глухари не появились, и короткая весенняя ночь высыпала на небе возбужденно посверкивающие звезды, и лесная тишина вновь укрыла всех своим шелковистым безмолвием, а восторженные птицы с сожалением смолкли до утра.

Кто-то неведомый крался за стеной избышки, хрустел прошлогодними сучьями и ненадолго замирал. В глубине леса надрывно вскрикивала ночная птица, и не дающая покоя тайна по-прежнему волновала разгулявшееся воображение.

В ранний сумеречный час я сидел, не зажигая свечи, и почти был уверен, что глухари не запоют. Что-то не укладывалось в моих размышлениях о таинственной птице, и путь поиска глухариного токовища, что поначалу представлялся верным, оказывается, упускал в своем построении самое важное: то, без чего невозможно было насладиться чудодейственным зрелищем, представляя себя краснобровым петухом, что самозабвенно провозглашает долгожданную весну... И всё же, вопреки этому, я чувствовал себя счастливым.

Беззвучие в ночи вынуждало прислушиваться к движениям внутри себя. Мягкая пернатая тень, что оставила после себя сова, пересекая освещенную луной поляну, навевала неизъяснимую прелесть происходящему вокруг. Проколовшаяся на западе Венера промытым белым зёрнышком неудержимо убегала к грядущему матовому востоку. Всё, что завершало весенний день, укладывало жизнь по глухим буеракам и ельникам, предвосхищая неприкаянную ночную жизнь, и составляло счастье от предвкушения тайны.

ЧЕРНИКА

Нелегко собирать чернику... И вовсе не из-за того, что она мелкая, да по кусту раскидана, а просто растёт эта ароматная ягода на болотах, где полно гнуса и комаров. Пока за день за ней наклоняешься, надоедливые насекомые

всё лицо и руки в кровь изъедят! Но, не вкусив горького, как известно, не узнаешь и сладкого.

День уж за полдень перевалил, а ты все спину гнёшь, не сдаёшься: лукошко непременно полное надо домой принести. Иначе, какой ты ягодник? Полная корзина - зарок твоего лесного умения и знания, что не каждому даётся.

Черника — ягода нежная, на вкус необычная, но пока её собираешь, не посмеешь и разу испробовать, вся, одна к одной, в лукошко ложится. Не то, что малина: этой ягоды лишнюю горсть в рот отправить не жалко, она и растёт гроздьями, и гораздо крупнее!

Созревает черника под звенящие комариные песни в самой середине июля. Коли черника поспевает, замечали в народе, то поспевает и рожь. Но даже если ягода переспевает, и её не соберут люди, она достанется зверям и птицам, что целыми выводками, до самой осени, кормятся ею.

Особенно любят чернику глухари и рябчики. Весь июльский день прячутся они в уютной прохладе густого елового полога, а вспугнутые тобой на моховых кочках, не перелетают далеко, и усаживаются где-нибудь неподалеку, продолжая свою неторопливую трапезу. Птицам, наверное, нравится жить такой привольной жизнью и никуда не торопиться. Черника уж больно вкусна, да к тому же её так много!

Для человека работа по сбору этой ягоды черна, зато денежка за нее бела. Но сама ягода черна не как сажа, ночь или ворон, она черна по-особенному — мягко, с еле уловимым тёмно-синим налётом, что только чуть угадывается в ягоде, и придаёт ей приятную таинственность. Ни голубика, ни жимолость такого ощущения не вызывают.

Обычно черника растёт среди хвойных деревьев. Маленький ягодный кустарник хранит для дерева влагу, а деревья своей тенью оберегают чернику от палящего солнца.

У черничника низкие ребристые стебли со светло-зелёными листьями. По их краям видны маленькие зубчики. Листочки у черники расположены в основном на верхушках веточек.

Растёт черника долго, чуть ли не сто лет, а сам черничник всё время обновляется: постоянно появляются новые, молодые кусты. Ягоды сочные, терпкие и какие-то удивительно нежные. Ешь и не можешь насытиться этой сладостной мякотью, что кружит голову ароматами лета. Как хорошо в середине июля под покровом гостеприимного хвойного бора!

Название своё черника получила за то, что чёрная, но на самом деле она тёмно-синяя, скорее даже - фиолетовая. Срываешь с кустика одну ягоду за другой, и нет-нет, да какую-нибудь раздавишь. Густовато-терпкий фиолетовый сок вмиг окрасит пальцы, ладони и запястья.

Чем скорее солнце клонится к западу, тем тяжелее усталость, а значит - больше раздавленных ягод. Комары же, не переставая, зудят вокруг, лезут в глаза, рот и уши... Нет с ними никакого сладу!

И вот, намаявшись за день, ты уже отбиваешься от надоедливых

насекомых обеими руками. Размазываешь по лбу, щекам, шее, а они всё лезут и лезут несметным полчищем. Самая пора выбираться из леса.

С лёгким сердцем, словно заново родившись, выходишь на знакомую тропу, и ноги сами несут тебя до станции. Ягоды матово-синим, драгоценным лакомством покоятся в твоём стареньком лукошке, и ты нет-нет, да взглядываешь на них: теперь и домой вернуться не стыдно!

Но что это? Все люди, что встречаются тебе по дороге домой, почему-то улыбаются, а некоторые даже смеются, только что пальцем не показывают. Остановившись, недоуменно осматриваешь себя: вроде бы, всё в порядке. Нет, по-видимому, ты сегодня изрядно переутомился: скорей домой, под душ, а затем похвастаться перед близкими и знакомыми своей нелегкой добычей!

И только дома, перед зеркалом, ты понимаешь, что послужило поводом для веселья прохожих: всё лицо твоё испещрено темно-фиолетовыми полосами и пятнами. Спасибо комарикам, с лёгкой укоризной досадуешь ты. И всё же, невольно улыбаешься: как это хорошо вставать рано поутру, идти по дороге, ударяющей в нос ароматом пробуждающихся трав и деревьев, и желать неизвестно чего: то ли того, что уже с тобой происходит, то ли полной корзины ягод. Ягод, которыми хочется не самому наслаждаться, а угостить какого-нибудь хорошего человека, и рассказать о том, как собирал их, позабыв обо всём, и был счастлив от единения с лесом.

Вот такая она, ягода черника: и щёки, и лоб, и нос совершенно чёрные, а ты её так и не попробовал! И если говорят, что не всё чёрное чернит, так это никак не относится к чернике. Про эту ягоду с улыбкой вспоминаешь даже зимой, когда морозным январским вечером пьёшь чай с черничным вареньем, и думаешь о лете.

АВГУСТОВСКИЙ ЛЕС

Солнце в августе греет ещё по-летнему, особенно в начале месяца, и хоть заметно короче стали деньки, а оно, кажется, не убавляет жару. Если в июле в глубине леса оставались таинственные прохладные уголки, то в августе солнце уже проникает всюду. Тёмно-зеленая листва деревьев и кустарников незаметно потяжелела, и в ней появились желтые пряди.

Краски уходящего лета не такие яркие, как в его начале: они просты и скромны, но в этой простоте — готовность встретить скорую золотую пору, когда листва деревьев вспыхнет ярким пламенем увядания, всех ласково озарит и успокоится до весны. А в лесу всё наливается, поспевает, потому что выпило за два летних месяца силу солнца, и оно, утомившись, уже с ленцой поднимается над горизонтом. Правда, этого не замечаешь, ибо больше смотришь под ноги, и если говорят, что лес видит, а поле слышит, то в августе он необыкновенно проницателен и мудр.

Мудрость леса проистекает откуда-то изнутри, копится всё лето, а в последний месяц выступает наружу. И лес будто преображается, превращаясь из долго скрываемой тайны - в щедрую радость: начинается дорогая для всех

собериха и припасиха.

Лес открыт солнцу, и оно сразу замедлило своё шествие по небу, словно, спохватившись. Солнце почувствовало, что за лето потрудилось на славу, и уже не выглядит озабоченным. Ему хочется понежиться перед скорой осенью, подставить свои бока прохладному августовскому ветерку, а лес в это время с радостью спешит отдать дары.

Уже не так оживлённо на лесных тропинках и полянах, и, вроде бы, совсем умолкли птицы в самой укромной глубине: не до песен — подступает время осенних перелётов. И все же, солнце — повсюду! Им пахнет лес, воздух и жёлтая дорога, что утопает в окружающей ее зелени, и, кажется, не будет конца этой пышущей спелым жаром жизни.

Перелом лета виден только ночами, а днём, когда солнце светит, как в июле, лес становится размытым и довольным. Правда, с утра, ещё окончательно не проснувшись, он достаточно собран и могуч, и, быть может, именно из-за этой его суровой возмужалости поубавилось безудержное солнечное сияние. Вот когда хорошо заглянуть к забытым за лето солонцам, в надежде увидеть целое лосиное семейство, и заодно принести зверям соли!

Поводов для того, чтобы отправиться в августовский лес, искать не надо, их в достатке: и грибы, и ягоды, и травы, но я, всё же, расстарался и нашел совсем необычный. Выбрав у егеря несколько кусков окаменевшей соли и уложив их в рюкзак, я отправился рано поутру в гости к лосям, на Чёрную речку, где располагался ближайший от деревни солонец.

Прямо у реки, в потаённой болотистой низинке, была повалена старая осина, а в ней выдолблены глубокие корытца, куда и следовало уложить соль. Подкармливать лосей можно хоть целый год, соль им требуется всегда, а мне хотелось увидеть зверей именно сейчас, когда охота еще не открыта, в лесу тихо и лоси ничем не напуганы.

Хорошо идти августовской дорожкой, утопая в опьяняющем тумане, и слушать, как повизгивают от радости дрозды, тяжело перелетая с дерева на дерево. Туман быстро поднимается, тает, и перед тобой, как в театре, будто открывается занавес. А солнце, подобно огромной люстре, ослепляет тысячами сверкающих подвесок, и воздух трепещет от лучащегося света.

Август... Блаженная пора... Всюду пышут ароматом цветущие травы, хвоя, земля. Воздух на солнце скоро становится горяч, а в тенистом полумраке елей всё ещё прохладен, и даже лямки тяжелого рюкзака, что немилосердно впиваются в плечи, не утомляют. Наоборот, хочется лететь к лосям, солнцу, уходящему лету, и никогда с ними не расставаться.

После трёхмесячного перерыва я не узнавал знакомые места, так неожиданно было видеть деревья в пышном летнем наряде. Ведь мне приходилось бывать здесь только зимой, осенью или весной, летом же я приезжал впервые. Очертания старых просек, опушек и укромных лесных троп растворялись в густой, набрякшей от недавних дождей зелени. Накатанная дорога — свободная, лёгкая, не утомленная обременительными осенними дождями и весенней распутицей, бурой лентой уверенно убегала от

деревни к югу. Всё здесь говорило о другой, незнакомой жизни, и привыкать к ней было очень приятно.

Три кряквы, неожиданно поднявшиеся с небольшой мочажины, вывели меня из сладостного оцепенения. Из-под невысокого берега выпорхнул и взмыл в небо буровато-белый кулик. Юркие трясогузки, то и дело, помахивая тонкими хвостиками, оставались сидеть на затопленных брёвнышках, и будто ничего не замечали. Этих пичуг испугать не так-то просто, если только подойти совсем вплотную, нарочно пошумев или сделав резкое движение.

Потревоженные утки с шумом унеслись за ближайший лесок, куличок пропал где-то в необозримой августовской голубизне, а я, проводив их взглядом, вдруг почувствовал, как близки сердцу все эти ощущения, на время отошедшие, но возвратившиеся первозданной, ни с чем несравнимой радостью, какую дарил мне августовский лес.

В конце лета наступает такой день, когда всё в человеке пресыщается спелым лесом с подосиновиками и малиной, сочными заливными лугами, рекой, полной окуней и белых кувшинок, пахучими туманами, словом, стремиться, вроде бы, уже некуда, слушать и собирать нечего, а сердце твоё, между тем, переполнено каким-то неизъяснимым желанием. И вот тогда тебе захочется посмотреть, как стоит во влажной густой листве, где-нибудь в глубине леса, у ручья, зверь, пусть даже сеголеток-лосёнок, и ты отправишься к нему, чего бы тебе это ни стоило.

Идти, конечно, нужно не с пустыми руками, и я не зря захватил с собой пуд соли, потому что знаю: лоси её любят. Вернее, она нужна им как воздух, ибо поддерживает в них то, без чего они не могут обойтись. Лоси, вообще, очень симпатичные звери, и летом я их никогда не видел.

В августовском лесу лосям, наверное, живётся неплохо. Осинová кора в эту пору в самом соку, если захочется, можно пожевать сосновые мочки, что еще не успели огрубеть, или нежную молодую поросль. К августу поспевают и черемуха, лось её сдирает целыми ветками, сладко причмокивая мягкими губами, а то отправляется на вырубку пощипать иван-чая. Здесь, на открытом месте, образуется больше сахара, чем в тени, и иван-чай у сохатого вроде мармелада.

В общем, лось летом - настоящий гурман, но без соли всё равно обойтись не может. Даже у человека без соли хлеб не естся, и старая кобыла до соли лакома, а уж лось и подавно! Чтобы человека, говорят, узнать, надо с ним пуд соли съесть, а чтобы лося увидеть - надо ему пуд соли принести, да ещё не один. И вот, я спешу на солонец, желая быстрее избавиться от нелегкого груза, втайне надеясь подглядеть там лосей.

Соль влажноватой тяжестью охватывает спину, отрывисто ёкает в такт шагам, мерно переваливается в рюкзаке. До чего же приятно сознавать, что груз этот предназначен лесным обитателям, и что я принимаю своё маленькое участие в их пропитании! Какое-то тихое чувство удовлетворения наполняет душу, и его не сравнить даже с помощью человеку.

Августовский лес был благосклонен ко мне, и перед небольшим

деревянным мостком через реку Омутную, в ста метрах вверх по течению, где располагался один из ближайших солонцов, я сначала услышал в прибрежном кустарнике треск веток, а затем разглядел настороженно застывшую голову лося с изредка вздрагивающими от напряженного внимания ушами. Вскоре показалась шея, и передняя часть светло-коричневого туловища зверя.

Издали лося легко было принять за вывернутые корни старого дерева или за обожжённый молнией пенёк. Лось, пристально вглядываясь в моё направление, стоял ещё с минуту, затем с некоторым разочарованием всхрапнул, слегка присев, резко развернулся и, подняв столб чистых брызг, исчез в густых зарослях за рекой.

Какое-то время оттуда доносились глухой топот, чавканье почвы под его копытами и сочный хруст ветвей. Лось быстро удалялся, и уже через несколько секунд его совсем не стало слышно. Я ещё подождал с минуту, вслушиваясь в наступившую опять утреннюю тишину, и, не уловив никаких звуков, потихоньку направился к солонцу.

Земля вокруг него была вся избита. Влажный сумрак скрывал от посторонних глаз три поваленные у самого берега осины, в их гладких, облизанных дождями стволах виднелись выдолбленные топором продолговатые корытца. Всё здесь отдавало сыростью, сильно пахло зверем, и отчего-то хотелось поскорее выбраться на солнце.

Высыпав соль, я зачем-то раздвинул руками ветви кустов и прямо перед собой, только на другом берегу реки, увидел лосёнка... Уж не знаю, почему он не потянулся за матерью, когда та уходила за реку (а это, по-видимому, была всё-таки лосиха), но он, не двигаясь, стоял у самого края тропки, ведущей к осиновым колодам, и бесстрашно смотрел на меня.

Обычно лосёнок рождается рыжим-прерыжим... Ноги, похожие на неуклюжие ходули, у него ещё не одеты в белые чулки, как у родителей. Первую неделю малыш коротает под кустом, а потом шагает за мамашей, и она обучает его объедать листья осинки и берёзы. Своего голенастого ребёнка лосиха целых четыре месяца кормит вкусным молоком, оно в несколько раз жирнее коровьего, и оттого лосёнок долго ходит за матерью, как привязанный.

Вот такой лопухий малыш повстречался со мной, и сразу замер, подёргивая то одним, то другим ухом. Уши у него, действительно, были несуразно длинные, смешные, и по ним, в первую очередь, можно было определить, что лосёнок тревожит. Когда вокруг никого не было, он, наверное, становился самым собой и начинал радоваться жизни, но стоило кому-либо появиться, и лосенок в недоумении застывал. Мир для него, как, впрочем, и для меня, был полон удивительных загадок и откровений.

Откровение — сам августовский лес, милые лоси и это незабываемое утро с густым, белым и упоительно кружащим голову туманом! Туман не задумчивый и не грустный, как весной или осенью, а веселый, пронизанный поднимающимся солнцем, что так же весело отсвечивает в крупных каплях росы свою неудержимую улыбку. Стоишь, смотришь вверх и чувствуешь, что вот-вот расступятся светло-жемчужные своды, выглянут ясные просветы, и

тогда хоть глаза зажмурь. Вместе с солнечной ясностью и негой на землю снисходит какое-то удивительное спокойствие: быть августовскому дню в удовольствие и радость!

И вот, в воздухе всё поплыло, заколыхалось и вдруг просияло. Туман куда-то исчез, растворился, а воздух наполнился звуками, красками и ощущением полета. Но лететь никуда не надо: небо само ложится к ногам.

Стоит ступить шаг, другой - и ты уже в тёплой солнечной вышине, что не обрушивается и не ослепляет, а приносит умиротворение. Плыть бы весь день по роскошному августовскому приволью, струиться легким парком над тропинкой, излучать восторженную паутинку трогательных лесных настроений... Стоит волшебный август-месяц, свершившееся чудо уходящего лета!

ПОСОРКА

Нет ничего краше нежной желтизны осенних лиственниц, чей жар в сентябре греет так же нежно и сдержанно, как и осеннее солнце. Лиственницы не вспыхивают и не догорают, а будто берут своё: деревья вкрадчиво готовятся к своему увяданию, и не перестают радоваться тому, что оно наступает не сразу, а постепенно, незаметно для всех. Лиственницы, как и все растущие существа, наслаждаются отпущенным им покоем, заслуженно обрётённым к осени. Осень постепенно и радостно перевоплощает их в то, чем они и должны явиться в природе: стройными спокойными красавицами, у которых есть всё для того, чтобы очаровывать, и как-то замечательно, волшебно, молчать.

Охотники в эту пору говорят, что иголка на лиственницах начинает «закисать», то есть, не только желтеет, но становится даже оранжевой, очень пахучей и сладкой, и глухарь до неё - большой охотник: в сентябре иголка лиственницы составляет его основную пищу. На лиственницу глухарь вылетает утром, перед восходом солнца, и вечером, часа за три до заката.

Но не всегда иголка на лиственницах желтеет в одно время... В иной год - раньше, в другой - позднее, смотря по тому, когда случаются утренники. Глухарь никогда не пропустит этого времени: он заранее вылетает на лиственницу и пробует, легко или с трудом выщипываются иголки. Если легко - значит, самое время появиться на пожелтевших деревьях, а если с усилием - ещё рано.

В пасмурные, дождливые дни глухарь просиживает на лиственницах целый день, не переставая щипать отмякшую листву. А в иной год из-за сильных и частых инеев игольник желтеет в какие-нибудь дни, и через несколько суток отваливается. В такую пору глухарь также не покидает лиственницу в течение всего дня, даже ночует на ней, вероятно, угадывая, что лакомиться любимой пищей придётся недолго.

Вообще, вылет глухарей на лиственницы продолжается до середины октября, пока не осыплется весь игольник. Была, говорят, игла, да спать легла.

Если же игла с лиственницы спадает нечисто, быть строгой зиме.

Но прежде, чем оставить тихо светящиеся в себе деревья, глухари сами норовят напиться их солнечной желтизной, а ещё сентябрьским чистым воздухом и небесной синевой, и предпочитают осуществлять это именно на лиственницах. Кажется, что лиственницы для них больше не корм, а душевная отсидка, какая-то скрытая радость, что они безгранично переживают в эту пору, впитывая в себя последнее доступное тепло и забываясь в этом лиственничном удовольствии.

А лиственницы, кажется, не торопятся увядать. Они просто живут, с каждым морозным утром становясь всё более яркими, а на вкус сладкими. Глухари знают об этом, и прилетают на них ближе к вечеру, когда вдоволь наклюются зерён на полях, и поутру, если их там никто не потревожит. Лиственницы и птицы живут в эту пору одной жизнью, и лес от этого становится ещё краше.

Неспешно кормятся глухари сладкой лиственничной иглой, копят в себе томительную осеннюю дремоту, что вдруг наваливается на них ближе к полудню, и слетают куда-нибудь под деревья, на землю, где забываются на время, будто исчезая из жизни леса. Когда набредёшь на такого отдыхающего глухаря, поднимается он на крыло тяжело, с неохотой, и уж после этого нигде не обособится, а часам к пяти-шести возвратится на пышущие спокойным жаром лиственничные верхушки. Схватившись лапами за ветку с самого её конца и размеренно раскачиваясь, глухарь потихоньку склевывает листву, продвигается ближе к стволу и, наверное, ничуть не задумывается: почему же замечательные деревья становятся к осени такими вкусными, доступными и так легко ему достаются?

Всё, что существует в этом мире, удивительно просто и доступно каждому, и каждый зверь, птица или человек выбирает для себя самое подходящее. Человек, например, способен решить, нужно ли ему убивать птиц и животных, если они оказываются рядом, или сохранить в своем сердце чистоту, присущую только апрельским дождям. Ему свойственно выбирать среди всего, что окружает его в жизни, и лучше стремиться к солнцу, лиственницам и глухарям, чем умножать непонимание и раздражённость.

Человек призван идти к солнцу, осенью оно обжигает его душу светом лиственниц, и глухари также внимают солнечному теплу, и тихо про себя радуются.

Синее небо безмолвно висит над головой, яркие лиственницы подпирают его бездонную прозрачность, и хочется подняться над ними и посмотреть свысока на эту раздольную, красиво угасающую землю, а потом с тихим сожалением вернуться на неё под самый вечер. Идти в сгущающихся осенних сумерках по подсохшей за день дороге и вспоминать, какие птицы были красивые и живые в опрятной лиственничной желтизне, и как хотелось дотянуться до них рукой, прикоснувшись к их теплему оперению. Глухари бы, конечно, сразу встревожились и улетели, но приятное ощущение их близости осталось бы. Как очаровательна, бывает, осень вот в такие тихие,

безветренные дни, когда и солнце, и глухари, и лиственницы неразделимы!

Хорошо сидеть в ожидании глухарей, прислонившись спиной к шероховатому пахучему стволу, и смотреть, как угасает разомлелый сентябрьский день. Желтая игла, кажется, дышит жаром на фоне солнечной синевы, мягко утопает в ней, а от земли, устланной опавшим листом и мхом, приятно потягивает ароматным холодком. Хочется обращать всё своё внимание только кверху, к огненным верхушкам, и, закрыв глаза, наслаждаться последним ласковым теплом.

Глухари, как и весной, на току, слетаются на лиственницы всегда неожиданно и молча... Но если вдруг обнаруживают в себе желание пропеть своё осеннее настроение, то быстро оставляют свою нехитрую заботу, как несущественную, необязательную для этой поры. Любви в их душе ровно столько, сколько силы содержат в себе апрель и май, но сейчас сентябрь, а то и октябрь, пора перебираться в хмурые сосняки.

Правда, напоследок, в отдельные тёплые дни, глухари осторожно пробуют горлом воздух: не разучились ли точить и скиркать? Нет, всё так же таинственно и чарующе разносятся над поляной сухие, сдержанные ноты: «Т-тэк, т-тэк, т-тэкк, тэк-тэкк». Глухари ничего не забыли, всё помнят, и просто не хотят сейчас раскрывать свою лесную душу.

И все-таки, некоторые петухи, по всей вероятности, старые токовики, находясь в эту пору на лиственницах, и встретив там после долгой летней разлуки, когда они меняли перо, глухарок, токуют. При этом они избирают наиболее плодовые лиственницы, густые, а поют больше под вечер. Во время кормежки и токования под деревьями образуется посорка - кучки желтого игольника, по которым опытные охотники определяют излюбленные места обитания глухарей.

Нередко случается и так, что глухари весной токуют именно на этих лиственницах, если они находятся на территории тока. Охотники, зная это, используют найденную посорку для отыскания токовых участков и, чтобы сохранить их в тайне, от других охотников, собирают её по осени.

Глухари кормятся, сыплют золотистой иглой, а охотники сгребают её в заранее приготовленные мешки, и уносят подальше с глаз тех, кто может помешать им в добыче птиц. Изоscrённые охотники не только собирают посорку, чтобы другие её не заметили и не подстрелили глухарей, но даже подсыпают её под деревьями, которые птицы вовсе не посещают, подальше от сокровенного места, и этим сбивают соперников с толку. Ведь в старину количество слетающихся на ток птиц исчислялось сотнями, обладать таким токовищем значило немалое богатство в деле прокормления семьи, поскольку каждую весну только на одном току можно было брать по несколько десятков глухарей, и, конечно, это место держалось каждым охотником в строжайшем секрете.

Само по себе слово «посорка» замечательно поэтичное, такое же лёгкое, как лиственничная игла, несмотря на то, что происходит оно от известного всем сора, от которого стараются избавиться, как отчего-то негодного. Правда,

на Руси старые люди учили, что сору из избы выносить нельзя и нужно коптить его под лавкой или класть под порог, помаленьку сжигая в печи. Иными словами, нельзя было выносить за порог дома семейных вестей, сплетничать, избавляться на людях от собственных проблем, а следовало терпеливо решать их в кругу домашних.

Вынесенный, несмотря на предупреждения стариков, сор мог послужить злым людям для знахарской порчи. Вынести же сор при покойнике, вообще, означало всех из дому вынести! Но вот лиственничная посорка, как будто, облагораживает заключенный в себе простой смысл, и обаяние этому слову приносит принадлежность к лесу и глухарям.

Удивительные птицы кормятся по осени сладкой лиственничной иглой, роняют её на землю, и какое-то время она рдеет под стволами ярко-оранжевыми пятнами, привлекая к себе внимание. Правда, лишь день-два, пока окончательно не увянет и не иссохнет, прибитая холодными дождями и крепкими утренниками. Наблюдательный охотник выделит её среди другой пожухлой листвы и непременно запомнит деревья, под которыми обнаружил необычные осыпи.

Лиственницы эти особые, на охотничьем языке — «присадочные», то есть самые любимые глухарями, что предпочитают их другим деревьям. Именно эти деревья выбирают для себя таинственные птицы, посещая их всю осень.

На вид, казалось бы, лиственницы все одинаковые, но среди нескольких растущих рядом деревьев глухари отмечают одно, а на остальные не обращают внимания. Эти лиственницы у хороших охотников наперечёт, тем более, в наших уральских лесах почти не осталось сплошных лиственных лесов. Лиственницы встречаются группами среди ельника и сосняка, да к тому же не везде, и значит, запомнить их не трудно.

Применительно к соснам я часто замечал, что глухари, как правило, предпочитают неказистые, с какими-то несимметричными, будто ободранными кем-то верхушками деревья, а пышные, крепкие, с налитыми стройными стволами игнорируют и не посещают. Так и с лиственницами: птицы выбирают самые неожиданные на вид, вроде бы, ничем не примечательные, но, между тем, чем-то заинтересовавшие их. Глухарей привлекает в таких лиственницах нечто недоступное человеку, никак им не объяснимое, и эта маленькая тайна птиц и деревьев ещё более очаровывает.

Кстати, в старину лиственницу звали карачай или негла - единственное хвойное дерево, что в отличие от других хвойных пород всё-таки роняет к зиме мягкую хвою. А карача — значит, упрямый, несговорчивый человек, что то и дело отступает, не стоит в слове. Но что несговорчивого в самой лиственнице: дереве, казалось бы, податливом, живущем своей, незаметно устремляющейся ввысь жизнью?!

Может быть, из-за этой упрямой негибкости её так прозвали, или за прямолинейность древесины? Ствол лиственницы, как и сучья, действительно, всегда прям и негибает в своей устремлённости что вверх, что в стороны, и дерево, будто назло кому-то, отрешённо взбирается в немыслимое для других

деревьев поднебесье, а отступить не в силах. Даже глухари никогда не присаживаются на его самые высокие верхушки, выбирая себе место посередине ствола.

Глухари сидят на ветках ближе к стволу, и почти бесшумно теребят лакомую иглу, но дереву достаточно лишь их щипка, чтобы она оторвалась и полетела. Легка посорка, воздушна, а даёт со всего лиственничного бора тучное удобрение для будущих деревьев. Даже захваченная с земли целая горсть таких оранжевых душистых иголок совершенно не чувствуется в руке, но зато их запах кружит голову. Взял бы и осыпал ими весь лес, что, впрочем, и без того несёт в себе неисчислимые осенние ароматы.

Дровяной сор, свежая мелкая щепка, кора и луб не издадут такого чудесного аромата, как эта перезревшая, но ещё очень нежная лиственничная хвоя. По осени она словно невесомое лесное золото, ударяющее в глаза и голову всей своей драгоценной сутью. И ослепляет в солнечный день, и пьянит словно запоздалое, но благородное осеннее вино.

Хорошо лежать в тёплый осенний день на ворохе такой пахучей хвои и слушать легкий ветерок в высоких вершинах лиственниц. Могучие стволы неудержимо устремляются в бездонное сентябрьское небо, но тебе не хочется улетать так далеко, и ты, утопая взглядом в бескрайней вышине, остаёшься на земле, что убаюкивает своим удивительно чистым и по-осеннему ласковым покоем.

РАЗ СТОРОЖКА, ДВА СТОРОЖКА...

После каждой крупной рубки в лесу от лесорубов непременно остаётся избушка или балок на саях, где они грелись и варили себе пищу. Про избушку вскоре забывают, и она становится прибежищем разного лесного люда. Это и рыбаки, и охотники, и просто бродячий народ, что отчего-то занесло в лес и вывело к этой самой избе.

Все лесные избушки сходны в том, что в них никто постоянно не живёт. Обычно в них проводят от силы несколько дней, а затем покидают, в лучшем случае оставляя подвешенные под потолком мешочки с чаем, солью и макаронами. По негласному закону, исстари заведённому среди лесовиков, ты должен позаботиться о пришедшем после тебя в избушку человеке, даже вовсе тебе незнакомом, если застанет его в лесу непогода. Прозябший и сырой, человек обнаружит, к своей радости, сухие спички, щепотку чая, соль, сахар или, хотя бы, горстку крупы, и произнесёт слово благодарности неведомому другу.

А когда обогреется, перекусит и переночует, то и сам оставит для такого же неведомого ему человека свой нехитрый запас. Так бывает всегда, если ты верен голосу природы, забывая себя во имя её нескончаемой жизни.

У лесных избушек, как правило, отсутствуют крылечки. Они там просто ни к чему, потому как можно посидеть и на скамеечке или на каком-нибудь полence, а подниматься куда-то вверх, ото мха, травы и кочек, усыпанных

клюквой, неразумно. В некоторых избушках, вообще, отсутствуют половицы, и оставляется только земляной пол. Это, наверное, для того, чтобы быть ближе к земле и проще. Но иной раз, все же, присутствуют одна-две махонькие ступеньки, на которые всегда неловко примостишься и с удовольствием закуришь.

Ещё у лесных избушек бывает только одно окно. Я не помню ни единого дома, где бы было два, и уж тем более - три. Окошко вырубается небольшое, квадратное, чтобы в избе было хорошо видно в светлое время. Утром, мельком взглянув в окно, можно разобрать погоду, а ночью излишняя чернота не мешала бы твоему обостренному восприятию.

Уйдя же в обход, на добычу, надо быть уверенным, что хищный зверь не заберётся в дом и не испортит продукты. Чаще всего лесные дома глядят своим единственным окном на юго-восток, не из-за того, чтобы человек мог полюбоваться природными красотами, а просто так быстрее уловишь приближающийся рассвет, поскольку день лесовика начинается очень рано.

Все лесные избушки неприметны, как самые замечательные мудрые люди, не отягощённые суетой. И те и другие редки, а заметными становятся, только когда смотришь на них любознательным взглядом, с доброжелательностью и теплотой. Избушка ни за что не затеряется в глухом лесном мире, если приходишь к ней заслуженно, после длительного нелегкого пути.

Она как будто даже засветится тогда, стряхнет с себя сонную одурь и преобразится.

Редко, когда избушка окажется посреди полянки, а всегда с краю, где-нибудь у самой опушки и с подсолнечной стороны, чтобы не перегревалась в жаркие дни. Особо это касается лесных пасек, где хозяин проводит всё лето.

Лесные избушки ютятся поблизости от ручейков и потаённых речушек, на худой конец, у какого-нибудь болотца, чтобы можно было сочной ягоды насобирать, кустового листа на чай заготовить и водицы нацедить. Ведь живут лесные избушки для человека, и как же им обойтись без влаги!

Все избушки, независимо от того, маленькие они или большие, ставятся всегда крепко, и лежа на их нарах, естественно, думаешь о том, как хороша такая крепкая лесная жизнь, которой многие люди себя лишают. Половину своего времени они тратят на то, чтобы придумать, куда девать вторую половину, оправдывая при этом любое безвольное попустительство. А та самая жизнь, что может стать для тебя по-настоящему надёжной и дорогой, безвозвратно уходит. Только ночуя в крепкой лесной избушке, приходишь к выводу: надо жить так, чтобы было, за что полюбить тебя хотя бы одному человеку.

Я люблю все лесные избушки, что мне приходилось встречать на своём пути, даже самые захудалые. Однажды мы с приятелем, по воле случая, провожали старый год в такой полуразвалившейся большущей избе, в стенах её зияли щели толщиной с руку, на почерневших от времени брёвнах висела длинными клочьями желтая изморозь, а в прорехах потолка сверкали звёзды, и

всё же мы были счастливы!

На столе стоял букет сосновых веток, горела свеча, и у нас была бутылка портвейна... Сейчас этой избушки давно нет, её, как и многие другие, сожгли или разобрали, но я всегда её вспоминаю, когда прохожу тем местом осенью, после охоты на рябчиков, или весной, по пути на глухариный ток.

Так выходит, что, попользовавшись лесной избушкой, немногие вспоминают её добром. Редок стал в лесу заботливый и доброхотный человек. Лес вызывает к живому человеческому вниманию, но не получает его. Человек не замечает даже листья под ногами, а лес живёт, надеется и ищет возможности к единственно верному соприкосновению с ним.

Сколько избушек исчезло с лица земли только на нашем недолгом веку, а нам нет возврата туда, где мы уже были когда-то счастливы. Это приговор любой честной жизни, когда счастье, даже самое маленькое, добывается в незаметном и изнурительном труде души. Приговор необратимого и извечно упускаемого нами времени, то есть, в итоге, собственной жизни.

Всё на земле имеет свою жизнь, отпущенное только тебе время, и стоит понапрасну его не упускать, научившись им дорожить. Свой век, как и любому человеку, отпущен и каждой избушке. Следует ясно представлять, что хорошее в жизни рано или поздно оканчивается, и надо быть к этому готовым, а значит, очень важно ценить дарованные тебе годы, дни и даже часы.

Мы, как нам казалось, жизнь не упускали, и даже, более того, преумножали ее богатство в неустанных лесных бродяжничествах и бдениях. Бдения эти совершались под лампадку или вздрагивающую свечу в неведомых избушках, что в обилии затерялись среди окружающего нас лесного мира. Мир этот тянул нас к себе неудержимо.

Раз сторожка, два сторожка... И ещё - три, пять, восемь... Сколько же их было всего, что приютили, накормили и обогрели, не дали сгинуть в прошибающую до костей осеннюю распутицу, помогли преодолеть лютые морозы с метелями, наставили на верную дорожку! Отдохнувшим продолжал ты свой путь благодаря их теплу, и не было большего счастья, чем ощущать в себе склонность к такой лесной жизни, в ней многое зависело только от тебя. И ещё от того, каким воспринимает тебя лесная чаша...

В прошлое не вернёшься просто так, из пустого любопытства. Бережно хранимое в душе, оно должно само поманить к себе, и тогда ты произвольно потянешься к нему, и обо всём позабудешь.

Всё твое лесное прошлое - это скрытые от глаз людей, таинственные и дорогие твоему сердцу сторожки, что неотступно притягивают, будто вновь обещая переживание радости соприкосновения с миром открытий, и ты устремляешься к ним в своих мыслях, и больше ничего не желаешь. Лесные сторожки сменяют в твоей памяти одна другую, а ты никак не можешь остановиться на какой-либо одной, и только вспоминаешь их печное тепло и неприхотливый уют, засаленные до блеска нары, и то необыкновенное ощущение слитности с лесной чащей, что и притягивает, и пугает.

За стеной вскрикивает, вздыхает и затаивается ночь, что смотрит в тебя немигающими глазами лесных волкодавов — таинственных зверей, которых никому не приходилось видеть. Ты перебарываешь страх, выходишь на крыльцо, и ночь сразу становится благосклонной, как будто даже приноравливаясь к твоему состоянию. В душу закрадывается какое-то очарованное благодущие, и боязнь вдруг уходит из сердца, хочется вглядываться в мерцающую темноту и встречать там взгляды неведомых зверей. Весь лес неожиданно оборачивается родным и близким домом, он, вроде бы, ничего и не думал от тебя скрывать, а просто на время забылся в своих таинственных сновидениях.

Стены избушки уже не кажутся тебе крепостью, и будто растворяются в подступающей темноте. Стол оказывается открыто стоящим посередине полянки, рядом — твоя лежанка, что сразу подымает тебя под лопатки к самым небесам, и звёзды приветливо улыбаются совсем рядом: стоит только протянуть к ним руку. Свет от них поблескивает в капельках росы на траве, радостно лучится, и ночная темнота словно расступается.

Даже огонь в печи присмирел, перестал надсадно гудеть, а лишь вздрагивает изредка яркими лоскутками и опять притихает. Всё соразмерно и удивительно уютно, отчего тебе очень хочется жить. Глядеть на звёзды, дотрагиваться рукой до травы и деревьев, вдыхать пряный аромат уходящего лета и зарождающейся осени. И всё это — благодаря маленькому лесному дому, что незаметно стирает границы между тобой и лесом.

Дом может разговаривать с тобой с помощью разных предметов, что составляют его суть. Через выпуклые бока бревен, переложенные мхом и паклей, растрескавшееся окно, закоптелый потолок, лавку, отливающую от времени блеском, выщербленный порог, что ежедневно выметаешь и укладываешь у него пихтовый веник. Веник быстро наполняет всю избушку здоровым хвойным духом.

Дом говорит с тобой не о прожитых годах, а о том, что очень важно сейчас, в этот день, в эту минуту. Он сразу, как будто, настраивается на одну с тобой душевную волну и, слушая, не перебивает. Дом внимателен, чуток и предусмотрителен. Слишком долго ждал он человеческого прикосновения, и в мгновение обрадовался, когда кто-то тронул рукой его дверь.

Лесной дом начинает дышать и оказывать внимание человеку, если тот позаботился о его жизни. Жизнь дома не прекращалась без человеческого присутствия, она проистекала отовсюду и затаивалась в тёмных углах. Дом как будто ждал, когда к нему обратятся: придут, отворят дверь и устало присядут на лавку. Так хорошо вдруг станет человеку от ощущения этого лесного мира, с теплотой дохнувшего на него.

Человек проведёт рукой по столу или скамейке, и дом тотчас отзовётся в его душе. Человек, может быть, и не разберёт сразу это ощущение, но почувствует. Приляжет тихо, расслабится и задумается о собственной жизни, что не всегда получается, и складывается не так, как хотелось. А дом будет терпеливо ждать, когда человеку захочется того или иного.

Если к дому относиться достойно, то он сразу как-то оживёт и засияет. Он, конечно, обрадуется только доброму человеку. Именно доброму человеку он подарит покой и умиротворение своей затаенной и уютной удаленностью ото всех, но не обособленностью. Лесной дом всегда ждёт человека, чтобы тот привёл его в чувство, а вместе с ним воскресил и себя.

Если ты всё делаешь правильно, дом обязательно примет тебя и поможет. Обогреет, утомит и вдохнёт нечто неуловимое, но очень важное. То, без чего жизнь, вроде бы, и есть, а на самом деле - нет. Надо очень постараться, чтобы дом тебя принял, и, может быть, самому найти его в лесу. Чаще тебя приводит к нему какой-нибудь лесник, егерь или твой приятель, и ты, в конце концов, испытываешь неподдельное чувство слитности с домом, без которого пребывание в лесу не приносит истинного удовлетворения.

Хорошо, наверное, поставить свой лесной дом, но эта мысль никогда не приходила мне в голову, потому как вокруг было полно избушек, и все они казались родными. В любой из них можно было остановиться, заночевать и даже провести неделю- другую. Ни одна избушка никогда не закрывалась на замок, он обычно висел на дверной ручке или вообще отсутствовал. В любой из таких избушек всегда создавался тот особый уют, что везде сопровождает лесного человека, и его душа становится умиротворенной и безмятежной.

Говорят, что если три кола вбито, бороной накрыто, то это уже дом. Но такое понятие дома не подходит к лесной избе, где всё должно быть выстроено крепко-накрепко, на долгий лесной век. Начиная строить в деревне избу, клали под угол деньги - для богатства, шерсть - для тепла, а ладан - для святости. Лесная избушка - это особый, хоть и небольшой мир, крытый своей потаённой кровлей, и наиболее верно про неё будет замечено так: дом невелик, да лежать не велит, ибо если в лесном доме жить, значит, обо всём тужить. Человек в нём словно забывает свою прежнюю городскую жизнь и начинает новую, что зависит теперь только от него самого, от его умения, терпения и неутомимости.

Пребывание в лесной избушке, хотя бы - один день, очищает душу от всего наносного, неестественного. Наведя в избе порядок и переночевав, причастившись, таким образом, к лесу, ты уже иначе относишься к себе и окружающим людям. Для тебя наступает прозрение, тот необходимый «момент истины», после которого характер твердеет, взгляд же становится ещё более ясным.

А что на самом деле заключает в себе понятие лесного дома? Наверное, стены, крыша и печь. Нет ничего прочнее и долговечнее этого простого сочетания. И ещё - присутствие леса, что придаёт дому особое обаяние.

Всякий дом хозяином держится, а кто хозяин лесной избе, как не сам батюшка лес? У меня складывается убеждение, что за некоторыми избушками, когда они пустуют, кто-то, всё же, ведёт досмотр. Это, наверное, лесные силы, коим лесным богом вверено следить за порядком и сохранностью скрытых в тайге стен.

Ещё лесные избушки омываются чистыми дождями, ветра их

высушивают, солнце прогревает, а вездесущие дятлы избавляют от жуков-древоточцев. Исправно, слаженно и незаметно трудится лес над своей чистотой.

Ещё лесной дом слагается из тебя самого. Из того, что ты думаешь, ощущаешь и к чему стремишься. Дом всё это очень хорошо чувствует и принимает тебя, если только ты на самом деле есть. Есть твоё живое отношение к лесу, который ты не забываешь и стремишься к нему.

Лес тебе, как Бог, всё отпустит, неслышно посоветует и вместе с тобой разрешит. Честь тебе и хвала, когда лес равнодушен к твоей жизни, то и дело окликает своими гулкими голосами и зовёт.

В избушке, когда ты в неё пришёл, всё замечательно и просто. И так же - в лесу, что её окружает. Лес никогда не подпустит к себе, если ты равнодушен или разочарован, он будет долго и пристально вглядываться в тебя, выискивая и определяя самое главное. Хорошо самому не забывать природу в себе, и жить достойно.

Все лесные дома ждут людей, заботятся о них и помогают стать человеком. Иначе бы их просто не существовало. Дома эти, как сами люди, трепетны, вдумчивы и по-своему богаты тем отношением, что вдыхает в них лес.

Выходишь к таким избушкам усталым, но радостным после долгого пути, с плохо скрываемой надеждой, что ничего в них не нарушено. Крыша не протекла, печь исправна, есть небольшой запас дров. И чтобы ещё речка неподалеку текла или хотя бы ручеёк, а лучше даже зернистого снега в котелке натопить. На худой конец, можно в глубокой колее лесной дорожки водицы зачерпнуть, настоявшейся на опавшем листе. На жарком костре всё в ней перекипит, и станет она ещё слаще.

Покидаешь же лесное обиталище с легкой грустью, как будто навсегда расставаясь с тем, что уже, кажется, никогда не растревожит твою душу, но в то же время и с облегчением. После нескольких ночей, проведённых у остывающей под утро печки, на жёстких нарах, с запахом свечки и мышинной возней по углам, тянет в город.

В иной избушке, со всей её незамысловатой обстановкой, чувствуешь себя уютней, чем дома. Наверное, потому, что тебе всё очень близко в этой неприветливой лесной жизни.

Наколотые тобою дрова жарко потрескивают в печи, когда за стеной избушки стоит тридцатиградусный мороз, в кружке на столе дымится крепко заваренный чай, по стеклу маленького окошка с хрустом соскальзывают льдинки, образуя на подоконнике чистые лужицы, и жизнь представляется необыкновенно простой и основательной. Вроде бы, ничего особенного не происходит, но именно такая незамысловатая обстановка вызывает ощущение надежности, какое не переживаешь даже в обустроенной городской квартире. В лесной избушке, один на один с окружающим лесом, ты почему-то ничего не боишься и с нетерпением дожидаясь утра, чтобы отправиться куда-нибудь по нескончаемой лесной дороге. На всё, что составляет сейчас твою

жизнь, ты смотришь открыто, надеясь только на собственные силы, и от этого сердце переполняется радостью.

В лесной избушке ты начинаешь как-то особенно ясно чувствовать и мыслить. Здесь тебя ничего не сковывает, и отсутствуют какие-либо условности. Нет ничего лишнего в такой лесной жизни, она не дарит никаких иллюзий. Только ты, могучие деревья и таинственный ветер.

Я могу очень точно описать любую лесную избушку, где мне приводилось хоть раз провести ночь. Это потому, что в лесу все восприятия чётки, не замутнены, и тебе хочется впитывать окружающий мир таким, какой он есть. Ступеньки, труба, дверная ручка, даже расщелины в полу запоминаются с удивительной лёгкостью, так что ты чувствуешь себя как дома. С каждой из избушек связано нечто незабываемое, и оттого - особенно дорогое.

Чаще всего мне вспоминается первое лесное пристанище — укромный лесной домик, что был укромно поставлен между двух ручьев, на небольшом холме, поросшем старыми елями. Я нашел его сам, по еле приметной тропке, а потом привёл туда своего друга. Дом был словно из сказки: приземистый, крепкий, и прятался под высокими елями, как гриб боровик.

Единственное оконце дома смотрело на восток, а дверь выходила на юго-запад. Стены были сложены из брёвен в два обхвата, но сам дом казался маленьким и очень уютным. Нужно было хорошо постараться, чтобы его отыскать.

Внутренняя обстановка проста и незатейлива. У дальней стены нары на трёх-четырёх человек, под ними место для собак, на стене полка с зеркальцем, у окна столик, а в углу печка. Печка растапливалась легко, тотчас отдавая тепло. Однажды зимой, когда я провалился неподалеку от избушки под лёд, гоняясь в прибрежных корягах за колонком, она меня спасла.

Хорошо сидеть в такой избушке поздней осенью или зимой, после тяжелого дня, когда печка пышет жаром, на ней побулькивает вода в котелке и дверь распахнута настежь. Деревья, окутанные инеем, застыли в морозной тишине, даже синиц не видно, а у тебя — жара! Стены так нагрелись, что даже горячие на ощупь и пахнут смолой, да и сам дом весь ожил, уютно зашевелился и что-то тебе прошептал. Ты, конечно, почувствовал его, обрадовался и поблагодарил дом за то, что он дождался тебя.

Удаленный от ближайшей деревни на пятнадцать километров, дом таил в себе нечто такое, что тянуло к нему. В нём хорошо думалось, сладко спалось, и вся обстановка располагала к какому-то лесному подвигу. Именно в этом доме, долгой сентябрьской ночью, мне пришла мысль написать свою первую лесную книгу...

Я тогда лежал и слушал, как наступает за стеной ночь, но печаль не одолевала сердце, лесная темнота окружала избушку полным покоем, и одиночество ничем не нарушалось. Мне хотелось, чтобы эта осенняя ночь всё время была со мной, убаюкивала своими шорохами, но не давала забыться. Находясь в этой укромной лесной избушке, я, как ни странно, не чувствовал

себя оторванным от людей.

Бывает, избушка так промёрзнет, что печка хоть и пылает жаром, а по углам всё равно лежат маленькие голубцы снега. Они так долго не тают, что ты даже удивишься. Но незаметно заоченевшие надувы надламываются, оседают, и только тогда в избушке становится по-настоящему тепло. Вскоре от снега не остается даже сырости, штаны и телогрейка над печкой так нагреются, что перестают дымиться. Постепенно клонит в сон.

Сны в лесных избушках не безмятежны, а очень чутки и трепетны. Временами они даже становятся вкрадчивы, как шаги зверя, и продвигаются в своих лесных устремлениях с расстановкой, неспешно. Если задержатся на чём-то одном, то не торопятся покидать, будто обволакивают этот предмет и пристально вглядываются. Да и само пробуждение наступает не вмиг, внезапно, а также неторопливо, как тянулось сновидение.

В лесу снится то, что тебя в нём окружает: ночные птицы, их невидимый, но чутко угадываемый полёт, лютый холод и искрящиеся звездопады, яркое морозное солнце и петляющий волчий след. И ещё - как утомительно преодолеваешь в декабре занесённые метелью лога и поля, мечтая о весне. Весна по-настоящему всегда снится весной, когда сон приходит и уходит в тревожащем душу забвении, но до конца заснуть не удаётся. Всё хочется поскорее куда-то побежать, до чего-то дотянуться, и чтобы это стремление не оказалось только сном.

Хорошо просыпаться в избушке рано поутру, зимой и, отворив тихонько дверь, вслушиваться в замершую после ночного снегопада тишину. Ни одна веточка не колыхнётся, ни одна снежинка не шевельнётся, вокруг покой и умиротворение. Только синички чуть слышно перепархивают в нижнем пологе леса, нежно посвистывают, и не хочется ничего делать, а только сидеть у растворенной двери и впитывать эту красоту.

Печки в лесных избушках в основном прогорают быстро, остывают ко второй половине ночи, если стоит сильный мороз, и приходится часто вставать и подтапливать. Огонь в такой остывающей печке схватывается споро, дружно разгорается, посверкивая неясными бликами по стенам, и в избушке опять становится тепло. Большинство печей маленькие, тонкостенные, с длинной проржавевшей трубой, где под самым потолком есть задвижка. Правда, она ненадолго задерживает жар, к тому же дырявые половицы и худой порог вытягивают его. Зимой в лесной избушке не очень-то разоспишься.

Зато в начале осени, когда ночью ещё не похолодало, а в мае уже установилось тепло, придя с глухариного тока, спится сладко и беззаботно. Утром долго приходишь в себя, нехотя ворочаешься, а окончательно проснувшись, идёшь умываться к прозрачному ручью, после чего скулы и руки приятно немеют. Жил бы в таких потаённых избушках целый лесной век, и никуда не торопился!

Да, хорошо было бы пожить в такой избушке месяц или хотя бы неделю, но ты не живёшь, отчего-то мучаешься душевным бездействием, и всё не спишь по ночам. Тебе не хватает вольного ветра и чистого апрельского дождя,

чтобы они выдули из души всё наносное, омыли её, утвердив веру в себя. Вот тогда бы ты и обрёл счастье до конца своих дней. Так думается всегда, когда оказываешься в лесу один, и сразу почему-то начинаешь желать счастья любому человеку.

В лесной избушке полезно быть одному: никто не мешает тебе думать и вспоминать. Память цепко хранит аромат хвои, трав и весеннего снега, что подтаивает и с пугающим шумом сползает с крыши, крик одинокого ворона, неторопливо пролетающего над избушкой, падение сбитого выстрелом глухаря и вкус его мяса. Обрекая себя на лесное уединение, приятно размышлять о чём угодно, и тогда простая жизнь в лесу видится только с хорошей стороны.

Если ты оказался в лесной избушке один, у тебя никогда не возникает тоски. Ты прекрасно чувствуешь себя, здесь ты свой, среди своих, и тебе никуда не хочется стремиться. Зудящее чувство дальней дороги не донимает лесного человека, ему не слышатся какие-либо чуждые лесу запахи и звуки, а видится лишь его теперешнее простое житье, вкус нехитрой таёжной похлёбки на губах и пьянящее ощущение свободы.

Закон лесной свободы заключает в себе, прежде всего, ответственность перед лесом и перед самим собой. Настоящие лесовики всегда соблюдают его и считают, что нет большего позора, чем присвоить себе право своевольно хозяйничать в лесу. Только в согласии со всем, что тебя в нём окружает, в терпеливом познании этого мира, утверждается твоё лесное бытие. Избушки же призваны помочь человеку, когда ему надо набраться сил.

С чем ещё сравнить уют лесной избушки, до которой ты добирался в сильный мороз или ненастную погоду? Вся насквозь промёрзшая, заиндевевшая и такая, на первый взгляд, отчуждённая, она в считанные минуты преображается после того, как ты растопил печь, еловым лапником вымел щепу, сор и мышинный помёт, повесил на крепко вколотенные, поржавевшие гвозди рюкзак и ружьё. Всё её маленькое пространство сразу оживает, на стенах играют огненные блики, и вскоре становится так жарко, что можно с удовольствием распоясаться, скинуть надоевшую одежду и, оставшись в нательном белье, сидеть на низком чурбачке, с блаженным видом поглядывая в растворённую настежь дверь.

За дверью - трескучий мороз, из-под самого потолка наружу валит клубами дым, а на душе покойно и радостно. Дом принял тебя и сразу стал твоим, пусть, хотя бы, на одну ночь. Из такого жилища уходишь всегда с трудом, и потом часто его вспоминаешь. Как будто ничего особенного, но тебя хорошо поймут те, кому знаком описываемый предмет.

Именно этим людям не занимать захватывающих дух историй про разные избушки, что повстречались им на жизненном пути. Про то, как они бедовали в них без провианта, перебиваясь только добытым зверем или птицей. Как сводили их с ума нескончаемые одинокие ночи, когда кажется, что за дверью кто-то стоит и пристально вслушивается в тебя. Избушки помогали, спасали и дарили ощущение домашнего уюта в глухом, неизведанном лесу, а рассказы

про них всегда изобиловали самыми невероятными чудесами.

Издревле всякое явление, что человек, находясь в лесу, не умел объяснить по известным нам законам природы, переносилось в разряд чуда. По ночам в избушке выдумываешь себе тысячу несуществующих опасностей, исчезают они только под утро, а днём и вовсе совершенно забываются. Но вот приходит очередная ночь, и страхи вновь появляются: то ветер завывает волком, то ветка старой осины всю ночь скребёт по крыше, и кажется, будто это какой-то неведомый зверь пытается до тебя дотянуться, а по весне оседающий снег так ухнет или сосулька вдруг с хрустом обломится, что сердце в пятки уходит... Все звуки в ночной избушке связаны либо с явлениями природы, либо с обострённым воображением человека.

Ночной порой человеку в лесу часто чудится стук в дверь, будто кто к нему просится, и не впустить никак нельзя, ну, а если отворишь дверь неведомому гостю - пеняй на себя. И такая оттого морока на человека найдёт, что хоть беги. Этот некто стоит за дверьми, дышит еле слышно, себя никак не проявляя, но ты всё равно его чувствуешь.

Невольно воображаешь: может быть, какое-то сказочное животное, а то и вовсе небывалое чудище о двух головах! Свирепый и страшный злодей, вознамерившийся забрать твоё сердце, что поражает всякого своею силою. Но все чудеса, даже самые чудовищные, становятся доступными в понимании, если ты к ним готов.

Ну, а коли не по силам правду чащобную воспринять, знай, вокруг оглядывайся, если, к тому же, дело к ночи идёт, потому как нежить лесная хоть и бессемейная, а плодится будь здоров! Не успеешь и глазом моргнуть, как на сапог наступят, через портки перескочат, и в голову тумана зеленого напустят: век потом дорогу домой не сыщешь! Так захороводят, что среди бела дня света не увидишь, одно слово, бесовское племя. Хорошо, если догадаешься через левое плечо себя освистать.

В одной лесной избе, рассказывают, чудовое ружьё на стене висело... Мужик пришёл в избу, снял его, да и ахнул из обоих стволов, а из печуры вылезит чудо-юдо лесное, царь-растопыр, такой чудной, будто на смех родился, и спрашивает этого мужика: «Где, мол, живет Марья Хохловна?» Мужик так пнем-раскорякой в землю и врос. Чудные дела в лесном царстве творятся, но коли чудится, так перекрестись!

Или такое чудное дело: нож в ножнах весь день висел у охотника на поясе, а под вечер, когда тот вернулся в избу, пропал. Куда бы ему деться? На деле же выходит так, что лесной царь этого охотника уберёт, вернее, сам нож охотничий оказался своему хозяину другом, и выручил его от какой-то беды. Подобное чудо случается в лесу, когда он расположен к человеку и не желает ему худа. Может быть, страшный медведь грозной тучей нависает над охотником, а тот и не ведает своей злой участи, и нож его выручает, прогоняет хищного зверя. Человек даже ничего не замечает и лишь удивляется пропаже: ведь нож был надежно закреплен в ножнах, висел под рукой на поясе и, надо же, словно растворился!

А то привидится уставшему человеку прямо под потолком лесной избы чудный образ. Чудесное видение, что, кажется, не с чего ожидать, а оно появилось. Светлый лик Пресвятой Девы, что отчего-то явилась тебе, будто давая понять: она тебя хранит. И уж тогда ничего в лесу не страшно, ибо знаешь: Бог твою душу бережёт, и на путь истинный наставляет. Лесной дом на этом пути - искреннее тебе утешение. Но разве всякому такое привидится?!

Бывает, человек заблудится, плутает весь день и, уже отчаявшись, вдруг натолкнётся на очутившуюся перед ним неизвестно откуда лесную избушку. Вся она из себя диковинная, да ладная, манит своим призрачным уютом, и, в тоже время, будто не пускает. Стоит избушка на курьих ножках, пирогом подпёрта, блином покрыта, ни в сказке сказать, ни пером описать, человек ходит вокруг как заколдованный, а попасть в неё не может.

Самое приятное чудо для путника в лесу — это обыкновенная лесная будочка, балаган, словом, маленькое жильё. Но более всего подходит ему название сторожка. В ней чудится размеренное истечение времени, сторожка существует и плывёт в нём, как лодочка: не страшны ей ни дождь, ни ветер, ни какие лесные существа. Утлым челночком в суровую непогоду проскользнёт, гордой байдарой в ведро радостное вырулит, всё на своем долгом веку преодолеет и выдержит. Сторожка – это, значит, что-то неброское, но милое и очень надёжное сердцу лесного человека.

И всё же, истинное чудо представляет из себя полёт в лесном пространстве, когда неведомая сила возносит тебя, кружит всю ночь в чаще и опускает только под утро, на полянку, неподалеку от знакомой тебе избы, а ты и не ведаешь, как такое могло приключиться. Ты никак не можешь избавиться от охватившего тебя забвения в январской ночи, когда поначалу всё было таким знакомым, а потом, в неясный миг, померкло и вновь возродилось. Словно ничего не произошло, но очнулся ты уже в другом месте.

Тоже вокруг был ночной лес, мерцающий между стволами елей снег, и какое-то странное равнодушие ко всему. Ты только знал, что нужно дойти до избы, куда ходил не раз и, конечно, не мог забыть дороги. А теперь, несмотря на многочасовое блуждание, ничего не находил. Шёл вперед, продираясь сквозь темный ельник и сбивая в кровь руки о его сухие ветви, и не узнавал ничего, но почему-то привык к этому состоянию, и оно не очень волновало.

Уже под утро, выбравшись на широкую лесную трассу, ты поразился открывшейся картине: невозможно было очутиться здесь, не миновав её ранее, с другой стороны. Так было задумано природой, и сознание никак не могло допустить, что какая-то сила способна на такое. Только механическая, тупая ходьба немного успокаивала, заглушая ужас произошедшего.

Как могло случиться, что за восемь часов блуждания ты ни разу не посмотрел на часы, не удивился этой своей замкнутой отрешенности?! Кругом была пустота затаившегося лесного молчания, какая-то утомлённая одичалость и забвение. И только когда увидел прямо перед собой глубокий след недавно прошедшей волчьей стаи, пришёл в себя. Лес не был мёртв, и понял ты это как нечто бесповоротное, подобно пережитой за ночь тайне, уже

в избушке, что успокоила и обогрела.

Вот и выходит, что все лесные чудеса - в решетке: дыр много, а выскочить некуда. Сами собою живут и человека иной раз околдовывают, но чудное - это не только страшное, а ещё и редкое, удивительное и необычайное. Да и сам лесной бог - старый чудотворец! Из святых же чудотворцев в лесу у нас особенно чтится Николай-угодник, что первым лихо от человека отведёт и о лесном доме для него позаботится.

Даже обыкновенная стеариновая свеча в лесной избушке - нечто необыкновенное, без чего совершенно невозможно обойтись. Мало того, что свеча освещает тёмные томительные вечера осенью и зимой, так она ещё и создает необходимый уют, без неё его никогда не достичь. Может, конечно, выручить керосиновая лампа или даже фонарь, но обаяние уюта лесного жилища от этого почему-то исчезает.

Только свеча приносит в маленький лесной дом то ощущение чудесной сказки, без неё он никогда бы не стал таким, какой есть на самом деле. Загадочный, родной и тёплый, словом, такой, что тебе совсем не хочется его покидать.

Пламя чуть вздрагивает, изредка потрескивает, а вокруг - играющие на стенах блики и тени. Огонёк свечи, если приглядеться, тоже особенный, он как будто всевидящее, но ненавязчивое око, взирающее исподволь, откуда-то изнутри. Приглянешься ему - и оно горит ровно, не вызывая доверия - вспыхивает, шипит, а то затаивается и словно поджидает, на чём бы тебя поймать. Держи тогда с ним ухо остро, главное же, не накличь на себя в лесу беды.

Без свечи в избушке не вяжется душевный разговор. Нет её, и всё как-то не так и не этак, а если мерцает на столе у маленького окна ласковый огонек, хочется говорить обо всём на свете. Свеча будто тоже участвует в беседе, ненавязчиво подсказывает что-то, удивляется, даже негодует. Она — неотъемлемый свидетель всех застольных бесед, и её часто, между тем, не замечают. Но свеча рядом, она всегда полна жизни и света. Я не могу вспомнить случая, чтобы свеча потухла раньше того, как прекратился разговор.

Свечной дух сладок, приятен, и даже потушенная свеча всё равно невидимо присутствует. Она легко угадывается по источаемому запаху в темноте, и пока приятель твой ворочается с боку на бок, ты думаешь о разных замечательных вещах, что произошли с тобой за день. Хорошо лежать вот так, когда день прожит не зря, в избушке тепло, дрова заготовлены, и завтра тихое октябрьское утро примет тебя в свои объятия.

Оставшийся же свечной огарок осветит холодный вечер какому-то другому, уставшему человеку, но он, между тем, должен помнить, что свеча не встанет перед Богом, а встанет только душа.

На мой взгляд, у лесных избушек должны быть свои имена. Так же, как у деревень, рек и даже... глухариних токов. Глухариные тока я называл по их принадлежности к каким-то определенным местам, покосам, логам, пасекам

или заброшенным селениям, руководствуясь устремлениями души на момент обнаружения. Именно благодаря своей неутомимости я вдруг однажды постиг, что не мыслю жизни без леса, и он всегда тебя замечает, но лишь изредка даёт об этом знать. Лес через избушки испытывает тебя долгие годы, но не пугает, если ты чист в помыслах, и ничего от тебя не таит. Лесная изба, какой ты повстречал её в лесу, есть символ твоего отношения к жизни, того, что ты в ней заслужил.

Когда-то, лет двадцать назад, я вдруг твёрдо решил, что найду глухариный ток, чего бы мне это ни стоило. И я его нашёл: старинный, совершенно всеми забытый и истребленный, на нём токовал только один глухарь. Каюсь, не сдержался и подстрелил этого глухаря, но оказалось, что он успел оставить потомство, ток постепенно разросся и переместился. Я потом долго наблюдал за этим током, удивлялся и, наконец, дал ему имя. Так же, как и всем другим, что открыл и оставил в своей душе, после чего птиц уже не трогал.

Имена токов были незамысловаты: Быковский - по имени хозяина пасеки, что находилась рядом с токовищем, Дальний, ибо следовало туда идти аж двадцать с лишним вёрст, Новосёловский - по названию бывшей, заброшенной у старых прудов деревни, Берёзовский - потому что раскинулся он на склоне у речки с соответствующим наименованием, Пасхальный - его я нашёл рано поутру, в Пасху, и был так счастлив, что позабыл о Боге... Ещё были Укромный, Заячий, Дорогой и Лиственничный.

А что же избушки? Большинство избушек, что затерялись в лесах, к сожалению, безмянны. Но именно в них, когда никуда не торопишься и живёшь в согласии с собой, чувствуешь, как мимо течёт жизнь.

Лесные избушки замечательны тем, что порождают удивительно проникновенные мысли, что ни за что не появились бы в городе. Причём, мысли не о звере, не о добытой птице, а о мужественных и достойных поступках, что разбегаются от тебя маленькими полосатыми глухарятами и возвращаются красивыми и гордыми птицами. Им, ещё крохам, сразу бы ткнуться в благодатную среду умиротворенного лесного оцепенения и почувствовать, как вожделенно это обыкновенное, полное радостей существование! Но счастье жизни так просто не заработаешь: отдай всего себя, иначе - как ты всерьёз задумаешься о собственной судьбе и о судьбе леса?

В замечательной простоте лесной избушки к человеку приходят необходимая сосредоточенность и терпение. После утомительных лесных переходов в необъятной тайге и бесконечных ночёвок у костра избушка вновь встречает тебя своим устоявшимся запахом, какого ты никогда не почувствуешь в городской квартире.

И сколько бы лесных избушек ни встречалось на твоём жизненном пути, тебе всегда будет не доставать лёгкого дверного скрипа в лесной тиши, так что на него отзовётся лишь полная загадок тишина. Маленького паучка, что резво прибежит к тебе зачем-то, замрёт рядом, а в следующее мгновение исчезнет,

будто его и не было. Трепетного запаха осени или лета, солнца и ветра, тёплого птичьего пера...

Окна таких избушек отсвечивают на закате какой-то простой и замечательной истиной: познав её, тебя уже никуда больше не тянет, и хочется только жить в такой маленькой лесной избушке, у потаённого ручья, изумляться легкости овладения окружающим миром, и радоваться.

ОСЕННЯЯ ЛУНА

Стремительно ускользает в логах солнце. Слабо трогает сердце отрешённая синева сентябрьского неба. Ещё усердно перелетают с дерева на дерево потрескивающие дрозды, а с другой стороны леса выплывает необыкновенно большой и желтый круг. Осенняя луна появляется всегда неожиданно и ярко.

С первого взгляда она поражает непохожестью со всем, что тебя окружает. Подступающие сумерки сглаживают дорогу, деревья, речку и сам осенний воздух, что можно резать на тонкие прохладные ломти, а луна только ещё более выделяется на небе, резко очерчиваясь и округляясь. Она действительно неподражаема, когда изливает на землю свой бесстрастный, но чарующий свет.

Так же бесстрастно поднимаясь над елями, луна приковывает к себе излучаемым жёлтым таинством. Но более всего притягивает её полнота. Такой округлой, до краёв наполненной сдержанным достоинством, она не бывает ни в какое время года. Только осенью, в золотую пору угасания лесов и трав, плодоносит луна набранным за лето соком.

Часто луна, в осеннюю пору, краснеет, и об этом в народе говорят, будто Каин на ней убивает Авеля, пуская ему кровь. На самом деле краснеет осенью работник, хозяин бледнеет, а луна становится медовой, наполненной ароматным соком, что стекает в небесную посудину из небесных сотов. Лунный мёд вытоплен в природной печи лета таким густым и сахарным, что за осень постепенно отстаивается и светлеет.

Правда, бывает, выкатится на небо красная луна, и кажется, будто мёд её с гречи, тогда как белая луна - с цвета липы, а малиновая - с душистых ягод. Если же с осенней луной всю ночь пробыл, значит, мёд и пиво пил, по усам текло, в рот попало, и на душе пьяно и сытно стало: осенью в воздухе много и крепкого пива, и душистого мёда, и зелёного вина. Но хоть и сладок, говорят, мёд, да не по две ложки в рот.

Изредка осенняя луна приобретает цвет пурпурного винограда, когда он созревает. Не пронзающая душу красота, а медленно заполняющая её, как терпкое вино. Сок небесного плода, ударяющий в голову с какой-то божественной благодарностью за всё увиденное, но не пьянящий.

Вообще, с каждым новым появлением осенняя луна преобразается и возникает на небе как-то по-особенному, тихо и замечательно. Словно кто-то очень таинственный и отчего-то одинокий вознамерится поглядеть на земной мир, замрёт настороженно над горизонтом сентября и, постепенно выясняя всё

для себя, взбирается ещё выше по своей загадочной дуге, но никто этого не замечает. Вернее, не обращают внимания на перемещения луны.

Иногда луна всплывает на небосклоне, как какая-то неведомая глубинная рыба - неуклюжая, плоская и круглая, а зад - обрубком. Такая рыба, действительно, водится в Средиземном море, и называется, как ни странно, лунной, наверное, потому что на самом деле похожа на луну. У луны угадываются даже глаза, и она холодно взирает на всё происходящее, и ничего, как будто, не чувствует.

Порой же луна напоминает рыскающего в осенней ночи волка, когда крадётся за тучами, лишь изредка обнаруживая своё хищное присутствие. Отчего она бывает такой, и кого пугает этим отрешенным безжизненным светом? Может быть, луна просто играет в ночи, или сами облака бегут, то скрывая её, то открывая, и от этого она начинает казаться зловещей.

А вот если луна попадает в большую сиреневую тучу, освещённую кремовыми лучами, что напоследок излучает солнце, и задерживается в ней на какое-то время, она превращается в цветок-корону, нечто святое и недостижимое. Остановившись в таком величественном окружении, луна будто наслаждается случайно достигнутым тронном, но при этом не задаётся, и всегда взирает на человека с вопросом и пониманием. Как бы низко луна ни ходила, она постепенно, всё же, поднимается, а достигнув необходимой высоты, замирает, чтобы посветить лесу, зверям и человеку, отрешённо размышляя о своём особенном лунном состоянии. Что очень привлекает в осенней луне, так это её замечательная воздержанность при таком тронном нахождении: скромность царственной особы, ведающей о мире всё.

Часто луна отчего-то, бывает, печальна, как женщина, что уже потеряла свою былую красу, хотя ещё и привлекает. Незаметно выплывает она из-за леса, вроде бы, совсем нелюбопытна и молчалива. Свет её неспешно льётся, мягко бросает белые блики на ночные одежды спящих деревьев, и не сразу разберёшь, что занимает луну.

Именно осенью луна кажется настоящей красавицей, как бы она ни была грустна. Покоясь на своем небесном ложе, луна опутана тончайшей лиловой дымкой, а глаза матовые, с длинными ресницами, волнуемыми ветром, что не всегда ясно угадываются, но очень ощутимы. Воображаемые волосы слегка поднимаются, и вновь падают на её округлые плечи: все в луне очаровательно! И если даже тронет печалью сердце, то ненадолго, с чудесным переживанием.

Мягкий ветер еле слышно дышит ароматной влагой, тихо веет в ночных сумерках, и всё только за тем, чтобы быть для луны приятным. А луна, будто не замечая его внимания, начинает потихоньку прихорашиваться. Как у единственной, не похожей ни на кого звезды, получается это у неё величественно, но по-женски, с милой улыбкой. Да и почему бы луне, хоть немного, не покрасоваться, когда ей кажется, что на неё никто не смотрит?!

Наведя свою красоту, луна вдруг замечает, что красота принадлежит всему миру, и сразу становится серьезной, плывя по небу тихо, даже осторожно. Слишком многогранен и таинствен мир, что замер в ожидании её

непревзойдённого сияния.

Луна поднимается всё выше и выше, так что не страшны ей уже ни вселенский ветер, ни ночная тьма. Луна встаёт надо всеми, чтобы быть заметной и самой желанной. Она открыта любым взглядам и устремлениям в своей бездонной вышине, и в тоже время, как будто, предупреждает: думайте про меня, что хотите, но я всё равно недостижима.

К полуночи луна забирается так высоко, что уже не вызывает какие-либо образы. Она, наверное, просто устаёт от переживаемых мыслей, что передаёт земле и людям. Луна как будто отдаляется от них, постепенно становясь самой собой, и желает уже неизвестно чего, с точки зрения человека. Наконец, наступает момент, когда луна остаётся совершенно одна: даже звёзды не видны в её окружении, так она ярка и чиста.

Слов нет, луна прекрасна в ночную пору, но и безлунный мрак радует глаза, потому как всегда ждёшь появления осенней луны, чтобы вновь в молчании созерцать биение ее сокровенного сердца. А порой вдруг луна показывается лишь перед самым рассветом: большая, настороженная и бледная. Никак не поймёшь: та ли это луна, что совсем недавно очаровывала своей яркой красотой? Её свет, что скупое сочится сквозь частые ветви, тоже волнует душу.

Луна никогда и ни к чему не остается равнодушной. Даже в безжизненную декабрьскую стужу, с пухлой одутловатостью сугробов и всеохватным дремучим сном, она искренне струит сквозь бегущие облака живой свет. Бельмом в глазу зимы суждено оказаться только солнцу.

С молчаливым восторгом обнаружив взошедшую над пасекой луну, не прекращаешь думать о ней весь короткий осенний вечер. Изредка взглядывая на ясное лицо луны, непроизвольно ощущаешь, как она взирает отовсюду. Свет от неё - на любой ветке, и радость этого белого свечения передаётся каждой клеточке тела, а душа замирает в предвкушении нового открытия. Как светло под осенней луной, что лишь прибавляет радости!

Вскоре в лесу становится совсем дремотно и глухо. Быстро засыпают земля, трава и листья, и теперь уже луна, укрываясь загадочной улыбкой, угадывает, как бьётся в твоей груди растревоженное за лето сердце.

ЭТОТ ВЕТЕР

Иногда, если я нахожусь в лесу совсем один, ко мне как будто кто-то обращается. Это может быть ветер, луна или сам лес, всей своей вековой мощью поднимаясь перед моими глазами, но не зовущий за собой. Ты сам должен выбрать к нему путь, и происходит это всегда естественно, если ты, конечно, честен.

В такие моменты я чувствую, как какие-то силы словно наблюдают за мной, и не остаются ко мне равнодушными. Время от времени они напоминают о себе, пытаются заговорить на своём языке, и я хорошо этот язык понимаю. Вернее, угадываю его, стараясь продлить это вдумчивое и

таинственное общение.

Правда, ни лес, ни ветер, ни луна не любят долгих разговоров, о главном они возвещают очень кратко и незабываемо красочно. Ветер всегда живой, и по нему, если чутко вслушиваться в его завывания, стараясь их понять, можно узнать, какая будет погода. Всё зависит от его настроения и от того, как серьезно сам человек относится к мыслям ветра и его неуловимой душе.

Если ветер начинает дуть зимой с северной стороны - жди больших холодов, а юго-западный бывает тёплый. Облака идут против ветра - это к неожиданному снегу, ветер задувает, и нет инея - будет буран, когда же с севера потянул тихий ветерок, и следом за ним на горизонте показались расплывчатые облака - быть обильному снегопаду. Слабая тяга в печи и дым из труб, что клубится и расползается, без ветра клонясь к земле, тоже указывает на снег.

Восточный порывистый ветер - самый коварный, нелюбимый в народе, он появляется всегда заунывно, со свистом, предвещая обычно продолжительную непогоду. Кошка скребёт пол, кидается на ковер и дёргает его именно при этом худом ветре. Вороны рассаживаются на нижних ветках деревьев - вот-вот подойдут холода с севера или северо-запада, особо сильные ветра предвещают зимний гром, но уж если январским ветром подуло - зима, говорят, на весну повернула.

Бывает, ветер ходит туда-сюда, словом, дурит, и это тоже свидетельствует о приближающейся непогоде. Ветер как будто распаляет себя, не желая сдерживать свой яростный порыв, и все сразу замечают, как он загадочен и силён. А ветер только сильнее усердствует в своих непостижимых устремлениях, и человек поддается на его метания, не в силах что-либо им противопоставить. Втайне ветер, быть может, хочет избавиться от этой своей неприкаянности, но на самом деле никто его, чаще всего, не понимает, и ветер негодует и задувает ещё пуще.

В ветре, вроде бы, нет ничего мудрёного, и он возникает из-за того, что солнце греет неодинаково: всегда где-то теплее или холоднее. Тёплый воздух легче, и он поднимается высоко в небо, холодный же - тяжелее, и тотчас устремляется на его место. Вот и получается, что холодные массы, куда-то неистово переносясь, с рёвом гнут деревья и срывают с них листья, но покажется солнце, и ветер вновь пропадает.

Именно поэтому, наверное, часто говорят, что ветер непостоянен, но вряд ли отыщешь в природе что-либо более надёжное в своей свободе. Просто временами ветер улетает туда, где в нём испытывают потребность, а как только почувствует в ком-нибудь ещё большее устремление к себе, тотчас возвращается. Никто не в силах превозмочь его неудержимую природу быть всегда в нужном месте.

Когда ветер летит над землей, никто его, конечно, не видит, но зато чувствует каждый. Всё, что ни попадает ему навстречу, он толкает, бросает и кружит. А того, кто не поддается его устрашающим завываниям, ветер заставляет низко поклониться. Никому ветер не даёт спуска, ибо суть его

такова, что он дует и теплом, и холодом.

Редко кто из людей понимает ветер, так как по характеру он бывает ураганным и штормовым, ровным и порывистым, шквалистым и тихим, шатким и круговым. Направление ветра определяют по сторонам света, деля на тридцать две доли. Ветер различают также по временам года и времени суток. «Не верь ветру в поле» - поучали старые люди, поскольку угадать его душу очень непросто: ветер многолик.

Из-за того, что ветер непостоянен, люди меж собой прозвали непоседливого человека не иначе, как ветрогоном, что делает всё как попало и опрометчиво. Слова такого человека тоже воспринимались брошенными на ветер, то есть - попусту. Ветер ходит, дует повсюду, сквозит, но толку от него мало: с ветра пришло, как говорится, на ветер и пошло, и кто ветром служит, тому только дымом платят.

Но так ли ветер непостоянен, если не носить выше его головы? Ведь не зря в народе замечали, что от хозяина должно пахнуть ветром, а от хозяйки - дымом, и стоит ли дуть против ветра, вместо того чтобы угадывать его настроение?

Обычно ветер живёт в согласии со всем, к чему прикасается, и этими прикосновениями он может пробудить в скале, дереве или цветке их душу. Стоит только лёгкому ветерку пронестись над верхушками деревьев, как они начинают обеспокоенно шуметь, переговариваться, и не успокоятся, пока ветер не пожелает им крепкого сна. Цветок на ветру стремится не озябнуть, закрыться, но иногда он и распускается, если почувствует в неудержимой стихии внимание к себе. Обычная вересковая веточка способна тонко благоухать только от одного его прикосновения. Что уж говорить о кусте сирени, чей аромат ветер подхватывает, повсюду разносит и, наверное, пьянеет от этой возможности преумножать и без того прекрасную жизнь!

Ветер дует зимой и весной, летом и осенью, и всё, кажется, не может нарадоваться своей способности, безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться. В разные времена года ветер неодинаков, и от этого весна начинает казаться краше, лето ароматней, осень утончённей, а зима глубже.

Ветер, несомненно, хорош собой, и когда он с силой гнёт деревья, чувствуется, какими они тоже становятся сильными и солидарными с ним, даже самые разобщённые. Не сдаваясь перед его мощью, деревья словно стараются убедить в чём-то ветер, как обычно отстаивают своё мнение гордые и правдивые люди. Правда, от холодного северного ветра крепкие ели иногда опускают свои нижние лапы к самой земле, но от этого образуется еловый шатер - уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека. А вот если такой ветер дует со снегом, хоть и колючим, это - как чьё-то неясное душевное обращение, что он доносит откуда-то сверху, с небес, и оно только радует всех и умиротворяет.

Когда начинает задуть весенний ветер, он проносит по небу лёгкие облака, и тогда такими же вольными рождаются в тебе мысли. Задорный

мартовский ветер и смел, и упруг, и норовист, а как до боли в глазах прозрачен и синь! Лишь ненароком коснётся он твоей головы, как бы невзначай, но будь уверен: весенней порой этот ветер никогда не бывает случаен.

Благодаря именно весеннему ветру, солнцу и поблескивающему насту молодой березняк как будто отрывается от земли и плывёт над ней нежно-розоватым вздрагивающим облачком. Все приключения души по весне никогда не воспринимаются тяжкими, они всегда имеют свежесть молодой травы, обласканной самым чистым апрельским ветром. Перед скорым рассветом ветер мягко, по-кошачьи, прокрадывается над макушками деревьев, и одну за другой задувает на небе зелёные, синие и белые звезды.

В начале лета вдруг уверуешь, что нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру, но выдастся затишье, что предшествует ветру, и всё в душе смутится от нерастрченного чувства к нему и тому, что его порождает. Преисполненный довольства августовский ветер, наверное, от переизбытка радостных ощущений, сам однажды заводит с человеком тихую, душевную беседу, когда человеку достаточно просто слушать и, мысленно, отвечать ветру. Вот когда почувствуешь, как дорог тебе ветер, из всех стихий, пожалуй, самый дорогой и любимый.

Осенний ветер необыкновенно музыкален. Выводя мелодию без слов, он, как и человек, поёт давно известную им обоим песню. Про возвышенные порывы души и тягость непонимания тебя другими людьми, про желание познать лучшую жизнь, чтобы когда-нибудь всё потерять и вновь возродиться. На многое способен бродяга ветер, что горазд до разных перевоплощений.

Из обыкновенного воздуха ветер слагает такие песни, что по силе своей бывают ни с чем несравнимы. Иногда их называют душевными, идущими из самой его глубины, и они всегда приносят с собой тепло. Хорошо внимать им посреди зимы, когда ни о чем другом не хочется думать. Просто сидеть, прислонившись спиной к бревенчатой стене своего дома, и слушать, как не торопясь выражает ветер свои глубинные настроения.

В песнях этих никогда не услышишь опрометчивости, какого-либо непостоянства. Может быть, лишь поневоле затаившуюся непоседливость или невыразимую грусть, что поселилась в ветре изначально. С самых далеких времен его прошлой жизни, когда он витал над пустынной землей и чувствовал себя одиноким.

С тех пор мало что изменилось в его отношении к себе, но ветер стал петь, наверное, и для человека. Особенно зимой, когда белое безмолвие как будто сковывает восприятие, и кажется, что оно умирает. Ещё ветер восполняет в зимнюю пору пение птиц, что ещё не прилетели, и тогда дуновения его становятся удивительно схожими с их переливами. Он так же, как и они, трогателен и настойчив в достижении своих непревзойдённых желаний. Иногда самые важные слова доносит до человека именно ветер, и тот вслушивается, потихоньку складывает из них недостающие мысли и сам становится, как ветер: плохо будет дуть, так ничего ему не дадут, а если хорошо дунет, то всё у него будет!

Ветер чудесен по своему воздействию на человека и несёт в себе порой много неизведанного. Ветер не ограничен во времени и пространстве, он волен быть там, где ему захочется. И разве может кто-либо сравниться с ним в обилии переживаемых впечатлений?! Ветер великодушно делится ими, если быть внимательным и вдумчивым, и ещё он постоянно вселяет в человека веру, что всё не напрасно, если не посчитать его таковым; человек же, со своей стороны, оказывается неутомимым, как ветер, только когда испытает на себе не одну бурю.

Ветер улыбается, когда у тебя что-то получается, и ни в чём не мешает, если поверил, что ты уже давно и по-настоящему захотел стать самим собой. Конечно, этого не увидишь, но почувствовать можно: главное, быть таким же внимательным, как ветер, равнодушным, и тогда многое из того, что доступно ему, станет доступным и для тебя.

Ветер, как любимая женщина, ждёт тебя, настоящего, мучается, несмотря на своё могущество, и желает, чтобы ты принадлежал только себе, как и он сам. Конечно, ветер жаждет поклонения, но в силу собственного достоинства и мудрости великодушно предоставляет возможность и тебе, хотя бы раз, оторваться от земли.

Ветер никогда не ищет для себя выгоды, он может снизойти до любого человека, пав перед ним ниц, и будет долго ждать, пока человек не взглянет, наконец-то, на звёзды и не возжелает взметнуться выше небес, но всё равно останется при этом самим собой. В нескончаемых завываниях ветра всегда угадывается, как он желает для человека лучшей доли, старается не покинуть его до самой последней минуты, и всё это ради того, чтобы человек не угасал и помнил: он - человек, способный на всё, чем обладают и ветер, и солнце, и даже огненная стихия.

Сказать, что ветер просто хорош, значит, не сказать ничего, ибо кто, как не сам ветер, способен растревожить любую заблудшую душу. Он может открыто наслаждаться и своей пугающей необъятностью и глубиной, хоть и позавидует ей далеко не всякий, но вот захватит она, по-настоящему, каждого. А это уже нечто более возвышенное, присущее только тем, кто зажигает звёзды.

Ветер никогда не предупреждает о своём появлении. Когда его долго нет, ты, думая о нём, начинаешь приписывать ему то, чем он, может быть, даже не обладает, но если ветер вдруг появляется - всё ненужное сразу отпадает, и ты ясно осознаёшь: быть ветром - это наивысшее состояние духа, к которому нужно всегда стремиться и быть к нему готовым.

Я не понимаю отсутствие ветра... Вернее, когда он долгое время не прилетает к человеку, как будто куда-то пропадает, и от этого становится пусто. Ветра не может не быть, он - воплощение любой человеческой мечты или поступка, если ты обладаешь, хотя бы, маломальской энергией.

Может быть, мысль человека даже сильнее и свободнее самого неукротимого ветра. Принимая ветер как брата, и понимая работу мысли как самую свободную энергию, я однажды вдруг почувствовал, что ветер и есть,

наверное, та сила, какую, в первую очередь, создаёт человеческое сознание.

Иногда ветер сам будто человек, что постоянно стенает о хорошем, когда он обделён им... Но разве можно допустить, что ветер способен о чём-либо стенать или просить, желая для себя более достойной доли?!

Нет, ветер не стенает и не просит, он неустанно убеждает всех в том, как восхитительна жизнь в своём отрешённом парении и, несмотря на свою видимую лёгкость, относится к ней очень серьезно.

Порой ветер как будто разговаривает с кем-то, и ты не сразу понимаешь, что это он общается с самим собой, как часто бывает с любым человеком, что доверился только собственной душе. Ветер задувает всё сильнее и сильнее, будто не надеется на ответное чувство от кого-либо. Он, ветер, до такой степени одинок в своём затворничестве, что готов дарить себя лишь избранным, и только избранные, как и ветер, готовы воспринимать его всеохватывающие притязания.

Но попробуй-ка отыскать родственную душу, да ещё как у ветра! Правда, если очень желать, то встреча с ветром непременно случается, и он находит тебя, где бы ты ни был.

Однажды ветер отыскал меня в самых глубинах ноября, что ещё не был обременён подступающей зимой, и предупредил о своём появлении отдалённым, но ясным завыванием. Вернее, это было нескрываемое приближение к тебе того, что может изменить судьбу, и я, помнится, насторожился, прислушался и отложил обломок карандаша, когда записывал кусочки лесной жизни. Пламя свечи тотчас дрогнуло, метнулось, и затерявшаяся в лесах избушка на мгновение озарилась тревожным светом.

Вселенский гул, какая-то необъяснимая и страшная сила наступала с ветром из осенней темноты, но я ещё более подался всем своим существом к тому, что, несомненно, двигалось ко мне. Наверное, я просто проявил неподдельный интерес к ветру, как до этого к самому лесу, и он это почувствовал. Ветер не случайно вознамерился добраться до моей избушки, но страха не ощущалось, а было только стремление встретиться с этой силой лицом к лицу, и подружиться, если она того пожелает.

Отойдя несколько шагов от избушки и очутившись в ночи, я присел на маленький чурбачок и оглянулся. Огонёк свечи в окошке опять горел ровно и как будто подсказывал: ты всё делаешь правильно, только отрешись сейчас от моего тепла и обрати свой внутренний взор перед собой, в наполненную жизнью черноту, куда уже устремился свободный ветер. Он приближается именно к тебе, и ты должен быть готов к его встрече, иначе ты не жил.

Мне, конечно, не раз приходилось бывать в страшном ночном лесу, когда всё в нём звенит от немоты невысказанного, но если и складываются какие-либо образы, то проплывают они перед тобой неясными видениями, шорохами, от которых хоть беги из леса без оглядки. Непременно в такой момент засветятся, вздрагивая повсюду, зелёные светляки, как будто к тебе приближаются звериные глаза. А то вдруг пробежит по верхушкам деревьев таинственный шепоток, опалит своим стылым прикосновением так, что

заменеют пальцы, и ещё неприкаянной станет в лесу. Но именно поэтому уже не посмотришь на лес свысока: всякое, пусть даже самое жуткое происшествие в его неведомых просторах, на деле, преисполнено смысла, и в нём можно угадать какое-либо предзнаменование.

Но ещё страшней, когда случается вот такой всесокрушающий вой, что приходит из какой-то запредельной и неприкаянной пустоты, где, наверное, ещё не существует боли, а живёт то, что утробно изрыгает свою необузданную дикую суть. Может быть, это Вселенная решила проверить тебя на прочность: выдержишь ли ты её натиск, не дрогнешь? Не без восторженного содрогания при этом постигаешь: неужели подобное возможно?! Чтобы ветер или Вселенная чувствовали человека, разгульно и в тоже время уверенно шли к нему навстречу, а человеку бы только оставалось ухватить и держать совершенно неповторимое ощущение слитности с этой великой бесконечностью.

Главное, чтобы ты сам чувствовал ветер, думал о его потрясающей нестигаемости, и тогда стихия принимает тебя, хотя, временами, будто и негодует или просто злобится, невольно выказывая свой необузданный характер. Но как бы ни был силен ветер, налетевший из неведомых чертогов Вселенной, не пытайся от него утаиться, встречай его душой, сливайся с ним всей своей сутью, и уже вскоре вы вместе будете сгибать столетние ели, а ты и не подумаешь этому удивляться. Сила ветра соединится с твоей силой, и вы навсегда станете едины.

Тогда, в ноябре, могучий вселенский позыв, вмиг обозначив своё присутствие и поняв, что человек ему полностью доверился, вдруг взметнулся, будто от радости, затем бросился вниз, по логу, и это было непередаваемо! Всё во мне перевернулось и замерло, и я в нетерпении ждал, когда ветер вновь вознесётся над вырубкой, где приютилась избушка, а он всё не показывался. Было только слышно, как ветер завывал в самой низине, и от этого голос его казался глухим, надтреснутым и недовольным, будто он с кем-то там ругался, но я чувствовал: ветер про меня не забыл, и только отчего-то делает вид, что не замечает.

Если долго стоять на ветру, выйдя из обыкновенной охотничьей избушки, то тебе начинает казаться, что ты его во всём понимаешь. Ветер прилетает, вроде бы, только для тебя, думает о своем, не забывая тебя, и вершит свои права, конечно, несмотря на чувства человека, но и не без его участия. Когда ветер метит никому неведомые пути следования, то только затем, чтобы немного отдохнуть у земли от своих нескончаемых возвышенных дел и рано или поздно обратить к ним твое внимание.

Ветер удивительно целен, замечательно бесконечен, и хотя принято думать, что он одинок, но поля, цветы, деревья и певчие птицы относятся к нему, как к старшему брату. Ветер витает над ними, размножает, доносит до слуха всего живого их дивные голоса, будто приглашая заглянуть в свою душу, которую, впрочем, тотчас закрывает, но ощущение от этого мгновенного соприкосновения с ним остаётся самое необыкновенное.

Ко мне ветер прилетел совершенно открыто, щедро распахнув всю свою душу. Да, и чем мог помешать ему человек, кроме, как завязать с ним мысленную беседу, написать о нём рассказ, попытавшись понять его непростую и восхитительную суть? Ветру было подвластно всё!

Он носился всю ночь напролёт над долиной таёжной реки, то исчезая, то оказываясь совсем рядом, и я верил всему, что он мог себе позволить и вообразить. Ветер увлекал меня в самые головокружительные высоты и я, безоглядно отдаваясь его потоку, чувствовал, как он почему-то заботится обо мне. Проявляя свое внимание где-то в необозримой вышине, он в мгновение, будто играя, появлялся поблизости, а я, наоборот, мечтал унести с ним в ночное небо, и помочь мне в этом был способен лишь ноябрьский ветер. Удивительно, но только с ним оказывалось возможным прикоснуться к звёздной жизни, быть там, сколько ты захочешь, и, пока все спят, беспрепятственно вернуться на землю.

Вот такой он, этот ветер, и ничего не поделаешь, когда он переворачивает в тебе душу, но, в тоже время, обозначает судьбу. Ветер судьбы - это, несомненно, и ветер странствий, ветер-бродяга. За его неожиданным появлением всегда стоит долгий путь поисков и ошибок, когда ты ещё не в состоянии определить, что представляешь в этом мире, и что когда-нибудь из этого родится. Однажды налетая, ветер подхватывает мятущуюся душу, и душа вдруг обретает крылья, которые уносят её, вместе с мечтою, за исчезающий горизонт.

«КРАСНАЯ ГОРКА»

Любой зверь или птица, с приближением весеннего тепла, находит в лесу такое потаённое место, где он наиболее радостно и полно встречает свою любовь. Чаще это происходит почему-то на горке или южном склоне крутого лога, словом, на какой-нибудь небольшой возвышенности, представляя собой иной раз самую обыкновенную кочку, но всегда выгодно приподнятую над окружающей местностью. Птицы и звери словно стремятся произвольно возвыситься, чтобы быть ближе к небу и солнцу в своих восторженных чувствах.

В любую другую пору обычно прячась и скрываясь в чаще от чужих глаз, сейчас они странным образом забывают об осторожности и, наоборот, будто норовят, чтобы их заметили и оценили. Лесные обитатели, казалось бы, полностью теряют привычный облик и превращаются в незнакомых никому ранее птиц и зверей, которые, наконец-то, обретают по весне свою «горку».

В народе такую горку издавна прозвали «красной». «Красная», значит, прекрасная, лучше которой нет на всём белом свете! Но не внешней красотой славится она, не добрым лесом или полянкой, а радостной взаимосвязью с окружающей природой. С горки, пусть даже самой маленькой, всё воспринимается гораздо ошутимее и ближе.

Звери и птицы неспроста выбирают именно это место, на том самом

холмике, возле того полюбившегося сосняка или болота, под пологом той раскидистой дубравы, потому как оно для них и раздольное житьё, и полное довольство. На «красном» месте и денёк становится «красным», а настроение прекрасным. И как бы сердце ни рвалось весной к недостигаемому горизонту, но успокаивается оно своей, даже не всегда приметной, «красной горкой». На чужой стороне, говорят, и весна не красна!

«Красная горка» - это место встречи весны для птиц и зверей, где они так же, как и люди, выбирают для себя какую-то свою, удивительную и, между тем, очень простую точку восприятия всего самого доброго в своей жизни. Не гору, а именно горку, чуть выдающуюся над всем окружающим пространством вершинку, может быть, самую малость, но обязательно, чтобы она виднелась и хорошо угадывалась! Здесь лесным обитателям суждено продлить свой красный род.

На «красной горке» птицы и звери издают такие мелодичные звуки, что могут родиться только в приподнятости духа, весной. Музыкально и радостно, во имя весны и продолжения рода, как будто заново начинают жить птицы и звери на родной земле, и это торжество чувств важно найти и увидеть в лесу.

Но не всегда птицы и звери откликаются на наше внимание, и следует, наверное, самому весной обратиться зверем или птицей, чтобы они тебя приняли. Вернее, чтобы позволили обнаружить и допустили к себе, поскольку в человеке весной тоже просыпается желание нахождения своего чувства и места, где оно может быть выражено, и если он связан с природой, постоянно с ней общается, то его «красная горка» соединяется с «красной горкой» зверей и птиц. Человек приходит к тому месту, которое выбрали звери и птицы, и сам вместе с ними, как-то более полно и радостно, встречает свою весну.

«Красную горку» он всегда отметит в лесу, запомнит её местонахождение и, обнаружив, возрадуется. Что-то удивительное произойдёт в его душе, то, что так неожиданно перевернёт её, даже вознесёт и облагородит. Ему захочется слиться с этой душевной приподнятостью птиц и зверей, и понять то, чего он раньше не понимал. А ещё поверить в какую-то удивительную природную занятость всех в общем жизненном потоке - и птиц, и зверей, и людей. В том потоке, что приносит нас к долгожданному единению с лесным миром.

Для человека такое «красное» место присутствовало раньше в любой деревне. Оно было свято, незыблемо, люди стекались туда только в самые великие праздники, и всегда это было связано с чем-то очень значительным в жизни крестьян: с приходом весны и сжиганием чучела зимы, с началом посевных работ или сбором урожая. «Красное» место и располагалось на виду, о нём знал и стар и млад, и все его, конечно, чтили. «Красным» местом для людей оказывалось то самое радостное состояние души, к которому они стремились весь год и достигали, обновляясь, только весной.

Весной в природе всегда присутствует приподнятость. Она и в душе, и в каком-то особом отношении леса к жизни животных. Всё в нём создано так тщательно и разумно, что следует только прийти туда и увидеть. Но прежде, чем

обрадоваться обретению, нужно быть к нему готовым. Нужно однажды самому приподняться над своей ленью, равнодушием, и отправиться весенним мартовским утром в дальнюю дорогу, как это случилось однажды со мной, когда я одновременно угадал и время начала глухариного тока, и его место.

Мартовское солнце уже с самого утра слепило нестерпимо, густые синие тени от широких елей убегали вглубь леса, играючи прятались за деревьями и сливались, образуя загадочную затаенность, а крупные крестики от глухариных лап на снегу почему-то удивительным образом зачаровывали. Ни у рябчика, ни у тетерева следы такого воздействия не оказывают. Только глухариные, с палец толщиной, следы манят за собой, будто обещая что-то необычное. Идёшь по ним, и не можешь налюбоваться, так же, как и не можешь объяснить, отчего так происходит.

Но ещё более загадочно то, что в мартовском утреннем лесу следы глухаря почему-то всегда выводят тебя на какую-либо горку или солнечный угор. Привязанность птицы к такому высокому месту очень интересна и удивительна. Ведь глухарю не приходит на ум усесться на какой-нибудь раскидистой сосне, повыше, подставив перламутровую грудь ласковым солнечным лучам, а хочется потоптаться именно на вершине горки, там, где снег подтаивает в первую очередь.

Снег с каждым мгновением всё более вязнет, тяжелый глухарь проваливается, но не покидает свою «красную горку». Раскинув в стороны крылья и раздув шею, он начинает выписывать свои чертежи, что выгнутыми серпами тянутся вдоль следа, указывая приблизительное местонахождение будущего тока. Глухарь, как индюк, как-то косолапо переставляет в зернистом снегу лохматые лапы, время от времени гордо выпячивает грудь и на мгновение замирает, настороженно склонив голову набок, а через секунду вновь, ещё более оживлённо, наворачивает свои мудреные петли. И всё норовит пройти по самому крутому гребню склона, где, кажется, вот-вот скатится или оборвётся, но ничего не происходит, и глухарь благополучно минует опасное место, в следующий миг уже нацеливаясь на более рисковое. Редко когда удастся подсмотреть это сокровенное лесное таинство, ну, а если уж посчастливилось, радости нет предела!

И разве может быть предел в сопереживании с птицей её весны, когда гордый самец торжественно одевается в праздничные одежды?! Наливаются брусничным соком его брови, отливают зеленоватым перламутром выгнутая грудь, распушается и без того роскошный веерообразный хвост, горбятся в любовном напряжении крылья, а карий глаз косит безумным возбуждением, блестит. Всё в глухаре - великая весенняя страсть, словно приподнимающая его над самим собой. Еле сдерживаемая радость со смятением, и такое восхитительное нетерпение!

А где-то, неподалеку, слышится и тетеревиное бормотание, что настойчиво разносится над землёй. То затухая, то всё сильнее разгораясь, оно, кажется, переливается через край, захлёстывает своей самозабвенной отдачей и увлекает за собой. Хочется бросить всё, и идти на этот призывный звук, позабыв себя. Искать ту самую «красную горку» своей долгожданной весны!

Среди частых кочек потаённого лесного болота, что уже почти высохло, происходит весной неведомый многим дупелиный ток. Возбуждённые самцы,

от переполняющего их волнения, привстают на цыпочки, гордо выпячивают грудь, и как будто тянутся в недостижимые для них выси. При этом они в возбуждении прихлопывают крыльями, клацают клювами и без усталости вертятся на месте, то и дело подскакивая. Всё их маленькое птичье существо прорывается наружу в радостной песне.

Радость свою лесные кулики всегда стараются преумножить за счёт того, что забираются на какую-нибудь ближайшую кочку, и уже с неё, ещё более азартно, принимаются провозглашать весну. Порой начинает казаться, что от этого они даже становятся крупнее. Так хочется, наверное, дупелям приподняться выше, причём, не отрываясь от земли, не взлетая.

Такие высыпки удивительно подвижны и действительно вызывают у наблюдающего за ними человека ощущение приподнятости. Будто это стайка диковинных буровато-кремовых бабочек восторженно приплясывает над укромным лесным пространством, а улетать почему-то не желает. Хочется без конца смотреть на них, и вместе с ними восторгаться весенним праздником жизни. Весенние брачные игры этих маленьких птиц в нём, может быть, самое удивительное и незабываемое таинство.

Токование лесного кулика - это именно таинство, в отличие от самозабвенного токования тетерева, сто, скорее, похоже на массовое шумное игрище, когда вокруг всё кипит, гудит и катится по округе нескончаемым звуковым шаром. У дупеля же все его движения напоминают ритуальные танцы, загадочные, как сами птицы, волшебные и трепетные. Трепещущие нотки их нежных голосов создают тоненькие нити серебристых трелей, что невидимо разносятся в поющей синеве весеннего воздуха и не тают. А очаровательные птички вновь и вновь взбегают на выбранную для себя возвышенность, свою «красную горку», и дарят всем незатухающую нежную песню.

И всё же тетерева, несмотря на свою удаль и какую-то неподражаемую весеннюю отрешённость, оказываются не в меньшей, а, может быть, даже в большей степени устремленными к возвышенности птицами. Всё в них по весне нацелено на эту непоколебимую приподнятость, жар их чувств угадывается уже в налившихся алым соком бровях, в устрашающих, но вместе с тем и очень забавных позах, когда самцы воинственно наклоняют голову вперед, вытягивают надувшуюся шею и, выгнув веером лирообразный хвост, отчаянно нацеливаются друг на друга. Со стороны такое поведение тетеревов выглядит и угрожающе, и смешно, но птицы всецело охвачены своей «игрой»: без конца кружат по поляне, подпрыгивают и ударяются грудь в грудь, так что летят перья!

Вот какой-то краснобровый красавец, в добротном скроенном и ладно сидящем на нём иссиня-черном «сюртучке», вознамерился всех утратить своим решительным видом, и бросился, что было мочи, в самый крут токующих птиц... Выгнув спину и распушив хвост, он для начала гордо выпятил грудь, отрывисто прочуфыкал и мелким семенящим бегом ринулся вперед. Неожиданно двигаясь «галсами» то вправо, то влево, он ловко оббегал

других самцов, надеясь, наверное, таким образом, их запугать, резко останавливался и быстро поворачивался вокруг себя. Невозможно было при этом никого из птиц не зацепить, и раззадоренные тетерева тотчас переключались на бросившего им вызов обидчика, вскрикивали, бесстрашно налетали на него, так что уж ничего было не разобрать. И тогда ток превращался в сплошной чёрный ком, гремящий на всю округу. Попробовал бы тут какой-нибудь косач спокойно усидеть в стороне!

Но даже охваченные страстью, вроде бы, ничего не замечающие тетерева всё-таки умудряются двигаться так, чтобы оказаться на каком-либо возвышенном месте. Какая-то неведомая сила исподволь неотступно тянет их сюда, и птицы подчиняются этому скрытому зову, а вернее, не противятся ему. Они в гармонии с окружающей весной и природой, и им нечего выгадывать в своём восторженном чувстве. Заняв возвышенную позицию, тетерева ещё более самоотверженно бросаются в священную для себя драку.

«Красная горка» для косачей - это оплот их приподнятых по весне чувств, осуществление заложенного самой природой желания, во что бы то ни стало, добиться любви и продлить свой тетеревиный род. Это счастье вот такого, незаметно просыпающегося весеннего дня, когда каждая птица готова отдать себя без остатка, а назавтра с неухающей силой всё повторится вновь.

Пронизывая очищенный апрельскими дождями и крепкими утренниками воздух, тетеревиная песня слышится далеко, но если ток протекает на горе, то, бывает, его отзвуки разносятся даже на несколько километров. Возвращаясь не спеша с глухариного тока и заслышав зачаровывающее тетеревиное бульканье, всегда остановишься, присядешь и, невольно замечтавшись, вдруг радостно отметишь про себя: это косачи непременно облюбовали для себя свою «красную горку», отчего песня их льётся весело и без перерыва.

Бестолковые по весне зайцы тоже устремляются с наступлением тепла к чему-то высокому в своей жизни. Правда, получается это у них, опять же, весело и смешно. Выбрав для себя к вечеру удобную поляну, они потихоньку направляются к ней, незаметно выбирают на опушку и, затаившись, ждут чего-то. Их розовые носы двигаются в такт проистекающих вокруг ароматов, вдыхают долгожданную весну, и зайцы не торопятся что-либо предпринять. Зайцы ждут появления длинноухих красавиц, что взбудоражат в них ту недостающую им резвость, когда они как будто встрепенутся в себе, сбросят приятную сонную одурь и вдруг оживут.

Всё в зайцах теперь желает отдаться только по весне присущему им раскрепощённому духу, когда они могут вмиг одуреть, и зайцы начинают беситься. Бегают по кругу, прижимаются к земле и восторженно лопочут, могут перебежать у тебя под самыми ногами, присесть неподалеку и от радости взвизгнуть. Что-то они сообщают друг другу, даже, кажется, требуют и не всегда обретают. Сколько давно сдерживаемой силы выплёскивается из обезумевших от весны зайцев, и их необъяснимо тянет к какой-то высоте!

Может быть, к высоте над собой, а вернее, в себе, что таилась долгое зимнее время, когда зайцу приходилось довольствоваться малым, но, в тоже

время, таким приятным. И всё же, зайцу захотелось взбрыкнуть, выбежать на открытое пространство и во всеуслышание объявить о своём существовании. Что жив он, радостен и неустрашим, несмотря на подстерегающие его каждый день тревоги. Заяц будто обретает давно забытую смелость, что никогда не покидала его и только ждала своего пробуждения. Заяц сразу представляется всем очень смелым зверьком, способным, когда этого ему захочется, воспрянуть загнанной от страха душой, и просто, по-весеннему, обрадоваться.

Как и птицы, он почему-то желает отвоевать у своих собратьев хоть небольшую возвышенность, а когда отвоеует - уже ни за что её не уступит, остервенело обихаживая понравившуюся ему зайчиху. Горка маленькая, с еле приметный земляной пятачок, но заяц держится за него цепко, и ведёт себя очень неустрашимо.

При этом он может доставить облюбованной зайчихе массу неприятных хлопот, поскольку, видимо, не в силах удержать в себе проснувшуюся страсть. Любя свою подругу, заяц может в порыве чувств вырвать у нее с бока целый клочок, а то и хвост! Нелегко даются озадаченной зайчихе его весеннее тепло и ласка!

А другие зайцы, не обращая внимания на счастливца, носятся без задних ног по приподнятой от весеннего настроения поляне, и всё норовят достигнуть её венца. Вот бы взлететь в своём восторженном чувстве над этой поляной, а лучше - прямо за густой еловый лес, где им откроется нечто непостижимое, но такое же, наверное, восторженное, как их теперешняя жизнь! И зайцы носятся как угорелые, куда-то стремятся, и весна не разочаровывает их. Она по-доброму движет отрешёнными заячьими душами, не сдерживает их и даже иногда, наверное, обещает то, чего им на деле никогда не достигнуть. Хороши бы были зайцы, если б не верили в невидимую ни для кого, но всё-таки возвышенную и лёгкую заячью судьбу!

Свою своеобразную «красную горку», тщательно скрытую от чужих глаз, выбирают для своих свадеб в весеннем лесу и волки. Где-нибудь на небольшом пригорке, посреди густо заросшей старой вырубке, облюбует себе волчица такую плешинку, маленький островок любви, и держится его с самцом какое-то время. В весеннюю пору волки много перемещаются по округе, и, обнаружив какую-либо удобно открытую площадку, чаще почему-то, хотя бы немножко, приподнятую, волчица обильно метит ее ярко-желтой мочевиной. Всегда случайно натолкнёшься на такое место, и поразишься его дичью!

Весь снег на такой площадке тщательно вытоптан, тогда как кругом не тронут, и эта чёткая грань представляется нереальной. Как можно сохранить подобную четкость для сильного, неудержимого зверя в пору любовной необузданности?! И всё же волки не нарушают какую-то условную, понятную только им самим границу, в ней околдовывает именно эта скученность, тогда как вокруг белеют необъятные снежные просторы, что остаются девственными. Волки, должно быть, так сильно сосредоточены на охватившем их чувстве, что не в силах выскочить за его рамки, хотя бы, чуть-чуть в сторону. Звери самозабвенно схватываются в любовном танце, и им вполне

достаточно этого крохотного островка, чтобы насладиться своей близостью. Еле приметный бугорок, кажется, даже вдавливаясь в землю, с такой остервенелостью звери любят друг друга.

А вообще, волкам, как и многим другим животным и птицам, во время свадеб свойственны игры. Звери, уединившись, бегают друг за другом, припадают на передние лапы, и самки прижимаются головой к груди самца. В этой позе они вытягивают хвост и бьют им по снегу, оставляя отчетливые отпечатки, а прижимаясь мордой к морде во время прыжков, становятся на задние лапы, упираясь передними в партнёра. В таком положении волки часто падают вместе набок и снова начинают гоняться друг за другом. По ночам, в разгар гона, самцы часто садятся на своих маленьких возвышениях и воют так, что услышать их можно очень далеко.

Но что же, всё-таки, вынуждает волков подыскивать в лесной чаще именно этот, еле приметно возвышающийся бугорок? Кроме, как восторженной приподнятостью чувств от всего, что переживают звери, трудно объяснить происходящее. Волкам, точно так же, как и птицам, хочется, по-видимому, быть в это время немножко выше и в себе, и в лесу, и они тянутся к своей горке, что красна их необузданными действиями, чувствами и долгожданной весной!

Когда на такой горке, весной, происходит радостное возвышение звериных и человеческих душ, всегда светит солнце, а восторженность их чувств создаёт над ней волшебный венец. Он тоже всегда солнечный, но почти невидимый: его можно угадать только сердцем, равнодушным отношением к себе и природе.

Венец то ярко вспыхивает, то ненадолго меркнет, но при этом никогда не ощущается его отсутствие. Он - пик торжества, что совершается весной в сердечной слитности всех с «красной горкой», что показывается лишь тому, кто любит. Всё зависит от твоего чуткого отношения к жизни, незамутнённого ничем любовного чувства.

А чувство это ведёт именно к «красной горке», где всегда происходит рождение чего-то нового. Не каждый день, а только в какой-то особый весенний момент, куда надо суметь попасть, почувствовать его и слиться с ним. Чем больше думаешь, чувствуешь и видишь в лесу, тем радостней воспринимается это удивительное весеннее чудо - «красная горка»!

ВЕСЕННИЕ ШАРМАНКИ

Ещё до конца не истёк снеговою водой молодой братец- апрель, не прилетели с юга наши любимые птицы и только-только выклюнулись в редких проталинах долгожданные подснежники, а все болотца, озеринки и лужицы уже до отказа забиты лягушачьим студнем-икрой. Стояла бы влажная весна, да было бы доброе болото, а лягушки никогда не переведутся!

Лягушка встречается везде, и всем она хорошо знакома, но в разных местностях её зовут по-разному: лягуха, лягуша, ляготка, лягва, скакуха,

квакуша... А иной раз просто: болотное четвероногое земноводное, что передвигается прыжками. В народе лягвой прозвали неуклюжую и плоскую рыбу-чёрта, лягливую лошадь и ещё род потешного огня, пускаемого на воду, навроде шутихи. Даже не просыхающая лужа, обычная колдобина, яма с водой или мочажина с лывами, словом, менее топкое болото, чем тот же кочкарник, заваленный перегнившим сором, называлось не иначе как ляга. Нечто очень близкое самой лягушке, обитающей в подобной среде.

Весь весенний вечер напролёт, а затем и всю ночь квохчут лягушки на луну, глаза свои немигающие таращат, пыжаты, и вид этих животных при лунном свете самый завораживающий. Ни дать ни взять таинственное лесное чудище! Но, как ни дуйся лягушка, а до вола далеко.

В народе отчего-то издавна ходило поверье, будто лягушка квохчет, когда свой недуг тешит, но какой у лягушки недуг, кроме отсутствия тепла и влаги? И того и другого у неё по весне в достатке. Лягушка всегда в своё время голос подаёт, если родное болото под боком, а самец находит себе самку. Странно было бы не услышать в погожий апрельский вечер дружного квохтания лягушек.

Молчание лягушек послужило бы, скорее, дурным предзнаменованием, чем вызвало недоумение. Если, в который год, лягушка не квакает, поучали старики, то будет голод. Да вот и в холерный год лягушкам не пелось: они обычно в худую пору немели.

Когда земля выпускает из своих нор лягушек, они радостно скачут и квакают: «Пор-ра, ква-ква-а, сеять, пор-ра, ква-а-ква-а, сеять». В народе про это говорили так: «Лягушка квачет — овёс скачет». Покуда лягушка с голосом — успевай сеять овёс.

С кваканьем лягушек даже связывались удоиность коров и урожайность хлеба. Если весною лягушки заквакали в скоромные дни, летом коровы будут давать много молока. Коли же лягушки заквакают и опять замолкнут - от холодов, то выйдет такая же помеха и хлебу. А вот когда лягушки «затурлычут» по лужам, это значит, что в самом разгаре тетеревиные и глухариные тока, началась богатая вальдшнепиная тяга.

Ещё лягушки квакают к дождю, но к сильному ненастью сидят на дне, а к вечеру поднимаются на поверхность. До первой грозы лягушка обычно не квакает, потому, как жизнь её по весне связана с громом. Ударил гром, и лягушки ожили, уже спаренные, возбуждённо запрыгали, посверкивая скользкими спинками. Во множестве сидят они теперь по берегам и дорогам, с любопытством высовываются из воды. Наступил невидимый поворот в природе к теплу, и легче всего его угадать по нашим лягушкам.

Каким бы это ни казалось странным и неожиданным, но у многих лягушек голос по весне обладает неимоверной силой. Это тем более неправдоподобно, поскольку тела у них небольшие, тщедушные, и приходится лишь поражаться способности лягушек к громкому крику. Кваканье лягушек порою оглушает, и, бывает, проходит целая ночь, а тебе так и не удастся сомкнуть глаз. Виной тому мощные резонаторы лягушек, что усиливают

звучание их брачных песен.

Когда лягушки кричат, плёнка, которая выстилает ротовую полость, выпячивается в углах рта наружу, и по бокам головы вздуваются два полупрозрачных пузыря. Их стенки резонируют, и звук, возникающий в голосовой щели, усиливается. Когда же брачная трель завершается, голосовые мешочки сдуваются, и лягушка снова принимает обычный облик. По-настоящему, в полную силу, голос у лягушек начинает звучать лишь по достижении ими половой зрелости, то есть - в свою первую весну.

Но самая громогласная лягушка живёт не у нас, а в Северной Америке, и зовут её лягушка-бык. Мало того, что она громко квакает, так она ещё и настоящий гигант среди лягушек, и достигает сорока сантиметров в длину. По утверждению очевидцев, голос ее слышен аж на несколько миль! С удовольствием выказывая, таким образом, все свои музыкальные таланты, лягушки эти квакают всю ночь без перерыва и, наверное, могут довести до отчаяния слабонервного человека, живущего поблизости от их местонахождения. А вот в тропической Америке водится лягушка под названием глазастый свистун, она испускает очень короткий и высокий звук, будто кто-то и в самом деле зовёт свистом собаку или человека. Среди жаб, в обилии проживающих по берегам водоемов, встречаются и такие, что их голос отчасти похож на скрип двери...

Несмотря на то, что жабы крупнее лягушек, они обладают довольно нежным стонущим голосом. Знатоки уверяют, будто жабы выводят вот такие мелодичные трели: «уоэк-уоэк-уоэк, урррррр-урррррр-урррррр». Жабьи трели и кваканье звучат лишь в период размножения, в остальное же время они не тратят силы на пустое сотрясение воздуха. Скромное жабье урчание несравнимо с бурными лягушачьими концертами.

Отойдешь вечером от костра к болоту, остановишься на его берегу и тотчас отовсюду, будто из-под земли, послышится уже не урчание, а отчетливое клокотание: «кло-кло-кло-о-акс-с! кло-кло-кло-о-акс!» Замерев, хочешь отыскать источник этих небывалых звуков, сразу не подумав на лягушек, то и дело оборачиваешься, но чем пристальнее вслушиваешься, тем более теряешься: вот клокотание доносится откуда-то издали, а через мгновение совсем рядом, спереди, сзади, прямо у тебя под ногами. Делаешь шаг навстречу - и звуки будто отодвигаются в сторону или совсем прекращаются, пройдешь несколько шагов вперед - и за спиной вновь возобновляется необычная звуковая дорожка. Это — лягушки.

Лягушки так ловко прячутся в болотной траве, что доискаться их невозможно, а тем более увидеть. Даже увлеченные своей брачной музыкой, они улавливают шаги человека издали, тут же замолкают и как сквозь землю проваливаются. Все проточные болота с мелководьями в это время забиты студенистой икрой: повсюду разносящаяся первозданная музыка есть результат лягушачьего житнетворчества.

Клокочущие звуки сливаются в сплошной гул, что заряжает весь окружающий мир своей языческой энергией. Солнце заходит, а гул над

болотом только ещё более ширится, растёт и к ночи уже течёт над землей сплошным потоком, без перерывов. Так продолжается две, порой даже три майские недели, и это, несомненно, самые звучные дни в году, когда лягушки, кажется, способны перещегоолять даже тетеревов.

Весна и лето для лягушки — это весёлая и шумная жизнь, полная удовольствий, зима же — непробудная спячка на дне, в холодном иле. Весенним вечером, куда бы ты ни обернулся, отовсюду доносится: «ква-ква-гонк, кло-кло-акс, ква-ква-гонк, кло-кло-акс, ква-ква-гонк-к». Тысячи лягушек сидят по берегам, плавают, ныряют, словом, ликуя, приветствуют долгожданное время, когда можно вдосталь наслаждаться жизнью. «Брекеке! Брекеке! Брекеке! Коакс-туук! Коакс-туук! Коакс-туук! Брекеке-коакс! Ква-а-а, ква-а-а, ква-а-а» - всё более учащаются их переливчатые трели, вслушиваясь в которые, только умиляешься от утверждающейся повсюду весны. Эти забавные животные не могут не нравиться, и потому кваканье лягушек так же уместно для весеннего вечера, как и пение соловья.

Если до наступления сумерек лягушки ведут свои «партии» вразнобой, то с темнотой начинается общее, повальное кваканье. В течение всей ночи кваканье нарастает и завершается порой под самое утро. Но даже потом какая-нибудь из лягушек нет-нет, да и произнесёт свое вибрирующее «ква-ар-ква-ар-ква-ар», не в силах, должно быть, дотерпеть до вечера. Весенняя ночь благодаря такому активному лягушачьему присутствию становится только богаче.

Ночью, кроме лягушек, слышится так же бление долгоносика-бекаса, именуемого за это в народе «барашком», да редкие посвисты мохноногих сычей, отстаивающих между собой свою территорию и призывающих самок, остальные лесные обитатели хотя бы ненадолго забываются, а оживляются только с рассветом. Правда, ещё по темноте вкрадчивым хорканьем возвещает о начале своей утренней тяги кулик-вальдшнеп, еле уловимым силуэтом промелькнув прямо над головой, слышится пощёлкивание глухаря, будто кто-то неведомый роняет таинственные капли в лесу, лягушки же продолжают свои песни бесперебойно, до самого утра. И даже утром слышится их неустанное кваканье, что, между тем, никому не досаждало и воспринимается всеми как нечто обычное.

По-видимому, лягушки квакают от полноты чувств, и их песня - это древнейший призыв к поддержанию лягушачьего племени. Лягушки радуются именно происходящему с ними по весне событию, а не просто предупреждают о частной собственности на любимое болото, где собираются продлить свой род.

От переживаемых эмоций некоторые из них, например, американские жабы, умудряются издавать звуки наподобие свирели, тогда как японская веслоногая лягушка поёт даже как птица, и её специально держат дома для услаждения слуха. Не то, что наша прудовая квакуша, что способна лишь громогласно призывать своего возлюбленного, метить территорию, давать сигнал о высвобождении икры и просто кричать от ужаса, когда её хватает

цапля или барсук.

«Не поёт, так свищет, не пляшет, так прищёлкивает», - лучше и не скажешь о лягушках, что, кажется, обижены Богом во всех отношениях, но не желают с этим мириться. Конечно, лягушка поёт, что нищего за суму тянет, но, как говорится: голосу нет, а душа ликует. Именно о лягушках в весеннюю пору размножения можно сказать такое, и они не в силах сдерживать своих чувств. Всё, что дано лягушкам, это превозносить весну доступными им способами, и разве возможно отнять у них подобное стремление?

Правда и то, что лягушки поют каждая на свой лад: одна - басом, другая - баритоном, а третья - дискантом. Вместе получается настоящий лягушачий концерт. А лучше - шарманки, весёлые, милые, хотя немножко и надоедливые, что не прекращают своего звучания в течение всей весенней ночи. Лягушки одаренными музыкантами никогда и не были, в природе встречаются исполнители куда более талантливые, но, всё же, лягушкам следует отдать должное почитание, ибо у каждого певца, даже если голосу нет, душа поёт, и у лягушки она в эту пору, кажется, просто разрывается.

Именно шарманка, как никакой другой инструмент, напоминает звуки, издаваемые по весне лягушками. Есть в ней нечто схожее с непринотливой музыкальностью лягушачьего кваканья. Некая, присущая и лягушкам и шарманке, ненадоедливая монотонность.

К тому же, на валике шарманки можно было «записать» только одну пьесу, из всех же звуковых качеств передавались лишь высота звука и ритм, что и сообщало нежному и мягкому звуку шарманки некоторую «застылость», отсюда заунывное пиликание, не лишённое, впрочем, обаяния. Так и лягушки что-то бормочут весь вечер напропалую, а затем ещё и ночь, и их терпение, должно быть, объясняется неудовлетворенностью от собственной незначительности: ведь лягушку никто всерьёз не воспринимает, исключая только тех, кому она идёт на обед.

Но до чего же хорошо, наверное, быть по весне обыкновенной лягушкой! Сидеть по самые глаза в теплой воде, вожделённо взирать на окружающий и очень желанный для себя мир, и пускать пузыри. Утробно уркая, пузыри растут, медленно отрываются от лягушки и постепенно сбиваются в целые гирлянды, напоминающие её икру. А поскольку лягушек много, то всё болото или лужица покрывается мутноватой пузырящейся массой, что то и дело лопаются, и от этого чудится, будто шелестит прибрежный камыш. Лягушки же, чуть высунувшись из воды, упорно продолжают нагонять свою воздушную пену, и сквозь неё представляются какими-то нереальными земноводными, появляющимися только в весну.

Весной лягушкам самое раздолье, а главное, что их все слышат! Вот с ближнего болота доносится: «ур-ур-ур, ур-ур-ур, ур-ур-ур-р». Это урчат в живот лягушки. Урчат, ворчат или бурчат, словом, издают глухой звук, напоминающий то, когда кто-нибудь засовывает трубочку в воду и начинает выдыхать через нее воздух: воздух превращается в большие пузыри, что с трудом выбиваются на поверхность и гулко лопаются. Ощущение, будто

неведомо кто сердится или, может быть, играет, но от этого совсем не страшно.

А то чудится, будто где-то вода переливается через край... Весенняя, она обильна, шумна и звуки её доносятся отовсюду, как и ворчание лягушки. Впрочем, нельзя сказать, что лягушка ворчит, потому как ворчат обычно невнятно и всегда себе под нос, а лягушка больше воркует, чем ворчит. Она издаёт ненавязчивые, вкрадчивые и нежные звуки.

И, правда, разве скажешь, что грудное воркование лягушки надоедливо?! Нет, скорее оно приятно слуху, и поначалу именно из-за этой ненавязчивости даже не воспринимается. Утробное лягушачье воркование незаметно вплетается в общий и радостный весенний гул, без него весна как будто ненастоящая, а радость неполная.

Весна бывает разная, и в зависимости от того, какая она, и лягушки подают свой голос по-разному. Порой случается весна, когда лягушек, вроде бы, и не слышно, но уж если они разворкуются, то не уймёшь. Причём, лягушки издают не сердитый, а вкрадчивый голос, свойственный лишь благостному настроению, расположенному к удовольствию и беспрепятственному размножению. Они не брюзжат, а превозносят и болото, и весну, и собственное незамысловатое существование, не требующее ничего, кроме возможности просто быть. И если говорят, что худое молчанье лучше доброго ворчанья, то это не о лягушках.

Звуки, издаваемые разными лягушками, а их в нашей стране насчитывается более двадцати видов, невозможно ни запомнить, ни с достаточной точностью воспроизвести: они удивительно многообразны. Даже у одной жерлянки или какой-нибудь чесночницы их несколько, к тому же, лягушки издают звуки с учётом той обстановки, которая их окружает. В пору размножения, например, брачные крики самцов - это средство распознавания своих собратьев и привлечения самок. В свою очередь у самок существует особый сигнал облегчения, когда они вымётывают последнюю икру.

Вполне допустимо, что лягушки могут квакать от испуга или даже кричать, испытывая смертельный ужас. Когда журавль схватит лягушку, она верещит скрипучим голосом до тех пор, пока он её не заглотит.

В отличие от многих птиц и зверей, которые регулируют плотность своего населения и строго следят за облюбованной для себя территорией, лягушки стремятся быть во время тока вместе. Причём, чем больше их соберётся на каком-нибудь болоте, тем больше самок они привлекут. В брачный период, то есть в конце апреля - начале мая, на некоторых лесных водоёмах можно наблюдать сотни самцов, и в этом случае их голоса сливаются в сплошной булькающий гул, разносящийся по всей округе. Одним словом, лягушки предпочитают петь хором, а не солировать в одиночку, и потому весенние брачные крики помогают им сосредоточиться, что благоприятствует развитию икры.

Икра должна попасть в стоячую и хорошо прогреваемую воду, для чего лягушки собираются не только на болотах, но и в канавах, в прудах и в

завожах рек. Места их тока, как и у глухарей, постоянны, и, если благоприятные условия не меняются, лягушки посещают их из года в год, каждую весну. К местам размножения они перемещаются обычно ночью, выбирая для этого ещё не просохшие лесные дороги.

Со всех сторон устремляются к клокочущим самцам рыжеватые самки. Они прибывают на ток позднее и ориентируются по призывным голосам самцов. Самцы же всё время перемещаются, то направляясь друг к другу, то расплываясь. По всему видно, что лягушки ищут встречи.

Бывает, ещё по темноте отправишься за дорогими сердцу глухарями, спросонья спотыкаешься о смерзшиеся земляные комья, ноги то и дело поскользываются, и, вконец вымотавшись, засветишь прихваченный с собою фонарь. Желтовато-расплывчатый в весеннем роящемся воздухе луч тотчас выхватит из темноты одну буроватую спинку, другую, третью, и так - целый шлейф, до бесконечности, в своей замершей лягушачьей сосредоточенности. Лягушки попадают почти на каждом шагу и, освещённые, будто окаменевают.

В своих замерших позах лягушки напоминают непроницаемых восточных божков, и их вечно раздувающиеся подбородки сейчас почему-то не вздрагивают. Лягушки даже не мигают, когда начинаешь рассматривать их вблизи, и с ними можно делать что угодно. Им, видно, очень сладостно переживать происходящее в природе торжество, и они, со всеми своими лягушачьими потрохами, погружаются в умопомрачительное весеннее блаженство.

При приближении к лягушкам - они резко перестают урчать и остекленелым взглядом долго провожают твои шаги, а когда ты достаточно удалишься, вновь продолжают свое утробное бормотание. Не надрывное, не недовольное, вроде бы, даже равнодушное ко всему, оно, между тем, полно жизни. Только проснувшаяся, но ещё до конца не осознавшая себя жизнь уже достаточно настырна, и в этой своей туповатой устрёмленности даже несколько неприятна, когда большинство лягушек сидят попарно, будто сросшиеся в любовном экстазе, а некоторые и по трое. Хочется поскорее миновать это бородавчатое мокрое сплетение, и почему-то с недоумением вспоминается, как в деревнях хозяйки, чтобы не скисло молоко, опускают в него на ночь такую склизкую, неприятную на вид лягушку.

В народе говорят, что весной лягуха на лягухе ездит, а то и по две на одну усядутся. Это - самцы, они обжимают самку для быстрейшего освобождения её от икры. Объятия бывают такими пламенными, что нередко самка околевает. Стремление же самцов к спариванию неистребимо, и они возбуждённо призывают самок, ищут их, а обнаружив, уже не отпускают. Неисповедимы пути любви, тем более - лягушачьей.

Очень скоро лягушки надоедают, и ты уже только стараешься не наступить на них, отчего начинаешь сбиваться с шага, и это понемногу раздражает. Ужасно не хочется именно раздавить безобидную и, в общем-то, беззащитную лягушку, суеверно связывая с ней возможное невезение в

будущем. Вездесущие лягушки отвлекают твоё внимание, сбивают дыхание, и ты просто стараешься забыть о них, сворачивая на сырую обочину.

Ещё пройдёт немало времени, прежде чем неутомимые земноводные преодолеют свой нелёгкий путь, не окажутся при этом добычей какого-нибудь зверя и не попадут под колеса мотоцикла, а всё же достигнут ближайшего болота или канавы, и дадут своё многочисленное потомство. Только затем, в полном лягушачьем удовлетворении от своего сотворенного подвига, они успокоятся.

Но это всё потом, когда отшумит весенняя вода, растопят оставшийся снег чистые апрельские дожди, отгремят первые майские грозы... А пока всеобщая лягушачья какофония! По логам, по борам, по болотам - везде можно в эту пору встретить обыкновенную лягуху, как её часто называют в народе. Кроме чертей и водяного, только лягухи ещё водятся в тихом болоте.

«Святи не святи, а оно всё в болото лезет», говорят обычно про поросё, но кто ещё так любит грязь, как лягушка! «Купили воз болота» - это про лягушачье семейство в народе замечено, что облюбовало болото весной, и уже не покидает его до самой осени. «Тут такое болотище, что и не вылезешь!» - с удовольствием заявили бы лягушки, если бы умели говорить.

Кстати, лягушке желательна не просыхающая грязь, то есть низкое место, постоянно заливаемое водою, чаще - родниками, от чего и образуется болотистая растительность и кислая почва, словом, болото. Болото бывает твёрдое, если близкая подпочва тверда; топь - глубокое и вязкое; кочкарник - с выросшими, часто плавающими кочками; моховина - когда мох глушит иную растительность; окончатое - с глубокими окнами, разводьями-озерками; торфяное - толстое, глубоко заросшее тиной, что постепенно образует торф... А ещё имеется тростниковое - покрытое кустарником и камышом, чистое - болото обыкновенное, без зарослей, и, наконец, трясина, если зыбучая жижа заросла в нём наплывным слоем-коркой. С густыми зарослями, или с лягушачьей травой, называемой брылена, болото для лягушек самое что ни на есть отменное.

Иной раз привольным майским вечером взбормочет, кажется, всё болото, и воздух задвигается, забулькает на разные тона, загундит. Не скоро различишь, что это: вкрадчивое бормотание, вожде́лённая воркотня, утробное урканье или голое турлыкание?! Вслушиваешься пристально, даже к самому болоту подойдёшь, а водяной гул только усиливается: пуще прежнего перекликаются между собой лягушки, ничего вокруг не замечая. Только они, весна и родное болото.

Весенняя ночь тепла, укромна, всё в ней ненадолго утомилось и замерло, не спят лишь лягушки, вышедшие из воды на дорогу: повсюду слышится их низко монотонное урчание. «Ур-ур-урррр, ур-ур-урррр, ур-ур-урррр-рр» - это голоса отдельных самцов, находящихся в непосредственной близости. Голоса доносятся как бы волнами, удивительно органично сочетаясь и взаимодополняя иные весенние звучания. Например, отдалённое клокотание тетеревов, что тоже наплывает отдельными, причем неравномерными

потоками. То затухают бесследно, то неожиданно возгораются неугомонные весенние шарманки и, кажется, способны повергнуть своей неиссякаемой настойчивостью, поднять над землёй и унести в неведомые весенние дали: так безоглядно отдаемся мы их околдовывающему звучанию!

Земля же вся парит, благоухает пряной сыростью скрытых в темноте овражков, и запах этот до боли резко ударяет в нос, после чего выступают слёзы. На душе становится жарко, как-то даже неопнятно, и ты несколько теряешься в переполняющих тебя чувствах. Но лишь на мгновение забывается душа, пока тревожащий ночной холодок не обдаст лицо и руки, и не поманит за собой.

Куда-то он приведёт, если отдаться на его волю беспрекословно, не сдерживая себя, а как придётся?! Должно быть, к чему-то замечательному, такому же восторженному и проникновенному, как незабываемые трели лягушек, что умудрились своим настойчивым и вольным существованием однажды допроситься у богов самого царя!

Да, лягушка по-своему замечательна и, как сказал о ней один знаменитый биолог: она гораздо больше, чем лягушка. Во-первых, лягушка - самое удобное лабораторное животное, признанная царевна эксперимента, заслуженно заработавшая это звание миллионами своих собратьев, принесенных в жертву на алтарь науки. Во-вторых, если заглянуть вдаль времён, можно прийти к неожиданному выводу: первыми живыми звуками, некогда раздавшимися на континентах, были концерты лягушачьих предков и, возможно, наша речь - это кропотливо изменённое и отшлифованное эволюцией кваканье древних земноводных. В-третьих, на Западе в большой цене задние лягушачьи лапки, из них изготавливают соответствующие консервы, для чего даже специально разводят лягушек. В-четвертых, одна лягушка за лето съедает множество вредных насекомых, а некоторые из них закусывают как раз теми вредителями, которых не трогают даже птицы. И, в-пятых, благодаря слизи, которая не даёт развиваться микробам на влажной коже, лягушка поддерживает в чистоте свое платье, и именно из-за этого родился деревенский обычай - пускать лягушек в молоко, чтоб не скисло: слизь мешает молочнокислым бактериям делать своё дело. И ещё: слизь страшна не только микробам, она способна вызвать паралич задних конечностей у крыс, обморок у птиц, временное отравление у собак, то есть является для лягушек успешным средством защиты.

К слову сказать, у каждого животного существуют какие-то приемы, что служат ему для защиты от врагов. У одних это острые, как бритва, когти, огромные сильные крылья, мощный загнутый клюв, у других — схожая с местом обитания окраска или быстрые ноги. В Колумбии же обитает крохотная, в длину менее пяти сантиметров, лягушка, и яд её, возможно, самый сильный из всех ядов лягушачьего царства. Индейцы брали иногда эту лягушку на охоту, укладывая её в особый футлярчик, и, перед тем как пустить стрелу, охотник чуть прикасался ею к лягушке. Яда, попавшего на кончик, было достаточно для того, чтобы убить человека, а не только зверька или

птицу.

Спрашивается, зачем такой неприметной амфибии иметь столь грозное оружие, тогда как остальные лягушки спасаются от врага, обжигая его полость рта своей слизью, достаточной лишь для того, чтобы оказаться изрыгнутым, а значит, целым и невредимым? В чём причина необыкновенного природного дара, данного, казалось бы, ничем не примечательному существу? Может быть, виною тому чрезвычайная доступность лягушки для многих птиц и зверей, её повышенная уязвимость, и природа из всех сил старается предупредить исчезновение вида, когда они, несмотря на опасность, во всеуслышание заявляют о себе в долгожданные весенние дни?!

Как бы там ни было, песня лягушек по весне - ещё одно их достоинство, и оно привносит особый колорит в зарождающуюся повсюду жизнь. Жизнь без лягушек, несомненно, была бы скучна, и они необыкновенно оживляют местность, когда начинают свои незабываемые концерты. Весна будто ждала, затаившись, в ней чего-то не доставало, и вот, с появлением лягушек, она, наконец, успокоилась, облегченно вздохнула и с удовольствием пробормотала: «ква-ква-а»!

НОЧНОЙ ПЕРЕПОЛОХ

Пришла мне однажды нужда отмахать весенней ночью дорогою до станции десяток вёрст с гаком. Дорога ухоженная, наезженная, удобно ложилась под ногами серой лентой в брезжущих майских сумерках, а поодаль, по обеим её сторонам, почти невидимыми темными гривами тянулся замерший лес. Скучно как-то идти душной майской ночью по такой безжизненной дороге и, привыкнув к ней, кажется, что ничего интересного впереди не предвидится.

Идёшь, вдали, за холмом, прыгают разноцветные огоньки посёлка: то покажутся, то надолго исчезнут. Там светло, огни посёлка притягивают, манят, но, сколько я ни шагаю, посёлок всё кажется недосягаемым. А вокруг меня темнота, и хоть глаза давно привыкли к ней, всё равно ничего не видно, кроме верхушек телеграфных столбов, что слабо вырисовываются на фоне неба.

Шаги гулко отдаются в этой темноте, и насыщенный ею воздух будто сотрясается, на мгновение оживает и тут же опять затаивается. По-настоящему его смогут пробудить только рассвет да птичьи трели, но пока темно, и лишь у горизонта еле розовеет узкая полоска. Насыщенный пробудившимися запахами воздух окутывает с головы до ног, и словно замедляет движение.

Летом вокруг дороги стрекочут кузнечики, волнуется невысокая трава вперемешку с васильками и ромашками, захлебываются в вышине жаворонки, а сейчас тихо, темно и только изредка проносится над равниной упругий прохладный ветерок, после чего опять всё стихает. Еле различимые на фоне темнеющего неба шеренги телеграфных столбов по-прежнему неспешно ползут вдоль дороги, и отчего-то чудится, что им не будет конца. И всё же,

несмотря на наскучившее однообразие дороги, легко идти, дышать, и, ни о чем, не думать. Легко, вообще, быть наедине с весенней ночью, что успокаивает своими запахами и таинственными ощущениями.

Я шёл, чутко ловя в тишине каждый незначительный звук, вслушивался в себя и никак не мог соразмерить своё приподнятое настроение с укромностью затаившейся ночи. Что-то в этой околдовывающей темноте, всё же, настораживало меня, какое-то неясное присутствие, и я неожиданно останавливался и, задержав дыхание, пристально вслушивался в ночную тишину. Тишина отвечала мне ещё большей настороженностью.

Наконец, мне удалось различить еле угадываемое цоканье коготков об асфальт. Я резко обернулся и увидел метнувшийся на обочине силуэт, что тотчас прижался к щебенке и замер. Это была лиса.

Кормится лиса преимущественно вокруг людского жилья, но логовище своё старается устроить подальше, в уединенном месте, и эта кумушка, по-видимому, как раз отправилась из такого логова на охоту. А если учесть, что близ норы лиса на промыслы не ходит, то моя рыжая попутчица, судя по позднему часу, порядком убежала от своего убежища, и возвращаться не спешила.

Лиса, кажется, не замечала не только времени, но и меня, бежала неторопливо в такт человеческим шагам и собственным устремлениям, и сразу замирала, когда я останавливался, продолжая путь только вместе со мной, чтобы оставаться незамеченной. Я бы ни за что не расслышал её шагов, если бы не цоканье коготков об асфальт. Этого хитрая Патрикеевна, при всём своём желании, предотвратить не могла, и почему-то не стремилась сойти с трассы на обочину. Позднее до меня дошло, что не делает она этого только из-за опаски замочить лапы в разлившейся вокруг талой воде.

Лиса часто пускается на такую хитрость: она использует шоссе и даже железнодорожное полотно, чтобы сбить людей или гончих собак со своего следа. Опьяненные погоней, собаки рыскают по дороге, невзирая на транспорт, и попадают под поезд или автомашину. К тому же их отвлекают многочисленные запахи, которыми изобилует любая транспортная линия. Так лиса чужими заботами избавляет себя от преследования. Да и бежать по проложенной дороге намного легче, чем преодолевать препятствия в лесу или в залитом вешними водами поле. В народе, кстати, издавна бытовало убеждение, что встреча с лисой на дороге предвещает удачу.

Так мы и шли в ночи вдвоём, и мне становилось приятным это необычное соседство. Лиса не отставала, держалась чуть позади, и чутко реагировала, когда я замедлял шаг, а потом опять продолжала преследование.

Поначалу поведение лисы меня даже очень удивляло, но через некоторое время несколько надоело, и вскоре я уже воспринимал происходящее как вполне обычное для майской ночи событие. Занимала лишь одна мысль: почему лиса, как всякое осторожное животное, всё же, не бежит лощинами или не скрывается за торфяными буграми вдоль дороги, а передвигается открытой местностью, даже по асфальту?

Что-то, видимо, привлекало лису, представляя для неё желанный интерес, и лиса, затаив дыхание, терпеливо пережидала, когда я вновь двинусь по дороге, чтобы невидимой тенью последовать вслед за мной, вернее, в том же направлении. Я шёл и никак не мог сообразить: что именно привлекало зверя там, куда он не боялся идти рядом с человеком?! Конечно, это могла быть только добыча, потому как для человека в ночи - сплошная темь, хоть глаз выткни, а лиса в ней всё видит.

Ещё днем, когда я ехал в автобусе, на горизонте появилась неясная гусиная стая. Развернувшись строгим крылом, стая налетала из-под солнца шеренга за шеренгой, и казалась бесконечной. Гуси неторопливо тянули очень низко над полем, прямо вдоль дороги, и люди в салоне указывали на них руками, что-то радостно восклицали. Всем было легко и хорошо от того, что птицы летели совсем рядом, преодолев невообразимо дальнюю для них дорогу, и каждый, наверное, думал о чём-то своём, давно наболевшем, а вот сейчас, может быть, миг разрешившимся благодаря неутомимым птицам. По лицам людей было видно, что, заметив в небе гусей, они будто окончательно поверили в пришедшую весну, восторжеслись душой и улыбнулись.

Упитанные широкогрудые птицы с оранжевой перевязью на темных клювах всегда вызывали у меня уважение своей целеустремленностью, а увиденная в весеннем небе строго выстроенная стая надолго сохранялась в памяти. Она была олицетворением незыблемости жизни, преодолевающей любые препятствия. Может быть, именно этими препятствиями был жив гусиный род, так же как и утиный, и журавлиный, и лебединый. Птицы не только были преданы родной земле, но, несмотря на тяжести пути, оставались ещё и красивы.

Именно с гусиным гоготом и журавлиным кличем окончательно встречаем мы весну, что уж, кажется, не принесёт никаких сюрпризов. Эти большие птицы как бы утверждают своим появлением недостающие покой и размеренность в происходящих вокруг бурных событиях. Если они прилетели, весна полностью вступила в свои права: и хоть ещё не один день тянутся в небе гусиные косяки и журавлиные клинья, что-то самое главное в природе произошло.

Гуси летят гнездиться на север, в тундру, причём, по десять-пятнадцать часов непрерывно, покрывая за это время тысячи километров. Присаживаются покормиться или переждать непогоду там, где облюбуют себе сверху место, и могут даже пожить на нём какой-либо период, пока неутомимый зов вновь не повлечет их в дорогу.

Если что-то спугивает чутких птиц, они просто перелетают чуть поодаль, и опять неспешно пасутся. Такие «присадки» для диких гусей, наверное, в радость, поскольку не доставляют им никаких хлопот: птицы ещё не сидят на гнездах, не обременены выводением птенцов и могут позволить себе расслабиться. Но однажды, в один миг, вся стая вдруг поднимается на крыло и, выстроившись строгим косяком, устремляется на север.

Теперь на дороге было пусто, прохладная ночь объяла окружающие поля,

столбы, разливные луга и мелкий, затопленный кустарник, а я шёл и вспоминал, как гуси летели днем, светило солнце и всё вокруг было пронизано весенним оживлением. Изредка в темноте поднималась какая-то возня, слышались звериные и птичьи вскрикивания, шум затерявшегося ветра, и опять наступала настороженная тишина. Но затишье это не несло страха, если только самую малость, потому как таинственная жизнь ночного леса необыкновенно захватывает.

Видеть весеннюю ночь, слышать её - огромное удовольствие, и его лишены многие люди. Я всегда радовался всему, что она в себе несёт. Ведь за ночью, что за годом, не знаешь, что будет, но не на век она темна, в особенности весной, когда всё в ней отражает незабываемое светлое время. Иногда мне даже казалось, что ночь благосклонна к человеку, что не побоялся её, она чувствует его душевные устремления и отчего-то согласует с ними своё дыхание. Ночью, как известно, все дороги гладки.

А лиса, должно быть, ещё с вечера заметила, как гуси присаживались у дороги, запомнила их местонахождение и под покровом темноты устремилась к ним. Она без труда, конечно, могла бы сцапать задремавшего гуся, используя этот способ охоты во всё время полета птиц, когда они присаживаются на отдых. Вдобавок взлетающие гуси могли побиться о металлические провода, и раненые вновь становились ее легкой добычей.

Лиса бесшумно семенила вдоль обочины, вынюхивала дичь и, обнаружив, стремительно нападала. Нелегко было спастись ночной порой от её цепких зубов!

Но сейчас я не подозревал о нахождении рядом гусей и от однообразия пути решил напугать лису, желая посмотреть, что она будет делать. Лиса, по-видимому, тоже привыкла к соседству со мной и, ошарашенная моим выпадом, рванулась в сторону от дороги, где возле самого кювета, под проводами, оказывается, сидели гуси. А тут еще заяц куцехвостый, будто чумовой, прыснул из-под придорожного валуна, да как шарахнется прямо лисе в ноги! Что после этого началось!

Вообще, издаваемые гусем звуки очень характерны, и потому его легко отличить даже при ночном перелёте, когда птиц не видно. Гуси обычно гогочут в отличие от утки, которая такает, а журавль курлычет. К тому же, у гусей очень развито стадное чувство: что делает один, то и все другие, один гусь не гогочет. А как птицы соберутся вместе, так что бабы: гусь да баба - торг; два гуся, две бабы - ярмарка; ну, а уж если ватага - целый переполох!

Вот и сейчас вместе с пронзительным гогом послышался сначала глухой шум, как от сильного водопада, затем звон, бесперебойное лязганье и опять шум, пробивающийся сквозь металлическое дребезжание: это испугнутые гуси бросились с придорожных луж вверх, и угодили прямо в провода! Птицы, видимо, отдыхали от утомительного перелёта, кормились на невысоких гривках посреди разлившейся воды, и под вечер, незаметно, перебрались к телеграфным опорам, где и уснули.

Я сразу представил, как взбудораженно сорвались в воздух десятки и

сотни гусей, напряжённо вытянули шеи, мешая друг другу, захлопали крыльями. Вырвавшиеся вперёд ударились с грохотом, остальные налетали на них и падали на только что поднимающихся. Получался невообразимый кавардак, и первой возникшей мыслью было только одно: чтобы гуси не побились и не переломали себе крылья.

Беспокойство гусей в мгновение обернулось вынужденной толкотнёй, в ней лишь немногие бросались в сторону, основная же масса рвалась кверху и натывалась на провисшие металлические дуги. Дуги перехлестывались между собой, превращаясь в гигантские струны, и издавали невообразимую какофонию. Лишь немногие гуси, быть может, самые опытные, с отчаянной решимостью и чутьём бросались в промежуток между проводами и, угадав его, с торжественным хлопаньем удалялись в ночь. У гусей был только один выход - вверх, и они упорно пробивались навстречу своей свободе. К тому же, рядом находились лиса и человек, главные виновники случившегося переполоха, и птицы стремились как можно скорее избавиться от этого опасного соседства.

Я почувствовал, как, ощерившись, замерла рыжая хищница, и её зелёные глаза остро блеснули в темноте, заструились внутренним алчным светом. А может быть, лиса не на шутку перепугалась от приключившегося гама и неслышно юркнула с дороги в сторону леса. Сотворённый нами переполох явно испортил ей охоту, и лиса, убираясь восвояси, наверное, озлобленно озиралась. Поначалу добрая ночь неожиданно обернулась зверю в убыток.

Но более всего поразило то, что весь этот переполох происходил молча, и только редкие из птиц взволнованно вскрикивали и тотчас замолкали. Казалось, будто они пытаются пробиться к свободе, не привлекая к себе внимания, и эта скованная нацеленность птиц тоже удивляла. Гуси по характеру выглядели настоящими бойцами, готовыми ко всему во имя спасения. В их поведении, несмотря на охватившую тревогу, чувствовался организованный ум, и это в мгновение успокоило.

Но сначала всё-таки обуял страх, так что я даже растерялся: поджилки дрожат, ноги подкосились, а во рту всё пересохло. Казалось, неопиcуемый ужас взрывается в ночи невидимой жуткой птицей, что есть силы, молотит рукавами-крыльями, будто норовит коснуться души и околдовать.

Ночь, вроде бы, даже вспыхнула какими-то неясными зарницами, и эти всполохи действительно околдовали. Стоишь как вкопанный и ощущаешь внутри себя липкий страх. Недаром говорят: у страха глаза велики, да ничего не видят.

Ночь потеряла свой покой, всё задвигалось в ней, зашумело, и сердце моё, взбудораженное весной и зверьми, тоже заухало в груди, не в силах успокоиться. Оно вместе с зайцем, лисой и гусями устроило майской ночью маленький переполох, и я, опомнившись и прислушавшись к установившейся тишине, уже весело зашагал дальше по дороге. Больше я не считал её скучной, втайне про себя вспоминая всё случившееся, и улыбаясь в предрассветных сумерках.

И вот уже остался за спиной пугающий шум, гуси, лиса, спало первое оцепенение. Гулко и холодно обдала опять лицо ночь, чуть заметно повеяла какими-то новыми, скрытыми сомнениями. Всё в ней встало на свои места, и она с неясным вздохом улеглась над землёй утомленной за день охотничьей собакой...

Но сон весной всегда тревожен, потому, что весна полна жизни.

МОЁ ТРЕПЕЩУЩЕЕ КРЫЛЫШКАМИ СЕРДЦЕ

Помню, отец впервые взял меня в лес, постоять на тяге вечернюю зорьку. Отцу отчего-то вздумалось показать мне, как тянет по весне над лесом вальдшнеп – птица с длинным носом, и ещё как токует высоко в небе маленький куличок-бекас. Токует как-то необычно, рассказывал он, подобно тому, как блеет барашек, и мне очень хотелось увидеть этого неведомого «барашка», и услышать, как он «блеет». Ни о чём ином я уже и думать не мог.

Поначалу отец только обещал мне, что возьмёт с собой в весенний лес, весна в ту пору во всю силу размахнулась по земле, и я с нетерпением ожидал это событие, каждый раз спрашивая отца:

- Сегодня поедem в лес?

Когда я думал о том дне, что мы с отцом отправимся в лес, мысли о нём затмевали всё остальное, и становилось так, будто мне совершенно нечем жить, кроме этого самого леса. Только бы быстрее настал час встречи с природой, где, как мне казалось, нет ничего худого или скучного, а всегда пребывает глубокий смысл и интерес к жизни, отсутствует глупость и непонимание, как это происходит между людей.

Я верил, что увижу маленькую птичку бекаса, и отгадаю, почему он «блеет барашком», как рассказывал отец. Думы о лесе почему-то очень обогащали меня. Думая о нём, мечтая чаще там бывать, я запасался добрым настроением на всю жизнь, как это происходит только весной...

Весна... Каждый день её несёт нечто неповторимое, чего ещё не было, тем она и прекрасна. Всё удивительно радостно в её нетронутой девственной природе, куда нестерпимо влечёт и свежая зелень берёз, сотканная из тоненьких клейких листочков, и тепло открывающейся земли, ударяющее со всего маху прямо в лицо, и оглушительные запахи молодых трав, а приходится отправляться в школу. Затем - учить уроки, и возиться с какими-то неинтересными и ненужными делами. Вот бы стать свободным, как молодой весенний ветер!

Мысли о лесе вызывали во мне душевное успокоение, было очень приятно представлять своё лесное уединение, даже – лесной уют, хотя я ещё ни разу и не бывал в лесу, но всё же обладал необъяснимым для себя внутренним знанием о нём... В этом восприятии леса куда-то улетучивались все мои мальчишеские огорчения, забывалось нечто неприятное, то, что

беспокоило, а благодаря растекающейся повсюду весне все чувства и запахи разрастались, они, как никогда, будоражили воображение: одно яркое видение сменяло другое, да и ощущения, кажется, становились глубже. Как это было заманчиво: ожидать поездки в весенний лес, на охоту, впервые в жизни!

И вот, наконец, у нашего дома притормаживает газик, затянутый в выцветший брезент, сладко пахнувший бензином и пылью, именно – лесная машина! У отца уже собрано ружьё и ягдташ, он стоит передо мной в болотных сапогах, шляпа лихо заломлена на затылке. А все мои мысли уже давно в лесу, где синевато-мглистая дымка мягко стелется над дышащей сыростью землёй, весне в лесу тепло и уютно, и повсюду возникает какой-то неведомый шум.

Я почти слышу его, до такой степени возбуждают меня мечты об охоте, о загадочном куличке бекасе, о его ещё не слышимой мной песенке в небесах, а не на земле. Скоро мы приедем в лес, остановимся на какой-нибудь укромной полянке, и весь прозрачный, насыщенный влагой воздух над ней будут пронизывать трели дроздов, зябликов, пеночек и синиц. Разве задумаешься тут о чём-либо ином, чем о пробуждении природы, где невероятно много всего, и хочется видеть ещё больше, отправляясь за знаниями о лесе всё дальше и дальше.

И действительно, между пушистых ёлочек выплывают какие-то прозрачные видения, мох под ногами цветастый и мягкий, словно бабушкино одеяло, он расшит бордовыми огоньками прошлогодней клюквы и брусники, а сырые пни кружат голову ароматом только что освободившейся от снега древесины. Ясен весенний свет, что поднимается над расправившей плечи землёй! Течёт весеннее тепло по лесу, а я его впитываю полной грудью, и отчего-то за всё благодарю. Радостно сердцу видеть и чувствовать происходящее вокруг, и ничего при этом, что я маленький: ничто не скроется в лесу от моего внимания, всюду я увижу ум природы и её силу!

Всё в лесу кажется чудесным, даже - игрушечным, как на новогодней ёлке. Капельки на ветвях деревьев представляются светящимися фонариками, а влажные корни и пни издают аромат, что дурманит голову слаще мандаринов. Перелетающие же повсюду птички – словно праздничные украшения. До чего же хорошо в весеннем лесу: весной обязательно увидишь в нём что-нибудь новое!

Вокруг меня, уже на самом деле, призывно пощёлкивают дрозды, любопытные гаички забавно надувают щёки, неумолчно насвистывают, снуют с ветки на ветку, так что не сразу их и разглядишь, бойкие зарянки не в силах сдержать своего растревоженного весной сердца и восторженно заливаются на вершинках ёлочек, задорно запрокинув головки. Обо всём можно позабыть, когда следишь за тем, как увлечённо перепархивают между ветвей чудесные крохотные птицы. Вот бы и мне так попробовать, живя в диком лесу и наслаждаясь весной!

Отец стал рассказывать мне про всех этих птиц... Вот горихвостки, они называются так потому, что вспархивая и подёргивая в полёте хвостиком, обозначают под ним огненные перышки, алыми шапочками красуются вездесущие и шумливые щеглы, кругленькие желтовато-пегие овсянки, будто обсыпанные спелыми зёрнышками, тоненько посвистывают в свои невидимые дудочки, ловко перелетая по обочинам раскисших дорог. Красота! Про многоголосых весёлых жаворонков я и не говорю: задрать головы, мы с отцом вглядываемся в их головокружительное парение в вышине, не в силах оторвать взгляд.

Чем выше солнце, тем больше птиц в весеннем лесу, веселее и восторженнее вокруг, и восхищённые жаворонки, кажется, поддерживают на ниточках своих трелей всю просыпающуюся землю. Но вечером, когда затаившийся поблизости овраг наполняется ещё большей тайной, и птичья музыка потихоньку замолкает, на небо, неведомо откуда, взбирается крохотный куличок – бекас.

Его не сразу и заметишь там, в подёрнутой радостной дымкой вышине, где, наверное, неслышны задорные возгласы дроздов и утробное постанывание вальдшнепа, обозначившего своим появлением начало знаменитой тяги. А бекас уже нашёптывает всему лесу какие-то свои, особенные слова восторга от всего, что происходит вокруг, и постепенно эти еле улавливаемые слова складываются в своеобразную песню.

Откуда-то сверху, действительно, как будто доносится «блеяние» невидимого «барашка»: какой он? Я пытаюсь рассмотреть в бездонном весеннем небе хоть что-то, но тщётно. Отец склоняется ко мне, обнимая за плечи, и увлечённо шепчет на ухо, другой рукой указывая туда, в вышину:

- Видишь?!

Поначалу я ничего не могу разглядеть, от роящейся над землёй пахучей дымки слезятся глаза, а песенка невидимой птички с каждой минутой становится всё сильней, чаще. Отец только улыбается, присаживаясь на пенёк на краю оврага.

Я же ничего не слышу и не вижу, весь подавшись туда, в небо, угадывая сердцем мелодию всеобщей любви. Маленький, но в свои семь лет я уже понимал красоту жизни, чувствуя и воспринимая её, как и собственную, словно это был нескончаемый праздник. Праздник совершался и вокруг, весенний лес пленил моё детское сердце, что билось в груди так же трепетно, как и махонький куличок-бекас в бездонном апрельском небе.

До него не дотянуться, я это понимал, но и отказать себе в возможности вознестись туда душой - я был не в силах. Какое-то безграничное счастье охватило всего меня, будто ты уже жил однажды весенним лесом, и я восхитился всем происходящим, чего ещё, вроде бы, не видел в своей короткой жизни, но почувствовал и принял мгновенно.

Оказавшись в весеннем лесу, сердце твоё непременно вострепётся, как птица, всего тебя обдаст весёлая свежесть, и ещё более любо станет жить.

Будто от тебя давно скрывали эту чудесную жизнь, сберегая как подарок, а однажды взяли и подарили: какое счастье!

Погода - славная, всё тебе с радушием в лесу открыто, лесные обитатели, словно, только и ждали твоего приезда, готовились, и теперь во всеуслышание превозносят торжество жизни, разливая его повсюду и делаясь с тобой своим восторгом. Вольно, не как в городе, дышит грудь, бодро чувствует себя всё тело, и ты крепнешь вместе с живительным дыханием весны!

Воздух напоён ароматом только что оттаявшей земли, медовым запахом распустившихся барашков на вербе, свежей горечью коры и мокрых лозин. Мириады алмазных капелек блестят и алеют на солнце, что восторженно осматривает напоследок свои владения, радуется всему, что происходит на оттаивающей земле. Голова кружится от избытка благоуханий, чувствуется близость какого-то удивительного праздника, и ему, ты об этом откуда-то уже знаешь, не будет конца. Боже, как весело сверкает всё вокруг, как чудесен чистый апрельский вечер!

Ничто не мешает человеку быть в нём счастливым, сливаясь душою со всякой трогательной былинкой, и сегодня я узнаю – кто такой вальдшнеп, и что это за бесстрашный куличок, реющий в небесной вышине и разносящий повсюду волшебные звуки, напоминающие блеяние барашка. Несмотря на вечер, воздух становится ясным, солнце будто торжествует, прежде, чем вскоре потухнуть и скатиться в глухие лога, тогда как вальдшнеп только намечает свой завораживающий полёт, а куличок-бекас взбирается на ещё сияющую небесную вершинку, провозглашая свою быстротечную весеннюю любовь. Весной невозможно не быть счастливым, тем более, если тебе только семь лет!

Чудесен и незабываем вечер в весеннем лесу. Радостно струятся по нему говорливые ручейки, дороги оттаяли, но стоят ещё сырые, не отошедшие от недавней снежной мягкости, резко ударяющей в нос, почки на деревьях надулись и вот-вот полопаются, наполняя воздух неясным шёпотом. На славу потрудившееся за день солнце, тем не менее, норовит заглянуть в самые укромные уголки леса: безудержно растекается по всей земле весна, ширится её жизнеутверждающее начало.

Утомившись от ходьбы, мы присаживаемся на пенёк. Всё в освободившейся от снега природе просто, кажется, что и все тайны сейчас точно также легко и просто откроются перед нами, и лес примет нас как своих давних знакомых.

- Сейчас отыщем место где-нибудь подле опушки, чтобы, непременно, была полянка с мелким березняком и ёлочками, и осмотримся, - с затаенным духом произносит отец. – Будем ждать, пока вальдшнеп не потянет. Для нас, охотников, особенную прелесть имеет этот незабываемый час заката, когда самец устремляется за самкой. Летит неслышно над самыми берёзками, только по голосу его и угадаешь.

- Какому?

- Хор-хор, цвиг-цвиг, хор-хор, цвиг-цвиг, - отец попытался изобразить песню неведомого для меня вальдшнепа.

Облюбовав небольшую полянку на краю укромного ложка, отец неспешно обошёл её и остановился у опушки. Место показалось ему удобным, и он, восторженно оглядев лес, в удовлетворении произнёс:

- Хорошо?!

Неугомонные дрозды с утробным квохтаньем перелетали с дерева на дерево. Они словно купались в напитанном душистой прохладой воздухе, не в силах утолить своей жажды к жизни. Где-то далеко за лесом прокатился отдалённый гром, воздух чуть тронулся, всколыхнулся, и будто окончательно пробудился.

Задрав голову к небу, отец что-то долго разглядывал в нём, и затем, вдруг с какой-то сдержанной радостью, тихо промолвил:

- Вот и Венера объявилась... Видишь – самая яркая звёздочка?!

Венера, теперь я это знаю, красивым белым зёрнышком ещё ярче вспыхнула где-то в вышине, и вокруг стало как-то уютнее, теплее. Дрозды по-прежнему посвистывали в свои невидимые дудочки, глухо постанывали в болотистой низине лягушки, и небо будто поднялось и выгнулось над лесом, так, что от земли потянуло промозглой прохладой.

Истомившись в ожидании, когда появятся вальдшнепы, я всё не решался спросить об этом у отца, а он только улыбался чему-то про себя, меня же знобило от нетерпения: когда же, наконец, появятся эти чудесные длинноносые птицы, или покажется в небе ещё неизвестный мне маленький бекас?!

Не в силах усидеть, я подымаюсь, весь напрягшись, и вслушиваюсь во внутреннюю тишину леса. Впрочем, тишина полнится нескончаемым лепетом птиц, журчанием ручьёв, и все эти звуки сливаются со струящимся влажным воздухом, что будто бы тоже звенит, так что в лесу ничего не слышно. Румяное небо подёрнуто синеватой дымкой, а сырость, струящаяся от земли, незаметно забирается в рукава моего старенького пальто, и мне становится зябко.

Берёзки с ёлочками, кажется, засыпают, а их верхушки быстро тускнеют на фоне зеленеющего неба, но в лесу ещё много жизни, хотя птицы тоже незаметно примолкают, посвистывая уже как бы для порядка, сонливо. У меня сна – ни в одном глазу, ведь отец впервые взял меня на тягу, и сердце моё томится ожиданием.

Когда же появится над опушкой длинноносый вальдшнеп, ловко выпорхнет из-за тёмного леса на своих проворных крылах, и отец ударит по нему хлёстким выстрелом из ружья? Мне очень хочется увидеть подбитого отцом вальдшнепа, подержать его в руках, и, может быть, если повезёт, услышать маленького бекаса, бесстрашно забирающегося высоко в небо. Весна, будто отпущенная кем-то на волю, обнаруживает во мне особое видение жизни, доселе неизвестное...

- Вальдшнеп летит, обычно, как бы с потяжкой, - вкрадчиво объясняет отец. – Словно ему что-то мешает набрать в полёте полную силу, и этим пользуется наш брат-охотник: смотри, не медли!

И я смотрю, с трепетом вслушиваюсь в пение неутомонных дроздов, чьё возбуждённое квохтанье разносится повсюду. Где-то поблизости слышится чьё-то монотонное постанывание, и околдованный этими звуками, я вопрошающе взглядываю на отца.

- Дикий голубь, витютень, воркует! - пока чем-то неизведанным для меня восторгается отец. Но мне и самому отчего-то становится радостно.

- Чуфы-ы, чуфы-ы, чуфы-ы, - уже из-за леса доносится до нас приглушённое бормотание, и я опять в удивлении вскидываю брови.

- Тетерев-косач вечернюю зорьку провожает, - улыбается отец.

«Сколько же неизведанного кроется в лесу!» - в восхищении думаю я, и с замиранием сердца вслушиваюсь и всматриваюсь в проистекающую вокруг жизнь. Что-то шуршит, попискивает под ногами, и я вдруг замечаю под корнями пенёка робко высунувшуюся лесную мышь. Не объять всего, что происходит в весеннем лесу, но всё более сгущается подступающая тишина.

Уже по-вечернему тихо и прохладно становится под деревьями, а от земли в лицо ударяет пряная сырость. И вот, нарушая наступившую тишину и утробно хоркая, обласканный последними лучами закатного солнца, появляется над нашими головами первый вальдшнеп. Он и вправду, на секунду как будто приостанавливается в воздухе, а затем медленно тянет над сиреневыми верхушками берёз. Отец, не стреляя, даёт мне посмотреть на его полёт: ещё никогда не доводилось мне видеть такую необычную птицу!

Длинноносые вальдшнепы один за другим непрерывно тянут над лесом, страстно хоркают и цвиркают, некоторые из них неожиданно сваливаются на землю, но их уже не видно, потому как снизу, из оврагов, поднимается синий туман, скрывая любовную игру загадочных птиц. Про любовь мне ещё ничего неизвестно, но страсть, с какой птицы бросаются друг к другу, и во мне вызывает необъяснимое чувство восторга от происходящего вокруг, того, что представляется важнее всего: неудержимое стремление жить.

Тяга же всё более разгорается, хотя лес уже тёмен, и только небо по-прежнему светлеет багряным выпуклым стеклом, отчего ещё хорошо заметны на нём хоркающие и цвиркающие птицы, сначала вводящие, а потом выводящие из сладостного оцепенения. Очередной вальдшнеп неожиданно налетел на нас так близко, что отец мгновенно ударил по нему, и птица бухнулась прямо нам под ноги, уткнувшись длинным носом в пожухлую траву. Я держал в руках его пепельно-рыжую тушку, ещё тёплую, трепетную, не в силах сдержать гулко-сердцебиения.

И тут же мы увидели, как мелко подрагивая крыльями, вдоль опушки, где мы стояли, совсем низко летит другой вальдшнеп, затем – ещё один, третий, и почти над ухом полыхнул сноп огня во тьме, а вальдшнеп резко вывернул в сторону, и в следующее мгновение скрылся за лесом. Отец

радостно рассмеялся, в волнении переломил ружьё, и из ствола потянулся сизый дымок, приятно щекочущий ноздри стреляным порохом, отчего всё моё существо охватывает дикий восторг. Наконец-то, и ко мне пришла настоящая охотничья весна!

- Слышишь, играет? – вдруг опять встрепенулся отец.

Я, оцепенело, вслушивался в неясные звуки, пронизывающие настоящий на травах и корнях воздух, но от волнения песенку бекаса разобрать не мог. Мы слышали звучание ручьёв, голоса просыпающейся земли, безудержные переливы птиц, и весь этот восхитительный мир, впервые открывшийся передо мной, совершенно меня пленил. Жизнь великодушно одаривала нас невообразимым счастьем!

- Заметить бекаса не просто, - говорит отец. – Он – мал: даже самая мелкая дробь при охоте на него прозвана меж охотников не иначе, как «бекасиная». Бекаса выделяют только длинные ножки и нос, и это позволяет куличку быть неуязвимым. Но, не отличаясь ярким окрасом и внушительными размерами, он очень живой: маленький, почти не видимый с земли, бекас в полёте храбро распушает свой крохотный хвост и перья, так что им невозможно не залюбоваться. Все весной, даже самые маленькие, хотят петь и быть неотразимыми!

Отец восторженно вглядывался в небо, придерживая рукой шляпу.

- Бекас чуток, наверное, потому, что именно маленький, а малого, как известно, всяк может обидеть. Вот он и забирается повыше в небеса. Видишь его?

И тут я разглядел, как бекас с трепетом проваливается в небесной вышине, и по всей пробуждающейся от зимнего сна округе рассыпается тонюсенькое звучание от его взбудораженного весной полёта, так ощутимо угадываемое обострённым слухом: весь я был – воплощённое внимание, ни один звук не мог миновать моего вкрадчивого интереса. А лес был налит какой-то невероятной силой, предвечерний свет в нём показался мне особенным, он не был похож на тот, что зарождается утром: сквозь вечерний воздух в природе проглядывало что-то, присущее именно весне.

- Заметил, что летает он как бы зигзагом?

- Почему?

- Бекас по весне не отъевшийся, как осенью, и потому – лёгкий, и так же легко он бросается то в одну, то в другую сторону. Его часто можно увидеть в наклонённом положении, когда он несётся вниз, повёртываясь с боку на бок, так он, по-видимому, играет, то есть – токует, и подстрелить его охотнику бывает очень не просто. Бекаса не назовёшь смирным: его, как раз, отличает неуловимость, даже, скорее, непредсказуемость в поведении, и это поведение хорошо выражается в чудном полёте проворной птицы.

- Если бы не песенка, его и не заметишь, - замечаю я.

- Этот бекас, вроде бы, ничего из себя не представляет, он – самый крохотный из куличков, и об этой птице мало кто знает. Только охотники, да и то не все. Обычно бекас играет невысоко, но вот завидев охотника или

зверя - тотчас устремляется ввысь. Эта способность возноситься в недостижимую для многих птиц высоту заметно отличает бекаса от них, подчёркивая в нём какое-то свободолюбие, чуть ли не отчаянную игривость. В этом – своеобразие бекаса.

- И что он делает потом?

- Наигравшись в вышине, под облаками, бекас обыкновенно спускается на землю, присаживается на кочку или какую-нибудь отдельно стоящую сушину, и продолжает свой ток криком: «таку-таку, такую-таку, такую-таку». И верно, разглядеть бекаса, даже на земле, можно лишь заслышав его песню, что чаще всего напоминает бляение барашка.

Бывало, бредёшь ночной порой на глухариный ток, запинаясь о невидимые кочки, окружающая парная темень жарко дышит в лицо, и в этой липкой темноте задумаешься о чём-нибудь, а крик вот такого бекаса над самой головой вдруг выведет из охватившего забытья, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от разных дум.

- А почему бекас кричит как барашек?

- Куличок стремительно падает в необозримой вышине, невидимые перышки на его крыльях вибрируют о воздух, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек. Но своё «бляение» бекас производит не только перьями на крыльях, но и хвостом. Подобные звуки издают ягнята – молодые барашки, когда по весне крестьяне выводили их в поле на выгон. Кто-то из них, наверное, однажды услышал, что издаваемые животными звуки напоминают порхание бекаса в небе, и с тех пор повелось такое поверье, что бекас «блеет» как барашек.

А ещё бекас не любит дождик и ветер, ему по душе покойный закат и тихий вечер, когда солнце скатывается за чернеющий лес, и бекас, кажется, ещё более страстно принимается превозносить весну и свою любовь.

Мне всегда нравилось солнце, особенно – в детстве. И тогда, весной, когда мы отправились с отцом на вечернюю охоту, солнце как-то ласково касалось и травы, и ветвей, и потом – верхушек деревьев. Быстро опускаясь всё ниже, оно, тем не менее, было радостным, как будто благословляя землю, а земля в ответ дышала сладкими запахами, хотя ещё казалась оголённой. Прозрачный воздух, благодаря солнцу, преображал и землю, и лес, словно расширяя их, и от этого хотелось исследовать жизнь, каждый раз открывая для себя что-то новое.

Вот и лес: налился сотнями птичьих голосов, тысячи живых существ в нём просыпаются от спячки, и я вглядываюсь в раскрывшееся от этой проснувшейся жизни небо, пытаюсь увидеть в нём маленького, казалось бы, никому не нужного куличка-бекаса. Но впитывая всё, что происходит вокруг, мне представляется, что я вырастаю, становлюсь сильнее. Хотя – всё такой же, маленький, и, тем не менее, я начинаю ощущать в себе силу, ранее неведомую, и, замечая это в себе, становлюсь взрослее.

Пристально всматриваясь в призрачное небо, какое-то время я стою в приятной растерянности, вслушиваясь в весеннее многоголосье, и ощущаю только удары разгорячённого от всего происходящего сердца. Такой же крохотной птичкой, как и бекас, бьётся оно в моей груди, будто трепещет невидимыми крылышками, а я ещё и не ведаю, что незаметно, благодаря этому маленькому бекасу, во мне пробуждается и радость, и неиссякаемый интерес к жизни.

В этот весенний вечер во мне что-то ровно открылось, занялось новым существованием, так что я потом несколько дней пребывал в радости, вспоминая и прозрачный лес, и оттаивающую землю, и многоголосье птиц, и крохотного куличка в высоком небе. Я всё-таки увидел его, почувствовал сердцем в этой бескрайней весенней необъятности, а куличок пел так самозабвенно, что казалось – может истратить на песню всю свою маленькую душу, и упасть замертво, но песня бы не кончалась.

В детстве всегда думается о возможности достижения чего-либо лучшего, чем то, что существует, и этого предполагаемого лучшего так много, что оно нескончаемо возникает перед тобой каждый день. Я чувствовал себя у порога раскрытия каких-то важных тайн, и жил с ещё большим наслаждением. Я был благодарен весеннему дню, что улыбнулся мне таким крохотным, но замечательным счастьем: я увидел и услышал небесного «барашка», и до сих пор не могу успокоить моё трепещущее крылышками маленькое сердце.

ЛИСТОПАД

Если всю жизнь ходить в лес, то постепенно в тебе скапливаются невидимые силы, как в дереве, которое расцветает весной, в довольстве и неге проживает лето, а под осень, умудрённое опытом жизни, роняет отшумевшие листья, и листопад этот бесконечен.

Листья летят, подставляя бока осеннему солнцу, и оно высвечивает их разноцветную суть: рыжую, оранжевую, фиолетово-пурпурную, жёлтую – всех оттенков не перечесать. Каждый лист своеобразен, и если ты внимателен и неравнодушен, он навсегда останется в памяти во всей своей красе. Надо не пропустить в жизни этот листопад, которым не перестаёт одаривать нас природа, лететь вместе с ним, отгадывать его для себя и других, и никогда не увядать в чувствах.

Вот и мои мысли о лесе, подобно листьям, рождаются, зреют и отлетают, готовые к восприятию их другими людьми. Но, оторвавшись, они не уносятся безвозвратно в небытие, а становятся достоянием тех, кто больше других желает увидеть, услышать и почувствовать. Именно им – неравнодушным, любознательным и терпеливым адресуются эти строки. Хочется верить, что тот, кто их прочтёт, научится у деревьев, зверей и птиц тому, что долгое время было от него сокрыто.

Когда мысленно восполняешь в памяти все эти, казалось бы, обыкновенные лесные мелочи, мысли-листочки, то постепенно понимаешь, что именно через них входишь в желанный мир, где твоё маленькое «я» заполняется большой неведомой душой леса. Я храню множество таких мелочей и очень хочу, чтобы они стали частицей души всех читателей. Ведь в мире правды нет ничего чужого, и при внимательном рассмотрении всё почёрпнутое в лесу может стать общим, если кто-то пожелает сделать его своим.

Лес – кладовая жизненных сил, и листья-мысли не умирают: заботливый ветер уносит их к человеку. Это только кажется, что если листик оторвался от родимого дерева, то с ним надо распрощаться, он погиб, на самом деле он только начинает жить. Всякий листочек, если его вовремя увидеть и подобрать, не пропадёт и станет маленьким открытием.

Листья-мысли созревают, падают, а ты собираешь их, и так постепенно складывается урожай знаний. Сердце твоё, как и весной, наполняется радостью, и радость эта рождает близость всего живого с человеческим миром, призванным реализовать своё истинное «я» в соединении с лесом. Осенний листопад в нём – это плод долгих размышлений, дождь мыслей, предназначенный сыпать для людей неустанно, чтобы они, не переставая, вглядывались в вечность и поверили, наконец, во всемогущего Бога.

Осенний листопад – это ещё и дождь чувств. Зарождаясь зимою, они копят весну и лето, вспыхивают, угасают и вновь, с новой силой, возгораются под осень, даря человеку надежду. Жизненный листопад – это и

встреча, и прощание с дорогими сердцу воспоминаниями, своего рода окончательное освобождение от накопившихся мыслей и чувств, порождённых общением с удивительным миром русского леса, с его чудесным обаянием.

УЛЫБКА ЛЕСА

При всей своей видимой неприступности, лес иногда способен глядеть на человека с особенным доверием, отражающим трепет его огромной, таинственной души, но человек чаще всего ничего не воспринимает, и лес, огорчённый этим невниманием, надолго закрывает свои глаза.

И тогда человеку отчего-то становится одиноко, и он начинает замечать в чистой воде отражение летающей стрекозы, и как от каждого растения исходит свой особый свет, и что над его головой проносится неслучайный ветер...

А лес упорно молчит, погружившись в свои таинственные размышления, и не спешит дарить человеку свою великодушную улыбку.

УСТРЕМЛЕНИЕ ДЕРЕВЬЕВ

Что грезится в стране деревьев тем её обитателям, кто ещё достаточно не вырос по сравнению с великанами, что уже упираются в небо? И замечают ли их эти великаны, подступающие по ночам к звёздам? Наверное, все деревья, независимо от возраста, устремляются только к самим себе, и нет предела их подвижническому терпению.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Каким же чистым надо быть человеку, чтобы встретившись в лесу лицом к лицу со зверем, не покуситься на его жизнь и не испугаться, а заговорить с ним ласково и просто, как со старым, уже давно не виденным другом!

ОБЪЯТИЯ НОЧИ

Как хорошо становится на душе, когда в ночном лесу гукает над тобой большая невидимая птица филин... То нагонит, то надолго пропадает, а потом опять неожиданно появляется, и всё гукает, гукает, гукает, как будто чего-то ищет и не может отыскать. Сам ты тогда тоже невольно начинаешь угадывать в себе нечто таинственное и дорогое, что было когда-то утеряно, и ты не замечаешь, как ночь, словно мать, потерявшая ребёнка, уже нашла тебя и великодушно приняла в свои объятия.

СТАРЫЙ ЛЕШАК

Как замолкнет в лесу кукушка – из тенистой чащи на солнечную опушку осторожно начинают выступать озорные бесенята, а их батька – старый лешак, так и сидит в потаённой глуши, но не пропускает мимо своего внимания ни одного человека.

ВЫВОРОТЕНЬ

Случается, буря повалит какую-нибудь ель прямо поперёк тропы, и вывернутые вместе с дёрном корни угрожающе вздымаются над ней, как разъярённый медведь... С опаской обходишь такой выворотень, и долго не можешь избавиться от ощущения, будто кто-то неведомый заглянул в твою душу, предрёк нечто ужасное, но ты продолжаешь свой путь, зная, что и старое, поломанное грозой дерево в своей борьбе за жизнь нередко проживает более насыщенно, чем молодое и здоровое.

ЛЕСНЫЕ ДОРОЖКИ

Собираясь накануне в лес, всё думаешь: надо бы завтра, натолкнувшись на свежий след рыси или лисицы, обязательно пройти по нему в пяту, ни на что не отвлекаясь и до самого конца. Но как только окажешься поутру за околицей, на мгновение замрёшь в ознобе восторга от увиденного и ... будь здоров, позабыв обо всём, куда глаза глядят... Так увлекательны и благословенны бесчисленные лесные дорожки!

ГЛУБОКАЯ КОЛЕЯ

Бывает, человек так возгордится, что оставляет всякие попытки, хотя бы изредка, сдерживать себя... И жизнь тотчас напоминает ему о своей божественной сути, низводя его до положения обыкновенной полевой мышки, что по воле случая оказывается в глубокой колее лесной дороги. Края у этой колеи крутые, подняться по ним мышка не в силах, и чтобы выбраться – зверьку приходится бежать к самой деревне, а до неё – с десяток вёрст!

СВОЙ ДОМ

Птица просто сидит на дереве, подымет крыло и, загнув голову, начнёт чесать под ним клювиком... Щиплет часто, быстро, не устывая, а у тебя вдруг родится в сердце острая потребность в своём доме, и прогулка в лес только усилит её.

ПАХУЧИЕ АПРЕЛЬСКИЕ ТУМАНЫ

Пахучие апрельские туманы не задерживаются на открытых местах и быстро растворяются в воздухе, наполняя живительным ароматом взбудораженные весной сердца; в густых же ельниках застревают надолго, и как будто ждут там чего-то глубоко желаемого, скрытого ото всех, но несбыточного.

ЖАРКАЯ ВЕСНА

Ясным мартовским днём, при добром морозце и ветре, солнце так остренько покалывает кожу, что по всему телу разливается весёлый жар. Кровь ударяет в щёки, лоб и уши, они горят вместе с искрящимися снегами, всё вокруг играет.

Вот когда напрочь забываешь об усталости и хочется, чтобы день этот никогда не кончился, и солнце светило всегда по-весеннему, без удержу, и ветер бы не позволял облакам скрыть напряженную от восторга небесную синеву. А как приятно чувствовать на этом ветреном и ярком солнце разухабистую весеннюю жару!

ОБАЯНИЕ ЛЕСА

Если хоть раз видел, как грациозно поднимаются по склону глубокого распадка отъевшиеся за лето медвежата, то никогда не забудешь круглые, смешно колышущиеся зады зверей, их блестящие роскошные шкуры, и ту поразительную игривость, с какой они способны передвигаться в эту пору... А вспомнив однажды всё это – улыбнёшься и поблаговаришь лес за его обаяние и силу.

ВЫНУЖДЕННОЕ НЕНАСТЬЕ

На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стёклам, но попробуй преодолеть в себе вынужденное ненастье, войди в просыпающуюся от зимы чащу, и душа вдруг станет огромной, как лес.

КАК В ДЕТСТВЕ

Бывает, станет так хорошо в лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть ли не дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь от неё светлой и чистой сказки.

ЗЕЛЁНЫЙ ГУЛ

Ещё с ночи из леса потянулся какой-то неясный шум: это лопались переполненные жизнью почки, словно зазывные сваты восторженно перешёптывались между собой, еле сдерживая себя о чём-то совещаюсь. А потом весь день молоденькие берёзки, осинки и черёмушки, подобно невестам, одевались прямо на глазах в светлые одежды, и тоже, еле слышно, радовались своему счастью, распространяя вокруг себя живительный аромат...

Так, незаметно, еле различимый, но трогательный шум от лопающихся почек постепенно превращался в зелёный неудержимый гул всеобщего праздника любви.

ТЯСОГУЗКИ

Из всех птичек, что радуют нас по весне – трясогузки самые бойкие... Именно они безбоязненно присаживаются на крыльцо лесной избушки, то и дело заглядывают вовнутрь, вздрагивая хвостиком поправляют на груди свой чёрный галстучек и, быстро склонив голову на бок, посверкивают бусинкой-глазком. Молниеносно оценив для себя обстановку, птички никогда долго не задерживаются на одном месте и устремляются дальше: невидимо семят крохотными ножками, ловко ныряют из стороны в сторону, и до того настойчиво попискивают, что кажется вот-вот вскрикнут – мы очень неустрашимые и смелые, но почему же тогда такие маленькие?!

БУКВАРИК

Мужественно перезимовавший на ветке листочек всё равно рано или поздно обрывается, и, порхая между стволами, вдруг представляется маленьким буквариком, всматриваясь в который, все деревья будто заново постигают азбуку предстоящей им захватывающей жизни.

ВНЕЗАПНАЯ РАДОСТЬ

Согбенное снежным гнётом молодое деревце, к весне, обычно не распрямляется в один миг, после сильного удара по нему лыжной палкой, как об этом рассказывают досужие до всего люди, а так и остаётся долгое время

согнутым в три погибели, пока его, постепенно, не выправят весенние дожди и солнечное тепло. Снег всю зиму гнетёт верхушку молодого деревца, пригибает его к земле, и, обессилев, деревце, наконец, сдаётся и поникает. К весне оно становится совсем неприметным, так что ходишь над ним по насту, даже не подозревая о его существовании.

Но бывает, в апреле, когда снег уже быстро сходит, случайно тронешь лыжей такую неприметную веточку, а она вдруг распрямится, выпрыгнет на свет во всей своей красе, и душа твоя тоже неожиданно встрепенётся и обрадуется.

ЖЕЛАННОЕ ОКОНЦЕ

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле – просыпающаяся земля, а в мае – напоённый жизнью воздух, что всеобъемлющ, многолик, и так, улыбка за улыбкой, как по ступенькам, всё это радостное в природе возносит в голубеющую над лесом даль, распахивая перед тобой желанное оконце.

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

Человек не в состоянии воспринять всю мудрость леса целиком, а складывает её годами из разных сказочных преданий и небывальщин, собственного бесконечного хождения по нему, и лишь потом, незаметно, обнаруживает для себя удивительную, и вместе с тем очень простую лесную быль.

КАК ТОТ САМЫЙ ДРОЗД

Иной раз выдастся такая весна, что и дрозд поёт сиротливо, как будто бы он один остался на весь промокший апрельский лес, вскоре часом простудился, засипел и постепенно вовсе умолк.

Но только подумаешь о весне плохо, как она возьмёт и огорошит тебя совершающимся повсюду торжеством, и ты, конечно, сразу простишь ей неприкаянную сиротливость, позабудешь обо всём худом, что породила временная природная неопределённость, и вдруг возрадуешься жизни необыкновенно, словно она ещё и не начиналась, и уж до самого лета будешь прославлять её, как тот самый дрозд-белобровик, что сначала не поверил в весну, а потом, как и ты, её полюбил.

ЛЕСНОЙ ПАУК

Всегда почему-то кажется, будто лесной паук имеет преимущество над простым, домашним, и оттого к последнему относишься с некоторым пренебрежением, даже с брезгливостью, когда заметишь его, скажем, в бане, а повстречав в лесу умело растянутую, в капельках росы паутину, обходишь её с уважением, стараясь не зацепить.

ЗЯБЛИКИ

Люблю примечать прилёт зябликов, когда снег в лесу не тронулся, следить, как они перепархивают, насвистывают в еловых ветвях, и чувствовать, что во всём происходящем не хватает ещё какого-то очень важного тёплого творчества, без которого и солнце ни солнце, и весна ни весна... Но вот маленькие птички своим присутствием будто обогрели зябкую пору, и всё вокруг вскоре задвигалось и заиграло!

НЕБЫВАЛОЕ

Придёт к тебе однажды из лесу такое небывалое, что, кажется, не снилось никому на свете, но и его ты постепенно сможешь принять, и по-своему объяснить. А если не сможешь – будешь спокойно и молчаливо нести в себе, и оно станет твоей тайной, которая когда-нибудь превратится в правду.

БЕРЁЗКИ

Так яро, с самозабвением, играют на току краснобровые петухи-тетерева, что маленькие берёзки по краям полянки, в нетерпении от происходящего, кажется, приподнимаются на цыпочках, и готовы вот-вот полететь над взбудораженными птицами, купаясь в ласковых лучах весеннего солнца.

ЦАРЬ ПТИЦ

Парение орла необычайно величаво, падение – стремительно, овладение же им добычей – хладнокровно, и разве поверишь, что эта гордая птица может стать совершенно послушна человеку...

Для этого он просто надевает ей на глаза клобук, делая слепой, сажит, привязанную за ногу, на бечеву, и, в течение нескольких дней, покручивает её. Изредка шевеля бечеву, человек долго не даёт орлу пищи, чтобы он уже больше никогда не смог успокоиться и прийти в себя, и тем самым навсегда подчиняет царя птиц своей воле!

ОЗОРНОЙ ЛЕС

Идёшь, бывало, по лесу и не видишь его глаз: будто лес не понимает тебя, как ты его, а переводит все твои чувства и мысли на свой, непонятный тебе язык. Не наставляет и не запугивает, и даже в тех местах, где невозможно от радости не улыбнуться – он не улыбается. За весь день слова не вымолвит, лица своего не покажет, но только ты вознамеришься его покинуть, как он неожиданно преобразится, подставит тебе ножку и расхохочется!

ЛИСИЙ ХВОСТ

Увидел однажды в заснеженном поле лису и сразу подумал: зачем у неё такой пушистый и как будто совсем ненужный хвост? Уж, конечно, не для того, чтобы следы замечать, кому, если понадобится, он и без того разберёт. Да и с красотой не всё так просто обстоит, что в лесу как раз не должна в глаза бросаться.

А как-то зимой поднял с дневной спячки хитрого зверя, подошёл к тому месту, где он лежал, свернувшись калачиком, так что на снегу осталась вмятина, наполовину обвитая неглубокой бороздкой, и понял: хвост позволяет лисе не застудить лёгкие в сильные морозы. Когда лиса, оборачиваясь им, утыкает в него нос, холодный воздух, вдыхаемый через густой мех, успевает согреться. Не хвост, а носогрейка!

К тому же, лиса-Патрикеевна, при всей своей изворотливости не имея в природе явных врагов, призвана заявить о своей красе во всеуслышание! Посмотрите, какая я пригожая, и собой красива, и по уму мне молвят славу: чего же мне бояться?

У волка хвост – полено, замечали в народе, у медведя – куцук, у бобра – лопата, а у лисы – труба, им она на весь белый свет и трубит о том, как хороша. Он у неё – что след огненной кометы, озаряющей собой и без того дивный лес. Лиса хвостом виляет, но зубы скалит, и если зайца ноги носят, волка зубы кормят, то лису хвост бережёт. С ним она от любой беды отыграется, оттого сытей волка и живёт!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег – будто странствующий глухонемой: никогда не почувствуешь, как он приходит, ложится на остывшую землю и замирает в ожидании внимания...

КОРНИ

Под осыпавшейся кручей, над самой дорогой, оголились и повисли длинные корни деревьев... Несмотря на свою беспомощность, они вызвали неприятное волнение: кажется, кончики этих корявых щупалец вот-вот достигнут твоей одежды, и больше не отпустят. Долго потом не можешь оправиться от этого неприятного ощущения, не в силах понять, что тебя вынуждает, не оглядываясь, ускорить шаг?!

ВЕЛИКИЕ СУГРОБЫ

Иной раз захочется почему-то обойти всю зиму по глубоким снегам, но постепенно задыхаешься, волей-неволей умеряешь свой шаг и пыл, и лишь жадным взглядом не перестаёшь утопать в её великих сугробах.

НЕТЕРПЕЛИВЫЙ ВОСТОРГ

Весенний цветок, пробиваясь из почвы сквозь старые листья, вопреки укоренившемуся заблуждению, не испытывает при этом никаких усилий: он переживает нетерпеливый восторг!

ЛИСТОК

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами лось-великан или присевшая на ветвь птица, зацепившийся за лист паучок благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья, но ни за что у листа не хватит сил оставить дерево самому, без чьей-либо поддержки, когда он вдруг отчего-то оборвётся и полетит, принадлежа теперь только себе.

Только когда ветер шевельнёт старым листом, вдруг покажется, что он ожил... И сразу представится, как лист родился весной, сколько сил земля, вода, солнце и воздух положили на то, чтобы он распустился. А затем, как он менял свой цвет, становясь, поначалу, тёмно-кремовым, с чёрными прожилками, дальше – оранжевым, ярким, и вскоре – фиолетово-пурпурным, переполненным жизнью.

И вот пришло время ему оторваться и улететь, и лист упал где-то, зарылся в ворох таких же обессиленных листьев и, свернувшись, вдруг почувствовал, как его высушенных боков коснулся живой воздушный поток. И лист, быть может, откликнулся ему, на миг поверив в оставшиеся силы, и на какой-то миг действительно ожил, перевернувшись на другой бок, а человек заметил это, поверил тому, что произошло, и улыбнулся.

ДОРОГАЯ ПРИРОДА

Случится с тобой однажды такое, что жизнь оказывается остановлена: и еда не лезет, и работа в тягость, и сон отлетает, и в лес идти совсем не хочется... Так проходит день, другой, третий, а то и неделя, и даже месяц. Вот уже и солнечный март подступил – у тебя же одна мысль: как бы одолеть свою кручину и поверить в нечто спасительное, чтобы оно нежданно-негаданно коснулось твоей души и та, хоть маленьчко отогревшись, радостно затеплилась?

А надо-то было всего лишь забыть на время себя самого, помочь какому-либо доброму человеку и, отрешившись ото всех случившихся с тобой переживаний, улечься пораньше и пробудиться рано поутру от барабанной дятловой трели, что протяжно и звонко разносится в ближнем лесу, куда-то зовёт и обещает только счастливые события! Ведь если человеку всё надоело и он устал, ему надлежит узнать то, что не подвержено даже смерти, а что это такое?

Вся жизненная удовлетворённость, наполненность благословенным смыслом существования находится, оказывается, в нём самом, необходимо только всё это отыскать, но сначала – прийти к желанию поиска, насытившись обыденной, пусть и приятной жизнью. Человеку не достаёт решительного броска навстречу самому себе, к заложенной в глубине своей природы божественности, с пониманием, что она не делима от тела.

Единство тела и духа – вот, где заложена причина человеческого счастья, и когда человек достигает этого благословенного слияния, он обретает в душе недостающую удовлетворённость, то есть – Бога. Но Его невозможно воспринять без поклонения и постижения такой дорогой всем нам природы, что для русского человека – всё мирозданье, то ежедневно зримое благо, которое и призывает, и высит его дух!

РАЗОМЛЕЛОЕ ТЕЛО ВЕСНЫ

Как неясные думы дрожит над землёй знойное марево, а вместе с ним сама земля, лес, деревня, пашня, река за околицей, и всё это вместе, если взглянуть пристальнее, открывает нам разомлелое тело потянувшейся ото сна весны.

СТАРЫЙ КОЛДУН

Когда-то, давно, лес, наверное, был похож на добротного и рачительного хозяина, знающего себе цену и гордого за это своё добро, а вот теперь, выщербленный и какой-то задавленный, он напоминает лишь старого немощного колдуна, чьи угрозы уже никто всерьёз не воспринимает, но в сказку его жизни всё же ещё верит.

САМАЯ ТРОГАТЕЛЬНАЯ ПОРА

Когда из коричневой почки проклёвывается зелёный клювик, на клювике этом повисает большая прозрачная капля, и всё вокруг как будто приподнимается на цыпочках, чтобы её выпить, в природе наступает самая трогательная и преисполненная жизненных сил пора.

БЕЗЫЗВЕСТНОСТЬ

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распутившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же, отрываюсь в сентябре и опять уношусь в томящую безызнестность, которой нет конца.

МАЙСКИЙ СНЕГ

Майский снег и нежен и колюч, и в этом сочетании уходящего мороза и надвигающейся живой поры он всегда нереален, как хоть и красивая, но пустая мечта.

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

Одна из самых притягательных тайн леса в том, что в нём возникает совершенно особое чувство времени: там слышно, как длится мгновение, пробуждающее в нас память предков.

ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ ОГОЛЁННОСТЬ

С появлением парного тепла от земли, как ни странно, пропадает особый весенний уют, вернее, его заволаживающая оголённость, которая для русского человека, пожалуй, ещё более трогательна и самозабвенна.

СМИРЕННАЯ РАДОСТЬ

Живёшь в мире людей – и тут тебе гордыня и благоговение, рабская покорность и воля, жадность, любовь и сквернословие, а войдёшь в лес – лишь одно чувство: смиренная радость!

ПЕРВАЯ МЕЧТА

Когда-то, в детстве, я неожиданно открыл для себя необычное свойство хвойной смолы: если намазать ей кончик сухой еловой палочки и пустить на

воду, то благодаря отталкивающему действию смолы – палочка превратится в быстрый кораблик, вольно бегущий по волнам. Соревнуясь между собой, мы – мальчишки, таким образом, запускали в жизнь свою первую пробную мечту, втайне надеясь на её осуществление.

ПЕРВЫЙ ВЕСТНИК ВЕСНЫ

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе и издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-дон-н!» До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё не проснувшейся радостной поры!

ОДИНОКИЙ ЦВЕТОК

Как много светлых, возвышенных слов посвятил я промозглым дождям и ураганам, колючему мокрому снегу, въедливым туманам и пурге, но почему-то рождается в сердце печаль при виде одинокого цветка, пусть и прекрасного, и хочется молча опуститься перед ним на колени, нежно дотронуться рукой и улыбнуться.

ДЕРЕВЬЯ

Каких только деревьев не встретишь в лесу! Лирообразные, кажется, от самого комля порождающие неподражаемое музыкальное звучание; сросшиеся в три, а то и в четыре ствола; наподобие рассерженной змеи – прямо поднимающиеся от земли и потом извивающиеся в сторону с замершей настороже верхушкой-головой; угрожающе распластавшиеся во мху сказочной куриной лапой; с невообразимыми по форме и размерам наплывами или с таинственными дуплами, охватывающими изнутри чуть ли не весь ствол... А иногда набредёшь на согнутую в дугу берёзу – это она однажды под тяжестью снега к самой земле вершинкой склонилась и разогнуться уже не смогла. В общем-то, ничего особенного в том и нет – таких берёз по всему лесу встречается достаточно, но эта была особенная: у неё на спине, словно подберёзовики, дружной семейкой вытянулись стройные отростки.

Как-то на одном из таких согнутых деревьев я насчитал более двадцати молоденьких берёзок! Восторженные от возможности дотянуться до ближайших соседей и окончательно пригнув к земле породивший их ствол, они представлялись живыми памятниками незаметно поддерживающему их

дереву, которому лес уготовил судьбу невидимого и вечного труженика. Так и среди людей: одному – знай только пляши да пой, а кому-то – всю жизнь хоть вой!

БРОДКИ

Охотиться по бродкам – это значит находить росистым утром следы птиц на траве и по ним добирать, как собака, схоронившуюся дичь. Но вот одним июльским утром, собирая на знакомом покосе землянику, мне привелось наткнуться на подобные бродки ... медведицы с медвежатами.

Сначала я обратил внимание только на аккуратный следок, напоминающий детскую ножку, и очень удивился: час был довольно ранний, да и от деревни изрядно, а тут ребёнок. Откуда бы ему взяться?! След убегал в глухой, непролазный ельник, и это меня насторожило.

Чуть поодаль пролегал ещё один, точно такой же след, и у меня как-то подспудно, но без уверенности, зашевелилась догадка: это, должно быть, медвежата, которые не могут сейчас оставаться без матери одни и, значит, следует быть внимательнее.

И только я об этом подумал, как взгляд мой упал на крупные продолговатые отметины в глубине травы, что почему-то сразу напомнили отпечатки лаптей. Будто деревенская баба с двумя малыми детьми отправилась рано поутру по ягоды в лес, невольно заплутала, но не растерялась и вывела своих малышей. Такая в этих следах чувствовалась уверенность и забота, хотя они и не пересекались.

Оглянувшись я вокруг, присел в растерянности на пенёк и, глядя на быстро растворяющиеся под солнцем полосы в траве, вдруг с необыкновенной ясностью для себя ощутил, как неизмеримы запасы нежности в природе.

УВЕРЕННОСТЬ ДРУГ В ДРУГЕ

Удивительное ощущение взаимосвязи дарят весеннее солнце с землёй, когда солнце освобождает землю от снега и наполняет её теплом, а земля, наконец-то отряхнувшись от зимней спячки, трогательно тянет к нему свои ладони, наполненные живительным цветом, и ты вдруг понимаешь, что в основе отношений между мужчиной и женщиной должно лежать такое же не оскорбляемое ощущение уверенности друг в друге, от которого рождается состояние бесстрашия перед самой жестокой жизнью.

НЕУТОМИМЫЕ МУРАШИ

В разомлелый июльский полдень, после дождя, на какой-нибудь старой валёжине нередко можно увидеть крохотные беловатые яички... Это – неутомимые мураши раскладывают их для просушки.

Продолговатые и аппетитные – яички оказываются желанной приманкой для многих птиц, но, тем не менее, муравьи не боятся вытаскивать их на ласковое тепло, обеспокоенно снуют вокруг, и при малейшей опасности очень быстро прячут.

Только что вся колода была усеяна нежно-молочными, лакомыми зёрнышками, а через какие-то мгновения уже ничего нет: и без того многочисленное семейство, в первую очередь, хлопотливо заботится о своём потомстве.

О ПРИЯТНОМ

Ночью, в ожидании глухариного тока, редко, когда удаётся уснуть, и ты лежишь на ворохе елового лапника, и думаешь о чём-нибудь приятном, связанном, почему-то, всегда с природой...

Например о том, как приятно, наверное, быть маленькой птицей, что неслышно переносит на крыльях свою тихую, прелестную жизнь, и никогда ни о чём не тоскует.

Приятно встречать утро года, весной, открытое для возрождающейся жизни, смотреть на распутившуюся вербу и не срывать её, разводить в лесу костёр, поддерживать его всю весеннюю ночь и вслушиваться в ночные звуки.

Приятно наблюдать, как кудрявятся в весенний день белые облака над садом или лесом, а между ними замирает ласковая синева.

Приятно, когда волосы твои ворошит лёгкий весенний ветерок, ласково запуская в них свои невидимые пальцы...

Приятно, когда свою нежность отдают тебе апрельские звёзды! Посверкивают тихо, настойчиво, как будто что-то подсказывают и окрыляют. Ты им, конечно, благодарен за это.

Рождественские звёзды вспыхивают в морозном небе уже как-то по-оперному торжественно, беспокойно шевелятся и подмигивают тебе, отчего на душе тоже становится очень приятно.

А как приятно замирает сердце в предвкушении дальней дороги! Что-то принесёт она тебе? Веришь, что только незабываемые встречи, восхитительные открытия, всё самое неизведанное...

Приятно шагать по ней летом, может быть, за малиной, и ощущать рядом маленького человечка – сына или дочку, который сжимает в руке корзиночку. Чувствовать, как ответственен за него, и что это твоё продолжение на земле, пока ничего не ведающее, но такое трогательное, чистое.

Как восхитительно июньское солнце, пронизывающее воздух радостью и ожиданием только хорошего, как приятен ласковый день в июле, который длится долго, и кажется, что он никогда не кончится.

Ещё приятна неясная печаль, что касается тебя осеннею порой... Опустели леса, воздух замирает меж облетевших деревьев, хочется только чего-то радостного и настоящего. Душа твоя болеет за всех, она полна добра.

Приятно бродить в тенистой прохладе притихшего сентябрьского леса в поисках грибов, смотреть, как кружит высоко в небе одинокий канюк, а вечером любоваться на большую осеннюю луну, что неторопливо взбирается на небо, и с этого момента повелевает всем в природе. Приятно наблюдать, как осенью птицы собираются в стаи у горизонта, и подолгу переговариваются между собой.

Приятно ощущать в душе добро, когда сажаешь деревья... Вроде бы, ничего не происходит: ты дотрагиваешься до тоненьких прохладных стволов и веточек, в ноздри ударяет запах земли и навоза, над головой внезапно взмахивают крыльями вездесущие сороки. До тебя даже не доходит – как важно и замечательно то, что ты делаешь. Это придёт после... И от осознания этого на душе опять становится приятно.

Приятно сознавать себя человеком, который мудро относится ко всему живому.

Приятен труд на воздухе, когда тело напряжено и мышцы налиты силой, и только что расколотые осиновые поленья так приятно пахнут весенней свежестью, нежно белеют на солнце и мягко ложатся под ногами на снег. Взглядом дотрагиваешься до них, ласкаешь и восхищаешься замершей в них жизнью.

Приятно стоять под высокой раскидистой елью и ждать, когда закончится дождь... А дождь всё не кончается, льёт и льёт, но тебе не становится грустно: ещё так много принесёт лето, вознамерившееся перевернуть твою жизнь. Эта небесная капель, часто никем не замечаемая, дотрагивается до твоих рук и лица с такой нежностью, что отдаётся в сердце ещё неизведанной любовью.

Приятно представлять себя каким-нибудь неведомым лесным зверем, который крадётся в девственной шелковистой траве и радуется своему звериному существованию. Ты живёшь замечательной звериной жизнью, жаждешь всего живого для своих детёнышей, учишь их этой непростой жизни и надеешься на добрый день.

Приятно думать обо всём хорошем в природе и ощущать его... Вот солнце выглянуло ненадолго и скрылось, а потом опять вошло – сколько счастья в душе! Скоро его сменит вечерняя печаль – приятная, лёгкая, неземная, и ты задумаешься о чём-нибудь, таком же неземном, и загадаешь про себя то, что обязательно сбудется!

Приятно, вообще, жить, видеть, как цветёт земля, и переживать ко всему свою большую любовь.

ВОЛШЕБСТВО

Разве передашь кому – что охватывает тебя при входе в сосновый бор, поутру, с мартовскими синими тенями от стволов, между которыми пролегли бороздки глухариных набродов! После того, как ты это увидел – в лесу, почему-то, начинает показываться ещё много такого, чего ты раньше вообще не замечал.

И тогда всё вокруг представляется чудесным: и снег, и воздух, и солнце, и глухари, которые только что были здесь, улетели, но ты не в силах сдерживать своего волнения от их недавнего присутствия... Нужно всегда самому, осознанно войти внутрь дикой природы, и открыть для себя её волшебство.

ЛУКАВАЯ ЛУНА

Только однажды, в ноябре, увидел я огромную красную луну, и до того она меня поразила своей зловещей неукоснительностью, что ещё долго потом вспоминалось, как луна неожиданно, будто хищная и лукавая рыба, выплыла на чёрном небе, завалилась вдруг на бок и так, остановившись в своём завораживающем восхождении, очень пристально и совершенно открыто заглянула мне в душу... Но я перед ней почему-то не раскрылся, как раскрылся бы перед любой, даже самой маленькой звездой, а только стоял и, не отрываясь, любовался.

ВАЛЬДШНЕПИНАЯ ЛЮБОВЬ

Под вечер неожиданно вскрапнул тёплый дождик и откуда ни возьмись выполз густой туман, что стелился от низкорослых кусов до верхушек высоких елей: он и прибил вальдшнепиную тягу вниз.

Птицы прижимались к самой земле, самки вскрикивали, увлекали за собой самцов, и те налетали на них с ходу прямо на дорогах, любом открытом месте, шумно сталкивались, вырвавшись навстречу друг другу из молочной пелены, быстро спаривались, и тотчас разлетались. Вместо них, тут же, вскоре появлялись другие птицы, и всё в точности повторялось.

Туман, кажется, внёс в поведение вальдшнепов некую непривычную для них нервозность, будто птицы боялись упустить этот вечер, в целом – всю весну, и торопились любить, что со стороны выглядело до невозможности оголётно и просто, но в тоже время как-то необыкновенно притягательно.

Охваченные страстью, птицы были так возбуждены, что будто не понимали: туман скоро рассеется, закат опять будет нежно-розовый, а воздух – прозрачный, тёплый и спокойный. Но, бывает, выдаётся чудесный тихий вечер, а вальдшнепы почему-то не устремляются к своей любви...

ВИТЮТЕНЬ

Редко удаётся увидеть лесного голубя-витютня, который скрывается по весне в разлапистых ветках ёлки. Бывало, неожиданно послышится из лесу какое-то непонятное постанывающее воркование, и ты, остановившись, долго не можешь уразуметь: что это за диковинная птица? Так проникновенно и гулко разносится её грудной голос, чем-то непонятным очаровывает и привлекает...

Потихоньку начинаешь подкрадываться к нему, а звук то удаляется, то возникает совсем рядом. И вдруг, в каких-нибудь двух-трёх шагах, заметишь в ветвях дымчато-розоватое оперение голубя, его надувшуюся гордую грудку, и поразишься неброской красоте птицы, что большую часть жизни держится над раздольными полями, а силу свою черпает в густом лесу.

БЕЗЫМЯННАЯ ВЕСНА

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: скоро весна! Но что же послужило основанием такой убеждённости? Может быть, синица, раньше времени, восторженно запиныкала под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то ещё необычное, совсем уже не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же ... весна!

О ЗЕМНЫХ ЗАБОТАХ И ЗАОБЛАЧНЫХ ДАЛЯХ

Часто люди, ещё достаточно не зная и не понимая земли, уже обращаются в своих устремлениях к заоблачным далям, тогда как для начала им следовало бы разобраться в жизни, которая их окружает. Например, научиться тому, как сажать и выращивать здоровую картошку или искать грибы, понимать голоса птиц и зверей, как жить с людьми, чтобы не злословить про них, не завидовать, а видеть в них больше хорошего, и это хорошее поддерживать, как найти себя в жизни, именно своё дело, и развив его – оставить плоды своего труда потомству.

Множество работы ждёт человека на земле, и летать в заоблачном мире ему не пристало. Другое дело, если мечты не мешают земным заботам и только помогают их осуществлению. Так, когда человек устал – он поёт песню, которая уносит его на время от земли, а возвращается он уже отдохнувшим и сильным.

ДУНОВЕНИЕ ВЕТЕРКА

Бывало, подолгу вынашиваешь в себе какие-либо сведения о птице или звере, но чего-то всё-таки не хватает, чтобы начать рассказ... Чего-то

связующего, необычного, что могло бы озарить повествование обаятельной чёрточкой, мыслью, может быть, даже открытием.

И вот, однажды, это маленькое недостающее открытие появляется в лице обычного дуновения ветерка, после чего всё накопленное до него знание, представляющееся до этого неинтересным, неживым, чудесным образом оживает, и тотчас складывается сюжетная линия рассказа, его развязка и, конечно, недостающая первая фраза.

ЗИМНЯЯ КАРТИНКА

Говорят, что зима тетереву за обычай, и длится всего лишь ночь. Морозный же декабрьский день для птиц – в одну кормёжку, когда они вылетают из-под снега на берёзы и, рассевшись по ветвям, как будто стерегут торжественный зимний покой.

Неторопливо склёвывая пахучие берёзовые почки, тетерева изредка прислушиваются, настороженно поворачивают головы к розовеющему востоку и, убедившись, что тишина не тронута, опять принимаются за корм. Нужно успеть набить зоб за короткий светлый день, чтобы хватило на двое-трое суток неподвижного пребывания под снегом.

Насытившись, тетерева никуда не улетают, а тяжёлыми чёрными грушами срываются прямо под деревья, в сугроб, и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим на краю поляны лункам: из них они неожиданно вырвутся однажды поутру, и опять ненадолго разбудят зимнюю тишину. Краснобровые птицы на заснеженных берёзах, может быть, самая красочная картинка зимы, отражающая её короткое пробуждение и предвкушающая нескончаемо сладостный, дивный сон.

ТЕМНОТА

Когда подкрадывается темнота, устраивается поудобнее и замирает, в ближнем логоу, за домиком, начинается не ведающая покоя ночная жизнь... Осторожно ступает она там среди разного зверья, птиц и насекомых, а невидимые растения источают оттуда таинственные и душные испарения, что дурманят голову, будят воображение и страх. Тишину разрывают клопочущие глухие звуки, крадущиеся шорохи и чьё-то ворчание: темнота вступает в свои права.

Никогда в эту пору не ударит по дуплистому стволу дятел, ночь растворила и его... Ночное море теней затопило и землю, и лес, и небо. И только луна спокойно сияет в недостижимой для темноты вышине, и льёт свои холодные лучи на дремлющие спины могучих елей, укромные поляны и мою избушку.

АПРЕЛЬ

Мой самый любимый месяц в году – апрель. Он смотрит на мир ласковыми глазами любви, в которой, кроме пронзительного солнечного света и отчаянной растерянности обессиляющих снегов, случаются и жестокие метели.

И вспомнишь вдруг, как, не угасая, пробирался через всю зиму к себе самому, и верил в свой апрель, в тот радостный весенний день, когда от птичьих криков, солнца и звенящей капли переживаешь в сердце огромную любовь и силу, наслаждаясь неповторимым мигом апрельского просветления.

МАЛЕНЬКАЯ ХИТРОСТЬ

Спасти от комаров можно ... спокойным сидением у костра. За один раз натаскай дров и садись: больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе внимание кровососов.

Отойдёшь на минуту, а за собой обязательно приведёшь полчища надоедливых насекомых. Надо перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут досажать тебе. Маленькая хитрость, подсмотренная в июньском лесу, пригодилась мне на долгие годы.

ВЕЧНОСТЬ

Особая тихая прелесть возникает в апреле, когда в воздухе пахнет сырой корой, распускающимися почками, и почему-то начинает казаться, что именно в эту пору наступает время человека. Время для любознательности, обретения знаний и будоражащих душу сомнений, что помогают исследованию жизни. Это исследование позволяет однажды почувствовать вечность, как единственно верное и дорогое состояние души для её постоянного изменения к лучшему.

ВАЖНЫЙ МАЛЫШЁК

Обыкновенный комар, что доставляет нам массу хлопот, на самом деле очень важен: в считанные дни он возвращает растениям еду, которую уносит с земли вода, насыщая воздух недостающими микроэлементами, без которых теряют силу и травы, и цветы, и деревья, сам при этом оставаясь кормом для птиц и рыб, питающихся комариными личинками. С комаром в народе связывали только добрые приметы: появился комар – пора рожь сеять, нет комара – и овса не будет, устроили насекомые в воздухе толкотню – к вёдру. Мал малышёк, хоть и буян на носок, да зато песенкой звонок!

СИНИЧКИ

Природа так распорядилась, что даже птицы одного семейства – синички, сильно разнятся между собой: московка, длиннохвостая, буроголовая гаичка, хохлатая, усатая, лазоревка... Но все они предназначены делать одно дело – тоненько насвистывать в нижнем пологе леса, перелетать с дерева на дерево, крошить еловую шелуху на снег.

А ещё быть беззаботными в любую непогоду и никогда не унывать, в тоже время, ни на миг не исчезая из поля зрения человека, всегда находясь поблизости и в лесу, и в городе. Не для того ли, чтобы смягчить наше ожесточившееся за зиму сердце, и, не повторяясь, радовать его, делая богаче? Мала синичка, да ноготок остёр!

ЯСНЫЙ МЕСЯЦ

Морозной осенней ночью, когда слышен каждый шорох и сон не идёт, а ясный месяц так весело заглядывает к тебе в окошко, ты постепенно обнаруживаешь в нём, помимо приевшегося всем куска сыра, и ломтик сочной чарджойской дыни, дольку лимона, озорную улыбку прекрасной лунной девушки и уголок небесной монетки... Архангелы, наверное, потёрли её, чтобы им лучше было наблюдать за тем, что происходит на земле.

Ещё месяц представляется изящно изогнутой щёлочкой, через неё можно глядеться в звёздные миры, сказочной хлебной краюшкой, что вот-вот зацепится за угол бабушкиной избы, или рожками чёртика, убежавшего от старого чёрта и взявшегося развеселить всё звёздное небо.

А разыгравшееся воображение уже рисует хрупкую материнскую ладошку, будто поддерживающую головку ребёнка, колыбельную люльку этого загадочного младенца, в окружении бесчисленных звёздных нянек не ведающего своего небесного возраста, волшебное коромысло, что наклонилось от обилия доставшихся ему жемчугов и, конечно, драгоценное лукошко, полное ещё не рассыпавшихся подарков для всех людей.

Уже засыпая и находясь в сладостном полузабытии сменяющих друг друга лунных образов, вдруг увидишь в месяце обгрызенный волками бочок ночного солнышка, что, всё же, не пожелало быть до конца съеденным, в последний миг взметнулось от зверей на небо, и замерло там в довольной улыбке.

ЧАС ВЕСЕННЕГО ПРОБУЖДЕНИЯ

Сколько ни старайся, ни стереги весной час лесного пробуждения, а наступает он всегда неуловимо, как бы невзначай... В лесу словно кто-то проснётся в один миг, так же мгновенно потянувшись, закружит голову своим ароматом, и взглянет вокруг серо-зелёными глазами неудержимой

любви. Кто их для себя пропустит – останется на весь год в недоумении: отчего опять не задалась у него судьба?!

НЕУТОМИМОСТЬ

В тихий зимний день вдруг прилетит из леса большой пёстрый дятел, и что-то встрепет в твоей душе. Взмахнув крыльями, он усаживается на старом тополе, у самого дома, и, упруго упершись хвостом о ствол, тотчас затевает гулкую уверенную стукотню.

Мелкой пылью осыпается источенная шелуха, между ветвей испуганно замирает тишина, а дятел, равнодушный ко всему, неустанно бьёт увесистым носом. И зима ему вроде бы не зима, и насторожившейся тишины он не замечает: озабоченность до предела.

Глядя на неугомонную птицу - и тебе захочется, не откладывая, стать неутомимым. Упруго взмахивая крыльями, стучаться в злую людскую разобщённость, негаданно врываться в чью-либо печаль... И ещё жить так же неудержимо, чтобы всё вокруг замирало от излучаемой тобой силы, наполняющей сердца людей светом восхищённой зимней тишины.

В ОЖИДАНИИ РАССВЕТА

В высоком апрельском небе, в окружении переливающихся зелёных звёзд, сияет полная луна, у самой опушки, напротив, замерли безмолвные большие осины, в верхушках которых спят глухари, и ... я, маленький, свернувшись клубочком в стожке сена, притаился у их подножия в ожидании рассвета, потому что мне обо всём этом надо знать.

НЕУГОМОННОСТЬ

Постоянно находясь в напряжении творческого труда, порой хочется просто отдохнуть, ничего не делая, например, прогуляться в лес... Но только выдаётся возможность такого ни к чему не обязывающего времяпрепровождения, и уже чувствуешь себя неловко, не в своей тарелке.

И вот опять, кляня себя за собственную неугомонность, ищешь и докапываешься до всего, пристально всматриваешься в окружающую тебя лесную жизнь и стремишься к чему-то очень важному, что вот именно сейчас никак нельзя упустить, отложив на другое, вроде бы, более удобное время, и ничего не можешь с собой поделать.

ЖИЗНЬ ТАК УСТРОЕНА

Жизнь так устроена: чтобы обрести нечто ценное, его необходимо непременно потерять. Не заработав – ты ничего не приобретёшь. Иначе

человек не осознает – чего он лишается. И тогда начинается длительная внутренняя работа по поиску недостающего, оно достигается мучительно, чаще всего – не одну жизнь, но это – неминуемая часть нашего взросления.

Так, постепенно, мы познаём свою бытийную сущность, что неотделима от сущности всей Вселенной. Именно таким образом мы приходим к естественному восприятию жизни, к возвращению себе чудесной непосредственности, когда-то утерянной, и к пониманию, что и у богов не сразу всё получалось...

... Разве мог я написать и почувствовать подобное без глубокого почитания мудрого устройства нашего русского леса, без своих многолетних поисков и разгадок его тайн, не соприкасаясь со сказочным торжеством природы?! Природа и жизнь всегда обещают, что горсть заботливо посеянных и взращённых семян даст мешок, так же, как не раз атакованная, но всё выдержавшая правда привлечёт к себе негибаемую духовную мощь. То, что мы получаем больше, чем сажаем, вселенский закон, и необыкновенно радостно сознавать, что он безошибочно работает.

ПЬЯНЯЩИЙ ВОСТОРГ

Не припомню, чтобы попав в самую гибельную пургу, я был охвачен безудержной яростью или тоской, а всегда меня переполнял только пьянящий восторг, какое-то необыкновенно приподнятое, до счастливого безумия, настроение!

ТВОРЕЦ

На земле существует около трёхсот тысяч видов трав и цветов, которые человек изучил и придумал им названия, не зная в то же время, как они называются на самом деле. Каждое растение своеобразно и хоть чем-нибудь да отличается от остальных.

Но поражает более иное: наверняка Творец, всё это сотворивший, знал, что создаёт, совершенно чётко представляя себе образ ромашки, василька или георгина. Ведь не могли все растения стать такими, какими мы их знаем, сами по себе, постепенно, пусть даже в длительном – много миллионов лет – процессе эволюции, ни разу при этом не повторившись!

А теперь попытаемся себе предположить возможности этого Творца, его воображение, глубину и мощь замысла, добавив к бесконечному перечню растений не менее многочисленные виды насекомых, птиц, рыб и зверей!

ВОЛЧЬЕ СОЛНЫШКО

Редко, когда что-либо значительное в природе олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванной народом в их честь «волчьим солнышком». Луна и горит по-волчьи,

наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детёнышей, и они вырастают с присущей только им – непостижимой лунной мастью.

МОГУЧЕЕ ДЕРЕВО

Недоступность вершины у старой красивой лиственницы почему-то не обескураживает, когда, запрокинув голову и придерживая шапку, вдруг обнаружишь в её ветвях великанов глухарей, что присаживаются сентябрьским днём на самую макушку, важно расхаживают там и осторожно склёвывают сладкую листву, после чего устраиваются у самого ствола и замирают. Не сразу различишь их в переплетении мощных сучьев, но как приятно обнаружить эту пего-коричневую литую тяжесть птицы и еле уловимый свет белого пятна на её плече! Могучее дерево от присутствия в своём лоне древних птиц будто склоняется над тобой, и становится доступнее, ещё красивее...

СВЕТ И ТЬМА

Посещая годами глухариные тока, я не только научился различать в ночном лесу предметы, но постепенно пришёл к пониманию, что свет и тьма – не разные вещи. Тьма – есть минимальное количество света, так же как и свет – почти не воспринимаемая темнота.

И свет, и тьма – ступеньки одной лестницы, разница только в их количестве. Где нет света, нет и тьмы: в основе того и другого присутствует единая энергия, а она зависит от способности человека видеть. И всё это открылось мне благодаря нашему лесу и собственной неутомимости.

СОКРОВЕННОЕ БОГАТСТВО

Звери, птицы и растения предназначены для того, чтобы обратить наше внимание на более тонкий, глубинный мир леса, который люди никогда не замечают и не используют. Люди настолько не чувствительны, что не осознают происходящего рядом, а ведь мир природы, каким бы это ни казалось невероятным, создан для них, для их работы над собой с устремлением становиться лучше.

В жизни существует множество основополагающих и, в тоже время, простых вещей, достижение которых невозможно без мудрого отношения к окружающей тебя природе, к миру зверей, птиц и растений, в конце концов, к самому себе. Они незыблемы в стремлении жить осознанно, без них не сложить собственного здорового существования, и только с обретением этих самых знаний ты становишься собой.

Например, я не понимаю и не вижу смысла в желании предугадывать своё будущее, думать о нём, мечтать, надеясь, что всё в нём сложится самым

наилучшим образом, потому как живу в настоящем, только оно меня радует и приносит удовлетворение: ведь я делаю только то, что хочу, что для меня настоящим дорого и ценно, и ничего иного я не желаю. А ещё в этом настоящем я люблю море, лес с его обитателями и дорогу, открывающую смысл моего существования.

Мне неинтересно то, что меня не касается, и ко мне никак не относится такое пустое понятие, как «мечта». Если у меня появляется цель, то я её просто достигаю, руководя собственной жизнью. Именно цель наполняет меня жизненной энергией, она заряжает необходимым энтузиазмом, и для того, чтобы осуществить её, нужно лишь проявить решимость, терпение и отвагу. А где эти качества проявляются в полной мере? Конечно, и в море, и в лесу, и на пути постижения себя. Пустое же мечтание ни к чему не приводит.

Далее... Когда тебе, скажем, хочется убить оскорбляющего тебя человека, необходимо, конечно, владеть собой. Но как этого добиться? Только благодаря богатому жизненному опыту, когда ты именно добивался своих целей, оказываясь, казалось бы, в самых невыгодных для себя условиях. Причём, не только в настоящей жизни, но и в предыдущих воплощениях: твой жизненный опыт должен быть неповторим по переживаемым впечатлениям, и, не имея его, ты никогда не научишься руководить собственным поведением. Тебе непременно следует обладать всесторонним и глубоким знанием проистекающего вокруг существования, в котором ты давно живёшь уже не только по человеческим законам, но и по божественным. Это знание невозможно без понимания себя и окружающей тебя природы.

Или любовь... В первую очередь, это способность любить самому, нести в себе это чувство всегда, проявляя его ко всему живому, и если вам встречается родной по духу человек, вы точно так же будете дарить свою любовь и ему. Важно, чтобы это любовное чувство жило в вас, вы были переполнены им, иначе вам не любить и не быть любимым.

Вы, конечно, спросите: а откуда такому чудесному переживанию взяться во мне? Ответ прост: его надлежит в себе копить, и это невозможно без отдачи себя миру птиц, зверей и растений, всем людям. Именно в нём ты обретаешь свободу, а истинная свобода – это когда и тело, и сознание человека ведут себя так, как и ждёт от них божественное пространство, сама жизнь.

Благодаря этой свободе, осознанному отношению к себе, к своей жизни в этом божественном мире, человек движется в согласии и с ним, и с собой, ничего не придумывая, а именно чувствуя. Он интуитивно угадывает свою истинную природу, и оттого всё, что он делает – выходит у него совершенно естественно и верно, каким ему и надлежит быть.

Я никогда бы не обрёл эту свободу без слияния с природой, с нашим божественным русским лесом. Ведь природа – это творчество самой жизни, её непредсказуемо прекрасное поведение, каждый день очаровывающее нас

своей неповторимостью. Так и человек должен двигаться, имея своё собственное, не похожее на других душевное поведение, воспринимая жизнь как божественное откровение. Ты должен стоять за свою собственную жизнь, как за самое важное, ибо это - твоё сокровенное богатство, твоя душа, и она - тоже божественна.

НА ОДНУ БУКВУ

Дочке одной моей знакомой в школе задали придумать несколько предложений о русской природе, в которых бы все слова начинались на одну букву. Мама девочки обратилась за помощью ко мне, и вот что из этого получилось...

Апрель азартно аккомпанирует аляповатыми аккордами, а август артистично аукает.

Бурый бычок бодает бедную бурёнку.

Выдра вертится в воде веретеном, вылавливая вёртких вьюнов.

Веселье волку – выть ветру вдогонку.

Весной всегда высыпают весёлые веснушки, а вешняя вода всё выводит.

Гулкими голосами гогочут у горизонта говорливые гуси.

Горазд глухарь греметь гордой гортанью.

Герасим-Грачевник гонит грачей гнёзда греть.

Достопочтенный дятел деловито долбит дремучее дерево, добывая дотошливых древоточцев.

Дубовыми дубинами дубасят дураков.

Ели еле-еле ершатся ежами, ежи елей ещё ершистей.

Жалко желтопузых жаворонков жгучею жарой.

Заря звонко заливается златогрудыми зябликами и зарянками.

Заяц – за зайнкой: знать, замуж зовёт.

Злобным зверем завывает заморуха зима.

Изморозь истово изливает искрящийся изумруд.

Ил испещрён изящными иголочками: ибис ищет источник идиллии.

Коричневым комочком крадётся колонок к камышовым корчажкам карасиков красть!

Лебедь ласково лелеет лебедят.

Могучего медведя манит мелкая малина.

Норка норовит незаметно набедокурить.

Осень окрасила оранжевыми оттенками облака.

По песку прытко побежало перекасти-поле.

Песня перепела поутру полна подъёма: «Пора полоть! Пора полоть! Пора полоть!»

Редко радуется разноцветная радуга.

Счастье сердобольной сороке – самозабвенно сокотать.

Синие сосульки свешиваются с солнечной стороны.

Тетереву токовать – только тетёрок тешить!

Толстому тюленю тяжело тело топить.
Ушлый удод удит утлым удилом.
Фасон фазана – фантастично-феерический фрак!
Хороша хозяйственному хомяку халупа худыми холодами.
Цепко цедит цель царственная цапля – цап!
Чьи чаянья чтит чёрный чибис частыми челобитьями?
Шилохвость шьёт шелковистым шёпотом шилохвоста шелестящий шум
шалых шорохов.
Щедро щеголяет щеголеватый щегол.
Этак – эхо, эдак – элегия!
Юркий юрок ювелирно юлит юлой: «Юр-юл, юл-юр-р... Юрл-юрл-
юрл!»
Язык ястреба – ясновиденье!

БЕСКРАЙНЕЕ БОГАТСТВО

Всегда жду весну, чуть ли не с осени представляю, как она нагрянет и вовлечёт всех в свой ослепительный круговорот, но при этом никогда не тороплю её, а дождавшись, не стараюсь оторвать больше себе, и тогда она сама неторопливо заполняет меня до краёв своим неиссякаемым богатством.

ВЕЧНОСТЬ

Однажды кем-то было сказано: вечность человеку не только недоступна, она ему просто не нужна.

На первый взгляд, вечность действительно не так необходима человеку, с головой погрязшему в перипетиях его настоящей и довольно непродолжительной жизни, но несомненно её невидимое присутствие, незаметно оказывающее своё воздействие. Чувство беспредельности и возможность в ней по-разному существовать всегда незримо проявляют себя в душе каждого, втайне настраивая её на самые неодолимые задачи. Чтобы постигнуть, казалось бы, недостижимое, человеку следует отвоевать свободную бесконечность своего неиспользуемого времени.

Новые открытия ждут только в полной мере познавших ощущение дарованной им вечности. Вечность невидимыми пальцами прикасается к лицам тех, кто не устаёт смотреть на звёзды, ловя исходящий от них свет у весеннего костра, в потаённой лесной тиши. Только весной исстрадавшаяся по дальней дороге душа способна воспринять его для будущей нескончаемой жизни.

ОПУСТОШЁННОСТЬ

Розовый апрельский вечер, тишина... Старая прошлогодняя листва, сквозь которую повсюду пробиваются подснежники, ударяет в нос

ароматной сыростью, от парного воздуха, кажется, шевелятся и раскрываются почки. Всё это – лучшая весенняя пора, которая называется в народе поэтично и просто – вальдшнепина тяга, когда над оттаивающей землёй, светлеющими верхушками осин и оврагом, пересекающим поляну, проплывает молчаливая тень самки, за ней – утробно хоркающий и цвиркающий самец, и обе птицы, сбившись в комок любви, падают в кусты, время от времени вскрикивают там, а ты одиноко стоишь, смотришь на них, и отчего-то чувствуешь себя опустошённым...

ДИВНАЯ БЕЛАЯ ЗВЕЗДА

Земное подобие Вселенной – тишайшая и таинственная чаша кувшинки, что имеет, несомненно, божественное происхождение... Раскрылась кувшинка – и всё царство загадочного небесного мира как на ладони, сомкнулись лепестки – и опять воцаряется первозданная чистота и мудрость бездонного звёздного пространства. Лежит на глади лесного озера дивная белая звезда, словно в зеркале отражая далёкое небо, улыбается солнцу, и не хочется покидать родную землю даже во имя неподражаемо прекрасного божественного мира...

БРАТЦЫ-МЕСЯЦЫ

Январь незаметно и естественно переходит в февраль, февраль – в март, апрель своевременно вытекает из него бурными ручьями и рождает неудержимый красавец май, а за маем уже нетерпеливо подступает июнь, его, в свою очередь, торопит роскошный июль, и вот уже довольный август выносит из июльских недр бесчисленные плоды, которые не утомляют и сентябрь, октябрь же – будто брат-близнец первому осеннему месяцу, что, несмотря на угасание в природе, ничего в ней не нарушает... И только бедолага ноябрь неприкаянно мается своим иссечённым дождями неустроенным нутром, надывается под нескончаемыми холодными ветрами, и всё ждёт не дожждётся, когда, наконец, ступит на землю крутой воевода декабрь, и успокоит его исстрадавшуюся душу.

КЛЮЧ К ОТЫСКАНИЮ КЛАДОВ

В лощинах, где теряется солнечный луч, раскидывает перистые листья чудесный папоротник – ключ к отысканию кладов, по древним народным поверьям. В ночь на Ивана Купалу ходили смельчаки за его волшебным цветом и не могли найти, объясняя свои неудачи вмешательством леших и ведьм.

В своём воображении я тоже отправляюсь сказочной ночью в лес, и ищу огневой цветок папоротника, что вот-вот должен появиться и зацвести. Но он

почему-то никак не показывается, хотя и сильно ощущается где-то совсем рядом, близко...

Там и днём сумрачно, а полная темнота наступает незадолго до полуночи, скрывая даже белые стволы берёз. Ходишь, ищешь и всё не можешь отыскать волшебства, которое, кажется, почти нашёл. Что-то ещё более значительное, чем трепещущий в ночи очарованный цвет, не допускает тебя к этой ослепительной колдовской тайне. Ключ от неё — в твоём беспокойном сердце, что главный клад жизни бережёт.

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Однажды всю ночь преследовал меня одинокий волк. Волк ничего не грыз, не рвал, никуда, вроде бы, не стремился, а если и делал что-то, то так, что его можно было неторопливо рассмотреть. Словно всё, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, не теряя способности жить, двигаться, смотреть по-волчьи равнодушно и как бы недобро.

Волк оставался открытым взглядом и воображению целую ночь. Похоже было, что он словно проживал вместе со мной мои мысли, но не тревожился и не уходил никуда, видимо, полагая их для себя безопасными.

Волк всё время находился в поле моего пристального внимания. Стоя на заснеженной утоптанной опушке, он изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от вынужденного безделья, даже некоторой настороженности. Медленно поворачивал лобастую голову, косил мимо застывшим от постоянного напряжения собственной жизни взглядом.

Мерно вздрагивающий в раскрытой пасти язык почему-то не обжигал жаром страха: он вызывал в душе, скорее, какое-то неустройство. Когда же язык показывался наружу, волк на мгновение казался и вовсе добродушным зверем, как собака.

К телу подступала приятная скованность, когда волк начинал двигаться. В такие минуты я не страдал, и меня не одолевали какие-либо разрушающие сомнения, а просто охватывала обыкновенная тихая жуть, которую почему-то также приятно было преодолевать.

Кружа по полю и приседая на задние лапы, волк изредка схватывал губами хрупкий снег, низко прижимая голову, озирался. Ему не составляло труда контролировать местность, тишину застывшего леса, приглушённые зимой запахи, не проявляя ни к чему окружающему своего пристального интереса. Озирался он как будто в поисках чего-то утерянного, но ни разу не снизошёл при этом до открытого недоумения или растерянности.

Порой волк отрешённо замирал, и непонятно было: вслушивается ли он в холодное завывание ветра в верхушках деревьев, шуршание сухой позёмки по мёрзлому насту или его изошрённое чутьё скользит где-то рядом, ни на чём конкретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, сердце начинало учащённо биться, и кровь немела

в жилах от его безутешного воя, одиноко плывущего над лесом. Проникая в душу, вой оседал в ней неясной одурманивающей опасностью, а на лес навевал состояние безмолвия и пустынности.

Время от времени зверь видоизменялся, слабо пульсируя то в одном, то в другом обличье. Но в любом случае было очевидно, что это волк, и о нём я, оказывается, думал ... во сне. Видение это не было чем-то пугающим, сон приятно тревожил и обескураживал, словно мне самому предстояло вот так же скитаться, самозабвенно что-то искать и отупело быть на мерцающую в облаках луну, может быть, к кому-нибудь проситься?

Я, конечно, знал, что волк никогда не вымаливает у судьбы подавания, что он необыкновенно горд дарованной ему волей, и презирает человеческую ограниченность, хотя и пришёл ко мне по доброй воле. Вернее, я вызвал его из какого-то древнего забытья, извлёк своей памятью из таинственного глухого леса, потому что он был мне нужен. Волк, наверное, уже давно был моей лесной судьбой, что не принимала слепого смирения даже перед божьей милостью, а желала только одного: неутомимого поиска, и я был благодарен зверю за то, что он поверил мне и отозвался.

ВЫДРА

Есть у меня одно место на лесной реке, где я однажды застал катающуюся с горки выдру...

Был ясный мартовский полдень, и выдра на солнце казалась неугомонным ребёнком. Она неутомимо забиралась на самую вершину склона, скатывалась на животе, растопырив лапы, и шлёпала опять наверх, чтобы насладиться завораживающим скольжением. Было очевидно, что ей эта забава по душе и выдра использовала горку неоднократно: от вершины склона до самой воды протянулась узкая наледь.

С тех пор прошло немало лет, многое изменилось в моей жизни и в лесу, но я неизменно, по дороге на глухариный ток, захожу туда каждую весну, и прежде, чем выйти на берег, осторожно выглядываю из-за деревьев: а вдруг выдра опять там?!

ЧУДЕСНАЯ СКАЗКА

Чёрные жуки в своих обтекаемых панцирях похожи на чопорных господ в смокингах, сине-зелёные сухие стрекозы напоминают балерин в прозрачно-блестящих пачках, мохноногие пауки — волшебные чудища с восемью глазами, а улитки-невидимки со спиралевидными, тонко вылепленными домиками-кувшинками, будто заколдованные злой принцессой дворцовые слуги... И все они — герои чудесной сказки, в которую, как в детстве, до сих пор страстно хочется попасть и быть очарованным.

ГАРМОНИЯ

При всей красоте природы бесполезно искать гармонию вокруг себя! Гармония живёт внутри нас, только в мудром согласии души и тела, и уже через это мудрое сочетание выходит в мир, укрепляясь в нём всеобъемлющим и радостным утверждением жизни.

ХРУПКАЯ ПАМЯТЬ

Следы на снегу – это не только лесная примета или признак угасшего прошлого, но и отпечаток проскользнувшей мимо тебя жизни. По следу до всякого зверя можно дойти, и всякий след в народе имеет своё имя.

Заячий – малик, лисий – нарыск, волчий – сакма, медвежий – переступы, след такого мелкого зверька, как горноста́й или ласка, побежка, а чуть видные кресты, уводящие в заснеженную хвойную глушь, принадлежат глухарям, это – наброды. Торный же след выдры, протянувшийся сплошной полосой от одной излучины реки к другой, зовётся лазом.

Все они друг на друга не похожи, как и звери, что оставляют о себе на снегу хрупкую память, и всю зиму безуспешно от неё убегают.

ТАЙНА

Несмотря на то, что летом хватает тайны – и в ранних восторженно-проникновенных восходах, и в неописуемо очаровательных розовых закатах, которые не хочется упускать, и в слепых солнечных дождях, осеняющих землю ещё более золотистым живительным светом, только зимой тайна по-настоящему необъяснима, сказочно обворожительна и так загадочно тиха, что кажется, будто она постоянно находится рядом, всё о тебе и всех знает, но не спешит себя проявлять, как будто предоставляя возможность самому постигнуть её завораживающую глубину...

НЕУВЯДАЮЩИЙ САД

Выкопали у меня однажды по осени все яблоньки, что так дружно однажды взялись, зашелестели и закудрявились, и пригорюнился я. А потом, с разочарованием в сердце, решил больше ничего не садить, удовольствовавшись лесной чащей за околлицей.

Но пока длилась лютая зима, всё же переживал, вспоминая про свои деревца, а как начал сходить снег, вдруг подумал: кто знает, не явится ли погубившее молодые деревья зло той причиной, которая зажжёт в моей душе неувядающий сад? И в скором времени взял да и посадил на место выкопанных новые яблоньки.

СЕНТЯБРЬСКИЙ ДЕНЁК

Весь сентябрьский день провёл я в лесу, отмахал без малого двадцать вёрст, а кроме двух рябков так никого и не встретил. Лишь под вечер забрёл на старый заброшенный покос, спускающийся к глухому логу, и неожиданно потревожил у опушки крупного лося.

Лось неторопливо обрывал мягкими губами листья со свисающих до земли ветвей осины, вздрагивал ушами, изредка замирал и прислушивался, а завидев меня, не испугался и так же неспешно двинулся вниз, к логу.

Я стоял, как вкопанный, и, не отрываясь, наблюдал за ним. Сохатый же никак не реагировал на моё присутствие, лишь однажды замер посреди поляны, оглянулся, мотнув рогатой головой, и тотчас рядом с ним взмыли в воздух две золотисто-рыжие копалухи.

Лось мирно всхрапнул. И только ступил несколько шагов, как из-под самых его ног прыснул серовато-коричневый заяц, метнулся сначала в одну сторону, затем – в другую и, совершив огромный затяжной прыжок, исчез в ёлках.

Всё это происходило секунды, лось ещё не скрылся в лесу, мерно переставляя свои ходули-ноги, и когда я подошёл к тому месту, откуда вспорхнули глухарки, то обнаружил в траве два чистеньких подберёзовика...

ЗЕМНОЙ РАЙ

Задумаешься порой, ночуя в лесной избушке, о проистекающей вокруг неведомой жизни, и неожиданно осознаешь себя в ней неотъемлемой частицей... Понимание этого приходит к тебе легко, будто ты никогда и не сомневался в том, что мир устроен иначе. А помогает тебе разобраться в себе лес, его потаённая тишина, и именно благодаря ей ты осознаёшь, что земная жизнь есть продолжение существования небесного, и оно подразумевает не только осознание своего тела, но и устремления души, чётко представляя – что ты делаешь и для чего.

Каждый твой шаг, каждое движение души должны быть осознаны. Тебе непременно необходимо осознавать – зачем ты живёшь, что будешь делать сегодня, завтра и в течение всего года: перед тобой должна стоять глубоко осознанная цель, и ты осознанно должен идти к ней. Мало того, всё, что происходит вокруг – не минует твоего внимания, ты всё примечаешь, ничего не упуская, во всём участвуешь, как бы находясь над собой, озирая весь окружающий мир, понимая его и принимая. С течением времени ты научишься различать энергию всех предметов, находящихся рядом: все они одушевлены. И когда ты овладеешь пониманием окружающей жизни, то непременно начнёшь постигать саму жизнь.

Значения преисполнено всё, даже – тишина. Может быть, все звуки в природе только за тем и существуют, чтобы иметь возможность и умение обратить внимание на тишину, которая никогда не бывает пуста, она всегда

заполнена ещё более содержательным составляющим, которое невидимо, но оно есть. Важно научиться чувствовать его, и находясь в нём – понимать.

Реальность такова, что невидимое в ней – наиболее значимо, именно оно определяет весь этот красочный мир. Нужно не забывать об окружающем нас пространстве, которое огромно в сравнении с горами, деревьями, даже звёздами, его, кажется, не объять, но мы должны стремиться к его познанию, относясь с великим уважением. Верно воспринимая невидимое пространство – всё, что нас окружает, оно необыкновенным образом оживает.

Осознание мира следует начать с самого себя, с собственного тела и мыслей, и только тогда ты освоишь более тонкие вибрации окружающего божественного мира с его необъятными далями, морями и лесами. Рай везде, где бы ты ни был, он не отделим от тебя, и в этом – истинное счастье нахождения на этом божественном свете. Нужно просто понять эту благодатную истину, почувствовать Бога в своей душе, и следовать Ему, ничего не боясь и не прося. Да будет так!

ПОЦЕЛУИ ДЯТЛА

Иной раз заслышишь впереди дробную дятлову стукотню, и тотчас несколько разочарованно подумаешь: опять дятел, встреча с которым ничего нового уже не принесёт, поскольку за свой лесной век понасмотрелся ты на этих птиц вдосталь, всё, кажется, про них прознал и ничем тебя не удивишь!

Остановившись от дятла чуть поодаль, решишь немножко передохнуть и, опершись на палку, станешь без всякого интереса наблюдать, как он небрежно и в тоже время размеренно взмахивает головой, отбрасывает в сторону щепку и вновь ударяет: «Тук-тук, тук-тук, тук-тук!» Стоишь, смотришь и постепенно вдруг начинаешь замечать, что дятел прикладывается к стволу не как придётся, а аккуратно, будто его ... целует.

ЧУДО ВЕСНЫ

Гаснут в небе звёзды – и всё более разгорается в лесу птичье пение, будто просыпающиеся птицы – это потухшие небесные светила... Исчезнет одна звезда – и пробудится зарянка. Не станет двух звёзд – засвищет пара дроздов.

Слушаешь целое утро, смотришь, считаешь и только диву даёшься: сколько же их прилетает к нам на самом деле в это чудесное весеннее время! И все поют, радуют, да ещё выводят птенцов!

А наступит ночь – птицы, кажется, опять перебираются на небо: светят призывно, завораживают своей переменчивой тайной и томятся ожиданием первозданного утра.

ЯД И ЛЕКАРСТВО

«Всё есть яд, и всё есть лекарство, тем или иным делает лишь доза», - гласит древняя мудрость, и это «всё» создал Бог, намеренно предположив существование в природе двух противоположностей, призванных к мудрому соединению.

Белоснежная пороша, укрывшая перегнивший чёрный лист, брачное оперение самца, скрашивающее блёклое одеяние самочки, разомлелый дневной жар бабьего лета, сменяющий пронизывающий холод сентябрьского утренника – всё это две ладони, способные сомкнуть в себе, а потом раскрыть торжество и красоту Вселенной.

И даже если переборщишь со светлой мерой, и она вдруг обернётся тьмою, то надо понимать, что и мир тьмы – это не какая-то иная, чужая жизнь, а именно дарованная нам Богом, она по-своему замечательна, и её необходимо знать, но куда мы всё же так боимся заглянуть, и уж совсем не жаждем в ней открытий.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Поздняя осень, вечер, ещё не выпал снег, и я иду по тёмной деревенской улице на станцию. Холодный ветер отрешённо мечется между еле различимыми домами, и редкие огоньки светятся как-то неуверенно, кажется, они вот-вот погаснут. Под ногами чавкает стылая грязь, собак не слышно, а на небе не видно ни единой звезды. Жизнь будто умерла.

Идёшь, то и дело, оскальзываясь, вслушиваешься в эту объявшую всё предзимную немоту, а слышишь только удары своего взбудораженного за лето сердца. Вспоминаешь, какое лето было разудалое и цветное, с обилием грибов, ягод и ранними подъёмами, с запёкшейся на солнце земляникой и неугомонными пчёлами, разухабистое, неудержимое, самое желанное...

От этих приятных воспоминаний невольно улыбаешься, и тогда окружающая темнота постепенно расступается и тоже отвечает тебе улыбкой, в которой начинают угадываться и цветы, и ранний восход солнца, и алеющая по покосам земляника. Нескончаемое лето, оказывается, незаметно перетекло в осеннюю темноту, и она зачем-то чутко хранит в себе это радостное проявление жизни.

ПРИЯТНОЕ СОСЕДСТВО

Ещё в первых числах октября случился неожиданный снегопад. Снег валил два дня и две ночи, пригнул маленькие кустики и деревца к самой земле, а стылый северный ветер не прекращался. В эту непогоду все птицы бросились утеплять свои гнёзда. Но где найти подсобный материал?

И вот вороны, сороки и воробьи с синицами нацелились на мои окна: особо не церемонясь, присаживались наверх наличников, и сразу

принимались вытягивать паклю, так что по всему дому стояла жуткая стукотня. Одни только сорвутся к гнезду, другие уже тут как тут – и опять шум, шорох, озабоченное копошение. Даже очередь установили: первыми, как водится, кто посильнее, ну а мелкота – последней. Не успевают друг друга сменять, того и гляди сцепятся.

А я сижу, слушая завывания холодного ветра, изредка поглядываю на птиц и работаю над новой книгой. Мне не жаль ни одной пушинки, которые они тащат прямо из-под моего носа, и очень хочется, чтобы птицы не замёрзли, а успели утеплить свои гнёзда. Я смотрю в окно на приближающуюся зиму, улыбаюсь птицам и пишу про весну.

ПО МЕДВЕЖЬЕМУ ХОТЕНИЮ

По медвежьему хотению, говорят в народе, зима студёная длится: как повернётся зверь в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. А по человеческому волеизъявлению – всё всегда кабы, да авось, то ли этак, то ли так, и в любое время года, как ни крути, человеку вечно чего-то не хватает.

Лето на дворе, вокруг сплошная благодать и радостное убранство, да вот только жар его шибко томит. С осенью наступают долгожданное умиротворение и прохлада, вроде бы, живи не хочу, но смущает опасение, что вот-вот зарядят нескончаемые дожди, а то ещё задует пронизывающий северо-западный ветер. Пришла зима – и все страсти утихомирились, в сердцах людей воцарились полное довольствие и покой, но и в эту пору отчего-то начинают мучить сомнения, белый свет становится не мил, и человека неумолимо клонит ко сну. И, наконец, прилетает на животворящих крыльях чудесница-весна: ни цветами её не измерить, ни голубизной небесной не объять, только проникновенный свет и великая радость, нескончаемый восторг и сладкая боль. А где-то в самой глубине души уже закрадывается подозрение: исполнится ли на сей раз сокровенное желание, не обманет ли опять многообещающая, но непостоянная пора?!

Вот когда позавидуешь медведю и пожелаешь обустроить своё житьё так же просто, как это получается у зверя, чтобы и долгая зима была не в тягость, и лето не ложилось на плечи нелёгким бременем, и не наскучила однажды непогодливая осень, а весна принесла бы всё, о чём мечтает душа.

ЭХО

Весной всё живое льнёт друг к другу: веточка к веточке, кусточек к кусточку, птичка к гнёздышку, и даже эхо, радостно оживая, ищет, к кому бы приткнуться, а найти себе пару не может, так в эту пору всё слитно, насыщенно, многоголосо...

Только осенью ветер подхватывает его и беспрепятственно разносит по далёким лесным отрогам, и эхо какое-то время благодарно отзывается ему, но, обрета вдруг свободу, вскоре умирает.

ГРОЗНАЯ СОВА

Ястребиная сова... Вроде бы, звучит грозно, даже устрашающе, но ничего хищного в её облике нет.

Может быть, только слегка загнутый клюв напоминает страшную для всех птицу, да ещё то, что остальные совы отдыхают днём в дуплах, забиваются в самую чащобу, а эта, как нарочно, устраивается на виду.

Так и сидит целый день, подобно ястребу, высматривающему таким образом добычу, но не нападает, потому, как ничего не видит. Пристроится на самой высокой вершинке какого-нибудь дерева и спит, изредка поворачивая за солнцем свой грозный ястребиный профиль, на который никто не обращает внимания.

НА СЕВЕР

Случается, весной, неизвестно отчего, поднимешь голову к небу и, к своей неожиданной радости, заметишь в нём торжественные косяки уток. Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь между собой в недостижимой вышине, утки летят с юга на север.

Всегда кажущиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие над головой, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, видимо, подстраиваться под общий такт полёта всей стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент жизни не допускает какие-либо вольности, которые птицы могли бы себе позволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почуввав малейшие, только им известные и неуловимые признаки, утки незамедлительно оставляют жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

СЕРЕБРЯНЫЕ НИТОЧКИ

К концу зимы снегири пересвистываются как-то по-особенному тоненько и изящно, будто серебряные ниточки между деревьями натягивают, так что если приглядеться, кажется, воочию начинаешь различать эти трогательные прозрачные струны.

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА

Всю зиму завывали в лесу злые метели и вьюги, стонали верхушки деревьев, трещали от лютого мороза скованные льдом озёра и реки. Все лесные обитатели попрятались кто куда, будто умерли, кроме вездесущих синиц и дятлов.

Но вот зарои́лся нагретый мартовский воздух, на южном склоне лога, под ёлками, зашевелился муравейник, и оказалось, что пережили зиму зайцы, глухари, тетерева и рябчики, выдры и лоси, волки и рыси, бобры, куницы и норки, поползни, белки, и все вместе возликовали от солнечного тепла и жизненной силы!

МУДРАЯ ПРИРОДА

Странно, что для таких первобытных птиц, как глухари, с осени и до весны употребляющих в пищу одну жёсткую хвою, природа не предусмотрела какие-либо «жернова» для её перемолки в их желудках, и они сами выходят из этого положения, собирая по утрам на лесных дорогах, по берегам рек и озёр маленькие камешки... К тому же, в древности на земле отсутствовали лиственные леса и произрастали только хвойные породы, что не могло не способствовать появлению у птиц в организме недостающего механизма.

А оказывается, так называемые «жернова» намеренно не предусмотрены мудрой природой, поскольку иглы хвои перевариваются примерно на десять-пятнадцать процентов, вся же основная древесная масса скапливается в толстой кишке, напроочь очищая её от ленточных глистов. Именно для этого предназначена грубая хвоя сосны, пихты или ели, а горстку твёрдых кварцев глухарям ничего не стоит отыскать в осенней тайге.

Вдобавок, птицам это ещё и очень нравится: прилетать ранним октябрьским утром на речные осыпи, подернутые серебристым инеем, изредка оскальзываясь, неспешно бродить по ним в поисках прозрачных камешков, и отчего-то замирать на мгновение, чуть приподняв одну лапу, в то время как рядом длится и незаметно куда-то утекает красавица осень.

СТАТЬ СКВОРЦОМ

Всегда бывает так: только в один какой-то год прилетает много скворцов, и селятся они по всем дворам, даже в самых заброшенных скворечнях. Год этот помнят меж людей, передают из уст в уста с какой-то грустинкою о неповторимом былом, в ущерб безрадостной обыденности, но всё же не оставляют надежду на дружное возвращение птиц, необыкновенно оживляющее весну.

Затем, к следующей весне, появляется лишь небольшая стайка скворцов, и это на всю деревню, а то и вовсе один-два, так что даже не

каждый селянин их увидит. Несколько лет птицы могут вообще не показываться, как будто повывелись, и во всей природе без них воцаряется уныние: без скворцов весной не достаёт чего-то главного. Так, незаметно, в какой-нибудь невесёлый год, про них и вовсе думать забудут, не замечая даже зябликов и горихвосток, и уж когда окончательно душой упадут, разуверятся в жизни, скворцы вновь радостно известят хозяев о своём прилёте в каждом дворе.

Я обо всём этом думаю следующее: чтобы получить возможность встречать птиц каждую весну, причём, всей деревней, нужно каждому и каждый год стремиться к пониманию жизни. То есть – необходимо внутренне расти, неутомимо добиваясь способности видеть и себя, и птиц со стороны. Как будто ты, наконец-то, так созрел, что вышел из себя и стал необыкновенно радостным скворцом!

КАВАЛЕР

Чтобы обворожить по весне самочку, лесной голубь сначала подыскивает для неё дупло, без которого она и не подумает остановить на нём своё внимание, затем заводит любовную песню, и когда голубица принимает его ухаживание и подпускает к себе, ласково разглаживает ей перышки и, наконец, вкладывает клюв в клюв.

ЧОМГИ

Случается, что чомги, спокойно плавая и кормясь, вдруг взмывают над водой вытянутыми столбиками, чуть выгибаются и, вспенивая воду, будто бегут по ней, не теряя при этом равновесия и какой-то необыкновенной грации, что, как и поза птицы, сперва остаётся непонятной...

Немного подумав, относишь подобное поведение к строению тела этих птиц, у которых лапы значительно отнесены назад, и это не позволяет им двигаться по земле, но в период брачных игр, когда самец преподносит самке в клюве пучок травинок для гнезда, он в порыве чувств занимает такое положение и, не имея возможности ходить по суше, бежит по воде, восполняя тем свой природный недостаток.

В этом желании понравиться столько приподнятости и восторга, что, глядя на охваченных страстью чомг, и сам невольно приподнимешься на цыпочки, но спохватишься – и улыбнешься.

ЗЕРКАЛЬЦЕ-ЦВЕТОК

Природа оленухи или ланки, как и любой привлекательной женщины, такова, что сначала она совершает несколько шагов по направлению к тебе, затем круто разворачивается и в один огромный прыжок оказывается недосягаемой, мелькнув напоследок своим зеркальцем-цветком, за которым

кто-то тотчас устремится, всё позабыв, а кто-то только zalюбуется и улыбнётся.

НАПОЛНЕННАЯ СВЕТОМ ДУША

Тетерева токуют так страстно, что кажется, вот-вот что-то произойдёт: птицы задохнутся, взорвётся на тысячи звенящих осколков их неугомонный, красноброво-белопенный дух, они сами вознесутся под небеса вместе со струящимся от земли играющим маревом, но ... ничего не происходит.

По-прежнему плывёт над полями жаркое, несравнимое ни с чем тетеревиное бормотание, которое то вспыхивает на короткое время, то опять затухает, но продолжает литься, заполняя собой всё весеннее пространство. И вот ты уже сам начинаешь замечать в себе нечто необычное, бормочущее в душе, что приподнимает незаметно над землёй, и так же незаметно куда-то уносит.

А иной раз, сидя в избушке и слушая в открытую дверь, как поёт совсем рядом какая-то лесная птица, зачем-то возьмёшь в руки оброненное ей у крыльца перо, непроизвольно крутишь его в пальцах, совсем не ощущая, и даже не заметишь, как лёгким перышком устремляется над весенней землёй твоя наполненная светом, бормочущая от счастья душа.

ЛЕСНЫЕ ДУШИ

В глубине непроходимой чащи живут души множества птиц, зверей и растений, которые лес однажды забрал, спрятал там и никогда никому не показывает. Их можно только почувствовать, когда они весной, как дети, без спросу выбегают поиграть на укромные полянки...

НЕЖНЫЕ СОЦВЕТИЯ

Когда начинают набухать клейкие почки, и в воздухе разносится запах талой коры, повсюду ещё высятся сугробы, но как приятно сознавать, что под ними вот-вот зашевелиятся подснежники и своими нежными соцветиями раздвинут прозрачно-зернистые ледяные кристаллы!

НОЧНОЙ АРОМАТ

Очень медленно, постепенно, истаивает весной ночной аромат, и даже когда день добрался до полудня, аромат всё ещё стелется у самой земли, жмётся в тени кустов, и как будто совсем не хочет уходить, но, всё же, с сожалением куда-то исчезает, так до конца, наверное, и не истрачиваясь.

ДЕКАБРЬСКАЯ МЕТЕЛЬ

Декабрьская метель, как заблудившаяся ведьма, тычется в стены и окна домов, наговаривает то там, то здесь страшные напасти, пророчит беду, а вырвавшись на широкую улицу, будто обо всём забывает, с безудержными причитаниями разыгрывая из себя святую. Но как ей далеко до обезумевшей вековухи-стужи, что только леденит до смерти, не ведая каких-нибудь перевоплощений!

Не верится, что скоро Рождество, с душистым еловым ароматом в комнате, печёными в сахаре жаворонками, румяными караваями на разноцветных полотенцах и спокойной верою в далёкую и близкую звезду, которая пророчит вечную радость все постижения.

ЛЁГКИЙ АРОМАТ

Даже не помню, обвязывал ли я в детстве ниткой крепкие маленькие мандарины, чтобы затем вешать их на ёлочные ветви, и доставляло ли мне это какое-то удовольствие, но никогда не забуду лёгкого, поднимающегося откуда-то снизу, из-под срубленного деревца, аромата, с появлением которого вокруг постепенно воцарялись не сравнимые ни с чем волшебный покой и неопишуемая радость.

ЛЕС-БЛАГОДЕТЕЛЬ

Человек бывает невообразимо силён, и пылкий дух его неукротим, но случись с ним какая беда – и идёт он за помощью в лес, как будто высокие травы, лесные озёра или ощутимое присутствие зверя смогут избавить его от отчаяния и непреодолимого нежелания жить. В такие минуты он уже не предполагает несовершенства среди лесных обитателей, убеждённо признавая, что звери страдают и мучаются точно так же, как и люди, а может быть даже сильнее, и справляются со своей бедой нередко более достойно.

Оглушённый болью, и в силу этого позабывший о её живительной сути, что так или иначе всё-таки поддерживает красоту в душе, человек стремится найти опору собственному духу в лесу, и находит её. Тихий ли свет пасмурного осеннего дня помогает ему в этом, или перебежавшая дорогу лисица, на мгновение настороженно замершая у самой её обочины, он вскоре неминуемо для себя отметит, что жизнь удивительно полна и ни на секунду не собирается утихать. А обретя вновь уверенность и желание жить, человек вдруг незаметно почувствует скрытую от него причину неведомого спокойствия и смысла именно в лесу. Кабы не лес, кто бы нам помог?

Но, несказанно обрадовавшись этому, человек не в силах взять в толк, каким образом одним своим видом лес достигает такого счастливого поворота в его душе, и как справляется со всеми несчастьями? Что испытывают сами звери, когда беда настигает их в одночасье, неизъяснимым

грузом ложится им на натруженные лопатки, и гибель неслышно стелется под их лапами сухим прошлогодним листом, либо замечает тропы непролазными предательскими сугробами? Как быть им и надеяться ли сегодня на помощь других лесных обитателей, если вчера они были тебе непримиримыми врагами, только поджидающими твоей слабости, чтобы самим бойко продолжить свой бег?

Ждать такой поддержки, наверное, было бы безнадежно, и потому одинокая дремучая сосна, сражённая молнией, заяц, защемивший лапу в расколоте пне, обессилевший сохатый, загнанный в глубокие снега волками, все они предоставлены, скорее всего, самим себе. В необъятных лесных просторах гибель их незаметна, никак неощутима и повлиять, в целом, на жизнь природы, конечно, не в состоянии, и всё же природа позаботилась о них.

Не в силах уберечь, природа наплатила плотью погибших зверей тех, кто остался жить, а значит, должен был есть, выкармливать своих детёнышей, передавать им необходимый опыт. Останки ещё долгое время могли служить птицам лакомым кормом, а истлев, удобрили собой почву, на которой в густом влажном мху заалееет когда-нибудь глянцево-матовыми боками клюква или брусника.

Не в пример человеку, лес не оставляет без внимания ни одну былинку, мудро предоставив ей возможность благодарно воскреснуть в каком-либо ином обличье. Своим существованием лесные жители обязаны друг другу, и эта не нарушаемая взаимосвязь между ними помогает лесу преодолеть любую беду. Беда не по лесу ходит – по людям, что в лесу лесуют, а про меж себя потом добрее становятся!

ЛЕТНЕЕ ТЕПЛО

Летним вечером, после заката солнца, в воздухе долго бродит тепло, тычется в окна, сени, ограду, как будто не зная, куда себя ещё деть, и даже когда зажигаются звёзды, накопленный за день жар не угасает, а подымается в небо и согревает их мерцающий далёкий свет, отчего звёзды начинают казаться более земными.

ВОЛКИ

Часто от людей можно услышать недоумение или даже негодование по поводу «бессердечности» волков-родителей, когда они будто бы равнодушно взирают на то, как охотник по одному достаёт из логова волчат и бросает их в мешок. По крайней мере, звери никогда ничего не предпринимают в защиту своего потомства, смотрят со стороны и не приближаются, в отличие, скажем, от глухарки, что скорее пожертвует собой, чем бросит птенцов, а во время пожара закрывает их своим телом и погибает вместе с ними. Но так ли

трусливы и равнодушны звери, что на самом деле являются нежными и мудрыми воспитателями?!

Именно потому, что волк исключительно умен и отважен, он и не защищает волчат, обнаруженных человеком в его отсутствие. Когда волк заподозрил, что логово раскрыто, и он успевает опередить человека, зверь немедленно переносит волчат на новое место.

Но если поздно – никак себя не проявляет, хорошо понимая: дать себя обнаружить, значит, быть самому уничтоженным, что невыгодно для продолжения рода. А вот затаиться, перетерпеть, как бы ни было больно, и в следующем сезоне начать всё сначала – будет истинно по-волчьи. За эту силу духа, которой порой не достаёт даже многим людям, волк должен вызывать у них искреннее восхищение, но уж никак не осуждение.

Не беда, что волк сер и овцу съел, благо – духом смел!

НЕСКОНЧАЕМЫЙ ПУТЬ ПОСТИЖЕНИЯ

Непоколебимая вечность стоит в небесах, безмолвно распростёрла своё необъятное дыхание по всей земле: и день проходит, и ночь, и нескончаемые века, и не видится ни конца ни края этой бесконечной жизни. Зачем она, что за великую тайну скрывает в себе, и куда всех нас несёт? Неужели – просто так, без всякого смысла, лишь бы только жить, дышать, плодиться, и ... умирать?

Не может того быть: во всём этом завораживающем истечении жизни должен быть заложен какой-то скрытый ото всех смысл, но отчего – неведомый, будто нарочно утаенный? Одолеет ли его когда-либо человек, доберётся ли до исконной вселенской правды?! Нет ответа...

И потому ничего не остаётся человеку, как отправиться в этот, должно быть, нескончаемый путь постижения, и на этом пути ни в коем случае недопустимо унывать, нельзя предаваться печали и чувствовать себя растерянным, а всецело, с удовлетворением, отдаться преодолеваемой дороге, не страшась никаких преград, прекрасно при этом понимая, что иначе не достичь истины, той самой божественной правды, которая чудесным образом сокрыта от нас, и её так хочется разгадать.

И вот, если осознаешь в полной мере значимость этой вселенской загадки, или, вернее, твёрдое намерение её прояснить, то и настраивайся уже на жизнь мужественную и решительную, с желанием все беспокоящие тебя вопросы наилучшим образом разрешить. Причём, без оглядки, уповая только на свою стойкость, терпение и выдержку, а верной порукой тому может послужить твой добрый настрой и такое же искреннее устремление души. Взялся, как говорится, за гуж, так уж калянить не пристало: жарь по жизни во весь дух, покуда его хватает, ибо размениваться на мелочи времени нет!

Нет ничего хуже бесплодно прожитой жизни, и хоть представляется она, по большей части, обыденной, но и эта её обыденная простота с непонятной быстротой минует: не успеешь оглянуться, а все жизненные страницы уже

пролистаны. Хватишься так, бывало: где находился ты, чем был занят, и опять не находишь ответа...

Не дорожил ты, как зеницей ока, отпущенным тебе временем, не озадачивался пробуждением собственного сознания, и зря, потому как нет ничего более сладостного для человека, чем постигать и себя, и окружающую чудесную жизнь с её лесами, горами и морями, и быть для этого прекрасного мира пригодным. Ведь раньше смерти не помрёшь, и нужно успеть до правды добраться!

ПРИДЯ В ЛЕС

Придя в лес, надо двигаться и дышать в такт его ритму, а не принесённому с собой. Это – не боязнь заслужить его неодобрение, просто так удобнее найти с ним общий язык.

Лес обостряет чувства, и неопытный человек быстро устаёт от их насыщенности. Постепенно он начинает переносить весь интерес, подаренный ему лесом, на себя, и в результате оказывается в плену разыгравшегося воображения.

Быть наедине с природой нелегко, и для этого необходимо войти в неё как можно раньше. Как примет тебя лес, зависит от тебя самого. Можно прожить рядом с ним целую жизнь – и так и не увидеть его. Можно подолгу находиться в его окружении, страстно и искренне желая раскрытия лесных тайн, но так и не добиться ничего на этом пути. Наконец, можно попытаться побыть среди лесной тишины максимально продолжительное время, пристально наблюдая за происходящим вокруг, и всё же потерпеть неудачу.

Как бы ты ни был изощрён и настойчив в стремлении дотянуться до неизведанного, лес без желания расстанется со своими секретами. Он не прощает ни единой, допущенной тобой в жизни, моральной ошибки, независимо от того, произошла она по недоразумению или из-за собственной духовной небрежности.

Последствия такой допущенной небрежности неминуемо скажутся когда-нибудь на твоём отношении к лесным жителям. Происходит это, по большей части, неосознанно, исподволь, а лес, конечно, всё чувствует и по-своему мудро реагирует на это. Лес, скорее, допустит к себе человека, не обременённого жаждой познания, даже невежественного и глупого, чем того, кто, тайно вынашивая планы проникновения в его непревзойдённый разум, сам в тоже время его не достоин.

Извращённый человеческий ум может принести много вреда природе, и потому сложного человека лес не один раз пропустит через себя и выслушает, прежде чем удостовериться в чистоте его намерений. Умный человек более опасен для него, нежели дикий, в котором больше естества, и потому лес даже может его проглядеть. Но как только человек-злодей проявит себя, лес тотчас отлучит его от своих тайн, станет вдруг

недоступным и замкнутым. И нет ничего хуже, чем оказаться тогда в лесу одному.

Человек – более способный ученик природы, нежели животные, но, тем не менее, ему приходится преодолевать, в сравнении с ними, ничуть не меньшие недостатки. Самое парадоксальное заключено в том, что, даже преодолев их, он оказывается в итоге перед суровыми реальностями того же мира, от которого когда-то оторвался в силу собственного развития. Только с большим пониманием происходящего вокруг и в себе самом. Наверное, именно поэтому человеку бесконечно интереснее жить на белом свете в отличие от любого животного и птицы, при этом искренне желая хотя бы на время побыть аистом, волком или только что родившимся жеребёнком.

Так поступил канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон, который, оставаясь самим собой, представил себя по-человечески находчивым и умным лисом Домино, отчаянно свободным мустангом-иноходцем, царственным волком-великаном Лобо и многими другими зверями. Обострённость и полнота восприятия окружающей лесной жизни была у него порой несоизмеримо выше, чем у любого из описанных животных, несмотря на многообразную гамму обладаемых ими чувств, а происходило это по причине неудержимого стремления к познанию, способного преодолеть любые инстинкты, в том числе страх.

Неутомимому писателю это отчасти удалось, как удалось бы осуществить ещё талантливее более тонкому человеку, надолго очутившемуся однажды в лесу. Лес принял бы его под своей осеняющей тайной и укачал на еловых душистых лапах, вдохнув в сердце оцепеняющий восторг и благодать. Придя в лес – дыши и двигайся с ним в едином ритме!

ДЯТЛОВА КУЗЕНКА

Бродя целый день по лесу, и привыкнув к однообразию ходьбы и лесных пейзажей, всегда с удовольствием отметишь гору сосновых или еловых шишек, заботливо натасканную дятлом в небольшую впадинку с корневым выступом, либо к пеньку на краю опушки, чем-то привлёкшему птицу. Приверженность дятла к какому-то одному месту давно известна.

Бывает, годами остаётся привязан к нему дятел, по несколько сотен шишек выбивает за зиму, но места не переменяет. Хороша именно эта «кузня», а вернее – «верстачок», где он защемляет шишку и выколачивает из неё семена.

Может быть, эта приверженность – из-за неприхотливости дятла, его несравненной работоспособности? Некогда дятлу искать более подходящую «наковаленку», и, повстречав более-менее подходящую, он ударяется в свою бесперебойную стукотню... Всю зиму настукивает, несмотря на вьюги и метели, с утра до вечера, с осени до весны.

И что ещё интересно: порой встречаются «кузни» всего лишь с несколькими шишками, тогда как однажды я насчитал даже до тысячи. Устав

перебирать шишки, помнится, стал их десятками отбрасывать в сторону, а они всё не кончались... Видно, любимое то было место у дятла, и бросать его старательная птица не желала.

Пристрастие дятла к какой-то одной избранной «кузнице» отличает в нём не только старание и основательность, но и особый вкус: всё бы стучал да стучал, а шишки росли горой, всем на удивление. Видать, сам Господь умудрил дятла служить в лесу «кузнецом», была бы только шея крепка!

СЕМЕЧКО

Бывало, положив семечко на ладонь, опустишься на колени, прежде, чем его посадить, и вдруг задумаешься: отчего в каждом мельчайшем проявлении природы заложено стремительное движение к будущему, и все силы её работают на то, чтобы ему прорасти? И вот, задумавшись так, и позабыв обо всём, неожиданно ощутишь, как трогательно ждёт природа такого же внимательного и чуткого отношения к себе человека.

Жизнь, таящаяся в каждом крохотном семечке, поддерживает и вдохновляет меня на не прекращающийся творческий труд, когда взращённая в себе радость, кажется, куда-то однажды уходит, и тебе уже не верится, что доживёшь ты до очередного праздника жизни, побеждающего любую неустроенность, нежелание созидать. А как подумаешь при этом обо всех семенах, несущих в себе жажду к жизни, так и вовсе одумаешься, и обратишь свой взор ко всем маленьким и большим деревьям, что тянут свои веточки к солнцу, не упуская ни единого шанса к росту, развитию себя, как самостоятельного, не похожего на другие деревья растения. И эту силу одинокого растения перенесёшь на себя, отчего сделается стыдно за допущенную слабость, и уж тоже, как любое деревце, стараешься тянуться к свету, радуя при этом других.

Такова сила природного примера, хотя бы это было обыкновенное зёрнышко, почти не приметная на ладони былинка, побуждающая не забывать в себе великие возможности, заложенные в тебя Существованием, исключая всякое чувство личной ненужности и неспособности помочь другим, в конце концов, ощущая себя настоящим человеком.

НЕ ПРЕДАВАЙТЕ СЕБЯ!

Очень сложно радоваться на пустой желудок, но именно подобное отношение к жизни проповедовали отшельники, тем самым будто бы очищая и приближая себя к Богу. Чего же они добились, кроме бессмысленности и скудости своего отрешённого от мира прозябания? Дух их, на деле, был невероятно измучен, вместо того, чтобы с радостью владеть всем — и прекрасной землёй с её волшебными плодами, и божественными небесами.

Мы не должны отказываться от одного мира в угоду другому, а призваны сочетать их в себе одновременно: в этом суть нашего пребывания в

этом божественном мире, наилучшая возможность реализовать свою внутреннюю природу. Не предавайте себя!

ПОКЛОНЕНИЕ ЖИЗНИ

Религия – это законы обращения с божественной энергией, верное отношение к ней, подразумевающее величайшее уважение, чуткость и любовь. Религия означает почитание божественного духа, и если это почитание исполнено глубокого понимания, божественное становится для вас благословением, в противном случае – энергия Бога оказывается разрушительной. Причиной тому или другому являетесь вы: совершая над собой душевные усилия – наделяетесь благодатью, не желая изменяться к лучшему – обрекаете себя на утрату собственных возможностей.

Для меня религия – это поклонение жизни, призванной радоваться, наслаждаться ей, ощущая себя целостной личностью, не подверженной какому-либо иному, так называемому «религиозному» влиянию, когда ты не принадлежишь себе, а полагаешься на кого-то другого, тогда как рассчитывать ты должен только на самого себя, на своё радостное восприятие существования, поклоняясь и принимая единого для всех Бога. Только такая религия позволяет раскрыться твоей внутренней природе, ты сможешь быть здоровым и наслаждаться жизнью во всей её чудесной полноте, в согласии с окружающей нас природой.

Чудесно было сказано одним мудрецом: только оказавшись на небе, люди, наконец, поймут: истинная религия – есть поклонение божественному духу. И всё...

Нет религии выше этой истины, и нет истины без понимания того, что именно сейчас подошло время для человека перестать, наконец, выдумывать жизнь, в том числе – в лице разнообразных религиозных учений, а начинать её с чистого листа, становясь настоящим. Это, несомненно, предполагает способность быть ценным, самому обретая в себе божественные черты, тем самым продолжая и развивая глубинную суть Бытия, заложенную в него Богом. Не отказывайтесь от этой абсолютной свободы, поклоняясь создавшему вас божеству!

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Всегда почему-то стремишься в мечтах к какому-то неведомому, скрытому от глаз людей лесному озеру, к которому они, обычно, испытывают суеверный страх... По берегам его живут дикие звери и птицы, бесконечным ковром расстилается морошка с брусникой, а вокруг витают злые и добрые духи.

Никто не знает его названия, озеро защищено дремучими лесами, и вода в нём всегда чёрная и спокойная. В этом озере водятся пудовые старые щуки и караси с локоть, но никому ещё не удавалось их поймать.

Хорошо бы побывать там, взглянуть хоть одним глазком и ничего не тронуть. А потом зачем-то вспоминать и рассказывать о том, как это далеко, и что туда почти невозможно добраться, но вот тебе, каким-то чудесным образом, всё же удалось.

НЕПРИМЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

Всё наше радостное восприятие природы происходит от нелёгкой доли русского человека в течение многих веков, оттого и не могло не проснуться в нём любовное чувство к лесу и земле, воде и луговым просторам, ко всему родному, может быть – самому драгоценному, что у него было. И так, незаметно, несмотря на частые стихийные бедствия, родилось доброе, вдумчивое отношение народа к природе, дарившей людям жизненное благо. И именно через свою не простую судьбу и благодаря дорогой природе пришло к человеку его неприметное, но верное счастье: быть преданным родине и близким, в конечном итоге, к Богу в себе.

НЕДОСЯГАЕМАЯ КРАСОТА

Потаённая гладь лесного озера – будто отражённое в зеркале небо, на котором плавают дивные белые звёзды, кувшинки... Чуть набегут тучи – лепестки звёзд сразу закрываются и тонут, выглянет солнце – прекрасные бутоны всплывают и распускаются, словно улыбаясь. Как хорошо, что обычная земная красота вдруг воспринимается небесной, и от этого представляется недостижимой!

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ТЕМНОТА

Только весной по-особому ощущается опустившаяся на землю ночная тишина, когда вокруг замолкает на свой положенный срок всё то, что живёт в лесу и терпеливо ждёт пробуждения, подчиняясь короткой, но торжественной темноте.

Так и ты: умолкаешь и подолгу заврожено слушаешь, как проистекает рядом таинственная весенняя ночь, а ухватить в ней самого главного – не в силах. Лес же, будто насупившись, пристально вглядывается в твою душу, но ничего не предпринимает.

Поёживаясь от пронизывающего холода, зеваешь, то и дело разминаешь онемевшие ноги и вдруг замечаешь над высокой чёрной елью большую зелёную звезду. Это Венера тихо струит свой чарующий свет на землю. А на востоке, над тёмным лесом, уже занимается тихая заря...

СИНИЙ ГУЛ

Ни мартовское солнце, ни открывающиеся небеса, ни звонкое карканье воронья, ни напоенный ослепительной свежестью воздух не манят в ускользающую весеннюю даль, а манит какой-то неведомый синий гул, за которым готов отмахивать нескончаемые вёрсты, спать вполглаза и опять бежать без усталости, ошалело улыбаясь.

ВОРОБЬИНЫЙ СКОК

После Спиридона-солнцеворота хоть на воробьиный скок, да прибудет денёк. Так издревле говорили на Руси, когда солнце в конце декабря поворачивало на лето, а зима на мороз. Каждые сутки прибавляли хотя бы минутку светлого времени, и до Нового года день прирастал, по народному мнению, на скачок маленькой неунывающей птички, может быть, более всех радостно встречающей движение к теплу и свету.

К середине января, в самые рождественские и крещенские морозы, когда миновал праздник покровителя свиней Василия, день неприметно увеличивался, по тем же народным приметам, уже на куриный шаг, но он не воспринимался так восторженно и не был столь дорог, как крохотный воробьиный прыжок. В заснеженном метельном декабре, после надоевшей осенней распутицы и стылого предзимья, этот неприметный подвиг любимой всеми птицы дарил несравнимое ни с чем счастье. Разве можно придумать что-либо более русское, поэтичное и земное, чем «воробьиный скок»!

Слово это казалось самым дорогим в отпущенное на знакомство с суровой зимой короткое декабрьское время, которого на её пороге если и становилось больше, то всего лишь на такой незатейливый, но милый русскому сердцу воробьиный скок. Тот самый воробьиный скок, с которого начинают проводить человека неустанные выюги, метели заносят постройки под самую крышу, и когда выходишь на заснеженный двор проводить старое надоевшее всем время, в ворота стучится молодой новый год!

ВЕСНА В ЯНВАРЕ

Бывает, ещё в конце января в воздухе вдруг запахнет весной, и ты недоумеваешь: откуда взялся этот запах? Ведь ещё вчера его не было, хотя так же веял тёплый ветер и с крыш срывались крупные капли, а вот сегодня запах возник и разбередил душу.

Выйдя на улицу, замрёшь и стараешься угадать, где его источник. Вот сейчас, думаешь ты, стоит только сосредоточиться – и, наконец, всё узнаешь. Терпеливо вслушиваешься, всматриваешься и вдруг нечаянно обнаруживаешь, что запах весны исходит ... подтаивающий снег, который в

оттепель всегда становится нежным, навевает добрые мысли и заставляет учащённо биться сердце.

Так я думал раньше, и верилось, что окончательно подошёл к отгадке на мучающий меня вопрос. Но вот однажды, в двадцатых числах января, я так же вышел поутру из дома и сразу почувствовал, как остро пахнет весной. И хотя оттепели не было, будоражащий сердце ветерок не веял и подтаявший снег с крыш не соскальзывал, ощущение от дыхания весны было непередаваемым. Казалось, на дворе уже давно стоит март, а январь с февралём затерялись где-то в далёком прошлом.

Долго я не мог понять, что задолго до наступления марта в самом январском воздухе происходит какой-то неминуемый и еле уловимый поворот к весне, точно также, как в начале мая – к лету. Если ты почувствовал его, странная тяжесть от бесконечных снегопадов раньше других спадает с твоей души, и в ней неминуемо начинает зреть ощущение радостной новизны. Это уже не сладкий зимний сон, а ясная предвесенняя полудремота, готовая в любой миг прийти в себя от подступающей волнами пьянящей свежести, как это бывает только в марте.

ОСЕНЬ

Осень обычно пьянит своими туманными сумерками, тревожащими голосами птиц, собирающихся к отлёту у горизонта, последним трепетом берёз и осин, настоем из опавших листьев в колеях лесной дороги, остервенелым воплем лесовиков по дикой чащобе, но сама головы никогда не теряет, хоть и бредёт перед самой зимой простоволосая, в затрапезном платье, то и дело оступаясь и оглядываясь.

ЛЕСНОЙ ТЕАТР

В начале ноября, когда выпадает коренной снег, лес окончательно замыкается в себе и становится похож на заколоченный, пустой театр, в котором все представления давно окончились, труппа разъехалась на каникулы, и только стены его, вдалеке от движения и былой суеты, стали постепенно полниться каким-то необыкновенно чистым, молодым светом.

СИДЯ НА ПЕНЬКЕ

Охваченный переполняющими тебя впечатлениями, присядешь на какой-нибудь пенёк, с записной книжкой, и в какое-то мгновение вдруг поймаешь себя на ощущении своей ненужности здесь, в лесу. Поражённый, долгое время не можешь прийти в себя...

А потом, успокоившись и переболев эту свою ненужность, во всей простоте того, что совершается вокруг, постигнешь: таинственный лес за тем

и существует, чтобы ты пришёл к нему, присел на пенёк, и записал всё то, что он с таким упорным трудом, веками, готовил для встречи с человеком.

В природе заключено много такого, что не сразу попадает на глаза, но даже попавшись – ничего не объясняет: его надлежит неспешно и вдумчиво разглядеть. Работа эта, если ею заняться всерьёз, доставит немало удовольствия, обогатит душу, разовьёт внимание и воображение. И тогда сказкой дохнёт на тебя лес, обдаст с головы до ног своим дремучим величием и явит незримое.

Вот у края опушки, на склоне пологого холма, расположилось небольшое семейство ёлочек... Все ёлки одинакового роста, но на одной из них – гроздь шишек, тогда как остальные – пустые. Шишек на единственной плодоносящей ёлке так много, что они еле умещаются на небольшой вершинке.

Долго я не мог ничего понять, сидел на пеньке, думал, и только обнаружив в траве пни от спиленных деревьев, наконец, нашёл увиденному разгадку. Оказалось, что ёлка с шишками просто намного старше своих одноплемянниц-соседей, и не давали ей роста мощные деревья, которые закрывали её своей тенью. Потом большие деревья срубили, и ёлка оказалась открытой. Она была намного старше рядом стоящих ёлочек и, конечно, начала плодоносить, тогда как догнавшие её по росту были ещё не зрелы, отчего и получилось это несоответствие на небольшом участке леса.

То, что на первый взгляд казалось необъяснимой тайной, неожиданно раскрылось, если просто предаться неспешным размышлениям, сидя на пеньке. Скрытен и смирён пень, а в лесу и ему молятся, ибо не найти в нём лучшего места для думки!

ВЕСНА ВСЁ ПОКАЖЕТ!

Истосковавшиеся по теплу маленькие птички к концу зимы необыкновенно оживляются, и в своём предвесеннем возбуждении начинают издавать не свойственные им звуки.

В зимнем лесу, когда большинство его мелких обитателей держится в верхнем пологе, поближе к шишкам, на фоне тёмно-зелёных верхушек елей, нелегко разглядеть - клесты, щуры или многочисленные снегири подают свой голос. Идя на лыжах и заслышав эти волнующие и непривычные для зимы мелодии, даже остановишься, долго вслушиваешься и никак не можешь разобрать: кто же это поёт? Но хорошенько присмотревшись, вскоре с удивлением узнаешь в вездесущих птичках обыкновенных гаичек, которые совершенно изменились благодаря своему необыкновенному творчеству!

Вот и дружные чечётки с приближением весны становятся непохожи на самих себя и вместо присущей им нежной песенки: «чет-чет-чет, чет-чет-чет, чет-чет-чет», вдруг оглашают лес чуть ли не стрекотанием, превращаясь в каких-то неведомых маленьких сорок, только милых и ненадоедливых.

Даже воробьиный сыч, обычно скрывающийся в лесной чаще, норовит в эту пору перелететь раз-другой просеку или дорогу впереди идущего человека, как будто напоминая, что и он не в силах сдерживать себя в преддверии пробуждающейся повсюду жизни, вопреки своей природе утрачивает осторожность, и тоже чего-то ждёт от грядущих перемен, безбоязненно выбираясь к белому свету...

Скорая весна всё покажет и скажет!

ЗАТАЕННАЯ РАДОСТЬ

С детства принимая и понимая мир как обаятельный и волшебный, призванный удивлять, приносить незабываемое и не сравнимое ни с чем удовлетворение, когда только счастливо созерцаешь и воспринимаешь все вещи такими, какими они существуют, я и в зрелом возрасте, как бы меня не пытались запутать, представляю всё точно так же, по-прежнему, с затаенной радостью. И если вижу, как роскошным летним днём золотая пчела утопает в цветке, неспешно копошится в нём, и от этого цветок слегка покачивается на тонкой ножке, а воздух вокруг полнится её волшебным жужжанием и томным ароматом распускающихся трав, опять чувствую себя необыкновенно счастливым, без оглядки радуюсь в душе, и будто лечу.

ШАГАЯ ИЮЛЬСКОЙ ДОРОГОЙ

Что за восторг шагать выбеленной от жара июльской дорогой, будто вытянутой пастушьим кнутом среди колосющейся ржи, перепрыгивать через небольшие канавки, обрывать васильки, пробуя их на зуб, тут же весело сплёвывать, жмуриться от разошедшегося вовсю солнца...

Но вот слышится конский топот, и ты сразу спрячешься в поле от встречного проезжего, переждёшь, когда осядет пыль и, выбравшись на обочину, уж не скачешь, не срываешь васильков, а идёшь разомлелой дорогой степенно, раздумчиво до самой деревни, будто не замечая проистекающей повсюду опьяняющей воли!

НЕБЕСНЫЙ ЛЕДОХОД

В марте вся земля и реки ещё покрыты снегом, но небесный ледоход уже тронулся: солнце растопило хмурые тучи-глыбы, небо голубеет, как вода, и по нему, будто льдинки в весенний разлив, быстро плывут маленькие лёгкие облака.

ОБЫКНОВЕННОЕ ТЕРПЕНИЕ

Вся трудность вхождения в контакт с животными, птицами или растениями заключена для человека в терпении, поскольку чтобы понять их,

он должен принять условия жизни животных, птиц и растений, безоговорочно подчиняясь её темпу и ритму.

Нестерпимо мёрзнут ноги в стылой снеговой каше, когда, не шелохнувшись, стоишь в ночном весеннем лесу в ожидании глухариного пробуждения, - терпи; промозглый холод от земли предательски забирается под суконную куртку, в рукава, за шиворот, если неподвижно наблюдаешь из укрытия за заячьей свадьбой, - терпи; февральская безумствующая пурга застала тебя далеко от деревни, сбивает с ног, пронизывает насквозь, норовит погрести под своими нескончаемыми заносами, - терпи; тридцатиградусный мороз то и дело выстужает лесную избушку, так что приходится подтапливать её каждые полчаса, скорчившись, разводить никак неподдающееся пламя огня, дуть до одурения на не желающие гореть ольховые полешки, - терпи; завела лесная нужда шагать по глинистой раскисшей дороге вёрст двадцать с гаком, под непрекращающимся нудным дождём, - терпи...

И так, в любую погоду, независимо от времени года, потому как в хорошую, солнечную пору никогда не увидишь того, что можно узнать в ненастье. Преодолевая нескончаемую лесную дорогу, ты вынужден запастись, в первую очередь, обыкновенным терпением, которое незаметно слагают твоя необыкновенная неустойчивость, отвага и воля.

ВНИМАНИЕ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Часто не покидает ощущение, что птицы, устремляясь на юг, в тоже время ведут себя так, будто хотят остаться. Они то и дело кричат, по необъяснимой причине надолго задерживают свой отлёт, и отчего-то очень беспокоятся, словно передавая свою тревогу всей округе – лесу, прибрежным камышовым зарослям и маленьким озерам. Им важно, наверное, чтобы их непременно кто-то услышал, и задремавшим было деревьям, реке и холмам ничего не остаётся, как невольно думать про них всю ненастную осеннюю пору, долгую зиму и терпеливо ждать их радостного возвращения. Только почувствовав это незримое внимание родной земли, птицы, наконец, отправляются в дальние края.

КРАПИВКА

Крапива содержит много полезного, но никогда не показывает этого, и, более того, всеми способами защищает свою скрытую помощь, будто стесняясь её. Так и стоит на страже таящегося в себе секрета, для многих – злая, не сварись с нею пива, а она, вот, и под твоим забором нашла приют: коли узнаешь, чем крапива пахнет, она тебе своё волшебное зелье наведёт. Набери, человек, крапивки хотя бы на зелёные щи!

ВОЛНУШКИ

Волнушки получили своё название не только потому, что на их шляпках, от самой впадинки по середине, разбегаются к краям хорошо различимые радужные волны, но, наверное, и из-за волнения, которое они вызывают у грибника в конце сентября, после первых заморозков, когда многие грибы уже не растут, а розовые волнушки радостно выглядывают из пожухлой листвы и будто восклицают, умоляя: «Возьмите нас с собой, мы ещё очень ароматные и крепкие!»

ЗАЯЦ КРУГЛЫЙ ГОД

Наша зима – это большой и ослепительно белый заяц, что весь год живёт открыто для всех, но в тоже время остаётся невидимым.

Весна – уже сероштаный бойкий зайчишка, который вдруг резко выкатится из зацветающего тальника, смело тронет по полю, затем сдвоит, скинется и опять где-то скачет, пока и там не исчезнет. Не заяц, а лёгкое сизое облачко, озорно затерявшееся за ближайшим леском.

Лето – укромно притаившийся в шелковистой траве зайка с тёплой шёрсткой, что показывается лишь изредка, как ненавязчивое, милое видение, на мгновение радует душу, и тотчас забывается, так вокруг много других завораживающих ощущений, красок и запахов.

Осень же сначала только поманит буровато-молочными заячьими ушами, забавно торчащими в озимых зеленях... Не сразу различишь самого косоного с пегими подпалинами на боках в быстро светлеющих гачах. Заяц как-то неловко, скособочившись, подтягивает зад и незаметно оказывается всё ближе и ближе. Уже слышно, как шуршат по сухим листьям заячьи пазанки, кровь гулко ударяет в висках, а у самой деревни, в частом осиннике, оживлённо перекликаются сороки. Заяц вдруг останавливается и, поводя чуткими ушами, косит боязливо: неужто и до него дойдёт в эту пору черёд?

И вот, с отъезжего поля уже гулко доносятся радостные возгласы охотников: «До-о-шё-ёл!». Красоваться косому в сенах, на крепком гвозде, со свисающими толстыми усами! Но не сегодня-завтра Покров покроет землю снежком, опять незаметно подступит зима, и укутает всех в пушистый заячий мех.

ЛИШАЙНИК

Длинные лоскуты голубовато-сизого лишайника, свисающего с ветвей, напоминают душистый дымок лесного костра, что будто бы для забавы зацепился за их края, а улететь уже не в силах. Так и колышется слегка на ветерке, будит воображение, и оно рисует ещё бороду лешего, торчащую не клином - целым заступом, величиною с лопату, когда он от нечего делать притулился к костерку в глубине чащи, зажмурившись от удовольствия.

Вроде бы, всего лишь обыкновенный лишайник, но непременно хранит в себе какую-нибудь притягательную тайну, что всегда ненавязчиво присутствует в лесу рядом, и также незаметно исчезает.

ЧЕМ ПАХНУТ ВРЕМЕНА ГОДА?

Чем пахнут времена года?

Обычно не вызывает никаких сомнений зима, которая, по мнению многих, не может пахнуть чем-либо, кроме ёлки и мандаринов, да ещё, пожалуй, яблок. И действительно, иногда снег источает аромат этих фруктов, но разве присуще зиме то, что ей не принадлежит, и какие запахи она порождает? Что на самом деле составляет её головокружительную или, быть может, усыпляющую суть?!

Одно я знаю точно: запах зимы – свежий и душистый, как только благоухают щёки молодых девушек с мороза, а ещё хвойные ветки, принесённые из леса в натопленный дом и поставленные в воду. Медленно оттаивая, они будто отходят ото сна, кажется, даже немножко распускаются и что-то нашёптывают. Ночью отчётливо слышится их ласковый шорох, и вместе в нем – чья-то таинственная поступь, что постепенно обволакивает сознание и уводит в неизведанные заснеженные глубины. Зима очаровывает скорее звуками, чем запахами, и более всего – своей загадочно переливающейся, будто колокольчики, мелодией.

Но вот пришла весна, самый её разгар, и сразу запахло талой корой... Остальные запахи лишь дополняют этот дурманный аромат, который течёт над открывающейся прелой землёй, пронизывает всё вокруг и опьяняет. И снеговая вода, и сладостный перезвон сосулек, и завораживающие дуновения упругого ветерка, и даже вскрикивания воронья с непрекращающимся щебетом воробьёв пахнут зарождающейся жизнью, то есть – волглой корой. Под ней начинает струиться тот самый живительный сок, который вскоре всех напоит и от всего излечит.

Лето – это, наверное, свежее сено, липовый цвет и земляника... Тысячи будоражащих запахов и их оттенков, что просто околдовывают, повисают над деревней. Но как различить тот единственный и верный, без которого лето – не лето? Самый приятный, одинаковый и в дождь и в ведро, незабываемый и тёплый? Запах короткого уральского лета, который почему-то особенно дорог.

Чистый золотой мёд! Вот в чём нельзя ошибиться, говоря и думая о лете. И свежее душистое сено, и аромат земляники, и цвет шиповника, кипрея и липы, все цветы и самые сладостные летние дуновения стекаются в мёде, и именно мёд, как ничто другое, заключает в себе силу и красоту лета.

Когда окажешься на пасеке, у медогонки, где по стенам висят розовато-кремовые, будто светящиеся, рамки, сладко пахнет воском и пчёлы ненадоедливо, но настырно бьются в заляпанное мухами стекло, устремляясь к разомлелому июльскому жару, ты почувствуешь, что суть лета, его запах,

находится где-то здесь, рядом, и оно немыслимо без этого золотистого медового духа, которым пронизано всё вокруг.

Ну, а к осени, в пору увядания, все запахи сводятся к пряной горечи палого листа, в которой, пожалуй, ещё угадывается сытный аромат кульбиков и сыроежек. Так и хочется наломать этих красивых грибов, присесть где-нибудь на пенёк и, посыпав солью да сдобрив свою нехитрую снедь куском чёрного хлеба, с аппетитом уплетать их, впитывая вместе с ними чудесный дух уходящей осенней поры.

САМЫЙ ЧУДЕСНЫЙ НА СВЕТЕ ЯЗЫК

Каким чутьём, мужеством и знанием необходимо обладать, чтобы не бояться писать и говорить просто, от сердца, как и думается всем нам в минуты, когда мы слушаем его, не изменяя божественному сознанию, заложенному в нас с рождения. Но часто мы отчего-то не доверяем своему внутреннему голосу, уповая порой только на удивительно проникновенные слова хорошо всем известных русских писателей, а свои душевные рассуждения считаем чем-то незначительным, боясь им поверить. Но именно эти простые мысли, которым мы не придаём значения, и являются тем недостающим знанием, которого мы чаще всего дичимся, но оно в нас существует. Причём, произносится это знание в душе каждого русского человека на самом чудесном, народном языке, коим мы с испокон веков обладаем.

Как необыкновенно хороша обычная русская речь, что дарит человечеству мир восхитительного покоя и отдохновения, ей нужно наслаждаться и беречь, в тоже время проявляя и терпение, и решимость, и замечательную отвагу для её сохранения. Без неё не обойтись русскому человеку, и он проживает неповторимую судьбу, наследуя прекрасный язык Толстого и Тургенева, Бунина и Чехова, и, конечно, Михаила Михайловича Пришвина, что превратил нашу русскую речь в неподражаемо чудесное искусство, сотворение мудрости, и она божественна!

Как прекрасен русский человек, когда он общается с другими людьми на этом удивительном языке, как чудесен наш неподражаемый русский мир вместе с неповторимой русской природой. Именно Михаил Михайлович Пришвин, благодаря своему простому и доходчивому языку, произвёл на меня самое незабываемое впечатление: он убедил всё моё существо в глубокой привязанности и к русской речи, и к русскому лесу, в конечном итоге, к его чудесным тайнам и желанию познавать их, создавая при этом свой собственный мир, невозможный без творчества.

Созидать после того, как открыл для себя что-то значительное в жизни, пусть это будет море, лес или наш замечательный русский язык, особо радостно. Радостно оттого, что ты соприкоснулся с чудесами, с божественным проявлением этого мира, и они преобразили тебя, твою жизнь.

Жизнь сама по себе прекрасна, но после того, как ты осознал, что тобой движут небеса, она становится ещё более чудесной.

Чудесно человеку самому созидать чудеса, отчего и другим хочется идти за тобой, также пристально вглядываясь и в себя, и в небо. Это единственно верный путь, которым хочется идти по жизни, и иного, более достойного предназначения, не существует.

Хорошо и приятно писать по-русски о лесе, что не стал для тебя околдовывающим обманом, а именно другом, вестником прекрасного мира, где ты открыл для себя и весну, и свадьбу журавлей, и свой первый глухариный ток. Как радостно всё это было слушать и впитывать, позабыв обо всём. А потом, затаив дыхание, пытаться изложить на бумаге все свои переживания, не забывая и холода осенней ночи, когда добирался по раскисшей дороге, в темноте, до деревни, и печного жара лесной избушки в сорокоградусный мороз, и устремления диких гусей и уток на родную северную сторону...

И, конечно, ты помнишь, как какая-то неведомая сила повлекла тебя под потаённый полог нашего таинственного русского леса, о котором писал и Толстой, и Тургенев, и Пришвин, и в твоей душе незаметно пробудилось нечто такое же потаённое и неведомое, именно исконно русское, уходящее в глубину его бесконечно таинственных веков. И однажды тебе захотелось рассказать обо всём этом простым и чудесным русским языком. Всяк язык Бога хвалит, а русский – почитает.

ЛУННЫЙ СВЕТ

В лунном свете зимнего леса лицо человека превращается в застывшую маску, кажущуюся неестественной на фоне непередаваемой красоты. Трудно не впустить в себя выхолащивающего лунного сияния, не испытать его безжизненной оголённости.

Но отдав себя однажды на волю безучастного лунного света, знай: тебе уже не будет так, как если бы ты ещё не входил в ночной лес, и смотрел на него только со стороны, а вот соединившись с ним, ты остаёшься наедине с не знающей преград луной: дикой, неживой и властолюбивой. Лишь на мгновение повеет она своим бесчувственным холодком – и раз и навсегда осадит все твои желания, растворит их в околдовывающем безразличии. Пусто станет тогда на душе, так что даже жаждущий добычи зверь равнодушно пройдёт мимо, не обратив на тебя внимания.

Прозрачные лесные призраки насторожатся, выступят из-за деревьев, и ночное забвение постарается навсегда прикрыть твои веки, остудить сердце и сомкнуть уста безжизненной улыбкой. Только неясные пятна, чёрные тени и вечная безысходность лунной тьмы окутают собой всё вокруг.

Так коварно может вести себя зимней ночью равнодушная луна, что никуда не спешит и равномерно льёт на синие сугробы свой холодный, безучастный свет, а человек, если он неравнодушен ко всему, что его

окружает, впитывает этот свет, незаметно полнится им, но не замерзает душой, становясь ещё более сильным.

НЕВЫРАЗИМО ПРЕКРАСНАЯ СУТЬ

Чистое апрельское утро... Казалось бы, обыкновенная для этой поры картина - синий угор, кротко замершие по его склону пушистые ёлочки, воздух, звенящий весенней чистотой, лазоревые тени от берёз, будто продляющие собой на снегу проникновенное апрельское небо, но вдруг до щемящей в душе боли осознаёшь, что не сможешь ни какими словами передать эту красоту...

Остановившись посреди дороги, пристально вглядываешься во всё, что тебя окружает, и опять зачарованно повторяешь: синий угор, приукрашенные снежком ёлочки, звенящий воздух, лазоревые тени, проникновенная небесная голубизна, но чего-то самого главного, составляющего прекрасную суть только что увиденного, высказать не в силах... Оно всё равно остаётся невыразимым.

В ПРЕДВЕРИИ ЗИМЫ

В преддверии зимы, после отшумевшей листопадной метели октября, устанавливаются такие тихие и чуткие дни, что, кажется, даже воздух насторожен в ожидании грядущей непогоды, но её всё нет, и затаившаяся тишина до дрожи трепетно и оголено вторит малейшему звуку, а сердце сладко замирает от ощущения надвигающегося холода.

ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ

Люди пытаются выразить любовь к жизни в танцах и картинах, музыке и стихах, и если кто-то из них просто живёт – это вызывает недоумение. Но именно в обыденной жизни, ни к чему, вроде бы, не обязывающей, совсем, кажется, непритязательной, и отображается истинная признательность человека к тому, что составляет её суть. Ты просто живёшь, заботясь при этом о самых, казалось бы, обычных вещах, и, конечно, не можешь обойтись без обаяния таинственной лесной чащи, открывающей для человека примеры достойного существования.

Идёшь, бывало, в предрассветной темноте по лесу, и ничего не видно, только беззаботные звёзды перемигиваются меж собой. И вдруг, задумаешься об этом огромном невидимом небосклоне как о родном, хотя и недостижимом пространстве, и на душе отчего-то сразу теплеет. А небесная звёздная река, заботливо ополаскивающая землю, проистекает повсюду, ласково и бесконечно льёт свет, и ты начинаешь ощущать, как земля раскрывает ему объятия в своих необозримых лесах. Леса, ты чувствуешь,

сохраняют энергию Вселенной, копят её в себе, и незаметно отдают всем живым существам.

Людам же только остаётся отнестись к божественной природе с уважением, признательно, подобно Божественному Существованию копя и сохраняя уже своё сердечное тепло, ополаскивая им тех, кого оно не коснулось. Этот круговорот энергии вечен, он образует жизнеутверждающее движение не только к непознанному, но и непознаваемому, и всё это приходит к тебе на ум, когда ты просто идёшь ночной дорожкой на глухариный ток, к своим любимым глухарям, ни о чём таком высоком, вроде бы, и не помышляя, и думаешь только о своей обыденной жизни, которая прекрасна.

ГДЕ-ТО ТАМ?!

Уже в середине мая, без всякой надежды на успех, собрался я в последний раз к глухарям, и чем дальше шёл по дороге, тем более убеждался: поздно... Давно угомонились в лесу ручьи, вроде бы, недавно вспыхнувшие первоцветы разлились в целые поляны, на вырубках, у старых пней, появились шоколадные шапочки строчков. Закрылся лиственный лес.

Воздух туманился от растекающегося аромата, листья уже по-летнему шептались на ласковом ветру, трава в некоторых местах доходила чуть ли не до колена. Как-то не верилось, что мошник прилетит на ток, да ещё запоёт. Но в положенный час единственный глухарь действительно проснулся, долгое время сидел молча, а потом пропел только одну песню, после чего собрал хвост, гортанно цокнул и улетел.

И стало так грустно на душе, что весна кончилась... Впереди, кажется, бесконечное буйное лето, за которым даже и не видится зима. Где-то там дорогая сердцу весенняя радость, что однажды опять слетит на мартовский наст, пройдёт по нему красавцем-глухарём, и запоёт, позабыв обо всём?!

ЛИСЫ И ЛИСИЧКИ

Интересно, только ли из-за цвета, схожего с известными всем зверями, названы грибы лисичками? Ведь встречаются лисички и светло-жёлтые, и блёклые, серенькие, и даже ярко-оранжевые, как и сами лисы, но понимаем мы сущность этих грибов, наверное, благодаря чему-то другому...

Может быть, это какая-то игривая загнутость краёв у шляпок, их рыжая волнообразность, наподобие вздутого ветерком меха, воздушность неуловимых звериных повадок, призывающих самку красться в глубине леса и очаровывать своего лисовина?!

Так или иначе, но лисички и лисы – из одного семейства, и друг без друга почему-то не воспринимаются: говоря «лисица» - мы тотчас

представляем во мху ярко-оранжевое и дружное грибное племя, произнося «лисички» - вспоминаем милых звериных детёнышей...

ЕЛЕ УЛОВИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Ещё от деревни толком не отойдёшь, и слышно, как горланят петухи, до настоящего леса далеко — кругом пеньки да чапыжник, но и здесь, в кажущемся безлесье, ощущается еле уловимое присутствие почитаемого тобой лесного бога, который не высится вековым сосновым бором, не зачаровывает шумом своих величественных дубрав, не околдовывает своим древним знанием, что по-хозяйски укоренилось прямо рядом с жильём, в ещё не сломленных могучих стволах редких сосен и елей, а тихо и неприметно живёт в обгрызенных непогодой лысых пнях, в маленьких, только пробивающих себе дорогу ёлочках, теряющихся под осень в пожухлой траве, в разбросанном повсюду хворосте и не замечаемом никем сером небе, которое тоже, порядком истомившись, тихонечко прибоченилось к самой деревне и со вздохом улеглось за старым молчаливым прудком...

МАЛЕНЬКАЯ ПРИХОТЬ ПРИРОДЫ

Красный цвет редок в природе, особенно среди зверей средней полосы, где выделяться им, особенно в зимнюю пору, не резон. И всё-таки лиса-огнёвка поражает нас своим ярко-оранжевым мехом, когда мы неожиданно застаём её мышкующей посреди заснеженного поля и, радуясь увиденному, в тоже время мучаемся вопросом: отчего природа оказалась такой неосторожной?

Оставаясь мудрой и сильной, она, наверное, просто позволила себе эту маленькую прихоть, безбоязненно демонстрируя свою неповторимую красоту.

ЖЕЛАНИЕ ДОРОГИ

Люблю лес, люблю ходить по нему в любую погоду. Но всегда ли с удовольствием отправляюсь к нему в гости? Нет, не всегда.

Иногда, по каким-либо причинам, мне этого делать совсем не хочется, и всё-таки - я иду. Порой так и подмывает повернуть обратно, но я, несмотря ни на что, продолжаю свой путь, и постепенно желание дороги всё более усиливается, жажда встречи с дорогими сердцу местами нарастает, и вскоре я просто не могу остановиться.

ЕСЛИ ТЫ БОЛЕН ДУШОЙ

Если ты болен, упал духом и во всём отчаялся — приди весной в лес, посиди немножко на каком-нибудь пенёчке или поваленном дереве, поласкай

взглядом распускающуюся медуницу, потрогай руками цветущую сосну, затем прижмись к ней щекой, да смотри не переборщи, к другим деревьям больше не прикасайся, хватит и её одной, солнечному лучу улыбнись, ненароком вспугни махонькую бодрую птичку и испугайся вместе с ней неизвестно чему, угоди ногой в ноздреватый, шумно осыпающийся голубоватый снег, радостно оглянись вокруг, набери полную грудь воздуха и, протянув к небу руки, засмейся!

ЖЕЛАННОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Я лежу на нарах лесной избушки и слушаю, как близится за стеной вечер. Неимоверная тоска не одолевает моё сердце, потому что ночь в лесу не может быть к тебе равнодушной. Среди глухой неизбежности и темноты она дышит неведомой силой, незаметно натягивает синие сумерки на чёрные ели, и окружает совершенным покоем и тишиной, отчего одиночество становится желанным и неуязвимым.

Кажется, что если я усну, ночь вместе с чем-то, что давно меня ждёт, пропадёт бесследно и никогда уже не вернётся. Мне хочется, чтобы она всё время была со мной, пела над моей головой, убаюкивала своими дикими сомнениями, но в тоже время не давала забыться. Здесь, в лесу, ты становишься будто оторванным ото всех, долго не можешь уснуть, и всё о чём-то думаешь...

Ветер едва-едва трогает невидимые верхушки деревьев, тихонько раскачивает их, и в такт им рождаются мои неотступные спасительницы-мысли, мои лесные бессонницы, что незаметно приводят меня к самому себе. Вернее, к пониманию, что здесь – твой дом, и оттого все думы покойны и легки.

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

У человека не хватает сил самым пристальным образом вглядываться в облака, когда те безмятежно катятся по небу, все до бесконечности наполненные пронзительным белым светом, такие лёгкие, пушистые, недоступные... Или сосредоточенно и спокойно вслушиваться в мягкое, может быть, чуть ворчливое, но ненавязчивое бормотание укромной лесной речушки.

Заострять своё внимание на неуловимой чёрточке в природе способен лишь человек спокойный и мудрый, достойный предпочесть общему ликованию тихую вкрадчивую радость. Такое всматривание в окружающий тебя мир под стать глубокому чувству или единственно верной мысли, высказанной не впопыхах, на бегу, а наедине с природой, её голубыми лёгкими небесами и зелёными сочными нивами.

Живёт человек на земле не год и не два, и кажется, всё ему давно известно, но только не приходит он в лес для потаённого с ним разговора до

тех пор, пока не обнаружит в своей душе истинную боль, пока не произнесёт про себя всерьёз слова о смысле жизни и смерти, и не почувствует жгучую потребность кого-нибудь полюбить... И безвозвратно проплывают мимо напоённые лёгкой радостью облака, холодные речные струи чуть слышно нащёптывают присмирившим берегам что-то удивительно приятное и убедительно важное, сдержанно покачивают упругими верхушками гибкие сосны, величественно и мудро расходуя скрытый в своих телах свет. Всё в лесном царстве дышит полной жизнью, в спокойном созерцании ожидая внимательного прикосновения к себе человека.

ЛЕСНАЯ ДОРОГА

Лесная дорога человеку не чужая, но и не близкая... Наполняя его жизнь недостающим смыслом, в напарники к нему она не просится, душу свою исхоженную и, тем не менее, никем не понятую, не открывает. Радует или печалится дорога, только когда человек её собственными чувствами меряет, причисляя ей, незаметно для себя, собственные переживания.

Но не измерить её ни шагами, ни ежеминутно сменяющимися друг друга настроениями. Неторопливо бежит она под ногами, за каждым лесным поворотом открывая новое только тому, кто неутомим.

ДУШЕВНЫЕ МАНТРЫ

Осуществляя однажды у себя в деревне горловое пение как одну из практик древнетибетской дыхательной гимнастики, я неожиданно обнаружил, что исходящая при этом звуковая вибрация отрицательно воздействует на ... комаров. Только что надоедливые насекомые кружили по всему дому, мешая мне сосредоточиться, как куда-то все исчезли, будто их и не было. А может быть, наоборот, необычная звуковая тональность так зачаровала насекомых, что они, словно околдованные, просто замерли, безропотно внимая пронизывающей воздух мелодии.

Комары, видимо, были не в силах пошевелиться от этого охватившего всё пространство оцепенения, необыкновенной для них музыкальной дрожи, почему-то предпочитая её своему заунывному жужжанию. Горловое пение человека оказалось более глубоким, гармоничным, совершенно повергнувшим своей силой и мелодичностью неутомных насекомых, и я решил впредь непременно воспользоваться им, оказавшись в летнем лесу.

Правда, при этом меня самого не покидало ощущение, что моя внутренняя мелодия исходит не из меня, а из Вселенной, и реакция комаров будто открывает во мне неведомое око возрождения, благодаря чему ты постигаешь, какое важное значение может играть в мире лишь одна растущая душа, черпающая силы из неистощимого источника Мироздания.

Вскоре я действительно очутился в июльском лесу и вынужден был заночевать в маленькой избушке у реки. Усевшись, поджав под себя ноги, у

костра, я принялся сосредоточенно производить горловые звуки, которые лились над водой низко, сочно и полно. Вокруг тихо качали головами сосны и ели, зудящие комары будто замерли в воздухе, и я стал замечать, что мой сознательно пониженный тембр голоса, как это ни удивительно, постепенно изменяет течение струящейся рядом жизни.

Мантры, со своим особым вибрационно-резонирующим строем, вызывали в окружающей природе ещё большую гармонию, будто возвращая ей нечто молодое и мощное, но однажды почему-то утраченное. А комары, кажется, только радовались предоставленной им возможности побездельничать, восторженно приплясывая на одном месте в мягко роящихся над землёй летних сумерках...

НЕВИДИМЫЕ НИТИ ПТИЧЬИХ ТРЕЛЕЙ

Что заставляет птиц петь? Может, песней птицы благословляют радость своего поднебесного существования, ни с чем несравнимое ликование от возможности бесконечно парить в вышине? Но так ли безмятежны воспарения их маленьких душ, если рано или поздно им придётся всё-таки опуститься на землю для выполнения своих самых насущных забот – сооружения гнёзд и выведения в них птенцов?!

Неповторимыми голосами птицы знаменуют, вероятно, разрешение собственных проблем, и песня незамедлительно вырывается наружу, свидетельствуя о торжестве жизни. Птица искренна в своих побуждениях, её веселье и печаль не замутнены сомнением, и чем вдохновеннее она поёт, тем справедливее её отношение к самой себе. Ведь любое пение предполагает чистоту помыслов, и нет существа более ответственного за переполняющую его жизнь, чем птица.

Недаром говорят, что жаворонок на невидимых нитях своих, никем не превзойдённых, трелей удерживает всю землю.

ВОСТОРЖЕННЫЙ АПРЕЛЬ

Весной я становлюсь восторженным апрелем, что прилетает на землю неведомым и прекрасным юношей, готовым всех обнять и осчастливить. Каждого касается он своим невидимым крылом, и каждый чувствует его проникновенное присутствие, и становится моложе.

Только один месяц продолжается это чудесное перевоплощение, но его вполне достаточно, чтобы летом ты заслуженно пресытился роскошным июлем, а осенью ощутил себя умудрённым ноябрём. Пронизанный искрящимся светом своевольный январь отзовётся тогда в твоей душе сладостным предчувствием долгожданной юности мира.

ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ

Замечал ли кто за собой, как улучшается настроение после соприкосновения с лесом? Вся злость сразу исчезает, хочется быть добрым, перестать лгать и подличать, более справедливо относиться к старшим и детям, стать достойным собственных возможностей. Не каждый труд способен открыть для человека подобное состояние.

Сродни общению с лесом в пробуждении здорового душевного настроя – пробежка с ведрами на колодец... Стоишь над уходящим в холодную темноту срубом, смотришься, запыхавшись, на колышущуюся в ведре студёную воду, и чувствуешь себя весёлым и добрым. А идя обратно, и стараясь не расплескать ни капли, здороваешься с каждым встречным, пусть даже и незнакомым тебе человеком.

Ни следа какой-либо лени или печали в себе уже не испытываешь. Дверью впустую теперь не хлопнешь, при виде первых капель дождя за окном не скривишься, и до беспричинного окрика ни за что не опустишься. Так велика власть окружающей человека природы с её пушистыми облаками, грибным дождём и первозданной в своей чистоте колодезной водою.

В лесу открываются глаза, и ты начинаешь различать в себе то, чего никогда бы не ощутил в городе. Увидев себя, мир другого увидеть не так уж сложно, а разобравшись во всём достаточно хорошо, можно встать рядом. Например, с деревом, которому необходима помощь, или с выпавшим из гнезда птенцом. Все, кто бы они ни были, оказываются тебе родными и близкими, будто ты вместил в себя и их полноту восприятия мира.

ПРАВО БЫТЬ СВОБОДНЫМ

В конце февраля возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга, которым, после боёв, остаётся самый сильный. Каждый волк, в меру сил и возможностей, старается отстоять собственную свободу выбора. Волк знает, что делает: добившись победы, он доводит права победителя до логического конца.

Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа, и когда он настанет, также надёжно, не теряя выдержки и достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не теряют права быть свободными, сильными и независимыми, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободным. Свобода не даёт ему покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он старается поскорее найти более лёгкий путь следования, отказавшись от неё. При этом человек ещё посягает и на свободу других, не имея на то никакого права.

Жизнь обитателей леса более гармонична, нежели жизнь людей, потому как является самым обыденным естеством всего сущего. В отсутствии извращённого разума, то есть разума с расчётом, животные живут, конечно,

суровее, но значительно проще и надёжнее человека, а боль у них присутствует лишь в той мере, в какой её не достаёт для поддержания жизни.

МОИ ГЛУХАРИНЫЕ ХЛОПОТЫ

Целый месяц хлопотал я как-то рядом с глухарями: будил их, разбирал на снегу замысловатые наброды и чертежи, искал места новых токовищ, радовался их стремительному и тяжёлому полёту, слушал непостижимую весеннюю песню, но ... не стал им ближе. Глухари жили своей трепетно-осторожной жизнью, а я своей, начинающей казаться мне непутёвой и бездумной. Все попытки сблизиться ни к чему не приводили. Я был бесконечно далёк от великолепных птиц, и всё же они меня безотчётно манили.

Каждый день, затемно, я уходил к ним из избушки, чтобы приблизиться, хотя бы на чуть-чуть проникнуться их таинственным существованием, подсмотреть что-то недостижимое, ещё не виданное мной, но всё было напрасно. Глухари, в лучшем случае, терпели моё присутствие, а в самый неподходящий момент – улетали. И ничего нельзя было с этим поделать. Просто принять, как вынужденную и не совсем приятную действительность.

Глухари не издевались надо мной – они жили своей потаённой, лесной жизнью, в которой я оставался лишним. Но как было приятно пытаться почувствовать себя глухарём – этой диковиной птицей, что каждую весну поёт о неизведанной для нас древней любви.

ДРЕМУЧИЕ ЕЛИ

Когда густые ели вдруг сменяют могучие сосны, неожиданно вырастающие перед тобой нескончаемым бором, лес становится, на короткое время, привлекательнее, но потом скучнеет. Однообразие безукоризненных корабельных стволов и пышного благородия крон почему-то утомляет.

В соснах редко услышишь щебет птиц, хотя они очень красивы, и пристальней вглядываясь в эту убегающую ввысь розоватую недостижимость, в душу закрадывается, скорее, задумчивое равнодушие, нежели радость. А чуть позже – затаенная убеждённость, что сказочную таинственность придают лесу только дремучие ели.

ВЬЮГА

Иной раз, сквозь сон, чувствуешь, как тоскливо за окном вьюге... Уютнее свернувшись под одеялом, думаешь, как она одинока и беспомощна в бушующем море снегов. Даже не смотря на свою удаль.

Можно представлять себя ясным месяцем, изредка посверкивающей в холодном небе звездой или даже голодным волком, но никак ни вьюгой. Знаешь наверняка, что сердце не выдержит её безжалостно застывшего

крошева, и лопнет от невыразимой тоски, когда закружится, как и она, в безудержном танце зимы.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Каждому времени года присущи свои черты... Зима, например, имеет ровный, уверенный почерк. Ей не страшна никакая оттепель, пытающаяся опередить время.

Весна – самая доброжелательная пора, в ней – высшая откровенность природы, когда всё раздаётся, поёт и ширится, раскрывая её необозримую глубину.

Лето до предела насыщено жизнью, которая создаёт общее настроение удивительной радости и покоя, оно с наслаждением вторит каждому шороху под ногами, птичьему возгласу, копошащимся вокруг запахам. Всё окружающее в нём создано для того, чтобы подчеркнуть, выявить любую мелочь в отдельности во имя общего жизнетворчества, благодаря которому всякая былинка в природе умывается и очищается.

Осень же приносит ясность дальнего видения, что не отрывает от земли, а только приземляет и делает её ещё более родной.

Уверенный и открытый, очищенный и просветлённый, устремляешься невольно ещё к какой-то неизведанной стороне этой удивительной жизни, что, может быть, вознесёт к такому чудесному времени, в котором всё пережитое ранее покажется лишь полузабытым отголоском бесконечно утраченного, но дорогого вселенского детства.

ВСЕСИЛЬНЫЙ ЛЕС

Лес всесилен. Какую бы большую кручину ты ни приносил с собой в него, он при этом не обезличивается. Стойко и невозмутимо стоит он, поглощая собой любую беду, и всегда незаметно спасает.

Часто я забывался в лесу, потому что он навевал сладкий сон, какое-то неведомое счастье, с которым, была такая боязнь, более уже не встретишься. Незаметное блаженство, что живёт рядом, но часто не замечаемо, снисходило на меня.

И ещё глубокая убеждённость: когда-нибудь наступит такое время, что сама собой поднимется и навсегда исчезнет опустошающая человека буря бессердечности, по закону торжествующей добродетели на землю спустится прародительница-справедливость, берега рек и равнины опять оденутся девственным лесом, в лесах заведутся дикие звери и птицы, а на небе по-оперному вспыхнут божественные звёзды. И, наконец-то, уснут мёртвым сном человеческие дикие нравы там, откуда им никаким злым воображением не достичь светлого мира, даже если этому воображению представилась вероятность хоть на мгновение воскреснуть.

ЛЕСНОЙ ЗАКОН

В лесу необходимо оставаться умудрённым зверем, но не человеком. Не открывай раньше времени себя и то, что знаешь, другому в лесу, и тогда всё у тебя будет по-прежнему получаться. Начинаешь же кому-либо что-то показывать, объяснять – тотчас теряешь понимание, слух, зрение и, в конце концов, жди неприятностей.

Человек, если он не случайно оказался в лесном мире, должен оставаться один, и сам дойти до всего. Быть незаметным, взвешивать каждый шаг, восхищаться только в своей душе – таков лесной закон.

Неприменим он, пожалуй, к зверёнышам – смышлёным детям с ясными глазами и тёмной душой, лишь изредка притихающим перед силой лесной жизни, а затем вновь принимающимся беззаботно резвиться, позабыв обо всём. Радость их лесного бытия призвана временами смягчать извечную настороженность чутких и мудрых родителей.

ГДЕ-НИБУДЬ В СТАРОЙ ЧАСТИ ГОРОДА

Бывают такие зимние сады, в которых с наслаждением бродишь по дорожкам, осыпаемых снежными хлопьями... Где-нибудь в старой части города или села, достаточно удалённые от шумного центра, чаще всего – неподалёку от леса, они удивительно располагают к уединению.

Под вечер окна ближайших уютных домиков, непременно с какими-либо непритязательно вырезанными, но загадочно украшающими их наличниками, зажигаются оранжевыми огоньками, и тёплые лучи от них ложатся поперёк заснеженных аллей. Всё окружающее пространство постепенно тонет в потемневшем воздухе, так что скоро уже нельзя различить опускающихся снежинок, и ты с приятными надеждами ступаешь по ровно устланной ими земле.

НЕИЗГЛАДИМЫЙ СЛЕД ЛЕСА

Порой начинает казаться, что деревья в лесу всё видят и понимают. Наблюдают пристально, но ненавязчиво за каждым твоим шагом и, может быть, даже мыслями.

Все перемены настроения и повороты растревоженной лесом души им хорошо известны. Не сказать, чтобы ты носил в себе это ощущение постоянно: оно лишь временами подкатывает к горлу неизъяснимым комком, с мягким томлением тревожа грудь. И всегда кратко, словно лёгкий ветерок, появится откуда ни возьмись, опалит застоявшимся прохладным холодком, и отпустит, в тоже время оставив в душе неизгладимый след.

След этот ты можешь беречь очень долго, и он часто никак не проявляет себя. Живёт в тебе незаметно, скрывая истинную суть леса: то отступает в темноту, то появляется во снах. Однажды, по одному ему ведомой причине,

он негаданно исчезает, уступив место удивлению и ... страху. Страху не слепому, а коленопреклонённому – из уважения и почитания к лесу.

С этого момента лес уже не спускает с нарушившего его чистоту своего недремлющего таинственного внимания, но человек сам, рано или поздно, наказывает себя, теряя осмотрительность и совесть, и неминуемо когда-нибудь оступается, потеряв над собой контроль. Лес в подобных ситуациях не становится зловещим: таковым он начинает казаться утратившему достоинство человеку. И вот тогда он пугает своими очертаниями, темнотой и звуками, и даже ясные отсветы тонкорогого месяца стелются по притихшей земле как бы с потаённым коварством.

Охваченному гнетущими сомнениями и ужасом окружающей обстановки человеку хочется укрыться от неумолимого взгляда чащи, а любое бегство, как известно, оборачивается тупиком. Лес оказывается западнёй, на которую то и дело наталкивается бегущий. Своей неприступностью лес будит в человеке осознание допущенного им зла, и несоразмерность совершённого опускается на плечи того невыносимым грузом. При всём этом лес остаётся непререкаемо величествен: ведь он ещё в достатке располагает тем, что и не снилось многим не вошедшим в него людям.

ОБРЕТЕНИЕ ПОКОЯ

Неоднократно замечал за собой, но так и не понял до конца: в лесу всякий раз ты становишься другим. Отрешённым, делающим всё произвольно, зато точно так, как надо, и без лишней суеты. И никогда не обращаешь внимания на подобное состояние, воспринимая его как должное.

А однажды вдруг открываешь: сколько в тебе существует простого звериного знания, проявляющегося только здесь, в лесу. Оно, это, несомненно, врождённое умение вести себя в привычной и, между тем, давно забытой за предыдущие жизни природной обстановке, тотчас просыпается, как только ты в ней оказываешься. Как будто именно для этого тебе предназначено жить, и лишь в лесу твоя душа обретает недостижимый среди людей покой.

НЕБО НА ПЛЕЧАХ

А так ли высоко на самом деле небо?! Оно соприкасается с землёй везде, где жив человек...

Совсем необязательно дотрагиваться до него вздёрнутыми ладонями: небо всегда лежит на плечах человека, незаметно перетекая в его душу.

ОБАЯНИЕ ЛЕСА

Обаяние увиденной тобой лесной жизни обычно возникает благодаря какой-нибудь мелочи. Может, это будет кучка наваленных дятлом сосновых шишек, нанизанная на сучок сорокопутом крохотная синица, утерянное тетеркой, ещё тёплое перо или изгрызенный белками лосиный рог... Что угодно может подвернуться тебе в лесу, но всегда оно как-то тихо поражает, и ты идёшь не спеша, и с удовольствием размышляешь о своей замечательной находке. Радуешься незаметно, сам с собой разговариваешь, а то и рассмеёшься: счастливее тебя сейчас, кажется, никого не отыскать.

Поначалу – это просто подсмотренная у леса тайна. От обладания ею на душе действительно становится радостно. Затем неожиданно рождается мысль, что постепенно складывается в удивительно простую и замечательную фразу. Тебе уже хочется написать рассказ, и ты мучительно подыскиваешь к неожиданно возникшей фразе или мысли сюжет, чтобы он был краток и наполнен поэзией леса.

Лихорадочно подбираешь название своему ещё не обрётшему форму рассказу, а мимо неслышно проскальзывают удивительные лесные картинки, будоража твоё воображение. Но название никак не приходит, что, впрочем, не расстраивает. Просто ты по-хорошему уже заболел всем, что тебя захватило в лесу, и лечиться никакого желания не испытываешь.

СЕРОЕ УТРО

В весеннем лесу никогда не бывает тихо, даже ненастной ночью... Ещё до пробуждения глухаря, под монотонный холодный дождь, вдруг сипло запоёт встрепенувшийся дрозд, и не умолкает уже до самого рассвета. Часа в три лениво протянет над самой твоей макушкой невидимый вальдшнеп и, утробно прохоркав своё недовольное «хор-р-хор-р, цвиг-г-цвиг-г», свалится в молодые ёлочки, у самой опушки.

Промозглый туман медленно ползёт из глухолесья на поляну, а глухарь беспокойно гомозится на суку, утробно зобает своей древней гортанью, и никак не может уразуметь: петь ему или не петь? Его переживания подхватывает серое утро, что, кажется, тоже досадует на непогоду, и льёт на еле различимую поляну свой белёсый промозглый свет...

СОЛОНЦЫ

Сколько раз находил я в лесу старые лосиные солонцы с обветшалыми корытами, выдолбленными когда-то из мощных осин, куда уже давно никто ничего не подкладывал. Солонцы эти устраивались обычно в ложках у ручьёв – местах достаточно сырых и долго удерживающих запахи, и потому следы зверей хорошо отпечатывались во влажном грунте, а подсохнув, надолго сохранялись.

Запах же, особенно в летнее время, стоял и слышался в воздухе за сто шагов. Лоси, как ни странно, продолжали из года в год посещать заброшенные солонцы, опять устраивая там лёжки, где иногда оставались на отдых, и словно чего-то терпеливо ожидали... Велика привязанность зверей к человеку, которых он однажды приманил лакомой солью, но безответственно позабыл об этом и оставил.

ДЕЛА

Бог для меня – истина, которая постоянно укрепляется благодаря духовному опыту, приобретаемому в совершаемых делах. По ним-то и видно сознание каждого. Дела могут касаться чего угодно: и литературы, и взаимоотношений с людьми, и обыденной жизни.

Например, однажды у меня выкопали яблони, а я взял и, несмотря ни на что, посадил другие. Или, случилось дело, сломал я как-то при весенней посадке хрупкий саженец груши, но не выкинул его, а осторожно перевязал, посадил и поливал сухую веточку два с лишним месяца, пока она не выпустила листочки...

Решаясь в своей душе на определённые усилия, мы непременно обретаем знания, с ними к нам приходят необходимый опыт и вера в божественное. В конечном итоге, осознание того, чем мы обладаем с рождения, но никак не можем воспользоваться для достижения подлинной жизненной мудрости.

КЛЁН

Всем известен клён – дерево, хотя и не лесное, но не менее интересное благодаря разлапистым листьям, напоминающим ладони. На первый взгляд, действительно, кажется, будто он всё время куда-то пытается дотянуться и что-то удержать. А может быть, так дерево охорашивается?

Но если посмотреть внимательнее, то листья его не воспринимаются как лапы, и это неожиданное открытие приводит к видению в нём иной сути: клён, скорее всего, остаётся равнодушным к тому, что его окружает, и просто всех дружелюбно приветствует. Дерево способно на такое...

Оставаясь в домах людей неугасимым отголоском уходящей осени, он своими листьями-опахалами ласково урезонивает наше разыгравшееся за лето воображение, а утихомирив его – неожиданно обескураживает незавершившейся в себе доброй жизнью.

РОДНЫЕ СУЕВЕРИЯ

Удивительно наблюдательный и сметливый русский крестьянин, не пропуская мимо ни единой мелочи, и в суевериях своих оставался обаятелен, ярок. Так, в неумелом полёте коростеля с несуразно вытянутой шеей и

коротким хвостом, он готов был углядеть способность птицы пешком совершать далёкие путешествия: осенью – на юг, а весной – на север, хотя виною тому служили её ночные перелёты, которых видеть никто не мог.

За то, что мёртвые клесты долго не разлагаются, простой человек считал птиц святыми, и это народное поверье подтверждал их крестообразно устроенный клюв, которым они, якобы, вытаскивали гвозди из креста с распятым на нём Христом. Тогда как на деле клесты просто всю жизнь питаются смолистыми семенами сосны и ели, и тельца их оказываются сильно забальзамированными, а перекрещивающимися половинками клюва птицам сподручнее управляться с замёрзшими шишками.

По убеждению мужика, даже обычный удод признавался не иначе, как зловещей птицей, предсказывающей человеку смерть. Но всё, опять же, по причине того, что птицы эти исконно живут в глухих лесных местах, нередко облюбовывая старые, заброшенные кладбища с покосившимися крестами, да помимо всего, именно благодаря стараниям того же находчивого крестьянина, ещё издают голосом звуки, напоминающие недобрые слова: «Худо тут! Худо тут! Худо тут!»

ЛИСТОЧЕК

Свежо в весеннем распутившемся лесу, густ и покоен ароматный воздух, и вдруг закружится в нём иссохший прошлогодний листочек... Падает медленно, долго, и так тебя это тронет, что позабудешь и про весну, и про богатую вальдшнепиную тягу накануне, и про то, как горят раздавленной клювкой брови у старых петухов-чернышей, чья страстная песня всё утро разносится над подёрнутой душистым парком речной долиной, и не смолкает.

А всего лишь – сморщенный листочек, трепетное напоминание о том, что давно отжило, но ... не умерло.

ЧАС ПРЕОБРАЖЕНИЯ

К середине апреля лес, наконец-то, пробуждается и оторопело смотрит вокруг зеленовато-мутными глазами. Множество запахов кружат в нём голову, первые цветы решительно раздвигают подстилку из слежалого прошлогоднего листа, а берёзы наливаются соком, так что из каждой надломленной ветки летит на оживающую землю сладкая капель.

Набухают почки, густо течёт по стволам елей чистая смола, сдвинувшийся неведомо куда воздух слезит глаза... Тронулась, вроде бы, весна, пошла-поехала по потаённым лесным сузёмкам, но самый час преображения в природе подступает неуловимо: вчера, ввечеру, лес стоял ещё совсем голый, буровато-серый, а под утро уже весь окутался нежной зелёной дымкой.

НОЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Сколько бы ни мечтал унести в звёздное небо зимой или весной, помочь в этом способен лишь ночной ноябрьский ветер... Удивительно, но только с ним почему-то можно ухватить часть звёздной жизни, быть там сколько захочешь и, пока все спят, беспрепятственно вернуться на землю.

МИЛЫЙ ШМЕЛЬ

В отличие от хозяйственных домовитых пчёл, всё лето усердно переносающих пыльцу и нектар в ульи, шмель не имеет своего дома и, нагулявшись в своё удовольствие за нескончаемо летний день, лениво засыпает под вечер где придётся: внутри лилового колокольчика или в закрывшемся бутоне ароматного шиповника.

ЗАЮШКА-ГОРНОСТАЮШКА

Приходит весной такой день, когда всякому живому существу в лесу хочется показать себя с самой выгодной стороны, и оно так забывается в этом неудержимом стремлении, что на время теряет свою природную суть. Зайцы, к примеру, начинают ошалело носиться по окраинам полей и в перелесках, силой и прыткостью хвалясь перед возлюбленной. Вся эта беготня сопровождается истошным верещанием, так что заяц, в порыве страсти, совсем теряет осмотрительность, и даже может в своей суете угодить человеку прямо под ноги, изрядно его напугав.

Возбуждая себя подобным образом к любовным достижениям, заяц порой доходит до такого состояния, что уже ничего, кажется, не боится, а вернее – не замечает. И вот, бывало, если окажешься в этот момент с ним рядом, да изо всех сил свистнешь ему чуть ли не в ухо, то зверёк сначала оторопееет, затем с него слетит вся весенняя бравада, и мигом сделается он опять робким заюшкой-горностаюшкой, обретя тем самым своё истинное лицо.

МОЯ ЛЕСНАЯ ДУША

Удивительно мне теперь вспоминать, что в детском возрасте я прекрасно чувствовал и понимал природу, хотя и не мог ещё этого объяснить. А вот отец, который рано начал брать меня в лес и не зря слыл в своём кругу отменным стрелком, сам, не без оснований, считавший себя заправским охотником, её так тонко не воспринимал.

Мало того, он был очень удивлён, даже поражён, когда десятилетним мальчишкой я вывел его, заплутавшего вместе со мной, из чащи, да ещё, в подтверждение своей правоты, указал ему на глухаринные наброды, которые

мы миновали несколько часов назад, оставив рядом и свои следы. И это в совершенно незнакомом лесу, вообще, оказавшись в нём в первый раз!

Как будто вышло так, что лес зачем-то, ещё давно-давно, забрал меня в свои недра - и так и не выпустил, а я жил в нём в разных образах, узнавал всё больше и больше, и постепенно приближался к тому, что я сейчас из себя представляю. Куда-то приведёт меня эта таинственная лесная душа!

РАДУГА

Только радуга в земном мире не имеет обратной стороны, она не отбрасывает даже тени, но, находя прелестные отзвуки лишь в наших душах, не перестаёт радовать именно тогда, когда мы менее всего ожидаем её чудесного появления.

УШЕДШЕЕ ЛЕТО

Вот и ушло лето... До чего же хорошо было в нём! Как-то неторопливо, но скоро пронесло оно перед нами своё прекрасное тело, и душа тонко прочувствовала все его ароматы, цветы и песнопения, и запомнила их. И, конечно, восхитилась роскошному жару, проникновенной светоносности нескончаемых дней, томительному ароматному духу, тихо пробирающемуся каждую ночь через окно прямо к тебе в постель... А как прекрасно было в саду поутру!

Жизнь же людей за всё это время воспринималась несравненно упрощённое, скучнее, почти условно, как некое достаточно обременительное и вынужденное действие, без которого, к сожалению, не обойтись...

С великой радостью и печалью несу я в душе ушедшее лето, думаю счастливо обо всём приключившемся в нём, с благодарностью принимаю в сердце его ласковое засыпание, и сам, незаметно, становлюсь покойнее, чище.

МАЙСКИЙ СВЕТ

Майский свет уже не назовёшь ярким, как мартовский или апрельский, которые ослепляют, свет этот не такой проникновенный, и он уже не врывается в твоё восприятие, зато, благодаря ему, душа начинает всё видеть, становясь огромной.

ВСЯ ПЕЧАЛЬ И МУДРОСТЬ МИРА

Вся печаль и мудрость мира заключена в том, что самое крохотное животное подвергается угрозе быть истребленным, но, тем не менее, пытается уцелеть, любыми путями защищая своё появление на свет.

ЕЛЕ УЛОВИМЫЙ АРОМАТ

Потаённая нежность маленькой лесной гвоздики сродни прикосновению девичьих губ или взмаху ресниц, в мгновение вспорхнувших и вернувшихся к своему покою. Цветы так же неожиданно вспыхивают в траве, обдавая своей восхитительной невинностью.

У неё, конечно, есть свой запах, вернее, еле уловимый аромат, и он, наверное, становится присущ молодым девушкам, когда они, сидя в траве, составляют для себя из этих цветов маленькие букеты.

ОТЧЕГО СТАРЕЕТ ЧЕЛОВЕК?

Человек стареет не столько от возраста и несчастий, ощущения собственной никчёмности и осознания невозможности никогда больше не стать молодым, сколько от нежелания принимать жизнь такой, какая она есть, и идти, несмотря ни на что, дальше, оставаясь сильным в жизненных бурях. Как это выходит у деревьев, что переживают лишь подлинную радость и цельность от взаимодействия с окружающей средой, отчего существуют неизмеримо дольше человека и, даже когда оказываются покалеченными, не прекращают роста.

СТРАСТЬ К ЛЕСУ

Страсть к лесу пробудилась во мне ещё в раннем детстве, когда отец принёс домой огненную лису, тяжело покоящуюся у него на плече... Мать поцеловала отца, перегнувшись через подоконник, а я никак не мог отвести глаз от пушистого хвоста лисы, свисающего до самой земли, и её хитрой вытянутой морды, отчего казалось, будто лиса только прикинулась мёртвой, вот-вот встрепенётся и ускользнёт с нашего двора.

КОГДА УЛЕТАЕТ ДУХ ВЕСНЫ

Вот и распустилась сирень, и сразу стало ясно, что дух весны уже улетел куда-то далеко-далеко, совсем растворился, а лето ещё не наступило, хотя повсюду разрастаются травы и появляются всё новые цветы, и тебе вдруг отчего-то становится так грустно, что хочется превратиться в маленькую бледно-голубую фиалку и, как весна, затеряться под каким-нибудь низеньким кустиком.

БЕСПОКОЙНЫЕ ЛИСТЬЯ

Даже когда листья опадают, они не находят себе покоя: кружатся, вихряются, поднимаются до самых верхушек деревьев и опять укладываются на

холодную землю, а то опрометью мчатся над опушкой, беспомощно застревают в густых еловых ветвях, и всё рвутся и рвутся куда-то, не успокаиваясь... Куда-то им ещё, должно быть, надо долететь, чего-то успеть, и ты никак не можешь постигнуть: в каком листе больше жизни – в растущем или в оторвавшемся, уже совершенно от всего свободном?

ИЮНСКОЕ СОЛНЦЕ

Солнце июньским вечером нехотя опускается за горизонт золотой красногрудой птицей, толкается в малиновых облаках, будто влюблённое рыжее сердце, и всё машет своими огненными крылышками, машет, даже на короткое время не желая оставлять только было очнувшегося от весны и вновь позабывшего себя в летней роскоши человека... В преддверии скорого солнцестояния ему совсем не хочется поворачивать на зиму, что кажется сейчас такой недостижимой!

БЕЛКИ

Милые пушистые белки, лишь изредка доводящие себя до озорства, в апреле просто преображаются, когда затевают брачные схватки. Их гибкие тельца неумолимо сталкиваются, хвосты переплетаются, встревожено летят по воздуху колчья шерсти...

Взметаясь упругими комочками к самым вершинам высоких елей, белки тотчас скатываются вниз, на снег, ошалело бегают между валёжин и возбуждённо цокают. А потом – короткая возня, жалобный писк, и вновь, стремглав, наверх, где победителя уже встречает другой разъярённый соперник.

Белки так забываются в этой схватке, что ничего не замечают. Маленькие бусинки глаз грозно горят, тельце то и дело вздрагивает, а хвост бессильно бьёт по веткам, так что вниз сыплется мелкая шелуха.

Где уж тут, кажется, до самки, что сидит тихонечко на нижнем суку, почти у самой земли, и даже не решается принять какую-либо сторону. Бесшумно переживает она бой самцов, лишь изредка издавая протяжный ласковый звук, как будто призывая их прекратить всякие распри и, наконец, обратить на неё внимание.

ЖЕНЩИНА И ВАСИЛЬКИ

Обычные полевые васильки так трогательны и чутки, что легко переливаются в глаза женщины, наполняя их небесной чистотой, когда она, бросившись в траву и широко раскинув руки, готова обнять все цветы. Подставив лицо солнцу, женщина поначалу даже не заметит, что медленно впитывает их аромат, и пронзительная приподнятость цветов входит в неё благословенным теплом, проявляясь в глазах синевой. Она, скорее,

причислит это счастье только небу, и будет невольно теребить махровые лепестки василька в руке, чему-то улыбаясь. Цветок тогда сразу отдаст всего себя, и женщина, наконец, почувствует это, поднесёт его к губам и поцелует.

ФИАЛКА

Тончайший дивный цвет и прохладу нежных листьев изливает в лесу божественная фиалка... Небесным провидением, наверное, уготован фиалке чарующий свет, что обронила однажды на землю природа.

Фиалка – символ неизбежности девичьих страстных сил, терпеливо копящихся в ней и выплеснутых весной. В имени её – великая нежность, изысканность и ароматный пыл. Фиалка – девушка, слегка вкусившая любовного напитка: с невинностью уже простилась, а броситься опрометью в водоворот любви – сладостная жуть!

Удивительные предания витают над ней, любовные видения, муки – как всё это превозмочь молодому, жаждущему любви сердцу? Терпения набраться? Или священными запретами всё же пренебречь? Недаром фиалку нарекают кроткой и застенчивой, скорее скромной, чем роковой.

Божественный цветок свят и в изъяснении своих чувств. Лишь изредка позволит себе сладкую игру, которую никто и не заметит. И так все пленены нежным ароматом, который фиалка никогда не теряет.

Заложенная когда-то мужчиной между страницами книги, давно высохшая, фиалка не перестаёт изливать горячий и пряный запах своей сохранённой юности. За вереницей бесконечно сладостных утех её первый и последний любовник, тот, кто её сорвал, уже забыл подаренную ему фиалкой прелесть восприятий, а она всё надеется, ждёт и, как и прежде, во мраке ли ночи или чутком утреннем пробуждении, своим ароматом погружает мужскую душу в благоговейную сосредоточенность, окрыляя. Тем и живёт.

Полюбить фиалку легко, завоевать же её любовь не просто. Будь ты хоть гиацинтом, маком или тюльпаном! Фиалка выбирает своего возлюбленного сама.

Им может стать и не цветок, а просто ветер, разбрасывающий семена цветов. Как Гёте, что не выходил из дому, не насыпав их в карман. Шёл и сеял семена вдоль дорожек в окрестностях Веймара, где тогда жил. Фиалка бы, наверное, влюбилась именно в него – божественно-задумчивого, милого и неземного.

И всё же более всего фиалки благосклонны, вероятно, к женщинам. Для них покачивают цветы поутру головками, им распускают свои хрупкие лепестки. Без женщин, кажется, фиалки скоро бы увяли, и они ласково глядятся в их глаза, тянутся к ним и в восхищении трепещут, а женщины не в силах им чем-либо ответить.

ВЕСЕННИЙ РОКОТ

Иной раз какая-нибудь птаха поёт на вершине высокой ели, а песня её не достигает земли... Видно только, как раскрывается клювик и распушаются перышки на горле, но ты почему-то не уходишь, терпеливо вслушиваешься, пытаешься разобрать тоненькие птичьи трели, и, всё же, ничего не слышишь.

Ухо улавливает лишь общий весенний рокот, то ускользающий, то нарастающий, в который, ты вдруг понимаешь, внесла свои мелодичные нотки и эта маленькая птичка... Гул от перекатывающихся весенних звуков опускается до земли, возносится над ней, и ты невольно улетаешь вместе с ним, пытаешься тоже привнести в него хотя бы стук своего растревоженного сердца.

СЛИЯНИЕ С ЛЕСОМ

Чтобы увидеть зверя или редкую птицу, лучше всего ходить по лесу одному, терпеливо вслушиваясь и всматриваясь в окружающую чащу. Если ничего не помешает, какое-либо животное обязательно объявит себя, и тогда нужно, замерев, слиться с лесом. Очень возможно, что зверь даже не почувствует твоего присутствия, приблизится почти вплотную и, может быть, не заметив, пройдёт совсем рядом. Полный радостного открытия, ты будешь стоять, охваченный волнением, с трудом сдерживая свой охотничий пыл.

Так, однажды, отрешённой походкою проследовал мимо меня сильный лось, у которого я разглядел цвет глаз и длинные ресницы, а один сохатый, не обращая никакого внимания на моё близкое соседство, спокойно обдирает молодые веточки осины, изредка всхрапывал, как лошадь, и шумно шевелил толстыми губами...

Разве можно назвать такую охоту бесплодной, когда после всего увиденного возвращаешься осенним вечером в натопленный дом, и особенно приятно воспринимаешь его тепло и уют!

ЛАНДЫШ

Ландыш – один из немногих цветов, чей аромат, кажется, никогда не забывается. Неназойливый, лёгкий и в тоже время устойчивый, он уже не прерывается в тебе, если ты его хоть однажды изведal. Аромат ландыша что-то вещает и неотступно манит, но встреча с ним всегда неожиданна, и происходит только тогда, когда ты совершил над собой усилие.

Жил ты напряжённо, не замечая даже весны, и вдруг захотелось тебе остановиться и ощутить тайну. Не подозревая, что она может находиться совсем рядом, отправился ты однажды в распускающийся лес, приподнял нижнюю еловую ветку и онемел... Словно лёгкий небесный призрак в тихом блаженстве воскрес перед тобой.

От него пахнуло ароматной прохладой, вмиг опьянило невидимым вином. Благоухающая воздушная струя ударила в голову и закружила, как музыка, что сначала стесняет дыхание, а затем вынуждает лететь, питая неуёмное сердце огнём неистраченной природной любви.

Счастье тотчас охватывает тебя при виде этого скромного цветка. Не зря его свернувшиеся листья напоминают уши лани, а в трогательном имени слышится её девичья пора – ланка, и ты почему-то не решишься завладеть цветком: ландыш предпочитает укромное одиночество. Лишь неунывающая незабудка в соседстве с ним не вянет, а чувствует себя даже лучше и дольше живёт.

СЕРДЦЕ ЛЕТА

Насытившись солнечным раздольем и красками июня, только в конце месяца вдруг, к своему удивлению, обнаружишь, что сердце лета хранится в каком-нибудь тенистом уголке сада, где когда-то весной пощёлкивали соловьи, а теперь глухое затишье и тайна.

ДЕЛО СОЗИДАНИЯ

Добившись совершенства в созидании растительного и животного царства, Творец, однажды удовлетворившись содеянным, вознамерился создать бессмертную душу, которая бы в разных воплощениях своих не уставала расти от жизни к жизни, стремясь достичь божественного состояния... Творцу, наверное, страшно интересно, что из этого получится, и у него для этого давно заготовлено неиссякаемое терпение. Давайте не будем его разочаровывать, потому как нет в жизни ничего более достойного, чем дело созидания, и оно так увлекательно!

ТРАУРНИЦЫ

Шоколадного цвета бабочки-траурницы обычно ни за что к себе не подпускают, а под осень успокаиваются, и их можно брать руками – не улетают. Но вот летом, когда отправляешься в лес за грибами, они кажутся совершенно неутомимыми, летают быстро и высоко, поднимаясь даже к верхушкам деревьев, и поймать их почти невозможно.

Отдыхая однажды после удачной грибной охоты, я с наслаждением снял отсыревшие сапоги, поставил их перед собой и стал наблюдать за тремя траурницами, что без усталости кружились в воздушном танце над поляной. Бабочки скоро почувствовали привлекающую их соль, и начали смело присаживаться на голенища сапог.

Как только какая-нибудь из них исчезала внутри, я тотчас набрасывал на сапог тряпку и бабочка оказывалась моей пленницей. Отпуская одну, я

таким же нехитрым способом ловил следующую, но бабочки, не боясь тёмного плена, всё возвращались и возвращались.

ЛИСТОПАД

Если всю жизнь ходить в лес, то постепенно в тебе скапливаются невидимые силы, как в дереве, которое расцветает весной, в довольстве и неге проживает лето, а под осень, умудрённое опытом жизни, роняет отшумевшие листья, и листопад этот бесконечен.

Листья летят, подставляя бока осеннему солнцу, и оно высвечивает их разноцветную суть: рыжую, оранжевую, фиолетово-пурпурную, жёлтую – всех оттенков не перечить. Каждый лист своеобразен, и если ты внимателен и неравнодушен, он навсегда останется в памяти во всей своей красе. Надо не пропустить в жизни этот листопад, которым не перестаёт одаривать нас природа, лететь вместе с ним, отгадывать его для себя и других, и никогда не увядать в чувствах.

Вот и мои мысли о лесе, подобно листьям, рождаются, зреют и отлетают, готовые к восприятию их другими людьми. Но, оторвавшись, они не уносятся безвозвратно в небытие, а становятся достоянием тех, кто больше других желает увидеть, услышать и почувствовать. Именно им – неравнодушным, любознательным и терпеливым адресуются эти строки. Хочется верить, что тот, кто их прочтёт, научится у деревьев, зверей и птиц тому, что долгое время было от него сокрыто.

Когда мысленно восполняешь в памяти все эти, казалось бы, обыкновенные лесные мелочи, мысли-листочки, то постепенно понимаешь, что именно через них входишь в желанный мир, где твоё маленькое «я» заполняется большой неведомой душой леса. Я храню множество таких мелочей и очень хочу, чтобы они стали частицей души всех читателей. Ведь в мире правды нет ничего чужого, и при внимательном рассмотрении всё почёрпнутое в лесу может стать общим, если кто-то пожелает сделать его своим.

Лес – кладовая жизненных сил, и листья-мысли не умирают: заботливый ветер уносит их к человеку. Это только кажется, что если листик оторвался от родимого дерева, то с ним надо распрощаться, он погиб, на самом деле он только начинает жить. Всякий листочек, если его вовремя увидеть и подобрать, не пропадёт и станет маленьким открытием.

Листья-мысли созревают, падают, а ты собираешь их, и так постепенно складывается урожай знаний. Сердце твоё, как и весной, наполняется радостью, и радость эта рождает близость всего живого с человеческим миром, призванным реализовать своё истинное «я» в соединении с лесом. Осенний листопад в нём – это плод долгих размышлений, дождь мыслей, предназначенный сыпать для людей неустанно, чтобы они, не переставая, вглядывались в вечность и поверили, наконец, во всемогущего Бога.

Осенний листопад – это ещё и дождь чувств. Зарождаюсь зимою, они копятя весну и лето, вспыхивают, угасают и вновь, с новой силой, возгораются под осень, даря человеку надежду. Жизненный листопад – это и встреча, и прощание с дорогими сердцу воспоминаниями, своего рода окончательное освобождение от накопившихся мыслей и чувств, порождённых общением с удивительным миром русского леса, с его чудесным обаянием.

ЗВЕРИНАЯ МОРОКА

Иногда представляется, будто природа допускает огрехи, трудно соизмеримые с широко распространившимся мнением о её гармоничности. Многие животные, питающиеся в основном растительными кормами, вынуждены испытывать потребность в соли, без неё состав крови у них становится неестественным, то есть – нарушается, у них заметно ухудшается пищеварение и соль эту они в лесу, чаще всего, не находят.

Так, лоси и зайцы с удовольствием приходят на подготовленные человеком солонцы... Столь предупредительная природа почему-то не позаботилась о нормальной жизнедеятельности растительноядных зверей, и они вынуждены сами отыскивать способы утоления соляного голода. Зато полностью удовлетворила в этом ценном продукте хищников, поглощающих соль из мяса и крови своей добычи, тогда как растительноядным, соответственно, стоит немало труда накопить её в себе.

Но, может быть, всё-таки это только кажущаяся недоделка в природе, объясняющаяся очень просто... В отличие от хищников, обречённых на вечный поиск пищи, растительноядные животные, при обилии корма, оказываются более свободными от него, и именно поэтому природа предопределила им хотя бы немного двигаться. Человек же однажды подглядел звериную мороку и решил им помочь.

ОЛЬХА

Ольху, способную заполнить собой всё свободное пространство, не зря прозвали в народе «вражье племя». Нахрапистое дерево неумоимо надвигается сизокорым полчищем на всё живое и душит без разбору, не замечая при этом ничего вокруг. Мало кого из-за этого привлекает ольха, и поэтому её неприглядная сорнячная жизнь протекает скрытно, невыразительно.

Правда, есть в ольхе нечто такое, без чего невозможно представить всё живое: это - её непоколебимое стремление к свободе, когда ольха покрывает собой большие пространства. Но присмотревшись внимательнее, вдруг отличишь в ней нескрываемое намерение действовать по-своему, безо всякого стеснения, отчего вскоре приходит на ум, что не стремление к

свободе одолевает ольху, а необузданное желание теснить всех отовсюду. Только тот по-настоящему свободен в природе, кто не подчиняет других своим страстям!

ЖИВОЙ ОГОНЬ

Огонь в весеннем костре гудит, как в печи с хорошей тягой, и когда я смотрю на небо, то вижу искры, летящие, словно из трубы, вверх, они смешиваются там со звёздами. Не разберёшь: где на мгновение вспыхнувшие искры, а где – вечный свет далёких миров...

Жгучие морозы грызут лес изнутри, в еловых ветвях повисли клочья промозглого тумана, предутренняя тьма незаметно прокрадывается в озябшую душу, но костёр неизменно потрескивает в ночи, хранит алое тепло и добрую печаль, не даёт затухнуть твоему интересу к загадочной лесной чаще. Постепенно кровь опять начинает бодро струиться по жилам, сердце ударяет в такт неизвестным силам, что поддерживают в ночи живой огонь, и хочется лететь, окутанным его пламенем, к не умирающему звёздному свету, и не угасать душой.

БЕССТРАШНЫЙ ЗАЯЦ

Порой звери объявляют себя совершенно открыто, вроде бы, даже не замечая человека. Так, однажды, выскочил мне навстречу заяц, когда я переходил огромную поляну. Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул, и мчался во всю прыть прямо мне под ноги.

Остановившись, я стал наблюдать, чем всё это закончится. Заяц тоже замер, чуть приподнявшись на задних лапах. Когда я шевельнулся, зверёк как-то играючи ударил передними лапами о землю, распрямился и припустил наворачивать кругами по поляне, словно бы и не замечая моего присутствия.

Так он бегал минут пять, даже не пытаясь улизнуть в лес, время от времени приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без усталости носиться, а я никак не мог постигнуть: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно, и почему он меня не боится? Боязно, наверное, любое дело, если к нему не приступить!

ЛЕСНЫЕ СЕКРЕТЫ

Давно уже заметил, что по большей части мне приходится выхаживать лесные секреты, затрачивая при этом значительные физические усилия. Что-то я ищу в лесу и надеюсь в нём однажды увидеть, ведь не просто так часами брожу я по его неведомым тропинкам.

После тридцати пройденных за день километров ноги нестерпимо тяжелеют, под лопатками неприятным холодком свербит тягучая боль, на душе становится как-то неопытно и пусто. Всё, что ты видел и слышал,

кажется тебе уже незначительным, ты не можешь понять, какие силы гнали тебя в дальнюю дорогу, что именно заставляло тело напрягаться, словом, вразумительных для себя объяснений ты не находишь.

Так обычно думал я, возвращаясь из лесу разбитым, и не верил, что под вечер, подле жарко мятущегося в печке огня, мне вдруг сможет открыться нечто удивительное. Но со временем заполнившие тебя пустота и усталость постепенно отстаиваются, и ты обнаруживаешь в прожитом дне достаточно непознанного, вместившего, оказывается, столько впечатлений, что их, пожалуй бы, хватило не на одну лесную прогулку.

В расслабляющем тело и мысли домашнем тепле, возле жаркой печки, начинаешь понимать, как нелегко бывает достигнуть раскрытия лесных тайн, и что цена каждого, даже самого маленького секрета неизмеримо высока. Порой она вынашивается и выхаживается долгие годы, а многие загадки так и остаются неразгаданными.

МИРНЫЙ ЗВЕРЬ

Довольно-таки мирный зверь барсук на деле оказывается злобным, когда ожесточённо сцепляется с собаками, и невероятно хитрым, если человек застанет зверя в невыгодном для него положении: барсук с поразительным терпением и выдержкой прикидывается ... мёртвым. Бывали случаи, когда зверь никак не выказывал своего отчаянного положения даже в рюкзаке охотника, «оживая» у самого дома, когда ему уже не уделяли никакого внимания. Барсук исчезал из-под самого носа, а человек и помыслить не мог, что зверь был жив и обвёл его вокруг пальца.

НЕЖДАННАЯ СВОБОДА

Страдает ли уставший от жизни волк, когда его отринула полная сил молодая волчица? На что волк решается в этой, казалось бы, потерянной для него жизни, если волчица находит более привлекательного и сильного самца?

Обезумев от горя, он, наверное, уходит далеко-далеко, в самые потаённые сузёмы, идёт, сбивая лапы, спотыкается и постепенно обретает в этой беспросветной чаще нежданную свободу, в которой его уже никто и никогда не сможет предать...

ВЕСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

Весеннее солнце всегда будто подсмеивается над тобой, играет в вымытом апрельскими дождями небе, всюду брызжет разноцветными лучами, и ты сам становишься, как игривый ручей, что звонко переливается вдоль раскисшего большака, по которому ты бредёшь, еле передвигая отяжелевшие от налипшей грязи ноги...

Именно весной, в самую распутицу, охватывает неудержимое желание странствовать, тогда как солнце весёлыми кругами расплывается в небесной синеве, и невозможно удержаться от улыбки, то и дело взглядывая на него и от удовольствия шурясь.

ОБЫЧНАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ КАРТИНКА

Всегда памятна и очень радостна обычная деревенская картинка: зимний морозный день, крыши домов укрыты богатыми снежными шапками, над которыми лисьими хвостами тянутся в небо сизые дымки, скрипит под валенками смёрзшаяся узенькая тропка, ведущая к колодцу, а вода в ведре не колышется – стоит стылая, тягучая и такая чистая, что от одного вида её начинает приятно ломить в затылке... Переминаясь с ноги на ногу, долго смотришь в эту прозрачно-выпуклую, переливающуюся на солнце чистоту, и думаешь про себя о простом и хорошем.

САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ

К началу октября погода в наших местах обычно выдаётся тихая, сухая. В лесу всё в постоянной суете: двигается, перелетает, скачет и бегает. Готовятся к зиме белки. Занятные зверьки ведут себя шустро, и выглядят несколько беззаботными.

В такую пору рябчики на манок летят плохо, нужно осторожно подкрадываться к ним, пристально разглядывая в ветвях. Кругленький рябчик на оголённых деревьях бывает скоро замечен, и остаётся только хладнокровно выцелить его в образовавшееся на несколько секунд окошко. Многое тут зависит от выдержки, терпения и успокоенной слитности с окружающим лесным царством, покидать которое никогда не хочется.

Подбитый рябчик летит вниз быстро, воздушно тукается в мох и, перевернувшись пухлым животиком кверху, омертвело затихает. Подходя к предполагаемому месту падения, в волнении ищешь птицу глазами, и обнаруживаешь у самых ног. Полюбовавшись красной бровью и бравым хохолком рябчика, а также ощутив в руках приятную тяжесть тушки, в глубине души понимаешь, что самое прекрасное – его потаённая лесная жизнь, уже больше не повторится.

Интереснее наблюдать, как озабоченно расхаживает петушок по ветке, аккуратно склёвывая перезревшие ягодки рябины, а жизнь его остаётся нетронутой. Но невероятно трудно удержаться от соблазна овладения этой красотой. Требуется немалое время, чтобы отказаться от него, и ещё большее, пока научишься любоваться красивой статью лесной птицы, не присваивая себе право распоряжаться её прекрасной жизнью.

РОЖДЕНИЕ ГАРМОНИИ

Ночью проснулся от чего-то непонятного, вошедшего в меня... Открыв глаза, долго лежал, вслушиваясь в распростёртую над землёй ночь. Потом до меня дошло, что вошедшее было тишиной, в которой слышались вкрадчивые шорохи чьих-то шагов, еле уловимое шуршание ветвей и непрерывный блеск звёзд.

Я ещё подумал, что именно так, незаметно, наверное, и рождается гармония. И тогда я вновь уснул, теперь до самого утра.

Во сне к моему затухающему костру приходил зверь, постоял возле и удалился неслышно, а я даже не открыл глаза: так мне было хорошо и покойно. Уже проваливаясь в какие-то неведомые глубины, подумал, что это была рысь, но такая догадка почему-то нисколько не растревожила. Она только слегка коснулась моего засыпающего сознания, так что я почувствовал её тёплое дуновение, и тотчас отлетела ночной потаённой птицей... Шорох её крыльев поглотила темнота.

А потом наступило утро.

ЗАПАХ ДОРОГИ

Чем пахнет лесная дорога?

Она пахнет раздольем незабываемых мужских устремлений, замечательным одиночеством, наполненным гармонией с окружающим тебя миром, и ещё – еле уловимой звёздной пылью, на мгновение охватывающей тебя морозной весенней ночью, когда хочется жить от счастья сопричастности со всей Вселенной.

Лесная дорога напоминает тебе позабытый с детства вкус радости, которую ещё может принести, наверное, только женщина, что однажды принесла в твоё сердце любовь.

Дорога – сама женщина, безоглядно увлекающая и повергающая тебя в прекрасную безызвестность, а потом – возвращающая к самому себе. Запах дороги и леса всегда с тобой, если ты им никогда не изменял, как не изменял заключённому в твоём сердце божественному сознанию, и той самой женщине, которую ждал всю жизнь.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ДЕРЕВО

Даже в самый тихий, безветренный летний день листья осины дрожат... Долго эта загадка оставалась для меня неразрешимой, пока я не обнаружил, что виной тому – длинный и сильно сплюснутый с боков черешок листа, вращающийся из стороны в сторону при малейшем дуновении ветра.

Но найденное объяснение, как ни странно, не обрадовало, а скорее обескуражило досадной незамысловатостью. Втайне почему-то верилось, что необыкновенное дерево не раскрыло до конца всех своих секретов, и только

снисходительно подрагивает приветливыми листьями, словно осеняя твоё не угасающее стремление к правде.

МУЗЫКА ЗИМНЕГО ПРОСТРАНСТВА

Поначалу кажется, будто слуховое пространство зимой сжимается... Оно становится густым, вязким, человек словно и вовсе перестаёт слышать. Как глухой, когда слуховой орган у него заменяется на физическое восприятие совершаемого рядом сотрясения. Усвоение музыкальности, проистекающей в окружающей природе, вроде как, пропадает, и согласие всех существующих в ней звуков тоже нарушается.

Но стоит вороне морозным утром гаркнуть во всё своё воронье горло – вмиг лопаются слуховая перепонка, и на тебя будто обрушивается звон из-под повизгивающих полозьев салазок, поскрипывающих валенок прохожего, переливающейся на солнце хрустальной воды у колодца, весёлого треска льда на реке, и особенно хорошо звучит в напрягшемся от удовольствия воздухе соседская пила, взявшаяся с самого утра перепиливать пузатые берёзовые чурбаки. А как поют в остановившемся, будто замершем от мороза воздухе обыкновенные дровни!

Нет, гудит зимнее пространство невообразимой гаммой самых расчудесных звуко сочетаний, отчего и тебе самому, как и вороне, захочется гаркнуть на весь белый свет: «И душа видит, и сердце слышит студёною зимой, какая радость!»

КРАПИВНИК

Редко кто видит махонького крапивника, чья мелодичная песенка то и дело доносится из густого кустарника у изгороди. Только на миг прошмыгнёт он рыжевато-бурым мышонком среди ветвей, у самой земли, и опять его не видать. Нужно немало терпения, чтобы хорошо разглядеть крохотного певца.

Но при всей своей осторожности и скрытности крапивнику не занимать совершенно беспашашной повадки, когда он низко склоняет головку, а рыжеватый хвостик залихватски топорщится кверху, - вот-вот, кажется, перевернётся и упадёт. По этой позе его можно безошибочно отличить от других птиц, если, конечно, удалось подкараулить бравого удальца, которому по удали и его имя: не всякая птица способна в крапиву садиться, а только этот маленький молодец, и потому глядеть на него всегда любо!

ПРАВДА ЖИЗНИ

Очень странное, двойное чувство вызывает весной линяющий заяц... Сверху белый, каким его привыкли видеть зимой, с чёрными глазами-пуговками и ушками, снизу он становится неопрятным, жалким зверьком, у

которого старая свалявшаяся шерсть свисает рваными клочьями. Даже походка у него меняется: из недавнего бойкого зайки, совсем недавно отчаянно гонящегося за длинноухой красавицей, он превращается в колченогого зайчишку-бедолагу, которому бы только проковылять незамеченным через распутицу-дорогу, да поскорее скрыться с чужих глаз в хвойной чащобе.

Грязновато-белый, как последний снег на тёмной земле, заяц в эту пору будто норовит лишний раз приостановиться и, в тоже время, поскорее улизнуть... Но не наряд по весне зайца красит, а правда жизни!

ДЯТЕЛ-ПЧЕЛОВОД

Дятел-желна – большая чёрная птица с красной головой, что, кажется, забыла себя в лесу, отрешённо перелетает с дерева на дерево, то и дело пронзительно взывая неизвестно к кому, и всё больше таится, не ведая: зачем ей суждено быть такой?

Услышишь по осени, как протяжно и жалобно заголосит над лесом желна, и непременно отчего-то вспомнишь худое, на какое-то время поникнув душой... А дятел, не переставая, по-прежнему монотонно вскрикивает где-то вдалеке, будто неотступно просит о чём-то, и вспомнишь тут, что в народе желну почему-то прозвали «бортником», тогда как обычного дятла – «дровосеком».

И тотчас подумается: может быть это он не жалобится, а мёду у кого выпрашивает, отчего невольно улыбнёшься, представляя, как дятел, охочий до мёду, лазит в дупло, пытаясь отыскать соты... Большой, чёрный, красноголовый, да ещё – пчеловод!

ВЕСНА ПРИШЛА!

Никакое время года не тревожит душу так, как весна... Ушастым филином прокричит и взмахнёт крыльями апрельская ночь. Предрассветные майские сумерки огласят лесную тишь скрытым глухариным щёлканьем. Мартовское утро восторженно озарит своё пробуждение пронзительным пиньканьем вездесущей синицы. Полдень же весны возвестит о себе радостным щебетанием жаворонка...

И ещё целых полдня, до самой вечерней зари, будут восторженно провозглашать долгожданную весну старый тетерев-косач, что пережил-таки суровую зимнюю пору, недавно появившийся на освободившихся от снега полях кулик-чибис, проникновенно призывающий обратить внимание на свою озабоченную персону, крохотная и аккуратная овсяночка, пробавляющаяся вдоль раскисших от солнца дорог обронёнными зёрнами, и, конечно, неугомонные родные журавли, трубно прокричавшие: «Курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла-а!»

Вот когда захочется, позабыв обо всём, вознестись вместе с ними в небесное пространство, и с нескрываемым восторгом воскликнуть: «Весна пришла! Весна пришла! Весна пришла-а!»

НЕЗАБЫВАЕМАЯ СКАЗКА

Часто из-за своей неловкой голенастости, по излишнему любопытству или неосторожности, птенец цапли вываливается из гнезда... Родители, что было не раз замечено, не проявляют при этом какого-либо беспокойства, и оттого представляются неменяемыми, почти равнодушными. Трудно поверить, будто они трезво воспринимают утерю малыша только как неминуемый природный отсев, и не пытаются ему ничем помочь. Холодность птиц так обескураживает, что ты просто не в силах постигнуть их поведение.

Оправдать видимое равнодушие птиц имеет право сама природа, в которой оказывается место и для вполне объяснимой удручённости. Упавшие птенцы достаточно крупны, чтобы родители могли вернуть их обратно в гнездо, и последние, наверное, свыкаются со своей судьбой, и их давно уже ничего не тревожит. Как не тревожит журавлей неминуемая гибель одного из детей, менее развитого и слабого, и всю свою любовь они отдают самому выносливому.

И всё же становится не по себе от этой вынужденной смерти только народившегося на свет существа... Как будто кто-то предал его и остался незамеченным, а тебе надлежит к этому привыкнуть. Если такая привычка станет обычной, когда-нибудь ты недосчитаешься и своих детей.

Мало того, все дети с недоумением задают вопрос о том, почему взрослые убивают животных? Дети не в силах воспринимать совершаемое взрослыми зло против животных, как неминуемую данность, многое в них самих уже решено природой изначально, и тем не менее, дети вырастают и ... начинают охотиться.

Но убивающие живое существо, в сравнении с теми, кто ратует за отказ от этого, как ни странно, быстрее достигают спасительной истины, если при этом не устают мучиться и искать. Для того, чтобы понять суть существования и никого больше не убивать, человеку, оказывается, просто необходимо пережить недостающий духовный опыт, лишая жизни птицу или зверя. И именно им, не раз погрешившим против природы, надлежит рано или поздно распутать клубок собственных противоречий, отказавшись от её разрушения. Радетели же, ни разу не погрешившие против себя, чаще всего не приближаются к истине вовсе.

Желая, во что бы то ни стало, постичь тайну зверя или птицы, человек стремится приблизить их к себе выстрелом, но осознанности это не прибавляет. Если человек не в силах преодолеть своё незнание, ему всё ещё нравится убивать. Может быть, с луком и стрелами он выглядел бы более привлекательным, но изменится ли от этого суть?

Хлётко и неумолимо обрывая жизнь с помощью ружейного выстрела, человек только усугубляет впечатление от производимого насилия, безжалостно не оставляя себе и животным выбора. Он не в силах обойтись без надругательства над природой!

Впрочем, последнее слово всегда остаётся за человеком, постепенно вырастающем в своём ребёнке, и самое замечательное в лесу то, что он всегда, как бы глубоко ты не проник в его душу, остаётся незабываемой сказкой.

ЗАЙЦЫ НА ГУМНЕ

Зимняя ночь... Светит полная луна, мерцают звёзды, а в воздухе стоит морозный шорох. В такие ночи зайцы любят поиграть на гумне, затем дружно выбегают в поле и от души резвятся вокруг стога до самых утренних сумерек, пока небо не окрасит румяный восход. На снегу остаются только растрясённые пучки сена – излюбленное лакомство косых, которые с рассветом растворяются, как дымка, будто их и не было.

В общем-то, вполне простая и обычная для русской зимы картинка, но нужно невероятно много неустойчивости и терпения, чтобы подглядеть её, восприняв для себя как чудесную и незабываемую сказку.

ПОЛЯНКА

Полянка в лесу – важное жизненное пространство. Благоухающее и привлекающее к себе всё живое летнею порой, непритязательно увядающее осенью, полное загадок зимой, весной оно становится раскрепощённым и открытым, впитывая в себя все накопленные за год настроения, чтобы чуть позже отдать их цветам, травам, деревьям, воздуху и ... человеку.

ОСОБАЯ ТИШИНА

Весенняя ночь робко растворяется в сиплом вскрикивании совы, осенний рассвет – в слепом шорохе холодного дождя по опавшим листьям, летний день, кажется, не видим от копошащихся повсюду ароматов зацветающих трав и запёкшейся на солнце хвои, зимний же вечер с удовольствием застилает себе постель под еле угадываемый шёпот перемигивающихся разноцветных звёзд...

Лес жив своей особой тишиной, слагающейся из самых обыденных звуков, запахов и невидимых устремлений.

БЕЗМОЛВИЕ ЛЕСА

Безмолвие леса... Как оно прекрасно. И это безмолвие никогда не должно прекращаться. Тянется бесконечно, как океан, но не надоедает. В нём – такое же бесконечное переживание жизни, что ощущаешь только молча: молчание сохраняет энергию и приумножает её.

Для чего? Для постижения Бога и приближения к Нему. Во имя чего? Чтобы самому стать Богом. А потом? Сначала необходимо пройти этот путь в безмолвии, наполняясь божественной тишиной, потому что она нескончаемо благотворна.

Безмолвная божественная тишина... Невозможно не прочувствовать её вне нашего величественного ОТЦА-ЛЕСА, призванного мудро продлять её в человеке.

ЖИВЁТ ДУША

Весенний ветер развеет сладкое зимнее сновидение, взбудоражит сердце, и душа уже не находит себе места: она рвётся на волю, потому что молода.

Летом душа становится слегка самодовольной, ей нравится состояние достигнутой благости, она переполнена им.

Успокоиться душе суждено под осень, когда её накопленное богатство подёрнуто прелестной печалью. Душа уже узнала пределы жизни, поняла её суть, и от неё требуется только вдумчивая проницательность, которая присуща зрелости.

Зима может стать для души временем большого отдыха, но это и пора созидания будущих возможностей на пути её движения к лучшему, может быть даже – к непознаваемому.

Живёт душа своими потаёнными заветами, будто зная: каждое время года ей свою сердечную весть подаёт.

ТЕРПЕЛИВАЯ БЕРЁЗКА

Робкую и очень отходчивую берёзу, особо любимую за это в народе, между тем сложно обольстить временным теплом, и когда май с помощью своих чар настойчиво уговаривает дерево показать первые листочки, берёза не торопится распускаться. Не верит она ни ласковому ветру, ни соловьям, ни кукушкам, ни вальдшнепам, ни очаровательному обманщику-маю...

Терпеливо ждёт своего часа берёза, чтобы не разочаровать людских ожиданий. А уж коли берёзка наперёд опускается, то жди сухого лета!

ВЕСНА - ТВОЯ СУДЬБА!

Хорошо, когда можешь отыскать в себе настоящую силу, и самое подходящее для этого время – весна. Весной себя совершенно забываешь – как будто тебя и нет, но ты есть: просто ты так незаметно соединяешься с окружающей природой, что не чувствуешь собственного тела. Живёшь в единении со всем, летишь подобно весенним дням, и ни о чём худом не помышляешь. Только радость окутывает тебя, сладость чудесных песнопений, восторг и благолепие.

Хорошо весной не замечать себя, а жить одной этой порой. Сливаешься с весной и становишься единым с ней по торжеству утверждающегося духа. Полниться до краёв весною – твоя судьба!

СЫРОЕЖКА

Мякоть сыроежек необыкновенно чиста и опрятна, но более трогательна их неизменная белизна, с которой не сравнится даже царственный белый груздь.

Берёшься за такую ножку с особой нежностью, стараясь не надломить её, а если всё-таки нарушишь гриб, в нос тотчас ударит тонкий аромат его хрупкой плоти, так что невольно поднесёшь ко рту отломившийся кусочек, легонько вдохнёшь его пряный дух и ... съешь.

Недаром название самого распространённого гриба русского леса – сыроежка!

ВЕСНА!

Весна... Белые осевшие поля ещё не перечёркнуты коричневыми проталинами. Санные дороги чернеют осыпавшимся с возов сеном и навозом. Краснеют по оттаявшим кустам тальника надутые снегири.

За окном то и дело прочерчивают воздух носатые вороны, без устали свербят вездесущие сороки... Густеет от влаги воздух, в котором мгновенно сыреют крыши и стены домов. Всё как будто замерло в ожидании прилёта первых птиц, которые окончательно разбудят этот сладкий зимний сон. Весна!

ГЛАЗА ПТИЦЫ

Сколько раз приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и

одет в невзрачное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча.

Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

ЧУДО БАБЬЕГО ЛЕТА

Когда осень окончательно вступает в права, и на короткий миг одаривает всех чудом бабьего лета, многие травы и цветы в эту пору не уступают по яркости окраски летним нарядам: земляничник становится пунцовым, багульник – бронзовым, голубика – фиолетовой, толокнянка – пурпурной, черничник – ярко-красным, ивовые листочки багровеют, на них высыпают лиловые крапинки, и даже стебель почти увядшего зверобоя неожиданно зардеется в этой раскрасневшейся от удовольствия компании!

КРАЕШЕК СВЕТА

Зимою часто попадаются на глаза небольшие дырочки в снегу... Идёшь не спеша на лыжах, посматриваешь вокруг, а вдоль лыжни то и дело возникают неприметные отверстия. Бывало, остановишься и, присев на корточки, разглядываешь внимательно: кому это отверстие может принадлежать? Ясно, что маленькому грызуну – мышке-полёвке или бурузубке, но вот зачем зверьку выбираться в мороз на поверхность, оставляя свои тёплые кладовые, заготовленные ещё с осени, не сразу разберёшь...

А оказывается, мышка время от времени выглядывает посмотреть: ночь наверху или день, и скоро ли зиме конец? Очередной снегопад завалит выходы, заметёт всё вокруг, а под утро глядишь – опять виднеются тут и там аккуратные углубления-оконца... Не сидится мышке под снеговой периной, хочется поскорее краешек света белого увидеть, что для неё - милая отрада!

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

В народе говорят: Бог не только людей, но и листьев на дереве не уравнивал, не то, что их облик, и даже облетевшие с деревьев листочки сохраняют своё лицо, приобретая, к тому же, ещё что-то новое. Берёзовые напоминают маленькие рысиные шкуры, ирги – словно аккуратные монетки, засветившиеся изнутри золотистым жизненным соком, осиновые – бушующие пламенем сердца и души, тополевые – просто выкрашены жёлтым цветом, черёмуховые же почему-то не докрашены, а ясеневые – широкие, с тёмно-зелёными грязноватыми боками – принимаешь за чёрные грузди.

Только наклонившись, убеждаешься в неподражаемой осенней игре опавших листьев, которую они ненавязчиво и тихо затевают, а если лист доволен, так и грядущий год выдастся добрым и удачливым!

ДОБРАЯ НАРОДНАЯ МОЛВА

Ходишь годами каким-то одним лесным местом и никогда даже не помышляешь встретить здесь волков. Место это ты всегда воспринимаешь только как рябчиное или беличье. На худой конец – грибное. Но никак ни волчье.

И вот однажды, каким-нибудь глухим декабрьским вечером или под хмурое утро, натолкнёшься в лесу на тропу, оставленную недавно прошедшей стаей, и тропа эта войдёт в тебя словно осиновый кол. Взбередит в душе всё, что ты знал об этих зверях, напугает, отчего вдруг мысленно перекинешься в такого же хитрого и кровожадного волка, ровно, как оборотень-ведун...

Вспомнишь тут, что в народе издавна сказ идёт, как в самую непроглядную ночную тьму выбирается такой ведун в лес, перекидывается через старый осиновый пенёк и превращается в волка. Всю ночь он своей неуязвимостью и нахальством потешается, безжалостно людям сердца, якобы, выедавая, а под утро оборачивается вновь в человека, и ведёт жизнь неприметную, праведную. Ни за что не разобрать изворотливое обличье злыдня, коли только не решишься в полночь проследить за ним, да воткнуть в тот осиновый пенёк нож булатный. Оборотень тогда до окончания века своего останется зверем, рыскающим по лесу, но только не переходи ему дорогу, не искушай злую судьбу.

Это не тот волк, которого люди пророчили вместе с медведем, жидом и девкой с полными вёдрами к доброй встрече. Не дай Бог помянешь его про себя, а он уже тут. Вот когда придётся выть тебе по-звериному за свой недогляд и простоту, как никто понимая поговорку про то, что нужно верить волчьим слезам! Оборотню же доверять можно только убитому.

Недаром между людьми опрокидчивые сани, телегу или какой кузов оборотнями звали. Своевольный декабрь вместе с народной молвой о зловещем волке-ведуне исподволь зиму поторапливали, скорого её разрешения желая.

Перед самым Новым годом за деревней костры жаркие растапливали, да снежных баб в огонь бросали, чтобы отступала зимняя темь от человеческого жилья, а жизнь на добрый лад поворачивала. Ведь декабрь, говорили в народе, старый год кончает, новому – дорожку с радостью и счастьем стелет, после чего тоже захочется пожелать и себе, и нашему чудесному декабрю, и всему русскому миру с его доброй молвой крепкого душевного здоровья!

КОГДА ТЫ СПОСОБЕН ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ КЕМ УГОДНО

Иной раз так устаёшь, что только в лесу постигаешь, как надоело тебе быть человеком... Вот бы, думаешь, взвиться звонким жаворонком в высокое июньское небо, или же обернуться матушкой-совой, что бесшумно и вольно парит в сумерках над укромною опушкой. А ещё хорошо почувствовать себя красавцем-шмелём, озабоченно перелетающим с цветка на цветок и, тем самым, поддерживая течение жизни. Кем угодно из лесных обитателей готов ты себя вообразить, хоть на мгновение желая забыться!

Но проходит какое-то время, и грудь твою начинает теснить неизъяснимое чувство растерянности, а затем и вины: как мог ты отказаться от всего человеческого во имя звериного, если и так способен почувствовать себя кем угодно?!

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНАЯ СОРОКА

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неутомимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, предупреждая всех о происходящем. По сорочьему стрёкоту можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось, хитрая лисица или перепуганный заяц.

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, которая увлечённо шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую сорочью трескотню. Сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего её волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала, вздрагивая всем телом, и взхлёб оглашала округу возбуждённым стрёкотом. Сорока была так увлечена, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках, роняемых неугомонной птицей, угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал и переживал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась ... глухарина песня, вернее, её поразительно точное подобие, с присущими глухарю переходами, непередаваемым пощёлкиванием и самозабвенным течением. Сорока, охваченная страстью преследования, непроизвольно, может быть даже под воздействием этого самого волнения, передавала когда-то уже слышанные в лесу звуки, причём, хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках. И в какой-то миг показалось — это сам глухарь огласил округу неподражаемой трелью, холод куда-то постепенно отступил и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился.

ВСЕОБЩИЙ ПРАЗДНИК ЛЮБВИ

Ещё с ночи из леса стал доноситься какой-то неясный шум: это лопались переполненные жизнью почки, словно зазывные сваты восторженно перешёптывались между собой, еле сдерживая себя, о чём-то совещались, а потом весь день молоденькие берёзки, осинки и черёмушки, подобно невестам, одевались прямо на глазах в светлые одежды, и тоже еле слышно радовались счастью, распространяя вокруг живительный аромат. Так, незаметно, неясный трогательный шум постепенно превращался в зелёный неудержимый гул всеобщего праздника любви...

НЕИЗБЫВНАЯ БОЛЬ

Бывает, душевные мучения за лесных обитателей одолевают тебя больше, чем за окружающих людей. Боль не отпускает, даже когда ты покинул лес, и уехал от него за много километров в город: переживания тем острее жгут твоё сердце, чем дальше ты уходишь.

Так, однажды испытывал я муки за барсука, удушенного в петле охотниками... Не один год наблюдал я за ним, встречал в весеннем ночном лесу, на глухаринном току, шёл по первым грязным отпечаткам его когтистых лап на сыром апрельском снегу, и стоял прямо над норой, в седых глубинах заснеженного января, с трепетом ощущая дикий звериный сон...

Снег тогда крупными хлопьями неслышно валил с невидимых небес, мягко укутывая землю, и было мне так, будто барсук знает, что я нахожусь рядом с ним, почему-то доверяет мне, и оттого ему ещё слаще преодолевать в своих снах добрую зиму. А вот теперь я никак не могу взять в толк, что барсука нет, навечно нарушены нехитрые зимние сновидения милого зверька, и сердце моё никак не может успокоиться, преодолевая неизбывную боль.

ТРОГАТЕЛЬНОЕ УСТРЕМЛЕНИЕ ОСЕНИ

Подступает осень, и ты невольно задумываешься о том, что самое трогательное устремление неминуемо увядающей поры – не тлен, а желание вернуться к чему-то, что на этот раз, кажется, не разрешилось, но на будущий год непременно получится, и будет намного лучше.

ТЯСОГУЗКИ

Из всех птичек, что радуют нас по весне, трясогузки – самые бойкие... Именно они безбоязненно присаживаются на крыльцо лесной избушки, то и дело заглядывают вовнутрь, вздрагивая хвостиком, поправляют на груди чёрный галстучек и, быстро склонив головку набок, посверкивают бусинками-глазами.

Молниеносно оценив обстановку, птички никогда долго не задерживаются на одном месте, и устремляются дальше, невидимо семеня крохотными ножками, ловко ныряя из стороны в сторону и до того настойчиво попискивая, что, кажется, вот-вот вскрикнут: мы очень неустрашимые и смелые, но почему же тогда такие маленькие?!

ТРИ ВОПРОСА

Чаще всего люди озадачены тремя вопросами: в чём заключён смысл жизни, её счастье и сила? Сила сосредоточена в самой себе, как производное твоих собственных душевных устремлений, но она непременно должна расти и нести правду. Счастье – в правде, которую ты чаще всего находишь для себя и людей в окружающей тебя природе. А смысл жизни – великое таинство, и отыскивая его, невозможно миновать на этом пути Бога, потому как открывая Его в своей душе, ты и сам становишься божественен, без понимания чего никогда не познаешь вкуса существования, смысл которого – в переживании радости, как это и происходит в природе, в нашем чудесном лесу, и нет на свете ничего прекрасней этого удивительного переживания, когда именно в окружении дикой природы ты ощущаешь себя как в родном краю.

ПОДАРОК

Густо заросшей вырубкой неспешно проследовал куда-то гигант-сохатый, развесистыми рогами ненароком задел на ходу осинку, и обломившаяся на морозе хрупкая веточка отскочила с треском, воткнулась в розовеющий на закате снег, а выбежавший ввечеру на поедь зайчишка напугался поначалу, встал столбиком, наострив длинные уши, но успокоившись, повёл усами и принялся с удовольствием обглаживать отломившуюся веточку...

Вкусна на морозе осинка! Спасибо за подарок великану-лосю!

СВОБОДА

Свобода – это когда тебя ничего не сковывает, ты обрёл в себе Бога, заложенное Им в тебя божественное сознание, развил его, и значит, живёшь осознанно, то есть – радостно и свободно. Но невозможно не ощущать себя свободным в нашем лесу, где всё проникнуто свободной волей, и её нужно лишь почувствовать и принять.

ЧУДОДЕЙСТВЕННАЯ НЕПОДВИЖНОСТЬ

Если какое-то время неподвижно постоять в лесу, то вскоре птицы и звери перестанут тебя замечать. В большинстве случаев они, конечно, видят человека, но принимают его за неодушевлённый предмет, относясь с каждым разом всё менее осторожно. А может быть, не теряя из поля зрения, они умеют просто не обращать на тебя внимания, продолжая заниматься своими делами, если твоё нахождение рядом не вызывает у них беспокойства.

Но закон этой чудодейственной неподвижности, позволяющей заглянуть в мир леса, действует не всегда и не со всеми его обитателями. Иногда приходится прилагать огромные усилия, прежде чем приблизишься к тайне и ... опять окажешься в вынужденной неподвижности.

ЖЕЛАННОЕ ОКОНЦЕ

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле – просыпающаяся земля, а в мае – напоённый жизнью воздух, что становится всеобъемлющим, многоликим. И так, улыбка за улыбкой, как по ступенькам, всё радостное в природе возносится в голубеющую над лесом даль, и распахивает перед тобой желанное оконце...

МОЙ ЗВЕРЬ

Сколько лет хожу в лес, а никогда не задумывался: если бы мне суждено было жить в нём зверем, то каким? Долго думал, всех животных перебрал, и понял, что не заяц я, не волк, не медведь, не лось и не рысь, не колонок и не бобёр. Засомневался даже не на шутку: да есть ли, вообще, в лесу такой зверь, что, хоть отчасти, напоминает меня? И вдруг, неожиданно для себя, остановился на барсуке...

Так же, как барсук, брожу я, бывало, по ночным чащобам, натыкаясь на корни, стволы и камни, что-то ищу. Очень не люблю, когда другие бездельничают и, ещё того хуже, незаслуженно присваивают себе твой труд, подобно лисе и енотовидной собаке, что бессовестно занимают в отсутствие барсука его нору. Основательно и с удовольствием работаю, стараясь обустроить своё жилище как можно уютнее, со вкусом.

Барсук предусмотрителен: в отнорках, прорытых им к выходам из основной камеры, он всегда оставляет земляные перемычки: их не в силах будут преодолеть его враги, а сам он очень быстро окажется на свободе. Так и у меня: не продумав тщательно свои планы на будущее, я не чувствую в полной мере обаяния жизни. А ещё я, как и барсук, достаточно чистоплотен и люблю порядок: в доме моём нет ничего лишнего, только самое необходимое и дорогое.

Так, поняв, наконец, кто я в лесу, ещё ближе стал для меня этот симпатичный зверь, а на душе сделалось легко и свободно, будто и в самом

деле все животные признали меня своим: трудолюбивым, обаятельным и мудрым затворником нашего родимого леса.

ДОБРОЕ СОСЕДСТВО

Вот уже шесть лет прилетают ко мне в огород хорошенькие птички – горихвостки... Имя это они получили благодаря огненному подхвостью, при взлёте на мгновение вспыхивающему оранжевым теплом, в воображении унося тебя вслед за ними неизвестно куда. Неизменно прилетая каждый год, горихвостки приносили радость и успокоение своим маленьким присутствием. С ними было хорошо и надёжно жить, каждую весну ощущая их доброе соседство.

С начала мая вездесущие птицы принимались за строительство гнёзд и материалом для них выбирали волокна пакли, выбивающиеся между брёвен дома. Цепляясь тоненькими коготками за выступы в бревне, одна птичка вытягивала клювом пух из пакли, а другая обрывала его, и вместе они уносили добытое в гнездо. Слаженность и сообразительность в совместной работе этих крохотных существ поражали...

Спрятавшись за стеной дома, у окна, я с интересом наблюдал за птичками и не мог надивиться. Очаровательные горихвостки и их сплочённое поведение представлялись мне чем-то совершенно невообразимым, и было совсем не жаль того тепла, которое они немилосердно воровали у меня прямо из-под носа.

ИНТЕРЕСНАЯ ПРИВЫЧКА

Заяц – удивительно обаятельный зверёк. Даже добытый на охоте, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы. Всё кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит. Отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, своего рода привычка, как способность рыть в мартовском, порядком уплотнившемся снегу глубокие норки.

Где-нибудь под охорашивающейся ёлочкой, в глубине леса, выбирает косою приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело, замирая и озираясь, смешно шевеля розовым влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не заметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть ли не ложась на живот и прижимая длинные уши к спине.

Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступивших в природе крепких утренников, что откровенно оголяют и без того малозащищённую заячью жизнь. По привычке заяц живёт, и отвыкать от неё не намерен!

БЕРЁЗОВЫЕ ПОЧКИ

Встречи с людьми в лесу всегда редки и интересны, потому как лесной человек необычен сам по себе. Он в лесу всегда не случаен. От него веет какой-то самобытностью, особым взглядом на жизнь и добродушной лукавинкой, с которой он не без удовольствия поведает о чём-нибудь очень важном, о том, что непременно поразит даже самое избалованное воображение.

Такая встреча тем более любопытна весной, когда в лесу нет ни ягод, ни грибов, да и охота запрещена. Мой старичок собирал в апрельском лесу ... берёзовые почки.

По его словам, примерно в последнюю неделю перед сходом снегов почки берёзы становятся клейкими, их можно обирать и затем сушить в полутёмном месте. Почки подсыхают, но не теряют своей клейкости. При больном горле они тщательно пережёвываются, а образовавшийся в результате этого сок время от времени сглатывается. Вкус горьковатый и не совсем приятный, но эффект поразительный: на следующий день воспаления как не бывало!

НЕПОСТИЖИМОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ

Ничто в ночном лесу не завораживает так твоё восприятие, как неведомые шаги... Кажется, что вот-вот развернется перед тобой темнота и мохнатой тучей навалится на тебя ни медведь, ни волк, а нечто непонятное, непостижимое. И ты с замиранием сердца ожидаешь этот страшный миг, и не замечаешь, как сам превращаешься в неведомого лесного гостя...

Шаги же, приблизившись вплотную, неожиданно истаивают, будто их и не было, и ты сразу понимаешь, что это нечто непостижимое уже прикоснулось к тебе, и ты стал в ночном лесу своим.

ГЛУПЫЙ СНЕГ

Перед наступлением сумерек белый снег незаметно окрашивается в розовый, с заходом солнца – в голубой, в надвигающейся темноте – в сиреневый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый. Под утро он опять перевоплощается в синевато-лиловый, с таинственной бирюзой, и только к полудню оборачивается, наконец-то, самим собой: восхитительно белым, восторженным и немножко глупым.

БЕЗ ТЕБЯ

Покидая лес поздней осенью, всегда странно и даже как-то неловко представлять, что все деревья и кустики останутся здесь без тебя до самой весны, и всю эту долгую пору будут мёрзнуть на стылом северо-западном ветру...

АПРЕЛЬСКИЕ ДОЖДИ

Апрельские дожди так неподражаемо шелковисты, чисты и, кажется, недвижимы в насыщенном влагой весеннем воздухе, что в них хочется так же неподражаемо чудесно замереть и не дышать.

БОСОНОГАЯ ДЕВЧОНКА

Может быть только в самом своём начале весна предстаёт умудрённой, добропорядочной хозяйшкой, в остальное же время она – веснушчатая босоногая девчонка, за которой хочется бежать, не чувствуя ног!

СЛЕДЫ

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу так неожиданно остро волнуют сердце, что хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого толстоусого зайца или ослепительно огненную кумушку лису, и ни о чём другом не думать.

ТАИНСТВЕННАЯ ОСЕНЬ

Поздней промозглой осенью, когда в жизни у тебя, кажется, ничего не ладится, ты почему-то по-особенному остро начинаешь воспринимать хмурые лесистые холмы и молчаливые речные долины, замечаешь, как чёрен и гол становится лес, и как он растерянно сквозит своей неприкаянной наготой в туманных разреженных далях... Настроение твоё невольно следует за еле угадываемой тенью, что оставляет после себя таинственная осень, и постепенно ты обнаруживаешь, что причина твоего невезения вдруг незаметно улетучивается, бывшие неудачи уже не донимают душу, и ты только радуешься возможности переживать запахи и звуки этой уходящей поры, в которой лес вспыхивает напоследок яркими шапками ещё не опавших деревьев, а воздух становится ароматен и свеж.

НЕБЕСНЫЕ ЦВЕТА

Занятно наблюдать, как у горизонта постепенно теряет свои краски весеннее небо, а вскоре, будто перевернувшись в себе самом, подобно песочным часам, вновь наливается живительным светом. Из пронзительно зелёного, небо становится сине-розоватым, с кремовыми переливами и мягким радужным блеском. Затем – бледно-жёлтым, даже - дымчато-лиловым, неуловимо перетекая в фиолетово-чёрный цвет. И вдруг - опять, с нарастающей быстротой, как только что выдудое стекло, всплывает на востоке напряженным и зелёным, очень густым, с белеющими в вышине зёрнышками предутренних, чуточку уставших за ночь звёзд. Всё в эту пору желает радости, счастья, и даже небесные цвета торопятся жить.

ВОЛЧЬИ ГЛАЗА

Трудно поверить, но однажды, в пасмурную осеннюю ночь, мне почудилось, будто волчьи глаза, на мгновение вспыхнувшие аметистовыми огоньками где-то впереди, отражают в себе всё звёздное небо, темноту, лес, и вместе с ними мою обыденную растерянность, а потом – убеждённость, что такой ночи уже никогда не будет.

ОБАЯТЕЛЬНЫЙ ДЕКАБРЬ

Декабрь, пожалуй, самый обаятельный зимний месяц, и хорош он ожиданием новогоднего праздника, после которого начинается иная, кажется, менее интересная жизнь... Ещё у декабря есть молодой, не обременённый собственной тяжестью, снег, и его радостный блеск, и удивительный перламутровый цвет, и сказочный покой.

ОПЬЯНЯЮЩИЙ ПОТОК

У осени запах горьковато-пряный, зима уже благоухает только что надкушенным яблоком, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом лопающихся почек и обламывающихся сосулек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, что смешиваются в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно...

СУРОВЫЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Когда задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвётся или свирепеет, а хочет допроситься до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою истрадавшуюся

душу и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем нежным.

ЧТО-ТО БЛИЗКОЕ И РОДНОЕ

Весной потеряешься душой где-то на пороге её тайны, отупело бродишь в лесу, вдыхаешь его берёзовый дым, и даже боишься поверить, что скоро спадёт с тебя бремя нескончаемой зимы и в сердце проснётся, наконец-то, что-то самое долгожданное, курлыкающее, бесконечно близкое и родное...

МАЛЕНЬКИЙ КОРАБЛИК

Поздней осенью, когда она, кажется, позабыла саму себя, лес полностью облетел, душа ни к чему не лежит, и неукротимая сила жизни, что обычно так безотчётно манит вдаль, уже не одолевает твоего сердца, тебе вдруг приснится большой странный сон про молчаливо бушующее море, белые гребни волн до самого горизонта и маленький кораблик, который захлёстывает яростный ветер, огромные валы бросают его в бездонное чёрное пространство, а он остаётся неустрашим!

ВОЛШЕБНЫЙ МАЛЬЧИК

Только весной, в апреле, рождается во мне волшебный мальчик, который всю оставшуюся весну и лето с восхищением встречает каждый день. К осени он незаметно подрастает, успокаивается, а перед зимой и вовсе исчезает.

Каждый год стараешься не пропустить - куда же он подевался, но неизменно отвлекаешься и упускаешь до будущей весны уже никем не замечаемую пропажу.

КОГДА ЦВЕТЁТ ЧЕРЁМУХА

Вот уж кто по весне не бережёт ничего для себя, так это раскрасавица черёмуха! Ароматная яблонька – майская невеста, что сама себе на уме, роскошная с виду сирень – на деле замкнута и скупа, а вся салатная свежесть берёзы, липы, ивы и ольхи подолгу как будто что-то выгадывает, прежде чем распуститься во всей своей красе.

Когда цветёт черёмуха, великодушно расточая свой душистый аромат, вся земля царствует, предвкушая богатое лето...

ЖИВОЕ ВРЕМЯ

Весенний день, словно молодой породистый рысак, полон огромных сил, способный одолеть всех, с кем только можно потягаться; лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет; осень склоняется над тобой повидавшей виды умудрённой женщиной, нащёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь её слушать; зима вдруг наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон...

Все времена года – живые, они играют с тобой, одолевают сомнениями и делятся знаниями, обогащают, в чём-то ты даже чувствуешь себя с ними обездоленным, но продолжительность этого чуткого существования не прекращается: последовательно осень сменяет лето, а весна – зиму, и сила этого неизбывного времени окрыляет. Так и хочется вместе с ним развиваться, становиться сильнее, и ты расправляешь крылья и летишь: время за тобой, время перед тобой, а при тебе его нет. Весь ты переполнен насыщенной жизнью, когда хочется жить так, как душа твоя божественная велит. Живое время, время радостных приключений и открытий!

ГОРИХВОСТКИ

Долго я искал у себя в огороде гнездо горихвосток, которые прилетали каждый год, и всё мне не везло. И чердак осмотрел, и сеновал, и баню, и дровяник, и даже на старую черёмуху забирался: всё напрасно. Горихвостки, неизменно прилетая в мае, жили в непосредственной близости от меня, питались насекомыми только в моём огороде, вытаскивали из пазов дома паклю на строительство и укрепление гнезда, но никак его не объявляли. Внешне – доброжелательные и неприхотливые, они были очень скрытными птичками, и им ловко удавалось провести меня.

Однажды, обкапывая по весне яблони, я вдруг заметил на проводах, в двух метрах от угла крыши дома, самца горихвостки с жирной личинкой в клюве... Казалось бы, он должен спешить с кормом к самке, высиживающей птенцов, или к самим птенцам, а самец не торопился: что-то, похоже, тревожило его, и он беспокойно крутился на месте, не желая залетать в гнездо. Я прекратил копать и, замерев с лопатой, стал наблюдать: решится самец нырнуть в гнездо, которое явно находилось где-то под карнизом?! Но самец терпеливо ждал, по-видимому, остерегаясь, что я узнаю местонахождение птенцов и самки.

Тогда я решил усыпить его бдительность и потихонечку начал удаляться в сторону. Самец тотчас встрепнулся, вытянул шейку и юркнул под карниз, наконец, обнаружив своё убежище. А всего-то нужно было подсмотреть направление перелётов предусмотрительных птичек, что позднее использовал я в отыскании глухариных токов, подмечая, куда глухари устремляются под вечер и откуда слетают на кормёжку утром. Так, благодаря

крохотным горихвосткам, обрёл я важное лесное знание о больших и таинственных птицах.

С ВЕЛИКОЙ БЛАГОСТЬЮ В ДУШЕ

В каком-то удивительном согласии выходят у меня отношения с яблонями, которые я каждый год сажаю в огороде, и всегда этому сопутствует какое-либо приятное знамение...

Грянет первый раскатистый гром, завоются по лужам пучеглазые лягушки, скворцы вдруг запоют у самого дома так азартно, порывисто, что почувствуешь, как это им важно, а то за одну ночь вся южная сторона сада распуснется ароматными крупными подснежниками. И ты после этого уже не сомневаешься: этой весной тебе не обойтись невинным романом...

Яблони же незаметно тянут ветви к небу, распускают нежные листочки и, наверное, радуются вместе с тобой возможности жить, чувствовать и любить, с великой благодатью в душе, как и ты, осознавая себя частицей этого чудесного мира.

ПРОВОРНАЯ ЛИСА

Лиса - полуночный ловкий вор, и это ремесло составляет её лисью суть. Как и любой другой зверь, она всё время занята собой. Особенно, когда выходит на охоту до лакомых для неё мышей: их писк она угадывает под снежной или земляной толщей.

Сколько раз приходилось мне находить глубоко вырытые ямки по опушкам укромных лесных полян или полей! Всунутая в них рука обычно не достигала дна. Невообразимо, как лисе, имея довольно внушительное тело и короткие лапы, удавалось проделывать подобное?!

У всякого Мирона, как говорится, свои приёмы: имеются они и у Патрикеевны, по которым её только и знают. Проворная лисонька кого угодно собьёт с толку: у неё всё ловко!

Не зря лиса почти никогда не попадалась мне на глаза. Её оранжевый хвост, возбуждённо вскинутый кверху, озарял лес своей красотой только в моём воображении. Но как приятно было однажды действительно заприметить чудесного зверя, безоглядно охваченного поиском добычи!

В какой-то миг даже показалось, что всё увиденное - плод фантазии, так искренне ты был предан лесному царству, но видение не исчезало. Незъяснимая радость от соприкосновения с лесной жизнью захватила мою душу: ощущение было такое, что ты - частица этого удивительного мира, а яркая картинка с мышкующей лисой ещё долго тешила разыгравшееся воображение.

Видимый образ огненной лисы до сих пор стоит у меня перед глазами, и я никак не могу избавиться от ощущения, что лиса жива, она как будто даже рада от того, что тоже ободрила меня своим красивым присутствием, вселяя

уверенность, что я тогда не зря её увидел. Всякая лиса, конечно, собой красива, и хвост свой хвалит, да только не по красоте ей слава, а по сноровке!

НЕВИДИМЫЙ ПОВОРОТ

В природе важен какой-то маленький невидимый поворот, без которого и вода освободилась ото льда, и земля покрылась травой, и деревья оделись листом, а услышишь ли первый весенний гром – неизвестно.

Бывает, уже к середине мая с раннего утра задастся такой крепкий утренник, что, кажется, снежная корка выдержит лошадь с упряжью и телегой, затем стылый северняк насеет по дороге крупы, разбросает её повсюду, но к полудню что-то неуловимое в воздухе повернёт на тепло, воздух как будто тронется, и, к всеобщему удивлению, из-за леса донесутся отдалённые раскаты грома.

А потом, прямо сквозь солнце, вдруг просыпется светлый радостный дождь, и всё вокруг оживёт. Тесно становится весне, и она совершает поворот у ворот на добрую жизнь!

НЕСКОНЧАЕМАЯ ТИШИНА

Представьте, что все звери и птицы решили отомстить человеку... Как они это сделают?

И звери, и птицы, наверное, просто покинут человека, оставив его наедине со своими недалёкими мыслями и устремлениями. Птицы лишат человека крыльев, а звери – пронизательности и чутья. Им незачем будет возвращаться в предопределённую для них человеком несвободу. И звери, и птицы скорее предпочтут ей неведомую лесную глубину.

А что же деревья? Неужели они, лишённые возможности двигаться, так и останутся беспомощными и будут вынуждены терпеть? Может быть, их вершины просто перестанут шуметь, и эта отрешённая затаенность деревьев отзовется в сердце растерявшего себя человека нескончаемой тишиной...

ПЕРВОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Первое предчувствие весны – это ещё не природные весна света и воды, а тиснёные томики Аксакова, Пушкина и Мамина-Сибиряка, с трепетом перелистываемые глухим декабрьским вечером, у разгорающейся печки, когда чувство природы и её будущие ароматы заменяет запах слипшихся глянцевого страниц.

СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ

Кому хоть однажды довелось оказаться зимой, под Рождество, в омшанике, и послушать через резиновую трубочку, вставленную одним концом в леток, как ведут себя в эту пору пчёлы, для того холодные звёзды в морозной вышине роятся по-особенному торжественно и празднично, а будущая жизнь представляется только счастливой.

ЖЕЛАНИЕ ЖИТЬ

Скребётся в углу лесной избушки мышь, на столе вздрагивает неровным пламенем старенький огарочек свечи, а вверху надтреснутого окошка посверкивает недостижимая зелёная звезда... Кажется, ничего особенного не происходит, но от всего этого переживаешь в себе невероятную приподнятость и сильное желание жить.

ДРАГОЦЕННАЯ ТАЙНА

Каждый день – удивительно трогательная и упорно не замечаемая нами драгоценность. Чтобы понять это, стоит хотя бы однажды, с самого утра, понаблюдать за происходящим в природе. Заниматься этим лучше в деревне.

Никуда не спеша, следить в окно за тем, как уютно утверждается над землёй свет, и как радостно начинают сиять снега. Как неуклюже и чинно вышагивает в валенках по своим неотложным делам деревенский народ. Без усталости «летают» в переулках собаки, завидев малейший для себя интерес. Как безропотно замерли в остановившемся предвесеннем воздухе веточки тополей, рябины и сирени. Изжёлта-розовое солнце то меркнет за пухлыми облаками, то вновь озаряет умиротворённый крестьянский быт. Всё так трепетно, доступно, что кажется: вот-вот приоткроется тебе смысл этого удивительного природного порядка.

Но тщётно... Внимание ненароком проскальзывает мимо этого смысла, и на следующий день всё повторяется снова: и воздух, и спешащий по делам люд, и собаки, и солнце, и собственное умиление всем происходящим. И так, целый замечательный день: вспыхивая и затухая, незаметно и неизменно протекает он мимо не дающей покоя драгоценной тайны в этом сладостном зимнем времяпрепровождении...

И всё чудится, что обязательно поймаешь убегающую суть простого и прекрасного бытия. Но близится вечер, а ты по-прежнему охвачен неясной игрой, от которой так же, как и утром, получаешь скрытое наслаждение, и всё же, к концу дня, только лёгкая усталость опять начинает донимать твоё взбудораженное приятными размышлениями сердце. День иссяк, и тебе нестерпимо жаль его утекающие краски, запахи и звуки... Что-то принесёт завтрашний?!

ПОД ХОЛОДНОЙ ЛУНОЙ

Лунные ночи тревожат сердце: они почему-то оказываются мучительными для человека. По ночам от мороза трещат стволы и лопаются ветки. На чёрном, скованном звёздами ночном небе безмолвно светит, словно начищенная снегом луна. Кажется, что мороз от её света становится ещё крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным. Он старается не думать об этом, преспокойно забываясь в расслабляющем тело и мысли тепле. А тем временем, под холодной луной, выходит к своей потаённой жизни из глухих буераков зверьё. Лесные обитатели живут не по-нашему: обедают по ночам, днём же таятся...

Зверей не страшит блуждающий лунный свет. Он зачарованно манит их к себе и не даёт уснуть. Звери не умеют думать, и только стремятся утолить неотступно настигающее их под утро чувство голода. С робким зарождением дня жизнь в глубине леса уже почти не сопротивляется смерти...

ЛЕСНЫЕ РУЧЬИ

По-особенному прозрачны осенью лесные ручьи... Вода в них, кажется, недвижима, и на дне виден каждый камешек, пропускающий сквозь себя свет и мудрость окружающего его пространства. Неприметные тихие ручьи – глаза леса, что проникают в душу любознательного человека, и благодаря им он прозревает.

РЫЖАЯ ИГРУНЬЯ

В шляпке переросшего белого груздя скапливается обильная дождевая влага... Она переливается в лучах скупого осеннего солнца, и часто привлекает белку.

Ловко примостившись на краю гриба, белка жадно запивает чистой водой семена еловых шишек или кедровых орешков. Хорошо, вольготно жить рыжей игрунье в благодатном октябрьском лесу!

НА ПОРОГЕ В ВЕЧНОСТЬ

У самого края высокого обрыва, будто на пороге в вечность, растут величественные сосны, и так отрешённо тянутся оттуда в небо, что проплывающие над ними облака даже останавливаются в своём движении, в восхищении вглядываются и чутко прислушиваются. Величественное устремление могучих деревьев настолько увлекает их, что облака, наверное, не знают: в какие заоблачные дали им ещё плыть?!

ЕНОТКА

Водится в наших лесах довольно странный, совершенно неприхотливый и как будто замкнувшийся в непонятной для самого себя жизни зверёк – енотовидная собака, или, как его ещё называют старые лесовики, «енотка». Целый год он не показывается на глаза, ведёт жизнь замкнутую, потаённую, и вряд ли кто вспомнит о его существовании, пока он сам себя не объявит. Но с началом зимы, пока снежный покров не установился, вдруг повстречаешь в лесу блуждающий след и задумаешься: кто бы это мог быть?

След обычно неожиданно вывернется из-под какой-нибудь корчажки и петляет между деревьями, тычется ко всякой, мало-мальски приметной валёжине. Неведомый зверь словно ищет – сам не зная что, но найти никак не может, и всё плутает, плутает по лесу, пока не натолкнётся на более-менее приемлемое пристанище. Это может быть куча хвороста, старый пенёк-выворотень или своеобразный хвойный шатёр, образовавшийся из нижних разлапистых веток ёлки, придавленных к земле снегом. В таком уютном домике енотовидная собака может провести всю холодную пору, пока её кто-либо не потревожит или не наступит сильная оттепель. Случается, что енотка может обосноваться и в старой барсучьей норе...

После хорошо знакомых следов куницы, рябчика и зайца натолкнёшься на этот непонятный, теряющийся в снегах след, когда уже и позабыл о существовании редко встречающегося зверя, пойдёшь по нему, да незаметно увлечёшься и заплутаешь... Долго потом не можешь опомниться: отчего ты так же, как и этот зверь, чего-то ищешь в лесу и никак не можешь отыскать?!

ТИШИНА

Тишина в лесу бывает разная... Если переговариваются деревья и птицы – это естественно, и тишину не слышишь. Она незаметно приходит к тебе с долгожданным ожиданием обыкновенного чуда.

Случается, тишину замечаешь лишь тогда, когда всё вокруг замирает, как перед непогодой, и от этого начинает звенеть в ушах. Такая тишина настораживает, она полна необъяснимых желаний...

Но иной раз тишина открывается трепетным и тонким чувством, которое неожиданно охватывает тебя и не отпускает. Хорошо тогда вслушиваться в удары растревоженного этой тишиной сердца, жить и мечтать о счастье для всех людей.

Ещё тишина может быть задумчивой, как осень, а зимой – самозабвенной. К весне же она становится по-настоящему пронзительной, и хочется звенеть в ней восхищённым зябlichem или жаворонком. Любая тишина только и ждёт, чтобы её услышали, прониклись её мудрым присутствием и поблагодарили за подаренные радость и покой.

ЛЕСНОЙ ПОРЯДОК

Медведи-сеголетки, в народе их ещё называют «лончаками», проводят первую зиму в берлоге с матерью. Чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть старую медведицу. Но оставить её сами медвежата не могут, а мать отогнать детей не в силах. Вот природа и распорядилась по-своему...

В мае-июне у медведей проходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим запахом, который передаётся и медведице, он отпугивает медвежат, а повторное сближение, если оно происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни.

Мало того, взрослый медведь способен загрызть лончака, только чтобы добиться внимания самки. Ему за обычай предлагать ей себя, тогда как малыши могут лишиться жизни, и мать не в силах им помочь. Оттого и говорят в народе, что свадьба у медведей выходит краденой, никто на ней не пляшет, и когда самец за самкой приходит, медвежатам остаётся только прятаться.

Так у природы с давних пор и заведено: одни крадут, другие хоронятся, и менять своё жизнеустройство она, по всему виду, не намерена: лесной порядок, пожалуй, крепче людского будет, ему потачки не давай!

СЛАДКОЕ ОЦЕПЕНЕНИЕ

В ветреный день заходишь под сень корабельных сосен, и будто оказываешься на палубе величественного брига, где кроны деревьев наполняются, как паруса, ветром, и стволы гнутся наподобие мачты. А вот если вокруг спокойно – ощущаешь себя в уютной тихой гавани, где можно помечтать о предстоящих странствиях или вспомнить героическое былое...

Только упавшая с дерева шишка выводит из этого сладостного оцепенения, но после её падения вновь хочется тотчас отправиться в увлекательное путешествие!

ВОЛШЕБНИЦА-ЗИМА

Всякий год зима возникает в твоём окне, и всё, что происходит за ним, в который раз оказывается необычным. Так же неслышно идёт снег, и с косогора напротив дома скатываются на салазках деревенские ребятишки. Всё просто. Но воспринимаешь увиденное с неописуемым восторгом. Зимняя красота так тиха, мудра и чиста, что вызывает в душе лишь сладостные мгновения долгожданного перерождения.

Короткий зимний день удручает только стариков, когда они, изредка взглядывая через плечо в окно, и отрешённо замирая в своей грусти, сидят

неподвижно, прислонившись спиной к стене, и не произносят ни слова. Грусть их теперь схожа с бесшумно падающим снегом или таким же неслышным белым сном, что однажды сокрушенно приходит хрупким розовым утром и ненавязчиво обнимает дома, сады, замершую подо льдом реку и лес. Невозможно постигнуть, как из года в год, с неукоснительной неизбежностью подступая в одно и то же время, волшебница-зима всех очаровывает и оставляет без ответа: зачем она это делает?!

СТАТЬ ЗВЕРЕМ

Заманчиво проникнуть в неведомый, не похожий на твой, лесной мир! Но для этого нужно преодолеть обустроенную домашнюю обстановку и уют, что отделяют тебя от обитателей леса, и попытаться увидеть ночь глазами совы, учуять добычу обонянием волка и услышать трубный призыв к единоборству с соперником ухом сохатого. Ты сам должен стать зверем, преисполненным жаждой добычи, таким же вольным и неудержимым в своих животных устремлениях, никого и ничего не боящимся.

И вот, как чуткий зверь, пристально вглядываясь и всматриваясь в потаённую лесную чащу, научишься ты постепенно видеть, слышать и чувствовать ещё более тонко, чем прежде. Так глубоко и проникновенно, что меж людей однажды скажут: он себе такую звериную сноровку взял, что у него, как и у леса, всего много... Не человек, клад!

ЧЕЛО

В лесу никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь, но всегда верно то, что тебя в нём ждёт открытие...

Радостно, легко на душе, когда неспешно идёшь на лыжах вдоль старых деревенских покосов, которые будто светятся и плывут над землёй в проникновенном мартовском воздухе. Во всём ощущается какая-то удивительная приподнятость. Идёшь, впитываешь все запахи и краски, и даже не заметишь, в какую глухомань заведёт тебя эта всепроникающая радость, а вострепнувшись, вдруг подумаешь: где-то тут спит под толщей снега воевода медведь и, не ровен час, может пробудиться от твоего нежданного присутствия. Уже более осторожно выбираешь путь следования, то и дело поглядывая по сторонам, но тихо вокруг, снега лежат нетронутые, и только следы куницы и белки ныряют в глубокий лог, зачаровывая своей потаённой устремлённостью.

И всё же почему-то не перестаёшь думать о медведе, его дремучей косматости и силе, что в любой момент может нарушить устоявшийся за зиму покой. Но недаром говорят: от добра добра не ищут, от хлеба – хлеба, а от покоя – покоя. Медвежьему покою сопутствует особая лесная тишина, которую человеку надлежит не нарушать. Ну, а уж если потревожил, пренебрёг исконной таёжной заповедью, то делай это так легко, чтобы

медведь не заподозрил подвоха и возмущённое тобой затишье стало частью лесного быта. Стань сам зверем, растворись в лесном мире, дыши в такт его дыханию, и медведь, чутко прислушиваясь к твоим шагам, лишь успокоено вздохнёт, перевернувшись на другой бок.

Безмятежное состояние медведя в берлоге не могут нарушить размеренные шаги лося, однотонное постукивание дятла или вскрикивание филина. И если даже рядом с логовом лесного исполина окажется человек, ему просто не следует совершать резких необдуманных движений, останавливаться, внезапной тишиной настораживая зверя, а спокойно и ровно продолжать свой ход на лыжах: шик-шик, шик-шик, шик-шик, как будто это лесной зверь проходит мимо, и дела ему нет до медведя и его снов. Любой звук в лесу должен звучать по-лесному, под стать шорохам ветра, ветвей, мёрзлой позёмки. Всё слышит ухо медведя, но не пугает его, если оно знакомо ему, и только чужой для леса звук может насторожить зверя, и он поднимется из берлоги.

Несмотря на умиротворённое мартовское солнце, синие тени от берёз, радостно сбегаящие в лог, всю весеннюю восторженность в окружающей природе, ты не представляешь, что это на самом деле может произойти: зверь восстанет чёрной тучей, метнётся к тебе и в два счёта накроет с головой. Что ты тогда сможешь предпринять и как предупредить звериный натиск озлобленного со сна медведя?!

Сердце сжимается от страха при мысли об этом, гонишь её прочь, а глаза цепко вглядываются в сугроб или завал из деревьев. Предупредительно обходишь его стороной, осматриваешься и то и дело останавливаешься, чтобы успокоить учащённое дыхание. Прислушавшись же, осторожно продолжаешь свой путь.

Затаенно покоятся лазурные снега, уже покрывшиеся запёкшейся на солнце корочкой, непробудно спит ручей на дне глухого лога, но не долго ему осталось ждать: скоро понесёт он свои снеговые воды к лесной реке, которая будет становиться шире день ото дня, еле сдерживая подступающее возрождение, и однажды разбудит лесную тишину весёлым грохотом и шумом.

Перейдя лог, неспешно преодолеваешь замершие полянки, уже приблизившись к леску на горке, облегчённо вздыхаешь, будто сбрасывая с себя внутреннее напряжение: ничего не случилось и ты благополучно миновал глухие места. До деревни – рукой подать, стоит только преодолеть старую делянку на краю лога, да пару покосов. Затем – спуск к реке, отдых у родника, и через какой-нибудь час неспешной ходьбы по наезженной дороге окажешься в нагретом за день доме, у ещё не успевшей остыть печки...

И вот тут, когда этого совсем не ждёшь, в каких-нибудь шести-семи шагах от просеки, на которой ты замер, внимание твоё приковывает повалившаяся от старости осина. Переломленная почти у самого основания, с наваленными на неё молодыми ёлочками и берёзками, она создаёт впечатление неумело сооружённого кем-то шалаша. А под осиной, в

небольшой впадинке, занесённой снегом, чернеет отверстие, с добрую краюху, облепленное оранжевой куржавиной. Это чело – изголовье дремучего лесного зверя, который лежит совсем рядом и, может быть, через мгновение проснётся...

ЖИВИТЕЛЬНАЯ ТЕМНОТА

В древности посвящения в великие мистические таинства сопровождалось длительным пребыванием в темноте, она оказывалась живительной, когда человек преодолевал её своим внутренним зрением. Так и нахождение в ночном лесу, на глухарином токовище, невольно вызывает устремлённость к усилению в себе внутреннего света, позволяющего видеть...

Лесная тропа, в ночи, особенно – при поиске глухариных токов, сродни жизненной тропе мудрости, проходя которую, ты и не замечаешь, как постепенно, это происходит далеко не сразу, а в течение многих лет блуждания по лесу, твоё внутреннее зрение становится всё ярче. Какие-либо тревоги, связанные с темнотой, покидают сердце, и ты понимаешь, что о испытание тьмой, что уготовил тебе ночной лес, незаметно изменило твою душу, она наполнилась космической ясностью и глубиной. Ты, в конце концов, обрёл недостающие стойкость и мужество, сердце твоё достигло мудрого покоя, и всё это – благодаря потаённой лесной чаще, её заволакивающей темноте, несущей в себе внутренний свет.

Именно благодаря глухариным токам я открыл для себя, что ночь не так уж непроглядна! Даже без луны глаз способен воспринимать окружающие предметы достаточно ясно, а по прошествии некоторого времени и вовсе осваивается в обступившей темноте. Надо не лениться и как можно чаще бывать в ночном лесу, особенно – весеннем, и тогда увидишь многое из того, чего ни за что не встретишь днём. Лес устроен так, что ночь в нём полна жизни!

ФЕВРАЛЬСКИЕ ОТТЕПЕЛИ

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели... Снег на молодых ёлочках подтаивает, скатывается, и деревья стоят обнажённые, вроде бы, даже чуточку растерянные, будто и не зима вокруг, если смотреть только вверх. Ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежной пудрой, а на утро – опять тепло, и тогда припорошенные ёлочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блёстками, выглядят ещё более молодыми.

Стоит конец февраля, а птицы и звери уже начинают делиться на пары. Клесты в лесу единственные, кто выводит птенцов. Весь шум в лесу от них. Носятся стайками, неутомимо щебечут, обрывая шишки с верхушек высоких елей.

Дятлы, забираясь в осиновую гущину, с остервенелым вскрикиванием гоняются друг за другом, они в эту пору не похожи на себя. Белки, цокая и вереща, время от времени перебегают с дерева на дерево, возбуждённо играют. Все они сейчас задают тон в лесу.

А вроде бы, тихо протекает лесная жизнь, надёжно скрыта она от посторонних глаз, нелегко пробраться к ней через великие сугробы. Снег, не переставая, кружит и падает с небес, и наст никак не может установиться. То и дело посвистывают метели, морозы прижимают снежный покров плотнее к земле, а через несколько дней опять валит снег, и нет ему конца.

Тяжело стало передвигаться большим зверям: волку – скрадывать добычу, лосю – отыскивать более сочную кору. Только лёгкому на подъём зайцу всё нипочём: в тёплые дни изредка можно услышать его предвесеннее боботанье.

Долго ещё лежать снегам, дуть колючим ветрам, далеко до прилёта птиц, но в февральские оттепели уже ощутимо пахнуло весной, новой пробуждающейся жизнью. День усиленно прибывает, переваливает через надоевшую зимнюю стужу и длинную ночь. Чем больше света, тем больше радости в лесу!

ВОЗВЫШЕННЫЕ НАСЕКОМЫЕ

С раннего утра и до полудня собирал я однажды землянику, и так устал от надоедливых насекомых, что до станции решил добираться по железнодорожному полотну. Июльское солнце пекло неумолимо, и, шагая по шпалам, я не сразу обратил внимание на многочисленных бабочек, которые десятками витали над самыми рельсами. В основном это были переливницы ивовые, довольно крупные, отливающие перламутровой синевой, хотя среди них попадались и капустницы с боярышницами, крапивницы и «павлиний глаз».

Бабочки порхали вокруг разноцветным облаком и воспринимались летним днём совершенно естественно, но постепенно я обнаружил, что они не отлетают от насыпи, а держатся, как привязанные, у железнодорожных путей. Причём, невысоко, на уровне человеческого роста, извиваясь впереди нескончаемой живой лентой. Я забыл и про комаров, и про землянику, и всё никак не мог разобрать, что привлекает бабочек в столь не подходящем месте, когда вокруг так завораживающе тянутся к солнцу налитые травы, источают аромат цветочные поляны, повсюду стрекочут неугомонные кузнечики?!

Но бабочки неустанно вились прямо под ногами, присутствие человека их ничуть не занимало и не отпугивало, и они были будто чем-то околдованы. Присмотревшись, я вдруг обнаружил, что многие из них вели себя, словно пьяные, перелетали как-то неровно, боком, некоторые вообще падали и, видимо, не в силах подняться, судорожно трепыхали крылышками. Временами попадались и вовсе окоченевшие бабочки, наверное, сбитые

проходящими электричками, с изуродованными и разорванными тельцами, извалянные в пыли. Жалко было смотреть на эти беззащитные существа, ещё недавно порхающие в воздухе живыми цветками.

Остановившись и отойдя немного в сторону, я стал наблюдать за происходящим и вскоре убедился, что виной необычному поведению бабочек был креозот, им обычно обрабатывают шпалы, предохраняя их от гниения. Под палящими лучами едкая жидкость вытапливается, превращаясь в густые матовые капельки, а бабочки летят к ним, привлекаемые исходящим дурманом, присаживаются рядом и жадно пьют, тотчас пьянея.

Ни яркий солнечный день, ни его ласковое тепло, ни цветочный нектар уже не притягивали возвышенных насекомых: им хотелось впитывать только этот неведомый, но чарующий для них «сок», и с помощью него они, наверное, уносились в ещё более безоблачные и недостижимые июльские дали.

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Белёсое, затянутое мутной плёнкой зимнее солнце как-то неловко выкатывается на хмурое небо и, прячась за рваные бесцветные тучи, начинает потихоньку светить. Делает оно это почти незаметно, но приглядевшись, от него трудно бывает оторваться. Чем-то неизъяснимым притягивает к себе солнце в этом занесённом метелями мире.

Солнце почему-то хочется запомнить и даже унести с собой, поэтому часто достаёшь фотоаппарат и снимаешь. Ждёшь, когда тучи минуют его кремовые, чётко очерченные бока, и нажимаешь на спуск. Теперь солнце в каждом своём неповторимом мгновении остаётся с тобой.

Но тебе всё мало, ты жаден до его непередаваемо загадочного и рассеянного света, и всё снимаешь, снимаешь, стараясь запечатлеть что-то важное для себя, не упустить его, а солнце, равнодушное к твоим попыткам обрести его тайну, неприметно перекачивается по зимнему небу, то исчезая, то вновь появляясь в туманных февральских просветах...

СТОЙКАЯ ЕЛЬ

Шёл я как-то по первоснежью глухой лесной гранью и увидел поваленную через неё пихту. Присел отдохнуть, достал термос, бутерброды, а взгляд остановился на стоящей напротив ели. Поначалу я в этом дереве ничего особенного не обнаружил: ёлка как ёлка, только почему-то вся в смоле, стекающей сверху и засохшей жёлто-белыми струями до самой земли. Долго не сводил с неё глаз просто потому, что она росла прямо передо мной, и только потом разглядел: под застывшим смоляным слоем почти отсутствует кора...

Кора оказалась содранной острыми медвежьими когтями, глубоко пропоровшими древесину. Весь бок ёлки был исполосован этими ранами, а

выбросив вверх руку и встав на цыпочки, я ещё на полметра не дотянулся до начала борозд. Трудно поверить, что медведь просто метил территорию, обходя свои обширные владения. Слишком жестокими показались мне нанесённые дереву повреждения, и я представил, как всё это происходило.

Обойдя дерево, я вдруг заметил на уровне пояса гораздо меньшие по размеру углубления, принадлежащие, несомненно, совсем небольшому медведю. Вероятно, это был лончак или пестун, а глубокие зарезы от когтей на противоположной стороне оставила его мать – огромная сильная медведица. Что-то очень здорово разозлило её и она не придумала ничего лучше, как разделаться с неповинным ни в чём деревом, которое стояло открытым и, по-видимому, первым попало под лапу разъярённому зверю.

Медведица долго не могла успокоиться, изуродовав страшными когтями ствол, но ель достойно выдержала этот натиск разгневанного животного, не сломалась, и постепенно, незаметно для всех, залечила раны.

БАБОЧКИ НА ЛУЖАХ

Всем хорошо известны бабочки-боярышницы и бабочки-капустницы. Белоснежные, с чёрными прожилками и редкими пятнышками на крыльях, они чаще всего попадают на лесных тропинках и полянах. Именно боярышницы с капустницами рождаются в огромном количестве, больше, чем другие бабочки, потому что они просты, неприхотливы, и, наверное, их создание происходит без всякой натуги для природы. Это не замысловатые траурница или подалирий, кажется, требующие от неё более тщательных усилий, а всего лишь обыкновенные, примелькавшиеся бабочки, без которых, между тем, невозможно представить красочное лето.

В самом его начале все белые бабочки тучами присаживаются на грязные высохшие лужи по лесным дорогам, сидят скученно, сплошным шевелящимся покрывалом, и ты не сразу разберёшь: цветы это или какой-то белый налёт? Странное зрелище!

Только подойдя вплотную, вдруг различишь, что это – скопище бабочек, которые сидят тихо, чуть вздрагивая усиками, и будто уснули, неизвестно кем околдованные. Опустившись на корточки, попытаешься рассмотреть, чем бабочки занимаются, но, пристально вглядываясь, с недоумением обнаружишь, что ничего особенного не происходит. Бабочки сидят, прижавшись к земле, будто от кого-то таясь, и лишь изредка переползают с места на место. Они не пьют мутновато-бурую воду из почти пересохшей лужи, а просто замирают отчего-то, словно измождены сильной жарой или дальней дорогой. Что им грязь!

Ты и сам, позабыв про усталость и зной, наподобие бабочек застываешь рядом с ними молчаливым изваянием, и пьёшь глазами этот лесной покой, незаметно освежающий душу. Вокруг разлеглось такое родное, полное загадок лето, тебе хочется продлить это маленькое удовольствие, и ты не в силах прервать своего короткого знакомства с белоснежными боярышницами

и капустницами, хотя они и присаживаются по лесным дорогам в самую грязь.

Дедушка Георгий, живущий по соседству в деревне, взял меня однажды на свой покос, показать, где в обилии растёт земляника, и об этих скоплениях белых бабочек сказал так: «На дороге грязь, так овёс – князь, а если по ней бабочек рой – год будет грибной!»

КОСОЙ

Бывало, забредёшь зимой в густой ольховник и неожиданно поднимешь зайца. Сначала послышится еле ощутимый хруст, потом мелькнёт между стволами размытый силуэт, и, выскочив через мгновение на открытое пространство, зверёк полетит живой пружиной: весь настороже, наострив уши.

При этом чёрный глаз его будет косить себе вслед, и заяц станет различим так отчётливо, что подумаешь: белее снега его шкурка. Причиной тому - чёрные маслины мятущихся глаз зайца, что от перепуга кажутся большими и заметными.

Но так ли труслив заяц, как ходит о нём молва? С трусливым умом не наделаешь таких смекалистых петель и скидок, которыми он норовит запутать охотников до зайчатинки. Неторопливо плетёт заяц на снегу замысловатые кружева - основательно, с усердием.

Негоже ему торопиться: что, если распутает след хитрая лисонька, и тогда не миновать беды! Заяц всегда готов предупредить её, он ни на минуту не забывает вслушиваться и всматриваться в окружающий мир, и даже когда уносит ноги, большие чёрные глаза его косят назад, словно присматриваются: как там обстоят делишки? Не зря заяц получил в народе своё самое известное прозвище – «косой»!

СИЛА ПРИРОДЫ

Всё в природе награждает человека своими исконными качествами. Он становится лёгок и бодр при виде умытого утренним дождём облака, весело бегущего по небу, могуч и глубок душой от столкновения с лесным воеводой-медведем, не желающим уступать дорогу, а то бывает и так – пуглив и осторожен до беспамятства, подобно бедолаге зайчишке, что ещё до снега сменил летнюю шкурку на зимнюю, и вздрагивает от каждого шороха...

Сила природы так велика, что человек не может противостоять ей, невольно подчиняется и, преображаясь, порой не узнаёт себя.

В ГОСТИ К ЛЕСУ

Случится с тобой однажды такое, что жизнь покажется бессмысленной: и еда не лезет, и работа в тягость, и сон отлетает, и в лес идти совсем не хочется. Так проходит день, другой, третий, а то и неделя, даже месяц. Вот и солнечный март подступил – у тебя же одна мысль: как бы одолеть кручину и поверить в спасительную перемену, чтобы она, нежданно-негаданно, коснулась твоей души, и та, хоть маленечко отогревшись, радостно затеплилась, ожила?

А надо-то было всего лишь забыть на время себя самого, и помочь какому-либо доброму человеку. А ещё лучше - улечься с вечера пораньше, позабыв про все приключившиеся с тобой горестные переживания, радостно пробудиться поутру от барабанной дробы дятла, протяжно и звонко раздающейся в ближайшем лесу, и отправиться к нему в гости.

ЦВЕТЕНИЕ

Далеко не сразу я разглядел, что дожди бывают разноцветные... Первые, апрельские, обычно чисты и прозрачны, подобно драгоценным слезинкам земли – алмазным камешкам. В них сосредоточен весь весенний свет. Летние, с солнцем, золотисты, с туманной дымкой – нежно-перламутровые. Осенью же, в октябре, из-под высоких небес летят и разбиваются о ветви холодные серо-коричневые капли.

Но когда приглядишься к ним, то различишь, что скоро уже закружит в воздухе долгожданный снегопад – на одном часу и снег, и дождь, и после такой чистоты в природе заиграет в небе, сияя всеми красками, ясное солнышко. Быть было ненастью, да белый снежок помешал. Столько на свете разного цвету, что сердце играет, а лицо тоже цветёт!

К НЕБЕСАМ

Во сне мне часто снятся одни и те же лесные места, в них я, вроде бы, неоднократно бывал, но вот что странно: наяву ни одно из них мне не встречалось. При этом – я хорошо знаком с лесной местностью, что приходит ко мне во снах. Несомненно, я неоднократно оказывался здесь, ибо очень легко ориентируюсь среди речных распадков, перелесков, холмов и потаённых троп, прекрасно представляя – куда мне следует каждый раз направиться, чтобы достичь задуманной цели.

Я иду по диким безлюдным местам, совершенно не тронутым бездумным вмешательством человека, и в тоже время понимаю, что моё нахождение в этом загадочном лесном мире не случайно: оказывается, я давно уже исследую его, причём, всегда один, и никто из людей мне здесь никогда не встречался. И всё это – во снах, что происходит с каким-то

неизведанным для меня постоянством, когда я прохожу и давно знакомыми тропами, и ещё неизведанными.

Продвигаюсь по ним уверенно, точно зная – зачем я это делаю там, в своих снах, но когда просыпаюсь – не могу вспомнить: по какой причине я очутился в лесу, что не существует в реальном мире, тогда как могу отправиться в любой момент в свои любимые лесные места в настоящем, не погружаясь в сон. И сон ли это, а не перемещение души в иное энергетическое пространство, может быть – параллельное тому, где я сейчас живу?!

Случалось, наяву мне встречались в лесу такие уголки, к которым стремишься в мыслях, но не находишь ответа: чем они так привлекают? Вроде бы, те же величественные боры, потаённые лога и тропинки, что и в других местах, и всё же в них скрывается нечто неповторимое. Как объяснить эту удивительную привязанность, когда весь остальной лес для тебя как будто бы отступает на задний план?!

Наверное, в таком кусочке леса живёт часть твоей древней души, которая когда-то не захотела его покидать, а при встрече с тобой обращает на себя внимание и неотступно манит. Может быть даже это была не одна жизнь, а несколько, что ты прожил в лесу, и теперь уже не в силах обрести вновь. Оттого и приходишь под таинственный лесной полог, ищешь их и не всегда находишь. Лишь редкие островки былой памяти будоражат твоё воображение, и ты радуешься тому, что не забыл их до конца, и они когда-то были.

Но всё, что происходит с тобой во сне – совсем иное... И тем не менее, ты бывал здесь, где всё тебе хорошо знакомо! Скорее всего, способность бывать в невидимых тебе на земле мирах, и только - во сне, связано с путешествиями души человека. Вернее, с помощью одного из тонких тел, принадлежащих ему, а именно – астрального, когда твоя духовная субстанция уже достаточно развита, она достигла более высокого уровня сознания, и обрела возможность перемещаться в энергетическом пространстве более свободно, то есть – осознанно.

А поскольку тебя глубоко занимает изучение природы, желание разгадывать её многочисленные тайны, и ты нередко бываешь в родном лесу, в своих любимых местах, то твоя развивающаяся душа, конечно, стремится к постижению непознанного, что лежит за рамками хорошо известного. Ей не хватает раскрытия новых горизонтов, и она неудержимо устремляется к ним, где бы они ни пролегали, пусть и за окраиной земной поверхности: ничто не в силах удержать тебя от овладения недостающими знаниями.

Воображаемое тебя уже не устраивает, твоё бессмертное духовное существо, одарённое всевышним разумом и волею, просит достижения непознаваемого, чтобы оно стало известным. Нет пределов тому, что способно объять это внутреннее природное око, твою неизбывную живую душу, что устремляется в беспредельную и увлекательную вечность, без

начала и без конца чудесный божественный праздник. А как известно, чего душа, обращаясь к небесам, желает, то Господь и даёт!

ПТИЧИЙ ДОМИК

Когда осенью опадает листва с деревьев, к удивлению своему замечаешь в лесу множество птичьих гнёзд, которые до сих пор были скрыты от наших глаз. Искусно слепленные из пуха, глины и сухих травинки, они так же искусно прикреплены к стволу или развилке сучьев, а то и подвешены к самому концу какой-либо ветви. Гнёзда ещё не разрушены непогодой, выглядят довольно аккуратными и, бредя мимо, ты всегда невольно попытаешься представить себе их хозяев, которые уже давно отлетели на юг.

Вспомнишь тут весну и то, с каким восторгом выплёскивается в наши леса эта неопишуемая волна радости, которую приносят с собой птицы. Вернее, прилетающие птицы – сама радостная волна, что сменяет одна другую, и так до конца мая, с непрекращающимися заливистыми трелями, которые, кажется, символизируют утверждение всеобщего счастья на земле. Недаром говорят: счастье – что вольная пташка: где захотело, там и село. Так и птица: вроде бы не сеет, не жнёт, а сыто живёт, и уж чего ей не занимать, так это – воли, которая у птицы, между тем, в трудах праведных проходит, в особенности весной.

В эту пору есть у птицы и пение, и полёт, и ветка, которая ей лучше золотой клетки, но вот самое сокровенное, ради чего она и летит и поёт, это – её гнездо. И тесен будто бы дом, а для птицы просторен, в нём совершается великое таинство рождения, и птица очень ответственна в своём животворчестве.

Нет дерева, на которое бы птица ни садилась, да только не на каждом она себе гнездо вьёт. Чаще всего это хвойные деревья, в особенности – ель, и всегда гнездо располагается с защищённой от ветра стороны. Птицы в первые дни просто таскают гнездовой материал в клюве, бросая его где попало, подхватывают новый и собирают его в пучки, а затем уже начинают носить к месту постройки. Высокое расположение гнезда требует от птицы немалых усилий, так как ей приходится летать за гнездовым материалом и поднимать его на высоту.

Весь материал, какой птица использует на постройку гнезда, пустой, никому не нужный, развеваемый ветром: соломинки и пушинки, мелкий хворост, капельки воды и кусочки почвы – всё, что удалось раздобыть в освобождающемся от снега лесу. Сначала птичка обвивает клочок паутинки вокруг веточек, одновременно растягивая его в нить, затем обрывает торчащую снаружи бахрому, вновь используя её при оплетении. В то время, как самец впутывает всё новые и новые ленточки в стенки гнезда, самочка забирается вовнутрь и осторожно утрамбовывает собой своё будущее жилище, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Так создаётся полукруглая форма гнезда, и когда основа его завершена, в стенки гнезда

всовываются мелкие веточки, листики и травинки, после чего лоток выстилается перьями и волосом. Без рук, без топорёнка строится птичья избёнка, и при этом птица никому не причиняет какого-либо неудобства, оставаясь неприметной.

За весенними заботами в своём огороде ты порой даже забываешь о существовании птиц, а вспоминаешь лишь с момента появления их возле твоего дома, когда родители с быстро подрастающей ватагой птенцов принимаются за уничтожение насекомых. Тут-то ты и порадуешься в очередной раз за своих неутомонных соседей, в душе поблагодарив птиц за оказываемую ими услугу. И опять, глядя на птиц, тебе покажется, будто они живут без забот и при этом ничуть не тужат: только бы не переводились червячки и мошки!

И вот пришла осень, за ней задули суровые метели... Птицы давно покинули родные края, и тебя уже не одолевают лёгкие, присущие только лету думы: сердце твоё околдовано несказанной тайной зимы. Сидя молча у окна и вперив взгляд за околицу, где возвышается присмиривший хмурый лес, ты вроде бы ни о чём не мечтаешь. Привычно переживать в себе эту устоявшуюся сладкую скуку, как будто забывшись в долгом беспмятстве зимы. Скоро ли ещё растопят её тёплые ветра?

Только с наступлением ослепительного марта, будто отойдя наконец ото сна, отправишься однажды поутру в гости к глухарям, желая проверить ток, да и набредёшь вдруг на чьё-то сорвавшееся с дерева гнездо. Всю ненастную осень и суровую зиму, убаюкивая, крепко держала его в своих объятиях старая сосна, а ближе к весне, видать, сама задремала и уронила. Весенний озорной ветерок подхватил гнездо, и оно закувыркалось по насту, отчего будто бы даже несколько ожило, но не знало, что ему делать дальше. Гнездо цело, а птиц нет.

На первый взгляд мне показалось, что в нём уже давно свила себе убежище смерть – таким одиноким и ненужным оно выглядело сейчас на снегу. Но подойдя поближе и взяв гнездо в руки, я убедился, что брошенный птичий домик не вызывает ощущения безжизненности, пустоты. В нём оставалось розовое перышко, которое застряло между сухими травинками, чуть вздрагивая на ветру, и от моего прикосновения к нему само гнездо будто бы вздрогнуло и как-то подобралось. Судя по перышку, гнездо когда-то принадлежало зяблику.

Я держал гнездо в руках, неторопливо рассматривал его, раздумывая, как поступить, а оно будто затаилось. Высокие сосны мерно шумели над головой, ветер гнал по синему небу белые облака, и никуда не хотелось уходить из этого пробуждающегося царства умиротворённых теней и восхитительного света.

Я взял гнездо с собой, осторожно положив на дно рюкзака, привёз его домой, и теперь оно лежит у меня в шкафу за стеклом, так что я в любой момент могу подойти к нему и потрогать. В нём до сих пор чувствуется сила, которую когда-то вдохнули в него маленькие красивые птички, и иногда мне

начинает казаться, что птичий домик терпеливо ждёт их радостного возвращения, и ни о чём ином не мечтает.

ВЕРБА

Стараясь как можно бережнее сохранять в себе внутреннюю тишину и желание соприкосновения со спасительной тайной, вошёл я однажды в февральский лес уставшим человеком, и он тоже очень трогательно отнёсся ко мне, как будто замер, слегка вздохнув, и стал внимательно прислушиваться к тому, что произошло в нём с моим появлением.

Мелкий, почти не видимый снежок сеялся среди стволов, лёгкая молочная пелена заволочла небо, солнце сквозь неё пробивалось едва ощутимо и только угадывалось по размытому кремовому пятну. Небольшая стайка чечёток встретила меня оживлённым щебетанием, и какое-то время легко и обрадовано сопровождала, пока я не углубился в глухой ельник. А вскоре на крутобокой сосновой гриве, между двух отложков, я согнал глухаря.

Как мне показалось, он не испугался, а спокойно и бесшумно спланировал впереди меня и, наверное, где-то неподалёку уселся. Больше я в этот день никого в лесу не встретил, и всё время продолжал чувствовать, что лес ненавязчиво всматривается в меня, будто хочет для себя понять: зачем человек потревожил его величественный покой и не принесёт ли ему это ненужные разочарования и заботы? А может быть, человек пришёл с добром или душевной бедой, и ему следует помочь?

И лес в тот день отгадал меня, он понял, как мне плохо, и, конечно, поддержал. Ничего, вроде бы, вокруг не изменилось: всё так же сеялся невесомый снежок, слепо пробивалось сквозь облака солнце, высокие ели стояли притихшие и безучастные.

А я шёл неспешно на лыжах, пригибаясь под склонёнными снежной тяжестью деревьями, слегка дотрагивался до них рукой и, освобождённые, они взмётывались вверх, уступая дорогу. Деревья, будто вскрикивали на мгновение от радости, но тут же забывались и опять погружались в сон. Всё вокруг было недвижимо, печально.

Ничего, казалось, не могло произойти в лесу, что бы рассеяло эту неизъяснимую грусть, но незаметно что-то важное уже происходило во мне самом. Мне вдруг захотелось собраться с мыслями, а размеренное движение на лыжах почему-то не позволяло это сделать. Зато я начал пристальнее приглядываться к окружающему лесу, ещё более ценить всё, что он открывал мне в этот день, и, наконец, увидел то, к чему подсознательно, с самого утра, стремился: у самого края поляны стояла высокая ... распутившаяся верба, и это в двадцатых числах февраля, в крепкий мороз!

Я бы и не обратил внимания на это огромное дерево, если бы не проходил под его склонившимися ветвями и не приподнял одну из них. Только тогда взгляд мой упал на распутившиеся барашки... Их было

множество, они весело серебрились на фоне приоткрывшейся небесной синевы, и это никак не укладывалось у меня в мыслях.

Задрав голову, поражённый никогда не виданным зрелищем, я любовался им и не мог поверить, что подобное возможно. Это было самое настоящее чудо, подаренное лесом, и я не сомневался, что именно для меня.

ЛЕСНОЙ ШУМ

Трудно не запомнить день, не похожий ни на какой другой, тем более, на глухарином току, когда ещё с вечера, на подслухе, всё складывалось как нельзя лучше. Ты благополучно подсмотрел подлёт глухарей, запомнил место их присадки и, скоротав пару часов у костра, до рассвета осторожно подобрался к нему.

Рассвет тоже выдался на славу: величественный, малиново-пунцовый, без малейшего ветерка. Слышно было, как где-то медленно падает на землю сухая сосновая ветка, изредка цепляется, застревает, но всё равно валится вниз. Всё было готово к пробуждению птиц, и лес как-то по-особому замер, на короткий миг настороженно затаился.

Глухарь запел вовремя, впотьмах, когда даже на отдельно растущей ветке его не различить, а можно только услышать сухой стук от падающего помёта, и как гремит перо у токующей птицы. Всматриваешься до боли в глазах в настороженную весеннюю темноту, кровь стучит в висках, и всё кажется: глухарь почувствовал тебя или заметил, и вот-вот сорвётся в лесную чащу. Звуки его песни отчётливы и в тоже время как будто приглушены: от неё невозможно оторваться, и волнение твоё доходит до предела.

Глухарь изредка перелетал с верхушки на верхушку, и я неслышно перемещался за ним, так что к рассвету оказался на краю укромной, заросшей низенькими берёзками полянки, служившей когда-то покосом. В какой-то миг солнце выкатилось из-за леса, щедро брызнуло между стволов, и поляна окрасилась кремово-розовым цветом. Песня глухаря от этого, кажется, ещё более оживилась, глухарь повернулся грудью к востоку и восторженно рассыпал колено за коленом. Я стоял на краю опушки, почти под самой птицей, и был так увлечён глухариным токованием, что забыл про ружьё в руках.

И тут я отчётливо услышал за спиной чьи-то шаги... Кто-то осторожно шёл прямо в моём направлении, и шорох от этих шагов усиливался благодаря кровавым молоточкам, учащённо барабанившим в моих напряжённых руках. Шум шагов ширился, рос, и вскоре, боясь нарушить воцарившуюся таинственность, я уже воспринимал их почти за спиной, но повернуться не решался. Пересилив страх, хотелось дождаться мучающей разгадки, никак не выявив себя. Кем мог оказаться неведомый лесной гость в этот предутренний час на далёком глухарином току?!

А шум всё усиливался, но почему-то воспринимался воздушно, оторвано от земли. Он обтекал окружающие кусты и деревья, наполняя собой

настороженную тишину, потому что был единственным, помимо глухариного пощёлкивания и точения. Шум вобрал, кажется, и меня, и когда он превратился во внутреннее ощущение, и я решил уже было повернуться, что-то коснулось моей ноги... Стараясь не двигаться, я скосил вниз глаза и обнаружил ... копалуху.

Не обращая на меня внимания, вернее, не замечая, рыженькая курочка, переваливаясь с боку на бок, ловко вышагивала по еле приметной тропинке, а я оказался прямо у неё на пути. Копалуха, наверное, приняла меня за дерево или пенё, и не побоялась коснуться оперением, пробегая почти вплотную. Она была увлечена присутствием красавца мошника, которого уже давно слышала из своего ночного укрытия, и теперь в возбуждении пробиралась на его песню, желая поскорее оказаться рядом с ним. Ничто не могло остановить копалуху в её страстном стремлении к любви.

Я с облегчением перевёл дух, ещё не осознавая, что впервые вижу подобное: как копалуха подбегает к глухарю на его песню, он слетает к ней на землю, какое-то время они милуются, играют, а затем уединяются в лесной чаще для совершения великого природного таинства. Не шелохнувшись, стоял я и любовался этим чудесным тихим утром, увлечёнными друг другом птицами и невольно думал о том, что в лесу малейший шорох порой сродни неведомому и жуткому шуму, и должно пройти достаточно времени в лесных скитаниях, прежде чем ты научишься отличать опасность от обворожительной тайны, и будешь спокойно и радостно воспринимать всё так, как есть: и глухариную песню, и поднимающееся солнце, и пронизывающий ветер с холодным дождём, и столкновение со зверем, и самые неожиданные звуки и шорохи, на которые только способен пробуждающийся весенний лес. В лесу, говорят в народе, даже самую радостную думу думают без шума, а любой лесной шум – это его благо и ум.

ОДИНОЧЕСТВОМ МИР СИЛЁН!

Чтобы выразить свои любовные чувства, многие птицы собираются по весне в одно место и принимаются токовать. Турухтаны резко, отрывисто трещат, дупели - будто лучину ломают, бекасы блеют барашком, глухари пощёлкивают, а тетерева бормочут. Редко, когда кто-нибудь из них остаётся один, провозглашая весну как будто в безвестности, потому что птицы в эту пору предпочитают оживлённые сообщества. Им нужно, чтобы кто-то видел их, восхищался, благоговел перед той красотой, которую источает всё их существо, и отдавал им своё сердце.

Дупели сосредотачиваются на рёлке, среди болота, бекасы – в воздухе, над какой-нибудь поймой реки, глухари – в чащобе, у старого заброшенного покоса, тетерева – на прогалинке, только что вскрывшейся от снега, вяхири – на укромных еловых опушках. Всем найдётся в лесу пристанище по весне, когда хочется любить и быть любимым. Но вот если ты остался один, то

можешь выбрать место самое неожиданное, на первый взгляд совсем не подходящее. Одинокому, как говорится, везде дом.

Так, сам по себе, без дружки и подруги, затоковал однажды тетерев-косач прямо у нас на виду, когда мы с приятелем расположились на вытаявшем угоре у старой заброшенной пасеки. От пасеки осталась одна дощатая стена, выходящая на юго-запад, вокруг покоились полуистлевшие замшелые ульи и только кое-где проклюнулись из не одевшейся земли цветочки мать-и-мачехи, да редкие подснежники робко потянули свои головки в пробуждающееся пространство. В лесу воцарилось то ожидание всплеска жизни, которое бывает только весной, в середине апреля, когда, по народному поверью, даже одна голова и смеётся, и плачет, и скачет.

А тетерев действительно остался один, и трудно было разобрать: то ли он радуется, то ли горюет. Косач уселся прямо напротив нас, на противоположном склоне глубокого лога, и постепенно так распелся, что трудно было предположить, будто один в поле не воин. В народе говорят, что если один у каши загинет, то только не весной, и наш тетерев, наверное, всё про одно неутомимо токовал: как чудесна весна, как вкусна прошлогодняя клюква, которая перезимовала под снегом, как жарок его собственный голосок и неотразима выпяченная грудь, отливающая тёмно-бархатистой синью! Видно было, что тетереву никуда не хочется улетать: один одного весной стоит.

Перед нами стоял покосившийся стол, облупившийся от снегопадов и дождей, хозяева старой пасеки почему-то никак не представлялись, и это было хорошо: лес, старая пасека и, никому неизвестная, речушка Карабаиха будто замерли, затаились в преддверии именно их весны, которую разбудили люди. Нам нравилось уходить в лес далеко-далеко, мы как-то угадывали эти глухие места, в которых нас будто ждали неведомые силы, а придя туда и обустроившись, просто наслаждались покоем и тишиной. Всегда в этих лесных уголках поджидало что-то интересное, что запоминалось на долгие годы, и этот одинокий косач, поначалу не вызывавший особого интереса, постепенно всё более приковывал наше внимание.

Косач не умолкал весь вечер, перелетал с дерева на дерево, и вновь принимался самозабвенно токовать. Тетерев будто догадывался, что мы за ним наблюдаем, никуда далеко не перемещался, и каждый раз норовил выдать ещё более переливчатое колено. Усевшись на суку, как баба на току, он то дребезжал крыльями, то разводил ими, словно руками, и беззлобно кому-то грозился: «бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу». Мы же молча любовались его расфуфыренным видом, и постепенно, через эту заброшенную пасеку, безудержно зарождающуюся повсюду весну и забавного косача, совсем, кажется, не переживающего своего одинокого положения, всё отчётливее для себя понимали: одиночеством мир силён!

КРАСОТА ЖИЗНИ

Красота жизни... Основу её, конечно, составляет божественное содержание, иначе – это просто занятная привлекательность. А божественное содержание предполагает высокую жизненную энергию и мудрую целесообразность, призванную обеспечить бесконечное развитие любого существования. Такова природа всего божественного, и в своей основе, не важно – лес это, горы или море, она всегда интересна, богата и прекрасна.

ЗВУКОВОЙ КЛЮЧИК

Всегда поражало: как завораживающе просто звучит в весеннем лесу барабанная дробь дятла! При этом думалось, что лес необычайно гармоничен, если так мелодично несёт в себе однообразную дятлову стукотню, что он полон невероятных проявлений, которые соединяются в его насыщенном звуками живом пространстве, а барабанная дробь, может быть, самая выдающаяся вибрация, услышав которую, настраиваешься в жизни на что-то самое важное, и терпеливо ждёшь, что за диковинную дверцу откроет в твоей судьбе этот звуковой ключик?

ЛОСИНЫЙ ВОЛК

За последнее время в наших лесах всё чаще стали попадаться лоси, у которых вместо лопатообразных рогов растут одинокие, очень заострённые пики. Подобные рога в природе опасны, особенно у таких агрессивных зверей, как сохатые, какими они бывают осенью, во время гона, когда устраивают между собой отчаянные турниры за самку. Случайно какой-либо самец может поранить своего соперника, порой очень тяжело, и это приводит к нежелательной гибели красивого зверя.

Среди охотников нередко можно услышать рассказы о таком «лосином волке», как его называют в народе. Но отчего, всё-таки, «волк»? Если уж говорить о каком-либо наносимом вреде, имея ввиду, что этот необычный лось обладает таким жутким «оружием», то под «волчью» характеристику подходит, скорее, какой-нибудь бык или, на худой конец, носорог, но в наших лесах эти звери не водятся.

И всё же, лося с устрашающими рогами нарекли не иначе, как «волком», по-видимому, только по причине того, что именно этот зверь в среднерусской полосе способен нагнать страху на кого угодно. Поэтому в народе и причислили хорошо известного всем сохатого, к тому же, наделённого от природы невиданными пиками-рогами, к волчьему племени.

Не зря многие охотники считают достойным поступком застрелить этого лося-убийцу. Мне и самому однажды привелось участвовать в охоте на этого необычного зверя, но сам по себе он не выглядел угрожающим, и только

невиданные рога, неизвестно для чего доставшиеся ему от природы, вызывали содрогание.

Лось, конечно, не сознавал себя «волком», но выглядел таким в глазах людей. И хотя он лежал повергнутый, с неестественно задранной головой и вывернутыми копытами, его саблевидные рога как будто вонзались в тебя, и ты почему-то переживал в душе не страх, а вину. Но виноватого, говорят в народе, Бог рано или поздно отыщет. Правда, и то верно, что коли и был рог, так не сломил его Бог: правда всегда рогатиной торчит.

ЦВЕТОК

В начале ноября, по утвердившемся снежному покрову, шёл я краем жнивья и вдруг увидел цветок. Скрытый от снега маленькими пушистыми ёлочками, цветок отнюдь не выглядел робким и тянул свою лиловую головку кверху довольно уверенно. Лепестки его тоже не выглядели поникшими, и, если бы ни снег, он бы, наверное, не привлёк моего внимания. Было похоже, что цветок, несмотря ни на что, жив, и это меня озадачило.

Я остановился, присел на корточки и внимательно его рассмотрел. Цветок отдалённо напоминал астру, только более утончённую и загадочную. Стройный стебелёк имел красноватый оттенок и был довольно высокий, с продолговатыми удлинёнными листочками. Сам же венчик представлял из себя множество нежно-лиловых пушистых нитей, сливающихся в изящный хохолок.

Пришедшая непогода, кажется, не особенно обременила цветок, и всё же это было странно: кругом лежал снег, было холодно, и даже травы давно пожухли. Что помогало цветку выстоять совсем одному и при этом сохранить живые краски? Как вообще могло случиться, что после двухдневной метели и крепких ночных холодов цветок не угас?!

«Наверное, он просто нестигаемый, - подумал я, - потому что подобные ему существуют всегда. Они встречаются среди людей, зверей, деревьев, и почему бы им не быть среди цветов?» Мой цветок оказался именно таким – непокорным судьбе. Он выстоял вопреки всему, что могло его убить, но не убило. Может, цветок остался цел благодаря какой-то одной ему известной истине, которую обретает только самый сильный, а значит – свободный?!

В последний раз глянув на цветок и осторожно коснувшись его рукой, я понял: самое настоящее в жизни до такой степени просто, что о нём никто не в состоянии серьёзно думать, и чаще всего оно остаётся незамеченным. Но это настоящее просится на язык и бумагу, причём, делает это ненавязчиво, как будто заведомо предугадывая непонимание в отношении себя. Оно всё терпит, чего-то ждёт и ещё более очищается в открытии того, что лучше честного и достойного восприятия окружающей жизни ничего не существует.

КУЛИЧОК

Неподалёку от нашей деревни, на маленькой заболоченной лужице, у самой дороги много лет подряд обитал куличок. Я встречал его всякий раз, когда отправлялся в лес за грибами. В первые два года я не обращал на куличка особого внимания, хотя он всегда очень оживлялся при моём приближении, усердно насвистывая: «кью-вьюи-уиксс, тэке-тэке, кью-вьюи-уиксс, уить-уить-уить!» Наверное, я тогда ещё просто не привык к нему и воспринимал присутствие куличка на одном и том же болотце случайным совпадением.

Но однажды, в пасмурный июльский день, когда многих обитателей леса непогода вынудила притаиться, куличок оказался на месте, и как ни в чём не бывало распевал незамысловатую песенку, что была мне давно знакома. Я остановился у края дороги и долго наблюдал, как самозабвенно крохотный певец превозносит своё маленькое болотце, тогда как небо затянуто мрачными тучами и сеется противный мелкий дождик. С тех пор я стал привечать эту необычную птичку и, подходя к болотцу, думал о ней и старался быстрее отыскать глазами.

Зимой я, конечно, забывал про куличка, но как подступала весна – опять ждал с ним встречи, гадая: прилетел ли он нынче, не пропал ли в дальней стороне? И очень радовался, когда обнаруживал птичку на прежнем месте, подающей голосок с засохшего дерева, стоящего рядом с болотцем. Куличок всегда усаживался на самую вершинку, сидел, повернувшись головой на юг, и мог часами, не переставая, насвистывать в невидимую дудочку, не обращая внимания на проезжающие мимо машины и проходящих людей.

Идёшь ранним утром, а он уже подаёт тоненький голосок, возвращаясь к вечеру из леса – куличок по-прежнему, не унимаясь, мелодично покрикивает. Вроде бы, и дел у него больше нет, кроме как нахваливать родное болотце, радуясь своей непритворной маленькой жизни. Я даже знакомым его показал, когда приглашал их в лес за грибами, всем восхищённо рассказывая про то, какой куличок замечательный и неутомимый, и что мы с ним знакомы давным-давно. Но почему-то мало кто разделял мою радость, должно быть, размышляя так: прилетает на своё родимое болотце маленькая птаха – ну и пусть себе, на то она и птица, чего же тут особенного!

Признаюсь, такое равнодушное отношение к куличку меня немного задевало. Я уже и сам стал про себя подумывать: а, действительно, чего же необычного во всём происходящем? И всё же в голове моей никак не укладывалось, что этот крохотный куличок преодолевает каждый год тысячи километров нелёгкого пути. Неужели только за тем, чтобы вывести потомство в неприметной лужице неподалёку от нашей деревни, да всё лето исподволь радовать тоненьким голоском проходящих и проезжающих на покос деревенских жителей?

Так продолжалось несколько лет. Но вот в прошлом году, в июне, отправился я за грибами – по деревне разнёсся слух, что в лесу пошли первые красноголовики. Проходя мимо знакомой лужицы, куличка на ней, к своему удивлению, я не обнаружил. Долго стоял, вслушивался, надеясь разобрать в птичьём многоголосье песенку своего давнего знакомого, да тщётно: болотце пустовало.

Решил даже обойти болотинку с другой стороны, насилу пробравшись в кедах по вязкой трясине и чуть не расставшись со своей нехитрой обувкой: всё безрезультатно... Наверное, куличок погиб, печально подумал я, иначе бы он ни за что не изменил родному болоту! Всё в этой жизни рано или поздно заканчивается, не стало и этой маленькой птички, к голосу которой я незаметно привык.

Теперь никто больше не нарушает тишину у лесной дороги и не приветствует прохожих радостной песенкой. К тому же, болотце постепенно совсем затянулось тиной и заросло камышом. Стало как-то пустынно и скучно: с отсутствием куличка во всём окружающем пространстве, кажется, что-то нарушилось.

Долгое время я не переставал думать о куличке, а однажды поймал себя на простой мысли: мне не хватает этой маленькой неприметной птички, потому что она не раз дарила улыбку и поднимала настроение. Не велик кулик, а всё-таки птица!

ГВОЗДИК

Поздняя осень, выпал первый снег, и, как ни странно, наступила именно та пора, когда в нашем лесу оживляются самые маленькие обитатели. В разлапистых ветках ёлок без устали вертятся и тоненько посвистывают зеленовато-оливковая птичка – королёк. Ростом он чуть больше стрекозы, разглядеть его можно только замерев и пристально вглядываясь в заснеженный лесной полог, а отличается он от других пернатых малюток рыжевато-золотистой коронкой на молодцеватом хохолке, отчего и получил своё гордое имя.

За неугомонный нрав и несоответствующую его размерам бойкость лесовики ещё прозвали эту птичку «гвоздик», то есть, несмотря на малость, стойкий и неунывающий, сметливый и проворный. Не зря королёк поёт у нас и в морозы!

КУЛЬТУРА

Культура – это достигаемое человеком, в результате длительной работы души, состояние, неминуемо предполагающее гармонию с самим собой и окружающим миром. Непреложным свидетельством культуры остаётся уважительное отношение к собственным возможностям, что надлежит с неукоснительным постоянством, несмотря ни на что, развивать. Именно

культура предполагает веру в то, что Творец, созидающий и наделяющий нас сознанием, желает для всех людей достойного и интересного существования, которое мы должны выстраивать сами, то есть - становиться культурными людьми. Это лучше, чем оставаться ничем, а значит – просто не быть.

РЯЖЕННЫЕ

В грибном царстве нашего русского леса нет равных по расцветке сыроежкам! Исстари повелась в народе поговорка о ряженных в цвета радуги грибах: тридцать пять братьев – и все от разных матерей. Зелёные, розовые и лиловые, ярко-красные и бордовые, пурпурные, голубые, синенькие и серые, тёмно-коричневые, некоторые даже с черна, а то и густо-фиолетовые – нарядные сыроежки неповторимы по цветовым оттенкам, но более трогательна их фарфоровая белизна, которая всегда располагает к доверию и не внушает никаких сомнений.

РУЧЕЙ

В весеннем лесу, наполненном особым смыслом и ежечасной работой, кажется, только ручей беспечен: течёт, ни о чём не задумываясь, куда придётся!

Но и его дорожка – не час пустого пути, а поиск до самой поздней осени счастья для всех лесных обитателей.

СОРОКОПУТ

Только дважды довелось мне увидеть в лесу синицу и мышь, нанизанных сорокопутом на сучки, и я сразу подумал: отчего он так безжалостен, этот сравнительно небольшой жулан, что своим загадочным поведением как будто на самом деле плетёт сорок пут? Ведь если есть хотя бы один глаз, который зорек, тогда не надо и сорок, а сорокопуту зачем-то надо. Может быть, только затем, чтобы постоянно устрашать потенциальную жертву, заранее угнетая её этой боязнью жестокой расправы? Но сорок пут хоть кого на чистую воду выведут, как бы ты мудрёно их не плёл, потому что они, скорее всего, для того и предназначены, чтобы запутать и увести от истины, да только сколько ни путай, говорят в народе, а концы выйдут наружу.

Когда-то на Руси слово «сорок» означало «много». Но как это относится к маленькой птице, вес которой не достигает и ста граммов? Скорее всего, из-за тех ухищрений, к которым она прибегает.

Сорокопут имеет способность подражать голосам многих птиц, чем, видно, вносит достаточно сумятицы в их отношения, и, взбудораженные, они становятся его лёгкой добычей. Затем, схватив птицу, ящерицу или мышь, он не сразу её съедает, а накалывает на какую-либо колючку. Так ему,

имеющему небольшие размеры, во-первых, легче управиться с жертвой, к тому же, сорокопут очень хищен по натуре, хоть и ростом не вышел, и оттого всюду свирепствует, наводя страх на мелких обитателей леса. Таким же образом маленький разбойник хранит и свои запасы, и если он даже сыт, то всё равно ловит, накалывает на ветки и, мало того, отрывает у своих жертв головы!

Однажды я наблюдал, как самка сорокопута кормила двух молодых птиц... Какие они были прожорливые и капризные, как горланили, требуя пищи! Уже достаточно взрослые, сорокопуты сидели на проводах, почти прижавшись друг к другу, и с первого взгляда на них было видно, что им ни до кого нет дела. А ведь была уже почти осенняя пора, середина августа, давно покраснела рябина, и птицам надо было скоро улетать, но молодые сорокопуты до сих пор чувствовали себя птенцами. В этой небольшой детали проявляется характер птицы, которой ничего не стоит угнетать, обманывая, другую, только чтобы удовлетворить свой каприз.

Взрослый сорокопут обычно устраивается на каком-нибудь возвышении – дереве или кусте, и цепко высматривает добычу. Сидит он всегда ссутулившись и как будто сонно насупившись, голову поворачивает медленно. Но вся сонливость его – опять же только видимая, запутывающая. На самом деле сорокопут зорко глядит по сторонам и, как только замечает мышь, мгновенно бросается вниз, не присаживаясь, хватая её и, пролетев низко над землёй, крутой дугой взлетает на вершину рядом стоящего дерева. Всё это происходит в считанные мгновения.

Да, у сорокопута не без умысла путается дело. Но зачем природе такая изощрённость? Птице достаточно просто убить, чтобы поддержать свои силы или накормить птенцов, а сорокопут именно изощряется, когда это совсем не нужно. Напутает так, что никто не распутает, даже, кажется, самого себя вокруг пальца обведёт и оставит всех в полном неведении. Как говорится, сварила бы баба путаницу, да спрягла бы глазунью!

Нет, видимо, птицу эту сам Господь попутал, и дал другим в назидание, чтобы не дремали!

ЯГОДКА

Среди мелкокорослых сосенок, на моховых кочках, созревает последняя ягода – клюква. В ней сосредоточены сентябрьское солнце, влага земли, червонное золото лиственных лесов, изумрудная хвоя, подмороженный чистый воздух, аромат инея, горечь болот и задумчивость осенних далей... Берёшь ягодку, а в ней – весь мир.

УТЁНОК

Так уж сложилось, что у одной лесной мочажины, мимо которой я часто проходил во время охоты, меня всегда поджидало какое-нибудь интересное

событие... То застану лося, забрédшего по грудь в воду, то обнаружу свежие отпечатки косолапого медведя, прохаживающегося через дамбу, отделяющую озерко от глубокого лога... Бывало, залетали сюда и глухари с глухарками, неспешно бродили вдоль заросшей дорожки, выискивая недостающие им камешки, и пугали меня своим внезапным взлётom.

Неподалёку от мочажины, на укромной полянке, нередко подкарауливал я по весне краснобровых тетеревов, устраивающих здесь свои бурные токовища, по берегам озерка, на черёмухе, каждую осень кормились упитанные рябчики, а уж утка держалась постоянно. Попадались и селезень с серой утицей, и грязновато-пепельные гоголи, дружно взрывающие застоявшуюся тишину, и хлопотливые крякуши со своими беспокойными выводками, чирки же – чаще всего!

Однажды, прямо передо мной, с мочажины взмыла в воздух небольшая стайка чирков-трескунков. Совершив плавный круг над лесом, чирки готовы были плюхнуться в воду, но, напуганные выстрелом, ринулись в разные стороны, тогда как одну уточку всё же зацепило и, очутившись у камышей, она сразу куда-то исчезла. Подбитая птица никогда не тонет, всегда плавает на поверхности, и было ясно, что чирок просто умело схоронился.

Тихонько подойдя к тому месту, где пропал подбитый чирок, я стал внимательно вглядываться в прибрежную растительность, но ничего не заметил. Чирок словно сквозь землю провалился, хотя было件нятно, что оставаться долгое время незамеченным, тем более, подраненным, он не может. А между тем гладь озерка ничем не нарушалась, вокруг стояла полная тишина, и я уже начал было подумывать, что чирок погиб или задохнулся, застряв в камышах. Ведь не мог же он так долго находиться под водой?!

От охотников я слышал, будто бы покалеченная выстрелом утка тотчас ныряет и, уцепившись клювом за подводные стебельки или какую-либо водоросль, терпеливо затаивается. Используя такой бесхитростный приём, она сбивает с толку нерадивого охотника и тем самым сохраняет себе жизнь. Но, пристально всматриваясь в воду, я различал лишь жучков-плавунцов и маленьких зелёных улиток. Чирка нигде не было!

Я бы, наверное, так никогда и не раскрыл этот секрет, не показись из-за облаков солнце. Лишь на мгновение озарило оно поверхность озерка с отражающимися в нём соснами и берёзками, и я вдруг сразу всё увидел...

Чирок прятался под круглым листочком кувшинки, причём, вытянулся под ним вертикально, как бы привстав на цыпочки, а кончиком клюва чуть приподнял его над собой. Так и дышал, оставаясь незаметным, и, конечно, пересидел бы меня, если б не случай. Недаром в народе говорят: уточка только с носка плоска, да умом баска, и черенок листика – тот же утёнок!

ВОЛЧИЦА

Исхудавшая волчица, понуро опустив голову и хвост, неспешно семенила у края дороги мне навстречу. Казалось, её ничто не тревожит. В

каких-нибудь двадцати метрах, даже не глянув в мою сторону, она резко повернула в кусты и исчезла.

Я стоял опешивший от ощущения близости редкого зверя, и почему-то был уверен, что ещё увижу его. И действительно, волчица, обойдя меня в чаще, бесшумно выскользнула из-за деревьев чуть поодаль, и глянула прямо в лицо. Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту холодно смотрела мне в глаза, а затем, всё так же понуро повернувшись и не издав ни звука, удалилась.

Грустно становится отчего-то, когда врасплох застигнутый тобой в лесу зверь, не шелохнувшись, долго смотрит в твою сторону, затем как-то обмякает и, кинув на тебя последний раз свой потухший взгляд, не торопясь, удаляется в чащу.

В ГОСТИ К ГЛУХАРЯМ

Забрался я как-то в морозную февральскую даль к глухарям, километров за пятнадцать от деревни, чтобы проверить численность птиц перед началом брачных игр... Птицы сидели очень скученно, в глухом сосняке, и, наверное, им было хорошо и покойно.

Я же подходил к каждой птице нетерпеливо, попеременно поднимая одну за другой, жадно вслушивался в шум их полёта и ликовал, что и на этот раз обнаружил. Глухари, конечно, все разлетелись, но я особо не переживал, поскольку знал: весной они опять соберутся здесь вместе.

И всё-таки по дороге домой меня не покидала неприятная мысль, что я потревожил птиц, помешал их сокровенному зимнему существованию. И тут вдруг ударила жестокая метель, прямо навстречу, наотмашь, взявшись как будто бы ниоткуда, словно мстя за нарушение умиротворённой жизни таинственных птиц.

Метель вымотала, пронзила насквозь, но я не пожалел ни о чём, и когда, наконец-то, выбрался на дорогу в сплошной снежной пелене, то тотчас услышал гул приближающейся машины, которая очень быстро подбросила меня до самого посёлка. А вскоре низкие тучи незаметно рассеялись, и на небе засияло умытое солнце.

СНЕЖНАЯ ПОСТЕЛЬ

Как-то уходился я по солнечной апрельской дороге с лыжами через плечо, с рюкзаком, и улёгся от усталости прямо у обочины, на наст... После бессонной ночи на глухарином току, снежная постель показалась мне простой и удобной.

Небо над головой выгнулось необъятной синью, как шёлковое одеяло, и дышало теплом. У самых ног, в колее дороги, ласково журчал неугомонный ручей, так что мне тотчас захотелось спать, и я уснул. Но спал, не обрывая

своего восприятия, всё чувствуя и замечая вокруг, так что время пролетало мимо и ... оставалось на месте.

ВЛЮБЛЁННАЯ ГЛУХАРКА

Не перечесть всех случаев в лесу, и многие из них кажутся неправдоподобными, если они произошли не с тобой, а с кем-то, как бы правдоподобно ни рассказывал об этом «потерпевший». Но именно глухариные тока с их неведомой ночной жизнью могут подарить порой самые невероятные ситуации, которые бы никогда не пережил в менее богатом на впечатления дневном лесу.

Иногда в рассказах бывалых охотников, которых уж сейчас почти не осталось, встречаются упоминания о случаях нападения глухарей на людей во время весенних токов. Взрослые глухари не случайно, а именно целенаправленно атакуют человека, пытаясь задеть его крыльями, грудью или ударить клювом. Они налетают совершенно безбоязненно, как будто ясно представляя свои не понятные человеку намерения.

Причём, действуют порой с такой решительностью, что охотник в полном недоумении спешит ретироваться. Вероятно, подобные случаи происходят от неудовлетворённого полового побуждения самцов при малом количестве на току свободных самок. Но агрессивно могут вести себя и глухарки, нередко с лёта ударяясь охотнику в бок, спину или под колени, как это произошло однажды со мной в рассветных сумерках в начале мая.

Обычно копалухи подлетают к месту токовища ещё с вечера, и ведут себя осторожно, лишь изредка и очень вкрадчиво подавая знать о своём присутствии: «кот-кот-кот, кот-кот». Но в поведении двух глухарок, что, то и дело, перелетали вокруг небольшой полянки, ощущалась нескрываемая озабоченность, а её мог вызвать в свободных птицах, к тому же – в их лесной обители, только человек. Поскольку рассвет над землёй только занимался, и меня невозможно было увидеть и услышать, я решил, что озабоченность птиц объясняется их нетерпением в предвкушении любовного таинства. Вероятно, копалухи чувствовали друг в друге соперниц, претендующих на единоличное внимание мошника, и не в силах были сдержать свою страсть.

Я стоял посередине поляны, не успев ещё подойти к глухарю ближе под песню, как вдруг за спиной у меня просвистело и через мгновение забило в ногах что-то живое. Я обмер от липко обволакивающего страха, колени у меня подкосились, и сосны на опушке поплыли перед глазами. Надо представить моё состояние в глухом лесу, в не пробудившейся ещё предрассветной тиши, когда на тебя неожиданно налетает кто-то, и ты боишься предположить: что последует за этим?!

Обернувшись, я увидел копалуху. Быстро развернувшись, она с короткого расстояния вновь наскочила на меня, попытавшись клюнуть, тотчас уцепившись клювом за штаны. Злобно распушив хвост, она даже на какой-то миг повисла на них, но тотчас оборвалась и с шипением отлетела.

Удивлению моему не было предела, и так, опешивший, я ещё долго не мог прийти в себя, в то время как глухарь по-прежнему, без остановки, токовал, и звуки его песни мягко разносились над пробуждающимся лесом.

Взбалмошная глухарка переполошила сначала меня, затем – себя, вместе со всем весенним светом, и такое нечаянное событие невероятно оживило это мглистое утро, так что невероятная суматоха, случившаяся в лесу, не пошла шиворот-навыворот, как это обычно случается в жизни, а обернулась улыбкой весны, что обычно богата на занятую кутерьму. Но можно ли было принять подобное поведение копалухи, как выражение агрессии? Ведь во время тока она должна быть преисполнена чувством проникновенного трепета по отношению к переполненному страстью петуху, вплоть, до полного подчинения его власти, и о каком раздражении тут может идти речь?

Я не раз наблюдал, как подобострастно, будто совершенно позабыв себя, глухарка отдаётся на волю сильного мошника: она отрешённо прижимается перед ним к земле, просто вдавливаясь в неё, если кто имел счастье всё это таинство наблюдать. А каким могущественным предстаёт перед ней глухарь со своим распутившимся хвостом и расправленными крыльями, намного превышая её по размерам?! Гордо вытянув шею и потрясая бородой, он, чинно приблизившись к ней, просто ... взбирается ей на спину и начинает топтаться, отчего копалуха, по всему её виду, изнывает от счастья.

И вот, я вас спрашиваю: как может эта «дама», самозабвенно ловя каждое движение своего «кавалера», быть настолько очумевшей, чтобы бросаться на человека? И ко всему прочему, неоднократно, с каждым разом проявляя всё большую остервенелость?!

Понятное дело, она, конечно, не понимает, что я – человек, но тогда за кого копалуха меня воспринимает, бесстрашно атакуя? Ведь если предположить, что я – глухарь, только очень большой, она должна стелиться предо мной, ловить каждое моё движение, но она бесстрашно налетает, бьёт меня крылами, уцепившись клювом за штанину, принимается, что есть силы, терзать её, как потом оказалось – прокусив мои замечательные лесные штаны, оставив в районе колена дырку!

Всё это кого угодно может ввергнуть в глубокий шок, и ладно бы подобное происходило в результате действия какого-нибудь зверька, защищающего свою норку или потомство, а то ведь в тебя вцепляется кроткая и любвеобильная по отношению к деткам мамаша, накрывающая их собой во время лесного пала и сгорающая вместе с ними! Не зная, что предположить, я рискну высказать и такую крамольную догадку, что отчаявшись встретить этой весной своего единственного и неповторимого петуха, копалуха решила-таки произвести впечатление на какого-то неведомого крупного самца, то есть, на меня, без лишних «объяснений» откровенно потребовав, чтобы я проявил к ней своё внимание. Что я мог ещё думать?!

Но тут, как это обычно бывает, меня неожиданно посетила совершенно простая мысль: ведь сейчас идёт по земле весна, щепка на щепку, можно

сказать, лезет, и копалуха, конечно, ничем не была раздражена, а пребывала в любовном опьянении, на этих самых крыльях любви несясь к папаше своих будущих глухарят. Сорвавшись с леса, она просто пикировала на призывный зов взбудораженного весной мошника, изливающего над поляной звуки своей любовной песни, и в чуть зарождающемся, тихо роящемся над землёй мгlistом свете, не могла видеть меня, поскольку я уже битый час торчал посреди поляны, как вкопанный. И вот, мне под коленки ударяется нечто, отчего и в голове, и в животе, и, вообще, во всём теле что-то взрывается и уносится куда-то над лесом, как эта самая глухариная песня, разносясь повсюду, и я отрываюсь от земли, и лечу...

Что и говорить: влюблённая глухарка – мастерица по созданию неловких ситуаций! Но ведь необыкновенно счастливых, верно?!

ЗАБАВНЫЙ СЛУЧАЙ

Недвижима весенняя ночь перед своим скорым пробуждением. Первый вальдшнеп, утробно хоркнув, вдруг нарушит насторожившуюся тишину, где-то недовольно прогундит воробьиный сыч, и опять воцарится покой. Слух твой обострён в ожидании редкого глухариного скирканья. Всё кажется: с минуты на минуту произойдёт нечто удивительное, способное затмить собой и ночь с её скрытыми страхами, и красивых древних птиц, к которым ты, несмотря ни на что, отправился, и саму весну. Не зря в народе говорят: весной ждать – не устать, было б чего.

И вот что-то нарушилось в этом напряжённом ожидании. В воздухе вдруг повеяло неясной переменной, и появилась лёгкая тревога. Только в последний миг почувствовал я какое-то шевеление слева, у виска, и тут же его пронзила тупая боль, а в глазах померкло.

По лицу ещё раз шваркнуло что-то живое, забилося у груди и пропало, внезапно плюхнувшись справа, в светлеющую в колеях просторную лужу. Это были два чирка, один из которых с лёта угодил мне прямо в голову. Чирки, по-видимому, с высоты заметили поблескивающее пятно воды и наметились на него, неслышно планируя вниз над дорогой. На пути одного из них, в темноте, оказался я, и чирок сам, должно быть, порядком перепугался, натолкнувшись на невидимую преграду.

Свалившись в лужу, он долго не мог успокоиться, то и дело, оглашая лес своим трескучим кряканьем. А я, ещё не в силах оправиться от пережитого страха, стоял, не чувствуя ног, по щиколотку в снеговой воде и улыбался сквозь непроизвольно выступившие слёзы от комичности произошедшего. Мне вдруг стало жаль маленькую уточку, которая, наверное, перепугалась больше меня, и я рассмеялся, позабыв о глухарях.

КАК Я УЗНАЛ, ЧТО БУДУ ЖИТЬ ВЕЧНО

Недвижима весенняя ночь... Оранжевая луна крадучись прячется за деревьями, неслышно перебирается к чернеющему западу. Сновидения в эту пору не одолевают разгорячённое за день воображение, и всё живое лишь замирает в предвкушении скорого оживления.

Первый вальдшнеп неожиданно протянет где-то над верхушками елей и, утробно хоркнув, разбудит ненадолго задремавший лес. Всё как будто встрепет в нём, приготовится встретить скорое утро, и словно станет легче дышать.

Невидимый воздух плотен, свеж, и приятным откровением слышится в нём монотонная песня кукушки. То удаляясь, то наплывая, она сначала не привлекает обострённого внимания. Слух напряжён в ожидании редкого глухариного скирканья.

Но постепенно заунывное кукование доходит до твоего успокоенного ночной тишиной сердца, и ты начинаешь, в такт неутомимой птице, считать свои года, готовые в любой момент оборваться, и от этого сердце вновь охватывает волнение, а кукушка всё кукует и кукует, не оставляя никакой надежды на безудержный порыв. Только безукоризненная, даже чуточку надоедливая размеренность, вносящая умиротворение в зарождающуюся жизнь.

И всё же непонятно к чему призывающий крик кукушки так и не даёт до конца успокоиться, тревожит, и, остановив свой счёт на трёхстах, я ещё долго слышу, как над лесом разносится размеренное «ку-ку, ку-ку, ку-ку», и при этом не могу отделаться от не совсем приятного ощущения, что буду жить вечно.

ЗАВИСТЬ

Весенний день ласково струится над оживающим лесом. Ослепительно припекает солнце, а дорога упрямой лиловой лентой убегает к манящему горизонту. С маленьких придорожных лужиц, подпуская почти вплотную, пугливо срываются юркие кулики-черныши, и над затопленным в низинах тальником разносятся их отрывисто-восторженные вскрикивания.

Одиноким ястреб-тетеревятник плавно кружит над еловыми гривами, наворачивая круг за кругом, медленно уменьшается, постепенно становясь невидимым. Я лежу на маленьком стожке сена, оставшегося с прошлого года, и отрешённо наблюдаю за его размеренными, еле уловимыми движениями.

Нельзя даже различить: шевелит ли он кончиками крыльев? Должно быть, ястреб уже успел рассмотреть во мне незваного гостя и, охладев, гордо взмыл в недостижимое для человека пространство. Вознёсся, наслаждаясь собственной свободой, не принимая какую-либо ограниченность. В его глазах сейчас, наверно, стекленеет презрение ко всему. На какой-то миг мне вдруг становится себя жаль.

Открывающаяся в лесу человеческая растерянность порой бывает постыдна. Правда, она не всегда достаточно ощутима. Главной виной тому – растраченная или пока так и не пробудившаяся в человеке совесть, свойство, которого лишены животные.

Совесть – робкое, а порой и довольно требовательное напоминание человеку о его душевном превосходстве над зверем, тогда как на деле это не всегда происходит. Более мучительным для человека оказывается постижение безвозвратной утраты им прекрасной звериной силы. И тогда человека начинает снедать тоска и неудовлетворённость, он заболевает полётом, и уже не мыслит себя без высокого неба.

Кажется, человеку нечего предпочесть одиноко парящему в вышине ястребу, этой отрешённости гордой птицы, что сначала незаметно окрыляет, унося вместе с ней в необозримую высь, а затем повергает в ошеломительную зависть...

Земля подо мной вдруг становится невесомой, какая-то неведомая сила приподнимает меня над лесом, и я уже не отдаю себе отчёта в своих чувствах, все они сливаются во всепоглощающее переживание дикой свободы, а её можно ощутить вот только таким, тревожащим сердце, весенним днём, превращаясь в мыслях в легкокрылого и недостижимого ястреба.

МАЛЕНЬКИЙ СЕВЕРНЫЙ ЦВЕТОК

Если вообразить себя каким-либо растением, соединённым корнями с недрами матери-земли, то я представляю маленький северный цветок с бледно-голубоватым, неброским соцветием. Цветок стойко удерживается на обрывистом склоне высокой горы у какой-нибудь потаённой таёжной реки, и то улетаёт мысленно вслед за свежим ветерком ввысь, то возвращается и с тихой мечтательностью вновь прижимается к родимой земле. Как будто в оправдание перед всеми за своё неприметное счастье, цветок иногда низко склоняется головкой, но никто этого не замечает.

ВЗГЛЯД ИЗ ОКНА

Нелегко отыскать в лесу такого зверя или птицу, чтобы они долгое время не подозревали, что на них смотрит человек. Встречи со зверями сами по себе не часты и, как правило, кратковременны. Что же касается птиц, то они скоро улетают, словно чувствуя чьё-то незримое присутствие. Так бывало не раз, когда я наблюдал за ними через оконное стекло лесного домика.

Подкравшись тихо к окошку, бывало, замрёшь и смотришь на расстоянии вытянутой руки, чем занимаются птицы, какое им свойственно поведение, или разбираешь яркое оперение, запоминая его всевозможные оттенки. Уже через несколько секунд птицы начинают выказывать тревогу,

подхлестывают себя ею, разжигают и, доведя своё обострённое восприятие до допустимого накала, улетают в возбуждении, тогда как ты всё это время, затаив дыхание, оставался недвижим. Значит, что-то они угадывают сквозь видимую раскрепощённость, какой-то механизм предусмотрительности, заложенный в них природой, надёжно срабатывает, быть может, даже независимо от их воли.

Так, однажды, обнаружил я за окном избушки обыкновенного осоеда, птицу в наших лесах довольно редкую. В каких-нибудь десяти шагах от дома сарыч с нетерпеливым клёкотом переминался с ноги на ногу, рыл под собой землю в густой траве, а как только я подошёл к окну разглядеть его лучше, тут же улетел.

Осоед, как выяснилось позже, раскапывал осиное гнездо, не боясь при этом быть ужаленным. Осы – главная часть его обеда, но ест он только тех, которые не совсем развились и не могут повредить его своим ядовитым жалом.

Осоед был красив, вёл себя, в отличие от других хищных птиц, как-то раскованно, и очень свободно передвигался по земле. Но более всего поразила меня его резкая, совершенно неожиданная настороженность, поскольку следил я за ним с подсолнечной стороны, и видеть меня за двойным стеклом он не мог. Не мог он меня и услышать, потому как подобрался я к окну, закрываясь от птицы стеной, не делая резких движений. Я даже не слышал самого себя!

Какие-то мгновения сарыч ещё находился в полной отрешённости, был начисто раскрепощён в своём увлечении добычей осиных яичек, но затем молниеносно насторожился, беспокойно закрутился на месте и, слегка взмахнув мощными крыльями, улетел. Звук его голоса – торопливое, часто повторяемое «ки-ки-квик», ещё долгое время слышался над лесом, а я подумал о том, что поводом для беспокойства осоеда послужил только мой взгляд, может быть, моё пристальное внимание к нему, и птица несомненно почувствовала это.

ОДНАЖДЫ ВЕСНОЙ

Однажды весной, на вечерней заре, поднял я двух журавлей, кормящихся у края потаённой полянки... Развернувшись на фоне заходящего оранжевого солнца, птицы потянули, призывно курлыкая, прямо на меня, и от взмахов их огромных крыльев так ощутимо повеяло древностью земли, что я неожиданно почувствовал, будто человеческая жизнь на земле ещё и не начиналась.

САМАЯ ЖИВАЯ ПТИЧКА

Самая живая птичка весны – светло-серая с чёрным бантиком на груди трясогузка: только прилетев, она уже куда-то зовёт за собой. Кокетливо

помахивая хвостиком, то и дело, перебегая дорожку и трогательно попискивая, трясогозка будто приглашает в какие-то неизведанные края, в которые сама ни долететь, ни добежать, кажется, не в силах. Но почему-то не оставляет попыток, всё неустанно семенит ножками, перепархивает и, никого не дождавшись, возвращается, чтобы вновь зазывно увлекать.

НЕБЕСНЫЙ БАРАШЕК

Идя ночной порой на глухариный ток, задумаешься, бывало, о чём-нибудь, что давно не давало покоя, а окружающая парная темень жарко дышит в лицо и ещё более сгущает тяжкое настроение: радость равнодушно покинула твоё сердце.

Запинаясь о невидимые кочки, бредёшь в липкой темноте, и всё думаешь о чём-то тревожном, на душе беспокойно и сумрачно. Уже затемнели верхушки тальника на чуть светлеющем небе, утробно вздыхают по лужам разбуженные лягушки и, пустив несколько пузырей, умиротворённо замирают. Тяжело идти, тяжело дышать, нелегко думать!

И вот, крик случайного бекаса над самой головой выведет из охватившего оцепенения, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от невесёлых дум. Куличок стремительно падает в необозримой вышине, перышки на его крыльях вибрируют, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек...

Вглядываясь в прозрачное небо, какое-то время стоишь в приятной растерянности, вслушиваешься и ощущаешь только удары разгорячённого от ходьбы сердца. Такой же крохотной птичкой бьётся оно в груди, трепещет невидимыми крылышками, а ты и не ведаешь, что незаметно, благодаря маленькому бекасу, в тебе уже пробудилась утерянная радость.

ПРЕДЗИМЬЕ

Поздней осенью, когда ещё не лёг на землю снег, особо ощущаешь тишину, что непроницаемо стоит над замершими деревьями, застылым озерком и уходящей вдаль пустынной дорогой.

Уже все деревья обронули листву, и только дубы жёстко шелестят своими ржавыми листьями. Нескладными увальнями выглядят они по сравнению с притихшими осинами, берёзами и липами. Их размытые очертания ещё сохраняют в себе уверенность: они не желают так скоро расставаться с теплом и крепко удерживают высохшие листья на чёрных ветвях.

Ветви упрямо упираются в бесцветную полосу осеннего неба, в стылом воздухе веет скорым приходом снега, над сухой подмороженной землёй будто стелется чуть приметный дымок. На всём лежит покой, и природа, кажется, замерла, отдыхая от переполнившей её жизни.

Уже давно ожидал ты первого чистого снега и знал, почти до мелочей, как это будет, но вот снег выпал, и белизна его сразу стала непривычной. Белое равнодушие заснеженных тихих полей и остановившегося пасмурного неба сначала на миг заворожило, а затем со всей ясностью обескуражило. Как серьёзно то, что произошло! Вновь подступило предзимье...

Воздух свеж, ароматен и спел. Липучий снег цепляется к подошвам сапог, и позади остаются тёмные следы. В них виднеются бурые примятые листья, они прилипают к каблукам, но кое-где всё ещё зеленеет трава. Изредка переступаешь поваленные осинки с обглоданными верхушками, и сразу представляется, как в ночной темноте здесь прыгали зайцы, объедая вкусную, сочную кору.

С первым морозцем словно сам молодеешь. Возвращаясь же в дом, расслабленно оттаиваешь, так что недавнее возбуждение и радость сменяются благостным настроением, пока опять не выйдешь во двор. Предзимняя тишина тогда быстро вселяет в твою душу долгожданную уверенность, покой и надежду.

КОСАЧ

Каждый год на одном и том же поле у Новосёловской горы токует один и тот же косач. К нему не присоединяются другие тетерева, и даже самочки, кажется, не обращают на него внимания, а он неизменно токует всю весну, будто ему ни до кого нет дела.

Выдастся ли радостное утро или мягкий пасмурный день – это никак не влияет на тетерева: с восходом солнца или же в подходящий для этого час над долиной разносится его знакомое: «бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль, чух-фы-ы». Пение то разгорается, то притихает, то иногда вовсе исчезает, но через какое-то время вновь вспыхивает. Тетерев забывается порой или отвлекается на что-то более важное, чем прославление очередного весеннего дня, а спохватившись, опять продолжает.

Поле там большое, и петух каждый раз выбирает себе новое место, словно ему наскучивает петь на одном и том же. Не раз наблюдая за ним, я убеждался: тетерев этот какой-то необычный, не похожий ни на кого. Мало того, что он всегда оставался один, он ещё и вёл себя своеобразно: резво бегал по полю, припрыгивал, выбирая при этом самые диковинные позы, будто соревновался с невидимым соперником, и что ещё занятней всего – на время куда-то исчезал. Бывали дни, когда он и вовсе не появлялся, словно устал от возложенных на него природой обязанностей – славить весну, радовать всех и радоваться самому.

В такие утра без него чего-то не хватало в природе, и я, когда проходил мимо горы с глухариного тока, всегда прислушивался: не поёт ли косач? Если птицы не было слышно, даже немного расстраивался и подолгу стоял в нерешительности: идти дальше или ещё подождать? Всегда хотелось услышать, как косач токует. Будто песня его была каким-то добрым знаком,

и когда тетерев молчал, душе чего-то не доставало, несмотря на окружающее весеннее раздолье.

И так, каждую весну, загадывал я: жив ли петух, уберётся ли в суровую зиму от когтей коварной рыси или зубов хищной лисицы, будет ли опять, как всегда, токовать на любимой горке? И если косач токовал, весна непременно удавалась, всё вокруг радостно оживало, и не верилось, что когда-нибудь тетерев не прилетит на ток и восторженно не огласит округу: «бу-бу-бу, чух-фы-ы, бу-бу-бу, чух-фы-ы, бу-бу-буль, буль-ль, чух-фы-ы!»

ПОД РОЖДЕСТВО

Стоит ночь, огромная тьма объяла всё вокруг, и мы с соседским дедушкой возвращаемся на неторопливой лошадке с дальнего покоса, с сеном для скота. А в лесу шумит ветер: он словно рассказывает о своей неукротимости, которой очень гордится, настойчиво советуя обратить на себя внимание. Временами я чувствую его разгорячённое волнение, и сердце учащённо начинает биться в груди.

Тьма и холод зимы бросают в приподнятое настроение от неизвестности окружающего пространства. Оно будоражит кровь в жилах и возвышает душу, имеющую потребность к радостному оцепенению перед ночным лесом: хотя ничего и не видно, но до жути приятно. А без сказочной тайны и правда не стоит.

Не верится, что где-то, посреди этой темноты, бесчинствуют волки. В такую пору они, должно быть, охвачены неясной тревогой от собственной наглости и голода, в сладостной истоме мучительно переживая его на дне глухих оврагов. Неприютный ветер и бездонная темень зачем-то одолевают сердце нежданным желанием неразлучного слияния с жизнью загадочных зверей, или, хотя бы на время, лёгким забвением в их неутомимой бродячей жизни. Так тебе хочется думать.

Через какое-то время, достаточно глубоко прочувствовав это единение с волками, я уже не слышу монотонного завывания ветра, не вижу беспросветной темноты. Мир обременительных ночных зависимостей постепенно отходит куда-то за пределы моего знания, так что остаются только тишина, воображаемые волки, сказочно посверкивающие из чащи своими аметистовыми глазами, и свободный дух, что безропотно несут в себе самые выносливые и непредсказуемые звери. Непередаваема дикая сила и глубина, растворённая в каждом волке.

Волки стоят в это время года под десятой сосной, рыщут артелями, жмутся поближе к сёлам. Видно, быть недороду. Повсюду встречаются их следы, они пересекают дорогу: не миновать запоздалому путнику беды!

Волчий месяц гонит зверей к силам тьмы, что оживают перед самым Рождеством. Колдуны и ведьмы — его неперемненные герои, их обличья неисчислимы, а самое злобное — волк-оборотень. Только под Рождество колдун втыкает нож в осиновый пень, кувыркается через него и становится

волком. Если нож унести и не дать зверю обратного хода, он навеки останется в волчьей шкуре.

В январские ночи, под самое Рождество, зима водит свои торжественные хороводы, а люди сидят у печи, да тешат душу давними сказками и преданиями. Но, несмотря ни на что, тянутся сквозь снега нескончаемые санные пути-дороги. Сердитый мороз бодает через одёжку колкими рогами, рвёт холодом стволы берёз и сосен, ещё пуще зажигает на небе звёзды, никому не даёт спуска.

Мерно скрипит под санями снег... Дорога вьётся между деревьев серебряным замысловатым узором, а в воздухе неторопливо кружат пушистые хлопья. Они будто остановились, отчего начинает казаться, что кто-то тихо идёт тебе навстречу. По отворотам тулупа шуршат еловые ветви, сдержанно сияет с неба луна, и пахнет рождественским морозом.

ПУГАЧ

В густом еловом лесу поднял я однажды филина. Он бесшумно перелетел поляну, и уселся неподалёку. Летел ночной хищник плавно, так что можно было хорошо разглядеть его тёмно-рыжий окрас с ярко-чёрными красивыми подпалинами. Крылья у филина были неестественно вздыблены, потому как предплечья – самая сильная часть тела птицы, а когтистые ноги устрашающе свисали под брюхом.

Большую круглую голову, похожую на кошачью, украшали мохнатые уши, то есть – пучки перьев, напоминающие их, и мощный загнутый клюв. Огромные оранжевые глаза бесстыдно взирали вокруг, будто пронзая своим холодом. Весь он был невозмутимый и целенаправленный, в поведении птицы чувствовалась ненаказуемость, призванная в лесу только брать, ничего не отдавая взамен.

И сразу дохнуло сказочностью, уверенностью в том, что лесной дух всё же существует. Если не в этом, бесшумно проскользнувшем между деревьев филине, то в силе, что движет и созидает его полёт. Показалось, будто какой-то непонятный сон на миг обволок сознание, но, даже избавившись вскоре от нахлынувшего видения, некоторое время я ещё оставался замороженным от увиденного, а цвет оперения филина тотчас напомнил цвет шероховатого елового ствола, о который я опирался рукой, наблюдая за необыкновенной птицей.

Филин вертел головой, словно она была на шарнирах, хлопал огромными глазами и возбуждённо раздувал шею. Выглядел он скорее забавно, нежели устрашающе, между тем как в птичьем мире филин слывет самым загадочным хищником, которого многие птицы и звери не на шутку боятся.

Но несмотря на то, что облик птицы чаще всё-таки вызывает ощущение страха, в филине зловещего не больше, чем обаятельного, и лесной бог посылает его лесным обитателям только за тем, чтобы филин своим уханьем

напоминал им о таящейся в чаще опасности и тут же от неё отпугивал, время от времени предоставляя возможность для спасения. В народе издавна чтили сказочную лесную глухомань, но вскрикивания ночной птицы восприняли по-своему и прозвали филина «пугачом». Крестьяне, заслышав в лесу ухающую птицу, всегда крестились и старались быстрее миновать «гиблое» место, приговаривая: «Из пустого дупла – либо филин, либо сам сатана!»

ДУШЕВНОЕ ВОСХИЩЕНИЕ

Разве можно точно передать то душевное восхищение, которое охватывает тебя поутру при входе в сосновый бор, с мартовскими синими тенями от стволов, меж которыми пролегли борозды глухариных набродов?! После того, как ты это увидел, в лесу почему-то начинает открываться ещё много такого, чего раньше вообще не замечал. И тогда всё вокруг представляется чудесным: и снег, и воздух, и солнце, и глухари, которые только что были здесь, но улетели, и ты не в силах сдерживать волнения от их недавнего присутствия... Нужно всегда самому осознанно войти в мир дикой природы, и отыскать для себя смысл её волшебства.

У ПОЛЫНИ

Утро было неживым, мглистым. Небо, кажется, всей грудью навалилось на землю, не давая ей хоть сколько-нибудь передохнуть, а воздух неприятно копошился, стелясь меж стволов рваными, тягучими слоёвищами, отчего всё время чудилось, будто кто-то бросается к тебе, пытаясь напугать, но, мгновенно отпрянув, тут же исчезает. И только свежий волчий след спокойно и твёрдо тянулся вдоль пологого берега реки, растворяясь в густом тёмном ельнике.

Желая посмотреть его выход, я обошёл лесок верхом и вскоре наткнулся на уже разгорячённый звериный галоп. Волк, видимо, почуявший меня, уходил на махах через открытое поле к дальним берёзовым колкам, бесприсутно замершим по склонам неглубоких отложков.

Через полчаса, возвращаясь по волчьему следу, я вышел к укромной промёрзшей заводи. Под самым берегом, в зеленовато-мутном вспузырившемся льду, обнаружилась прогрызенная, с изодранными краями, полынья. Повсюду валялись смёрзшиеся волосяные комки, лёд был изрыт когтями в глубокие борозды, а снег вокруг воды был плотно утоптан.

Стояли крепкие морозы, и по тому, как тщательно поддерживалась зверем открытая вода, было ясно, что приходит он сюда не случайно. Подойдя к самому краю полыньи и заглянув в неживую тяжёлую воду, я вдруг увидел затиснутую между откосым берегом и льдом бесформенную грудку тел, в которых постепенно различил разбухших овец...

Лишь вечером, в деревне, мне рассказали, что в самом конце лета коровы, привыкшие возвращаться с пастбища вплавь, увлекли за собой стадо

овец. Овцы, тупо следуя одна за другой, все поголовно угодили в сильный водоворот, который прибил их под берег, в тихую воду. Холодные подземные источники сохранили мясо, так что оно пролежало до самой зимы, постепенно вмерзнув в полуметровый лёд.

Волчица, судя по следу, это была именно она, всю зиму приходила лакомиться бараниной. Со временем ей всё тяжелее было выволакивать одеревеневшие туши наверх, и она, охваченная неукротимым, всё возрастающим раз от раза желанием добыть пропитание, разъярённо кромсала лёд острыми когтями. В бессильной злобе от невозможности дотянуться до лакомого куса, волчица, наверное, с нетерпеливым урчанием грызла пресное безвкусное крошево, в оступелой отрешённости проклиная у этой затерявшейся в лесу полыни свою вынужденную угнетённость и голодную зиму.

КРАСНАЯ ЛУНА

Только однажды, в ноябре, увидел я огромную красную луну, и до того она меня поразила своей зловещей неукоснительностью, что ещё долго потом вспоминалось, как луна неожиданно, будто хищная и лукавая рыба, всплыла на чёрном небе, завалилась вдруг набок, и так, остановившись в своём завораживающем восхождении, пристально и совершенно открыто заглянула мне в душу. Но я перед ней почему-то не раскрылся, как сделал бы это перед любой, даже самой маленькой звездой, а только стоял и, не отрываясь, любовался.

ЛАСТОЧКИ

Думал о том, почему ласточки более других птиц пользуются человеческой симпатией, особенно среди женщин. Приходили на ум и их внешняя красота, облачённая в белоснежную манишку и чёрный сюртучок, и трепетная забота о птенцах, ради которых вездесущие птички готовы неумоимо трудиться весь день, и стремительность завораживающего полёта, когда они львиную долю светлого дня свободно витают над землёй, ни на секунду не присаживаясь на неё. А ещё умение строить такие аккуратные и надёжные гнёзда под карнизами наших домов, не говоря уже о таинственных береговых норках, из которых, если потопать ногами, ласточки стрелой вырываются и долгое время носятся над водой, не в силах успокоить растревоженное маленькое сердце. Но все эти достоинства почему-то не удовлетворяли, в них не доставало чего-то самого главного, за что ласточками можно было восхищаться и любить.

И тут я вдруг остановил своё внимание на ласковости их имени, с какой в народе величали этих обаятельных птиц, и сразу вспомнил ласковое деревенское утро, которое невозможно представить без их стремительного полёта, и ласковое тепло солнечных лучей, и что-то ещё очень нежное, без

чего ласточкино утро никогда не будет таким добрым и дорогим. Милые птицы, скорее всего, вселяют в сердца людей трогательную признательность за своё очаровательное добродушие, с каким они воспринимают жизнь, одновременно и божественно, и просто. И кому, как не женщинам, наиболее приятно представлять себя в тёплых струях живительного летнего воздуха именно ласточками, а не горихвостками или овсянками!

ЧЬИ ВЫ?

Что-то остановило меня однажды посреди майской дороги. Заставило поднять голову и, скорее, не увидеть, а почувствовать тревогу. И только потом услышать пронзительные вскрикивания кружащей над головой птицы, угадав в ней ширококрылого взбудораженного чем-то чибиса, с напряжённой суетливостью снижающегося к земле. А через несколько мгновений витающая над головой тревога удвоилась: ещё один чибис с тоскливым криком, как будто ниоткуда, взмыл над землёй и озабоченно запетлял над неширокой поляной.

И тут я увидел, как впереди по дороге, у самой её обочины, выбежала хохлатая самочка. На секунду замерев, будто прислушиваясь, она покосилась в мою сторону и, смешно переваливаясь, перебежала подальше. Чуть приподняв лапку, опять замерла и, как-то скособочившись, припустила по самому краешку, явно пытаясь увести меня от гнезда.

Но я оставался на месте, и птица застыла, повернулась ко мне и тихонечко простонала, в нетерпении поведя перышками. Я сделал несколько шагов в сторону от дороги, туда, где поначалу показалась птичка, и она вдруг бросилась ко мне наискосок, через дорогу, неприметно семеня своими тоненькими лапками. Я тут же остановился, а птичка возбужденно закрутилась на месте, издавая всхлипывающие попискивания. Она была само отчаяние...

Не без муки представляя, как бьётся сейчас в маленькой груди бесстрашное сердечко, я всё же попытался поискать гнездо. Раньше мне не приводилось встречать в лесу чибисовых яиц. Поиски мои не увенчались успехом, и всё это время две птицы, не переставая, кружили над головой, изредка оглашая округу своим неизъяснимо-вкрадчивым криком: «Чьи вы, чьи вы, чьи вы, чив-чивы, чив-чивы, чьи вы, чьи вы, чьи вы?»

Потом птицы куда-то исчезли. Вероятно, они просто устали надирать свои сердца и в бессилии удалились, а я остался стоять посреди разнеженного майского дня, не в силах двигаться дальше.

Постепенно вокруг опять воцарилась лёгкая дремотная тишина, и я подумал, что, может, никакого гнезда здесь у чибисов вовсе нет, а птицы, возбуждённые скорым выводением птенцов, вдруг увидели одиноко ступающего по дороге человека, и это вызвало у них короткий приступ эмоционального раскрепощения. Чибисы, как могли, разрядили свою озабоченность и вскоре забыли о моём существовании. Я иду дальше по

дороге, думаю о них, и мне больше не хочется доставлять птицам переживания.

Но незаметно, с исчезновением чибисов, в моей голове тоже начинают рождаться всякие тревожные мысли. Например о том, что не меня птицы боялись в этот майский полдень, а искали своих разбежавшихся по траве малых деток, которых я всё же, по неосторожности, разогнал. И тогда уже мои непутёвые чувства поднимаются ширококрылыми чибисами к небу, беспринутно вьются в отрешённо замершей синеве и тоскливо плачут: «Чи вы, чи вы, чи вы?»

ГОЛОС ПРИРОДЫ

Есть в лесу много таких птиц, чи голоса можно без особого труда передразнить. Например, вороны, когда она, забираясь в поднебесные выси, начинает играть в воздушных потоках и издавать своё: «крум-крум, крум-крум, крум-крум», а то просто и доступно для любого подражателя: «кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р». Или, скажем, всем хорошо известная синица, без остановки принимающаяся будить нас за окном каждое мартовское утро: «пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь», но может и рассыпаться, будто дробной капелью с крыш: «ци-ци-ци, ци-ци-ци, ци-ци-ци». Дятел желна всегда устремляется в полёт с тревожной озабоченностью: «крю-крю-крю, крю-крю-крю, крю-крю-крю», и потом плачуще, с жалобой на кого-то: «киу-у, киу-у, киу-у». Но вот песню глухаря, как ни старайся, никак не передашь: слишком уж она мудрёная!

На первый взгляд, голос глухаря, конечно, не сравнишь с пением соловья, но и поговорка, что у кого голосу нет, тот и петь охоч, к нему тоже не подходит. У глухаря свой голос, не похожий ни на какой другой, да к тому же бережно скрываемый природой под покровом темноты. Его не услышишь просто так, а нужно отыскать птицу в раздольную весеннюю пору, прокрасться к ней и остаться при этом незамеченным. Иначе древний житель лесов не удосужит тебя своей тайной, и звук его великолепной гортани не проймёт тебя до самых глубин души. Всяк в природе своим голосом славится, и важно проснуться с зарёю, почувствовать сердцем, что природа тебя поджидает, и каждому звуку в ней обрадоваться.

Самое начало глухариной песни как будто несложно, ровно капли падают в какой-то невидимый металлический сосуд: «тэк-е, тэк-е, тэк-е». Так глухарь только принаравливается к пению, как бы настраивая свой музыкальный инструмент, которым является его гортань. Вытянув шею и, вздрагивая всем телом, он сообщает ей в окружающее пространство эти капли-звуки, что, падая, будят весенний лес.

А вот сама песня невероятно сложна и требует уникального музыкального слуха, соответствующей подготовки и досконального знания глухариного образа жизни, чтобы хотя бы попытаться воспроизвести её. Представьте себе древнего лесного исполина, чей возраст превышает возраст

человека! Безукоризненно вылепленное природой горло и мощный клюв, широкая грудь, загадочное и сильное нутро этой птицы, что зачаровывают и повергают своей тайной. И всё это оттачивалось веками, пробовало себя из весны в весну, и ничто не мешало такому неторопливому и вдумчивому самосовершенствованию.

По глубоким летам птицы и её безупречно отточенный голос, в котором нет ничего лишнего, только восхищение, переданное глухарём доступными ему средствами, прекрасная лесная глушина и нескончаемая мощь! За долгое время ученичества глухарь действительно бесподобно отшлифовал своё мастерство, не переставая каждую весну наслаждаться этим природным умением. Может быть, именно поэтому лес сберёг его песню, и глухарь начинает петь только ночью, когда многие птицы ещё видят сны.

Это даже не песня, а какой-то неведомый лесной голос, который вещует в ночи о чём-то непостижимом... Мало того, что он человеку непонятен, так к нему ещё надлежит добраться через лесные дебри, отыскать в необъятных таёжных просторах, потратив на это немало времени и усилий, а обнаружив – постараться слиться с лесом, стать незаметным, чтобы вслушиваться и постигать голос самой природы, сокровенно повествующий о том, во имя чего она, не покладая сил, трудится.

Голос природы – это и вековая память леса, а провозвестником её она выбрала именно глухаря, такую же древнюю, как лес, птицу, призванную, наверное, восхвалять самую главную лесную тайну. Хорошо бы когда-нибудь открыть её, и так же, как и глухарь, самозабвенно и радостно поведать о ней людям.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ГЛУХАРЬ

Однажды мне посчастливилось отыскать маленький глухариный точок неподалёку от деревни, и когда я подходил под песню к токующему глухарю, отчётливо было слышно тявканье собак. Глухарь в такие моменты замолкал, забавно замирая на суку с приподнятой лапой, настороженно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, внимательно прислушиваясь к доносящимся с деревни звукам, и новую песню заводил уже не так азартно, а как-то нехотя, в полсилы.

Родившись и живя рядом с человеческим селением, и будучи, по-видимому, достаточно молодым, глухарь чем-то неуловимым становился похож на деревенского петуха, оставаясь всё же лесным.

ТЯСОГУЗКИНЫ ПРИЧУДЫ

Весь июньский день проходил я в лесу, собирая грибы с ягодами, и из-за сильного дождя опоздал на электричку. Вымок весь до нитки, промёрз, а до следующего поезда ещё два с половиной часа. Чем занять себя?

Вскоре дождь закончился, в воздухе сразу посветлело и стало тепло. Из круглого чердачного окна станционного домика молниеносно вылетали черноголовые ласточки, взмывали на тёплых потоках воздуха вверх, то и дело переворачиваясь, ложились в головокружительное пики, а у самой земли ловко выходили из него и, кувыряясь, влетали через несколько секунд обратно в окно.

Некоторые из ласточек, прижимаясь к земле, выхватывали еле приметные в их клювах травинки, и тут же возвращались на чердак. Другие же, взмывая в небо, охотились за невидимыми насекомыми, находясь в воздухе гораздо дольше в отличие от тех, которые просто собирали материал для гнёзд.

С равным интервалом выпархивая из станционного окна, ласточки через такой же промежуток времени возвращались. Без боязни ошибиться - по ним можно было сверять часы. Но более занимало другое...

Неподалёку от круглого окошка проходили телеграфные провода, на которых, беспрестанно взлетая и вновь присаживаясь, располагались вёрткие белые трясогузки. Нетерпеливо покачивая хвостиками, они время от времени поглядывали в круглое окно чердака, как будто чего-то ожидая. Как только ласточки выпархивали оттуда, трясогузки бросались вслед за ними и, преследуя их клювом в самый хвост, не отпускали до тех самых пор, пока ласточки не залетали к себе обратно.

Далее трясогузки следовать почему-то остерегались и, усаживаясь на провода, вновь дожидались вылета ласточек, чтобы сломя голову броситься за ними в очередное преследование. Выделявая в нагретом воздухе сложные пируэты, они точь-в-точь копировали их волнительное парение.

Ласточки словно не замечали своих преследователей, иногда отвечали трясогузкам лёгким уколom, прямо на лету повернувшись к ним маленьким клювом. Это как будто ещё более распаляло юрких белых птичек, и они с усиленным рвением гонялись за недостижимыми ласточками. Случается, что во время охоты ласточки и сами часто сопровождают идущего человека, собаку или лошадь, ловя облепивших их насекомых.

До боли в глазах наблюдая за этой воздушной эквилибристикой, я никак не мог понять: играют трясогузки с ласточками или просто задирают их? Рядом, на самом карнизе, как будто совершенно равнодушные ко всему, сидели нахохлившиеся воробьи. Выглядели они для солнечного дня очень смехотворно, с озабоченным видом наблюдая за происходящим, и было не ясно, почему трясогузки никак не донимают воробьёв, оставаясь к ним безразличными.

Их маленькие сердца, наверное, переполняла радость от ощущения тёплого летнего дня, с обилием воды и вкусного корма, и взволнованным от всего этого трясогузкам не доставало чего-то увлекательного, вот они и предлагали себя ласточкам, только в них находя достойных для игры приятелей. Или, может быть, непоседливых птиц задевала та озабоченность, с которой ласточки ухаживали за птенцами и устраивали свои гнёзда?

Что бы там ни было, но трясогузки не оставляли свои причуды, и я, позабыв обо всём, отрешённо следил за их стремительными перемещениями и никак не мог найти ответа на мучающий меня вопрос. А что думаете вы?!

СТАРАЯ БЕРЁЗА

Хорошо иной раз улечься на землю и посмотреть, как разнообразно живут вверху деревья. Какие у них разные судьбы, что выражается в диковинной форме крон, изгибах ветвей и стволов, шуме листвы и всех звуках, которые они издают.

Вот заскрипела берёза, и ты не сразу определишь, какая из них подала свой голос. Долго вглядываешься и вслушиваешься в тишину леса и, наконец, замечаешь с необыкновенной радостью: вот эта... Смотришь и слушаешь, пока сам не почувствуешь, как она тоскует о былой молодости, словно это ты сам.

Если берёза начинает скрипеть, её нужно рубить, так считают люди, заготавливающие дрова. Но хочется почему-то пока повременить, и прийти на помощь берёзе только тогда, когда ей будет невыносимо от старости. Сейчас же я слушаю, как старая берёза проповедует мудрость...

ОЩУЩЕНИЕ ЗВЕРЯ

На прямом участке лесной дороги, протяжённостью в несколько километров, в течение почти полутора часов наблюдал я как-то медведя... Стоял конец сентября, всю ночь сеялся занудливый мелкий дождик, и мишка вышел на дорогу, видимо, под самое утро. Медвежьи следы были свежие и довольно крупные, с сочно отпечатавшимися в сыром грунте мякишами пальцев, глядя на которые невольно хотелось улыбнуться. И я, действительно, улыбнулся, когда вышел из леса на дорогу и увидел мишкины следы, напомнившие мне почему-то детство.

Так, до самого родника у заброшенной деревни Новосёлы, и тянулись медвежьи следы. Не сворачивая в лес, медведь исправно обходил все лужи, будто боялся замочить лапы, и мне становилось интересно идти в след зверю, под дождём, который опять засеялся и обложил своею равнодушной заботой весь лесной мир.

Чуть бы раньше мне поднять голову, и я сразу бы увидел, как не спеша бредёт медведь по своим делам. Увидел бы, как колышется на нём лоснящаяся от жира шкура, и как он время от времени мотает головой, что-то бурча себе под нос. Но капюшон плаща был низко надвинут на глаза, и я мог разглядеть только почву у себя под ногами, где между луж отчётливо просматривались косолапые мишкины отпечатки, с чёткими отметинами острых когтей. Я шёл под мерно убаюкивающим дождём, думал о медведе и немножко ругал себя за то, что вышел из дому слишком поздно, даже не

обращая внимания на то, что взрыхлённая от когтей земля не успевает намокнуть.

А медведь, между тем, брёл так же неспешно, прямо передо мной, и никуда не сворачивал. Только где-то через пару километров поднял я отчего-то голову, поправив сползший на лицо капюшон, и вдруг увидел впереди медведя... Но медведь, не поворачиваясь, и в тоже время чувствуя моё присутствие, будто не обращал на меня своё звериное внимание, также степенно вышагивал по мокрой дороге, покачивая из стороны в сторону круглым пушистым задом, и, кажется, его ничего не волновало.

Нас разделяло, может быть, метров сто... Это меня сразу и обрадовало, и поразило: было приятно вот так, просто, идти за зверем, позабыв обо всём, упиваться этой таинственной лесной жизнью, и чувствовать себя слитным с лесом. Медведь был очень близко, брёл совершенно открыто, как в сказке или в волшебном сне, и я мог хорошо разглядеть его.

Вскоре лес разлучил наши пути, одарив меня таким редкостным соседством, но его было достаточно, чтобы почувствовать себя счастливым. Это ощущение зверя было так удивительно и невероятно, что мне даже захотелось прикоснуться к нему рукой. Зверь при этом не казался страшным и, главное, недостижимым, он выглядел совершенно доступным. И я поблагодарил лес за радостное ощущение близкого присутствия дремучего зверя, который незаметно стал для меня в это осеннее утро родным.

ПНИ И ВЕТЕР

Одинокие пни, на первый взгляд, кажутся безучастными ко всему, что их окружает, неторопливо перекатывая свои угрюмые мысли. Усталыми корнями погружённые в темноту подземного царства, они отдалённо улавливают шёпот буйно подступающих к ним трав.

Иногда, откуда-то сверху, до них доносится неясный шум и, угадывая в нём для себя что-то очень знакомое, они, поднатужившись, пытаются вспомнить, где и когда уже однажды слышали подобное. Но одиночество их так беспросветно, и подступившая старость настолько неумолима, что, забываясь в дремотном полусне, они опять, на неопределённое время, утихают, пока ветер не принесёт им какие-нибудь чуткие мысли.

Но много ли они могут взять с него в этом неуловимом общении? Скорее всего, ветер и не замечает в своём порывистом напоре присутствия пней и, потерявшись какое-то время об их порядке иссохшие лысые спины, опять куда-то уносится. Старые пни, разволновавшись от его ласковых прикосновений, ещё долгое время не могут успокоиться, на разные лады вспоминая только что пережитое. Если в такие моменты по ним слегка ударить какой-нибудь берёзовой или еловой палкой, то они тотчас отзовутся тонким сухим звоном. Так пни реагируют на оказанное им внимание.

Натолкнувшись в лесу на сухой растрескавшийся пенёк, обычно ненароком посочувствуешь его утомлённому виду, и с неожиданным

облегчением присядешь перевести дух. Рука твоя нащупывает приятную шероховатую колкость, и ты чувствуешь, как лёгкое волнение исходит от пня, и душа твоя мгновенно перенимает его. И тогда ты поднимаешься невольно и, поворачиваясь к пню лицом, долго смотришь, что же насторожило тебя в нём.

Пристально вглядываясь в померкшие годовые кольца, пытаешься прочесть память остановившегося времени. Словно это звуковые бороздки: проведи по ним зелёной хвойной иголочкой – и запоёт тихо обнажённая душа, разбуженная ветром. В мёртвом пне, вместе с чем-то отжившим, всегда проявляется неведомое новое.

ПАУТИНА

Бывает, не с той ноги вступаешь в лес, и сразу всё идёт наперекосяк. Упрямые ветви цепляют и не пускают тебя в самых безобидных местах, каждый корневой выступ норовит подставить подножку, проходя по бревну через речку, ты обязательно соскользнёшь в воду, а птицы и звери, по необъяснимой причине, оказываются для тебя недоступными. Именно в такой день ты и натыкаешься лицом на паутину.

Паутина стягивает на мгновение лоб, неслышно рвётся, и бесцветными, свернувшимися в трубочку лоскутами повисает на ресницах. На душе становится неопратно и глухо, и ты понимаешь, что совсем недавно жизнь была где-то обманута тобой, и вот-вот должно произойти что-то ужасное...

Но ничего не происходит, и остаётся только неприятное ощущение от этого голого прикосновения, когда, кажется, вся невероятная темнота жизни и её боль вмиг опутали твою обнажённую душу, не давая ей более возможности вздохнуть. Весь такой день потом бродишь пустой, неудовлетворённый, будто кто-то против твоей воли увлёк тебя в неведомую чашу, посмеялся там над тобой, и безо всякого внимания оставил. Так и хочется сказать: лови паук мух, пока ноги ни ошипаны!

ЗАПОВЕДЬ КОРНЕЙ

Чувствуют ли корни дерева себя подневольными, постоянно находясь в темноте, тогда как верхушка кудрявится на чистом воздухе, ополаскивается дождями, окутывается солнечным теплом? Никогда не доходит до них белый свет, не уставая, работают они в своём заточении и, наверное, не могут не ощущать волны радости, которую переживает дерево каждый день.

Когдаходишь в лес, всегда по-особому воспринимаешь течение времени. Это века в образе старых деревьев смыкаются над твоей головой, и среди них слышно, как длится мгновение. Ты поглаживаешь рукой их коричневую шероховатость коры, втягиваешь в себя запах смолы и, наконец, понимаешь: дух времени вдыхают в деревья корни. Они гонят накопленный

сок жизни по устремившимся к небу стройным древесным телам, строят город из леса, и в нём появляются звери, и прилетают птицы.

Корни дерева недвижимы, но порывы их души можно определить по тому, как оно живёт: шелестит листом, машет ветвями, клонится к земле, чуть не надламывая себя, или стоит, не шелохнувшись. Невидимые миру, они пронизывают своим присутствием весь окружающий воздух, ненавязчиво касаясь каждого, кто проходит мимо внезапно зашевелившихся стволов.

А то вдруг разбушуются кроны под ураганным ветром, зашумят деревья ветвями и в окружающем пространстве вмиг повеет отрешённой пустотой: тяжело тогда станет на сердце. Но не обратится твой внутренний взор под землю, и совершающееся в воздухе смятение ты отнесёшь к поднебесным силам, ожидая только оттуда пугающего известия. Стоишь и не чувствуешь, как именно из недр земли, от шевеления корней начинает подниматься протяжный гул.

Взвоят тогда леса, ещё сильнее загремят ветвями деревья, будто идёт великое переселение. Тёмно-зелёное полчище неистовствует, грозно бряцает иглами. Увесистые шишки обрываются и с глухим стуком ударяются о землю. Но не даются деревья: труженики корни противоборствуют стихии, не боясь задохнуться, ещё более погружаются в спасительную тьму, и нет в этой упорной отрешённости корней беспамятства или безрассудства. Они – сама непреклонность.

В мире природы есть свои заповеди блаженства и изматывающего труда, и эти заповеди удивляют нас самым неожиданным поворотом, так что мы принимаем их с благодарностью. Ступая между вырастающих из-под земли корней, стараемся не причинить им боли, а преодолев видимое неудобство, которое они создают, взираем на них с немим любопытством. Исподволь копится тогда в сердце необъяснимая зависть от их затаенной мощи.

Пытаясь заглянуть в подземный мрак и не в силах представить себе вечное отсутствие света, мы проникаемся к корням тихим уважением и недоумеваем: как можно, оставаясь в этом извечно непроницаемом лоне, всю жизнь, не переставая, трудиться?! Но корни ни на что не обращают внимания, почти ничего не слышат и, не прекращая труда, молчаливо заповедуют нам свою непреложную созидательную истину.

ПОД ПОЛОГОМ ДРЕМУЧЕГО ЛЕСА

Оказавшись под пологом дремучего леса, объятого тишиной и величественным покоем, мне всегда хочется понять: в чём высшее предназначение моей собственной жизни? Но ели и сосны в молчании смыкают над головой густые макушки, и мои неприкаянные мысли, достигнув их, беспомощно растворяются в вышине, не находя спасительного ответа. Сам себе я тогда начинаю казаться ничтожно маленьким, можно сказать, вообще не существующим среди этого царственно могучего леса. Почему так неотступно терзает душу это необъяснимое желание, что каждый

год влечёт меня в знакомое мне одному лесное место, точно обещая раскрыть некий тайный смысл, я не знаю.

Вглядываясь поздним вечером, сидя у костра, в неподвижно сомкнувшееся над головой небо, я чувствую, что есть нечто важное в таком, казалось бы, бессмысленном времяпрепровождении. Это открывается вдруг, с тревожащим душу ощущением даруемой лесом свободы и взаимосвязи со всем, что тебя в нём окружает: с могучими стволами древних деревьев, подпирающих собой звёздное небо, с ударающей в голову грибной сыростью, буйством трав, обвивающих старые пни, с нежным цветом земляничника, распространяющего вокруг сладковато-пряный сонный аромат... Вместе с этим простым и ясным откровением душа тотчас наполняется мудрым покоем и ещё таким пониманием собственной жизни, что изредка проникающая в неё туманная грусть уже не пугает, а только убаюкивает: благословен будет твой путь, если ты в своём таинственном уединении, постигая тайны леса, не отделишься от людей.

ТЁМНАЯ ЗВЕРИНАЯ ДУША

Думая об отражающейся в глазах душе, я часто вспоминаю животных...

У медведя, судя по взгляду, душа глубоко скрытная, может быть, непонятная ему самому. Он тихо изливает её сквозь глаза-щелочки и, такой же непонятый никем, бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоумённых снов, и он с головой погружается в них долгою зимою.

Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от её неприкаянности зависит непоследовательность его поведения: из обаятельного косолапого недотёпы – неуклюжего и неловкого во всём зверя, он может через мгновение превратиться в разъярённого хищника.

У волка тело как будто создано для бездушья, но и в нём душа теплится и не даёт ему покоя. Гонимый неизведанным, заключённым в нём природой смыслом, волк неустойчиво преодолевает бескрайние снега и вновь, безропотно, зарывается в них. Ему, конечно, не до размышлений о своей волчьей сути, и он с холодной непримиримостью принимает только необходимость обыденной скитальческой жизни.

Независимо от оболочки, звериная душа, должно быть, существует по своим законам. У человека более, чем у животного, она тянется к свету. Перебрав же многих зверей, понимаешь, что светлых глаз ни у одного из них не отыскать.

Только что-то глубоко забитое и невыразимое, скорее, неприступное в своём понимании, чем страшное. Словно и жива душа, но удручена чем-то очень строгим, чего ей никогда не преодолеть.

И всё же, темнота зверя притягивает своей неисчерпаемостью, и начинает незаметно казаться, что именно из неё однажды родилось начало

всего. И тогда светла становится звериная неприкаянность, что звери, ничего о ней не ведая, несут в себе всю жизнь.

Животные чуют тонкости природного мира, но не осознают их. Люди могут и должны осознать связь с ним, но не замечают своего реального могущества. Чутьё зверей чаще оказывается вернее безволия человека и его жалких устремлений, когда он и не предполагает о заложенных в себе великих возможностях.

Не зря в давние времена было принято при дворе правителя показывать гостям диких зверей, коней и собак. При этом замечали отношение к ним животных. Многие послы прошли через такое испытание, не добившись для своих государств ожидаемых преимуществ.

А многие писатели используют животных в творчестве только потому, что не в силах избавиться от собственного несовершенства. Вернее, не желая преодолеть свою неосознанность.

Тёмная же звериная душа светла отсутствием какого-либо невежества, подлости и чванства. Она светла своими бесстрашными устремлениями к свободе, что даровал ей Господь. Душа зверей жива!

ПРО СЫЧА

Недавно я узнал, как поёт сыч... Он издаёт глуховатый, по несколько раз повторяющийся свист наподобие того, когда ветер порывами задувает в дуле ружейного ствола.

Свист, начинаясь на высокой ноте, к концу выдоха идёт на понижение. Как будто неведомая насупленная птица, спрятавшись в укромном уголке леса, кому-то выказывает неразделённую обиду, не видя ничего, кроме своего маленького загнутого носа.

Сыч подаёт голос обычно в ветреную, дождливую погоду, словно желает подладиться под неё. Почему-то сразу хочется улыбнуться, представляя себе, как он это делает. Сидит нахохленный, сердитый, будто ничего, кроме его заунывного дудуканья не существует. Недаром говорят про недовольного чем-то человека: «Сычом смотрит!»

РАЗГОВОР С ТВОРЦОМ

Если спросит вдруг однажды Творец: «Что делаешь? Чего желаешь? Чем терзаешься? Чему радуешься?», то, не задумываясь, отвечу: «Проникаю в суть созданных Тобой вещей и явлений, пытаюсь максимально приблизиться к истине. Желаю подняться на более высокую ступень развития сознания, заложенного Тобой в меня однажды. Терзаюсь, что не всегда могу верно использовать накопленные знания. Радуюсь возможности быть и идти к Тебе, не уставая».

ПРЕВРАЩЕНИЕ

В ноябре лес ещё не укутан в снежные шали, и потому хорошо видно, как он собирает к ночи все свои последние мысли и силы, чтобы, кажется, только выстоять в предверии грядущей суровой поры...

Но, неожиданно для самого себя, из зелёного вдруг незаметно превращается не в чёрный, а в изумрудный, затем – в фиолетовый, пронизанный золотым свечением искрящихся звёзд, и когда над лесом воцаряется малиновая луна – в обворожительно-трепещущее, не желающее угасать пурпурное лесное сердце, что потаённо вздыхает в таинственной ночной тиши, не желая угасать.

ОТЧЕГО ВОЛКИ ВОЮТ?

Отчего волки воют? Наверное, не от того, что им страшно и одиноко, а по той же вековой причине, из-за которой мучается над смыслом жизни человек. Волк понимает это только по-волчьи и, угадывая в вое голос своих предков, собственным голосом вступает в нелёгкую звериную жизнь.

Вой - это сигнал наступления зрелости, приобщения к стае. Это знак причащения волка к его будущей неутомимой жизни, что кажется людям совершенно неустроенной, но для самого волка она остаётся единственно доступной и по-звериному священной.

Протяжно взывая в бесконечную даль ушедших времён, будто жалуясь кому-то на своё неустроенное житьё и неприкаянную судьбу, волк, несмотря ни на что, продолжает в себе жизнь рода. Живя для природы, платя дань неоткупному звериному богу, он, должно быть, приобретает нечто большее, чем свой постоянный непокой, хотя печаль безысходности иногда и сквозит в его выразительной песне.

Но на самом деле в волчьем вое чувствуется проявление ума этого животного, постигшего предел собственной ограниченности. Вернее, невозможности идти дальше того, чего он уже достиг.

И всё же, волк зачем-то устремляется в это чутко угадываемое им, но неведомое бытие, в тайну своего лесного существования, и оттого светла, наверное, становится его неизбывная печаль, что ты с такою же глубокой заботой принимаешь к сердцу: печаль зверя тебе близка. Не зря и среди людей слывёт пословица: не пекись о насущном, пекись о нетленном!

Но пытаются ли звери, действительно, преодолеть мрак лесной жизни? Волки просто не устают быть волками, преданными самим себе, своей звериной душе, что даёт им способность угадывать загадочную правду жизни через собственную темноту. У зверей в темноте свет виден, хоть он и лукав!

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ

Когда подкрадывается темнота, устраивается поудобнее и замирает, в ближнем логу, за домом, начинается не ведающая покоя ночная жизнь... Осторожно ступает она там среди разного зверья, птиц и насекомых, а невидимые растения источают таинственные и душные испарения, что дурманят голову и будят воображение. Тишину разрывают клокочущие глухие звуки, крадущиеся шорохи и чьё-то ворчание: темнота вступает в свои права.

Никогда в эту пору не ударит по дуплистому стволу дятел, ночь растворила его. Ночное море теней затопило и землю, и лес, и небо. И только луна спокойно сияет в недостижимой вышине, изливая холодные лучи на дремлющие спины могучих елей, укромные поляны и мою избушку.

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ТЕТЕРЕВ

Каждая птица чудесна по-своему. Особенность тетерева — в его взрывчатости и стремительном напоре. Одинаково оглушительно режет он воздух зимой, неожиданно взрываясь из-под снега, и осенью, когда в умиротворённой тишине вдруг взмечается свечой над частым осинником, иступлённо бьётся какое-то мгновение в его скрестившихся ветвях...

Сердце сладко замирает, подкатывая прямо к горлу, а потом словно срывается от невозможности вытерпеть эту восхитительную паузу, и разухабисто ударяет в виски. Короток миг тетеревиного порыва, но ещё долго стоит он в ушах, не давая на чём-либо сосредоточиться.

Когда же всё проходит, и первозданная лесная тишина вновь обволакивает твой слух, начинает казаться, что ничего не происходило, так стремителен был этот поразительный взрыв энергии, неизвестно зачем скрытый ото всех в этом чёрно-синем, отливающим воронёной сталью оперении чудесной боровой птицы...

СТРАХ

Лес по ночам наглеет... Вернее, наглеет в нём что-то неуловимое, так до конца, каждый раз, и не объяснимое, приходящее вместе с темнотой. Оно гуляет и порхает в непосредственной близости от тебя, переносится разорванными тенями между деревьев, исчезает и вновь появляется, но всегда остаётся загадкой.

Маленькая избушка, робко притаившаяся среди леса, кажется, не защищает от этого наваждения. Трепещущий огонь в печке, с уверенным гулом вырываясь из трубы наружу, сразу осекается, в мгновение поглощённый окутывающей чернотой. Где-то там, в холодной недостижимости леса, витают мириады не распознанных диких существ.

Ощущение их присутствия порой так остро, что приходится то и дело приподниматься на нарах, с затаенным дыханием подолгу всматриваясь в окошко, и настороженно вслушиваться: не стоит ли кто за стеной?

Порой кажется, что посреди мятущегося ночного бытия, за монолитными, овеянными ветрами и временем стенами, копошится непонятное возмездие, что всё-таки нащупало в тебе уязвимое место. А может быть, это подбирается твоя, всё время поражаемая, но неистребимая судьба, или кто-то, ни за что ни про что, вдруг надумал тебя просто поугубить, стараясь во чтобы то ни стало произвести впечатление твоего неминуемого поражения, как бы спокойно ты к этому ни относился. Во всяком случае, ощущение от кого-то, притаившегося за дверью, несомненно, не покидает.

Присутствует необъяснимый страх, над ним никогда не приходится долго задумываться, и, тем не менее, он всегда подспудно присутствует в ночном лесу. Но на всякую беду страха не напасёшься, и хоть глаза у него велики, и он в доме только хорош, а без этого страха почему-то менее приятно жить. В ком есть страх, в том есть и Бог!

СВОЯ ВЕСНА

Одно дело – просто ждать весну, другое – заранее готовиться к ней. Готовиться именно к своей, единственной, что должна принести нечто недостающее, важное и что может открыть только она, весна. Твоя весна!

Хорошо начинать её, когда повсюду ещё лежит снег... Февраль не сломил до конца рога зиме, и могут ударить крепкие утренники, такие крепкие, что если бы ни март, то ты даже засомневался бы в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие ветровей, что и вовсе ранняя встреча весны покажется напрасной.

И всё же ты знаешь: весна уже где-то здесь, с тобой, и если её ещё не видно глазу и не слышно уху, то душой чувствуешь её несомненно. Она вливается в тебя не широким руслом, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нащёптывает что-то сокровенное, робкое, но и неудержимое, будит в душе молодые силы и не даёт спать.

Каждый февраль, заходя до этого ожидаемого весеннего праздника, мысленно отправляешься ты к своим родимым лесным местам, мысли о которых тревожат всякий раз по-иному, навевают думы и воспоминания. Никогда вёсны, какие только были у тебя, не соединяются в одну, но всякая весна по-своему незабываема.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: просто так она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо непременно выносить её в сердце, соскучиться и возжелать радостного полёта, чтобы, оторвавшись от земли, пропеть её вместе с родными птицами и вернуться обновлённым, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни.

ДОБЫЧА

Чему, говорят, не быть, того не добыть, но я в тот день добыл и припрятал, чтобы не носить с собой. Это был увесистый заяц, совсем уже белый, и когда я держал его за задние лапы, мне всё казалось, что он вот-вот вырвется и убежит. Я тогда ещё не знал, что в лесу добыча ловца не ждёт, и привалил зайца большой кучей хвороста.

Уже к вечеру, подойдя к груде из веток, я вдруг увидел, что вся она усыпана заячьим пухом, и, отвалив хворост, обнаружил в боку зайца аккуратную дырочку величиною с пятак. Все внутренности были кем-то начисто выедены, так что стенки брюшной полости блестели от голубизны. Меня тогда очень удивило, что куча оставалась нетронутой, а пух, между тем, был рассеян по её поверхности. Попробуй, отгадай, что загадала природа, тем более, что загадки свои она загадывает по-особому, всегда с путаными дорожками, по которым нужно семь вёрст киселя хлебать!

Долго эта лесная тайна оставалась для меня не раскрытой, пока я не узнал от одного егеря, что хозяйничала в моё отсутствие ласка – юркий хищный зверёк. Егерь очень доходчиво объяснил и показал, как ласка это делает, что живёт она как раз в земляных норах, имеет ловкое, похожее на веретено, тело, и ей самой судьбой уготовано бесчинствовать в нижнем пологе леса.

А отчего вдруг пух оказался наверху, так потому, что лёгкий... Пока ласка разделялась с внутренностями, да теребила зайца, пушинки подымались сквозь сухие ветки, и часть их, зацепившись, осталась на поверхности. Может быть, помог ещё и ветер.

Обычно не разрешённый вопрос всегда оставляешь себе на заметку и, бывает, долгое время носишь его в себе, так и не находя ответа, а обнаруживаешь его в том же лесу, когда научишься быть более внимательным. Ведь у леса на всё свои приметы, среди которых нет ни худых, ни хороших. Они лишь являют одно общее для природы знание о том, как просто живут в лесу звери, и человеку в его жизни тоже надлежит терпеливо и просто идти своей дорогой: так до всего и дойдёшь!

СТАРАЯ ПРИМЕТА

Есть среди лесного люда старая примета: возьмёшь с собой в лес ружьё – ждёт тебя неудача, пойдёшь с пустыми руками, чтобы только посмотреть на животный и растительный мир, лесной бог положит к твоим ногам самые невероятные и увлекательные встречи. Зайцы будут бегать перед тобой, не боясь быть подстреленными, глухари – пугать, взрываясь из-под самых ног, лисы – показывать свой огненный хвост и ушки на макушке, словом, все птицы и звери, будто сговорившись, перестанут замечать тебя, а ты почувствуешь невидимое присутствие какой-то силы, которая наблюдает за тобой и благоволит.

Когда ты слишком часто искушаешь судьбу, да к тому же норовишь её обмануть, эта же невероятная сила, рано или поздно, неминуемо наказывает тебя. Так однажды по весне наказал меня ОТЕЦ-ЛЕС за двух подбитых без нужды рябков, когда трогать их не следовало. Спускаясь к реке по старому волоку с переброшенным через плечо ружьём, я вдруг поскользнулся на самом безобидном месте и упал так, что шейка у приклада переломилась.

Об охоте не могло быть и речи: ружьё вышло из строя, напрочь, но больше всего поразила именно неотвратимость произошедшего, при всей простоте ситуации. Будто кто-то на самом деле лишь слегка подтолкнул и надоумил: не шути с лесом, где всё про тебя известно и каждый твой шаг не остаётся без внимания, думай, прежде, чем что-либо совершить, а главное – не отделяй свои заботы от его интересов.

И действительно, лучше верить мудрой примете и не брать с собой в лес ничего, что могло бы навредить лесным обитателям. И тогда ты станешь самым богатым человеком: тебе будут доступны в лесу любые тайны, и ты сможешь рассказать о них людям. Истинное мужество – не взять лесного исполина на берлоге, проявив будто бы неслыханную отвагу, а знать, что при случае окажешься нестигаемым и не растеряешься, если от тебя потребуется решительность и отвага, но, всё же, без надобности не принесёшь никому вреда.

Оставь ружьё дома, захватив с собой только неутомимость с наблюдательностью, и ты почувствуешь себя по-настоящему счастливым. Ты поймёшь, что птицы и звери ждут, когда человек откажется от их бездумного уничтожения, и станут ему дороже, а поможет человеку в этом верная примета, и если будешь следовать ей, дойдёшь до самого Бога.

Ведь самые редкостные встречи в лесу случаются, когда человек чист намерениями, ружьё в его руках отсутствует, и лучше, если всё происходит сознательно, чтобы звери не принимали это за обман. Именно тогда они поверят человеку и станут ему близки так, как на заре жизни, когда яблоко познания ещё не стало яблоком раздора, и звери с птицами были нашими друзьями, а мы составляли с ними единый мир радости и любви.

ЁЛОЧКА ВРЕМЕНИ

Лесная задача у птиц простая, ничего в ней хитрого, вроде бы, нет, а распутывать её приходится не один год, хотя бы и с большим умом. Но иной раз требуется обыкновенный случай, чтобы увидеть то, чего раньше не замечал, ибо в лесных кладовых много той самой простоты, которую Бог любит, и открывается она человеку неожиданно.

Лишь однажды присел я в лесу на пенёк именно так, что вдруг увидел, как птицы прилетают к устроенной человеком кормушке в строгой очерёдности, будто зная, когда и кому сейчас кормиться, даже если время исчисляется минутами и секундами. Отпущенного срока обычно хватает всем, чтобы проглотить несколько семян, успевая при этом поклевать и сало.

Такая очерёдность нисколько не усложняет отношения среди лесных обитателей, а скорее, упорядочивает их: каждый берёт лишь допустимую ему порцию. Ведь сидеть у корма до полного насыщения никто из них не в состоянии: в любой момент может появиться более сильный. Завладев тем, что тебе доступно, разумнее будет удалиться глубже в лес, там разделаться с добычей или припрятать её в укромном месте, а затем попытаться воспользоваться кормушкой ещё раз.

От того, как скоро каждая птица или зверёк справляется со своими оправданными запросами, выстраивается удовлетворяющая всех лесная лесенка, своеобразная ёлочка времени, отпущенная как сильным, так и слабым. Пока белка, прихватив в кормушке лакомый сухарик, доставляет его в своё ухоженное гайно, предварительно разогнав по ближним ветвям мелких птах, сороки, поползни и гаички, в строгой очерёдности, успевают попользоваться сладкими остатками.

Сначала неприметная, но зоркая сорока бесшумно планирует к подножию ели, привлечённая усеявшими снег огрызками. Затем, выдержав необходимую паузу, целенаправленно спускаются вниз головой по стволу, как будто несколько замкнутые в себе, нежно-дымчатые поползни. Они без усталости наклёвывают пшеничные ядрышки, тут же норовя припасти их под корой соседних деревьев.

В тот момент, когда сосредоточенные птички заняты этой мимолётной, но важной для них процедурой, хитрая сорока ещё не управилась с доставшимся ей по случаю пропитанием, а белка только начинает из гайно свой обратный путь, расторопные синички пуховыми шариками скатываются с замёрзших веток к месту своего пропитания. Неугомонным птахам, оказывается, хватает предоставленных им мгновений, чтобы не на шутку раззадорить друг друга доставшейся добычей.

Даже большой пёстрый дятел, как-то незаметно и, вроде бы, неловко пристроившись под самой кормушкой, не пугает их своим присутствием. Ведь давно замечено, что к соседству с дятлом многие птицы относятся сравнительно спокойно.

Но если дятел вдруг потребует своей доли, вполне очевидно, что ему обязательно уступят её те, у кого меньше потребностей. По крайней мере, они не используют его время, что существует в лесу для каждого обитателя на его заслуженной ступеньке. В противном случае звери и птицы будут лишены для себя необходимого жизненного пространства.

НОЧНАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Хорошо отправиться ночной электричкой в зимний лес, когда внутренность вагона туманно отражается в толстых оконных стеклах. За ними еле просматриваются тёмные верхушки неподвижных елей, и только ярко сияет месяц. В городе тоже видны огни фонарей и окон, но от их неясного света на душе почему-то становится тоскливо.

Проезжая станции, с замиранием сердца наблюдаешь, как зажигаются на путях красные и синие огоньки. Они таинственны, и кажется, что огоньки вот-вот погаснут. Но они не гаснут и горят долго. Даже когда поезда их минуют, они продолжают тихо светить кому-то, как будто безмолвно переговариваясь между собой, но, ни на секунду, не отвлекаясь.

Моноotonно-усыпляющий перестук колес на прямых участках сменяется учащённым лязганьем, когда вагон проходит повороты. Ярко освещенный изнутри, он бережно несёт в своих стёклах отражение себя: желтые широкие скамейки, редких пассажиров, немигающие плафоны. Получается, что всё внутри вагона существует ещё помимо него самого, где-то сбоку, ближе к той темноте, за которой встаёт лес.

Туда очень хочется попасть, заглянуть под ёлки, пошевелить разлапистыми ветками, так что сбитый с них снег обязательно коснётся щеки или угодит за шиворот. Там, конечно, никого не окажется, в лучшем случае следы, уводящие разыгравшееся воображение в чащу, но попытаться, всё же, стоит: а вдруг?

Это «а вдруг» тешит тебя на всём пути, и ты представляешь, как бы это было на самом деле, если вдруг застанешь какого-нибудь зверя вот так, под ёлкой, и что предпримешь в первую очередь. Конечно, это будет не похоже ни на какой другой случай, ранее слышимый или прочитанный в умной и доброй книжке о лесе, и изучать её наиболее увлекательно, возможно, только зимой.

За окнами электрички становится черно, когда она выезжает за город, и только изредка пробегает слабо освещённая безлюдная платформа. Иной раз мелькнёт одинокая фигурка ожидающего, изо рта его идёт легкий парок, а неторопливый скрип валенок выдает хорошо сдерживаемое нетерпение сельского жителя, и, глядя на его закутанную неповоротливую фигурку, у самого в теле всё начинает сладко неметь и постанывать от предощущения холода, но приятная дорожная дрема невольно погружает в сон. И тогда уже не хочется думать ни о чём, кроме жизни леса, рождения жёлтого ясного месяца, пухового снежного покрывала, надежно укрывшего землю, и следов на нём, уводящих незаметно за собой.

В эти ночные часы на душе становится так хорошо, что можно ехать долго, до самого рассвета. Поезд мерно продолжает свой путь, а ты изредка поглядываешь за окно и видишь, как постепенно наступает рассвет. Станция приближается, и даже не хочется выходить, теряя накопленное тепло.

Плотный морозец ловко обхватывает всё тело, вмиг наполняя звенящей чистотой, и вялость сразу уходит, а вместе с вялостью покидает его и суета. В полную грудь вдохнув этот морозный чистый воздух, с удовольствием вбираешь в себя и сладкий печной дым, что поднимается прямо в замороженное до неподвижности небо, и лес, чернеющий за приютившимися в глубоких сугробах домами, и отрывистый крик вороны, низко распластавшейся на мгновение над твоей головой, отчего ты сам готов закричать от охватившего тебя восторга, как в детстве, когда кроме восхищения и веры, что они будут продолжаться вечно, ничего не было.

ЛИНИИ ЛЕСА

Идя в лес, пусть даже самый замкнувшийся в себе и неприступный, всегда хорошо иметь наблюдательность и воображение. Стоит только задаться определенной целью и сосредоточить на чём-либо своё внимание, и любая встреча с лесом обернется открытием. Радостное переживание рождающихся в лесу откровений является, несомненно, одним из источников творчества, а непрерывающаяся цепочка замечательных природных образований не только развивает внимание, но и обогащает душу самыми тонкими, порой фантастическими догадками.

Так, в один морозный и чуть ветреный день я вдруг почувствовал в природе результаты её невидимой глазу работы: вполне завершённые линии. Начёртанные природой знаки, как, оказалось, пересекались с движениями моей собственной души и, может быть, даже являлись её продолжением. Слияние это порождало подлинную красоту.

Скрытые подробности лесной жизни, по каким-то неведомым законам познания, на сей раз возникли из неустанной и довольно однотонной ходьбы на лыжах, когда открывающиеся виды как будто сливаются в один сплошной, и снежная белизна расплывается в глазах, слепя и лишая их верного восприятия. Постепенно ты начинаешь изредка оступаться, теряя равновесие в этой размытой белизне, не ощущая под ногами невидимый, но существующий бугорок или укромную впадину. И вот, когда твоё внимание полностью сосредоточено на мерно поскрипывающих под лыжами сугробах, их стремительно взлетающие и плавно опадающие линии, изо дня в день, к тому же, изменяющие свой рисунок, внезапно начинают околдовывать.

Эта неуловимая снежная нескончаемость, может быть, как ничто другое в зимнем лесу наполняет душу здоровьем, доводя внутреннее спокойствие до своего наивысшего гармоничного состояния - душевного покоя. Не безжизненного, отрешённого от всего земного, а полного красок, звуков и света. Ведь главное — скрытый смысл очарования, создаваемого в природе, и линии леса, в особенности — очертания сугробов, мягко подчеркивают его.

Еловый лес на пригорке трогает, скорее, не заключённой в себе тайной, а своими неповторимыми линиями в общем лице природы. Линиями, не принадлежащими никакому другому дереву, запечатлённому в памяти ещё с незабываемой поры детства, под Новогодний праздник, когда дурманящее еловое облако сладко убаюкивало, а редкие уколы настырно топорщащихся иголок лишь с томительным замиранием сердца забавляли.

Ель всегда была, пожалуй, самым завораживающим деревом, и линия всевозрастающей многоступенчатости разлапистых изумрудных веток только подчёркивала это обаяние. Исключительная форма дерева объяснялась сокровенностью назначения его в природе, предполагая беспрепятственное размножение и продолжение своего рода с помощью удивительной плодовитости. Прежде, чем розоватые спелые шишки, гроздьями жмущиеся к

краешкам веток, свободно рассеют над землей невесомые семена, ёлка должна была ещё пробиться кверху сквозь серьёзное сопротивление, что оказывали ей свои же собратья. Вклиниться в еловую гущу деревце способно было, лишь имея определенную коническую форму, в которой нацеленное острие верхушки надежно поддерживалось бы подпирающими ее со всех сторон упругими ветвями.

Неповторимые линии дерева вместе с его чудесным запахом и чистотой пришлились по душе людям. Расположение сказочных игрушек на нём не было ничем затруднено, и всегда выглядело уместным. Увенчанная переливающейся стеклянной короной — самой бесценной и недостижимой, ёлочка протягивала свои ветви всё ниже и ниже, постепенно одаривая каждого тем, что он заслужил.

Если встанешь на цыпочки и, всё же, дотянешься, значит - твоё, не хватает роста - придётся потерпеть, только снизу зачарованно любуясь недостижимым бесценным богатством. Эта постепенно воспитываемая деревом заслуженная награда, конечно, никогда не чувствовалась, никак в детстве не воспринималась, но была по-своему замечательна и незаменима.

Укромные коридоры просек, непреклонно пронизывающие лесную черноту, разного рода визирки и путики образуют заветные квадраты хвойных массивов, обождать которые за недолгий зимний день оказывается доступным. Доступность эта позволяет сделать выводы о нахождении зверя или птицы, а это важно. Важно знать сегодня, сейчас, не перекладывая на потом, если серьёзно изучаешь лесную жизнь.

Окаймляя таёжные массивы линией открывшегося пространства, просеки ненавязчиво выделяют и подчеркивают то, о чём долго умалчивал глухой лес. Линии просек неразделимы с ним, они порождены его мощью и необъятностью. Им суждено разобраться в переплетениях самых потаенных лесных уголков.

Желая ещё более приоткрыть для себя доступ к лесным богатствам, человек с помощью этих простых и недвусмысленных линий, на какое-то время оставленных им в покое, с каждым разом подступает к заветной чаще всё ближе и ближе. Потом, через много лет, затянувшиеся и неузнаваемые, они сослужат должную службу любому, кто окажется равнодушным к лесной судьбе, навсегда оставаясь в пытливой памяти, как самый короткий и верный путь.

Пригнутые верхушками к земле берёзы продолжают замысловатую анфиладу необычайных мазков природы, подобно несравненным сугробам, вздыбившим дугой свои белоснежные спины. Молодые берёзки пытаются быть под стать старшим собратьям, что непоколебимы в своей зрелой устремленности кверху: строго застывшие посреди заснеженного леса, они, кажется, ни у кого не спрашивают разрешения, свободно упираясь своими сиреневатыми верхушками в бездонное небо. Стройность их неподражаемых линий, на первый взгляд, не впечатляет, потому что неприметна, но как верна эта негибкая устремлённость!

Медленно плывут по небу тугие от мороза облака, и, кажется, дунь ветер посильнее - лёгкие берёзовые стволы зацепятся за них и, сладко прогибаясь, улетят в небесную голубизну. В их прозрачных кронах ветер не застаивается, а просеивается невидимыми струйками, звонко и нежно вздрагивая. Тонкая музыка берёз, рождаемая ветром среди их безукоризненно белоснежных линий, безотчетно пленяет.

Линия полёта вспугнутой птицы тоже заставляет пережить незабываемое волнение. Взметнувшийся из лунки рябчик приходит в себя молниеносно, неподражаемо лавируя среди частых веток. Делает он это легко, без единого взмаха крыльев, словно наполненных воздухом. Мягкий росчерк его невесомого тельца, словно дымчатое облачко, повисает в тёмно-зеленых хвойных верхушках, и, глядя на него, ты сам будто взлетаешь.

Был только что рядом незабываемо пегий, живой комок — и уже его нет: только короткое, как полёт птицы, воспоминание, да надежда насладиться им хотя бы ещё раз. В линии парения рябчика прослеживается его игривая уверенность, с которой он ненавязчиво обозначает своё жизненное пространство. И она непременно отзывается в душе, как будто вторит вспорхнувшей птице еле уловимым лесным эхом.

А начинаются тревожащие душу очертания с лесной избушки, что покидаешь под скрип перекосившегося от мороза крыльца, с уютно расстилающегося в звёздном небе дымового коромысла. Прямо из трубы над заснеженной крышей оно перекачивается за самый дальний край леса, без видимой натуги подпирая собой холодную и сказочную ясность январской ночи.

И ещё - с наглухо затиснутой в сугробах изгороди, слегка припорошенной снегом, вдоль которой весело вьётся выпуклая твердость нахоженной тропки. Пронзительно и тонко повизгивает она под ногами, в морозной дымке угадываются рассеянные тени от звезд, всё вокруг надёжно схвачено предутренней тишиной и покоем. Переживая в себе здоровую приподнятость, с лыжами через плечо и рюкзаком за спиной бодро выходишь на укромную лесную дорогу, что ведёт в особенный заповедный мир, где слышно, как длится мгновение, а в душе трепетно отзываются каждая линия и звук.

СНЫ

Часто в лесу мне снятся сны, в которых люди превращаются в животных или ты сам становишься каким-то диковинным зверем с неприкаянной душой. Очень не хочется потом терять его обличье, будто ты уже когда-то был им, жил нехитрыми звериными устремлениями и ничего не боялся. Втайне всегда желаешь вернуться к утерянной жизни, но происходит это только ночью...

...Вот, после захода солнца, с высокой горы над рекой вдруг скатывается тебе под ноги старуха-тоска с огромными прозрачными глазами. Вертись и вращаясь, вся в капельках серебрящейся воды, она неприметно

перевоплощается в выдру. Выдра встаёт на задние лапы, и заглядывает тебе в душу.

Глаза у выдры глубокие, на первый взгляд, ничего не значащие и мутные, но такие пронизывающие. Они порождают в душе неясную тревогу, может быть, даже растерянность или настороженность. Кажется, ничего хорошего не предвидится.

Но сон проходит, наступает пробуждение, и всё увиденное отдаляется на неопределенное расстояние, когда трудно определить истинную суть того, что на самом деле происходило во сне, и пока, почему-то, не сбылось. В глубине души остаётся только неприятный осадок от того, что не осуществилось и отодвинулось на время, как что-то такое, чем можно воспользоваться, если захотеть. Это что-то создает иллюзию достижимости всего, что ты задумал, и она помогает сохранить вкус к жизни, не позволяя, впрочем, пока достаточно ясно разобраться в ней.

Бродя днём по лесу, я неожиданно вспоминаю глаза пришедшей из сна выдры, что на самом деле ещё несколько лет назад попала в оставленный кем-то капкан на берегу таежной речки, и отчего-то становилось не по себе при появлении во сне этого зверя. Может быть, от того, что выдра, приспособившись тогда к своему незавидному положению, но не присмиревшая, напоминала мне себя самого с безвозвратной утерей в своей жизни чего-то важного.

А выдра, переваливаясь в речном песке, выпускала из оскаленной красивой пасти запашистые облачка утробного пара, что тотчас растворялись в остановившемся осеннем воздухе, и неотступно притягивала своей непостижимой звериной глубиной. Поражало в этой глубине то, что она не выглядела отрешившейся от всего в своей боли, какую полагается, по нашим понятиям, иметь затравленному зверю, а будто даже ещё более преображалась в своей восхитительной простоте жизни, не способная попусту недоумевать или предаваться отчаянию. Оставаясь в капкане, выдра не казалась несвободной...

Сова во сне появлялась ближе к полудню и, скользнув неуловимой тенью вдоль опушки, исчезала. Кажущаяся почему-то бездушной, она заполняла собой всё сонное пространство, будто повелевая им.

Появление её в светлую пору выглядело странным и немного жутким. Что-то неприятное неизъяснимым холодком закрадывалось в душу, и тотчас отступало в неизведанную темноту, когда сова проносилась над головой. Своим ненавязчивым возникновением птица вызывала ощущение невероятной кровожадности, даже какой-то неминуемой безысходности для всех, кто оказывался с ней рядом. Её парение сковывало чувства и мысли, подавляло, и даже во сне ты начинал сомневаться: была ли это на самом деле сова?

После своего исчезновения сова сразу превоплощалась в вымытого белого мужика с маленькой бородкой, в опрятно скроенной и ладно обтягивающей плотную грудь рубашке. Большие рыхлые руки его напоминали

бесшумные крылья, взгляд казался пустым, но светлым, а полные губы трогала непонятная улыбка. Весь он излучал плотоядное терпение, безразличие ко всему живому и был страшен.

На этом сон прекращался, а неприятное ощущение от того, что в тебе что-то пропало, будто его украли, ещё долго не покидало. Оно растворилось вслед за исчезнувшей совиной тенью: ни разу не ухнувшая сова несла с собой еле осознаваемое чувство заволаживающего трепета перед чем-то глубоко скрытым и непонятным, но всё-таки сладко одолевающим воображение. Что всё это могло значить? Одно ясно: сова не принесёт добра...

Никогда не ездил на слоне, даже не помышлял об этом, наверное, очень приятном занятии, и вдруг, в затерянной посреди уральских лесов избушке, мне приснился сон: в нём нет ни единого звука, всё тихо до глухоты, но зато ослепительно светит солнце, и через большую цветущую поляну медленно идет слон. Спина у слона большая, покатая, а глаза – добрые. Смотрит ими безропотно, со своего высокого роста, и не мигает: как будто сказать что-то хочет, только не умеет.

Я сижу на морщинистом загривке слона, он им изредка покачивает в такт неторопливым шагам, смотрю вокруг и понимаю, что всё это сон. Огромные уши-лопухи колышутся и обдают утробным слоновьим духом. Ехать на слоне очень удобно, и многое недостижимое становится доступным. Обидно только, что ощущение сна не покидает, и это несколько портит восприятие чуда.

Катание верхом на настоящем слоне и есть, наверное, самое доподлинное чудо. Во сне это волшебное состояние выглядит, как ни странно, более реально, нежели наяву. Макушка слона с вихляющимися опахалами-ушами так трогательна, что представляется его самым уязвимым местом, и до него хочется дотронуться. Как только я протягиваю к нему руку, слон неожиданно пропадает.

Вероятно, всё увиденное свидетельствует о моей усталости, и даже некоторой бесприютности посреди огромного леса. Так в этом сне всё безжизненно и тихо. Только голубые и серые краски, не вмещающие необыкновенного лесного воздуха, какое-то странное дымчатое пространство, а в нём, благодаря слону, угадывается ... присутствие большой желанной женщины с теплыми губами.

После пробуждения ничего не хочется делать, а только неподвижно лежать, слушать, как дышит за стеной избушки несгибаемый лес, и ощущать на лице чье-то неуловимое и нежное прикосновение.

ПОЧЕМУ ЗАЙЧИХУ ПЛОХОЙ МАТЕРЬЮ ЗОВУТ?

Не повезло зайчихе с потомством, из-за которого за ней худая слава повелась. Не успеет ещё мартовское солнышко, как следует, сугробы сахарные подточить, только-только праздником света в воздухе повеет, а у неё уже зайчата первые появляются. Несладко им, должно быть, морозными

ночами приходится, неудобно и зябко, а ничего не поделаешь: знаменитая заячья неприхотливость от самого рождения, как видно, ведётся и ко многому обязывает. В народе этих зайчат настовиками прозвали, потому что свои первые прыжки они совершают по искрящейся снеговой корочке, как бы опробывая её на крепость.

После появления зайчат на свет зайчиха кормит их вкусным молоком, гораздо превышающим по жирности коровье, и, не задерживаясь надолго, убегает. Мамино молоко зайчатам хватает на несколько дней, и они сидят, не двигаясь, тесной кучкой, греются и сохнут. Так проходит несколько дней в робком ожидании её первого прихода.

Когда зайчиха возвращается, она кормит малышей вновь, и вскоре опять их покидает. На сей раз, зайчата ведут себя смелей, и разбегаются неподалёку, припадая к каким-нибудь кустикам или ямке. Первую неделю-две они ещё остаются малоподвижными, и всё больше вслушиваются в окружающую их непостижимую жизнь.

К тому времени, как в полях начинают засеять рожь и пшеницу, зайчиха приносит следующий помёт – яровиков, что затаиваются уже в траве, и ведут себя более вольготно. Земля открылась от снега, появились первые всходы и насекомые, и зайчата в ожидании матери не разбегаются далеко, а выедают зелень вокруг себя, не оставляя следа. Двух-трёхнедельного зайчонка и поймать-то бывает очень трудно, так он быстро бежит, ловко увёртывается и скачет.

Что и говорить, не балует зайчиха своих детей вниманием. Оттого её, должно быть, и прозвали бессердечной. Но только в природе не всё так просто, и, может быть, зайчиха не такая уж плохая мать, как многие привыкли о ней думать.

Оказывается, шкурка у зайца почти не пахнет, в ней нет потовых желез. Все они расположены на подошвах ног, и потому сидящего зайца с прижатыми к земле лапками никто не чует: ни волк, ни рысь, ни лисица. След зайца, только что вскочившего с лёжки, гончая собака почувствует много хуже, нежели долго бегущего, уже уставшего.

Оставляя зайчат, мать скорее заботится о том, чтобы не привести к ним по своему запаху хищника. Тяжело покидать ей своих несмышлёнышей, да ничего не поделаешь. Но не выносит беспокойное сердце тоски ожидания, и зайчиха заводит себе других детёнышей, возвращаясь затем не один раз к первым. А ведь есть ещё и травники, появляющиеся в пору летнего изобилия и довольства!

Так всё лето и проходит у зайчихи в делах праведных: одних – провожает, других – встречает, третьих – обхаживает, и не видать конца её усердным хлопотам. Даже под осень, когда многие птицы уже собрались на юг, а некоторые и вовсе отлетели, сердобольная зайчиха приносит на свет своих последышей, ласково прозванных в народе листопадниками. Непутёвые и славные, они особо любимы в народе, и, примечая их,

неторопливо ковыляющих через распутицу-дорогу, всякий с радостью восклицает что-нибудь весёлое и приветное.

Вот и выходит, что забот у зайчихи полон рот, и со всеми ей самой справляться надобно. Но плохо жить без забот, хуже – без доброго слова, которого ей от добрых людей не хватает. А добрые ли мы с вами после того, как зайчиху плохой матерью величаем?!

СМЫШЛЁНАЯ ВОРОНА

Как-то затопил я в деревне баню, а дрова в печь подбросил старенькие, худые. Дым из трубы повалил густой, едкий, и тотчас на крышу уселась ворона. Отчего-то завертелась беспокойно, заходила по коньку взад-вперёд. Ворону явно что-то заинтересовало. Спрятавшись в дровянике, я решил понаблюдать за ней, понимая, что смышлёная птица появилась на крыше не случайно.

И вот, когда дым чуть развеялся, а жар, по-видимому, спал, ворона воровато взгромоздилась на трубу, как-то неловко раскорячилась и замерла. Таким образом, птица, вероятно, намеревалась вывести досаждающих её паразитов – перьевых клещей, и меня поразила её сообразительность. Ведь очутилась ворона у трубы сразу, как только из неё повалил дым: значит, она моментально среагировала и оценила возникшую ситуацию. Конечно, ворона могла проделывать подобное и раньше, но это никак не умаляет её способности быть паразитально смышлёной.

БУРОВАТО-СЕРАЯ МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с берёзового листа, и сразу, по прилёту, занимает густые ольховые поросли по опушкам и берегам рек. В деревнях же выбирает, чаще всего, черёмуху и сирень. Буровато-серая маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, среди фиолетово-лиловых нежных султанов и вовсе остаётся незамеченной, но именно благодаря сиреневому одурманивающему кипению, наверное, и поёт всю ночь.

Не будучи ночной птицей, соловей превращается весной в неё, чтобы непревзойдённой по красоте песней извещать и приманивать самочек, что возвращаются с юга только ночами. Людям и невдомёк, что восхищённый певец всю ночь напролёт провозглашает не только любовь, но и сообщает всему миру о долгожданной встрече. В природе всё подчинено продлению жизни, а значит – работе, но с каким очаровательным восторгом она воспринимается маленькой серенькой птичкой с умными чёрными глазами!

Общеизвестно, что соловей – знатный певец, он не похож в своём природном умении ни на одну певчую птицу. Соловей не просто свищет и щёлкает, как обычно, не без восторга, принято упоминать среди людей о его

непревзойдённом таланте, он именно поёт, издавая голосом восхитительные звуки. Охотники до соловьёв различают все колена его песни, и даже дали им названия: бульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешева дудка, кукушкин перелёт, гусачёк, юлиная-стукотня, почин, оттолчка, свисты, трели. Соловей поёт, говорят, себя тешит, но разве для всех нас по весне его песня не великая радость?!

Сколько раз мне приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени у себя в деревне, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в неприглядное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча... Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ночью на лес бесшумными хлопьями повалил снег. Зима пришла точно в те же числа, что и в прошлом году, только более уверенно, без надоедливых оттепелей и слякоти. Весь октябрь простоял тихим, сухим, и снег лег на чуть подмерзшую землю как раз вовремя.

Все, в особенности охотники, ждали первого снега с нетерпением. Они на разные лады пересказывали в своих нескончаемых спорах его качества, и древняя как мир страсть к охоте почему-то приобретала особое значение и интерес. Первый снег, по их понятию, представлял не что иное, как замечательное откровение природы, когда она беспрепятственно обнажает свои самые сокровенные тайны.

Пропустить первый снег для охотника представлялось просто невозможным, подобная мысль даже не допускалась. К первому снегу начинали готовиться загодя, тщательно перепроверя охотничью амуницию и неоднократно прокручивая в памяти картины, которые снег когда-то щедро подарил. Первый снег олицетворял собой надежду на долгожданную удачу именно в этом сезоне, и снежная чистота проясняла для человека не только отношения лесных обитателей, но и его собственную жизнь.

Первый снег — это удивительное и почти непередаваемое ощущение новизны. Ты как будто рождаешься заново, подойдя поутру к окну и неожиданно обнаружив за ним радостную перемену. Первый снег содержит в себе такой проникновенный свет, что, кажется, не знает преград, хотя и быстро истаивает, уже к вечеру совершенно себя теряя.

А с утра он первенствует во всем, наполняя души людей восторгом сопереживания с его чудесным появлением. Первый снег — это восхитительное открытие, которое замечательно тем, что его не ждешь, но оно рано или поздно приходит.

Хорошо встретить первый снег в деревне, где он наиболее естествен. Воздух там бывает проникнут им по-особенному широко и раздольно. С первым снегом в деревне воцаряется тот покой, что возможен лишь рядом с лесом. Чтобы неподалеку начинались темные остроконечные ели, восторженно замершие под его кисейной пелериной, покосившийся забор только бы ожил от чуткого снежного прикосновения, как-то необыкновенно и красиво обрисовался, а и без того насыщенная деревенская тишина наполнилась ещё большим радостным смыслом.

Первый снег, всегда, кстати, он никогда не бывает случаен, и если что-то способно излечить душу после нескончаемой осенней непогодицы, так это именно первый снег. Поначалу он просто повергает своей нетронутой белизной, и ты понимаешь, что чище его ничего на свете не существует. Первый снег — это и первая, еще не окрепшая надежда, что всё опять наладится, и первый народный праздник, с приходом которого кажется, что в жизни появляется нечто новое, чего раньше не было, и первое чувство уверенности в том, что ты всё делаешь правильно. Первый снег ненавязчиво помогает разобраться в самом себе, вмиг окрыляет и в то же время успокаивает.

Снег, открывая собой самое неповторимое время года, тихо и величественно падал всю ночь и весь день, так что к утру следующего дня ноги утопали в нём уже по самое колено. Я тоже с нетерпением ждал его, искренне веря в пришедшую чистоту как в истинный и неповторимый небесный дар. И почему-то совсем не приходило в голову, что первый снег может вдруг обернуться настороженным белым молчанием или оторопелой боязнью для тех зверей, чьё появление в эту пору представляется как нечто неминуемое, когда воцарившаяся в природе чистота невероятно манит их своей воображаемой доступностью и простотой.

Поднявшись до рассвета, я вышел в притихший лес, пронизанный трепетным лунным светом и спокойной белизной снега. Легкая туманная дымка заволакивала луну, но свет от нее не казался приглушённым. Он лился на замершую землю ровно, проникая в самые потаённые лесные уголки.

А потом манящая снежная чистота потихоньку и меня завела в глухую утробу леса, где течёт скрытая от человеческого глаза жизнь, и я сразу почувствовал неприступный холодок, чуть ощутимо повеявший оттуда. Чётко и ясно вдруг открылось, что первый снег может быть отрешённым от всего происходящего, оставаясь в то же время негласным защитником птиц и зверей. Он словно заволакивает их, даже, вроде бы, намекает: не ходите пока по мне, не оставляйте своих следов, это обернется для вас непоправимой бедой!

Звери и птицы будто слышат предупреждения первого снега. Кажется, что они неразделимы с ним в своем понимании жизни, и умело пользуются его мудрыми советами, предупредительно подыскивая себе место в самой глуши разлапистого елового леса, отчего несколько дней кряду снежная белизна

остаётся почти нетронутой.

После недавней осени жизнь ещё не приспособилась к первому снегу, и всё вокруг как будто замирает. Лес стоит такой опущенный и онемелый, что от окружающей тишины становится не по себе. Словно птицы перекочевали в неведомые, труднодоступные края, порядком потревоженный зверь совсем исчез, и лес уже больше никогда и ничем не расшевелить. Он будто припорошен равнодушным ко всему снегом, и уснул непробудным тяжелым сном.

Но это, конечно, только невидимая сторона жизни лесных обитателей, что не всегда умеют хранить свою тайну. Тайна эта включает в себе скрытый смысл их потаённого существования, что постепенно, по мере углубления в лесную чащу, всё же начинает приоткрываться, и первый снег невольно помогает ему в этом. Не в силах сдерживать свой восторг от воцарившейся в природе новизны, звери и птицы выбегают из своих укрытий, а где снег, там и след!

РАДОСТЬ

В детстве для радости не виделось никакой опасности: она казалась вечной. В зрелости человека всё чаще начинает будоражить память об этой радости, желание прочувствовать её вновь и понять, почему и куда она уходит. И он, нередко, обращается к природе, отправляясь именно в лес, и часто всё увиденное там помогает ему преодолеть накопленную усталость и разочарование.

Но от чего же закрадывается в сердце человека эта безрадостность, когда, вроде бы, надо только жить да жить, до последней капли впитывая каждый отпущенный тебе день? Ведь в детстве чувство разочарования было так мимолётно, а теперь радость всё время приходится отстаивать, вернее, добираться до радости в себе приходится всё труднее и труднее, но когда, всё же, доберёшься до неё – она оказывается такая же чистая и трогательная, как в детстве.

Лишиться радостного удивления всем тем, что есть в этом мире, значит, потерять единственную и изначально дарованную возможность обрести правду жизни, а правда всегда требует неиссякаемой честности по отношению к существованию, неутомимого поиска сердечной радости в самом себе.

ШКУРА ОДНА, А ХАРАКТЕР РАЗНЫЙ

При общей схожести жизни, звери и птицы, между тем, значительно разнятся. Без назойливости, но настойчиво кычет в ночной чаще сова. Отрешённо, словно задумавшись, ходит по закраинам затянувшихся мелколесьем вырубок лось. Неотступно преследуя кого-то, пакостливо шляется по лесам росомаха. Медведь неторопливо ступает. Озорно метнётся

в высоких ветвях белка. Тронет по полю лёгким галопцем подобранный в себе от страха заяц. Понуро бредёт пробитой в глубоком снегу тропой нестигаемый волк. Крадучись, тянется под утро к деревенским задкам след рыскающей лисицы.

Всем им суждено, в близком соседстве, просуществовать свои неповторимые жизни, не отдаляясь и, в тоже время, не мешая друг другу своим присутствием. А человеку надлежит разгадать эту скрывающуюся под тёмным еловым пологом разнообразную звериную тайну. И действительно, кого из зверей ни возьми – всяк на особинку, со своим, ни с кем не имеющим сходства нравом.

Всем хорошо известный Михайло Потапыч, с виду, будто бы, как две капли воды похожий на другого косолапого, на деле – отличные друг от друга звери. Есть у медведя братья, да не свои!

Один отличается отвагой, другой – умом, этот, несмотря на природную силу, тугодум, а кто-то – не самого смелого десятка. У человека, говорят в народе, воля, у животного – побудка, но в медведе и ум, и нрав, и воля слиты в один глубинный лесной дух, и дух этот у всякого зверя проявляется на свой лад.

Страшным представляется могучий медведь, а и с ним случается великий испуг, если зверя потревожить неожиданно: поднять спящего на берлоге, или медведь натолкнётся на охотника, впопыхах выстрелившего в него, и тогда, в паническом бегстве, у него возникает острое кишечное расстройство – «медвежья болезнь». Робеть, опасаться и откровенно трусить свойственно и лесному исполину: кого страх хоть раз в жизни не обуял? Жить бывает страшнее, чем умереть.

Порой попадается мишук и вовсе кроткого нрава, одним словом, добряк. Можно даже сказать, обходителен без меры в обращении с окружающим его лесным миром: кто его таким придумал? Шкура, вроде бы, одна, а характер у всех медведей разный! У Бога, как известно, много всего.

Но и то правда, что в медведе, как ни странно, всё кажется соизмеримым: неуклюжесть – с неведомой силой, видимая недотёпость – с удивительной прозорливостью, обаятельное добродушие – с немилосердной мстительностью. Сочетание, на первый взгляд, противоречивых качеств – есть, на деле, суть зверя, и отгадать её очень не просто. Может быть, даже невозможно, в тоже время хорошо представляя себе медведя, его образ жизни и держа на памяти незабываемые встречи с этим удивительным зверем.

Мало того, эти противоречивые свойства присущи не всем медведям, каждому из них свойственна какая-то своя черта, не похожая на другого зверя. Иначе бы как мы могли судить обо всех этих качествах, что уживаются в медведе? Ведь не могут они принадлежать одному зверю, подобное выглядело бы неправдоподобно.

О чём это говорит? Конечно, о том, что медведи могут сильно разниться друг от друга, причём, не без участия человека, бесцеремонно вторгающегося

в дело природы, что, несомненно, нарушает жизнь зверей, и они теряют своё исконное лицо. У всякого косолапого, как не крути, свои козыри!

Один зверь оказывается по жизни доброжелательным недотёпой, его вполне удовлетворяет растительная пища, и он ведёт мирный образ жизни, а другой – являет собой разъярённого и кровожадного хищника. Причиной тому - многообразие природы, то, какая это неповторимая и непредсказуемая кладовая неизведанных богатств, полная неисчерпаемых возможностей для самих зверей, что в зависимости от места и условий обитания проживают непохожие друг на друга существования. Верно одно: всяк медведь на свой пошиб жизнь устраивает, ровно, как человек.

Вот какой-нибудь медведь, скажем, чёрно-бурой масти, слоняется неспешно по берегу таёжной реки в надежде, что подвернётся какое ни на есть пропитание, и дела ему нет ни до чего другого. Где камешек перевернёт, отыскивая под ним жуков и личинок, может приняться за рытьё сочных корней, произрастающих у самой воды, а то умудрится зацепить лапой зазевавшуюся на мели рыбёшку... Бывает и такое, что натолкнётся медведь на муравьиную кучу, устроенную мурашами неподалёку от реки, в укромной низинке, никогда не оставит без внимания осиное гнездо, лакомясь вкусными яичками. Весь интерес этого медведя – в еде, и ни о чём ином он не помышляет.

Натолкнись человек на спокойно идущего по своим делам медведя, зверь, скорее всего, поспешит ретироваться в кусты, только его куцый хвост и видели. Человек, должно быть, и сообразить ничего не успеет, поскольку с перепугу и сам не знает – куда деваться. Так часто бывает, когда человек с медведем в лесу, за сбором лакомой малины, неожиданно нос к носу столкнутся, а через мгновение, с треском через кусты, бегут в разные стороны.

Случается и такое, что медведь, завидев человека, на дыбы от неожиданности поднимается, пасть разинет, передние лапы, чуть свесив, прижмёт к груди, и, вроде как, на него столбняк находит: замрёт, как вкопанный, будто бы человека впервые в своей жизни встречает. Обнаружив перед собой вскинувшегося на задние лапы зверя, опешившего от столкновения с человеком, невольно и сам застынешь в какой-нибудь неподобающей позе, так что ничего не остаётся, как воскликнуть от удивления: «Кому на радость, а вам, Михайло Потапыч, на здоровьице»!

Немудрён, конечно, привет, а сердца покоряет, и медведь не ринется на тебя, сломя голову, только, для порядка, рявкнет себе под нос, прежде, чем убраться. Ведь по своим повадкам медведь не зря в лесу простофилей слывёт: нет в нём ни злобы, ни какой-то особой хитрости, как у лисицы, и ведёт он себя порой довольно беспечно.

Представьте себе, как ничем не занятый медведь бредёт по берегу такой же таёжной реки, и что у него на уме – мы про то не ведаем: зверь – он и есть зверь, да к тому же на сюрпризы горазд. По всему видать, наш медведь простоват, словом, характером не уворотлив, и думка о еде его, кажется, не

особо занимает. Не то забота, что много работы, а то забота, как её нет, и надобно зверю какие-нибудь усердные хлопоты себе непременно отыскать: в этом – суть косолапого!

И действительно, весь интерес сердобольного медведя оказывается нацелен на ... лодку, что совсем недавно вытащил на берег охотник, да и ушёл по делам. А лодка доверху заполнена свежей стружкой, что он приготовил для утепления охотничьей избы, и как раз эта самая стружка и привлекает более всего внимание зверя. Чего бы ему, казалось, с неё?!

Медведь, обнаружив в лодке ворох какого-то приятно пахнущего курчавого вещества, тут же запускает в него лапы и, ухватив целую охапку, принимается перетаскивать от реки к лесу. Идёт, чуть присев, как-то по-бабски переваливаясь из стороны в сторону, причём, проделывает это очень старательно, ни на что не отвлекаясь. Отнесёт одну порцию, свалит её у самой кромки леса, и спешит обратно, прихватывая стружек как можно больше.

При этом, время от времени, мотает головой, посапывает, будто разговаривает сам с собой, но не прекращает свою затею, пока не перетаскает все стружки. И разве может кто-нибудь из нас утвердительно ответить: зачем мишка это делает? Какая черта его характера вынудила медведя вести себя подобным образом? Уж явно – не злобность, и глупостью это называть тоже не хочется, предполагая в медведе, скорее, какую-то обаятельную склонность его звериного нрава, во многом схожего с поведением человека.

Какие-то медведи, как и другие звери - волк, лиса, рысь или росомаха, обычно сторонятся капканов. Их даже не привлекает соблазнительная привада: наученные горьким опытом, хотя бы однажды случившегося в их жизни, они предпочитают держаться от неё подальше. И всё-таки, именно представители медвежьего племени, те из них, что обладают особой смекалкой, несмотря на опасность, не гнушаются этой привадой.

Приблизившись к ней, медведь забрасывает в сторону предполагаемого капкана куски мха, земли и коряги, всякие подвернувшиеся под лапу гнилушки, добиваясь того, чтобы капкан захлопнулся, и спокойно разделяются с приготовленной человеком приманкой. На подобный фокус в зверином царстве оказываются способны только медведи, и то, далеко не все: самые выдающиеся! Такой медведь никогда не поведёт себя просто: десятью девять девяносто! Он ларчик откроет с присущим ему вывертом, а между тем – действует по-простому, без затей: не украл, просто взял. Святая простота!

Но при этом мы подивимся находчивости медведя, отметим про себя его своеобразный ум: такую изошрённую простоту Бог любит. Кабы не она – мишка давно бы пропал!

Бог создал медведя по образу и подобию, что не присущ никому, кроме самого медведя. По облику - зверь мохнатый, а по уму - бес косолапый! Таинственное существо, не поддающееся разгадке, что деревьями качает, а людьми, как вениками, трясёт. Рад медведь, что родная обитель его –

дремучий лес, где он как хочет, так и ворочит: дуги гнёт – не парит, а переломит – не тужит.

Словом, медведя под стать да под масть не подберёшь: образ зверя передать не легко. Порода медведя особая, и она тем быстрее будет понятна, чем чаще ты с ним в лесу одной дорожкой проследуешь, не уставая размышлять над его замысловатыми повадками, и уж только потом утвердишься, что медведь медведю – рознь. Не гляди, как говорится, на морду, а гляди на обычай: у медведя их не счесть, тогда как шкура одна!

СТРАННАЯ ПТИЦА

Золотистые глаза цапли кажутся недобрыми, и наблюдение за ней почему-то не доставляет особого удовольствия. При приближении человека цапля лениво взмахивает крыльями, и неторопливо перелетает на другое место.

Обычно она присаживается на макушку ели, замирая там изогнутым крупным силуэтом, и ты порой подолгу гадаешь: кто бы это мог быть? Разобрав же, разочарованно шагаешь дальше, и вскоре забываешь о существовании странной птицы, что живёт у воды, а гнёзда устраивает на вершинах высоких деревьев.

Гнёзда у цапли получаются широкие, сплетённые из толстых прутьев, и всегда располагаются в раскидистой развилке сосны, ели или берёзы, чтобы разместить в нём полдюжины своих колченогих неповоротливых птенцов. Цапля не любит какого-либо соседства, и, может быть, именно поэтому выбирает высокие деревья.

Однообразие дороги вскоре вынуждает вернуться в своих мыслях к цапле, и странной начинает представляться не сама птица, а то, почему её существование тебя не занимает. Странная птица чем-то будто отталкивает от себя, и хоть живёт всегда неподалёку от деревни, и часто попадает на глаза, но ничем не привлекает.

Её нередко можно увидеть на берегу лесной речки, неподвижно замершей в камышах. Птица терпеливо высматривает свою добычу, затем – неуловимый удар, и извивающийся уж у неё в клюве. Цепко цедит свою цель царственная цапля – цап!

ЗВЕРИНАЯ СВАДЬБА

От какого-либо, пока не встреченного, зрелища в лесу порой отделяет совсем несущественная мелочь, несмотря на то, что шёл ты к нему не один год. Кто-нибудь, случайно опередив тебя, к глубокому твоему сожалению, вспугнёт зверей, которых ты вот-вот должен застать за чем-то интересным, и, кажется, ничто уже не в силах помочь.

Но благодаря оставшимся на снегу следам можно без особого труда прочесть произошедшие недавно события, и ясно представить упущенную

лесную картинку. Например, о том, как однажды лосиха с лосем вознамерились в потаённом осиновом уединении продлить свой род, и всё у них для этого было: и небольшая укромная полянка, и тихое октябрьское утро с ласково струящимся над землёй светом, и неизменное по осени желание зверей быть вместе.

Первый мягкий снежок, выпавший за ночь, осел и придавил слежавшуюся листву, отчего идти было легко и приятно. Что-то неясное несло меня сюда, в места, где я давно уже не был, и очень радостно переживалась возможность снова всё увидеть, но уже по-другому, так, как никогда ещё не удавалось. Прозрачные крупные капли от растаявшего снега застыли на мокрых ветках, изредка лесную тишину пронизывало тонкое пересвистывание рябчиков, и хотелось верить, что за следующим поворотом просеки обязательно встретится нечто удивительное и неразгаданное.

И вот, впереди вдруг залаяла собака – отчаянно, заливисто, явно натолкнувшись на нечто неожиданное для себя и, похоже, сильно распылившее её. Лай быстро удалялся, уходил вниз к реке, и это означало, что собака кого-то подняла и гонит. Когда зверь оказывается один, собака обычно держит его на месте, не давая уйти, но вот если она кого-то погнала, тут может быть что угодно.

Судя по расстоянию, откуда доносился возбуждённый собачий лай, я опоздал к месту развернувшихся событий на каких-нибудь семь-восемь минут. Пройдя до этого с десятков километров и, как будто догадываясь, что тебя может ждать здесь ещё невиданное зрелище, неприятно было испытать неудачу. А лай всё удалялся, и вскоре совсем затих.

Через некоторое время я вышел на открытое место. Это было пересечение двух просек, где весь снег оказался изрытым лосиными копытами. Сначала я подумал, что здесь недавно произошло сражение двух быков, тогда как самка держалась где-то рядом в ожидании победителя. Но внимательно рассмотрев место предполагаемой битвы, я не обнаружил следов крови и обратил внимание на то, что одни отпечатки следов округлые и широкие, а другие узкие и вытянутые.

Чуть поодаль, там, где снег был почти не тронут, следы расходились в разные стороны... Стало ясно: чья-то собака просто разогнала зверей, не дав продлиться самой поздней в лесу любви, что протекает у лосей осенью. Пришёл не зван, и ощущаешь, будто и сам изгнан, но разве за богатством я гнался? Мне хотелось соприкоснуться с чем-то неизведанным!

Долго я стоял, представляя, как здесь всё происходило... Лось неспешно подбежал к лосихе и замер рядом, величественно повернув рогатую голову, а она слегка коснулась мордой его щеки, положила свою голову ему на шею, и так они стояли какое-то время, чувствуя, как гулко ударяются их возбуждённые сердца, и ничего не предпринимали. Им, наверное, было радостно оказаться этим утром вместе, вбирая всем своим существом расстилающийся над землёй запах первого снега, а мне стало до боли жаль, что зверей вспугнули, и они, быть может, больше никогда не встретятся.

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

В конце февраля возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга. Им, после свадебных боёв, остаётся самый матёрый. Каждый волк, в меру сил и возможностей, старается отстоять собственную волю и свободу выбора.

Волк понимает: только добившись победы, он доводит права победителя до логического конца. Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа, и когда он настанет, так же надёжно, не теряя выдержки и достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не теряют права быть свободными, сильными и независимыми, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободен. Свобода не даёт ему удовлетворения и покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он, отказываясь от неё, старается поскорее найти более лёгкий путь следования. При этом человек ещё посягает на свободу других людей, не имея на то никакого права.

Жизнь обитателей леса более гармонична, нежели жизнь многих людей, потому как является самым обыденным проявлением подлинности всего сущего. В отсутствие извращённого разума, то есть разума с расчётом, животные живут, конечно, суровее, но значительно проще и надёжнее человека, а боль у них присутствует лишь в той мере, в какой её не достаёт для поддержания жизни.

САМОЕ ДУШИСТОЕ ДЕРЕВО

Не на шутку может растревожить сердце, по весне, душистая черёмуха... Разухабистая и белопенная, всего в ней в достатке, а больше - приворотного дурманящего зелья, от которого голова идёт кругом. Упаси Бог напиться её красой в волю – навек тогда в душе своей заплутаешь: так говорят знающие люди.

Но как не вострепётся сердце при виде зацветающей черёмухи! Ни невеста уже, а вся в белом. Неимоверной чистотой окрыляют её тонкие кружева. Раньше всех других деревьев расцветает черёмуха, но делает это не спеша, как будто желая убедиться: не опередил ли кто её в наряде?

А уж причёскою и вовсе нет ей ровни: распустит свои пышные пряди – будто одеколоном обдаст! Манит тебя самое душистое дерево с головой окунуться в свои ароматные кудри и насладиться белым пьянящим теплом. Так пахнет только она, черёмуха, но описать её чудесный аромат невозможно.

ЖИЗНЬ ДЛИНОЮ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Сколько интересно, нужно осуществить человеку в жизни полезного, чтобы полностью отработать и оправдать пребывание на земле? Чем определяется этот долг? Какими делами и знанием? Что должна представлять из себя его жизнь: с одной стороны – обыкновенная, а с другой – возвышенная?!

Наверное, на это уходит несколько его жизней, которые вмещаются в одну, вечную, дарованную ему Существованием, и, понимая это, всё предстоящее уже не видится человеку таким неосуществимым. Ему лишь следует правильно распорядиться этой своей единственной, длиною в бесконечность, жизнью: дорогой, неповторимой, и обязательно радостной и счастливой.

Счастье – когда найдёшь в жизни для себя самое важное. Вот это важное и следует, несмотря ни на что, осуществить. Если ты не справишься с возложенным на тебя Вселенной долгом, то придётся вновь насладиться восхитительной несправедливостью этой земной жизни в лице другого человека, только с меньшими возможностями. Может быть даже – в облике волка, папоротника или чудесной красногрудой чечевицы, обретая недостающее знание и переживая не менее интересные открытия на пути постижения Бога.

ТАИНСТВЕННАЯ ПТИЦА

Как-то раз, ближе к вечеру, подглядел я в лесу загадочную птицу...

Птица сидела на вершине ели и издавала странные, не слышанные мною раньше звуки. Чуть подаваясь вперёд и осторожно отодвигая крылья от туловища, она как будто хрипела в себя, причём, очень ровно и долго, а в следующий миг раздавался утробный клёкот, и крылья её делали небольшой взмах, с замиранием звука возвращаясь в прежнее положение. Птица околдовывала таким необычным поведением, и хотелось идти на этот kloкочущий голос, ни о чём не думая и просто наслаждаясь её диковинным присутствием.

Прodelав порядка двух десятков необычных возгласов, птица сорвалась и улетела, а разбуженные верхушки елей скрыли её тревожащий полёт. Размером она была чуть ли не с доброго глухаря, тело вытянутое... Оперение же - тёмное, гладкое, и ещё какое-то неопределённое, разглядеть его более тщательно тогда не представлялось возможным из-за морозной туманной дымки, повисшей над лесом.

Позже я убедился, что это был ворон. Птица, как утверждают народные поверья, наделённая таинственной способностью перевоплощаться. Тайна перевоплощения заключается в её изобретательности: она не только безукоризненно копирует поведение и возгласы других птиц, зверей, поскрипывание старого дерева или завывание ветра, но и придумывает нечто

не существующее, ранее не слыханное. Отчего-то ей необходимо вести себя таким загадочным образом, и тайна птицы зачаровывает. Принято думать, что ворон даже понимает речь человека, тем более, легко разгадывая его думы.

Ворон в лесном мире – само воплощение его древности и тайны, той глубины, которая незаметно уводит за собой и часто даже убивает. Верно хранит ворон лесную тайну, лишь изредка вскрикивая, не в силах сдерживать себя, но, спохватившись, опять замолкает. Тайные помыслы леса ведомы, наверное, и волку, и медведю, и старому лисовину, но только ворону подвластно владеть ими в полной мере, и иногда напоминать о них всем. Распахнув мощные чёрные крылья, ворон будто приоткрывает свою связь с таинственными силами, на миг овеивая скрытой в себе темнотой.

Сразу чувствуется, что ворон – серьёзная птица... Не в пример нашей вездесущей вороне, у него даже свой подклювный мешок имеется. Ворона, своровав оставленные человеком монетки, зеркала или пуговицы, утаскивает их в гнездо, а ворон прячет все доставшиеся ему драгоценности в свой потаённый кармашек. Потом вырывает где-нибудь ямку, аккуратно закапывает, и маскирует пучком травы или листочками. Может поэтому обыкновенные серые вороны не любят ворона, что он ведёт жизнь на особинку, и держится всегда в одиночку.

Зорко вглядывается ворон в окружающую жизнь, ничто не проходит мимо его внимания, но никогда не тяготит это пристальное присутствие необычной птицы. Всё замечает ворон, сам оставаясь невидимым, а показавшись, зачем-то перевоплощается. Чтобы, наверное, не переставали им восхищаться, постоянно думали о нём, удивлялись и немножко побаивались.

Ворон несёт в себе эту удивительную возможность перевоплощения и никому не открывает своего древнего знания, то и дело наполняя лес чудесами. Благодаря долгой птичьей памяти чудеса нежданно выплывают по её пытливым, сокровенным волнам из глухой непостижимой старины, и лес как будто оживает в такие моменты, возвращаясь к временам своей далёкой молодости. Может быть, именно поэтому я тогда и не разглядел эту таинственную птицу, а только засмотрелся на неё, позабыв обо всём?!

ХОТЯ БЫ РАЗ В ЖИЗНИ

Как бы хотелось однажды остановить время, войти в лес и прожить в нём целую вечность: волком, совой, медведем, глухарём, цаплей, барсуком и лисицей, лосем, кабаном, яркой сыроежкой, молчаливым рогозом, светлой берёзкой, могучим дубом и старым лысым пнём... Ещё, пожалуй, скромной медуницей, вольным канюком и неустрашимым ёжиком, вкрадчиво ступающей красавицей-рысью, стремительной белкой, безжалостной росوماхой и сторожкой лаской, белоснежным лебедем, выдрой, пахучим мхом, вересковым диким мёдом, потаённым чистым ручейком, весёлым роём пленительных звёзд, переливающихся в морозном небе.

Сколько же их – замечательных и неповторимых, трогательных и до отчаяния смелых, божественно прекрасных и неуловимых, до невероятного чутких, пронизательных и неутомимых существ, готовых в миг преобразиться, стать невообразимо выносливыми, или тотчас пожертвовать собой ради своих детёнышей, не страшась никакой напасти, а жаждущих только свободы! При этом – неукоснительно утверждающих свою непреклонную звериную волю, во всём, в любой мелочи, что касается глубинной лесной жизни.

И разве можно в ней обойтись без роскошных луговых цветов, богатства грибного царства, замшелых болот и потаённых буераков, сокровенных птичьих гнёзд и переливчатых трелей их восторженных хозяев? А разве забыть плеяду легкокрылых неведомых насекомых, таинственных, словно пришедших из сказки?

И все они – эти звери и птицы, вековые деревья-великаны и молодые рощи, диковинные растения и еле уловимые перламутровые стрекозы абсолютно безоговорочно преданы своему лесному богу, ОТЦУ-ЛЕСУ, к коему взывают своими неповторимыми жизнями, чтобы Он их любил и оберегал. И ЛЕС, действительно, оберегает этот чудный трепетный мир, куда хочется попасть и тебе, чтобы быть там своим... Но зачем?!

Разве не лучше, при возможности представлять себя кем угодно, оставаться человеком! Научился бы я, как волк, рысь или медведь, тайнам звериной жизни, умению красться зверем, парить вольной птицей или оранжевым перевёртышем-листом, неслышно опускаясь на такую же яркую сыроежку, не узнал бы уже никогда сладости постижения в себе божественного духа. Но как заманчиво, хотя бы раз в жизни, всё-таки слиться с первозданной лесной чащей, стать в ней, действительно, своим, и прожить в этом таинственном мире такую же таинственную, ни на что не похожую прекрасную жизнь, захватившую тебя своей дикостью и свободой!

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Мир живой природы всегда неудержимо манил к себе человека, и, тем не менее, это не мешало ему убивать своих меньших братьев. Происходило это часто для того, чтобы выгоднее продать роскошную звериную шкурку, использовать дичь в качестве пищи с целью поддержать свою жизнь, или по той известной для каждого охотника пустой причине, когда из-под ног нежданно взмывает что-то трепетное и шумное, бросаясь впопыхах наутёк, и тебе зачем-то непременно надлежит остановить его выстрелом.

Всё это будоражит память и сердце охотника, и он не в силах удержать неумолимо вспыхивающего желания насладиться молниеносным подчинением себе дикой, неведомой природы, когда лесная глушь, кажется, отступает, и ты с колотящимся сердцем бежишь сквозь кусты, не чувствуя ничего, кроме жажды овладения зверем или птицей, а многообещающие тайны леса при этом всё-таки ускользают от тебя неразрешёнными.

Но на деле всё обстояло гораздо сложнее: в тайниках мятущегося сознания самого человека витало нечто негаданное и дремотное. Человека, скорее, тревожила его собственная дикая природа, тот зверь, что всегда находился у него в душе, или, быть может, в голове.

Человеку важно было приблизить к себе животное, даже ценой его умерщвления, как будто это могло что-то разъяснить для него. Ему думалось, что достигнув близости с этим животным, он, наконец, преодолеет не дающий покоя разрыв между незнанием и истиной. Но, ощутив тепло уходящей жизни на ощупь, почувствовав приятную упругость отяжелевшей тушки, человек понимал, в который раз совершая грехопадение: мучившая его тайна вновь остаётся неразгаданной.

Так, овеванные обаянием таинственной лесной жизни и многочисленных русских сказаний, звери когда-то были обречены на незаслуженное и жестокое выбивание. Это обаяние остаётся так велико, что покрывает собой как уже давно совершённые преступления, так и совершающиеся по сей день, а также любые доводы в пользу охоты и рационального отстрела многих птиц и животных.

Человек бывает полностью захвачен красотой зверя, желанием непременно удовлетворить свою охотничью страсть, если не преодолел в себе этот с первобытных времён присутствующий в нём неудержимый порыв. Если не обрёл знание, что непозволительно убивать зверя только потому, что он неподражаемо прекрасен и загадочен. Зверь не виноват в этом, и существует сам по себе, он не принадлежит никому.

Человек должен понять, что птица в руках - ещё не есть обладание её природой, зверь в клетке — это пустота и не затихающая неудовлетворённость от совершённого предательства по отношению к нему. Только свободное общение с обитателями леса позволительно под его таинственным пологом. В противном случае человеку никогда не суждено ощутить красоту и радость собственной жизни.

Быть человеком — это, значит, в полной мере осознавать истинную свободу существования на земле: не посягая на свободу других, уметь сохранить свою собственную, не забывая, что в основе обе неотделимы друг от друга. Лес же, порядком напуганный, но не покорённый, остаётся человеку непререкаемым укором в его бездумном стремлении свести эту неповторимую жизнь, когда и Богу нечего будет взять.

Оглавление

ПРО ЧУДЕСА И ТАЙНЫ.....	2
УГОЖЕЕ ПОМЕСТЬЕ	29
ЗНАМЕНΙΑ	47
ОТЕЦ-ЛЕС.....	59
ДЕРЕВА	65
САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДЕНЬ.....	71
ОДИНОЧЕСТВО.....	72
ПЕРЕЛЕСКИ	76
СВОЯ ВЕСНА	81
СОЛНЦЕ В ДУШЕ	83
ШЕЛЕСТ ЖИЗНИ.....	83
ВОЛЧЬЕ ЛЫКО	86
РОДНИЧОК.....	90
ВОЙДЯ В МОРОЗНЫЙ, ЗИМНИЙ ЛЕС... ..	94
ПОД РОЖДЕСТВО	98
СИНИЙ ВЕЧЕР	99
ФЕВРАЛЬ-БОКОГРЕЙ	104
БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА	112
ВЕСЕННИМ ДНЁМ	118
ПЕРВЫЙ ТОК.....	121
ЖИЗНЬ В ЛЕСУ.....	125
КОСТЁР ЖИЗНИ.....	128
ЛЕСНОЙ БОГ.....	132
ПРЕДВКУШЕНИЕ ТАЙНЫ.....	138
ЧЕРНИКА	140
АВГУСТОВСКИЙ ЛЕС	142
ПОСОРКА	146
РАЗ СТОРОЖКА, ДВА СТОРОЖКА... ..	150
ОСЕННЯЯ ЛУНА	163
ЭТОТ ВЕТЕР.....	165
«КРАСНАЯ ГОРКА».....	172
ВЕСЕННИЕ ШАРМАНКИ	178
НОЧНОЙ ПЕРЕПОЛОХ	187
МОЁ ТРЕПЕЩУЩЕЕ КРЫЛЫШКАМИ СЕРДЦЕ	192
ЛИСТОПАД	201